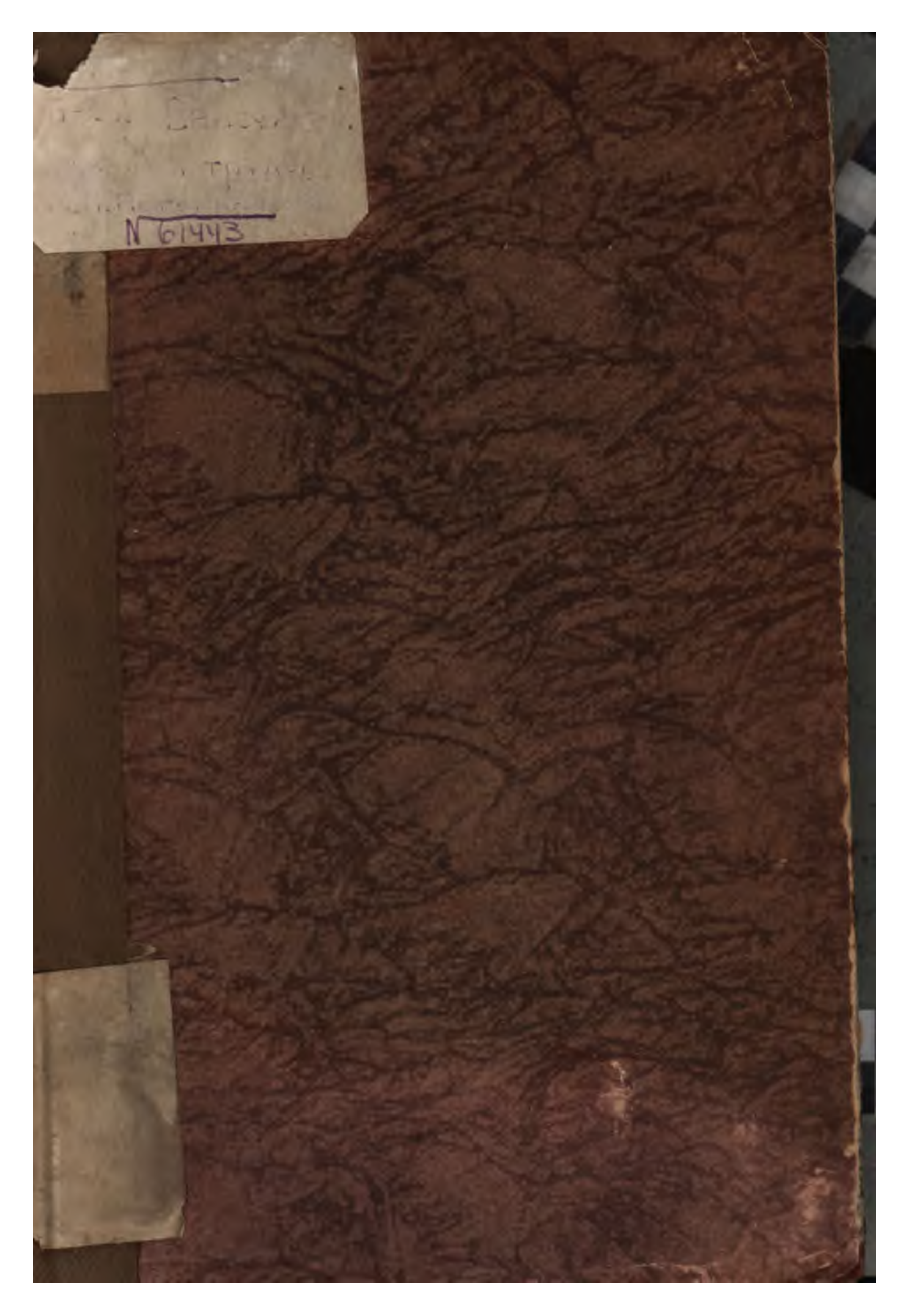
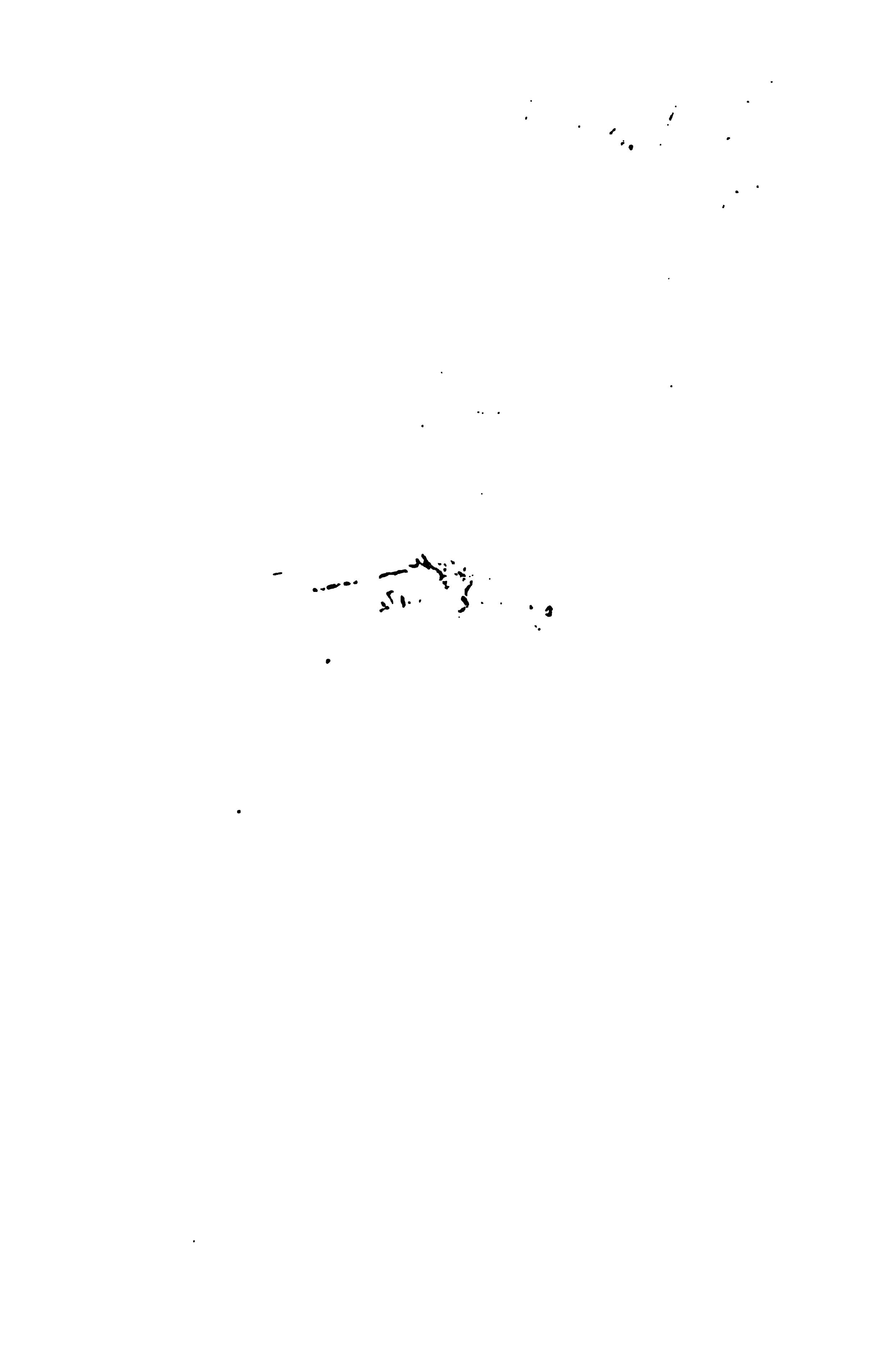

N 61443

٥

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА

Дни минувшіе и рѣчи
Ужь замолкшія давно.
Князь Вяземскій.

Былое въ сердцѣ воскреси
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ

И я не будущимъ, а прошлымъ оживленъ!
В. Истоминъ.

«Не извращай описанія событій. Побѣду изображай какъ побѣду, а пораженіе описывай какъ пораженіе».
(Наказъ Персидскаго Государя Наср-эддинъ-шаха Исторіографу Риза-кули-хану).

«Цари и вельможи! Покровительствуйте Музамъ: онѣ благодарны».
Погодинъ.

«Пою... донделе есмь».

Николая Барсукова

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича. В. О., 5 л., 28
1903

3226

ПАМЯТИ

Дмитрія Сергѣевича

СИПЯГИНА

посвящается книга сія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН

СТРАН.

I.

Погодинъ, въ своихъ *Современныхъ Замѣткахъ*, заявилъ, что „въ виду горячаго времени, когда Русская мысль встрепенулась“, онъ свой день раздѣлилъ на двѣ части: первая „оставляется за стариною, вторая отдается новинамъ“, и тутъ же прибавилъ, что „проживъ долго, продумавъ много, насмотрѣвшись, наслушавшись всякой всячины, слѣдя за газетами, можетъ быть и успѣю я замѣтить что-нибудь полезное, особенно въ той области, въ коей обращалась вся жизнь моя, то-есть, ученой и учебной“ [1]).

Въ то время университетскія неурядицы побуждали Правительство приступить къ университетской реформѣ. Хотя къ Погодину и никто не обращался за совѣтами по этому дѣлу, но онъ самъ, по внутренней потребности, не оставался глухъ и нѣмъ въ этомъ важномъ дѣлѣ.

Преемникомъ А. Н. Бахметева, попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа былъ назначенъ Николай Васильевичъ Исаковъ. Никитенко, въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 29 января 1859 года, записалъ: „Назначенный въ Москву попечителемъ, Н. В. Исаковъ, объяснялся съ государемъ, желая узнать, какому направленію онъ долженъ слѣдовать, особенно въ цензурѣ.

— Я убѣжденъ, сказалъ Исаковъ, что гласность необходима.

— „И я тоже, отвѣчалъ государь, только у насъ дурное направленіе“ [2]).

Замѣтимъ здѣсь кстати, что мѣсто попечителя Московскаго желалъ занять П. А. Валуевъ. Въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 4 декабря 1858 года, онъ записалъ: „Вечеромъ у великой княгини Елены Павловны, подъ фирмою княжны Львовой. На вечерѣ присутствовали государь и императрица. Мухановъ говорилъ мнѣ, что знаетъ навѣрно, что государь имѣетъ меня въ виду для какого-то высшаго назначенія и такъ кому-то отзывался. Вѣроятно, въ разговорѣ съ Ковалевскимъ, который предлагалъ меня въ попечители Московскаго Университета“ [3]).

О новомъ Московскомъ попечителѣ, П. А. Плетневъ (13 февраля 1859 г.) писалъ къ князю П. А. Вяземскому: „Генералъ Исаковъ, новый Московскій попечитель, скоро туда отправится. До сихъ поръ онъ готовился къ своей должности. посѣщая въ Петербургѣ Университетъ и гимназіи. Въ помощники себѣ, какъ слышно, онъ выбралъ Ѳ. П. Корнилова, служившаго въ Канцеляріи графа Закревскаго. Графъ Уваровъ, послѣ женитьбы на княжнѣ Щербатовой, вышелъ въ отставку и ѣдетъ за границу“ [4]).

Хотя къ Погодину, какъ мы уже сказали, и никто не обращался за совѣтами по университетской реформѣ, но онъ самъ, во исполненіе „гражданскаго долга“, отозвался по этому важному дѣлу.

Вотъ, что мы читаемъ въ *Дневникѣ* Погодина 1859 года:

Подъ *6 января*: „Къ Крылову. Объ Университетѣ“.

— *7* —: „Вечеръ у Иноземцева и толковали о философіи, объ Университетѣ. Нѣтъ, онъ старѣетъ“.

— *14* —: „Обѣдъ студентовъ, гдѣ, между прочимъ, Катковъ предложилъ здоровье Строганова... Грустное впечатлѣніе“.

— *1 февраля*: „Лешковъ и Бѣляевъ объ университетскихъ происшествіяхъ. Неурядица“.

— *6* —: „Съ Бѣляевымъ объ Университетѣ“.

— *20 августа*: „Думалъ объ университетахъ Московскомъ и Казанскомъ“.

— *21* —: „Бѣляевъ объ Университетѣ“.

— *25* —: „Вечеромъ профессора. Объ Университетѣ и досадилъ Крыловъ. Гадко“.

— *26 сентября*: „У Давыдова объ Университетѣ“.

—*12 октября*: „Къ попечителю. Объ его отцѣ и проч. потомъ о цензурѣ и Университетѣ. Кажется, очень порядочный человѣкъ“.

— *11 ноября* (день рожденія Погодина): „Вечеромъ профессора: объ университетскихъ исторіяхъ“.

— *13* —: „Мысль написать Блудову или Долгорукову объ университетахъ, но отдумалось“.

— *5 декабря*: „Слухъ о неурядицѣ университетской“.

Еще въ 1858 году, Погодину вздумалось написать къ Н. И. Пирогову *Педагогическія письма*, въ которыхъ предлагалъ завести въ университетахъ студенческія бесѣды. Письма эти Погодинъ хотѣлъ напечатать въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, но цензура не дозволила.

Поводомъ къ этимъ письмамъ была статья профессора Кіевскаго Университета Н. Х. Бунге: *О современномъ направленіи Русскихъ университетовъ и о потребностяхъ высшаго образованія*. Статья эта была напечатана въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1858 года.

Н. Х. Бунге, основываясь преимущественно на сочиненіи Іенскаго профессора Фишера, думалъ, что учрежденіе частныхъ практическихъ семинарій или институтовъ можетъ много помочь университетскому преподаванію наукъ государственныхъ.

Бунге писалъ: „Изученіе государственныхъ наукъ въ университетахъ представляетъ три главные недостатка: во-первыхъ, большая часть учащихся ограничивается поверхностнымъ обозрѣніемъ предметовъ, не соотвѣтствующимъ требованіямъ практики; во-вторыхъ, лекціи не возбуждаютъ въ достаточной степени къ самодѣятельности; въ-третьихъ, домашнія занятія не составляютъ общаго правила, очень ограниченны и лишены плана. Эти недостатки, говоритъ Фишеръ, могутъ быть отвращены только упражненіями, связанными

Замѣтимъ здѣсь кстати, что мѣсто попечителя Московскаго желалъ занять П. А. Валуевъ. Въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 4 декабря 1858 года, онъ записалъ: „Вечеромъ у великой княгини Елены Павловны, подъ фирмою княжны Львовой. На вечерѣ присутствовали государь и императрица. Мухановъ говорилъ мнѣ, что знаетъ навѣрно, что государь имѣетъ меня въ виду для какого-то высшаго назначенія и такъ кому-то отзывался. Вѣроятно, въ разговорѣ съ Ковалевскимъ, который предлагалъ меня въ попечители Московскаго Университета“ [3]).

О новомъ Московскомъ попечителѣ, П. А. Плетневъ (13 февраля 1859 г.) писалъ къ князю П. А. Вяземскому: „Генералъ Исаковъ, новый Московскій попечитель, скоро туда отправится. До сихъ поръ онъ готовился къ своей должности. посѣщая въ Петербургѣ Университетъ и гимназіи. Въ помощники себѣ, какъ слышно, онъ выбралъ Ѳ. П. Корнилова, служившаго въ Канцеляріи графа Закревскаго. Графъ Уваровъ, послѣ женитьбы на княжнѣ Щербатовой, вышелъ въ отставку и ѣдетъ за границу“ [4]).

Хотя къ Погодину, какъ мы уже сказали, и никто не обращался за совѣтами по университетской реформѣ, но онъ самъ, во исполненіе „гражданскаго долга“, отозвался по этому важному дѣлу.

Вотъ, что мы читаемъ въ *Дневникѣ* Погодина 1859 года:

Подъ *6 января*: „Къ Крылову. Объ Университетѣ“.

— *7* —: „Вечеръ у Иноземцева и толковали о философіи, объ Университетѣ. Нѣтъ, онъ старѣетъ“.

— *14* —: „Обѣдъ студентовъ, гдѣ, между прочимъ, Катковъ предложилъ здоровье Строганова... Грустное впечатлѣніе“.

— *1 февраля*: „Лешковъ и Бѣляевъ объ университетскихъ происшествіяхъ. Неурядица“.

— *6* —: „Съ Бѣляевымъ объ Университетѣ“.

— *20 августа*: „Думалъ объ университетахъ Московскомъ и Казанскомъ“.

— *21* —: „Бѣляевъ объ Университетѣ“.

— *25* —: „Вечеромъ профессора. Объ Университетѣ и досадилъ Крыловъ. Гадко“.

— *26 сентября*: „У Давыдова объ Университетѣ“.

—*12 октября*: „Къ попечителю. Объ его отцѣ и проч. потомъ о цензурѣ и Университетѣ. Кажется, очень порядочный человѣкъ“.

— *11 ноября* (день рожденія Погодина): „Вечеромъ профессора: объ университетскихъ исторіяхъ“.

— *13* —: „Мысль написать Блудову или Долгорукову объ университетахъ, но отдумалось“.

— *5 декабря*: „Слухъ о неурядицѣ университетской“.

Еще въ 1858 году, Погодину вздумалось написать къ Н. И. Пирогову *Педагогическія письма*, въ которыхъ предлагалъ завести въ университетахъ студенческія бесѣды. Письма эти Погодинъ хотѣлъ напечатать въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, но цензура не дозволила.

Поводомъ къ этимъ письмамъ была статья профессора Кіевскаго Университета Н. Х. Бунге: *О современномъ направленіи Русскихъ университетовъ и о потребностяхъ высшаго образованія*. Статья эта была напечатана въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1858 года.

Н. Х. Бунге, основываясь преимущественно на сочиненіи Іенскаго профессора Фишера, думалъ, что учрежденіе частныхъ практическихъ семинарій или институтовъ можетъ много помочь университетскому преподаванію наукъ государственныхъ.

Бунге писалъ: „Изученіе государственныхъ наукъ въ университетахъ представляетъ три главные недостатка: вопервыхъ, большая часть учащихся ограничивается поверхностнымъ обозрѣніемъ предметовъ, не соотвѣтствующимъ требованіямъ практики; во-вторыхъ, лекціи не возбуждаютъ въ достаточной степени къ самодѣятельности; въ-третьихъ, домашнія занятія не составляютъ общаго правила, очень ограниченны и лишены плана. Эти недостатки, говоритъ Фишеръ, могутъ быть отвращены только упражненіями, связанными

Замѣтимъ здѣсь встати, что мѣсто попечителя Москов скаго желалъ занять П. А. Валуевъ. Въ *Дневникѣ* своемъ подъ 4 декабря 1858 года, онъ записалъ: „Вечеромъ у великой княгини Елены Павловны, подъ фирмою княжны Львовой. На вечерѣ присутствовали государь и императрица Мухановъ говорилъ мнѣ, что знаетъ навѣрно, что государь имѣетъ меня въ виду для какого-то высшаго назначенія и такъ кому-то отзывался. Вѣроятно, въ разговорѣ съ Ковалевскимъ, который предлагалъ меня въ попечители Московскаго Университета“ [3]).

О новомъ Московскомъ попечителѣ, П. А. Плетневъ (13 февраля 1859 г.) писалъ къ князю П. А. Вяземскому „Генералъ Исаковъ, новый Московскій попечитель, скоро туда отправится. До сихъ поръ онъ готовился къ своей должности посѣщая въ Петербургѣ Университетъ и гимназіи. Въ помощники себѣ, какъ слышно, онъ выбралъ Ѳ. П. Корнилова, служившаго въ Канцеляріи графа Закревскаго. Графъ Уваровъ послѣ женитьбы на княжнѣ Щербатовой, вышелъ въ отставку и ѣдетъ за границу“ [4]).

Хотя къ Погодину, какъ мы уже сказали, и никто не обращался за совѣтами по университетской реформѣ, но онъ самъ, во исполненіе „гражданскаго долга“, отозвался по этому важному дѣлу.

Вотъ, что мы читаемъ въ *Дневникѣ* Погодина 1859 года Подъ *6 января*: „Къ Крылову. Объ Университетѣ“.

— *7* —: „Вечеръ у Иноземцева и толковали о философіи, объ Университетѣ. Нѣтъ, онъ старѣетъ“.

— *14* —: „Обѣдъ студентовъ, гдѣ, между прочимъ, Катковъ предложилъ здоровье Строганова... Грустное впечатлѣніе“.

— *1 февраля*: „Лешковъ и Бѣляевъ объ университетскихъ происшествіяхъ. Неурядица“.

— *6* —: „Съ Бѣляевымъ объ Университетѣ“.

— *20 августа*: „Думалъ объ университетахъ Московскомъ и Казанскомъ“.

— *21* —: „Бѣляевъ объ Университетѣ“.

— *25* —: „Вечеромъ профессора. Объ Университетѣ и досадилъ Крыловъ. Гадко“.

— *26 сентября*: „У Давыдова объ Университетѣ“.

—*12 октября*: „Къ попечителю. Объ его отцѣ и проч. потомъ о цензурѣ и Университетѣ. Кажется, очень порядочный человѣкъ“.

— *11 ноября* (день рожденія Погодина): „Вечеромъ профессора: объ университетскихъ исторіяхъ“.

— *13* —: „Мысль написать Блудову или Долгорукову объ университетахъ, но отдумалось“.

— *5 декабря*: „Слухъ о неурядицѣ университетской“.

Еще въ 1858 году, Погодину вздумалось написать къ Н. И. Пирогову *Педагогическія письма*, въ которыхъ предлагалъ завести въ университетахъ студенческія бесѣды. Письма эти Погодинъ хотѣлъ напечатать въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, но цензура не дозволила.

Поводомъ къ этимъ письмамъ была статья профессора Кіевскаго Университета Н. Х. Бунге: *О современномъ направленіи Русскихъ университетовъ и о потребностяхъ высшаго образованія*. Статья эта была напечатана въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1858 года.

Н. Х. Бунге, основываясь преимущественно на сочиненіи Іенскаго профессора Фишера, думалъ, что учрежденіе частныхъ практическихъ семинарій или институтовъ можетъ много помочь университетскому преподаванію наукъ государственныхъ.

Бунге писалъ: „Изученіе государственныхъ наукъ въ университетахъ представляетъ три главные недостатка: во-первыхъ, большая часть учащихся ограничивается поверхностнымъ обозрѣніемъ предметовъ, не соотвѣтствующимъ требованіямъ практики; во-вторыхъ, лекціи не возбуждаютъ въ достаточной степени къ самодѣятельности; въ-третьихъ, домашнія занятія не составляютъ общаго правила, очень ограниченны и лишены плана. Эти недостатки, говоритъ Фишеръ, могутъ быть отвращены только упражненіями, связанными

съ преподаваніемъ. При этомъ главная цѣль должна состоять въ томъ, чтобы вызвать въ молодыхъ людяхъ, ознакомившихся съ началами государственныхъ наукъ, охоту къ болѣе глубокому изученію отдѣловъ, наиболѣе важныхъ въ практикѣ, возбудить въ учащихся самодѣятельность и приготовить ихъ разносторонними занятіями къ переходу отъ науки къ общественной дѣятельности. Планъ, предложенный Фишеромъ, состоитъ въ слѣдующемъ: одинъ или двое изъ профессоровъ (но не болѣе), преподающихъ государственное право, политическую экономію, благоустройство, финансы и статистику, принимаютъ на себя, въ качествѣ директоровъ института, обязанность руководить упражненіями студентовъ какъ юридическаго, такъ и камеральнаго факультетовъ. Студенты поступаютъ въ институтъ добровольно: но отъ нихъ требуется, чтобы они выслушали уже курсы государственнаго права и политической экономіи, такъ какъ эти науки составляютъ основаніе при изученіи благоустройства или финансовъ. Для занятій назначаются двѣ двухчасовыя лекціи въ недѣлю. Предметомъ упражненій на каждое полугодіе избирается одинъ какой-нибудь отдѣлъ науки, имѣющій наибольшее практическое значеніе и представляющій особыя теоретическія трудности. Послѣднія могутъ состоять или въ примѣненіи общихъ началъ, или въ знаніи наукъ вспомогательныхъ, исторіи и статистики, или въ разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ, или наконецъ, въ связи задачи съ различными отраслями государствовѣдѣнія".

Вотъ эти-то строки и побудили Погодина написать къ Н. И. Пирогову слѣдующее: „Все, что говорятъ почтенные профессоры объ этомъ институтѣ, вѣрно, дѣльно, полезно и въ высшей степени для насъ нужно. Нѣкоторыя слишкомъ Нѣмецкія требованія измѣнятся сами собою при перенесеніи проекта на Русскіе нравы. Не стану указывать на примѣчательныя мѣста статьи: надлежало бы перепечатать ее сполна. Принимающіе участіе въ успѣхахъ общественнаго образованія пусть перечтутъ сами это важное предложеніе.

„Я смѣю только предложить его распространеніе. Почему не завести такихъ практическихъ институтовъ,—назовемъ ихъ бесѣдами,—по всѣмъ прочимъ наукамъ, какія предлагаютъ гг. Фишеръ и Бунге для государствовѣдѣнія? На первый случай желательно, чтобъ факультеты съ главными своими подраздѣленіями имѣли хотя по одной бесѣдѣ, а именно: для Исторіи Русской и Всеобщей, для Словесности Русской, Славянской, Западной, Классической, для наукъ математическихъ, естественныхъ, камеральныхъ, политическихъ, для Исторіи Законовъ, Медицины, Отечественнаго Права.

„Впослѣдствіи могутъ присоединиться къ нимъ особыя науки: Химія, Физіологія, Уголовное право, или даже писатели и ученые порознь, напримѣръ: Платонъ, Цицеронъ, Дантъ, Шекспиръ, Баконъ, Лейбницъ, Линней, Лапласъ, Гете, Пушкинъ и пр.

„Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, при настоящемъ положеніи науки у насъ, намъ нечего гоняться за послѣдовательностію, полнотою и прочими принадлежностями высокаго образованія. Начинай у насъ дѣло, кто глубже проникнутъ этой мыслію, кто живѣе питаетъ желаніе содѣйствовать къ водворенію и распространенію истиннаго, основательнаго, а не поверхностнаго знанія, кто чувствуетъ въ себѣ способность повести дѣло съ успѣхомъ, по какой бы то ни было наукѣ, будетъ ли то Анатомія, Исторія раскола, или Ганнемановоученіе.

„Кому руководить такою бесѣдою? Разумѣется, одному лицу, хозяину, но помогать ему должны многіе, всѣ, посвятившіе себя преимущественно той или другой наукѣ: есть даръ слова, есть искусство спорить, есть талантъ вести и поддерживать разговоръ, развивать предметъ постепенно, подводить рѣчи къ одному знаменателю, указывать слабыя, указывать крѣпкія мѣста, поддавать пару. Это все различныя способности, которыя рѣдко соединяются въ одномъ человѣкѣ, а большею частію раздѣляются по одиночкѣ или въ нѣкоторыхъ только соединеніяхъ. Если основатели

бесѣды будутъ думать о пользѣ, а не объ удовлетвореніи суетнаго самолюбія, то они тотчасъ, послѣ перваго собранія, увидятъ, какъ имъ слѣдуетъ впредь распоряжаться, и кому что̀ дѣлать: кто долженъ начертить планъ сраженія, кто выбирать мѣстность, кто командовать корпусомъ, дивизіей, полкомъ, кто будетъ стрѣлять изъ пушекъ, и кто бить отбой. Никакими правилами и условіями стѣсняться не должно. Опытъ лучше всего покажетъ всѣ удобства и неудобства. Принимать участіе въ бесѣдѣ могутъ не только профессоры, но и посторонніе ученые, по предварительному соглашенію,— студенты и другіе любители.

„Касательно цѣны, многіе наши профессоры, безъ сомнѣнія, примутъ на себя охотно безвозмездное содѣйствіе, но назначеніе цѣны все-таки необходимо въ другомъ отношеніи: чтобъ бесѣда не сдѣлалась притономъ для праздношатающихся, которые захотятъ искать въ ней зрѣлища или препровожденія времени. Во всякомъ случаѣ недостаточные студенты должны допускаться на бесѣду gratis, по выбору управляющаго профессора“.

Высказавъ эти предварительныя соображенія, Погодинъ писалъ: „Отъ теоріи перейдемъ къ практикѣ, или, чтобъ говорить по-Русски, отъ умозрѣнія къ дѣйствительности.

„Представимъ себѣ бесѣду по Русской Исторіи: общее вниманіе образованныхъ людей привлекаетъ у насъ теперь въ Литературѣ Исторія Петра Великаго, сочиненная Устряловымъ. Ее можно бъ избрать первымъ предметомъ бесѣды, принявъ въ основаніе искусное и ясное раздѣленіе автора: воспитаніе Петра I, потѣшные походы, Азовъ, путешествіе, стрѣлецкіе бунты, внѣшнія сношенія и проч. Всѣ изслѣдователи, знакомые съ какою бы то ни было частію Петровой жизни, всѣ его почитатели и поклонники, всѣ безпристрастные цѣнители, и въ особенности всѣ враги и хулители должны непремѣнно быть приглашены на бесѣду. Касательно послѣдней категоріи мнѣ нужно нѣсколько оговориться: ограниченность въ понятіяхъ у насъ такъ велика, что многіе считаютъ

непозволительнымъ сказать что-либо въ предосужденіе Петру Великому, какъ будто былъ онъ святъ и безгрѣшенъ, подобно папѣ или далай-ламѣ. Мы спросимъ этихъ господъ: неужели Исторія должна разсуждать только о Сезострисахъ и Карлахъ Великихъ, то-есть, о тѣхъ лицахъ, о которыхъ ей нельзя даже, за недостаткомъ данныхъ, составить яснаго, подробнаго понятія, а о тѣхъ, которыя ближе къ намъ и которыя представляютъ достаточное количество данныхъ, о Петрѣ, Екатеринѣ, Александрѣ, мы должны хранить благоговѣйное молчаніе, лицемѣрить, или повторять заученныя фразы? Какія же границы положатъ они Исторіи, и какія права предоставятъ ей? Напротивъ, въ учебной бесѣдѣ порицатели гораздо полезнѣе хвалителей: они своими возраженіями гораздо удобнѣе подадутъ поводъ къ изслѣдованію и всестороннему разъясненію предмета. Если Александръ Македонскій, по замѣчанію Герена, не освободился еще до сихъ поръ отъ пристрастій въ ту или другую сторону, если Наполеонъ чуть ли не на двѣ половины раздѣляетъ свою публику, то-есть, весь образованный и полуобразованный міръ, то Петръ Великій, къ которому всѣ мы, такъ или иначе, имѣемъ отношеніе, съ которымъ всѣ мы связаны органическими узами, можетъ быть судимъ, осуждаемъ и восхваляемъ многоразлично. Въ принужденномъ или лицемѣрномъ согласіи толку нѣтъ. Я долженъ наконецъ замѣтить, что бываютъ историческія безотчетныя симпатіи и антипатіи, которыя наблюдать всегда занимательно мыслителю. Для примѣра я напомню, изъ покойниковъ, о Петрѣ Кирѣевскомъ. Это былъ въ высшей степени чистый, благородный человѣкъ, любилъ Отечество больше всего на свѣтѣ, преданъ былъ Просвѣщенію, обладалъ огромными свѣдѣніями, былъ скроменъ и снисходителенъ, дорожилъ безпристрастіемъ, и между тѣмъ ненавидѣлъ Петра Великаго до такой степени, что не шутя, однимъ изъ несчастій въ своей жизни считалъ то, что получилъ при рожденіи имя Петра. Андрей Карамзинъ, подъ послѣднимъ стихомъ въ моей трагедіи *Петра I*: *авось они* (потомки)

меня добромъ помянутъ, подписалъ въ рукописи слова жесточайшаго осужденія. Изъ живыхъ назову Самарина и Бѣляева, которые питаютъ къ Петру Первому примѣчательное нерасположеніе. Это желанные гости на бесѣду! Надо бы пригласить и представителей раскола, но ихъ у насъ ужъ нѣтъ въ настоящемъ значеніи этого слова, ибо расколъ пережилъ себя, и никто изъ извѣстныхъ мнѣ раскольниковъ не можетъ передать ничего ни о Никитѣ Пустосвятѣ, ни о протопопѣ Аввакумѣ, ни о попѣ Лазарѣ. Они не знаютъ особеннаго объ ихъ жизни ничего, и еслибъ дозволено было публичное словопреніе, то они не нашли бы что̀ отвѣчать, что касается до существа дѣла, а не до наружныхъ мелочей.

„Нечего говорить, что П. М. Строевъ, знатокъ нашей письменной Словесности, долженъ занимать съ своими справками на всякой исторической бесѣдѣ такого рода почетное мѣсто.

„Членамъ бесѣды, то-есть, студентамъ (я называю студентами всѣхъ, изучающихъ тотъ или другой предметъ), должно бы предложить, предъ началомъ разсужденій, прочесть внимательно къ назначенному дню все сочиненіе Устрялова, а кромѣ того, каждый порознь долженъ бы былъ познакомиться коротко съ какимъ-нибудь другимъ сочиненіемъ или свидѣтельствомъ объ его предметѣ.

„Одинъ, напримѣръ, съ *Дѣяніями* Голикова. Другой—съ *Дополненіями*. Третій—съ письмами, изъ которыхъ долженъ быть составленъ полный хронологическій реэстръ, съ означеніемъ мѣста, откуда, и лицъ, къ кому писаны. Это дѣло можетъ быть и не подъ силу одному студенту, а развѣ тремъ или четыремъ. Четвертый—съ анекдотами Штелина. Пятый—съ анекдотами Голикова. Шестой—Ригельмана и Нартова, которымъ всѣмъ вмѣстѣ также нуженъ послѣдовательный реэстръ. Седьмой—изъ домашнихъ свидѣтельствъ, съ показаніями Матвѣева, Медвѣдева и Саввы. Осьмой—съ Шафировымъ, Крекшинымъ. Девятый—изъ иностранныхъ свидѣтельствъ, съ Гордономъ. Десятый—съ Корбомъ. Одиннадцатый—съ

Берхгольцемъ и прочими. Двѣнадцатый—долженъ изучить указы Петра I за все разсматриваемое время. Тринадцатый—уставы, напримѣръ Морской регламентъ, Воинскій уставъ и проч. Четырнадцатый—долженъ составить поденную записку за пребываніе Петра въ чужихъ краяхъ.

„Человѣкъ на трехъ должно возложить изученіе сужденій о Петрѣ главныхъ писателей отечественныхъ и иностранныхъ: Татищева, Болтина, Щербатова, Карамзина, Пушкина, Ломоносова.

„Человѣкамъ пяти поручить составленіе формулярныхъ списковъ для всѣхъ дѣйствовавшихъ лицъ“ и пр.

Распредѣливъ эти задачи, Погодинъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „Въ послѣднее время, распространилась у насъ охота къ Библіографіи, и молодые ученые прикладываютъ много труда для ознакомленія публики даже съ писателями второклассными и третьеклассными. Все это очень хорошо и полезно, но было бы еще лучше и полезнѣе на настоящую пору, собрать указанія свидѣтельствъ объ историческихъ дѣятеляхъ, какомъ-нибудь Остерманѣ, Минихѣ, Румянцовѣ, Потемкинѣ, Безбородко, и проч., и проч.“.

За симъ, Погодинъ продолжаетъ: „Когда всѣ участники, такимъ образомъ вооруженные, явились бы на бесѣду и начали-бъ представлять изустные отчеты о предметахъ своего изученія, бесѣда любопытная, живая, полилась бы потокомъ,—тотчасъ предъявились бы недоумѣнія, объясненія одного свидѣтельства другимъ, исправленія показаній,—содержанія стало бы на мѣсяцъ, и сколько дѣльныхъ прекрасныхъ монографій получило бы здѣсь начало“!

Другимъ предметомъ для бесѣды, Погодинъ предлагаетъ крѣпостное право, „составляющее,—замѣчаетъ онъ,—вмѣстѣ и животрепещущій вопросъ въ Исторіи нашей гражданской жизни,—слѣдовательно, обладающее сильнѣйшимъ побужденіемъ къ общему участію и вниманію, чѣмъ больше всего наставнику дорожить должно“.

За симъ, Погодинъ исчисляетъ „законныхъ судей“ по сему

предмету: „Профессоръ Бѣляевъ, писавшій уже давно о поземельномъ владѣніи, издавшій важную писцовую книгу, и занимающійся теперь Исторіей Крестьянства. Профессоръ Лешковъ, подарившій намъ нѣсколько замѣчательныхъ трактатовъ объ общественномъ благоустройствѣ. Магистръ Чичеринъ, котораго разсужденіе о несвободныхъ крестьянахъ заключаетъ въ себѣ много важнаго и дѣльнаго. Оберъ-секретарь Побѣдоносцевъ *), котораго превосходныя замѣтки помѣщены были недавно въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Князь Черкасскій, котораго магистерская диссертація имѣла предметомъ Исторію крѣпостнаго права, еще лѣтъ десять назадъ. Ю. Ѳ. Самаринъ, А. И. Кошелевъ и прочіе сотрудники *Русской Бесѣды*, которымъ общество обязано многостороннимъ, дѣловымъ разъясненіемъ нашей мудреной задачи".

Послѣ сего исчисленія, Погодинъ, какъ онъ выражался, „не могъ удержаться" отъ слѣдующаго эпизода: „Не должно ли радовать всякаго порядочнаго Русскаго человѣка одно сопоставленіе всѣхъ этихъ почтенныхъ именъ, служащихъ осязательнымъ доказательствомъ, что мы наконецъ начали учиться, работать дѣятельно, основательно, что останавливаться уже нельзя, и что, слѣдовательно, успѣхъ нашъ несомнѣненъ. Я назвалъ десять человѣкъ, но къ нимъ по праву можно присоединить еще столько же изъ всѣхъ классовъ общества—ученыхъ, чиновниковъ, литераторовъ, плебеевъ, патриціевъ: П. И. Иванова, издавшаго книгу о Помѣстномъ Приказѣ, сотрудниковъ *Русскаго Вѣстника* и *Журнала Земледѣльцевъ*, доставившихъ столько дѣльныхъ и полезныхъ разсужденій,—а Хомяковъ, нашъ неистощимый Хомяковъ, отъ котораго объ чемъ не узнаешь новаго и оригинальнаго, сколько кому слышать угодно"!

Далѣе Погодинъ пишетъ, что „молодымъ адептамъ должно-бъ было прочесть предварительно: указы, составляющіе, по общему мнѣнію, основаніе крѣпостнаго права, Ѳеодора Ивано-

---

*) Константинъ Петровичъ, нынѣ оберъ-прокуроръ Св. Синода. *Н. Б.*

вича 1597 года, Бориса Годунова 1602 и 1603 годовъ, боярскій приговоръ при Самозванцѣ 1605 и указъ Шуйскаго 1606 годовъ. Изслѣдованія и разсужденія новыхъ изслѣдователей. Мнѣнія Татищева и Карамзина. Относящееся къ крестьянамъ изъ „Исторіи профессоровъ Рейца и Неволина".

Крестьянскій вопросъ, по мнѣнію Погодина, слѣдовало бы раздѣлить прежде всего на составныя его части, кои суть:

„Земля.

„Крестьяне.

„Помѣщики мелкопомѣстные.

„Помѣщики многопомѣстные.

„Правительство.

„Законы.

„Бесѣды о нихъ достало бы также на мѣсяцы и она повлекла бы за собою неминуемо изслѣдованіе о черныхъ и тяглыхъ земляхъ, о помѣстьяхъ и отчинахъ, о бѣглыхъ, о повинностяхъ, и проч., и проч.".

Далѣе Погодинъ пишетъ: „Ну, а Литература! Вышедшіе переводы Шекспира (Кетчера), Тацита (Кронеберга), Горація (М. А. Дмитріева), Саллустія, Ливія и Цезаря (Клеванова) дадутъ презанимательные предметы бесѣдъ, въ коихъ наши профессора, молодые и старые, могутъ навести своихъ слушателей на многія новыя мысли, разшевелятъ любознательность. Гостей почетныхъ набралось бы также много для оживленія бесѣды. Напримѣръ, для Шекспира назову М. С. Щепкина, который думалъ на своемъ вѣку немало объ отцѣ драматическаго искусства; Садовскаго, боровшагося съ Лиромъ, переводчиковъ Юліи и Ромео и Венеціянскаго купца, гг. Павлова и Каткова; Шевырева, съ которымъ въ познаніяхъ о западной литературѣ, говоря вообще, едва-ли можетъ у насъ кто состязаться. Студенты должны бы были изучить Гервинуса Исторію Литературы, Шлегеля сочиненіе о драматическомъ искусствѣ, и другія примѣчательныя сужденія Европейскихъ критиковъ. Для Саллустія напомню о важномъ изслѣдованіи Кубарева, для Горація—о трудѣ Благовѣщенскаго".

Наконецъ Погодинъ заключаетъ: „По середамъ и субботамъ даетъ въ Москвѣ свои роскошные обѣды Англійскій Клубъ; по понедѣльникамъ и четвергамъ собираются праздновать члены Дворянскаго Клуба; по вторникамъ и пятницамъ угощаетъ посѣтителей Купеческое Собраніе. Искусство имѣетъ по вечерамъ свои ежедневныя торжества въ театрахъ и концертныхъ залахъ. Что если-бъ и наука открыла свои арены для юношей, алчущихъ и жаждущихъ знанія, и въ понедѣльникъ они могли-бъ являться въ какую-нибудь залу, чтобъ услышать повѣствованіе о положеніи проволочнаго каната между новымъ и древнимъ свѣтомъ, по части физики; во вторникъ — въ другую залу, для разсужденія о прорытіи Суецкаго перешейка, по части географіи; въ среду — бесѣдовать о покореніи Сибири и о древнихъ походахъ на Амуръ, по части Русской Исторіи; въ четвергъ — толковать о возможности поземельныхъ облигацій въ Россіи, по части Политической Экономіи; въ пятницу — счесть главныя кометы, съ обозрѣніемъ историческихъ происшествій, за ними слѣдовавшихъ, по части Всеобщей Исторіи; въ субботу — послушать доказательства о необходимости въ наше время энциклопедическаго образованія".

II.

Вопросъ объ университетскихъ экзаменахъ принадлежалъ къ числу жгучихъ вопросовъ того времени.

Погодинъ и по этому вопросу не безмолвствовалъ. Онъ писалъ: „Проэкзаменовавъ на своемъ вѣку не одну тысячу студентовъ и гимназистовъ, наблюдавъ всегда внимательно за ходомъ университетскихъ дѣлъ, и положивъ много труда на обдумываніе различныхъ педагогическихъ мѣръ, считаю себя въ правѣ подать свой голосъ, и, пользуясь антрактомъ между двумя трудами, однимъ конченнымъ, и другимъ предположеннымъ къ начатію, пишу эту статью".

Погодинъ начинаетъ съ Исторіи нашихъ экзаменовъ:

„Во время оно, послѣ Французовъ, желающіе поступать въ университетъ, экзаменовались вотъ какъ: Назначенные совѣтомъ профессоры-экзаменаторы собирались въ залу Правленія, вечеромъ, въ 6 часовъ, и садились за столъ, подъ предсѣдательствомъ ректора. Молодые люди призывались имъ по списку и сдавались съ рукъ на руки экзаменаторамъ, отъ одного къ другому. Экзаменаторы спрашивали, кому чтò входило въ голову изъ его предмета, и отпускали по усмотрѣнію. Экзаменовалось вдругъ человѣка по четыре, по пяти. По мѣрѣ окончанія съ ними вызывались другіе, и такъ далѣе. Часамъ къ 10 экзаменъ прекращался, и начинался совѣтъ между профессорами, которые сообщали результаты своихъ разспросовъ, и, по большинству голосовъ, при совѣтѣ ректора, послѣ жаркихъ обыкновенно споровъ, опредѣляли удостоеніе и отверженіе. Форма, какъ видите, была совершенно патріархальная, но большихъ злоупотребленій никогда не бывало: могъ проскочить иногда не совсѣмъ достойный юноша, но достойный никогда не отвергался. Бѣдность, дальняя дорога, робость и прочія circonstances attenuantes всегда принимались въ разсчетъ. При семи, восьми экзаменаторахъ, при наблюдающемъ ректорѣ, мудрено было пройти совершенно недостойному, несмотря ни на какія протекціи. Узнать способности было очень удобно, но было очень неудобно для профессоровъ-экзаменаторовъ являться всякій день въ продолженіе мѣсяца въ Правленіе, и сидѣть тамъ по пяти часовъ. Проэкзаменовать такъ нельзя было болѣе 12—15 человѣкъ въ вечеръ, и экзаменъ продолжался почти цѣлый мѣсяцъ. Нѣтъ ли еще неудобства при такой формѣ для молодыхъ людей: экзаменоваться вдругъ изъ всѣхъ предметовъ? По моему мнѣнію, нѣтъ: экзаменъ есть средство, чтобы узнать степень познаній экзаменуемаго, и доставлять ему легкость и удобство подготовляться отъ предмета къ предмету, чтò введено впослѣдствіи— противорѣчитъ самой идеѣ экзамена: въ чемъ засталъ, въ томъ и суди! Неудобство этой формы заключается, повторю, въ излишнемъ обремененіи профессоровъ и въ излишней тратѣ

времени. Слышались жалобы, но дѣло, попавъ разъ въ колею, не было оттуда извлекаемо.

„Первое преобразованіе въ экзаменахъ сдѣлалъ не ученый совѣтъ, а человѣкъ посторонній, Д. П. Голохвастовъ, назначенный, въ 1831 году, помощникомъ попечителя князя Сергія Михайловича Голицына.

„Какъ теперь помню этотъ экзаменъ, потому что это былъ, впродолженіе всей моей педагогической жизни, единственный толковый экзаменъ. За многое было можно не любить покойника, но это дѣло онъ сдѣлалъ съ успѣхомъ. Онъ пригласилъ всѣхъ насъ въ собраніе и спросилъ, какія кто по своей части познанія считаетъ нужными для поступленія въ университетъ. Завязался разговоръ и споръ, и наконецъ, съ общаго согласія, требованія были опредѣлены.—Опредѣлите же, господа, теперь степени вашихъ требованій, т.-е., какія познанія считаете вы отличными, хорошими, посредственными, недостаточными.

„Мы опредѣлили и степени, напр., кто въ Исторіи знаетъ то-то и такъ-то, тотъ имѣетъ право на аттестацію отличную; такія-то свѣдѣнія недостаточны и т. д.—Неугодно ли же по этимъ правиламъ начать испытаніе съ завтрашняго дня.

„На другой день открылось засѣданіе. Составленъ былъ предварительно алфавитный списокъ, розданъ экзаменаторамъ, которые вызывали къ себѣ поступающихъ, и спрашивали. Голохвастовъ присутствовалъ въ продолженіе всего экзамена, переходя отъ одного стола къ другому. По окончаніи, экзаменаторы сообщили свои наблюденія, въ чемъ онъ принялъ непосредственное участіе, узнавши всѣхъ студентовъ по одиначкѣ. Рѣшено было, кто и почему имѣетъ право на снисхожденіе.

„Этотъ экзаменъ произвелъ, какъ говорится, эффектъ. Нельзя было не согласиться, что онъ исполненъ былъ хорошо — законно, справедливо, безобидно. Никакихъ споровъ, никакихъ жалобъ, никакихъ снисхожденій.

„Между тѣмъ, впродолженіе года Голохвастовъ успѣлъ во-

оружить противъ себя всѣхъ профессоровъ своею, преимущественно, формальностію, своими начальническими пріемами и своею наружною холодностью; лишь только воротился попечитель, князь Голицынъ, изъ-за границы, какъ и былъ осажденъ жалобами на своего помощника. Не имѣя никакого понятія о дѣлѣ, князь Голицынъ не могъ, разумѣется, разобрать, кто былъ правъ, кто виноватъ, и повѣрилъ, по старому знакомству, ректору, профессору Болдыреву.

„Новые экзамены въ слѣдующемъ году поручены были ректору, у котораго правою рукою былъ секретарь, профессоръ Надеждинъ.

„Надеждинъ,—это былъ человѣкъ съ большими способностями, и, кромѣ ученыхъ достоинствъ, былъ отличный редакторъ, логичный, послѣдовательный. Это былъ въ полномъ смыслѣ государственный секретарь, въ родѣ Сперанскаго, котораго имя, то-есть въ Русскомъ переводѣ, получилъ отъ Рязанскаго архіепископа Θеофилакта. Чтобъ затмить Голохвастова и показать, что университетъ можетъ обойтись безъ него, Надеждинъ сочинилъ правила для пріема студентовъ,—правила, господствующія до сихъ поръ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. По идеѣ, по теоріи, онѣ очень хороши, но не соотвѣтствовали и не соотвѣтствуютъ нашимъ пріуготовительнымъ средствамъ.

„Слишкомъ коротко знакомый съ дѣломъ экзаменовъ, и находясь въ короткихъ сношеніяхъ съ Надеждинымъ, я сообщилъ ему свои возраженія, проспорилъ съ нимъ вечеровъ пять сряду. Профессоръ Щепкинъ, также коротко знакомый съ Надеждинымъ, сильно меня поддерживалъ. Мы старались доказать, что правила не выдержатъ опыта, — но напрасно. Правила были приняты и введены.

„На экзаменѣ, изъ 300 или болѣе человѣкъ, оказались достойными только трое. Я помню ихъ по именамъ: Иванъ Тургеневъ (нынѣшній писатель), Николай Соловьевъ и Николай Горнъ. Всѣхъ троихъ выручили преимущественно языки. Торжество мое было полное, но самолюбіе человѣческое не лю-

битъ соглашаться и съ очевидностію. Ректоръ и секретарь стояли упорно на своемъ, прибѣгли къ исключеніямъ и снисхожденіямъ, вслѣдствіе которыхъ принято было студентовъ сколько слѣдовало, хотя бы и не было правилъ.

„Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ, и въ слѣдующее попечительство графа С. Г. Строганова. На всякомъ экзаменѣ, въ началѣ и концѣ, я повторялъ свои возраженія, и на всякомъ экзаменѣ встрѣчались однѣ и тѣ же затрудненія, кои обходимы были искусственно. Графъ Строгановъ также не хотѣлъ согласиться со мною по системѣ, какъ не соглашался Надеждинъ по самолюбію: онъ говорилъ, что нельзя допускать въ университетъ съ единицею изъ главныхъ предметовъ. Это дать премію невѣжеству, такъ выражался онъ обыкновенно, предъ началомъ экзамена, а въ заключеніе, видя, что безъ этихъ премій никого почти въ университетъ принять было нельзя, онъ дѣлалъ уступки, соглашался на прибавленіе баловъ и т. п.

„Впрочемъ при немъ экзамены, касательно результатовъ, были удовлетворительны, потому что самъ онъ, внѣ правилъ, наблюдалъ внимательно за ходомъ дѣла, знакомился съ молодыми людьми, и достойные, такъ или иначе, получали всегда доступъ, а недостойные, кромѣ немногихъ необходимыхъ исключеній, отстранялись, и злоупотребленій почти не было.

„Въ чемъ же состоитъ ошибочность или по крайней мѣрѣ несостоятельность самой системы?

„Въ раздѣленіи предметовъ на главные и не главные, и въ происходящемъ оттого правилѣ не удостоивать студенчества за единицы.

„Какъ же исправить это?

„Принимать по суммѣ баловъ, не обращая вниманія на ея слагаемыя. Молодой человѣкъ можетъ имѣть по единицѣ въ томъ и другомъ такъ-называемомъ главномъ предметѣ, но онъ долженъ искупить ее отличными успѣхами въ остальныхъ предметахъ, и эти отличные успѣхи въ нѣсколькихъ предметахъ всегда послужатъ вѣрнымъ залогомъ, что единицы или

впослѣдствіи выростутъ, или доказательствомъ, что и теперь онѣ явились случайно. Объяснюсь подробнѣе.

„Предметы, составляющіе курсъ гимназическаго ученія, предметы признанной необходимости, должны быть спрашиваемы въ равной степени на экзаменѣ, и отнюдь не слѣдуетъ давать предпочтеніе однимъ передъ другими, т.-е., должно обращать вниманіе на сумму баловъ, и не останавливаться никакими единицами, какъ дѣлалось доселѣ. Такое требованіе не прибавитъ излишняго затрудненія поступающимъ, а напротивъ, доставитъ имъ законное и справедливое облегченіе; молодаго человѣка не будетъ останавливать та или другая единица, но не будетъ останавливать только съ необходимымъ условіемъ, чтобъ эта недостающая единица замѣнилась въ суммѣ излишними успѣхами въ другихъ частяхъ, чтобъ именно во столько кратъ онъ былъ сильнѣе въ однихъ предметахъ, во сколько кратъ слабѣе въ другихъ, въ сравненіи съ требованіями университетскими. Такое правило основано на многолѣтнемъ опытѣ, а по настоящимъ правиламъ, въ университетъ можно принимать только по пяти и по шести студентовъ, подходящихъ подъ оныя. Къ симъ пяти студентамъ присоединяются всегда по сту, по двѣсти, насиліемъ искусственныхъ правилъ и прибавленіемъ недостающихъ цифръ. Ясное доказательство, что правила не выдерживаютъ опыта, ибо по онымъ пріема никогда дѣлать нельзя.

„Это правило подаетъ поводъ къ несправедливой оцѣнкѣ молодыхъ людей вотъ еще въ какомъ отношеніи: экзаменаторъ, зная, что его единицею молодой человѣкъ можетъ быть остановленъ, всегда склоннѣе поставить ему два. Если же бы правила объ единицахъ не было, онъ поставилъ бы ему единицу, которая должна быть искуплена въ суммѣ, и оцѣнка сдѣлалась бы вѣрнѣе. Съ другой стороны, экзаменаторъ имѣетъ излишнюю власть такою силою единицы, чего вообще допускать не должно. Судьба студента должна зависѣть отъ цѣлаго комитета или факультета, а отнюдь не отъ всякаго экзаменатора порознь.

„Наконецъ, важное дѣло, раздѣленіе предметовъ на главные и неглавные, пріучаетъ заранѣе молодыхъ людей пренебрегать предметами неглавными, которые, по собственному объявленію начальства, спрашиваются нестрого. Въ эту категорію страннымъ образомъ попала Исторія, которая даже въ гимназіяхъ, какъ я слышу, причислена теперь къ неглавнымъ предметамъ. Такимъ образомъ, идея коренная о предметахъ, входящихъ въ составъ гимназическаго ученія, колеблется въ своемъ основаніи. Одно изъ двухъ: или нуженъ предметъ, или нѣтъ. Если нуженъ — учите ему и спрашивайте строго; не нуженъ—не учите. Различія въ предметахъ требуемыхъ гимназическимъ курсомъ, для поступленія въ университетъ, повторяю, дѣлать не должно.

„Старое правило не сообразно и съ состояніемъ нашихъ учебныхъ заведеній: въ семинаріяхъ, при хорошихъ иногда успѣхахъ въ Латинскомъ, Греческомъ, Русскомъ языкахъ, Законѣ Божіемъ, ощущается недостатокъ въ Географіи, Исторіи, Математикѣ, и отчасти въ новыхъ языкахъ. Гимназіи страдаютъ новыми языками, и отчасти древними.—Воспитанники отеческихъ домовъ слабы въ древнихъ языкахъ. По моему мнѣнію, должно принимать пока во вниманіе эти недостатки, но съ условіемъ: знай же отлично то, что̀ ты можешь знать.—Единственное средство для этого—сумма!

„Теперь, напримѣръ, семинаристъ, получивъ 5 въ Греческомъ, 5 въ Латинскомъ, 5 въ Русскомъ, 5 въ Законѣ Божіемъ, слѣдовательно молодой человѣкъ съ отличными залогами, не можетъ быть принятъ въ университетъ потому, что у него 1 въ Математикѣ и 1 въ Географіи. Случалось иногда, что получившій 35 баловъ имѣлъ отказъ, а посредственность съ 25 балами принималась безъ затрудненія.

„Другой примѣръ: воспитавшійся дома, идущій въ математическое отдѣленіе, получивъ 5 изъ Математики, 5 изъ Физики, 5 изъ Французскаго и 5 изъ Нѣмецкаго языковъ, которые ему нужны для занятія его науками, не можетъ быть принятъ съ 1 Латинскаго языка, который въ университетѣ

ему не читается, о которомъ въ четыре года не упомянется, и который къ концу курса совсѣмъ забывается.

„Отмѣненіемъ различія между предметами уничтожится и раздѣленіе экзамена на двѣ части, подающее столько поводовъ, положимъ, несправедливыхъ, къ жалобамъ родителямъ, большею частію необразованнымъ, которые утверждаютъ, что дѣти ихъ именно въ тѣхъ предметахъ сильны, въ которыхъ не допущены къ экзамену. Замѣчу, что въ сихъ жалобахъ есть даже нѣчто справедливое: всѣ экзаменаторы знаютъ, что молодые люди, стекаясь съ разныхъ сторонъ, большею частію бѣдные, только въ половинѣ экзамена, такъ сказать, развертываются, отвѣчаютъ свободно,—сначала, не осмотрѣвшись, не привыкши, робѣютъ, и дурные или посредственные ихъ отвѣты приводятъ къ ложнымъ объ нихъ заключеніямъ.

„Наконецъ, отмѣною различія уничтожится странное заключеніе, по которому одинъ и тотъ же молодой человѣкъ можетъ быть студентомъ и не можетъ быть: можетъ—если онъ, напримѣръ, захочетъ идти по юридическому отдѣленію, и не можетъ,—если выбираетъ словесное. Какое насиліе дѣлаемъ мы способностямъ, заставляя природнаго математика учиться Медицинѣ, или филолога записываться въ юристы. Первый годъ вразумитъ студента: кто выбираетъ такое-то отдѣленіе, не смотря на то, что онъ имѣетъ слабыя знанія въ одномъ изъ его главныхъ предметовъ и не смотря на то, что имѣетъ лучшія въ другомъ, имъ пренебрегаемомъ, вѣрно восполнитъ вскорѣ недостающее, работая съ любовію.

„Количество нужныхъ баловъ для полученія степени студента (*а равно для прохожденія по классамъ въ гимназіяхъ и по курсамъ въ университетахъ*), соотвѣтственно количеству требуемыхъ или пройденныхъ предметовъ, должно давать въ частномъ числѣ 3, или $3^1/_2$ или 4, смотря потому, какъ начальство захочетъ, увеличить или уменьшить строгость.

„При постановленіи правилъ на такомъ основаніи, университетское начальство всегда могло увеличить и уменьшить число студентовъ, не прибѣгая къ роковому ограниченію. За-

хочетъ оно увеличить строгость, т.-е., потребовать въ частномъ числѣ 4 вмѣсто 3, и не вступить въ университетъ больше назначеннаго имъ числа; а между тѣмъ, никто не имѣетъ права жаловаться, потому что ни для кого не будетъ сдѣлано исключеній. Кто имѣетъ отличныя свѣдѣнія, кто надѣется на себя, тотъ войдетъ и т. д. Этого простаго распоряженія не умѣли въ свое время придумать и умѣрить сколько-нибудь жалобы".

Впрочемъ, Погодинъ находитъ нужнымъ и *единицы* не оставлять безъ вниманія. „Принимая молодого человѣка въ университетъ,—пишетъ онъ,—вы объясните ему, что это дѣлается въ уваженіе его такихъ-то успѣховъ, но что ему вмѣняется въ обязанность въ концѣ перваго семестра подвергнуться экзамену въ томъ предметѣ, изъ котораго онъ получилъ единицу. Только въ случаѣ успѣха принятіе его получитъ утвержденіе".

Засимъ Погодинъ сообщаетъ еще замѣчанія изъ своихъ наблюденій: „Молодые люди, поступающіе съ равными успѣхами въ предметахъ, идутъ въ университетѣ также большею частію ровно, и оканчиваютъ курсъ, какъ вступили: не оказывается между ними большею частію любви къ тому или другому предмету, и отличныхъ, замѣчательныхъ между ними бываетъ мало. Молодой человѣкъ съ единицами въ однихъ предметахъ, и отличными балами въ другихъ, представляетъ всегда больше надеждъ на успѣхъ: первые кандидаты бываютъ всегда почти изъ этой категоріи.

„Нуженъ болѣе всего при экзаменѣ какой нибудь зоркій, внимательный глазъ; охотникъ, который слѣдовалъ бы соп amore за всѣмъ ходомъ дѣла. будетъ ли этотъ глазъ принадлежать попечителю, помощнику, ректору или декану. Этимъ достоинствомъ, должно сознаться, отличались Голохвастовъ и графъ Строгановъ, каждый по своему.

„На выборъ экзаменаторовъ должно также обращать вниманіе, чего у васъ не бываетъ. Искусство спрашивать—не есть способность обыкновенная, и ея нельзя требовать и ожи-

дать отъ всякаго профессора. Главное, разумѣется, въ сердечномъ участіи. Инымъ можно сказать: а вы, друзья, какъ ни садитесь, а въ музыканты не годитесь.

„Програмы,—по мнѣнію Погодина,—обветшали, особенно историческія и язычныя: къ нимъ привыкли, подготовились всѣ отвѣты, которые заучиваются на память,—молодой человѣкъ знаетъ вопросы и отвѣты, но не имѣетъ понятія о наукѣ, и изъ-за деревьевъ не видитъ лѣса. Вообще не надо ограничивать, опредѣлять частностей, слагаемыхъ. Выразите ваши требованія вообще, и въ молодомъ человѣкѣ студенчество получитъ несравненно высшее значеніе, съ большимъ страхомъ (очень спасительнымъ) будетъ онъ подходить къ роковой урнѣ...

„Поступающій въ университетъ долженъ имѣть твердыя понятія въ Законѣ Божіемъ, знать Евангеліе, содержаніе Ветхаго Завѣта, священную исторію, богослуженіе, какъ то изложено въ катехизисѣ митрополита Филарета и такихъ-то руководствахъ...

„Умѣть правильно писать и съ ясностію выражать свои мысли о знакомыхъ предметахъ на Русскомъ языкѣ, быть знакому съ классическими писателями, и главными ихъ сочиненіями; имѣть общее понятіе объ Исторіи Русской Словесности; знать Латинскій языкъ граматически и синтаксически, настолько, чтобъ переводить такого-то писателя на Русскій, и съ Русскаго на Латинской темы... По Французски и по Нѣмецки читать свободно и переводить такую-то христоматію.

„По Исторіи знать то, что заключается въ такихъ-то руководствахъ, хронологически и этнографически...

„Разумѣется, все это должно быть обдумано, взвѣшено, исправлено,—я пишу прямо набѣло, потому что пришлось къ слову, и не думаю давать правилъ, а представить только примѣры, по своимъ воспоминаніямъ".

Касательно вступительныхъ экзаменовъ Погодинъ говоритъ, что они необходимы, „по крайней мѣрѣ въ настоящее время, при нынѣшнемъ состояніи общества: иначе всѣ барченки по де-

ревнямъ будутъ бѣгать по конюшнямъ и дѣвичьимъ до 16 лѣтъ (Ну чтожъ, пусть гуляютъ, въ университетѣ еще успѣютъ научиться)! По городамъ дѣти чиновниковъ и прочихъ обывателей средняго класса, не видя впереди никакой обязанности и вмѣстѣ право поступить въ университетъ, будутъ также проводить время большею частію въ праздности, надѣясь все наверстать въ университетѣ. Родители, большею частію недостаточные, рады будутъ обойтись безъ лишнихъ расходовъ, на которые они рѣшаются только по крайней необходимости. Дѣти облѣнятся, не привыкнутъ къ труду, и кромѣ вреда ничего не предвидится съ этою методою.

„Моменту поступленія въ университетъ должно придать возможную важность и значительность. Это эпоха въ жизни молодаго человѣка. Надо, чтобъ къ ней онъ приготовлялся, и чтобъ всѣ его способности возбуждались при мысли объ ней.

„О заключительныхъ экзаменахъ, относительно правъ и аттестатовъ, сомнѣваются менѣе, они, разумѣется, необходимы".

Годичные экзамены Погодинъ считаетъ полезными и нужными. „Нужно, чтобъ молодые люди собирались такъ сказать съ мыслями, хоть однажды въ годъ, обнимали пройденное, имѣли случай привести въ порядокъ свои свѣдѣнія, и пріучались давать отчетъ. Для хорошихъ бываетъ пріятно показать себя передъ профессорами, для дурныхъ ощущеніе стыда, досады, соревнованія, имѣетъ свой смыслъ, и приноситъ свою пользу. Экзамены бываютъ полезны для самихъ профессоровъ, которые удостовѣряются въ дѣйствіи своихъ лекцій, знакомятся ближе съ студентами и почерпаютъ для себя указанія для будущихъ курсовъ. Послѣ каждаго экзамена студенты должны получать совѣты отъ факультетовъ касательно занятій въ слѣдующемъ году".

Репетиціи Погодинъ считаетъ также полезными, „а употреблять во зло можно все. Десять минутъ посвятить предъ каждой лекціей на итоговое повтореніе предшествовавшей лекціи—нисколько не повредитъ лекціи, и не отниметъ много времени, если вести дѣло умѣючи, а вниманіе молодыхъ лю-

дей поддерживать повторенiемъ всегда полезно. Конечно, когда образованiе заведется у насъ въ домахъ, въ воздухѣ распространится во всѣхъ классахъ, тогда можно будетъ отстранить всѣ эти педагогическiя искусственныя средства,—но теперь намъ онѣ нужны".

Для аттестацiй на экзаменахъ въ университетахъ и гимназiяхъ, пишетъ Погодинъ, „употребляются цифры: 5, 4, 3, 2, 1, 0. Система эта введена, какъ я сказалъ, лѣтъ двадцать пять и имѣетъ свои достоинства, но показала теперь на опытѣ и существенные недостатки: средство смѣшалось съ цѣлiю. Ученики начали имѣть въ виду цифру, забывая, что она есть только знакъ; начали стремиться не къ прiобрѣтенiю познанiй, а къ полученiю цифры, болѣе или менѣе выгодной, обезпечивающей имъ хорошее окончанiе курса. Составились даже выраженiя, совершенно противныя ученiю: *Онъ учится на пару въ Словесности*; *мнѣ нужна только тройка въ Исторiи*; *онъ схватилъ палку или пятерку въ Статистикѣ;* вмѣсто: онъ имѣетъ посредственныя свѣдѣнiя въ Словесности, отличныя или худыя въ Статистикѣ,—а средняго выраженiя нельзя даже и перевести на человѣческiй языкъ: такъ оно дико. Надо непремѣнно искоренить такое пошлое возрѣнiе на священное дѣло ученiя, и, оставляя пользу системы, уничтожить ея вредъ, то-есть употреблять цифры только какъ пособiе для оцѣнки ученика, но не сообщать имъ рѣшительной силы. Экзаменаторы, разсматривая полученныя на экзаменѣ, написанныя такъ сказать карандашемъ, цифры, должны приложить къ нимъ свое разсужденiе, и вслѣдствiе онаго принять ихъ или отвергнуть: можетъ случиться, что посредственному ученику или студенту посчастливится получить хорошiе балы, но годичное ученiе его, или даже ученiе въ продолженiе всего курса не даетъ ему права на полученiе степени, слѣдующей по баламъ; въ такомъ случаѣ экзаменаторы, по большинству голосовъ, имѣютъ полное право уменьшить силу цифръ, и въ противномъ случаѣ увеличить. Студенты и ученики должны дорожить своими цифрами, но вмѣстѣ не пола-

гаться на нихъ исключительно, а быть увѣрену, что кромѣ цифръ они должны заслуживать доброе мнѣніе своихъ профессоровъ постояннымъ прилежаніемъ и успѣхами впродолженіе всего курса.

„Не должно уже допускать никакихъ переэкзаменовокъ, исключеній, снисхожденій, кои уменьшаютъ важность экзаменовъ, пріучаютъ къ вреднымъ надеждамъ, отнимаютъ время у профессоровъ, и подаютъ поводъ къ непріятностямъ.

„Пріемъ студентовъ долженъ быть одинъ: никакія обстоятельства не могутъ давать права на сепаратные экзамены, недостойные величія университетскаго, унижающіе профессоровъ, подающіе поводъ къ разнымъ несправедливостямъ. О, что скажетъ о нихъ будущій безпристрастный историкъ нашего университетскаго образованія"!

III.

Не ограничиваясь университетскимъ экзаменомъ, Погодинъ былъ также озабоченъ *употребленіемъ перваго студенческаго года въ университетахъ.*

... „При нынѣшнемъ состояніи наукъ,—писалъ онъ,—кои соединяются между собою тѣснѣе и тѣснѣе, и, приводимыя къ простѣйшимъ началамъ, дѣлаются доступными болѣе и болѣе, общее или энциклопедическое образованіе становится возможнымъ и вмѣстѣ необходимымъ, и я думаю, что первый годъ университетскаго курса всего полезнѣе можетъ быть посвященъ на сообщеніе студентамъ свѣдѣній этого рода, независимо отъ факультетовъ, кои каждый изъ нихъ избираетъ, такъ, чтобы будущій медикъ получилъ понятіе о законахъ и судьбахъ своего Отечества, филологу стали бы знакомы процессы питанія и пищеваренія, математикъ узналъ бы языкъ, и юристу не осталась бы чуждою наука о природѣ.

„Изученіе всѣхъ наукъ бываетъ затруднительно своими частностями и подробностями, а не общими положеніями, кои доступны для всѣхъ. Укажу на курсъ популярной Астро-

номіи Араго, Физической Географіи Гумбольдта, Механики Дюпеня, Анатоміи и Физіологіи Эйнбродта, читанный имъ цесаревичу Александру Николаевичу. Въ двадцать пять или тридцать лекцій о всякой наукѣ можно сообщить понятіе довольно ясное и удовлетворительное, не вдаваясь въ мелочи, предоставляемыя спеціалистамъ.

„Университетъ тогда только и оправдаетъ свое имя всеучилища, которое теперь принадлежитъ ему только въ ограниченномъ смыслѣ.

„О пользѣ такого образованія и благодѣтельномъ вліяніи на развитіе юныхъ умовъ, на возбужденіе въ нихъ любознательности, и вмѣстѣ на опредѣленіе, поясненіе, такъ сказать, для нихъ самихъ ихъ склонностей, нѣтъ нужды распространяться. Польза очевидна, а съ другой стороны, по собственному опыту, всякій изъ насъ знаетъ, какъ бываетъ затруднительно, по окончаніи университетскаго курса, пріобрѣтеніе новыхъ свѣдѣній, или, вѣрнѣе сказать, опознаніе въ незнакомыхъ дотолѣ областяхъ знанія, отъ какихъ случайностей оно зависитъ и сколько благопріятныхъ обстоятельствъ для успѣха требуетъ.

„Получивъ понятіе обо всѣхъ наукахъ, студентъ вѣрнѣе выберетъ то отдѣленіе, въ которомъ долженъ пройдти полный курсъ, отдѣленіе, выбираемое имъ теперь болѣе или менѣе случайно и безотчетно.

„Присоединю психологическое замѣчаніе. Нужно, чтобъ молодой человѣкъ, кончивъ свой гимназическій курсъ, почувствовалъ себя какъ бы въ новомъ мірѣ, при вступленіи въ университетъ, и былъ бы привлеченъ къ занятіямъ съ возбужденными способностями. Нынѣ же, наоборотъ, въ первый годъ студенчества онъ встрѣчаетъ большею частію продолженіе своихъ гимназическихъ предметовъ, кои или знаетъ, или считаетъ извѣстными, и потому пренебрегаетъ ими, теряетъ время, и пріучается часто къ праздности.

„Мнѣ могутъ сдѣлать слѣдующее возраженіе, изъ общихъ мѣстъ заимствованное: *такое образованіе будетъ поверхностно.*

„Отвѣчаю: оно было бы поверхностно, еслибъ ограничить его только общими понятіями о наукахъ, но я предлагаю его только какъ вступленіе, какъ приуготовленіе къ настоящему университетскому образованію по факультетамъ, которое должно остаться въ прежней силѣ, и продолжаться три года во всякомъ факультетѣ, а въ медицинскомъ четыре или пять.

„Опытъ покажетъ всего лучше хорошую или дурную сторону этого предначертанія, а сдѣлать опытъ на годъ, на два, отважность небольшая...

„Распредѣленіе предметовъ должно зависѣть отъ ближайшаго усмотрѣнія университетскаго начальства, при наблюденіи постепенности, напримѣръ, обозрѣніе естественныхъ наукъ должно быть преподаваемо въ первомъ семестрѣ, а Исторія Законодательства, Исторія Философіи въ второмъ, и т. д.

„На первый случай можно даже ограничиться изданіемъ общепонятныхъ обозрѣній всѣхъ наукъ, препоручивъ профессорамъ университетовъ ихъ составленіе или выборъ изъ иностранныхъ литературъ. Для поощренія, за лучшее руководство можно опредѣлить значительную премію, которая возвратится сторицею отъ его распродажи.

„Мѣрою положить можно для всякой науки отъ двадцати пяти до тридцати лекцій, или отъ двадцати пяти до тридцати печатныхъ листовъ, на которыхъ весьма удобно, съ достаточными поясненіями, умѣстится всякое обозрѣніе, а именно: Анатомія, Физіологія, Геологія, Минералогія, Ботаника, Зоологія, Физика, Химія, Технологія, Механика, Астрономія, Исторія математики, медицины, законовѣдѣнія, промышленности, Статистика, Политическая Экономія, Географія, Сельское и домашнее хозяйство, общее понятіе о болѣзняхъ и врачебныхъ пособіяхъ, о дѣйствующихъ законахъ о судопроизводствѣ, Исторія Всеобщая, Отечественная, Исторія Литературы иностранной, отечественной, общая Грамматика, Исторія искусствъ, Исторія Философіи“ [5]).

Статьи Погодина по университетскому вопросу обратили

на себя вниманіе самого М. Н. Каткова. Онъ даже открывалъ Погодину страницы своего *Русскаго Вѣстника*.

„Статья ваша,—писалъ Катковъ Погодину (12 ноября 1859 года),—залежалась въ Редакціи, потому что мы ждали отъ васъ продолженія. Намъ хотѣлось видѣть основную мысль и направленіе вашихъ замѣчаній для того, чтобы по такому важному вопросу сообразить все и установить окончательно свои собственные взгляды. Первое письмо ваше служитъ какъ бы только введеніемъ, въ которомъ вы еще не касаетесь главнаго вопроса. Павелъ Михайловичъ *) высказалъ вамъ это при свиданіи, и вы, кажется, подали намъ надежду, что не замедлите доставить въ Редакцію и продолженіе. Вотъ вся причина задержки. Въ самомъ содержаніи перваго письма, кромѣ двухъ, трехъ эпитетовъ, спорить намъ не о чемъ. Вообще, отъ кого же, какъ не отъ васъ и ожидать интересныхъ и важныхъ соображеній по предполагаемой университетской реформѣ. *Русскій Вѣстникъ* съ радостію готовъ служить органомъ этихъ соображеній; но дайте же ему сколько-нибудь ознакомиться съ ихъ общимъ направленіемъ, чтобы печатая начало, онъ могъ имѣть въ виду къ чему приведетъ конецъ. Я собирался къ вамъ на этихъ дняхъ, но не могъ выѣхать, и по недугамъ моимъ, и по дѣламъ. Постараюсь однако быть у васъ въ непродолжительномъ времени. А если вамъ случится проѣзжать мимо, то вы доставите мнѣ большое удовольствіе, если завернете ко мнѣ. Я постоянно дома и вамъ стоитъ только сказать свое имя, чтобы вамъ не отвѣчали, что меня нѣтъ дома“.

Сколько намъ извѣстно, статей Погодина по университетскому вопросу въ *Русскомъ Вѣстникѣ* не появлялось

---

*) Леонтьевъ. *Н. Б.*

IV.

Въ то время когда озабочены были реформою университетовъ, Московскій Университетъ прощался съ профессоромъ стараго типа; но этотъ старый профессоръ составлялъ однако славу и Университета, и Москвы, и Россіи.

6-го сентября 1859 года, въ залѣ Художественнаго класса, Москва чествовала торжественнымъ обѣдомъ Ѳедора Ивановича Иноземцева.

Погодинъ заблаговременно сталъ приготовляться къ этому торжеству. Въ *Дневникѣ* его 1859 года, мы находимъ слѣдующія записи:

Подъ *26 августа*: „Набросалъ рѣчь Иноземцеву".

— *1 сентября*: „Набросалъ рѣчь Иноземцеву".

— *2* — „Досада объ обѣдѣ Иноземцеву".

— *4* — „Писалъ рѣчь".

— *6* — „Переписалъ и перечиталъ рѣчь".

На всякій случай Н. И. Крыловъ писалъ Погодину: „Увѣренный, что вы всегда уважали нашего ученаго товарища Ѳ. И. Иноземцева, и съ удовольствіемъ раздѣлите общую трапезу, уготованную въ честь его профессорской дѣятельности. А все-таки *не безвозмездно*, но съ уплатою десяти рублей" [6]).

Погодинъ видимо остался недоволенъ обѣдомъ. Возвратясь домой, онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Учредители ни слова, и я не произнесъ рѣчи. Устроено глупо. Многіе обращались ко мнѣ и просили слова".

Обѣдомъ остался недоволенъ и нѣкто, подписавшійся подъ своимъ протестомъ: *Не-Медикъ*. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* онъ писалъ: „Нѣкоторыя изъ рѣчей, произнесенныхъ на этомъ обѣдѣ, не возбудили большого сочувствія по очень простой причинѣ: не было достаточнаго такта. Мы, положимъ, желаемъ выразить уваженіе, сочувствіе и признательность почтенному лицу, оставившему каѳедру, и намъ непремѣнно

кажется, что для этого мы должны рубить съ плеча, будто до него ничего не существовало, а все, что *онъ* создалъ, обречено вѣчному существованію. Петръ Великій, конечно, сдѣлалъ больше для Русскаго Государства, чѣмъ уважаемый нами человѣкъ и хирургъ для успѣховъ хирургіи въ Россіи, а между тѣмъ возведеніе всего къ нему, какъ къ единственному источнику, въ строгомъ смыслѣ уже считается ошибкою противъ Исторіи" [7]).

Статья *Не-Медика* возмутила С. А. Маслова, и онъ, въ *Русской Газетѣ*, на эту статью написалъ возраженіе, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Полемика предъ и послѣ обѣда.* „Если-бы,—писалъ Масловъ,—я былъ на обѣдѣ, отъ котораго удержала меня болѣзнь, я, отъ имени своего и многихъ знакомыхъ мнѣ его паціентовъ, конечно, высказалъ бы ему всю мою душу, не какъ медику, только спасшему мою жизнь, но какъ самому доброму и благородному человѣку. Каково же было мнѣ прочесть въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, что какой-то, *будто* бы *не медикъ*, ожидая, что благородныя чувства друзей, учениковъ и паціентовъ Ѳ. И. Иноземцева будутъ высказаны гласно, напередъ бросилъ въ нихъ изъ-за угла грязью, скрывши свое имя... Если-бы письмо его было написано послѣ описанія праздника, то вольному воля, и *не-медикъ* могъ бы сказать свое мнѣніе, но сказать редактору *Московскихъ Вѣдомостей*, объ ожидаемыхъ въ печати рѣчахъ, что *газета ваша не должна ограничиваться занесеніемъ въ свои страницы одного сырого матеріала, что въ этихъ рѣчахъ не было достаточно такта, отсутствіемъ котораго такъ сильно страдаетъ наше отечественное общество, что рѣчи сказаны не въ мѣру,*— это грязь и на рѣчи говорившихъ и даже на все отечественное общество. Но что сказать о выраженіи, относящемся и къ тому, къ кому обращены были рѣчи медиковъ, *нарушая обыкновенное правило общежитія, мы ставимъ въ ложное положеніе и чествуемое лицо?* Пусть этимъ и ограничился бы *не-медикъ*, но онъ прибавляетъ далѣе: *Если только это лицо не отличается чрезмѣрною наивностію и убѣжденіемъ въ*

своей способности создавать что нибудь изъ ничего. Это уже не грязь; это желчь или ненависть, или скрытая зависть, переполненная лукавою насмѣшкой, что Ѳ. И. Иноземцевъ *имѣлъ полное право на болѣе умѣренныя привѣтствія.* Всѣ выраженія г. *не-медикъ* могъ употребить подъ своею отвѣтственностію не прежде, но послѣ напечатанія рѣчей; а какое-же право имѣлъ онъ предполагать въ Ѳ. И. Иноземцевѣ чрезмѣрную наивность и убѣжденіе въ своей способности созидать что-нибудь изъ ничего?—Мы знаемъ и умъ и душу Иноземцева, что̀ ему принадлежитъ, какъ профессору, какъ образователю молодыхъ медиковъ, того не отнимутъ у него и враги его, а чужого онъ себѣ не присвоитъ. Сколько разъ я слышалъ отъ него, съ какою похвалою и уваженіемъ онъ отзывался о благородномъ и умномъ и всѣми студентами любимомъ предшественникѣ своемъ Ѳ. А. Гильтебрандтѣ. Я дивлюсь только, какъ на обѣдѣ не нашлось учениковъ Гильтебрандта, которые засвидѣтельствовали бы, сколько всѣ они обязаны ему за наученіе Хирургіи, а многіе за его готовность выводить на дорогу молодыхъ медиковъ. Тогда бы и самое увлеченіе новаго поколѣнія медиковъ въ любви и почтеніи къ Ѳ. И. Иноземцеву проявилось бы съ чувствомъ благодарности медиковъ прежняго поколѣнія къ Гильтебрандту, къ Лодеру, В. Рихтеру, Ризенкѣ и другимъ, о которыхъ упоминаетъ честный и правдивый М. П. Погодинъ. Это могъ подтвердить и профессоръ Армфельдъ, бывшій, какъ я слышалъ, на обѣдѣ. Тогда два поколѣнія медиковъ братски слились бы въ чувства уваженія къ истиннымъ достоинствамъ своихъ наставниковъ и предупредили бы жалкую и недостойную гласности полемику какихъ-то: *не-медика* и *наблюдателя*“...[8]).

Но всѣ эти непріятности искупляются прекрасными письмами П. М. Леонтьева и А. П. Ермолова къ герою торжества, которыя были прочитаны послѣ обѣда. „Легкое нездоровье,—писалъ Леонтьевъ,—удерживающее меня дома, лишаетъ меня возможности присоединиться лично къ сотнямъ

людей, торжественно выражающихъ сегодня сочувствіе къ вашей продолжительной и плодотворной общественной дѣятельности. Это лишеніе очень чувствительно для меня. Во мнѣ жива потребность почтить человѣка, который пріобрѣлъ высокое положеніе въ обществѣ прямымъ путемъ заслугъ, оказанныхъ обществу. Мнѣ извѣстна лишь сотая доля этихъ заслугъ, доставившихъ вамъ громкое имя, но и на меня благотворно дѣйствовали онѣ тою своею стороной, которая была болѣе видна мнѣ, нежели другія ихъ стороны. Меня всегда ободряло это рѣдкое у насъ зрѣлище именитаго ученаго, постоянно съ давнихъ поръ окруженнаго многочисленнымъ обществомъ бывшихъ своихъ учениковъ, дружелюбно помогающаго первымъ шагамъ ихъ на поприщѣ жизни, радушно открывающаго имъ широкое поле для соревнованія съ самимъ собою. Вы не смотрѣли, Ѳедоръ Ивановичъ, на свою науку и на свое искусство, какъ на предметъ своей исключительной собственности. Эгоистическою замкнутостію, мнительною недоступностію вы не отталкивали отъ себя и не охлаждали молодыхъ стремленій. Либерально и довѣрчиво относились вы къ младшему поколѣнію и нерѣдко, радушно уступая ему свое дѣло, жертвовали даже своею популярностью въ обществѣ. Когда такому человѣку выражается признательность многочисленныхъ почитателей, прискорбно не быть между ними и еще прискорбнѣе было бы, мысленно соединяясь съ ними, не выразить того посредствомъ письма. Позвольте же мнѣ передать вамъ этими строками искреннее, отъ полноты сочувствія идущее желаніе, чтобы вы еще долго служили намъ примѣромъ, бодро продолжая шествіе по пути, уже ознаменованному столькими успѣхами и украшенному общимъ уваженіемъ и общею симпатіей“.

„Никогда не подвергались,—писалъ Ермоловъ,—равному порицанію немощныя ноги мои, непускающія меня на обѣдъ, даваемый вамъ приверженными и обязанными вамъ. Между таковыми принадлежитъ мнѣ мѣсто по справедливости, и г. докторъ Матюшенковъ сдѣлалъ мнѣ много чести, вклю-

чивши меня въ число приглашенныхъ. Ему извѣстно, что вы спасли меня умиравшаго, а за это быть обязаннымъ нѣтъ мѣры. Горестно мнѣ, почтенный благодѣтель, что не пирую въ семьѣ вашей! Примите милостиво, какъ всегда, моего академика, который ребенкомъ былъ на рукахъ вашихъ и конечно потому могъ достигнуть Академіи".

Подъ письмомъ подписано: „Душевно преданный братъ, Ермоловъ" [9]).

Вмѣсто рѣчи, Погодинъ написалъ и напечаталъ слѣдующее письмо къ Иноземцеву: „Я очень жалѣю, любезнѣйшій Ѳедоръ Ивановичъ, что мнѣ не удалось привѣтствовать тебя вчера на прекрасномъ, сердечномъ обѣдѣ, данномъ въ честь твою, въ залѣ Художественнаго класса. Вина впрочемъ не моя: мѣсто досталось мнѣ вдалекѣ, гдѣ было не слыхать произносимыхъ рѣчей, при томъ онѣ слѣдовали одна за другою такъ быстро, и было ихъ столько, что я, съ своей стороны, побоялся ужъ, наконецъ, напомнить бесѣдѣ *Демьянову ухху.* А ты можешь вообразить, сколько я желалъ присоединить свой голосъ къ общему выраженію благодарности и уваженія, и сказать тебѣ нѣсколько словъ, какъ двадцатипятилѣтній твой паціентъ, бывшій товарищъ по университету, и какъ Московскій обыватель.

„Лишь разнесся слухъ объ устройствѣ почетнаго обѣда, думалъ я такъ начать свою рѣчь, обращаясь къ участникамъ: вы поспѣшили подписываться обѣими руками, а я руками и ногами, да и всѣми пятью чувствами.

„Такое выраженіе показалось бы, разумѣется, страннымъ, и я попросилъ бы позволенія объяснить и оправдать его исторіей моихъ болѣзней, тобою излеченныхъ:

„Пятнадцать лѣтъ назадъ, я упалъ съ дрожекъ, по дорогѣ въ Университетъ, и повредилъ себѣ ногу. Всѣ почти Московскіе врачи у меня перебывали. Половина утверждала, что перелома не было, другая—напротивъ; Ѳедоръ Ивановичъ объявилъ рѣшительно, что у меня была fractura colli femoris, принялся лечить, и чрезъ два-три мѣсяца поставилъ на ноги,

на которыхъ и теперь стою твердо, явясь нынѣ, въ очевидное свидѣтельство, даже безъ палки. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, на той же улицѣ, на той же недѣлѣ, близъ прежняго роковаго мѣста, упалъ я опять съ дрожекъ и ушибъ себѣ носъ. Лечить носы мастеровъ у насъ больше, чѣмъ костоправовъ: иной двухъ перечесть не умѣетъ, самъ дальше своего носа не видитъ, а наклеитъ тебѣ такой носъ, что любо. Ѳедоръ Ивановичъ началъ леченіе, конченное успѣшно достойнымъ его преемникомъ. Болѣли у меня уши, отъ того ли, что я простудилъ ихъ, отъ того ли, что въ послѣднее время я наслушался много всякаго вздору, особенно о Русской Исторіи; начались сильныя опухоли, показалась кровь. Онъ употребилъ разныя средства, остановилъ кровь, и болѣзнь миновалась. Болѣли глаза, онъ прописалъ мнѣ воды, тѣ и другія примочки, и я опять принялся за свои корректуры, кои до сихъ поръ читаю безъ очковъ. Такимъ образомъ, со всѣми моими чувствами у него была работа, кромѣ языка, но для языка у насъ есть независящія отъ аптеки и медицины средства, благодаря которымъ можно быть спокойну за нормальное его состояніе и своевременное исправленіе всякихъ аберрацій. Еще болѣла у меня часто грудь. Чрезъ каждые два года онъ посылалъ меня въ Маріенбадъ и Емсъ. Въ послѣдній разъ онъ велѣлъ послѣ Емса отвѣдать, если нужно, Карлсбада. Когда я кончилъ курсъ въ Емсѣ, Франкъ подалъ мнѣ совѣтъ ѣхать въ Вильдбадъ, Енохинъ— прежде въ Ахенъ, Цецуринъ—въ Крейцнахъ, Фейеръ—въ Ниццу, а Хеліусъ—въ Остенде. Я заключилъ, что болѣзни, видно, нѣтъ уже у меня нигдѣ, какъ нѣтъ и опредѣленнаго лекарства, воротился въ Москву, и здѣсь, благодаря совѣтамъ Ѳедора Ивановича, такъ окрѣпъ, что не имѣю нужды ни въ какомъ лекарствѣ, самъ готовъ даже полечить при случаѣ любаго невѣжу хрѣномъ, перцемъ или горчицей.

„Какъ профессоръ, я смѣю свидѣтельствовать, что онъ исполнялъ свою обязанность честно, къ лекціямъ прилагалъ свою душу, и старался передавать ученикамъ своимъ все, что самъ зналъ, безъ утайки, заботился объ ихъ развитіи и само-

стоятельности. Двадцать пять лѣтъ почитать лекціи—это не шутка для того, кто занимается дѣломъ не механически, не какъ-нибудь, и всякое отдохновеніе послѣ такой работы—законно. Кромѣ аудиторіи и клиники, Ѳедоръ Ивановичъ завелъ у себя въ домѣ собственную больницу для вольноприходящихъ, въ которой, подъ его руководствомъ, практиковались ежедневно молодые люди, его ученики, по нѣскольку часовъ, и вся Москва произноситъ уже съ признательностію и любовію имена этихъ, такъ называемыхъ ею, молодцовъ. Многіе изъ нихъ заняли почетныя мѣста въ обществѣ.

„Наконецъ, Московскіе обыватели обязаны ему благодарностію за то, что въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ въ его домѣ, до пятидесяти человѣкъ бѣдныхъ людей получали безмездно совѣты, лекарства, готовые полные консиліумы, и даже содержаніе. Лѣтомъ, не смотря ни на какую погоду, пріѣзжалъ онъ изъ Сокольниковъ, всякой день, чтобы служить этому доброму дѣлу. Каждому изъ насъ случалось часто посылать бѣдняковъ къ нему съ записками.

„Въ заключеніе, я хотѣлъ коснуться ошибокъ, увлеченій, заблужденій, странныхъ выходокъ, въ коихъ иные тебя обвиняютъ. Онѣ очень естественны. Кто молчитъ, тотъ, разумѣется, не можетъ проговориться. Кто ничего не дѣлаетъ, того, разумѣется, нельзя осудить ни за что, кромѣ развѣ лѣности, а изъ работающихъ съ утра до вечера, и на старуху бываетъ проруха. Притомъ у нашей ученой братіи, процессъ физіологическій и психологическій совершается часто иначе, вслѣдствіе разныхъ причинъ: усталости, напряженія, досады, оскорбленнаго самолюбія. Точекъ соприкосновенія у насъ гораздо больше, чѣмъ у прочихъ, точекъ соприкосновенія въ мѣстахъ самыхъ щекотливыхъ, самыхъ чувствительныхъ, въ родѣ noli me tangere, покрытыхъ у другихъ непроницаемой замшевой кожею. Мы имѣемъ, слѣдовательно, право на братское снисхожденіе къ нашимъ слабостямъ. Ну да вы вычтите, сказалъ бы я твоимъ противникамъ, вычтите все осуждаемое вами въ его дѣйствіяхъ изъ той суммы добра, въ которой всѣ мы согласны

и которую вы сами признать должны,—и я увѣренъ, что въ остаткѣ окажется все еще значительная цифра, которой можно пожелать всякому изъ насъ для себя, хотя бъ даже и не столько, а полстолька или четверть столька.

„Вотъ за эту почтенную цифру предложилъ бы я выпить еще разъ въ честь твою, какъ полезнаго профессора, искуснаго врача, благонамѣреннаго гражданина, добраго человѣка. Живи!

„Ничего этого я не могъ сказать тебѣ; прими-жъ, хоть на письмѣ, выраженіе искреннихъ моихъ чувствованій".

На другой день послѣ торжества, Погодинъ услышалъ, что въ одной изъ рѣчей, обращенныхъ къ Иноземцеву, было сказано, что ученая Медицина въ Московскомъ Университетѣ началась только въ послѣднее время. Если это правда, писалъ Погодинъ, то мнѣ жаль, что я не слыхалъ такого утвержденія: я напомнилъ бы имена Рихтера, Мудрова, Лодера, Дядьковскаго, Гильдебрандта, Ризенко, которыхъ нельзя обвинить въ незнакомствѣ съ состояніемъ наукъ въ Европѣ. Довольно, если кому-нибудь изъ ихъ преемниковъ, посчастливится, подобно Иноземцеву, продолжать достойно начатое дѣло, а для начиванія мы пришли уже поздно. Suum cuique—это святое правило сохранять намъ должно преимущественно, и я очень былъ радъ узнать, что Иноземцевъ самъ въ отвѣтѣ исправилъ невѣрное показаніе" [10]).

V.

13 февраля 1859 года, Москва провожала *въ путь всея земли* князя Сергія Михайловича Голицына.

Своимъ благочестіемъ, благодушіемъ, состраданіемъ къ меньшей братіи, стяжалъ онъ достопочтенное наименованіе *послѣдняго боярина*.

О ходѣ его предсмертной болѣзни и кончинѣ мы узнаемъ изъ писемъ его друга митрополита Московскаго Филарета къ своему намѣстнику Лаврскому Антонію:

21 января. „Третьяго дня, выѣзжалъ я къ Святителю Алексію, въ Контору и къ князю Сергію Михайловичу. У него опухоль увеличивается; и дѣйствіе понятій и мыслящей силы не въ прежней степени. Печально видѣть сіе. Спаси, Господи, благородное сословіе. Оскудѣваетъ степенный бояринъ“.

— *30* — „Помолитесь о князѣ Сергіѣ Михайловичѣ. Сегодня слышу, что болѣзненность его отягчается. А я не могъ быть у него на сихъ дняхъ: потому что при освященіи церкви, въ воскресенье, вновь простуда проникла мнѣ въ ноги, а отъ нихъ и далѣе“.

2 февраля 1859. „О князѣ Сергіѣ Михайловичѣ вчера вечеромъ сказали мнѣ, что онъ третьяго дня пріобщался Святыхъ Таинъ, и располагался въ навечеріи нынѣшняго праздника слушать всенощное въ своей комнатѣ. Нынѣшній день послѣ служенія въ Чудовѣ хотѣлъ къ нему заѣхать, но усталъ.

6 февраля. „У князя Сергія Михайловича былъ я третьяго дня. Въ переднихъ, на вопросъ о немъ сказали: страдаетъ. Первое слово его ко мнѣ было: страдаю. Я нашелъ его сидящимъ въ креслахъ облегшимся на спинку ихъ, съ полузакрытыми глазами, съ лицомъ, выражающимъ страданіе. Въ лицѣ опухоли нѣтъ; но въ рукахъ сильная. Я началъ говорить понемногу, думая, что бездѣйствіе для него легче, нежели напряженіе вниманія. Но чрезъ нѣсколько минутъ онъ сталъ входить въ разговоръ; глаза открылись вполнѣ; лицо оживилось; и я бесѣдовалъ съ нимъ около часа. Боялся, что онъ окажется утомленнымъ послѣ меня; но потомъ слышалъ, что онъ весь день былъ въ облегченіи. Но вчера слышалъ, что онъ въ трудномъ состояніи, и память измѣняетъ ему. Господь да спасетъ его.—Спаси Господи чинъ благородныхъ: яко оскудѣ бояринъ“.

10 февраля. „Въ субботу предъ литургіею духовникъ предлагалъ ему пріобщиться Святыхъ Таинъ; онъ отлагалъ было до воскресенья. Но когда священникъ пошелъ въ церковь и началъ проскомидію: князь потребовалъ его, и пріобщился

Святыхъ Таинъ. Потомъ князь Н. И. Трубецкой предложилъ ему благословить присныхъ иконами; и онъ исполнилъ сіе, велѣвъ князю Трубецкому произносить имена ихъ, и самъ напомнилъ ему объ одномъ, непредложенномъ имени младенца. Вечеромъ, во время всенощной, сказали мнѣ о кончинѣ князя Сергія" [11]).

По высочайшей волѣ, отпѣваніе тѣла князя С. М. Голицына было совершено въ домовой церкви Воспитательнаго Дома. Божественную литургію и отпѣваніе совершалъ митрополитъ Московскій Филаретъ. Надгробное слово произносилъ протоіерей С. Г. Терновскій. По окончаніи Богослуженія митрополитъ въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи сослужащихъ спустился вслѣдъ за гробомъ и на площади, среди народа, совершилъ литію. Тѣло князя С. М. Голицына было погребено въ селѣ Влахернскомъ (близъ Кускова), въ церкви Преподобнаго Сергія" [12]).

15 февраля 1859 года, митрополитъ Московскій Филаретъ писалъ А. Н. Муравьеву: „Вы требуете отъ меня надгробнаго слова. Говорилъ не я, а протоіерей Терновскій; и 12 дня, въ праздникъ Святителя Алексія, и 13 при погребеніи князя Сергія Михайловича не могъ я говорить: потому что и служилъ съ трудомъ. Какъ нарочно, въ тоже время дали мнѣ изъ Петербурга трудную и требующую поспѣшности работу. Есть ли о какомъ преставлявшемся, то о князѣ Сергіѣ Михайловичѣ мнѣ пріятно было бы размышлять и бесѣдовать: размышленіе со мной, а бесѣдовать не дано. Воля Господня да будетъ" [13]).

Въ день похоронъ князя С. М. Голицына, П. А. Плетневъ писалъ къ князю П. А. Вяземскому: „Вѣроятно, до васъ дошла вѣсть о кончинѣ князя С. М. Голицына. Разсказываютъ, будто онъ благодарилъ Бога за смерть свою, посланную въ эпоху наступающаго бѣдствія Россіи, разумѣя эмансипацію крѣпостныхъ" [14]).

VI.

Вслѣдъ за кончиною князя С. М. Голицына и одновременно съ учрежденіемъ Редакціонныхъ Коммиссій по крестьянскому дѣлу, сошелъ со сцены государственный дѣятельности достопочтенный графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій.

Незадолго до своего увольненія, а именно 21 августа 1858 года, графъ Закревскій представилъ слѣдующую картину Московской Литературы:

„По разнымъ слухамъ,—писалъ онъ,—и секретнымъ, негласнымъ дознаніямъ, можно предположить, что такъ называемые славянофилы составляютъ у насъ тайное политическое общество. Славянофилы появились послѣ Польской революціи, въ видѣ литературнаго общества любителей Русской старины. Центръ этого общества,—Москва. Литературные органы его: 1. *Русская Бесѣда*, редакторъ Кошелевъ; главные сотрудники: Хомяковъ, Аксаковъ и Самаринъ. 2. *Сельское Благоустройство*, отдѣлъ *Русской Бесѣды*, редакторъ и сотрудники тѣ же. Денежный двигатель общества,—Кокоревъ, поддерживаемый множествомъ купцовъ новаго поколѣнія, которыхъ славянофилы всячески къ себѣ привлекаютъ.

„Общество славянофиловъ развиваетъ общинныя или демократическія начала. Оно составлено отъ лицъ разныхъ сословій, дворянъ, чиновниковъ, купцовъ, мѣщанъ, людей духовнаго званія и ученыхъ.

„Вредное по своему составу и началамъ, общество это надѣется на какое-то покровительство и смѣло распространяетъ кругъ своихъ дѣйствій. Прежде оно имѣло своимъ органомъ одно періодическое изданіе,—*Московскій Сборникъ*, выходившій непостоянно и остановленный изданіемъ въ 1853 году. Кромѣ помянутыхъ двухъ журналовъ необходимо обратить строгое вниманіе высшей цензуры и на слѣдующіе издаваемые также въ Москвѣ:

1. *Русскій Вѣстникъ.* Редакторы: Катковъ и Леонтьевъ. Цензоръ Фонъ-Крузе.

2. *Атеней.* Редакторъ Коршъ, сотрудники: Кетчеръ и другіе. Цензоръ тотъ же.

3. *Московскія Вѣдомости.* Редакторъ Коршъ.

Всѣ эти изданія расходятся въ большомъ числѣ экземпляровъ, читаются пылкою, неопытною молодежью и даютъ направленіе общему мнѣнію. Элементы, которые могутъ послужить неблагонамѣреннымъ людямъ, чтобы произвести переворотъ въ государствѣ, слѣдующіе:

1. Крестьянскій вопросъ—орудіе для возбужденія крестьянъ противъ помѣщиковъ, а послѣднихъ противъ Правительства.

2. Безсрочно-отпускные нижніе чины.

3. Раскольники. Имъ стараются внушать, что они напрасно надѣются на милосердіе царя, а должны ожидать всего отъ перемѣны образа правленія.

4. Фабричный народъ. Этотъ классъ людей давно подготовляется уже къ безпорядкамъ разными иностранными механиками и мастерами на фабрикахъ.

5. Театральныя представленія. Актеръ Щепкинъ, на одномъ изъ своихъ вечеровъ, подалъ мысль, чтобы авторы писали піесы, заимствуя сюжеты изъ сочиненій Герцена и дарили эти піесы бѣднымъ артистамъ на бенефисы.

6. Распространеніе сочиненій Герцена. Въ прошедшемъ году, во время ярмарки въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ продолженіе зимы, одинъ изъ сыновей Щепкина уѣзжалъ нѣсколько разъ изъ Москвы и, какъ говорятъ, развозилъ нѣсколько тысячъ экземпляровъ запрещенныхъ сочиненій на Русскомъ языкѣ. Въ настоящее время, какъ слышно, тайные агенты заняты распространеніемъ изданной Герценомъ книги—Толкованіе Евангелія".

Въ самый годъ своего увольненія, графъ Закревскій представилъ князю В. А. Долгорукову *Списокъ подозрительныхъ лицъ въ Москвѣ* (1859 г.), куда попали: Аксаковъ, Хомяковъ,

Кошелевъ, профессоръ Армфельдтъ (какъ „славянофилъ"), С. А. Масловъ (какъ „славянофилъ"), Катковъ (какъ „западникъ и издатель *Русскаго Вѣстника*"), Кокоревъ (какъ „западникъ, демократъ и возмутитель, желающій безпорядковъ"), И. Ѳ. Мамонтовъ (какъ „другъ Кокорева и товарищъ его во всѣхъ предпріятіяхъ"), П. С. Степановъ (какъ „помощникъ Кокорева по сочиненію статей"), Кетчеръ (у котораго „бываютъ сборища съ неблагонамѣренными замыслами"), Е. И. Якушкинъ (какъ „сынъ ссыльнаго"), Солдатенковъ (какъ „раскольникъ, западникъ, пріятель Кокорева, желающій безпорядковъ и возмущеній"), Погодинъ (какъ „корреспондентъ Герцена, литераторъ, стремящійся къ возмущенію"), Крузе (какъ цензоръ, „какъ пріятель всѣхъ славянофиловъ и западниковъ, какъ другъ Каткова, какъ корреспондентъ Герцена, и наконецъ какъ человѣкъ готовый на все и желающій переворотовъ"), Н. Ф. Павловъ (какъ „литераторъ, корреспондентъ Герцена" и какъ человѣкъ „готовый на все"), князь Ю. А. Оболенскій (какъ „корреспондентъ Герцена"), князь Н. Н. Голицынъ (какъ „корреспондентъ Герцена"), М. С. Щепкинъ (какъ человѣкъ желающій „переворотовъ и на все готовый"), Н. М. Щепкинъ (какъ человѣкъ „дѣйствующій одинаково съ отцомъ"), Осипъ Геръ (какъ „агентъ Кокорева и на все готовый"), Пикулинъ (какъ человѣкъ, желающій безпорядковъ и готовый на все"), Ю. Ѳ. Самаринъ (какъ „славянофилъ и литераторъ", какъ человѣкъ, „желающій безпорядковъ и на все готовый"), Козловъ, преподаватель Русской Словесности (какъ „вертепникъ"), А. А. Котляревскій (какъ „вертепникъ", но „принималъ въ ономъ обществѣ участіе менѣе другихъ"), Разсадинъ, учитель Географіи (какъ „вертепникъ, готовый на все"). Въ этотъ же списокъ попали безъ обозначенія причины: Николай Сатинъ, Бабстъ и Китара"[15])

Насъ удивилъ отзывъ графа Закревскаго о знаменитомъ актерѣ М. С. Щепкинѣ. Къ сожалѣнію, не одинъ графъ Закревскій о немъ такъ думалъ. Вотъ что, напримѣръ, писала о немъ графиня Е. П. Ростопчина:

Долго онъ талантомъ рѣдкимъ
Наблюдательнымъ умомъ,
Бойкой шуткой, словомъ мѣткимъ
На Руси былъ всѣмъ знакомъ,
Былъ въ чести;—но вдругъ природу
Извратить онъ нужнымъ счелъ,
Проповѣдывать свободу
И гуманность онъ пошелъ.

Онъ на сценѣ ужъ не комикъ,
Не артистъ и не актеръ:
Пестрый сборникъ, толстый томикъ,
Въ комъ чужой скопился вздоръ!..
Подражая демократамъ,
На властей, на баръ гремитъ....
Ставъ Терситомъ, не Сократомъ,
Бѣдный старецъ насъ смѣшитъ [16]).

Въ то же время, графъ Закревскій былъ противникомъ освобожденія крестьянъ въ той формѣ, въ какой оно совершалось.

Все это возстановило противъ него и Литературу, и Правительство. Особенное вниманіе графъ Закревскій обратилъ на дѣятельность Кокорева, и передъ самымъ своимъ увольненіемъ (1 марта 1859), онъ писалъ князю А. Θ. Орлову: „Любезный другъ князь Алексѣй Θедоровичъ. Третьяго дня прибылъ сюда Кокоревъ и вчера у больного старика Аксакова, при нѣсколькихъ посѣтителяхъ, говорилъ, что военный министръ призывалъ къ себѣ генералъ-лейтенанта Хрулева и именемъ государя спрашивалъ его: сколько нужно войска въ случаѣ войны,—и что Хрулевъ отвѣчалъ: для Австріи довольно бы пятьдесятъ тысячь, но для Европы надо не менѣе пятисотъ тысячь. Не хочу вѣрить этому. Развѣ въ Петербургѣ мало васъ, давно служащихъ, съ которыми можно говорить о семъ, и развѣ не между вами теперь главнокомандующій арміею, чтобы прибѣгать къ совѣту генерала, бывшаго только дивизіоннымъ командиромъ? Но если, къ несчастію, это правда, то спрашиваю: имѣлъ ли право генералъ говорить о томъ откровенно откупщику“ [17])? Уже послѣ увольненія графа

Закревскаго (31 декабря 1859 г.), самъ Кокоревъ писалъ Погодину о Хрулевѣ слѣдующее: „Хрулеву, по высочайшему повелѣнію, запрещено сидѣть въ лавкѣ и онъ сидитъ рядомъ въ другой комнатѣ и разговариваетъ съ покупателями черезъ порогъ этой комнаты, объясняя и причину почему не можетъ перешагнуть“ [18]).

VII.

Не взирая на то, что графъ Закревскій атеставалъ Кокорева какъ „западника, демократа и возмутителя, желающаго безпорядковъ“, самъ Кокоревъ отдавалъ справедливость несомнѣннымъ достоинствамъ своего осудителя.

Прежде всего Кокоревъ засвидѣтельствовалъ, что „всѣ сыпавшіеся на графа А. А. Закревскаго и его семейство упреки въ поборахъ составляютъ чистѣйшую ложь и выдумку. Графъ Закревскій никакихъ денежныхъ интересовъ изъ своей службы не извлекалъ, и я это говорю какъ бывшій Московскій откупщикъ во времена его генералъ-губернаторства; потому что я знаю, что ни графъ Закревскій, ни семья его не составляли для откупа ни копѣйки расхода“.

Враждебное же отношеніе къ предпринятому освобожденію крестьянъ у графа Закревскаго сложилось, по свидѣтельству того же Кокорева, „изъ его внутренняго совѣстнаго убѣжденія въ томъ, что крестьяне его живутъ лучше казенныхъ крестьянъ и вполнѣ благоденствуютъ. И дѣйствительно, въ имѣніяхъ графа Закревскаго были школы и больницы, были хорошія просторныя избы и скотные дворы у крестьянъ съ достаточнымъ количествомъ лошадей и коровъ, однимъ словомъ, было полное довольство, выражавшееся въ наружномъ видѣ крестьянъ, въ здоровомъ цвѣтѣ лица и приличной одеждѣ. Все это достигалось тѣмъ, что за худовспаханную и малоудобренную полосу земли и за пьянство полагалось строгое взысканіе. Кабаковъ въ имѣніяхъ графа Закревскаго нигдѣ не допускалось, и въ тоже время для

варки корчажнаго пива въ деревняхъ къ праздникамъ, графъ Закревскій дарилъ крестьянамъ отъ себя хмѣль и въ дни сельскихъ праздниковъ заходилъ самъ къ крестьянамъ пробовать пиво, раздавая при этомъ крестьянскимъ дѣтямъ пряники, чему я былъ неоднократно свидѣтелемъ. По мнѣнію графа Закревскаго, полная свобода должна произвести своеволіе, которое въ свою очередь породитъ пьянство, самодурство, обнищаніе".

Высказавъ это, Кокоревъ, въ 1885 году, долженъ былъ сознаться: „Горькія послѣдствія, предвидѣнныя графомъ Закревскимъ, произошли отъ того, что для новой крестьянской жизни были сочинены правила, продиктованныя умозрѣніемъ безъ всякаго согласованія ихъ съ дѣйствительными потребностями народной жизни.

„Я увѣренъ,—продолжаетъ В. А. Кокоревъ,—что если бы графу Закревскому было прямо и рѣшительно сказано, что освобожденіе крестьянъ должно неминуемо совершиться, но что при этомъ надобно обсудить какъ лучше устроить это дѣло въ смыслѣ сохраненія дворянскихъ и крестьянскихъ интересовъ и еслибы для обсужденія этого вопроса, вмѣсто говоруновъ, былъ назначенъ въ комитетъ самъ графъ Закревскій, то онъ придумалъ бы лучше всѣхъ средство къ упроченію сельскаго хозяйства въ дворянскихъ имѣніяхъ и на крестьянскихъ земляхъ; потому что въ имѣніяхъ графа Закревскаго существовали въ жизни всѣхъ его крестьянъ благоустройство и довольство".

Въ справедливости сказаннаго Кокоревымъ,—замѣчаетъ П. И. Бартеневъ—„убѣдится всякій читавшій біографію графа Киселева, написанную А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ. Завзятые враги графа Закревскаго должны были совсѣмъ измѣнить свои понятія о немъ, когда появилась въ свѣтъ эта книга" [19]).

Для характеристики графа Закревскаго, приведу письмо ко мнѣ П. Д. Ахлестышева: „На большомъ балѣ въ Дворянскомъ Собраніи,—пишетъ онъ,—въ которомъ принимало уча-

стіе все тогдашнее высшее Московское общество, покойный отецъ мой представилъ меня графу Арсенію Андреевичу Закревскому... Живо помню могучую фигуру графа Закревскаго, затянутую въ мундиръ съ высокимъ шитымъ воротникомъ, его суровое лицо и тотъ взглядъ, которымъ онъ меня окинулъ, когда отецъ подвелъ меня, тогда студента Московскаго Университета. Взявъ меня за пуговицу, Закревскій съ удареніемъ и разстановкою сказалъ: *Будьте такимъ же честнымъ, какъ вашъ отецъ*"!

Надо замѣтить, что генералъ Дмитрій Дмитріевичъ Ахлестышевъ, за свою честность и благородство, пользовался всеобщимъ уваженіемъ, а его дружба съ писателями свидѣтельствовала, что его сабля воина не враждовала съ перомъ писателя.

Какъ бы то ни было, 16 апрѣля 1859 года, состоялось увольненіе графа Закревскаго.

20 апрѣля того же 1859 года, митрополитъ Московскій Филаретъ писалъ Антонію: „Въ пятницу обѣдалъ я за торжественнымъ обѣдомъ у генералъ-губернатора графа Арсенія Андреевича; онъ сказывалъ, между прочимъ, что думалъ побывать въ дальнихъ деревняхъ своей супруги, но ему отсовѣтовали просить на сіе разрѣшенія; а въ субботу получилъ я отъ него отношеніе, что онъ, 16 дня, въ четвергъ, уволенъ, а въ пятницу 17 дня на его мѣсто назначенъ графъ Строгановъ. Такъ *преходитъ образъ міра сего внезапно*" [20]).

Внѣшнимъ поводомъ къ увольненію графа Закревскаго послужилъ второй бракъ его дочери. Въ *Дневникѣ* П. А. Валуева 1859 г., мы находимъ объ этомъ слѣдующія свѣдѣнія:

Подъ *16 апрѣля*: „Графиня Нессельроде, урожденная Закревская, при жизни мужа, вышла замужъ за князя Друцкаго. Узнали объ этомъ по случаю проѣзда князя и княгини Друцкихъ черезъ Варшаву, по паспорту, данному Закревскимъ. Когда черезъ шефа жандармовъ сдѣланъ былъ запросъ графу Закревскому, то онъ самъ написалъ государю, что онъ дозволилъ бракъ и что тому бывали примѣры. Госу-

дарь, какъ слышно, крѣпко разсердился и приказалъ оберъ-прокурору Св. Сѵнода графу А. П. Толстому дать дѣлу законный ходъ. Слѣдовательно, Закревскій не можетъ долѣе оставаться Московскимъ генералъ-губернаторомъ".

Подъ *18 апрѣля*: „Былъ утромъ у князя Орлова. Онъ постарѣлъ и опустился. Слышалъ отъ него подробности объ увольненіи графа Закревскаго. Орловъ былъ его всегдашнимъ покровителемъ *) и огорченъ увольненіемъ, хотя не оправдываетъ Закревскаго" [21]).

Никитенко съ какимъ-то злорадствомъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 19 апрѣля 1859 г.: „Всѣхъ очень обрадовало отрѣшеніе отъ должности Закревскаго. Онъ сдѣлалъ вещь невѣроятную по своей наглости и призрѣнію всѣхъ законовъ. Ни одинъ священникъ не хотѣлъ вѣнчать (его дочери). Наконецъ, Закревскій нашелъ одного, который подъ угрозой ссылки въ Сибирь, согласился, наконецъ, ихъ перевѣнчать. Объ этомъ Закревскій имѣлъ дерзость самъ извѣстить государя. Вслѣдъ за тѣмъ и состоялось его увольненіе".

Подъ 1 числомъ мая, въ томъ же *Дневникѣ*, читаемъ: „Москва, говорятъ, сильно жалѣетъ объ отставкѣ Закревскаго. Если это правда, то вотъ вамъ общественное наше мнѣніе! А не она ли вопила прежде: когда мы отъ него избавимся"!

Но вскорѣ Д. П. Хрущовъ успокоилъ Никитенко, и онъ, подъ 3 мая, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Нѣтъ, это неправда, что Москва сожалѣетъ о Закревскомъ. Напротивъ, она въ восторгѣ отъ его паденія. Сегодня я былъ у Д. П. Хрущова, и онъ читалъ мнѣ письмо одного изъ Московскихъ своихъ пріятелей. Онъ пишетъ, что радость была всеобщая; многіе обнимались и цѣловались, поздравляя другъ друга съ этимъ событіемъ, и благодарили государя. Недовольныхъ было только нѣсколько чиновниковъ" [22]).

Но мы имѣемъ гораздо болѣе довѣрія къ слѣдующему извѣстію, сохранившемуся въ *Старой Записной Книжкѣ*

---

*) Вѣрнѣе, другомъ. *Н. Б.*

князя П. А. Вяземскаго: „Въ Москвѣ приписываютъ паденіе Закревскаго не противозаконнымъ дѣйствіямъ его въ бракѣ замужней дочери, а тому, что онъ отстаивалъ дворянскія и помѣщичьи права. Вслѣдствіе того сдѣлали сильную демонстрацію: тысячи Москвичей и иногороднихъ дворянъ явились къ нему въ первые два дня отрѣшенія его отъ должности, съ изъявленіями преданности, признательности и сожалѣнія" [23]).

VIII.

Въ первый день праздника Пасхи и въ день рожденія императора Александра II-го, 17 апрѣля 1859 года, преемникомъ графа Закревскаго назначенъ графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ.

Шевыревъ, будучи не доволенъ Закревскимъ за дѣйствія его въ печальной исторіи столкновенія съ графомъ Бобринскимъ, писалъ Погодину (19 апрѣля 1859 года): „Вечеромъ пріѣхали къ намъ родныя Бакунины, а потомъ воротилась изъ гостей жена, и я отъ нихъ узналъ, что Закревскій, 16-го апрѣля, отставленъ, а на мѣсто его назначенъ Строгановъ. Что скажешь ты объ этомъ назначеніи? Спрашивается, зачѣмъ же держали человѣка четыре года и черезъ него Москву въ черномъ тѣлѣ для того, чтобы потомъ отставить съ безчестьемъ? Закревскаго не пригласили къ флигель-адъютантскому обѣду, а онъ разглашалъ, что, приглашенный онъ самъ не поѣхалъ. Въ первый день праздника я сидѣлъ у С. П. Шипова; бесѣдовали: Анна Евграфовна, Бутовскій, жена его, Чижовъ и я. Рѣчь была о Петербургѣ. Лишь только разразился я довольно краснорѣчивой филиппикой противъ узкой мѣрки, въ какой даетъ онъ намъ всемірное просвѣщеніе, искажая мысль своего основателя, какъ Шиповъ, показывая мнѣ уставъ Комитета грамотности, который я привезъ ему въ числѣ десяти экземпляровъ, говоритъ мнѣ, что сейчасъ вручитъ его графу Закревскому, который пріѣхалъ. Не успѣлъ онъ вымолвить его имя, какъ я, двинутый невольнымъ чувствомъ отвра-

щенія, такого далъ стречка изъ гостиной, что самъ такого за собой не запомню. Глаза наши встрѣтились — и чуть мы не стукнулись лбами. Мое мгновенное исчезновеніе, думаю, удивило всю компанію. Оно было быстрѣе молніи. Недавно, сенаторъ Казначеевъ, другъ и товарищъ Аксакова, сочинилъ обѣдъ въ честь Закревскаго. Втянули тутъ и Шипова. Меня хотѣли пригласить въ участники и описатели обѣда. Я далъ знать, чтобы и не думали, а человѣку приказалъ никого не принимать, на всякій случай. Казначеевъ сочинилъ рѣчь, гдѣ была слѣдующая фраза: *Это подвигъ истиннаго сына Отечества*. Мнѣ пришелъ въ голову анекдотъ. Чиновникъ долженъ былъ произносить похвальную рѣчь начальнику губерніи и у него заготовлена была фраза: *Это подвигъ, достойный истиннаго сына Отечества*. Чиновникъ былъ охотникъ до всѣхъ журналовъ — и какъ-то забывшись, сказалъ: Это подвигъ, достойный истинной *Библіотеки для Чтенія*... потомъ опомнившись, хотѣлъ поправиться и прибавилъ: Тьфу пропасть... истинныхъ *Отечественныхъ Записокъ*... Ахъ, извините... истиннаго *Современника*... и потомъ: ахъ нѣтъ, нѣтъ, какъ бишь его этотъ давнишній журналъ: истиннаго *Сына Отечества*".

Въ заключеніе своего письма Шевыревъ спрашиваетъ: „Что ожидаетъ Москву? Все-таки, думаю, будетъ лучше, безъ сомнѣнія, но конечно, не намъ съ тобою."

Въ тотъ же день Погодинъ отвѣчалъ Шевыреву: „Случилось съ Москвичами, что съ лягушками, просившими царя. У Строганова накопилось желчи въ продолженіе десяти лѣтъ страшное количество. Онъ начнетъ съ изгнанія всѣхъ сотрудниковъ Закревскаго. Да этого мало. Изгоняя всякаго, онъ будетъ пилить, терзать и тѣшиться. Вотъ и составится противъ него первая фаланга противниковъ. Потомъ онъ заведетъ исторіи со всѣми министрами, которыхъ презираетъ, и со всѣми вѣдомствами, которыя и поймаютъ его чрезъ годъ, много чрезъ два, на какую-нибудь уду. Зло сдѣлать у насъ много мастеровъ. А если Строгановъ на досугѣ обдумался и

измѣнилъ свой взглядъ на людей и вещи, тогда онъ можетъ сдѣлать много добра. Дай Богъ! Наше утѣшеніе и услажденіе въ трудахъ" [24])!

28 апрѣля 1859 года, новый генералъ-губернаторъ пріѣхалъ въ Москву и въ тотъ же день принималъ лицъ служащихъ. Привѣтливость и вниманіе новаго начальника сдѣлали на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе, которое еще болѣе усилилось визитомъ графа Строганова въ тотъ же вечеръ къ его предмѣстнику [25]).

10 мая того же 1859 года, Москва чествовала своего новаго генералъ-губернатора обѣдомъ. По свидѣтельству современниковъ, на этотъ обѣдъ „собралось слишкомъ четыреста лицъ разныхъ сословій: дворянства, купечества, властей судебныхъ и административныхъ, членовъ университета, литераторовъ, а также нѣсколько студентовъ, приглашенныхъ въ качествѣ гостей. Обѣдъ происходилъ въ домѣ Благороднаго Собранія; на немъ должны были быть произнесены семь привѣтственныхъ рѣчей, въ которыхъ бы высказались убѣжденія, надежды, ожиданія разныхъ слоевъ Московскаго общества; но, за исключеніемъ рѣчи губернскаго предводителя и рѣчи профессора Московскаго Университета С. М. Соловьева, прочія произнесены не были. Губернскій предводитель дворянства Воейковъ сказалъ: „Въ настоящую минуту, когда мы всѣ одушевлены самыми живыми ощущеніями, мы вдвойнѣ счастливы, встрѣчая въ новомъ начальникѣ нашемъ и государственнаго сановника, преданнаго общественному дѣлу, и человѣка искренно-любящаго Москву. Вотъ отчего, на первый вызовъ: встрѣтить именитаго человѣка, графа Строганова, по доброму старинному обычаю, съ хлѣбомъ и солью, такъ усердно и такъ единодушно откликнулись всѣ сословія: и столѣтній Университетъ нашъ, который возродился и выросъ подъ вашимъ попечительствомъ, и городъ, который хорошо знаетъ, что каждая копѣйка будетъ строго сочтена и сбережена на дѣло, и граждане, которые знаютъ какъ много дорожилъ бывшій Минскій военный губернаторъ мнѣніемъ общества, какъ берегъ

онъ его и какъ много добра и пользы принесъ онъ тамошнему краю *).

„Въ числѣ гражданъ привѣтствуемъ васъ и мы, дворяне Московской губерніи. Мы гордимся, что выборъ августѣйшаго монарха палъ на того, кого мы сами еще такъ недавно выбрали на самую высокую, самую почетную должность,— должность начальника Московскаго народнаго ополченія.

„Мы счастливы, что выборъ этотъ палъ на того, кто долгое время жилъ посреди насъ и хорошо знаетъ и наши надобности, и наши надежды. Мы твердо убѣждены, что въ рукахъ графа Строганова громадная власть генералъ-губернатора будетъ обращена на одно служеніе обществу и что, опираясь на строгое уваженіе къ закону, онъ будетъ для насъ символомъ правды и общественнаго спокойствія. Съ этою увѣренностью, мы пьемъ за здоровье графа Сергія Григорьевича Строганова“.

Громкое единодушное ура, смѣшанное съ рукоплесканіями присутствующихъ, единодушно подтвердили мысли, высказанныя губернскимъ предводителемъ дворянства.

Въ отвѣтъ на это, графъ Строгановъ обратился къ присутствующимъ съ такими словами: „По радушной встрѣчѣ вашей, господа, я вижу, что вы принимаете меня, какъ знакомаго. Дѣйствительно, я не новый для васъ человѣкъ. Многіе изъ васъ знали меня еще въ аудиторіяхъ Университета, въ то время, когда преподаватели, слушатели и начальство составляли одну семью. Дворянство Московское два раза сдѣлало мнѣ честь выборомъ въ важныя должности. Съ купечествомъ я нѣкогда имѣлъ близкія сношенія, по званію предсѣдателя здѣшняго Мануфактурнаго Совѣта. Вы видите, господа, что знакомство наше старое, двадцатилѣтнее. Я снова готовъ служить обществу, на тѣхъ началахъ, которыя вы (обращаясь къ губернскому предводителю) такъ пре-

*) Съ 22 августа 1830 по 25 апрѣля 1832 г., графъ С. Г. Строгановъ былъ Минскимъ военнымъ губернаторомъ. *Н. Б.*

красно изложили и отъ которыхъ такъ много зависитъ въ будущемъ для Москвы. Надѣюсь, что служеніе это принесетъ пользу, при содѣйствіи людей благомыслящихъ и любящихъ свое Отечество, которыхъ и призываю на помощь. Мы должны стараться вмѣстѣ достигать цѣли. Не знаю, долго ли мнѣ суждено пробыть среди васъ; но увѣренъ, что при разставаньи ни одинъ человѣкъ не упрекнетъ меня въ томъ, что я отступилъ отъ началъ, вами высказанныхъ. Благодарю васъ, господа, за радушный пріемъ вашъ".

Слова эти были приняты съ восторгомъ. Прошедшее новаго Московскаго генералъ-губернатора подтверждаетъ, что данное имъ обществу обѣщаніе будетъ исполнено свято. Прочія рѣчи, приготовленныя для этого праздника, хотя и не были произнесены за обѣдомъ, но были прочтены нѣкоторыми изъ присутствующихъ. Всѣ онѣ сходились въ сочувствіи къ графу Строганову, всѣ онѣ выражали надежды и ожиданія всего лучшаго отъ новаго начальника столицы" [26]).

Графъ П. Х. Граббе, въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 26 мая 1859 года, записалъ слѣдующее: „Хлѣбъ-соль Московскому новому генералъ-губернатору графу С. Г. Строганову. Послѣ полицейскаго управленія предмѣстника его, Москва свободно вздохнула и заговорила отъ души. Этотъ доблестный человѣкъ въ трудное время поступаетъ въ свое новое званіе" [27]).

Погодинъ, разумѣется, на этомъ обѣдѣ не былъ, но въ *Дневникѣ* своемъ записалъ: „Кокоревъ о неудавшемся обѣдѣ Строганову, гдѣ комендантъ предупредилъ, что графъ не желаетъ рѣчей".

14 іюня 1859 года, митрополитъ Филаретъ писалъ викарію Московской митрополіи епископу Дмитровскому Леониду: „Когда увидите графа С. Г. Строганова, изъявите ему отъ меня искреннюю благодарность за его расположеніе щадить мое безсиліе и благопріятствовать моему отдыху. Но если бы я и предваренъ былъ о прибытіи великаго князя въ Москву, я не могъ бы явиться для срѣтенія его; потому что въ сіе время провелъ нѣсколько дней, трудно болѣзнен-

ныхъ, въ слѣдствіе моихъ простудъ во время послѣдняго путешествія“ [28]).

Кратковременное генералъ-губернаторство графа С. Г. Строганова ознаменовалось страшными пожарами, устрашившими Москвичей.

Подъ *14 іюля 1859 года*, Погодинъ, въ своемъ *Дневникѣ*, записалъ: „Вечеромъ напуганъ слухомъ о пожарахъ“.

На другой день, изъ своего Щекина, Шевыревъ писалъ Погодину: „Въ Москвѣ все пожары. И никому до этого дѣла нѣтъ! Хоть бы Строганову прибавили титулъ: князь Пожарскій... Я хотѣлъ къ тебѣ писать письмо о пожарахъ: Вотъ недавно и мой домъ съ моими матеріалами лекцій и лекціями и библіотекою подвергался опасности. Богъ пока сохранилъ. Не знаю, что будетъ далѣе“.

Вслѣдъ за симъ, Шевыревъ (16 іюля) опять пишетъ Погодину: „Сдѣлай милость, увѣдомь, что дѣлается съ Москвою? Въ осадѣ она что ли отъ внутреннихъ враговъ, которые опаснѣе внѣшнихъ? Вчера прислали мнѣ изъ дому письмо съ нарочнымъ, въ которомъ увѣдомляютъ, что полиція отказывается отъ возможности избавить городъ отъ зажигателей и поручаетъ дома дворникамъ; что всѣ уложились и живутъ какъ на бивакахъ, квартальный первый; что народъ поднимаетъ икону Божіей Матери изъ Страстнаго монастыря и носитъ ее изъ дому въ домъ; что полиція хватаетъ зажигателей и освобождаетъ ихъ; что зажигатели говорятъ: всѣхъ насъ не переловишь; что бываетъ до семи пожаровъ въ день; жду твоего увѣдомленія и совѣта — не ѣхать ли самому въ городъ. Велѣлъ я убрать что̀ подороже въ домѣ и лекціи. Придется, можетъ быть, уложить въ ящики и всю библіотеку. Что же дѣлаетъ графъ Строгановъ?—При такой мудреной и новой задачѣ, человѣку, неопытному въ дѣлѣ управленія городомъ, котораго онъ не знаетъ, немудрено потерять и голову, тѣмъ болѣе, что голова никогда особенно хитра не была. Къ тому же, если начнетъ по обычаю гуманничать съ мошенниками, то вѣдь пострадаютъ всѣ добрые. Мнѣ кажется,

тебѣ время и кстати поѣхать къ нему и предложить мѣры для водворенія спокойствія и безопасности въ столицѣ. Соединись съ нѣкоторыми гражданами. Пригласи Кокорева, Мамонтова, Лобкова, Гучковыхъ. Какъ же, помилуй, дворникамъ квартальные велятъ стеречь дома отъ зажигателей, а ночью улицъ не освѣщаютъ — и бываетъ не зги не видно. Ты во время холеры жертвовалъ собою для Москвы — и принесъ много пользы. Покажи себя и теперь. Тутъ безопасность всеобщая. Тутъ страдаютъ всѣ Москвичи. Можно кликнуть кличъ студентамъ. Они, переряженные, пойдутъ отыскивать мошенниковъ. Они учредятъ изъ себя сторожей и хранителей города повсюду, если ужъ полиція отказывается стеречь насъ. Вѣдь эдакъ, чего добраго, Москва восплачется пожалуй о Закревскомъ! Оставь пока заграничную политику, когда есть дома свое дѣло, самое близкое. Если бы и принята была не какъ слѣдуетъ твоя услуга, то Москва тебѣ скажетъ спасибо, за твой шагъ. Онъ, можетъ быть, разбудитъ дремлющихъ. Протестуй тогда письмомъ—и оно полетитъ, какъ письмо къ министру *), по всей Россіи и посѣетъ добро. Не хорошо, право, что мы въ такое время не имѣемъ органа и негдѣ сказать слова. Кто знаетъ—можетъ быть въ эту минуту я ужъ весь погорѣлъ".

На это письмо Погодинъ, въ тотъ же день, отвѣчалъ: „Правду сказать, что Москва находится въ тревожномъ состояніи, но до тебя дошли слухи все-таки преувеличенные, любезнѣйшій Степанъ Петровичь! Послѣдніе три дня были гораздо поспокойнѣе—что-то Богъ дастъ впередъ. Начальство городское не показываетъ особенной дѣятельности. Что тутъ дѣлать намъ частнымъ людямъ. Я два дня также и двѣ ночи провелъ въ большомъ страхѣ. Твои бумаги по крайней мѣрѣ прибраны, а мои разсыпаны по всему дому. Принялся разбирать, пошлю и за твоими лекціями, чтобъ сложить ихъ вмѣстѣ въ каменной кладовой. Вотъ онѣ наши сокровища,

---

*) Народнаго Просвѣщенія Е. П. Ковалевскому. *Н. Б.*

надъ ними употреблена жизнь. Если случится, или окажется что-нибудь важное, то я тебя увѣдомлю, а теперь пока ты можешь еще подумать въ деревнѣ, на чистомъ воздухѣ. Время грустное и тяжелое. Люди мелѣютъ. Изъ Петербурга не слышится ничего утѣшительнаго. Я написалъ къ Ровинскому, прокурору, чтобы онъ передалъ содержаніе графу Строганову, о мѣрахъ нужныхъ. Есть поджигатели непремѣнно. Многіе пойманы, какъ въ Москвѣ, такъ и Петербургѣ и другихъ городахъ. Ну какъ бы, кажется, не найти: кто, гдѣ, какъ подговариваетъ" [29]).

Московскіе пожары также безпокоили и митрополита Московскаго Филарета, и онъ писалъ къ Антонію: „Москву пожары одолѣли. Когда я по пріѣздѣ говорилъ, что надобно искать злоумышленниковъ, начальство не совсѣмъ вѣрило сему. Теперь поджоги ясны. Да поможетъ Богъ правосудіемъ надъ нѣкоторыми, устрашить и привести въ бездѣйствіе прочихъ злоумышленниковъ".

Въ другомъ своемъ письмѣ (отъ 20 іюля), митрополитъ писалъ: „Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были молебствія, частныя, и отъ нѣкоторыхъ церквей совокупно. И это хорошо, что по собственному желанію обывателей. Кажется, опасность уменьшается съ тѣхъ поръ, какъ поймано нѣсколько злоумышленниковъ, и дѣятельность властей возбуждена противъ нихъ" [30]).

Къ сожалѣнію, кратковременное генералъ-губернаторство графа С. Г. Строганова ознаменовалось въ Москвѣ только этимъ печальнымъ событіемъ, и не успѣло оправдать возлагавшіяся на него надежды многихъ.

IX.

8 сентября 1859 года, исполнилось совершеннолѣтіе наслѣдника Русскаго престола, цесаревича Николая Александровича.

Въ тотъ же день былъ обнародованъ слѣдующій высочайшій манифестъ:

„Божіею Милостію,

Мы, Александръ Вторый,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

За шестнадцать предъ симъ лѣтъ, 8 сентября, въ день, столь достопамятный въ лѣтописяхъ Россіи пораженіемъ полчищъ Мамая, Господу Богу, искони ей благодѣющему, угодно было даровать Намъ Первенца-Сына, Великаго Князя—нынѣ Государя Наслѣдника Цесаревича—Николая Александровича. Радостно было принято тогда счастливое сіе событіе Блаженной памяти Родителемъ Нашимъ и всѣми сословіями Имперіи.

Хранимый Всеблагимъ Провидѣніемъ, воспитанный Нами въ неуклонномъ слѣдованіи правиламъ церкви Православной, въ теплой любви къ Отечеству, въ сознаніи Своего долга, Его Императорское Высочество достигъ въ текущемъ году установленнаго основными законами Нашими совершеннолѣтія и, по принесеніи сего числа Всевышнему благодарственнаго молебствія, торжественно, въ присутствіи Нашемъ, произнесъ присягу на служеніе Намъ и Государству.

Возвѣщая о семъ любезно-вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ, Мы призываемъ ихъ къ усердной, общей съ Нами молитвѣ: да вознесутся обѣты юной души Цесаревича къ Престолу Всемогущаго! Да услышитъ ихъ Сердцевѣдецъ и осѣнитъ Его благословеніемъ свыше! Да ведетъ Его на предлежащемъ Ему великомъ и трудномъ поприщѣ путемъ правымъ и непреткновеннымъ, разумъ Его озаритъ мудростію, сердце украситъ добродѣтелями, духъ же исполнитъ мужества и силы къ поднятію бремени, нѣкогда Его ожидающаго!

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 8-й день сентября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ пятьдесятъ девятое, Царствованія же Нашего въ пятое".

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою подписано: Александръ [31]).

Въ тотъ же день, на основаніи § 27-го *Учрежденія объ Императорской Фамиліи*, Московскій военный генералъ-губернаторъ графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ былъ назначенъ „въ званіе попечителя къ его императорскому высочеству государю наслѣднику цесаревичу“ [32]).

На мѣсто же графа Строганова, Московскимъ генералъ-губернаторомъ, того же 8 сентября 1859 года, назначенъ былъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ.

Митрополитъ Московскій Филаретъ, 13 сентября 1859 года, привѣтствовалъ новаго генералъ-губернатора въ такихъ выраженіяхъ: „Усердно призываю вамъ Божіе благословеніе и помощь на предлежащіе вамъ подвиги, и съ упованіемъ молю Бога, да будутъ оные благоугодны благочестивѣйшему государю императору, благотворны для столицы и Отечества“ [33]).

Погодинъ, въ письмѣ своемъ къ издателю *Русской Газеты*, между прочимъ, писалъ: „Вы, равно какъ и прочія газеты, сообщаете намъ телеграфическія депеши, было или нѣтъ такого-то числа собраніе Комитета въ Цюрихѣ, одобряетъ *Times* или не одобряетъ Китайскую Экспедицію, что̀ случилось въ Морокко, по случаю болѣзни правителя,—а что̀ произошло въ Петербургѣ, то узнаемъ мы чрезъ долгое время; что̀ произошло въ знаменитый день совершеннолѣтія государя цесаревича, мы услыщали на четвертый или пятый день; о назначеніи новаго генералъ-губернатора въ Москву, мы прочли только нынѣ 12-го сентября. Помилуйте,—вѣдь это доходитъ до комическаго, представляя разительное доказательство нашей неповоротливости или недогадливости: почему же вамъ не получать телеграфическихъ извѣстій о *своихъ* происшествіяхъ, болѣе для насъ интересныхъ и важныхъ, чѣмъ Морокко, Китай и Цюрихъ“ [34])?

23 ноября 1859 года, въ Московскомъ Англійскомъ Клубѣ, Погодинъ привѣтствовалъ П. А. Тучкова слѣдующею рѣчью: „Мы живемъ въ мудреное время. Во всей Европѣ, отъ одного конца до другаго, готовятся важныя событія. Ту-

чами покрывается горизонтъ, и только слѣпцы не видятъ проблесковъ молніи, которые по мѣстамъ сверкаютъ въ глаза. И у насъ, въ Россіи, хотя идущей своимъ особеннымъ путемъ, примѣчается, въ исполненіе непреложныхъ законовъ историческаго развитія, много явленій, совершенно новыхъ, и для большинства неожданныхъ. Самимъ Правительствомъ подняты и предоставлены общему, гласному сужденію такіе вопросы, о которыхъ никогда слыхомъ у насъ не было слышно. Другіе вопросы стоятъ на очереди: если улучшится бытъ крестьянъ, то естественно не могутъ и другія сословія, дѣти одного отца и одной матери, остаться безъ новыхъ, соотвѣтственныхъ вѣку, попеченій объ улучшеніи ихъ быта—дворяне, чиновники, купцы, духовные. При такомъ возбужденіи общихъ задачъ, обнимающихъ нашу жизнь, неизбѣжны толки разсужденія, возраженія, объясненія, пересуды, споры, съ обыкновенными при нихъ ошибками, увлеченіями, пристрастіями, противорѣчіями, и вотъ, въ обществѣ, въ Литературѣ, раздается уже не отвлеченная, а живая рѣчь, изустная, которая ударяетъ по самымъ чувствительнымъ струнамъ нашего сердца и возбуждаетъ горячее участіе.

„Москва есть средоточіе Россіи. Сюда собираются ея представители со всѣхъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ. Въ Москвѣ, въ нашемъ дружескомъ обществѣ, Правительство можетъ слышать, собирать, такія драгоцѣнныя вѣрныя свѣдѣнія, какихъ никакъ нигдѣ не можетъ оно достать отъ своихъ оффиціальныхъ агентовъ; Правительство здѣсь можетъ судить о повсемѣстномъ настроеніи, узнавать потребности, угадывать желанія. Не только въ громкихъ рѣчахъ, но и въ тихомъ молчаніи бываетъ иногда возможно слышать, въ тѣхъ или другихъ звукахъ голоса, въ движеніяхъ глазъ, въ чертахъ лица, узнавать правду. Быть вѣрнымъ, безпристрастнымъ посредникомъ между обществомъ и верховною властію, въ такое многознаменательное время,—о, это великое дѣло, которое имѣетъ значеніе для всего Отечества!

„Ваше имя, Павелъ Алексѣевичъ, принадлежитъ къ числу

искони любезныхъ именъ для Московскихъ жителей. Четверо Тучковыхъ, въ священную нашу войну, билось за Москву подъ Бородинымъ; два изъ нихъ пали, защищая родную землю. Одинъ Тучковъ погибъ еще на Куликовомъ полѣ, въ рядахъ Димитрія Донскаго. Но наше время имѣетъ гораздо болѣе нужды въ мирныхъ гражданскихъ добродѣтеляхъ, чѣмъ въ бранной славѣ. Москва, въ краткое время вашего управленія, по нѣкоторымъ даннымъ, почуяла въ васъ эту любовь, эту кротость, эту снисходительность, вѣжливость, уваженіе къ правамъ, правиламъ, личности, которыя всего нужнѣе намъ на эту пору, чтобъ водворить вездѣ согласіе, возбуждать довѣріе, разливать спокойствіе, соединять всѣ сословія братскими чувствами для исполненія обязанностей, на всѣхъ лежащихъ. Страхомъ, насиліемъ, угрозами, грубостію, теперь ничего не сдѣлаешь, или сдѣлаешь хуже. Пора для этихъ пріемовъ, прежде, можетъ быть, нужныхъ, прошла безвозвратно.

„Пріятельское собраніе наше, Русское въ полномъ смыслѣ слова, называется искони Англійскимъ Клубомъ. Извлечемъ пользу изъ этого случайнаго названія. Англичане даютъ Европейцамъ образчики свободной искренней рѣчи, и вмѣстѣ разительныя доказательства, что такая свободная и искренняя рѣчь служитъ первымъ залогомъ преуспѣянія Государства, и не только никогда не можетъ принести соразмѣрнаго вреда, но, напротивъ, всегда приноситъ величайшую пользу. Будемъ же говорить свободно и искренно, безъ всякихъ околичностей, безъ чиновъ. Богъ съ ними, съ этими чинами, со всѣми лентами и звѣздами. Оставимъ ихъ для парадовъ, для церемоній, для утреннихъ представленій. Здѣсь, за хлѣбомъ-солью, съ бокалами вина въ рукахъ, Русскіе люди, пожелаемъ, безъ казенныхъ условныхъ фразъ, опротивѣвшихъ всѣмъ до злагоря, пожелаемъ мы новому нашему начальнику совершеннаго успѣха въ исполненіи трудной его обязанности, къ общему всѣхъ удовольствію, къ пользѣ города, къ чести своего имени и славѣ благодушнаго нашего государя.

„Мм. Гг., вѣрно ли я выразилъ ваши мысли?

„Поднимемъ бокалы въ честь Московскаго градоначальника Павла Алексѣевича Тучкова“.

X.

Получивъ новое назначеніе, графъ С. Г. Строгановъ переселился въ С.-Петербургъ, на постоянное жительство, въ своемъ старинномъ домѣ, у Полицейскаго моста, съ залами, картинной галереею и съ „безподобнымъ кабинетомъ“.

Назначеніе графа С. Г. Строганова попечителемъ наслѣдника было для многихъ событіемъ радостнымъ; но только не для Погодина и Шевырева. Къ тому же Погодинъ, какъ мы уже узнаемъ, самъ мечталъ занять это мѣсто; а графа Строганова почиталъ „роковымъ своимъ противникомъ и препирателемъ на всемъ пути своей жизни“.

Въ *Воспоминаніяхъ* своихъ о графѣ Строгановѣ, Погодинъ, между прочимъ, писалъ: „Съ восшествіемъ на престолъ Александра Николаевича, обстоятельства для графа Строганова перемѣнились, и онъ поднялся. Разумѣется, онъ не опускалъ, какъ мнѣ кажется, ни одного случая мнѣ вредить... Теперь мы находимся съ Строгановымъ въ вѣжливыхъ отношеніяхъ... На одномъ изъ обѣдовъ, 12 января (1858 г.), когда Драшусовъ предложилъ мнѣ подписать свое имя подъ поздравленіемъ графа Строганова съ этимъ днемъ, я отвѣчалъ ему: Извините, я выпилъ, кажется, немного лишняго и боюсь закапать адресъ чернилами. Я не подписалъ имени, думая, что это намѣреніе принадлежитъ одному Драшусову. Но на одномъ изъ слѣдующихъ обѣдовъ, 12 января, когда я увидѣлъ, что большинство хочетъ поздравить графа Строганова, тогда я подписалъ: хоть я на старосту челобитчикъ, но отъ міру не прочь... Мнѣ хочется съ Строгановымъ объясниться и нѣсколько разъ я сбирался исполнить это желаніе при разныхъ случаяхъ, спросить его о причинахъ, какія онъ имѣетъ противъ меня, и представить на нихъ свои оправданія или объясненія, точно

также какъ высказать ему и свои причины на него жаловаться. Но едва ли онъ способенъ къ искреннимъ объясненіямъ такого рода и вѣрно отдѣлается какими-нибудь общими мѣстами".

Въ *Дневникѣ* же своемъ, подъ 23 сентября 1859 года, Погодинъ отмѣтилъ: „А Строгановъ-то какъ ограниченъ. Жаль наслѣдника". 4-го ноября того же 1859 года, Шевыревъ писалъ своему другу: „Вчера я слышалъ, что Строгановъ едва ли останется при наслѣдникѣ. Разсказываютъ, что онъ въ комнатѣ у наслѣдника нашелъ только рисунки мундировъ и солдатъ, развѣшанные по стѣнамъ. Наслѣднику былъ сдѣланъ экзаменъ, и оказалось, что онъ не могъ бы изъ 3-го класса Гимназіи перейти въ 4-й. Между тѣмъ, Строгановъ настаиваетъ на томъ, чтобы учить его Греческому и Латинскому языкамъ. Но государь не хочетъ этого. Вчера говорили, что Тихонравовъ предлагаетъ себя Строганову, потому что Буслаевъ отказывается отъ предложенія"...

Этотъ слухъ, разнесшійся по Москвѣ что будто бы графъ Строгановъ настаиваетъ на томъ, чтобы наслѣдника учили Греческому и Латинскому языкамъ, далъ поводъ Погодину написать Виленскому генералъ-губернатору В. И. Назимому слѣдующее письмо: „Думалъ я думалъ, почтеннѣйшій Владиміръ Ивановичъ, и рѣшился написать къ вамъ: горе меня беретъ. Вы любите государя, это я знаю, и вѣрно примете къ сердцу, что̀ я напишу. Вчера разнесся въ Москвѣ слухъ, что графъ Строгановъ хочетъ учить наслѣдника Латинскому и Греческому языкамъ. Помилуйте, да это вѣдь окончательно сбить его съ толку, и совершенно отуманить голову. Время ли теперь на семнадцатомъ году начинать классическое образованіе. Чтобъ узнать порядочно эти языки, надо употребить лѣтъ восемь, а узнать что-нибудь—какая польза! Пусть вспомнитъ графъ Строгановъ о своихъ четырехъ сыновьяхъ, которыхъ училъ онъ древнимъ языкамъ по десяти лѣтъ, начиная съ самаго нѣжнаго возраста. Какую пользу получили они? Развертываютъ ли по разу въ годъ Латинскаго автора? Графъ Строгановъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, имѣетъ понятія

совершенно превратныя, привезенныя изъ Германіи и подкрѣпленныя молодыми (теперь же устарѣвшими) профессорами-путешественниками 1830-хъ годовъ. Онъ окружаетъ наслѣдника, говорятъ, самыми темными головами, которые, разумѣется, надоѣдятъ ему, и произведутъ отвращеніе отъ всякихъ умственныхъ занятій. По моему, наслѣднику надо сказать съ глазу на глазъ: ваше высочество, вы призваны царствовать; для царствованія нужно то и то. Вотъ доказательства изъ ежедневныхъ газетъ. Вамъ не достаетъ вотъ чего, вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ вашего воспитанія. Примитесь восполнить эти недостатки по-Русски, попросту, безъ затѣй. Я увѣренъ, что при его способностяхъ, въ которыхъ я имѣлъ случай лично удостовѣриться, года въ два можно сдѣлать многое. Что ему нужно? Знать религію, по-Православному исповѣданію, Русскую Исторію, Русское законодательство, Русскій языкъ и Литературу. Далѣе, Всеобщая Исторія, Политическая Экономія. Учить слѣдуетъ не уроками, а въ бесѣдахъ, разговорахъ, пользуясь всѣми случаями, и сообщая свѣдѣнія кстати. Въ Москвѣ говорятъ, что надо учредить трехдневное молебствіе по всей Россіи, съ колѣнопреклоненіемъ, дабы Господь Богъ сохранилъ здравый смыслъ наслѣдника отъ угрожающихъ ему нелѣпостей. Надо сознаться, что воспитаніе его шло очень несчастливо: приставили къ нему Титова—это человѣкъ образованный и хорошій, но онъ отсталъ отъ ученаго дѣла, и вздумалъ, говорятъ, пробовать надъ наслѣдникомъ разные методы, а людей выбралъ по журнальнымъ слухамъ. Кавелинъ былъ поживѣе и посмышленѣе, но едва ли одинъ, безъ опытнаго содѣйствія, онъ могъ вести дѣло съ полнымъ успѣхомъ. Потомъ приставили какого-то Гримма. Этого я не знаю, но будь онъ геній, все-таки пятнадцатилѣтнему наслѣднику онъ не могъ принести ничего, кромѣ вреда, не зная, или лучше сказать, презирая вѣру, языкъ, литературу, исторію, народъ Русскій. Какую струну могъ онъ привести въ движеніе. А теперь еще новости съ графомъ Строгановымъ! О, Господи Боже мой!

„Мнѣ же некому писать въ Петербургъ. Тамъ успѣли обнести меня передъ государемъ, котораго совершеннолѣтіе, помните, я привѣтствовалъ и любилъ всегда искренно. Тамъ успѣли окрасить меня красною и вмѣстѣ черною краскою. Враги мои чуютъ, что я не оставилъ бы ихъ въ покоѣ, говоря безъ околичностей даже съ покойнымъ государемъ. Вотъ источникъ клеветъ отъ Петербургскихъ грандовъ, которымъ, разумѣется, я подавалъ благовидный поводъ, своею неосторожною и рѣзкою рѣчью.

„Вы знаете меня слишкомъ давно,—засвидѣтельствуйте хоть вы, что все это вздоръ. Что̀ я говорю теперь, развѣ это не то же, что я говорилъ во время войны. Еслибъ я не былъ преданъ, то я радовался бы всѣмъ промахамъ и молчалъ бы, но мое сердце болитъ. Правда, я выражаюсь грубо, рѣзко, въ этомъ я сознаюсь, да вѣдь всѣ согласны, что я говорю дѣло, а тону не перемѣнить: басъ не можетъ пищать дискантомъ. Содержаніе этого письма такъ важно, что вамъ не худо бы съѣздить въ Петербургъ и лично передать его содержаніе, если слухи вѣрны; если жъ слухи не вѣрны, то благоволите сжечь это письмо, котораго никто не знаетъ и не узнаетъ.

„Не думайте, чтобъ мнѣ хотѣлось самому выступить на сцену: мнѣ наступаетъ 60-й годъ, всего дороже мнѣ покой и независимость, хоть я не откажусь ни отъ какой службы, пока есть силы, по долгу гражданской совѣсти. Моя служба впрочемъ продолжается: посылаю вамъ отрывокъ изъ моей Исторіи, только-что отпечатанный. Отвѣчайте мнѣ непремѣнно хоть строкою о полученіи письма, прошу васъ, а иначе и вамъ пощады отъ меня не будетъ. Усердное почтеніе милостивой государынѣ Настасьѣ Александровнѣ. А что ваше молодое поколѣнье“?

Но на письмѣ этомъ собственноручно написано Погодинымъ слѣдующее: „*Минутная вспышка. Не послано* [35]).

По свидѣтельству же Ѳ. И. Буслаева, цесаревичъ „въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ, по годамъ и развитію, соотвѣтствовалъ поступавшимъ тогда въ студенты. Имѣя это въ виду

и цѣня рѣдкія, блистательныя его дарованія, графъ Строгановъ, по строго обдуманному плану, составилъ для него своеобразный университетскій курсъ изъ нѣсколькихъ наукъ юридическаго и филологическаго факультетовъ и Военной Академіи, а въ преподаватели взялъ профессоровъ этихъ высшихъ учебныхъ заведеній и Духовной Академіи".

Взглядъ графа Строганова на воспитаніе наслѣдника выразился въ слѣдующихъ строкахъ его къ Ѳ. И. Буслаеву: „Мнѣ кажется, Ѳедоръ Ивановичъ, что главное вниманіе ваше должно быть обращено на пріученіе воспитанника къ *самодѣятельности*, знакомя его съ бытомъ и умственнымъ развитіемъ Россіи, въ Исторіи ея Литературы. Но не терять изъ вида необходимость упражнять наслѣдника въ письменныхъ занятіяхъ, въ передачѣ словесно, отчетливо всего пройденнаго вами; однимъ словомъ, пріучать его къ труду".

XI.

Съ первыхъ дней царствованія императора Александра II, внѣшняя политика наша, будучи выжидательною на Западѣ, явилась весьма дѣятельною на Востокѣ.

18 мая 1858 года, въ Благовѣщенскѣ, при устьѣ Амура, архіепископъ Камчатскій Иннокентій уже привѣтствовалъ графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго съ присоединеніемъ къ Россіи Амура.

„Наконецъ Господь Богъ помогъ вамъ,—говорилъ святитель,—совершить одно изъ вѣковыхъ дѣлъ. Благословенъ Господь Богъ нашъ, вложивый въ сердце монарха нашего такую мысль и избравшій тебя, богоизбранный мужъ, въ орудіе такого великаго дѣла и укрѣплявшій и укрѣпляющій тебя своею силою... Нѣтъ надобности говорить здѣсь о томъ, какія выгоды, какія блага могутъ произойти отъ этого дѣла и отъ этого края для Россіи. Это очевидно при самомъ простомъ взглядѣ. Скажемъ только, что это есть вмѣстѣ благо и счастіе для самихъ сосѣдей нашихъ, ибо рано или поздно,

они чрезъ насъ просвѣтятся свѣтомъ Христовымъ, а этого какое благо можетъ быть выше и прочнѣе? Не время также и не мѣсто, да и не по нашимъ силамъ, исчислять или оцѣнять всѣ твои заботы, усилія, труды, боренія, — твои подвиги, понесенные тобою къ достиженію этой одной изъ главнѣйшихъ твоихъ цѣлей. Ихъ вполнѣ можетъ оцѣнить только будущее населеніе сего края и Исторія. Но если бы, паче чаянія, когда-нибудь и забыло тебя потомство и даже тѣ самые, которые будутъ наслаждаться плодами твоихъ подвиговъ, то никогда не забудетъ тебя наша Православная Церковь, всегда вспоминающая даже создателей храмовъ; а ты, богоизбранный мужъ, открылъ возможность, надежды и виды къ устроенію тысячи храмовъ въ семъ неизмѣримомъ бассейнѣ Амура. Но нѣтъ сомнѣнія, что и въ настоящее время, если и не вся Россія, то вся Сибирь и всѣ благомыслящіе Россіяне и всѣ твои сподвижники съ радостью, и благодарностію и съ восторгомъ примутъ извѣстіе о совершенномъ тобою нынѣ дѣлѣ" [36]).

Въ Погодинскомъ архивѣ сохранилось письмо Василья Кондратьева изъ Иркутска, отъ 28 февраля 1860 года, въ которомъ, между прочимъ, рисуется та обстановка, среди которой проходила жизнь графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго.

„Что касается до общества, — пишетъ Кондратьевъ, — среди котораго я живу, то могу замѣтить одно, что съ прошлаго года, публикою Восточной Сибири, которая вся почти сосредоточивается въ Иркутскѣ, обуялъ какой-то неистовой духъ опозиціи, противу дѣйствій главнаго здѣшняго управленія, это выразилось многочисленными журнальными статьями; какъ, напримѣръ: Завалишина, въ *Морскомъ Сборникѣ*, и другими: въ *Вѣстникѣ Промышленности* и даже въ *Колоколѣ* (изд. Герцена). Вѣроятно все это вы читали и вывели свои заключенія; но для личныхъ свидѣтелей дѣло представляется совсѣмъ съ другой стороны; не принадлежа ни къ какой партіи, я имѣю одно достоинство, безпристрастнаго зрителя и въ этомъ качествѣ, только могу удивляться, до какой сте-

пени можетъ простираться печатная ложь и клевета; что касается статей Завалишина, то на нихъ появились уже опроверженія и нѣкоторыя напечатанныя въ здѣшней Иркутской газетѣ, я послалъ къ Николаю Васильевичу Бергу, любопытства ради. Надо ожидать за этимъ и другихъ статей, которыя разъяснятъ въ чемъ дѣло; что же касается до статей въ *Колоколѣ*, то онѣ, въ лицахъ, знающихъ описанныя происшествія, могутъ возбудить одно негодованіе умышленнымъ и явнымъ искаженіемъ истины, и только знакомому съ составомъ здѣшняго общества, можетъ быть понятна сплетня, выдуманная о дуэли, происходившей въ Иркутскѣ прошлаго года.

„Надо сказать, что общество въ Иркутскѣ раздѣляется на двѣ части, къ одной принадлежатъ лица, болѣе приближенные къ генералъ-губернатору, какъ то: чиновники гражданскіе и военные, состоящіе по особымъ порученіямъ, адъютанты, совѣтники Главнаго Управленія и другіе занимающіе высшія должности; это люди, почти всѣ поступившіе сюда на службу изъ внутреннихъ губерній Россіи, и многіе по приглашенію графа Николая Николаевича, какъ люди способные, большею частію съ отличнымъ университетскимъ воспитаніемъ и вообще принадлежащіе къ лучшему образованному кругу. И хотя между ними, разумѣется, есть люди разныхъ достоинствъ, но уже по тѣмъ отношеніямъ, въ какія они поставлены, они не могли бы скрыть ни одного предосудительнаго поступка, а тѣмъ болѣе взяточничества; а сдѣлавши что-нибудь злонамѣренное, лишились бы всякаго уваженія въ своемъ кружкѣ и выгодной и всякой службы, изъ которой сейчасъ были бы удалены графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ, энергическимъ гонителемъ всякой неправды и подлости. Къ дополненію этого еще надо прибавить, что описываемый мною кружокъ не имѣетъ ни малѣйшаго оттѣнка аристократизма, на который нападаетъ противная сторона, напротивъ, это большею частію люди сильно трудящіеся и поддерживающіе себя одною службою, а источникъ обвиненія ихъ въ аристократизмѣ заключается въ томъ, что обезпе-

ченные хорошимъ содержаніемъ и не разсчитывая на посторонніе доходы и взятки, они держатъ себя независимо въ обществѣ (хотя, по примѣру графа Николая Николаевича, отнюдь не избѣгаютъ сближенія со всѣми классами общества); между тѣмъ, какъ предшествовавшее чиновничество, безпощадно смѣненное за страшное взяточничество, было просто на откупу у купцовъ и золотопромышленниковъ и потому естественно, не могло пользоваться уваженіемъ.—Этотъ описанный мною кругъ общества составляетъ меньшинство.

„Къ большинству принадлежитъ все остальное общество Иркутское; тутъ главное мѣсто занимаютъ коренные Сибиряки.—Чиновники, удаленные отъ мѣстъ, за разныя злоупотребленія и взяточничество, теперешнимъ начальствомъ (говорятъ, что этотъ, довольно общій у насъ порокъ, развитъ былъ въ Восточной Сибири въ ужасающихъ размѣрахъ, и только энергическія и по необходимости самыя крутыя мѣры нынѣшняго генералъ-губернатора успѣли прекратить это зло); купцы, лишившіеся своего вліянія, немогущіе попрежнему безнаказанно притѣснять крестьянъ, которые были какъ бы въ совершенномъ подданствѣ ихъ, чрезъ послабленія администраціи прежней; мелкіе чиновники, вышедшіе изъ здѣшней Семинаріи и училищъ и съ завистію глядящіе на болѣе развитыхъ людей,—все это связанное родствомъ и другими отношеніями, принадлежитъ къ числу недовольныхъ. А какъ въ Восточной Сибири не существуетъ помѣщичьяго сословія, то въ означенныхъ классахъ и заключается такъ называемое образованное общество и они-то и составляютъ большинство. Какія житейскія понятія развиты въ этомъ большинствѣ, можно судить по тому, что дуэль была здѣсь невозможная, неслыханная и небывалая вещь, а случающіяся личныя неудовольствія разрѣшались гораздо проще, кулачнымъ способомъ или поданіемъ прошенія и денежнымъ удовлетвореніемъ; и такія раздѣлки, по принятому обычаю, считались самыми естественными и отнюдь не предосудительными. При такихъ правилахъ, можно вообразить, какъ было поражено обще-

ственное мнѣніе совершившеюся здѣсь дуэлью, которую большинство никакъ не можетъ различить отъ убійства, совершаемаго на проѣзжей дорогѣ.

„Этими понятіями поспѣшили воспользоваться изъ личныхъ видовъ нѣкоторые люди, хорошо понимающіе вещи; эти люди принадлежали къ политическимъ преступникамъ, облагодѣтельствованнымъ графомъ Николаемъ Николаевичемъ, по ходатайству котораго многимъ даровано прощеніе и который нерѣдко допущалъ ихъ и въ свое общество, отыскивая вездѣ способныхъ и даровитыхъ людей, для обращенія ихъ талантовъ и знаній на общую пользу. Однако жъ когда лучше поняли этихъ людей, первая, описанная мною часть общества начала пренебрегать и избѣгать ихъ, а это и породило злобу, вылившуюся во всевозможныхъ клеветахъ и лжахъ, которыя отчасти и достигли цѣли, потому что распространились и далѣе Восточной Сибири, да еще поддерживаемыя большинствомъ недовольныхъ.

„Всѣми этими сплетнями я не смѣлъ бы и занимать васъ, если бы онѣ не касались самого графа Муравьева-Амурскаго, которому платятъ такою черною неблагодарностію за его высокія заслуги и притомъ люди, много ему обязанные;— есть ли послѣ этого правда на свѣтѣ?!

„Чтобы по возможности лучше охарактеризовать людей, возставшихъ съ такою грозною оппозиціей, нелишнимъ считаю передать здѣсь два отвѣта, разсказанные мнѣ лицами, заслуживающими довѣрія. Одного изъ главныхъ памфлетистовъ спросили:—Неужели онъ искренно вѣритъ въ слухи, имъ же распускаемые по городу о дуэли, бывшей въ Иркутскѣ? Господинъ этотъ обидѣлся такимъ вопросомъ и отвѣчалъ: „Что же, за дурака вы меня принимаете, что ли? Разумѣется, передаваемымъ мною слухамъ могутъ вѣрить только глупцы; но я дѣйствую такимъ образомъ по принятому принципу, и для моей цѣли надо преслѣдовать все, имѣющее какое-либо отношеніе къ властямъ“.—Затѣмъ другое лицо, уже иного разряда, спросили:—За что онъ желаетъ такой страшной казни

одному очень любимому молодому человѣку, что онъ сдѣлалъ ему, или какой сдѣлалъ предосудительный поступокъ?—„Да помилуйте, его я терпѣть не могу уже за одно то, что на балахъ и въ собраніи онъ почти всегда танцуетъ въ первой парѣ, командуетъ и распоряжается танцами". — Вотъ они разумныя причины, управляющія общественнымъ мнѣніемъ!

„Боюсь, что я утомилъ ваше вниманіе своимъ многословіемъ; но ежели я успѣлъ хотя нѣсколько обнаружить источникъ клеветы, распространяемой въ разныхъ журнальныхъ статьяхъ о Восточной Сибири, то значитъ достигъ своей цѣли. Конечно, письмо мое не заключаетъ фактическихъ доказательствъ, потому что мнѣ не хотѣлось никого называть по имени, но ваше превосходительство можете по крайней мѣрѣ повѣрить, что я говорю по своему убѣжденію, а не изъ какихъ-либо видовъ или разсчетовъ.—Единственнымъ моимъ желаніемъ было сказать слово правды предъ вами, безпристрастнымъ и лучшимъ судьею всѣхъ проявленій въ нашей общественной жизни. Я хорошо помню, что говорили вы, напутствуя меня въ дорогу, о достоинствахъ тогда новаго для меня начальника, графа Николая Николаевича Муравьева, а потому отсутствіе его имени въ числѣ главныхъ и полезнѣйшихъ дѣятелей нашихъ,—въ превосходной вашей статьѣ, помѣщенной въ газетѣ *Парусъ* *) прошлаго года,—не могло быть не замѣчено всѣми, кто, какъ и я, цѣнятъ всякое ваше слово; это и навело меня тотъ часъ на мысль, что ваше мнѣніе о графѣ поколебалось отъ дошедшихъ до васъ слуховъ, которыхъ злонамѣренное направленіе и источникъ мнѣ хотѣлось бы обнаружить передъ вами, по безпредѣльному моему уваженію къ вашему мнѣнію и авторитету".

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* Спб. 1902. XVI, 334—337.

XII.

Предъ самымъ покореніемъ Кавказа, намѣстникъ Кавказскій, князь А. И. Борятинскій, оказалъ свое сыновнее почтеніе патріарху Іерусалимскому Кириллу и послалъ ему въ даръ „табакерку, осыпанную бриллiантами". Въ благодарность за этотъ даръ, князь Борятинскій былъ почтенъ отъ патріарха грамотою (17 января 1859) слѣдующаго содержанія: „Мы Кириллъ, милостію Божіею, патріархъ Святого града Іерусалима и всея Палестины, сыну нашему во Христѣ, преблагочестивому и преславному князю Александру Борятинскому.... Въ благодарность за его набожное усердіе и заботы о Святыхъ Іерусалимскихъ мѣстахъ, гдѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ совершилъ искупленіе рода человѣческаго, жалуемъ ему и предлагаемъ, какъ неизмѣнный знакъ отеческой нашей благодарности, святый крестъ съ частицами животворящаго Креста Господня нашего Іисуса Христа" [37]).....

Вскорѣ по полученіи сего священнаго дара, 1-го апрѣля того же 1859 года, князь Борятинскій отдалъ войскамъ слѣдующій приказъ:

„Господь Богъ, за великіе труды и подвиги ваши, наградилъ васъ побѣдой: неодолимыя доселѣ преграды пали, Веденъ взятъ и завоеванная Чечня повергнута вся къ стопамъ великаго государя. Слава Евдокимову и его подвижникамъ".

22 августа того же 1859 года, изъ Кегеръ, князь Борятинскій объявилъ Шамилю, или какъ онъ самъ подписывался, „старцу Шамуилу", что „вся Чечня и Дагестанъ нынѣ покорились Державѣ Россійскаго императора, и только одинъ Шамиль лично упорствуетъ въ сопротивленіи великому государю... Я требую, чтобы Шамиль неотлагательно положилъ оружіе. Если онъ исполнитъ мое требованіе, то я, именемъ августѣйшаго государя, торжественно объявляю ему со всѣми находящимися при немъ въ Гунибѣ, полное прощеніе и дозво-

леніе ему съ семействомъ ѣхать въ Мекку, съ тѣмъ, чтобы онъ и сыновья его дали письменныя обязательства жить тамъ безвыѣздно. Путевыя издержки будутъ вполнѣ обезпечены Русскимъ Правительствомъ"...

Наконецъ, 25 августа, въ приказѣ по арміи, князь Борятинскій лаконически объявилъ: „Гунибъ взятъ, Шамиль въ плѣну. Поздравляю Кавказскую армію" [38]).

Кахетинцы (2 сент. 1859 г.) съ радостью привѣтствовали князя Борятинскаго. „Врагъ,—писали они,—полвѣка вносившій въ край печаль и разореніе, приведенъ, нынѣ, въ покорность". Съ своей стороны и граждане и Армяне средняго сословія Тифлиса писали князю Борятинскому: „30 августа пушечные выстрѣлы съ Метехскаго за̀мка, съ заутренею вмѣстѣ, возвѣстили взятіе Шамиля и покореніе Восточнаго Кавказа, и мы отъ малаго до великаго были въ упоительномъ восторгѣ отъ успѣха Русскаго оружія. Отнынѣ вы осушили слезы нѣжныхъ родителей Русскихъ воиновъ. Вы возвратили спокойствіе краю и съ тѣмъ вмѣстѣ открыли новое поприще для умственной дѣятельности народа. Вы, наконецъ, мощною рукою возвеличили Россію въ глазахъ Европы" [39]).

Предъ пріѣздомъ князя Борятинскаго въ С.-Петербургъ, бывшій экзархъ Грузіи, а тогда митрополитъ Кіевскій Исидоръ, изъ Петербурга, 3 ноября 1859 года, написалъ ему слѣдующее дружеское письмо: „Почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства, отъ 9-го октября, я имѣлъ удовольствіе получить 31-го октября въ Петербургѣ, куда вызвали меня на годъ, для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ.

„Отвѣчая вамъ на это письмо, начну съ того, что̀ ближе къ сердцу. Отъ всей души привѣтствую васъ со славою величайшаго подвига, который Господь Богъ помогъ вамъ совершить на Кавказѣ, къ живѣйшей радости и добраго царя нашего, и всего Царства. Поздравляю и съ монаршею милостію, взятою вами съ боя. Никогда не забуду той драгоцѣнной минуты, когда достигла до насъ вѣсть о геройскомъ подвигѣ, увѣковѣчившемъ вашу славу. Какъ электрическая искра, про-

бѣжала эта вѣсть по всему городу; каждый бѣжалъ къ своему ближнему, чтобы сообщить ее. Это былъ сущій праздникъ. Слава Господу Богу! Слава избраннику Его, удостоившемуся быть орудіемъ милости Его! Слава героямъ, незнающимъ никакой препоны! Не обмануло насъ предчувствіе, о которомъ я прежде писалъ вамъ, что Господь Богъ избралъ васъ орудіемъ умиротворенія Кавказа. Самое важное сдѣлано, а въ остальномъ Богъ поможетъ. Горцы праваго крыла частію покоряются, частію бѣгутъ въ Турцію; слѣдовательно, потеряна надежда противиться оружію Русскому, а потерявшіе надежду—въ половину уже побѣждены. Дай Богъ! Будемъ молиться съ упованіемъ, что у васъ не останется враговъ на Кавказѣ.

„Объясню вамъ причины, почему я замедлилъ поздравить васъ съ такою блистательною побѣдою. Мнѣ велѣно было прибыть въ Петербургъ послѣ праздника Успенія Пресвятыя Богородицы. Но въ августѣ, по телеграфу, сообщено было новое высочайшее повелѣніе, подождать въ Кіевѣ до пріѣзда государя императора, т.-е., до 22 сентября. Въ заботахъ о пріемѣ августѣйшаго посѣтителя, время уходило незамѣтно.

„На 22-е сентября, около полуночи, его величество изволилъ прибыть въ Кіевъ. Въ 11-ть часовъ утра, послѣ пріема военныхъ и гражданскихъ чиновъ, государь императоръ пожаловалъ въ Лавру, потомъ осматривалъ войска на площади близъ крѣпости, оттуда пожаловалъ въ Софійскій соборъ, въ Михайловскій монастырь, въ присутственныя мѣста, въ Кадетскій корпусъ, въ гимназіи, въ богоугодное заведеніе, въ Институтъ благородныхъ дѣвицъ. Съ приглашеніемъ къ обѣду мнѣ объявлено было, что его величество желаетъ, чтобы я прибылъ за 20 минутъ до обѣда. Государь встрѣтилъ меня въ кабинетѣ словами: *Поздравляю васъ съ славною побѣдою на Кавказѣ. Я увѣренъ, что вамъ это очень пріятно слышать.* Послѣ многихъ вопросовъ о Кіевской епархіи, его величество изволилъ возвратиться къ Кавказу и любопытствовать о развитіи Христіанства въ горахъ. Это дало мнѣ случай напомнить

о нашемъ Крестовоздвиженскомъ обществѣ и спросить объ участи нашего устава. *Я подвину это дѣло, когда возвращусь въ Петербургъ. Меня нѣсколько удерживало предположеніе о награжденіи крестами за деньги.*—Это не будетъ новость, ваше величество; много есть примѣровъ, что купцы, за значительныя пожертвованія на дѣла общеполезныя, были награждаемы даже орденами. Безъ матеріальныхъ средствъ трудно что-нибудь сдѣлать на Кавказѣ; а пріобрѣсти средства, безъ обремененія казны, нѣтъ возможности безъ какихъ либо поощреній. Намѣстникъ вашего величества не сталъ бы на этомъ настаивать, если бы не былъ совершенно убѣжденъ, что предполагаемое общество не можетъ развиться и достигнуть цѣли безъ видимаго поощрительнаго знака для членовъ усердныхъ.

„Послѣ сего разговора пошли въ столовую. За обѣдомъ государь много разговаривалъ со мною, объяснялъ мнѣ положеніе Гуниба, геройскую атаку на кручь, встрѣчу съ Шамилемъ въ Чугуевѣ, гдѣ съ покойнымъ родителемъ получилъ первую непріятную вѣсть о взятіи Шамилемъ крѣпостей нашихъ. Когда спросилъ (государь) Шамиля: *Почему вы не дрались съ нами, когда у васъ было собрано такъ много людей*? Шамиль отвѣчалъ ему: „Народъ утомился и два года былъ неурожай“. О Гунибѣ Шамиль прибавилъ: „Мы считали совершенно невозможнымъ напасть на насъ со стороны отвѣсной кручи и потому не укрѣпляли эту сторону. Не знаемъ, какъ взобрались ваши солдаты“.—Его величество между прочимъ сказалъ: *Я надѣюсь видѣться съ княземъ Борятинскимъ въ Николаевѣ.*

„Очень жаль, что болѣзнь не позволила вамъ отправиться для этого свиданія. Воображаю, какъ оно было бы пріятно и для васъ, и для государя! Доброе сердце его, примѣтно, ждало случая лично излить признательное чувство.

„Послѣ бала и ужина, государь, въ 12-ть часовъ, изволилъ отправиться въ Бѣлую Церковь, гдѣ Браницкіе приготовили для него охоту. Дальнѣйшій путь его вамъ извѣстенъ.

„Сентября 24, я выѣхалъ изъ Кіева въ Петербургъ. Нужно было, по прибытіи, представиться цесаревичу наслѣднику. Когда я поздравилъ его величество съ совершеннолѣтіемъ наслѣдника, онъ отвѣчалъ: *Сынъ мой радъ будетъ познакомиться съ вами. Повидайтесь съ нимъ.* Октября 15-го назначена была аудіенція у его высочества. Въ то же время и государыня императрица изволила объявить, что желаетъ видѣть меня. Прекрасные пріемы, веселый и радушный взглядъ, умный разговоръ наслѣдника—все въ немъ такъ привлекательно, что нельзя не любить его. Бесѣда наша продолжалась 20 мин. Императрица изволила разговаривать со мною ровно часъ. Удивительна любознательность ея! Была рѣчь и о Кавказѣ. При этомъ я имѣлъ случай расхвалить Боржомъ во всѣхъ его отношеніяхъ. Она сказала: *Какъ бы я желала побывать тамъ! Трудно мнѣ выбраться. Впрочемъ, я не теряю надежды.*

„Вскорѣ послѣ того меня извѣстили, что императрица желаетъ, чтобы я въ день Казанской Божіей Матери отслужилъ литургію въ Царско-Сельскомъ заведеніи дѣвицъ духовнаго званія, куда и она пріѣдетъ. Воля ея исполнена. Она пожаловала къ самому началу литургіи. Дождалась меня послѣ обѣдни въ залѣ и лично благодарила. Въ тотъ же день ихъ величества отправились въ Гатчино, откуда еще не возвратились.

„На пути въ Царское-Село, на станціи желѣзной дороги, встрѣтился я въ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, который съ восторгомъ разсказывалъ мнѣ о своемъ путешествіи по Кавказу. Простившись со мною, отозвалъ князя Урусова и сказалъ: „Мнѣ хочется сблизиться съ митрополитомъ. Какъ бы это сдѣлать? Мнѣ ли къ нему поѣхать, или къ себѣ пригласить?“ Разумѣется, я отвѣчалъ, что явлюсь, когда его высочеству угодно будетъ назначить время. Вѣроятно, объ этомъ скажутъ, когда возвратятся изъ Гатчино.

„Императрица съ глубокимъ сожалѣніемъ сказывала мнѣ о постигшей васъ тяжкой болѣзни. Но я успокоилъ ее, что

хотя болѣзнь мучительна, но какъ она и прежде случалась и проходила, то можно надѣяться, что, съ Божіею помощію, и послѣ отдыха отъ похода, не будетъ имѣть опасныхъ послѣдствій.

„По прибытіи въ Петербургъ, я тотчасъ занялся розысканіемъ, куда дѣвался уставъ нашего Кавказскаго Общества и какая судьба его. Синодъ оказался правъ, ибо отослалъ уставъ еще въ октябрѣ прошедшаго года въ Кавказскій Комитетъ, гдѣ онъ и доселѣ почиваетъ. Поищу случая видѣться съ княземъ Орловымъ и передамъ ему желаніе государя, чтобы дѣло было подвинуто.

„Сестрица ваша Ольга Ивановна *) возвратилась въ Петербургъ, но я еще не видался съ нею. Сегодня Петербургскій митрополитъ **), по ея приглашенію, служилъ въ устроенномъ ею заведеніи сестеръ милосердія.

„Съ самаго пріѣзда нашего въ Петербургъ, такая страшная здѣсь погода, что невольно вспомнить можно о Закавказьѣ, гдѣ сентябрь и октябрь глядѣли не сентябремъ.

„Отъ души и сердца желаю и молю Господа Бога, да укрѣпитъ здоровье ваше и благословитъ труды ваши вожделѣннымъ успѣхомъ. Въ надеждѣ продолженія вашего ко мнѣ благорасположенія, съ искреннимъ уваженіемъ и пр.“ [40]).

Подъ 6-мъ декабря 1859 года, въ *Дневникѣ* П. А. Валуева читаемъ: „Получено извѣстіе, что часть праваго Кавказскаго фланга покорилась. Князь Борятинскій пожалованъ фельдмаршаломъ. Съ жезломъ отправили къ нему флигель-адъютанта Дурново“ [41]).

Погодинъ, въ своихъ *Современныхъ Замѣткахъ* 1859 года, писалъ: „Покореніе Кавказа, пріобрѣтеніе Амура,—вѣдь это случилось въ теченіе одного почти года! Неужели это не чудеса? Ну, и должны всѣ газеты, всѣ журналы, звонить, гремѣть объ Амурѣ, о Кавказѣ; общество—въ клубахъ, на биржѣ, по домамъ, толковать о происходящемъ. Нѣтъ, мы занимаемся

*) Графиня Орлова-Давыдова. *Н. Б.*

**) Преосвященный Григорій. *Н. Б.*

болѣе Тосканой и Моденой и даже Тунисомъ, чѣмъ нашими насущными вопросами. Портреты Борятинскаго, Муравьева, Путятина должны быть во всякомъ домѣ. Давайте ихъ біографіи" [42]).

Послѣднее желаніе Погодина отчасти исполнено. Біографія князя А. И. Борятинскаго написана Арнольдомъ Львовичемъ Зиссерманомъ и напечатана въ *Русскомъ Архивѣ* (1888—1891 г.); а біографія графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго написана, по порученію князя М. С. Волконскаго, моимъ братомъ Иваномъ Барсуковымъ, и напечатана, въ 1891 году, въ Москвѣ, въ двухъ книгахъ.

Только Путятинъ ждетъ своего біографа. Но есть надежда, что и это желаніе Погодина исполнитъ баронъ Ѳедоръ Романовичъ Остенъ-Сакенъ.

XIII.

8-го января 1859 года, А. В. Головнинъ писалъ изъ Палермо къ князю А. И. Борятинскому: „Я думалъ, что путешествіе великаго князя Константина Николаевича остановитъ ходъ различныхъ административныхъ улучшеній въ Петербургѣ. Въ этомъ я раздѣлялъ мнѣніе многихъ лицъ. Но оказывается, какъ мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что императоръ показалъ себя много разъ рѣшившимся твердо продолжать идти по пути прогресса. Его величество доказалъ, что онъ дѣйствовалъ по своимъ задушевнымъ убѣжденіямъ, что его твердость была непоколебима... Поняли, что великій князь не былъ подстрекателемъ въ прогрессивныхъ мѣрахъ, что онъ былъ не болѣе какъ помощникъ и слуга своего брата, который, во время его отсутствія, не мѣняетъ системы, хотя въ общемъ онъ дѣйствуетъ медленнѣе, чѣмъ того желали бы многіе. Изъ этого слѣдуетъ, что препятствія для прогресса теперь не такъ легки, и уже не смѣютъ осуждать монарха за тѣ же стремленія, за которыя дѣлали нападки на его брата" [43]).

Въ концѣ октября 1858 года, стали поступать въ Глав-

ный Комитетъ проекты положеній изъ губернскихъ комитетовъ. Они были ожидаемы Главнымъ Комитетомъ и самимъ государемъ съ большимъ нетерпѣніемъ. По порученію Ростовцова, были составляемы П. П. Семеновымъ обозрѣнія важнѣйшихъ предположеній, заключавшихся въ проектахъ, и эти обозрѣнія тотчасъ же представлялись государю. Государь радовался тѣмъ изъ нихъ, которые обнимали вопросъ широко, каковы, напримѣръ, были проекты меньшинства: Нижегородскаго, Тульскаго и Самарскаго комитетовъ и проекты Тверской и Харьковской; напротивъ того, огорчался тѣми проектами, которые понимали вопросъ узко, въ смыслѣ исключительно выгодъ одного сословія. Государь и въ это время, какъ прежде, лично присутствовалъ въ большей части засѣданій Главнаго Комитета, иногда по два раза на недѣлѣ.

Изъ первыхъ полученныхъ въ Петербургѣ проектовъ губернскихъ комитетовъ было уже ясно, что, по ихъ чрезвычайной разнохарактерности, нечего было и думать объ отдѣльномъ ихъ разсмотрѣніи и утвержденіи, какъ предполагалось прежде. Не только различные комитеты расходились между собой во взглядахъ, но часто изъ одного и того же комитета присылалось по два проекта, большинства и меньшинства, которые разногласили въ самыхъ существенныхъ вопросахъ. Очевидно было, что губернскіе проекты могутъ только послужить матеріаломъ, и матеріаломъ вполнѣ необходимымъ, для составленія общаго положенія. Это хорошо понималъ и Главный Комитетъ и образовавшаяся при немъ Коммиссія. И вотъ возникаетъ вопросъ: На кого же долженъ былъ пасть трудъ составленія новаго закона, имѣвшаго въ виду измѣнить кореннымъ образомъ отношенія двухъ главныхъ сословій въ государствѣ?

Этотъ громадный трудъ выпалъ на долю Редакціонныхъ Коммиссій.

Подъ 20-мъ февраля 1859 года, П. А. Валуевъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Ростовцовъ назначенъ предсѣдателемъ Редакціонныхъ Коммиссій. При этомъ ему предоставлены:

докладъ государю, составленіе Коммиссій по своему усмотрѣнію, право требовать неограниченнаго кредита отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ. Главное то, что теперь все дѣло въ рукахъ Ростовцова".

Сенаторъ Я. А. Соловьевъ, въ своихъ *Запискахъ*, говоритъ, между прочимъ, что первая мысль объ организаціи Редакціонныхъ Коммиссій принадлежитъ Земскому Отдѣлу Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и заявляетъ затѣмъ, что выборъ лицъ въ эти Коммиссіи производился І. И. Ростовцовымъ, по совѣту его, Я. А. Соловьева и С. М. Жуковскаго, при чемъ яко бы назначеніе въ члены Редакціонныхъ Коммиссій такого крупнаго дѣятеля въ крестьянскомъ дѣлѣ, какъ Н. А. Милютинъ, послѣдовало по рекомендаціи Соловьева. „Весьма вѣроятно, — прибавляетъ онъ, — что не одни мои убѣжденія, но и ходатайство великой княгини Елены Павловны содѣйствовало тому, что Ростовцовъ согласился на назначеніе Милютина членомъ Коммиссій" [44]).

Но вышеизложенное опровергается Д. А. Корсаковымъ, приведеніемъ Записки К. Д. Кавелина, писанной еще въ 1857 году, въ которой, между прочимъ, читаемъ: „Нельзя не замѣтить, что доселѣ крестьянскій вопросъ предлагаемъ былъ на разсмотрѣніе исключительно лицамъ высшаго государственнаго управленія, которыя всю почти жизнь свою провели въ Петербургѣ, и по воспитанію, а въ особенности по роду службы и занятій, или всегда были, или по крайней мѣрѣ мало-по-малу стали чужды сельскому быту. Даже предположивъ въ такихъ лицахъ полную добрую волю и желаніе провести крѣпостной вопросъ къ разрѣшенію, они очевидно, не въ состояніи были бы это сдѣлать по недостатку нужныхъ свѣдѣній. Можно не обинуясь сказать, что пока эта обстановка вопроса о крѣпостномъ правѣ не измѣнится, онъ не подвинется ни на шагъ впередъ... Для вполнѣ успѣшнаго хода предварительныхъ работъ по вопросу объ упраздненіи крѣпостнаго права, должно обратить еще вниманіе и на слѣдующее, весьма важное обстоятельство. Крѣпостное право по

существу своему находится въ полнѣйшей связи и взаимодѣйствіи съ *юридической*, *административной*, *экономической*, *финансовой* и *сельско-хозяйственной* сторонами нашего быта, и потому упраздненіе этого права, очевидно, требуетъ предварительнаго тщательнаго обсужденія задачи со всѣхъ этихъ сторонъ. Едва ли можно предположить, чтобъ одно лицо въ одинаковой степени ясно и отчетливо обнимало всѣ эти стороны и соединяло въ себѣ всѣ нужныя свѣдѣнія для ихъ безошибочнаго и точнаго опредѣленія. Необходимо было бы, для пользы дѣла, соединить всѣ разрозненныя силы и свѣдѣнія въ одно,—въ спеціальной *коммиссіи*. Эта коммиссія можетъ состоять изъ нѣсколькихъ *отдѣленій*, изъ коихъ каждое занималось бы своею спеціальностью". При семъ Кавелинъ прилагаетъ списокъ лицъ, извѣстныхъ своими свѣдѣніями по предметамъ, входящимъ въ разрѣшеніе крѣпостнаго вопроса, которые, по его мнѣнію, могли бы съ пользою подвизаться въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ:

По части *Юридической*: Князь Д. А. Оболенскій, Глѣбовъ, К. Д. Кавелинъ, И. С. Аксаковъ.

По части *Административной*: Хрущовъ, Н. А. Милютинъ, А. В. Головнинъ.

По части *Политико-Экономической* и *Финансовой*: А. П. Заблоцкій-Десятовскій, И. П. Арапетовъ, М. Х. Рейтернъ, А. А. Абаза, В. П. Безобразовъ, Е. И. Ламанскій, Я. А. Соловьевъ.

По части *Сельско-Хозяйственной*: В. В. Тарновскій, Г. П. Галаганъ, князь В. И. Васильчиковъ, князь Г. А. Щербатовъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, А. И. Кошелевъ, князь В. А. Черкасскій" [45]).

По свидѣтельству же Н. П. Семенова, „мысль объ учрежденіи Редакціонныхъ Коммиссій была высказана впервые въ двухъ Запискахъ одновременно. Одна изъ нихъ была составлена Н. А. Милютинымъ. Другая составлена І. И. Ростовцовымъ, при содѣйствіи П. П. Семенова, и была представлена государю частнымъ образомъ. Обѣ Записки въ общихъ

чертахъ не расходились между собою и въ обѣихъ имѣлось въ виду привлечь къ участію въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ членовъ-экспертовъ изъ дворянъ-помѣщиковъ, не состоявшихъ на государственной службѣ" [46]).

Очевидно, что основаніемъ для Записокъ Милютина и Ростовцова послужила Записка Кавелина, написанная имъ еще въ 1857 году.

„Силою самихъ обстоятельствъ,—свидѣтельствуетъ Ө. П. Еленовъ, — въ предпріимчивомъ умѣ Ростовцова родилась мысль, пользуясь чрезвычайнымъ къ нему расположеніемъ государя, сосредоточить все дѣло въ своихъ рукахъ и двинуть его впередъ энергически и быстро, привлекши къ его рѣшенію самихъ помѣщиковъ. Планъ до того былъ смѣлый, что могъ быть проведенъ только окольнымъ путемъ: слѣдовало захватить Главный Комитетъ врасплохъ". Въ состоящей при Главномъ Комитетѣ Коммиссіи, „душою которой былъ самъ Ростовцовъ, составленъ былъ планъ устройства Редакціонныхъ Коммиссій. для разсмотрѣнія губернскихъ проектовъ и для начертанія общаго Положенія о крестьянахъ. Эти Редакціонныя Коммиссіи предполагалось составить изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, съ прибавленіемъ экспертовъ, избранныхъ предсѣдателемъ Коммиссій. Предсѣдателемъ же Коммиссій предполагалось назначить исправлявшаго должность статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта С. М. Жуковскаго, который завѣдывалъ дѣлами Коммиссіи при Главномъ Комитетѣ.

„Этотъ планъ учрежденія Редакціонныхъ Коммиссій былъ представленъ на утвержденіе государя Коммиссіей, помимо Главнаго Комитета, при журналѣ ея, отъ 4 февраля 1859 г. Государь начерталъ на этомъ журналѣ такую резолюцію:

Исполнить, но съ тѣмъ, чтобы предсѣдательство въ *Редакціонныхъ Коммиссіяхъ было поручено генералъ-адъютанту Ростовцову, если онъ согласится принять эту должность на себя* [47]).

На эту резолюцію, сообщенную Ростовцову княземъ А. Ө. Орловымъ, въ письмѣ отъ 14 февраля 1859 г., Ростовцовъ

въ тотъ же день, отвѣчалъ: „Высочайшее повелѣніе о назначеніи меня предсѣдателемъ Коммиссій, *если только я буду на это согласенъ*, какъ изволилъ выразиться его величество, принимаю я не съ согласіемъ или желаніемъ, но съ молитвою, съ благоговѣніемъ, со страхомъ и съ чувствомъ долга. Съ *молитвою* къ Богу, чтобъ онъ сподобилъ меня оправдать довѣренность государя. Съ *благоговѣніемъ* къ государю, удостоившему меня такого святаго призванія. Со *страхомъ* предъ Россіей и предъ потомствомъ, съ *чувствомъ долга* предъ моею совѣстію. Да проститъ мнѣ Богъ и государь, да проститъ мнѣ Россія и потомство, если я поднимаю на себя ношу не по моимъ силамъ, но чувство долга говоритъ мнѣ, что ношу эту не поднять я не въ правѣ. Этотъ отзывъ мой на призывъ государя, почтительнѣйше прошу васъ повергнуть предъ его императорскимъ величествомъ, создающимъ въ Россіи *народъ*, котораго доселѣ въ Отечествѣ нашемъ не существовало".

На этомъ письмѣ государь начерталъ слѣдующую резолюцію: *Искренно благодарю его, что онъ принялъ на себя эту тяжелую обузу. Къ благороднымъ его чувствамъ я давно привыкъ. Да поможетъ ему Богъ оправдать мое довѣріе и мои надежды.*

XIV.

Редакціонныя Коммиссіи раздѣлялись на три отдѣленія: Административное, Хозяйственное и Юридическое. Въ составъ ихъ Ростовцовъ пригласилъ слѣдующихъ лицъ: Александра Николаевича Татаринова, Константина Ипполитовича Гечевича, Алексѣя Дмитріевича Желтухина, Василья Васильевича Тарновскаго, Николая Петровича Шишкова, Василья Ивановича Булыгина, Михаила Павловича Позена, Николая Алексѣевича Милютина, Юрья Ѳедоровича Самарина, Якова Александровича Соловьева, Николая Ивановича Желѣзнова, Степана Михайловича Жуковскаго, Александра Николаевича

Попова, князя Владиміра Александровича Черкасскаго, Юлія Андреевича Гагемейстера, князя Бориса Дмитріевича Голицына, Александра Карловича Гирса, Бронислава Францовича Залѣсскаго, Николая Антоновича Кристофари, Андрея Парѳеновича Заблоцкаго-Десятовскаго, Петра Алексѣевича Булгакова, Николая Николаевича Павлова, Николая Васильевича Калачова, Ивана Павловича Арапетова, князя Сергѣя Павловича Голицына, Григорья Павловича Галагана, Октавіана Францовича Ярошинскаго, Виктора Владиміровича Апраксина, Николая Христіановича Бунге, Андрея Антоновича Грабянка, Константина Ивановича Домонтовича, Евгенія Ивановича Ламанскаго, Марка Николаевича Любощинскаго, князя Ѳедора Ивановича Паскевича, Михаила Христофоровича Рейтерна, Николая Петровича Семенова, Петра Петровича Семенова и графа Петра Павловича Шувалова [48]).

16 марта 1859 года, П. А. Плетневъ писалъ князю Вяземскому: „Крестьянскимъ дѣломъ занимается болѣе всѣхъ Ростовцовъ. Онъ предсѣдатель новыхъ двухъ Коммиссій: Редакціонной и Финансовой. Имъ набраны самые бойкіе люди: Самаринъ, князь Черкасскій, Кошелевъ и многіе другіе“.

Подъ 5 мая 1859 года, П. А. Валуевъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Обѣдалъ у великой княгини Елены Павловны съ Французскимъ посланникомъ Монтебелло, Прусскимъ посланникомъ Бисмаркомъ, княземъ В. А. Черкасскимъ (*Русской Бесѣды*) и нѣсколькими другими“ [49]).

Слѣдуетъ замѣтить, что А. И. Кошелевъ не былъ приглашенъ въ Редакціонныя Коммиссіи. Это очень огорчило А. С. Хомякова, и онъ писалъ Ю. Ѳ. Самарину: „Письмецо это доставитъ вамъ Дмитрій Сергѣевичъ Арсеньевъ, славный человѣкъ и во многомъ, если не ошибаюсь, напоминающій нашего милаго Н. В. Шеншина. Онъ, вѣроятно, будетъ васъ уговаривать принять немедля приглашеніе въ Питеръ. Вамъ нельзя не ѣхать. Съ вами будутъ: Милютинъ, Соловьевъ, князь Черкасскій въ одномъ отдѣленіи. Кошелевъ не назначенъ въ Комитетъ. Это просто возмутительно. Какъ изъяснить это со

стороны Ростовцова? Просто уступкою озлобленію общему и отсутствіемъ поддержки со стороны придворныхъ эманципаторовъ. Ростовцову хотѣлось его призвать, но онъ не рѣшился. Надобно будетъ выдумать средство дѣлу пособить. Его это огорчитъ, и мнѣ за него больно, тѣмъ болѣе, что независимое содѣйствіе посредствомъ журнала затрудняется съ каждымъ днемъ".

Настоящая причина невызова Кошелева принять участіе въ трудахъ Редакціонныхъ Коммиссій, какъ свидѣтельствовалъ мнѣ Н. П. Семеновъ, была та, что Ростовцовъ, будучи ярымъ противникомъ откупной ситемы, не желалъ и опасался допустить откупщика къ участію въ трудахъ по крестьянскому дѣлу.

Съ своей стороны Н. А. Милютинъ, 9-го марта 1859 года, писалъ Ю. Ѳ. Самарину: „Въ дополненіе къ оффиціальному приглашенію, уже отправленному на ваше имя, мнѣ поручено обратить къ вамъ дружеское воззваніе и отъ себя. Съ радостью исполняю это порученіе, въ надеждѣ, что вы не отклоните отъ себя тяжелой, но пріятной обязанности довершить великое дѣло, которому мы издавна были преданы всей душой. Коммисія, въ которую вы приглашаетесь членомъ, открылась на сихъ дняхъ; вотъ ея составъ: предсѣдатель Я. И. Ростовцовъ; отъ Главнаго Комитета—Жуковскій, отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ—Соловьевъ, Гирсъ и я; отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ—Булыгинъ и Павловъ (оба бывшіе члены Московскаго Комитета); отъ Министерства Юстиціи—Любощинскій и Семеновъ; отъ Второго Отдѣленія—Калачовъ; наконецъ члены изъ помѣщиковъ (эксперты, какъ у насъ называются): Шишковъ, князь В. Черкасскій, Галаганъ и Тарновскій, послѣдніе два изъ Черниговскаго Комитета, Желѣзновъ—изъ Новгородскаго и вы. Вѣроятно, прибавится еще кой-кто; но вы видите, что избираются люди искренно преданные дѣлу. Эксперты и министерскіе члены имѣютъ совершенно равныя права и обязанности. Депутаты же, призываемые изъ губернскихъ комитетовъ, вѣроятно бу-

дутъ имѣть голосъ лишь совѣщательный. Могу васъ вполнѣ удостовѣрить, что основанія для работъ широки и разумны. Ихъ можетъ по совѣсти принять всякій, ищущій правдиваго и мирнаго разрѣшенія крѣпостнаго узла. Отбросьте всѣ сомнѣнія и смѣло пріѣзжайте сюда. Мы будемъ, конечно, не на розахъ: ненависть, клевета, интриги всякаго рода вѣроятно будутъ насъ преслѣдовать. Но именно поэтому нельзя намъ отступить передъ боемъ, не измѣнивъ всей прежней нашей жизни. Идя въ Коммисію, я болѣе всего разсчитывалъ на ваше сотрудничество, на вашу опытность, на ваше знаніе дѣла. При всей твердости моихъ убѣжденій, я встрѣчаю тысячу сомнѣній, для разрѣшенія которыхъ нужны совѣты и указанія практиковъ; здѣсь вы нужнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Обнимаю васъ отъ всей души въ надеждѣ на радостное свиданіе.

„Къ работамъ мы еще не приступили; но мѣшкать нельзя. У насъ уже семь проектовъ, ожидаемъ еще нѣсколько. Надо тотчасъ начать ихъ разработку и поставить вопросы, а вы знаете какъ это важно. Передайте мой дружескій поклонъ Гроту. Соображеній нашихъ о полиціи и мировыхъ судьяхъ не могу вамъ послать, но спѣшу извѣстить, что они вполнѣ приняты. Всѣ сорныя травы вырваны, надѣюсь, окончательно".

На письмо это Самаринъ отвѣчалъ: „Я получилъ ваше письмо одновременно съ оффиціальнымъ приглашеніемъ отъ генерала Ростовцова, которому отвѣчаю по этой же почтѣ. Что я приму приглашеніе съ радостью и съ полною готовностью идти на всѣ послѣдствія, въ этомъ, я надѣюсь, вы не сомнѣваетесь. Не говоря уже о томъ, что въ такомъ дѣлѣ всякій, кому удастся хоть одинъ камешекъ снять съ засореннаго пути, который одинъ ведетъ къ успѣху, долженъ почитать себя счастливымъ, я придаю великую важность этому первому шагу допущенія совершенно свободнаго совѣщательнаго элемента въ государственномъ вопросѣ. Если дѣло поведено будетъ удачно и благоразумно, то можетъ пріохотить и на будущее время обращаться къ этому же способу; напротивъ, неудачи или скандалъ возымѣли бы очень дурныя

послѣдствія. По крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи я могу сказать, что совершенно готовъ: въ теченіе моего шестимѣсячнаго пребыванія въ Самарскомъ Комитетѣ, я съ головы до ногъ обросъ непроницаемою чешуей долготерпѣнія.

„По приглашенію вашему, я бы тотчасъ пріѣхалъ, если бъ не приковывало меня къ Самарѣ то самое дѣло, для котораго вы меня зовете въ Петербургъ. На будущей недѣлѣ должны пройти послѣднюю главу программы: поручено мнѣ составить ее. Затѣмъ начнется редакція проектовъ. У насъ ихъ будетъ два, но на которой сторонѣ будетъ болѣе шансовъ,—теперь еще предвидѣть нельзя. Одинъ проектъ пишу по порученію четырехъ членовъ Комитета, постоянно подававшихъ голосъ со мною. Положившись во всемъ на меня, они не брали пера въ руки и ни къ чему не готовились. Бросить ихъ теперь, значило бы выдать ихъ безоружныхъ озлобленному большинству, и тогда противники передѣлали бы все, что̀ намъ удалось сдѣлать. У меня уже совсѣмъ готовы пять главъ, для остальныхъ и пояснительныхъ записокъ изготовлены всѣ матеріалы; работы остается не болѣе какъ на три недѣли, и признаюсь вамъ, мнѣ самому не хотѣлось бы сдавать на чужія руки работу, надъ которой я много трудился и которою дорожу. Чрезъ недѣлю Страстная, тамъ праздникъ, въ это время, вѣроятно, и въ Петербургѣ будетъ роздыхъ, а въ Самарѣ успѣю окончить и оставить готовый проектъ. Дня на четыре мнѣ нужно съѣздить въ деревню, а съ первымъ пароходомъ я поднимусь вверхъ по Волгѣ до Твери. Въ первыхъ числахъ мая я буду въ Петербургѣ и тогда давайте трудиться, располагайте мною какъ знаете.

„Здѣсь я даже никому, кромѣ Грота, не сказалъ о моемъ назначеніи, иначе бы все пошло вверхъ дномъ; стали бы тянуть до моего отъѣзда, а потомъ передѣлали бы всѣ принятыя статьи.

„И такъ, до скораго свиданія, обнимаю васъ отъ всей души и оканчиваю стихами Хомякова:

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Доколѣ не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего"...

Въ то же время (13 марта 1859 года), изъ Самары Ю. Ѳ. Самаринъ писалъ слѣдующее А. О. Смирновой: „Между нами будь сказано, наши (т.-е., помѣщиковъ) потери будутъ огромны (большинство этого даже не понимаетъ); но удовлетворится ли народъ нашими пожертвованіями? Подойдутъ ли они хоть близко къ его надеждамъ?—Вотъ вопросъ, который торчитъ у меня въ мозгу какъ осиновый клинъ, и котораго я не могу себѣ разрѣшить, потому что я просто неглупый малый, а не геніальный человѣкъ съ даромъ историческаго предвидѣнія. Знаменія многозначительныя, хотя и ускользающія отъ общественнаго вниманія, совершаются у насъ въ глазахъ. Самое первое и важное—это небывалое никогда безпримѣрное спокойствіе всего крѣпостного сословія. Ниоткуда ни жалобы, ни стона, ни признака нетерпѣнія. Въ то время какъ мы муштровали солдатиковъ, строили и театры и цирки, возстановляли въ Европѣ Австрійскіе порядки и не думали объ одиннадцати милліонахъ своихъ черныхъ людей, народъ нашъ все-таки жилъ, хотя въ смыслѣ чисто стихійнаго, безсознательнаго развитія. Это развитіе совершалось также незамѣтно и таинственно, какъ постепенное разложеніе зерна, брошеннаго въ глубь земли, какъ образованіе ростка, корня — вообще какъ весь процессъ растительности. Нужды, потребности, боли и муки всякаго рода усиливались съ каждымъ днемъ, удовлетвореніе и уврачеваніе становились болѣе и болѣе необходимыми, а между тѣмъ мы объ нихъ и не думали; мы нетолько не приступали къ дѣлу, даже ничего не подготовляли для будущаго приступа. Пятнадцать томовъ *Свода Законовъ* и тридцать два къ нимъ Продолженія вышли въ теченіе двадцати лѣтъ, и въ этой грудѣ вы не найдете ни одной статьи, которая бы въ чемъ-нибудь улучшила положеніе крѣпостного сословія. Теперь мы стали втупикъ, потому что мы засти-

гнуты врасплохъ вопросомъ, который не былъ никѣмъ *возбужденъ*, а *втерся* къ намъ самъ, какъ непрошенный гость, который долго и безплодно стучался въ дверь и звонилъ въ колокольчикъ. Потребности настоящей минуты и ожиданія народа переросли наши *средства*. Вотъ въ двухъ словахъ, какъ представляется мнѣ настоящее положеніе дѣлъ... И, признаюсь вамъ, хотя въ душѣ своей питаю глубочайшее отвращеніе къ переворотамъ и насиліямъ всякаго рода, хотя я гораздо болѣе консерваторъ, чѣмъ Яковъ Ростовцевъ, Сергій Ланской и Алексѣй Орловъ, но иногда мнѣ приходитъ на умъ, что сильная всеобщая встряска для насъ необходима, хотя бы для того, чтобы покончить съ дворянской лѣнью, пробудить насъ отъ хронической спячки и очистить нравственную атмосферу.. Да-съ, Александра Осиповна, загадочная землица! Смотрите во всѣ глаза и вы не найдете въ ней ничего выработаннаго, ничего готоваго, чѣмъ бы мы могли въ собственныхъ нашихъ глазахъ оправдать наши надежды на будущее. Съ другой стороны, нельзя же не признать, что во всей Европѣ существуетъ только одинъ народъ, носящій Христа въ душѣ своей, только одинъ, для котораго не порвалась нить, связавшая земное съ небеснымъ, котораго взоры сами собою безпрестанно обращаются къ верху, а пальцы складываются для крестнаго знаменія при всякомъ событіи, грустномъ и радостномъ. Не раздѣляю я того монашескаго взгляда, къ сожалѣнію, довольно у насъ распространеннаго, будто бы смыслъ для разумѣнія Божественнаго можетъ существовать одиноко въ душѣ человѣка, не воздѣйствуя на другія способности. Этотъ смыслъ есть первое условіе всякаго образованія умственнаго и гражданскаго, есть ручательство за силу, крѣпость, глубину и здоровье духа. Въ наукѣ, на службѣ, на войнѣ, въ домашнемъ быту, въ торговлѣ, въ промыслахъ, во всемъ онъ долженъ заявить себя, и мы уже видѣли задатки этихъ будущихъ проявленій. Вспомните Гоголя, который изнемогъ, когда почуялъ громадность задачи, выросшей передъ нимъ, задачи обновленія Художества въ

живой струѣ Христіанства. Все же онъ одинъ ее почуялъ, тогда какъ ни Гете, ни Байронъ, никто ее и не подозрѣвалъ. И много еще падетъ и исчахнетъ благородныхъ дѣятелей и передовыхъ людей, которыхъ вся бѣда состоять будетъ въ томъ, что тѣсная грудь одинокаго человѣка не вмѣститъ въ себѣ задачи, заданной цѣлому народу. Но наконецъ озарится же когда нибудь и весь народъ сознаніемъ своего призванія. Одна эта вѣра кое-какъ поддерживаетъ меня и спасаетъ отъ отчаянія; но бываютъ минуты тяжелыя".

XV.

Одинъ изъ главныхъ членовъ Редакціонныхъ Коммиссій, Н. А. Милютинъ, дѣйствовалъ въ союзѣ съ славянофилами, о чемъ свидѣтельствуетъ вышеприведенное письмо его къ Ю. Ѳ. Самарину. Это же подтверждаетъ и И. С. Аксаковъ. „Николай Алексѣевичъ Милютинъ,—писалъ Аксаковъ,—ревностный поборникъ освобожденія крестьянъ, вступая въ Редакціонныя Коммиссіи, числился еще *западникомъ;* притомъ, естественно, былъ не чуждъ и нѣкотораго бюрократизма, такъ какъ съ самой ранней юности служилъ постоянно въ Петербургѣ, по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Собственно только во время работъ въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ сблизился тѣсно Милютинъ съ Самаринымъ, узналъ и оцѣнилъ его своей благородной душою и свѣтлымъ широкимъ умомъ: это сближеніе во многомъ съ тѣхъ поръ измѣнило направленіе мыслей Милютина, какъ въ политическомъ, такъ и нравственномъ отношеніи. Оба они, вмѣстѣ съ княземъ В. А. Черкасскимъ, были именно самыми главными, самыми дѣятельными работниками и двигателями въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ; всѣ вопросы обсуживали напередъ вмѣстѣ, послѣ долгихъ споровъ и всесторонняго разсмотрѣнія условливались въ рѣшеніи, и въ засѣданіяхъ Коммиссій уже не раздѣлялись. Само собою разумѣется, что представителемъ народныхъ началъ въ ихъ, по возможности, отвлеченной чистотѣ являлся по преимуществу

Самаринъ; Черкасскій изыскивалъ практическія формы для ихъ *приблизительно* вѣрнаго приложенія, особенно въ области административнаго устройства; Милютинъ относился къ нимъ съ общей государственной точки зрѣнія, прилаживалъ ихъ къ общему законодательному типу и согласовалъ съ тѣми условіями современнаго административнаго строя, которыя продолжали пребывать *на верху*—при предстоявшемъ измѣненіи стараго строя *внизу*"...

Между тѣмъ, Герценъ, будучи чѣмъ-то недоволенъ Милютиными, писалъ: „Въ наше перемѣнчивое время никого узнать нельзя, и братья Милютины—эти Гонорій и Аркадій Русской Имперіи, становятся какими-то сфинксами... Бюрократы и либералы, организаторы и децентрализаторы, вчера западники, сегодня славянофилы, завтра.... кто ихъ знаетъ что"?

Какъ бы то ни было, славянофиламъ въ союзѣ съ Милютинымъ и К^0, довелось играть въ Редакціонныхъ Коммисіяхъ не послѣднюю роль.

Въ эпоху образованія Редакціонныхъ Коммиссій, графъ К. В. Нессельроде написалъ къ Н. А. Милютину замѣчательное письмо.

„У Нессельроде,—говаривалъ князь П. А. Вяземскій,—есть по крайней мѣрѣ Русскіе мериносы на Святой Руси. Стало быть, онъ прикрѣпленъ къ Русской землѣ".

Какъ бы въ подтвержденіе сказаннаго, государственный канцлеръ писалъ: „Препровождаю къ вамъ при семъ двѣ тетрадки, которыя познакомятъ васъ съ нынѣ существующимъ устройствомъ крестьянъ въ моихъ Саратовскихъ имѣніяхъ. Уже сорокъ два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ я установилъ этотъ порядокъ, и имѣю полное основаніе быть довольнымъ достигнутыми результатами, какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщика. Интересы обѣихъ сторонъ до того слиты, что я не могъ бы не пожалѣть, если бы эмансипація разрушила нынѣ существующую между ними связь, еслибъ власть помѣщика ограничилась, а власть общины—усилилась. Я бы не желалъ того къ пользѣ самихъ крестьянъ, ибо

самоуправленіе общины еще долгое время останется у насъ деспотизмомъ крестьянъ достаточныхъ надъ крестьянами бѣдными" [50]).

„27 февраля 1859 года,—вспоминаетъ Н. П. Семеновъ,—получивъ предписаніе начальства о назначеніи меня членомъ Редакціонныхъ Коммиссій, я, вмѣстѣ съ Маркомъ Николаевичемъ Любощинскимъ, тогда, также какъ и я, оберъ-прокуроромъ Правительствующаго Сената, поѣхалъ представляться генералъ-адъютанту Ростовцову, какъ временному начальнику по заведенному обычаю, такъ какъ мы оба вошли въ Коммиссіи членами отъ Правительства, одного вѣдомства—Министерства Юстиціи. Цѣль этого представленія была узнать вмѣстѣ съ тѣмъ, въ чемъ будутъ состоять наши занятія и не будутъ ли на насъ возложены какія-нибудь особыя порученія. Тогда объ учрежденіи Коммиссій и ихъ дѣйствій ничего еще обнародовано не было, и полный составъ ихъ не былъ извѣстенъ.

„На объясненіе въ короткихъ словахъ Любощинскаго, что онъ очень мало знакомъ съ хозяйствомъ и бытомъ крестьянъ и потому страшится этого дѣла, но что если найдутся для него занятія по юридической части въ разработкѣ Положеній, то онъ готовъ служить всѣми теоретическими и практическими познаніями, которыя онъ успѣлъ пріобрѣсти въ теченіе долговременной службы, Ростовцовъ отвѣчалъ:—Нѣтъ, вы не бойтесь, мы всѣ люди новые въ этомъ дѣлѣ; это такой громадный переворотъ, котораго никто не предвидѣлъ и готовиться было некогда; мы должны въ продолженіе нашихъ занятій всѣ учиться, намъ нужны всѣ свѣдѣнія; мы пойдемъ постепенно, а не вдругъ. Я имѣю такой планъ. Къ намъ уже начинаютъ поступать проекты губернскихъ комитетовъ; мы должны ихъ обозрѣвать, и въ то время будемъ знакомиться съ дѣломъ. Сначала мы, такъ сказать, *оболванимъ* нашъ проектъ, это будетъ черновая работа, потомъ будутъ вызваны депутаты отъ губерній, они намъ помогутъ, мы тогда опять пройдемъ все сначала, чтобъ усовершенствовать,

и это будетъ второй періодъ, а ихъ можетъ быть будетъ три и четыре, а можетъ быть и пять, пока мы не приведемъ нашего труда въ такой видъ, что дѣло можетъ пойти въ ходъ. Можетъ быть даже надо будетъ приводить его въ исполненіе постепенно, по частямъ, тогда можно будетъ видѣть недостатки и своевременно поправлять ихъ. Я всѣмъ этимъ очень озабоченъ, мы должны помогать другъ другу всѣми силами, намъ надо имѣть въ виду все, что̀ было писано у насъ по этому предмету, все прочесть, что̀ было напечатано за границей. Мы ни одной строчки не должны упустить изъ виду. Меня самого беретъ иногда страхъ, и я за это дѣло принимаюсь съ молитвою, чтобы Богъ насъ вразумилъ. На назначеніе нѣкоторыхъ членовъ государь уже соизволилъ, относительно же избранія другихъ—членовъ экспертовъ, онъ положился совершенно на меня. Мы должны оправдать довѣріе къ намъ государя, а отказываться отъ такого святого дѣла мы не въ правѣ“.

„Отпуская насъ, Ростовцовъ прибавилъ:—Богъ васъ благословитъ, я скоро назначу первое наше собраніе, вамъ будутъ присланы повѣстки, мы не можемъ терять времени“.

Вскорѣ послѣ того, 2 марта, мнѣ,—продолжаетъ Н. П. Семеновъ,—случилось быть у Ростовцева по особому его приглашенію. Разговаривая со мною о ходѣ крестьянскаго дѣла и разныхъ своихъ распоряженіяхъ, онъ между прочимъ сказалъ мнѣ:—У насъ теперь поступило очень мало проектовъ губернскихъ комитетовъ, но мы откроемъ наши собранія и пока станемъ, такъ сказать, *спѣваться*, мы будемъ употреблять всѣ наши усилія, чтобы въ главныхъ чертахъ всѣ стороны крестьянскаго вопроса для насъ уяснились, чтобы въ то время, когда станутъ присылать къ намъ постепенно проекты комитетовъ, мы могли бы ихъ обнимать, и чтобы въ направленіи у насъ была одна цѣль и и общее согласіе, а потому я буду просить васъ, во время присутствія, записывать хотя программой то, о чемъ мы будемъ говорить, чтобы намъ потомъ не возвращаться къ старому,

о чемъ уже было говорено, и чтобы остались слѣды нашей дѣятельности для Исторіи“.

Это порученіе предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій Н. П. Семеновъ исполнилъ. „Слѣды для исторіи“ оставилъ изданіемъ въ свѣтъ своего труда, подъ заглавіемъ: *Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II-го. Хроника дѣятельности Коммиссій по крестьянскому дѣлу.*

Въ посвятительномъ письмѣ своемъ императору Александру III-му, Н. П. Семеновъ писалъ: „Освобожденіе крестьянъ въ Россіи покрыло неувядаемою славою царствованіе вашего августѣйшаго родителя. Когда, по высочайшему назначенію, я состоялъ членомъ Редакціонныхъ Коммиссій по крестьянскому дѣлу, первый ихъ предсѣдатель, генералъ-адъютантъ Ростовцовъ, поручилъ мнѣ, между прочимъ, вести дневникъ тому, что обсуждалось въ нихъ, дабы, какъ онъ выражался, намъ не возвращаться къ старому, о чемъ было говорено, и чтобъ у насъ остались слѣды для Исторіи. Засѣданіе за засѣданіемъ, во все продолженіе ихъ, я записывалъ то, что говорилось въ Коммиссіяхъ. Ростовцовъ, замѣтивъ такую полноту моихъ записокъ, доводилъ о нихъ до свѣдѣнія императора Александра II и передавалъ мнѣ устно слова одобренія и желаніе государя, чтобъ я довелъ мои записки до конца. Столь милостивое вниманіе укрѣпляло во мнѣ бодрость и терпѣніе въ этомъ продолжительномъ и утомительномъ трудѣ.... Это правдивый матеріалъ для начертанія полной и правдивой Исторіи освобожденія крестьянъ въ Россіи“.

Близкій къ дѣлу освобожденія крестьянъ и къ первому предсѣдателю Редакціонныхъ Коммиссій Ѳ. П. Еленевъ писалъ Семенову: „Я проникся новымъ чувствомъ уваженія и даже удивленія къ вашему колоссальному труду... Помоги вамъ Богъ докончить этотъ монументъ освобожденія крестьянъ, изготовлявшійся въ тиши кабинета, цѣною тридцатилѣтнихъ, невидимыхъ для свѣта трудовъ и бдѣній, въ то время когда другіе гарцовали взапуски по ристалищамъ

карьеристовъ. Зато вы съ полнымъ правомъ можете сказать себѣ: *Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный*, который дотолѣ будетъ напоминать ваше имя Русскимъ людямъ, доколѣ сохранится у нихъ память объ уничтоженіи крѣпостного рабства въ Россіи. Это не есть еще Исторія; но достовѣрная Исторія невозможна безъ такихъ протоколовъ настоящаго времени, передающихъ его будущимъ вѣкамъ въ его непосредственныхъ, фотографическихъ чертахъ. Такимъ именно procès-verbaux обязаны были Алексѣй Токвиль и Тэнъ тѣмъ, что ихъ историческіе очерки разсѣяли многіе миражи, носившіеся надъ тѣми эпохами".

XVI.

На второй недѣлѣ великаго поста, въ среду, 4 марта 1859 года, члены Редакціонныхъ Коммиссій съѣхались на Васильевскомъ Островѣ, въ квартиру І. И. Ростовцова, которую онъ занималъ въ особомъ домѣ, принадлежавшемъ Первому Кадетскому Корпусу. Сначала отслушали молебенъ, съ колѣнопреклоненіемъ, о благополучномъ начатіи дѣла и его совершеніи. Служилъ священникъ Перваго Корпуса, а пѣли кадеты. По окончаніи молебна, Ростовцовъ пригласилъ своихъ новыхъ сотрудниковъ въ особо приготовленную для засѣданій комнату. Она выходила дверью на балконъ въ садъ, откуда одно дерево,—замѣчаетъ Н. П. Семеновъ,—еще и понынѣ свободно раскидываетъ густыя вѣтви черезъ каменную ограду почти на полъ-улицы. Ростовцовъ открылъ засѣданіе нѣсколькими вступительными словами и въ заключеніе сказалъ: „Мы приступаемъ къ дѣлу щекотливому. Мы можемъ быть разныхъ мнѣній и взглядовъ. Между нами могутъ произойти горячіе и раздражительные споры и несогласія, а потому мы всѣ должны заранѣе простить другъ другу огорченія, еслибъ у насъ вышло что-нибудь непріятное, и я первый теперь же прошу у всѣхъ васъ прощенія, если бы неумышленно, хотя однимъ словомъ, кого-нибудь обидѣлъ".

Черезъ два дня послѣ открытія засѣданій, Ростовцовъ собралъ у себя всѣхъ членовъ Коммиссій, для представленія въ часъ по-полудни государю. Когда всѣ собрались у Ростовцова, онъ просилъ членовъ ѣхать за нимъ, прежде сбора во Дворцѣ, къ предсѣдателю Главнаго Комитета, князю А. Ѳ. Орлову, говоря, что уже прежде хотѣлъ сдѣлать ему эту любезность представленіемъ лично своихъ сотрудниковъ. По прибытіи къ князю Орлову, Ростовцовъ пошелъ въ его кабинетъ и довольно долго съ нимъ бесѣдовалъ. Когда потомъ они вышли вмѣстѣ въ залу, гдѣ стояли члены, князь Орловъ произнесъ, обращаясь къ нимъ, слѣдующія слова: „Господа, на васъ лежитъ трудная обязанность распутать дѣло сложное и запутанное. Такъ уже сдѣлалось, пойти назадъ невозможно; вы должны идти по тому направленію, которое дано ему; вамъ остается исполнить то, что̀ вамъ указано; а что вы не такъ сдѣлаете, мы поправимъ; — и такъ, дай Богъ вамъ успѣха"! Затѣмъ Ростовцовъ представилъ князю Орлову каждаго изъ членовъ особенно. Отпуская ихъ, князь Орловъ сказалъ: „Прощайте! Еще разъ желаю вамъ успѣха"! Оттуда поѣхали въ Зимній Дворецъ. Государю Ростовцовъ представлялъ членовъ одного за другимъ, по порядку. Обойдя всѣхъ, государь произнесъ слѣдующее: „Я желаю только блага Россіи. Вы призваны, господа, совершить большой трудъ. Я буду умѣть оцѣнить его. Это дѣло щекотливое. Я знаю; мой выборъ палъ на васъ: обо всѣхъ васъ я слышалъ отъ вашего предсѣдателя; онъ мнѣ всѣхъ рекомендовалъ. Я увѣренъ, что вы любите Россію, какъ я ее люблю, и надѣюсь, что исполните все добросовѣстно и оправдаете мое къ вамъ довѣріе. На случай сомнѣнія и недоразумѣній при исполненіи моихъ предначертаній, посредникомъ между вами и мной будетъ вашъ предсѣдатель. Онъ будетъ доводить о всемъ происходящемъ до моего свѣдѣнія. Я надѣюсь, что съ вами мы проведемъ это дѣло къ благополучному окончанію. Да поможетъ вамъ Богъ въ этой трудной работѣ, а я васъ не забуду. Прощайте"! Ростовцову государь пожалъ руку и поцѣловалъ его [51]).

„Съ учрежденіемъ Редакціонныхъ Коммиссій,—свидѣтельствуетъ Ѳ. П. Еленевъ,—крестьянское дѣло изъ тѣсныхъ извилинъ выплыло на просторъ. Члены Коммиссій, подъ охраной своего предсѣдателя, могли совѣщаться и работать спокойно и съ легкимъ сердцемъ, ниоткуда не встрѣчая помѣхи. Чрезвычайное довѣріе, какимъ въ это время пользовался у государя Ростовцовъ, дало ему возможность поставить Коммиссіи въ полнѣйшую независимость отъ Главнаго Комитета и отъ всѣхъ другихъ инстанцій. Коммиссіи жили своею внутреннею жизнію, получая направленіе отъ своего лишь предсѣдателя; а онъ давалъ отчетъ въ дѣйствіяхъ Коммиссій одному только государю. Главный Комитетъ существовалъ съ этихъ поръ только по имени. Дѣло, дотолѣ для всѣхъ неясное, стало мало-по-малу уясняться членамъ Редакціонныхъ Коммиссій изъ ихъ общихъ совѣщаній, изъ разбора проектовъ губернскихъ комитетовъ, а въ послѣдствіи и изъ преній съ депутатами отъ губернскихъ комитетовъ. Личный составъ Коммиссій и установившіеся въ ней порядки были чѣмъ-то новымъ, давно уже невиданнымъ въ Россіи: отставной прапорщикъ и коллежскій секретарь сидѣли рядомъ съ чиновниками высшаго ранга. Ростовцовъ, съ его живымъ увлекающимся характеромъ, съ его энергическою и образною рѣчью, вносилъ въ работы Коммиссій одушевленіе, которое искренно раздѣляли съ нимъ и многіе члены“ [52]).

3 іюня 1859 года, въ „палатку“ на Каменномъ Островѣ, гдѣ собирались члены Редакціонныхъ Коммиссій,—повѣствуетъ Н. П. Семеновъ,—вошелъ въ первый разъ, вновь прибывшій членъ экспертъ Ю. Ѳ. Самаринъ. Предсѣдатель принялъ его съ особымъ удовольствіемъ, всталъ при его приближеніи и привѣтствовалъ словами: „Будьте желаннымъ у насъ“. Затѣмъ Самаринъ усѣлся противъ Ростовцова, между Арапетовымъ и Милютинымъ. Въ этомъ же засѣданіи Самаринъ вступилъ въ нѣкое препирательство съ своимъ собратомъ, княземъ Черкасскимъ, объ *общинѣ*. Самаринъ заявилъ, что отдѣленіе хозяйственной единицы отъ административной невозможно, по неразрывной

связи интересовъ, сопряженныхъ съ общиннымъ владѣніемъ землею съ тѣми обязанностями крестьянъ къ Правительству, которыя находятся въ прямомъ отношеніи къ этому владѣнію. Князь Черкасскій отвѣчалъ ему, что мысль его справедлива, если считать общинное владѣніе вѣчнымъ; но такъ какъ онъ, князь Черкасскій, и другіе считаютъ въ будущемъ распаденіе общиннаго устройства неизбѣжнымъ, ибо ничто не вѣчно, то и находитъ, что администрація должна заранѣе приготовить такія формы, которыя годились бы и на послѣдующее за тѣмъ время. Николай Семеновъ возразилъ, что будущее никому неизвѣстно, что если большія перемѣны въ бытѣ крестьянъ и могутъ естественно послѣдовать, то во всякомъ случаѣ въ очень отдаленное для насъ время, а для того времени едва ли будутъ пригодны изготовленныя такъ задолго формы администраціи. Самаринъ сталъ сильно защищать прочность общиннаго начала, высокія качества этого вида общественной жизни у Славянъ, указывая на проявленіе въ немъ всѣхъ особенностей Русской народности, и заключилъ словами: „Вы навязываете народу такую насильственную правительственную форму въ волостномъ управленіи, въ которой крестьяне вовсе не поймутъ ни вашего учрежденія, ни того, что̀ вы отъ нихъ требуете, и примутъ на себя предписанныя вами обязанности, какъ тяжелую для нихъ повинность. Они совсѣмъ не будутъ интересоваться этимъ управленіемъ". Въ продолженіе этой рѣчи князь Черкасскій сказалъ въ полголоса Татаринову: „Что̀ я вамъ говорилъ!... Вы сами видите"!

Въ засѣданіе 18 іюля 1859 года, бывшемъ на Каменномъ Острову,—разсказываетъ Н. П. Семеновъ,—„около Самарина образовалась группа изъ нѣсколькихъ членовъ. Онъ стоялъ въ серединѣ и говорилъ, его слушали. Желтухинъ и нѣкоторые члены обратили вниманіе Семенова на эту сцену: Замѣчаете ли вы? Самаринъ читаетъ лекцію, ученики ему послушны".

2 августа 1859 года, были представлены государю тѣ изъ членовъ Коммиссій, которые прибыли въ Петербургъ послѣ от-

крытія Редакціонныхъ Коммиссій. Утромъ члены прибыли на Петергофскую желѣзную дорогу. Ростовцовъ, встрѣтивъ ихъ, ввелъ немедленно въ царскія комнаты. По пріѣздѣ въ Петергофъ, они нашли заранѣе приготовленныя для нихъ три линейки, а Ростовцова ожидала коляска. Онъ пригласилъ сѣсть съ собою Татаринова, который для представленія сбрилъ свою бороду. Сѣвъ въ коляску, Татариновъ сказалъ Ростовцову: „Я самъ удивляюсь тому, что вы меня—степного дикаря, везете съ собою во Дворецъ". Всѣ поѣхали въ кавалерскіе домики, гдѣ имъ отведено было помѣщеніе; оттуда отправились въ Александрію и прибыли туда ровно въ 12 часовъ. Въ пріемной государя выстроились въ такомъ порядкѣ: Гагемейстеръ, Бунге, Ламанскій, Павловъ, Арапетовъ, Желѣзновъ, князь С. П. Голицынъ, Самаринъ, Галаганъ, Татариновъ, Желтухинъ, Тарновскій и князь Черкасскій. Ростовцовъ былъ приглашенъ въ кабинетъ государя. Черезъ 10 минутъ онъ возвратился къ членамъ Коммиссій и ввелъ ихъ также въ кабинетъ. Государь подходилъ къ каждому и спрашивалъ, между прочимъ, какой губерніи помѣщикъ? Самарину, который отвѣтилъ, что онъ Самарской губерніи, государь замѣтилъ: „вы—и изъ Самарской губерніи". Князь Черкасскій на вопросъ, гдѣ онъ служилъ? затруднился отвѣтомъ, потому что вовсе на коронной службѣ тогда не былъ. Обойдя всѣхъ, государь произнесъ слѣдующія слова: „Господа, я благодарю васъ за ваши труды и надѣюсь на ваше усердіе. Желаю, чтобы вы сдѣлали хорошо и для помѣщиковъ, и для крестьянъ, какъ до сихъ поръ видѣлъ это въ вашихъ трудахъ; дѣлать нужно не спѣшно и не тянуть". Затѣмъ онъ спросилъ у Ростовцова: „Скоро ли кончится дѣло"? Отвѣтъ былъ данъ, что остановка будетъ за депутатами. Члены Коммиссій возвратились изъ Дворца тѣмъ же порядкомъ, въ какомъ пріѣхали. Ростовцовъ пригласилъ ихъ къ завтраку въ кавалерскихъ домикахъ; самъ же скоро ушелъ, говоря, что имѣетъ докладъ у государя.

Вскорѣ усиленные труды отразились дурно на здоровьѣ Ю. Ѳ. Самарина. „Вслѣдствіе ночей,—свидѣтельствуетъ М. А.

Милютина,—проведенныхъ за работою, напряженія и раздраженія, нервная система разстроилась, Самаринъ впалъ въ меланхолію, сталъ страдать жестокими головными болями, наконецъ, съ нимъ сдѣлался припадокъ, весьма похожій на нервный ударъ. Призванный его друзьями докторъ обнаружилъ приливы крови къ мозгу, поставилъ піявки, запретилъ на долгое время всякое занятіе и совѣтовалъ предпринять поѣздку за границу для полнаго отдыха. Самаринъ однако не хотѣлъ и слышать объ этомъ; отчаяніе его было велико:—всю жизнь, всю жизнь объ этомъ думать и теперь заболѣть!—горько говорилъ онъ. Но чрезъ двѣ недѣли, оправившись немного, снова вступилъ въ засѣданіе Коммиссій. Узнавъ о болѣзни Самарина, великая княгиня Елена Павловна телеграфировала (изъ Остенде, гдѣ находилась на морскихъ купаньяхъ), чтобы его перевели изъ гостиницы пыльнаго и душнаго города (незавиднаго пристанища большей части членовъ Редакціонныхъ Коммиссій въ эти два лѣта 1859—1860 г.) на Каменный Островъ, гдѣ одинъ изъ флигелей Дворца былъ уже занятъ Черкасскимъ; Самаринъ переѣхалъ, и тутъ на короткое время поправился".

Узнавъ о болѣзни Самарина, А. С. Хомяковъ писалъ Е. А. Свербеевой: „Извѣстіе о болѣзни Самарина меня очень огорчило. Еще прежде я совѣтовалъ ему отдохнуть въ чужихъ краяхъ отъ Самарскаго Комитета и признавалъ это необходимымъ. Человѣкъ этотъ не можетъ работать черезъ пень-колоду: онъ весь въ своемъ дѣлѣ и умомъ, и душою. Во всемъ видитъ онъ исполненіе долга. Самолюбіе въ теперешнемъ дѣлѣ онъ конечно къ дѣлу не примѣшиваетъ; затерянный въ толпѣ сорока человѣкъ, которые сами затеряны въ Ростовцовской фирмѣ, конечно онъ вовсе не думаетъ о прославленіи себя. Имъ управляетъ глубокое чувство человѣческое и христіанское, и вотъ почему работа и неудовлетворенное желаніе добра опасны для его жизни. Да, вы совершенно правы, говоря о моемъ братскомъ или отеческомъ чувствѣ къ нему. Мнѣ кажется, что эта натура, выработавшая въ себѣ волею и совѣстію всю чистоту, которая Валуеву была прирожденна (ра-

зумѣется, я, впрочемъ, знаю, что они другъ на друга вовсе не похожи). Скажите только, какъ этотъ другой, любезный фанатикъ долга не любитъ его? Развѣ какъ Кальвинъ не любилъ Сервета“ [53])?

XVII.

Ѳ. П. Еленевъ утверждалъ, что Ростовцовъ пользовался своимъ авторитетомъ только для устраненія вредныхъ распрей изъ среды Коммиссій, но *нимало не стѣснялъ независимости мнѣній*“ [54]).

Но справедливость обязываетъ замѣтить, что на дѣлѣ было не такъ. Именно *стѣсненіе независимости мнѣній* почувствовали на себѣ М. П. Позенъ, графъ П. П. Шуваловъ и князь Ѳ. И. Паскевичъ.

Подъ *10 мая 1859 года*, П. А. Валуевъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Видѣлъ у М. Н. Муравьева, пріѣхавшаго въ качествѣ эксперта М. П. Позена. Муравьевъ ему крайне обрадовался. Лицо его просіяло истинною радостію. „Il donnera,— сказалъ онъ мнѣ потомъ,—un coup de poignard à Ростовцовъ“.

— *17 іюня* — — : „Въ Ростовцовскихъ Коммиссіяхъ было жаркое засѣданіе. Позенъ говорилъ, что онъ былъ принужденъ выйти изъ своей пассивной роли и говорилъ полтора часа, чтобы „принудить, измѣнить заключенія подготовленныя Соловьевымъ и Милютинымъ. Cela commence à chauffer. Начинаетъ подготовляться, можетъ быть, le coup de poignard, о которомъ съ такою юношескою радостью думалъ генералъ Муравьевъ. Не предстоитъ, впрочемъ, сомнѣнія въ томъ, что Ростовцовъ совершенно предался въ руки Милютина и Соловьева“.

— *19* — — : „Разладъ между Ростовцовымъ и Позеномъ начинаетъ быть гласнымъ“ [55]).

Никитенко, подъ 28 сентября 1859 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Былъ у Позена. Туда пріѣзжалъ Кіевскій губернскій предводитель дворянства. Оба они въ силь-

нѣйшемъ негодованіи на Крестьянскій Комитетъ, который отвергаетъ ихъ предложенія. Сколько я могъ понять изъ ихъ разговоровъ, они хотѣли бы обязать крестьянъ къ бо́льшему денежному вознагражденію за землю, чего Комитетъ не хочетъ. Они жалуются на то, что въ Комитетѣ преобладаетъ элементъ бюрократическій, что ихъ призвали не для того, чтобы выслушивать ихъ мнѣнія и совѣщаться съ ними, а чтобы требовать ихъ безусловнаго согласія на заранѣе заготовленную программу" [56]).

Самъ же Ростовцовъ, въ своей *Памятной Запискѣ*, о размолвкѣ съ М. П. Позеномъ писалъ: „Я просилъ государя вызвать Позена въ Петербургъ и назначить членомъ Редакціонныхъ Коммиссій. Я ожидалъ пріѣзда его съ нетерпѣніемъ, зная его умъ, опытность и находясь двадцать лѣтъ въ самыхъ пріятельскихъ съ нимъ отношеніяхъ. Я пріѣзда его ожидалъ съ нетерпѣніемъ и надѣялся въ его дѣйствіяхъ и совѣтахъ найти себѣ иногда успокоеніе въ ежеминутныхъ треволненіяхъ, производимыхъ во мнѣ ходомъ святаго вопроса. Позенъ пріѣхалъ. Дѣйствія его были слѣдующія: Съ самаго начала онъ зачалъ мнѣ представлять многихъ членовъ Редакціонныхъ Коммиссій въ черномъ видѣ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ называлъ онъ красными, желавшими гибели Россіи; а нѣкоторыхъ членовъ, собственно Финансовой Коммиссіи, кабинетными книжниками. Потомъ зачалъ опровергать всю систему предпринятыхъ работъ. Когда Позенъ увидалъ, что я безусловно, такъ сказать, рабски, не принимаю его совѣтовъ, дѣйствія его относительно меня измѣнились. Дотолѣ онъ меня вездѣ хвалилъ; но съ этой минуты государь началъ мнѣ говорить о разныхъ доводимыхъ до него оффиціальнымъ путемъ обо мнѣ слухахъ: что я въ Коммиссіяхъ дѣйствую деспотически, не дозволяю никому говорить; потомъ, что я подчинился демагогамъ; потомъ, что всѣ труды Коммиссій приняли чисто анархическое направленіе. На всѣ мои отвѣты государю, что это вѣроятно одни только слухи и сплетни, его величество мнѣ

отвѣчалъ: „Все это доведено до моего свѣдѣнія оффиціально, и все это говоритъ объ васъ другъ вашъ Позенъ“. Слѣдовательно, чтобы настоять на своихъ убѣжденіяхъ, Позенъ началъ дѣйствовать путями окольными, внѣ прямыхъ его дѣйствій въ засѣданіяхъ Коммиссій, какъ членъ оныхъ, и старался вредить мнѣ; такъ что, если бы государь не имѣлъ ко мнѣ огромнаго запаса милости, то я конечно давно уже оставилъ бы званіе предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій; ибо, при потрясенномъ ко мнѣ довѣріи государя, я на мѣстѣ этомъ оставаться бы не могъ. Въ самихъ засѣданіяхъ Коммиссій Позенъ явился, какъ старшій и лѣтами, и опытомъ, не какъ примиритель, и зачалъ съ перваго раза дѣйствовать не въ духѣ кротости и убѣжденія, но въ духѣ диктаторскомъ, такъ что немедленно успѣлъ вооружить противъ себя почти всѣхъ членовъ Коммиссій и своимъ диктаторскимъ тономъ, и выраженіемъ къ сужденіямъ Коммиссій улыбокъ сожалѣнія или презрѣнія, о чемъ я его дружески предупреждалъ“...

Между тѣмъ, великая княгиня Елена Павловна, какъ-то встрѣтясь съ Ростовцовымъ, сказала ему, что „въ городѣ говорятъ, будто всѣмъ будетъ орудовать теперь Позенъ, и что онъ будетъ вмѣшиваться въ дѣла Комитета. Ростовцовъ покраснѣлъ и отвѣчалъ, что Позенъ человѣкъ весьма спокойный, что онъ не желаетъ ни во что вмѣшиваться и даже не надѣется быть министромъ финансовъ, хотя, между прочимъ, онъ на это мѣтилъ“ [57]).

Въ маѣ того же 1859 года, произошло въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ коренное разногласіе двухъ ея членовъ, графа П. П. Шувалова и князя Ѳ. И. Паскевича, съ предсѣдателемъ и съ членами Коммиссій. Въ *Дневникѣ* П. А. Валуева, мы находимъ любопытныя объ этомъ свѣдѣнія. Надо замѣтить, что Валуевъ, бывши Митавскимъ губернаторомъ, въ 1858 году былъ вызванъ въ Петербургъ министромъ Государственныхъ Имуществъ М. Н. Муравьевымъ и назначенъ директоромъ Департамента.

Въ *Дневникѣ* Валуева, подъ 11 мая 1859 года, читаемъ: „Пріѣхали ко мнѣ Паскевичъ и П. Шуваловъ, за совѣтомъ на счетъ особаго мнѣнія, которое они хотятъ подать въ Ростовцовской Коммиссіи. Совѣщаніе продолжалось до 3-хъ утра. Тезисъ Шувалова и Паскевича, — личное освобожденіе крестьянъ само по себѣ необходимо и возможно, и потому не должно быть безусловно подчиняемо выкупу, реализація коего требуетъ столько времени и вообще доселѣ рисуется въ весьма неопредѣленныхъ чертахъ. Тезисъ большинства Коммиссій и самого Ростовцова,—выкупъ земли нераздѣленъ отъ личнаго освобожденія".

Однимъ словомъ, оказавшееся между большинствомъ Редакціонныхъ Коммиссій и княземъ Паскевичемъ и графомъ Шуваловымъ разногласіе состояло въ слѣдующемъ: По смыслу предложенія Ростовцова, окончательное освобожденіе крестьянъ постановлено въ зависимость отъ выкупа, который, хотя и предлагается въ видѣ *добровольной* мѣры, но, составляя единственный общій исходъ крестьянскому вопросу, тѣмъ самымъ принимаетъ характеръ *принудительный*. По убѣжденію же князя Паскевича и графа Шувалова, необходимо, чтобы дѣйствительное освобожденіе крестьянъ съ правомъ безсрочнаго поземельнаго пользованія было достигнуто въ опредѣленный и непродолжительный срокъ, *независимо отъ выкупа*, который, при содѣйствіи государственнаго кредита, долженъ быть безусловно предоставленъ добровольному соглашенію помѣщика и крестьянъ.

13 мая 1859 года, Валуевъ, въ своемъ *Дневникѣ*, записалъ: „Послѣ полуночи ко мнѣ опять пріѣхали Паскевичъ и П. Шуваловъ. Въ Ростовцовской Коммиссіи имъ отказали въ принятіи ихъ особаго мнѣнія и они готовятся просить увольненія отъ дальнѣйшаго участія въ трудахъ Коммиссій".

Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ числѣ наиболѣе вліятельныхъ членовъ Редакціонныхъ Коммиссій, со стороны славянофиловъ, какъ мы уже знаемъ, находился и князь В. А. Черкасскій, который, по свидѣтельству князя А. В.

Мещерскаго, „освободилъ своихъ крестьянъ гораздо ранѣе введенія Положенія 1861 года; но, освободивъ ихъ отъ барщины, онъ далъ имъ даромъ только одну усадебную землю“.

Между тѣмъ, Н. П. Семеновъ разсказываетъ, что 20 мая 1859 года, „войдя въ залу присутствія, онъ увидѣлъ Ростовцова сидящимъ на особомъ диванѣ между княземъ Паскевичемъ и графомъ Шуваловымъ. Онъ съ ними очень дружески разговаривалъ и шутилъ“, и Семеновъ подумалъ, что между ними полное согласіе возстановилось.

Но *Дневникъ* Валуева гласитъ иное. На другой же день, т.-е., 21 мая, въ немъ записано: „Паскевичъ и Шуваловъ пріѣзжали сегодня совѣтоваться на счетъ редакціи писемъ, которыя они завтра намѣрены отправить къ генералу Ростовцову, прося увольненія отъ званія членовъ Редакціонныхъ Коммиссій“.

23 мая: „У меня вечеромъ были Паскевичъ и Шуваловъ. На ихъ письмо Ростовцовъ отвѣчалъ циркулярнымъ письмомъ съ объявленіемъ, по высочайшему повелѣнію, запрещенія оглашать разномысліе, обнаруживающееся въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ. Такимъ образомъ, Паскевичъ и Шуваловъ поставлены въ противорѣчіе уже не съ Ростовцовымъ, а съ государемъ. Завтра они поѣдутъ въ Царское Село просить чрезъ Адлерберга аудіенціи у государя“.

26 мая: „Паскевичъ и Шуваловъ были у меня въ Министерствѣ. Они рѣшились отвѣчать на письмо генерала Ростовцова повтореніемъ прежней просьбы объ увольненіи“ [58]).

XVIII.

Въ концѣ мая 1859 года, Ростовцовъ съ своимъ семействомъ переѣхалъ на Каменный Островъ. Тамъ ему была отведена собственная дача императора Александра II-го. Въ саду была устроена для засѣданій Коммиссій палатка, остававшаяся безъ употребленія отъ преобразованнаго Константиновскаго Кадетскаго Корпуса.

Между тѣмъ, великая княгиня Елена Павловна, уѣзжая на лѣто 1859 года за границу, уполномочила фрейлину Раденъ сообщить Милютину слѣдующее: „Великая княгиня— писала Раденъ,—поручила мнѣ передать вамъ, что она имѣла вчера очень пріятный разговоръ съ императоромъ и воспользовалась случаемъ поручить Коммиссіи его милостивому вниманію, сказавъ, что онъ долженъ поддержать ихъ противъ недоброжелательства, которое обнаруживается къ ея стремленіямъ, и что вообще онъ долженъ по прежнему быть защитникомъ народа, всѣхъ тѣхъ, кто не имѣетъ голоса въ дѣлѣ, оставаясь однако справедливымъ по отношенію къ дворянству".

Въ томъ же письмѣ баронесса Раденъ писала: „Наконецъ, вчера, послѣ обѣда, съ ея высочествомъ бесѣдовалъ князь Долгорукій, который выказалъ горячія симпатіи къ партіи Шувалова и очень сожалѣлъ о томъ, что изъ Коммиссій исключенъ аристократическій принципъ и т. д. Великая княгиня отвѣчала очень находчиво и сказала, между прочимъ, что эти господа выходятъ изъ Коммиссій не по случаю того вопроса, который стоитъ теперь на очереди и относительно котораго съ ними пытались придти къ соглашенію, но что они являются противниками тѣхъ принциповъ, которые были одобрены самимъ императоромъ въ нынѣшнюю зиму; тогда князь Долгорукій долженъ былъ замолчать".

Въ концѣ письма великая княгиня собственноручно приписала: „Наконецъ, я рекомендовала васъ и Черкасскаго еще Ростовцову. Да хранитъ васъ Господь. Не теряйте бодрости, такъ какъ я имѣю надежду".

Наканунѣ Троицына дня, 30 мая 1859 года, въ полдень, было назначено засѣданіе Редакціонныхъ Коммиссій. „Пріѣхавъ на Каменный Островъ,—пишетъ Н. П. Семеновъ,—я увидѣлъ I. И. Ростовцова прогуливающимся по аллеѣ; я тотчасъ сошелъ съ пролетки, онъ пожалъ мнѣ руку, и мы вмѣстѣ направились къ флигелю дачи, въ квартиру моего брата, Петра Семенова, котораго встрѣтили на крыльцѣ. Ростовцовъ спросилъ его о чемъ-то и пошелъ къ себѣ въ большой домъ,

а мы вошли въ комнату, гдѣ братъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: Государь принялъ Ростовцова съ докладомъ по дѣлу о выходѣ князя Паскевича и графа Шувалова изъ Редакціонныхъ Коммиссій, очень милостиво, прочелъ отвѣтъ большинства Коммиссій съ большимъ вниманіемъ, былъ очень доволенъ направленіемъ въ нихъ мыслей и нашелъ, что оно совершенно согласуется съ его видами; государь очень сожалѣетъ, что это такъ случилось, но считаетъ справедливымъ, выслушавъ одну сторону, выслушать и другую; для этого онъ приметъ князя Паскевича и графа Шувалова и поговоритъ съ ними, но не будетъ упрашивать ихъ остаться въ Коммиссіяхъ, если они сами того не хотятъ".

Вслѣдствіе сего, 31 мая 1859 года, Ростовцовъ писалъ государю: „Завтра вашему императорскому величеству благоугодно пригласить и выслушать князя Паскевича и графа Шувалова, Можетъ быть, вашему величеству будетъ также угодно дать имъ прочесть мой всеподданнѣйшій объ нихъ докладъ. Въ этомъ предположеніи имѣю счастіе означенный докладъ при семъ вновь къ вашему величеству представить".

На подлинной запискѣ сохраняется такая собственноручная резолюція государя 3 іюня 1859 года: *Послѣ личнаго объясненія, я потребовалъ отъ нихъ письменнаго и полнаго разъясненія ихъ мнѣнія, съ тѣмъ, чтобы они прислали его мнѣ въ собственныя руки. По этому увольненіемъ ихъ повременить, впредь до дальнѣйшаго приказанія*" [59]).

Въ *Дневникѣ* же Валуева читаемъ:

3 іюня. „Вчера Шуваловъ и Паскевичъ были приняты государемъ въ Царскомъ Селѣ. Его величество сказалъ, что неясно понимаетъ разномыслія между ними и Ростовцовымъ и поручилъ имъ представить особую о томъ записку".

4 іюня. „У меня былъ Паскевичъ съ проектомъ своей записки. Вечеромъ, по желанію его и Шувалова, я былъ у нихъ для совѣщанія по сему дѣлу. Шуваловъ—тяжелъ".

6 іюня. „Графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ напечаталъ въ Парижѣ брошюру объ эмансипаціонномъ вопросѣ, въ которой

Въ *Дневникѣ* Валуева, подъ 11 мая 1859 года, читаемъ: „Пріѣхали ко мнѣ Паскевичъ и П. Шуваловъ, за совѣтомъ на счетъ особаго мнѣнія, которое они хотятъ подать въ Ростовцовской Коммиссіи. Совѣщаніе продолжалось до 3-хъ утра. Тезисъ Шувалова и Паскевича, — личное освобожденіе крестьянъ само по себѣ необходимо и возможно, и потому не должно быть безусловно подчиняемо выкупу, реализація коего требуетъ столько времени и вообще доселѣ рисуется въ весьма неопредѣленныхъ чертахъ. Тезисъ большинства Коммиссій и самого Ростовцова,—выкупъ земли нераздѣленъ отъ личнаго освобожденія“.

Однимъ словомъ, оказавшееся между большинствомъ Редакціонныхъ Коммиссій и княземъ Паскевичемъ и графомъ Шуваловымъ разногласіе состояло въ слѣдующемъ: По смыслу предложенія Ростовцова, окончательное освобожденіе крестьянъ постановлено въ зависимость отъ выкупа, который, хотя и предлагается въ видѣ *добровольной* мѣры, но, составляя единственный общій исходъ крестьянскому вопросу, тѣмъ самымъ принимаетъ характеръ *принудительный*. По убѣжденію же князя Паскевича и графа Шувалова, необходимо, чтобы дѣйствительное освобожденіе крестьянъ съ правомъ безсрочнаго поземельнаго пользованія было достигнуто въ опредѣленный и непродолжительный срокъ, *независимо отъ выкупа*, который, при содѣйствіи государственнаго кредита, долженъ быть безусловно предоставленъ добровольному соглашенію помѣщика и крестьянъ.

13 мая 1859 года, Валуевъ, въ своемъ *Дневникѣ*, записалъ: „Послѣ полуночи ко мнѣ опять пріѣхали Паскевичъ и П. Шуваловъ. Въ Ростовцовской Коммиссіи имъ отказали въ принятіи ихъ особаго мнѣнія и они готовятся просить увольненія отъ дальнѣйшаго участія въ трудахъ Коммиссій“.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ числѣ наиболѣе вліятельныхъ членовъ Редакціонныхъ Коммиссій, со стороны славянофиловъ, какъ мы уже знаемъ, находился и князь В. А. Черкасскій, который, по свидѣтельству князя А. В.

Мещерскаго, „освободилъ своихъ крестьянъ гораздо ранѣе введенія Положенія 1861 года; но, освободивъ ихъ отъ барщины, онъ далъ имъ даромъ только одну усадебную землю“.

Между тѣмъ, Н. П. Семеновъ разсказываетъ, что 20 мая 1859 года, „войдя въ залу присутствія, онъ увидѣлъ Ростовцова сидящимъ на особомъ диванѣ между княземъ Паскевичемъ и графомъ Шуваловымъ. Онъ съ ними очень дружески разговаривалъ и шутилъ“, и Семеновъ подумалъ, что между ними полное согласіе возстановилось.

Но *Дневникъ* Валуева гласитъ иное. На другой же день, т.-е., 21 мая, въ немъ записано: „Паскевичъ и Шуваловъ пріѣзжали сегодня совѣтоваться на счетъ редакціи писемъ, которыя они завтра намѣрены отправить къ генералу Ростовцову, прося увольненія отъ званія членовъ Редакціонныхъ Коммиссій“.

23 мая: „У меня вечеромъ были Паскевичъ и Шуваловъ. На ихъ письмо Ростовцовъ отвѣчалъ циркулярнымъ письмомъ съ объявленіемъ, по высочайшему повелѣнію, запрещенія оглашать разномысліе, обнаруживающееся въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ. Такимъ образомъ, Паскевичъ и Шуваловъ поставлены въ противорѣчіе уже не съ Ростовцовымъ, а съ государемъ. Завтра они поѣдутъ въ Царское Село просить чрезъ Адлерберга аудіенціи у государя“.

26 мая: „Паскевичъ и Шуваловъ были у меня въ Министерствѣ. Они рѣшились отвѣчать на письмо генерала Ростовцова повтореніемъ прежней просьбы объ увольненіи“ [58]).

XVIII.

Въ концѣ мая 1859 года, Ростовцовъ съ своимъ семействомъ переѣхалъ на Каменный Островъ. Тамъ ему была отведена собственная дача императора Александра II-го. Въ саду была устроена для засѣданій Коммиссій палатка, остававшаяся безъ употребленія отъ преобразованнаго Константиновскаго Кадетскаго Корпуса.

Между тѣмъ, великая княгиня Елена Павловна, уѣзжая на лѣто 1859 года за границу, уполномочила фрейлину Раденъ сообщить Милютину слѣдующее: „Великая княгиня—писала Раденъ,—поручила мнѣ передать вамъ, что она имѣла вчера очень пріятный разговоръ съ императоромъ и воспользовалась случаемъ поручить Коммиссіи его милостивому вниманію, сказавъ, что онъ долженъ поддержать ихъ противъ недоброжелательства, которое обнаруживается къ ея стремленіямъ, и что вообще онъ долженъ по прежнему быть защитникомъ народа, всѣхъ тѣхъ, кто не имѣетъ голоса въ дѣлѣ, оставаясь однако справедливымъ по отношенію къ дворянству".

Въ томъ же письмѣ баронесса Раденъ писала: „Наконецъ, вчера, послѣ обѣда, съ ея высочествомъ бесѣдовалъ князь Долгорукій, который выказалъ горячія симпатіи къ партіи Шувалова и очень сожалѣлъ о томъ, что изъ Коммиссій исключенъ аристократическій принципъ и т. д. Великая княгиня отвѣчала очень находчиво и сказала, между прочимъ, что эти господа выходятъ изъ Коммиссій не по случаю того вопроса, который стоитъ теперь на очереди и относительно котораго съ ними пытались придти къ соглашенію, но что они являются противниками тѣхъ принциповъ, которые были одобрены самимъ императоромъ въ нынѣшнюю зиму; тогда князь Долгорукій долженъ былъ замолчать".

Въ концѣ письма великая княгиня собственноручно приписала: „Наконецъ, я рекомендовала васъ и Черкасскаго еще Ростовцову. Да хранитъ васъ Господь. Не теряйте бодрости, такъ какъ я имѣю надежду".

Наканунѣ Троицына дня, 30 мая 1859 года, въ полдень, было назначено засѣданіе Редакціонныхъ Коммиссій. „Пріѣхавъ на Каменный Островъ,—пишетъ Н. П. Семеновъ,—я увидѣлъ І. И. Ростовцова прогуливающимся по аллеѣ; я тотчасъ сошелъ съ пролетки, онъ пожалъ мнѣ руку, и мы вмѣстѣ направились къ флигелю дачи, въ квартиру моего брата, Петра Семенова, котораго встрѣтили на крыльцѣ. Ростовцовъ спросилъ его о чемъ-то и пошелъ къ себѣ въ большой домъ,

а мы вошли въ комнату, гдѣ братъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: Государь принялъ Ростовцова съ докладомъ по дѣлу о выходѣ князя Паскевича и графа Шувалова изъ Редакціонныхъ Коммиссій, очень милостиво, прочелъ отвѣтъ большинства Коммиссій съ большимъ вниманіемъ, былъ очень доволенъ направленіемъ въ нихъ мыслей и нашелъ, что оно совершенно согласуется съ его видами; государь очень сожалѣетъ, что это такъ случилось, но считаетъ справедливымъ, выслушавъ одну сторону, выслушать и другую; для этого онъ приметъ князя Паскевича и графа Шувалова и поговоритъ съ ними, но не будетъ упрашивать ихъ остаться въ Коммиссіяхъ, если они сами того не хотятъ".

Вслѣдствіе сего, 31 мая 1859 года, Ростовцовъ писалъ государю: „Завтра вашему императорскому величеству благоугодно пригласить и выслушать князя Паскевича и графа Шувалова. Можетъ быть, вашему величеству будетъ также угодно дать имъ прочесть мой всеподданнѣйшій объ нихъ докладъ. Въ этомъ предположеніи имѣю счастіе означенный докладъ при семъ вновь къ вашему величеству представить".

На подлинной запискѣ сохраняется такая собственноручная резолюція государя 3 іюня 1859 года: *Послѣ личнаго объясненія, я потребовалъ отъ нихъ письменнаго и полнаго разъясненія ихъ мнѣнія, съ тѣмъ, чтобы они прислали его мнѣ въ собственныя руки. По этому увольненіемъ ихъ повременить, впредь до дальнѣйшаго приказанія*" [59]).

Въ *Дневникѣ* же Валуева читаемъ:

3 іюня. „Вчера Шуваловъ и Паскевичъ были приняты государемъ въ Царскомъ Селѣ. Его величество сказалъ, что неясно понимаетъ разномыслія между ними и Ростовцовымъ и поручилъ имъ представить особую о томъ записку".

4 іюня. „У меня былъ Паскевичъ съ проектомъ своей записки. Вечеромъ, по желанію его и Шувалова, я былъ у нихъ для совѣщанія по сему дѣлу. Шуваловъ—тяжелъ".

6 іюня. „Графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ напечаталъ въ Парижѣ брошюру объ эмансипаціонномъ вопросѣ, въ которой

есть весьма дѣльныя вещи. Я вчера писалъ къ нему, прося сообщенія брошюры. Сегодня онъ заѣзжалъ въ Министерство, чтобы выразить мнѣ свое удовольствіе и вмѣсто того, чтобы прійти ко мнѣ, явился въ кабинетъ управляющаго Министерствомъ и, ставъ спиною къ генералу Зеленому, началъ объясняться со мною. Эта неловкая сцена, впрочемъ, скоро прекратилась".

7 іюня. „Заѣзжалъ къ Паскевичу. Засталъ тамъ Шувалова, Фукса и барона Ливена, надъ тою самою запискою, которую Шуваловъ и Паскевичъ мнѣ показывали намедни. И это дѣятели! Впрочемъ, во всѣхъ этихъ колебаніяхъ виноватъ Шуваловъ, а не Паскевичъ".

14 іюня. „У меня были Паскевичъ и Шуваловъ, Государь передалъ ихъ записку въ Ростовцовскій Комитетъ или assemblée des notables. Кажется, его величество сдѣлалъ это неохотно—всегда пріятнѣе, чтобы дѣло катилось, безъ толчковъ, какъ по маслу,—но сдѣлалъ" [60]).

XIX.

15 іюня 1859 г., назначено было особое засѣданіе для окончательнаго обсужденія, по высочайшему повелѣнію, мнѣнія князя Паскевича и графа Шувалова *о значеніи и способахъ прекращенія срочно-обязаннаго положенія.* Вмѣсто Ростовцова, исполнялъ обязанности предсѣдателя П. А. Булгаковъ. Ростовцовъ намѣренно и съ высочайшаго разрѣшенія уклонился отъ предсѣдательства въ этомъ собраніи. Не принималъ въ немъ участія и Позенъ, съ разрѣшенія предсѣдателя, какъ неучаствовавшій въ первоначальныхъ совѣщаніяхъ, подавшихъ поводъ къ несогласіямъ, почему были также устранены отъ участія члены, прибывшіе послѣ этихъ совѣщаній: Апраксинъ, Бунге, Кристофари и Самаринъ. Какъ ни старались члены большинства найти компромиссъ между двумя различными мнѣніями, но соглашенія не послѣдовало.

9 іюля 1859 г., Ростовцовъ писалъ государю: „Состоящія

подъ моимъ предсѣдательствомъ Коммиссіи, въ засѣданіи 15 іюня занимались, вслѣдствіе высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія, въ присутствіи членовъ князя Паскевича и графа Шувалова, разсмотрѣніемъ представленной ими всеподданнѣйшей записки о несогласіи ихъ съ постановленіемъ Коммиссій, о значеніи и способѣ прекращенія срочнообязаннаго періода. При этомъ письмѣ Ростовцовъ представилъ государю и журналъ общаго присутствія 15 іюня 1859 года.

На письмѣ Ростовцова государь написалъ: „Исполнить по мнѣнію большинства, но желаю, чтобы и два члена оставались въ Коммиссіи, надѣясь, что, принеся въ жертву свое личное мнѣніе, они съ прежнимъ усердіемъ будутъ участвовать въ работахъ Коммиссій, для довершенія великаго дѣла ей порученнаго“.

Въ другомъ своемъ письмѣ къ государю (10 іюля 1859 г.), Ростовцовъ писалъ: „Въ объясненіи на вопросъ вашего императорскаго величества, почему членъ Коммиссій тайный совѣтникъ Позенъ не присутствовалъ при обсужденіи записки членовъ графа Шувалова и князя Паскевича, имѣю счастіе всеподданнѣйше доложить, что при обсужденіи мнѣнія двухъ членовъ, отвергнутаго единогласно всѣми остальными членами Коммиссій, въ засѣданіи 27 мая присутствовалъ и тайный совѣтникъ Позенъ, но, по подписаніи всѣми членами журнала, отстранилъ себя, какъ отъ этого подписанія, такъ и вообще отъ всякаго сужденія по сему предмету, ссылаясь на то, что онъ не участвовалъ въ первоначальныхъ трехъ совѣщаніяхъ по составленію журнала, подавшаго поводъ къ обсуживаемому разногласію. Такъ какъ отказъ тайнаго совѣтника Позена основанъ былъ на законѣ, то я не имѣлъ права не согласиться, и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанъ былъ на томъ же самомъ законномъ основаніи устранить отъ сужденія по сему предмету и всѣхъ членовъ вновь прибывшихъ, а именно: Бунге, Самарина, Апраксина и Кристофари“.

На этомъ письмѣ рукою государя написано карандашемъ:

Весьма сожалѣю, ибо намѣреніе мое было, чтобы дѣло это было обсужено въ присутствіи всѣхъ наличныхъ членовъ [61]).

Само собою разумѣется, что эта резолюція государя весьма огорчила Ростовцова, и онъ, въ своей *Памятной Запискѣ*, отмѣтилъ: „М. П. Позенъ, подалъ какую то записку, безъ моего вѣдома, шефу жандармовъ, *по разнорѣчію* графа Шувалова и князя Паскевича съ Редакціонными Коммиссіями. Между тѣмъ, въ сужденіяхъ по этому дѣлу онъ отказался участвовать и не подписалъ относившагося къ нему журнала, отозвавшись, что онъ не имѣетъ права его подписывать, не зная дѣла. Онъ меня увѣрялъ, что записка его подана только конфиденціально, по дружбѣ, князю Долгорукову, и что она не будетъ доведена до высочайшаго свѣдѣнія; а записка эта на другой уже день была въ рукахъ государя, о чемъ онъ зналъ, говоря со мною, и о чемъ узналъ я отъ самого государя. Онъ доказывалъ въ этой запискѣ, что разнорѣчіе это легко можно бы было уладить. Изъ этого государь возымѣлъ сомнѣніе, что я или не умѣлъ, или не хотѣлъ этого уладить, и въ первый разъ съ начала дѣла я государемъ былъ огорченъ“ [62]).

Между тѣмъ, по порученію князя Паскевича, Фуксъ сообщилъ Валуеву журналъ 15 іюня 1859 года, прочитавъ который Валуевъ замѣтилъ: „Журналъ написанъ довольно ѣдко. Паскевичъ и Шуваловъ въ этого рода борьбѣ не могутъ тягаться съ Милютинымъ и К°“.

Въ то же время Грейгъ сообщилъ Валуеву, что великій князь Константинъ Николаевичъ чрезвычайно доволенъ ходомъ крестьянскаго дѣла, доволенъ назначеніемъ Милютина, находитъ Ростовцова мастеромъ эмансипаціонной проблемы, и оказанное ему противодѣйствіе не одобряетъ“. По поводу отзыва великаго князя о Ростовцовѣ, Валуевъ замѣтилъ: „Ростовцовъ дѣйствительно знаетъ свое дѣло, но только не эмансипаціонное“.

Посѣтивъ Царское Село, Валуевъ, въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 11 октября 1859 года, записалъ: „Царское Село по

прежнему пахнетъ Версалемъ. Версаль и современные Коммиссіи и Комитеты".

Въ то же время, Валуевъ, въ *Дневникѣ*, передаетъ свою конфиденціальную бесѣду съ М. Н. Муравьевымъ слѣдующаго содержанія: „М. Н. Муравьевъ распространялся въ конфиденціальномъ разговорѣ со мною, о будущемъ ходѣ крестьянскаго вопроса. Онъ явно боится Ростовцова. Il faut agir sur l'Empereur par la peur du danger. Il ne faut pas dire que ce danger vient de la démocratie. Il faut simplement parler du danger. Если пройдутъ заключенія Редакціонныхъ Коммиссій,—я буду молчать,—mais nous aurons la révolution".

Встрѣтившись какъ-то съ тогдашнимъ оберъ-полицiймейстеромъ графомъ Петромъ Андреевичемъ Шуваловымъ, Валуевъ замѣтилъ: „Онъ за Ростовцовскія Коммиссіи. Должно быть, Ростовцовъ силенъ".

XX.

Но князь Паскевичъ и графъ Шуваловъ не складывали оружія и не сидѣли сложа руки. Они дѣйствовали.

Подъ 29 ноября 1859 года, Валуевъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Былъ у меня Паскевичъ и Шуваловъ. Первый съ проектомъ письма къ государю по эмансипаціонному вопросу, которое я совѣтовалъ ему не посылать, не получивъ на то предварительнаго разрѣшенія. Шуваловъ съ очеркомъ эмансипаціоннаго проекта, довольно удачно составленнаго".

Не взирая на совѣты Валуева, письмо было отправлено къ государю, и о результатѣ мы узнаемъ изъ слѣдующей записи Валуева, въ его *Дневникѣ*, подъ 7 числомъ декабря 1859 года: „У меня были Паскевичъ и Шуваловъ. Письмо перваго къ государю возвратилось съ характеристическими высочайшими отмѣтками. Противъ мѣста, гдѣ было сказано, что Правительство во что бы то ни стало хочетъ сдѣлать изъ крестьянъ поземельныхъ собственниковъ, государь написалъ, что это существенное условіе, отъ котораго онъ *ни*

подъ какимъ видомъ не отойдетъ. Противъ мѣста, гдѣ говорилось о предоставленіи крестьянамъ права отказа отъ земли, государь отмѣтилъ на полѣ: *И тогда помѣщики будутъ сгонять ихъ съ земли и пустятъ ходить по міру.* Противъ замѣчанія, что предположенія Редакціонныхъ Коммиссій могутъ быть введены въ дѣйствіе только силою, отмѣтка: *Да, если дворянство будетъ продолжать упорствовать.* Противъ предположенія, что крестьяне должны получить полную личную свободу не далѣе, какъ черезъ три года: *Съ перваго дня по изданіи новаго Положенія.* Противъ словъ, что выкупъ долженъ быть добровольный: *Иначе я его не допускаю.* Наконецъ, противъ увѣренія въ добросовѣстности побужденій автора письма: *Вѣрю, но сожалѣю о неправильности взгляда.* До написанія этихъ отмѣтокъ, письмо Паскевича, вѣроятно, было послано къ Ростовцову".

Между тѣмъ, „Ростовцовцы, и между ними одинъ изъ ярыхъ—Булгаковъ, распустили по городу слухъ, что Паскевичъ жестоко отдѣланъ" [63]).

„Теперь,—свидѣтельствуетъ В. А. Мухановъ,—настала важная минута. Должна разрѣшиться задача о надѣлѣ крестьянъ землею, что̀ можетъ быть или безъ ущерба для дворянъ, или съ совершенною для нихъ потерею. Число людей благонамѣренныхъ, желающихъ, чтобы перемѣна совершилась безобидно для обѣихъ сторонъ, и во главѣ которыхъ стоятъ князь Ѳ. И. Паскевичъ, князь С. М. Воронцовъ и графъ П. П. Шуваловъ, получили наименованіе олигарховъ. Странное примѣненіе! Россія не Венеція: у насъ нѣтъ аристократической республики.... Лица, принадлежащія къ противному мнѣнію, подъ личиною крестьянскаго вопроса, таятъ въ умѣ своемъ иные замыслы. Они получили преобладающее вліяніе въ высшей сферѣ правленія, и опасаются, чтобы крестьянскій вопросъ не получилъ рѣшенія въ ихъ смыслѣ. Впрочемъ, они не всегда скрываютъ свои мысли. Недавно одинъ изъ нихъ, князь В. А. Черкасскій, пользующійся особенно благосклоннымъ расположеніемъ великой княгини Елены

Павловны, сказалъ съ удовольствіемъ, что черезъ три года ничего не останется на своемъ мѣстѣ. Нѣкоторые изъ сихъ людей проникли въ семейство императорское, легкій имѣютъ туда доступъ и свободно говорятъ о настоящемъ вопросѣ. Не только не пользуются симъ преимуществомъ тѣ, кои не раздѣляютъ ихъ мнѣнія, но съ ними постоянно уклоняются отъ всякаго разговора о семъ предметѣ. Подобное расположеніе можетъ только вести къ одностороннему сужденію о дѣлѣ, требующемъ, напротивъ, для полнаго успѣха, самаго всесторонняго и обстоятельнаго разсмотрѣнія. Представители такихъ важныхъ интересовъ не находятъ пути, чтобы довести свои мнѣнія до высшаго Правительства, что̀ имѣетъ два важныя неудобства: неизбѣжное рѣшеніе вопроса неправильнымъ образомъ и несоблюденіе справедливости относительно людей, которыхъ право собственности подвергнется явному нарушенію".

Въ другомъ мѣстѣ В. А. Мухановъ пишетъ: „Люди неблагонамѣренныя стараются внушить государю мнѣніе неблагопріятное дворянству, и трудно не достигнуть цѣли, когда клеветы и нападки повторяются непрестанно. Если нападаютъ на дворянство за то, что оно неохотно уступаетъ землю крестьянамъ, то, снисходя къ слабости человѣческой, легко понять, что никогда человѣкъ не передаетъ добровольно правъ своихъ другому съ готовностію и удовольствіемъ. Въ настоящемъ случаѣ, онъ долженъ отказаться отъ правъ своихъ вынужденнымъ образомъ".

Подъ 24 января 1859 года, П. А. Валуевъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Вечеромъ у Шувалова. Андрей Шуваловъ на пути сумасшествія по крестьянскому дѣлу. Онъ заговорилъ меня почти до обморока".

Извѣстно, что великая княгиня Елена Павловна принимала живѣйшее участіе въ крестьянскомъ вопросѣ, и вообще во всемъ касающемся современныхъ преобразованій. „Она,— свидѣтельствуетъ В. А. Мухановъ,—окружаетъ себя передовыми людьми, помѣстила одного изъ нихъ, а именно князя

Черкасскаго, у себя и суетно добивается, чтобы ее прославляли въ иностранной печати. Докладывая о томъ государю, князь А. Ѳ. Орловъ выразился такъ: *Я терпѣть не могу того, что происходитъ въ этомъ домѣ*. Другое лицо передало о томъ великой княгинѣ, и она въ оправданіе свое говорила: „Намѣренія мои чисты и хороши, но видимость можетъ быть противъ меня". Ей отвѣчали: „Во всякомъ положеніи, и особенно въ вашемъ, необходимо, чтобы и видимость не соблазняла".

Было бы счастіемъ,—продолжаетъ Мухановъ,—если бы удалось разорвать сѣть дурныхъ внушеній и клеветъ, исказившихъ многія понятія и озлобившихъ многія сердца" [64]).

По свидѣтельству П. А. Валуева (въ *Дневникѣ* его, подъ 29 ноября 1859 года), „графиня Шувалова и княгиня Паскевичъ демонстрируютъ противъ великой княгини Елены Павловны. Онѣ не поѣхали на балъ, 24-го числа. На другой день княжна Екатерина Владиміровна Львова освѣдомлялась о причинѣ неявки. Дамы отвѣчали извиненіемъ по случаю нездоровья: графиня Шувалова—мягко, княгиня Паскевичъ—сухо. На это княжна Львова написала послѣдней что въ подобныхъ случаяхъ, обыкновенно присылаютъ заблаговременно письменныя извиненія. Тогда княгиня Паскевичъ возразила, что если это замѣчаніе исходитъ отъ великой княгини, то она покоряется, но если отъ княжны Львовой,—то удивляется, что сія послѣдняя принимаетъ на себя трудъ ей давать совѣты" [65]).

XXI.

Направленіе принятое Редакціонными Коммиссіями не одобрялось также и столпами славянофильства, не смотря на то, что ихъ друзья и единомышленники, Ю. Ѳ. Самаринъ и князь В. А. Черкасскій, въ союзѣ съ Н. А. Милютинымъ, какъ мы знаемъ, были вліятельными членами этихъ Коммиссій.

Въ общемъ присутствіи Редакціонныхъ Коммиссій, 25 іюля 1859 года, былъ утвержденъ докладъ Административнаго Отдѣленія № 5, о сельскихъ сходахъ, составѣ ихъ, предметахъ и порядкѣ рѣшенія на нихъ дѣлъ [66]).

Доклады, обсуждавшіеся въ общемъ присутствіи Редакціонныхъ Коммиссій, печатались и хотя не были пускаемы въ продажу, однако же были довольно распространены въ публикѣ, посылались и къ К. С. Аксакову. Его особенно интересовали доклады Административнаго Отдѣленія, и докладъ V-й, своимъ уклоненіемъ отъ „народнаго бытоваго идеала“, возмутилъ душу К. С. Аксакова, и онъ рѣшился написать письмо къ князю В. А. Черкасскому.

Но прежде чѣмъ приведемъ это письмо, замѣтимъ, что, по свидѣтельству И. С. Аксакова, всякій разъ какъ Ю. Ѳ. Самаринъ изъ Петербурга пріѣзжалъ въ Москву, онъ заходилъ къ К. С. Аксакову, и Самаринъ испытывалъ тоже чувство, когда онъ „съ шумной улицы“ заходилъ въ церковь. „За оградою церковною, — говаривалъ онъ, — практика со всею суетой, всею случайностью, всею преходящею дѣятельностью, всѣми временными нуждами и злобами историческаго міра; въ церкви—все тотъ же неизмѣнный, безвременный идеалъ, то же высшее требованіе правды, не смотря на все видимое противорѣчіе съ окружающею жизнью, на кажущуюся несообразность и непримѣнимость“. Знаю, говорилъ также Ю. Ѳ. Самаринъ, „что по выходѣ изъ церкви на улицу, я уклонюсь, я долженъ буду уклониться отъ этого идеала и этого требованія, но какъ хорошо, какъ нужно, чтобъ не умолкалъ этотъ призывъ, будилъ совѣсть, направлялъ нашу дѣятельность и очищалъ чувство“!....

Замѣтимъ еще, что приводимое ниже письмо К. А. Аксакова къ князю В. А. Черкасскому, писано послѣ кончины С. Т. Аксакова, смерть котораго подорвала богатырское здоровье его сына и свела его въ могилу чрезъ полтора года.

К. С. Аксаковъ писалъ: „Хотя ко многому сталъ я равнодушенъ, но не къ рѣшенію участи Русскаго народа, которое

совершается теперь въ Петербургѣ,—и вотъ почему считаю я необходимымъ написать вамъ, и высказать вамъ совершенно откровенно мои мысли. Когда дѣло идетъ о бо́льшемъ или ме́ньшемъ надѣлѣ землею, о цѣнности усадьбъ,—я, во-первыхъ, въ этомъ дѣлѣ мало понимаю, во-вторыхъ, это не такъ еще важно. Но когда дѣло дошло до души Русскаго народа, до его жизненнаго общиннаго начала, до міра, до сходки,—то я, сколько-нибудь разумѣя это дѣло, не могу молчать.

„Я прочелъ докладъ Административнаго Отдѣленія № 5,—и пришелъ въ ужасъ. Духъ жизни Русскаго народа преслѣдуется въ послѣднемъ его убѣжищѣ отъ государства.—Когда разнеслась вѣсть объ эманципаціи, я писалъ къ Хомякову, что кому принесетъ она положительную пользу, такъ это помѣщикамъ; за нихъ можно было положительно радоваться и поздравлять ихъ съ избавленіемъ отъ безобразнаго и безнравственнаго ихъ права; но что касается до крестьянъ, то здѣсь надежда на лучшее казалась мнѣ не вполнѣ вѣрною.... Помѣщичья власть, въ нѣкоторой части имѣній барщинскихъ, а въ имѣніяхъ чисто-оброчныхъ вообще,—служила для крестьянъ какъ бы стекляннымъ колпакомъ, избавлявшимъ ихъ отъ государственной регламентаціи, отъ *наружнаго административнаго благоустройства*. Подъ защитою этихъ стеклянныхъ колпаковъ жила жизнь нашего народа во всей самобытности своихъ началъ, при отсутствіи той чуждой нашему духу *опредѣленности*, которая равняется *ограниченности* и уродуетъ живое, изнутри образующее себя начало. Здѣсь-то (въ оброчныхъ имѣніяхъ Ярославской, Вологодской губерній, напримѣръ), являлся міръ не Киселевскій, не устроенный какимъ-нибудь господиномъ ничего неразумѣющимъ въ Русской жизни, міръ самъ себя составляющій, самъ себя опредѣляющій, съ своимъ единогласіемъ и съ своею окончательною верховностью. Когда же эманципаціею, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ богопротивнаго помѣщичьяго права, будутъ разбиты и эти по мѣстамъ встрѣчающіяся крышки, подъ которыми спасалось начало Русской жизни, Русской общины (не Киселевской),—

я боялся, чтобы государственность учрежденій не легла всѣмъ гнетомъ на бѣдныхъ крестьянъ. Но вотъ, вызваны были въ Петербургъ вы и Самаринъ. Вы засѣдаете въ Административномъ Отдѣленіи. Можно было думать, что Русскій народъ въ васъ найдетъ хотя какую-нибудь защиту... Явился докладъ Административнаго Отдѣленія № 5: *о сходахъ*, подписанный вами.... Что же видимъ мы въ этомъ докладѣ?

„Ни болѣе, ни менѣе какъ совершенное нарушеніе всей сущности Русскаго общиннаго начала, полнѣйшее истязаніе міра, уничтоженіе всей самобытной общественной свободы Русскаго народа и предоставленіе ему, на чужой образецъ составленнаго, подобія *гражданскихъ* общественныхъ правъ. Самостоятельность, жизнь, принципъ—все выкидывается вонъ—и что же остается?—Чисто механическое, совершенно безполезное существованіе уже не общества, а извѣстнаго множества людей.

„Вы предоставляете себѣ опредѣлить: *когда міръ есть міръ.* Первый non sens и первая дерзость противъ народа.—*Когда міръ признаетъ себя міромъ, тогда онъ и міръ.* Другого опредѣленія тутъ быть не можетъ. Вы говорите: но въ такомъ случаѣ нѣсколько лицъ могли бы рѣшить дѣло всего общества?—Да предоставьте это самому обществу, дайте ему больше простору. Повѣрьте, ужъ оно само позаботится, чтобъ нѣсколько человѣкъ не рѣшали за него его дѣлъ. Хорошъ міръ, когда не самъ себя признаетъ и опредѣляетъ! Предоставьте что-нибудь человѣку самому. Вѣдь вы не со скотами имѣете дѣло, а напротивъ, съ народомъ, который въ общественномъ дѣлѣ смыслитъ побольше васъ, членовъ благороднаго дворянскаго собранія съ правомъ голоса и шара на знаменитыхъ дворянскихъ выборахъ.—Пожалуй, Перовскій дошелъ же до того въ образцовыхъ селахъ, что даже разставилъ въ избѣ крестьянина всю его утварь, такъ что ведро должно стоять на этой, а ухватъ на этой сторонѣ; за несоблюденіе благодѣтельнаго порядка,—палка.

„Но далѣе: посягнувши на самостоятельность его рѣшенія,

вы осмѣливаетесь опредѣлять ему, что́ такое есть его собственное рѣшеніе, осмѣливаетесь наступить на то начало, которое составляетъ самую основную его силу, тайну его жизни, именно: единогласіе. Вы вводите *большинство*, ту дикую, матеріальную силу, которая, большею частію изъ чувства рабскаго подобострастія передъ Европою, не признается нами за такую,—большинство, столь противное духу Русской земли.— Запустивъ руку прямо въ душу Русскаго человѣка, вы идете еще далѣе. Вы говорите, что на мірской сходкѣ первое лицо— староста. *Когда міръ собранъ, то первое лицо здѣсь одно: міръ*, а другого нѣтъ и быть не можетъ. Какой тутъ староста на міру! Міръ разошелся—староста опять явился. Хорошъ міръ, на которомъ есть начальникъ, или по крайней мѣрѣ первое лицо и распорядитель! Вы говорите: „первое мѣсто на сходахъ и охраненіе на нихъ должнаго порядка принадлежитъ старостѣ". И такъ, староста будетъ распоряжаться совѣщаніемъ? Широкое поприще открывается старостѣ чрезъ *охраненіе должнаго порядка*! Мало ли что́ можетъ показаться ему нарушеніемъ порядка?—Міръ подъ предводительствомъ, подъ руководствомъ старосты — жалкій міръ! И даже, въ случаѣ равенства голосовъ, на чьей половинѣ голосъ старосты, та и права!—Что́ же это за міръ? Да такого рода міръ можно найти въ любомъ клубѣ, и въ Англійскомъ, и въ Дворянскомъ.... И все это извращеніе міра, все это нравственно-общественное обезображеніе дѣлается вѣдь насильственно. Не та же ли это все Петрова палка, за которую взялись въ свою очередь и вы?

„Такимъ образомъ, вы уничтожаете, убиваете самое начало нашей жизни, вы убиваете нашу Русскую свободу, нашу общину, нашъ *міръ*, обращая его въ какое-то жалкое подобіе дворянскихъ выборовъ. Я уже не говорю о вашей попечительной заботливости, чтобъ крестьяне въ нетрезвомъ видѣ на сходъ не пускались. Предоставьте самому міру: кого допускать, кого не допускать; у него на это есть свои основанія, есть свой тысячелѣтній обычай. Онъ допуститъ и не допуститъ

кого хочетъ; иного пьянаго онъ прогонитъ, а иного пьянаго, которой скажетъ дѣло, выслушаетъ.—Какая надобность тутъ еще соваться? И стоило ли соваться? И стоило ли бы, кажется, и говорить объ этомъ?—Нѣтъ, элементъ полицейской благопристойности такъ силенъ видно въ администраторахъ, что они никакъ не могли при сей вѣрной оказіи не проявить его.

„Вы скажете: но какъ однакоже узнать, что это рѣшилъ точно *міръ*, и что онъ именно *такъ* рѣшилъ?—Спрашивается: кому нужно узнать? Если самому міру, такъ онъ всего короче это знаетъ: или, лучше, ему и узнавать нечего: *онъ* ли рѣшилъ или нѣтъ, и какъ рѣшилъ? А если Правительству нужно узнать, *по тѣмъ только дѣламъ*, разумѣется, *въ которыхъ съ Правительствомъ соприкасается крестьянство* (напримѣръ: кого отдать въ рекруты),—для этого довольно выборныхъ отъ крестьянъ, которые и завѣрятъ, что это рѣшеніе міра. Если же (чего быть не можетъ) кто бы нибудь изъ крестьянъ назвались выборными или сообщили бы небывалое рѣшеніе міра, то потомъ пришлось бы этимъ крестьянамъ сильно поплатиться передъ міромъ. Но это случай, просто, невозможный. Впрочемъ, для бо́льшаго удостовѣренія или для того, чтобы имѣть у себя документъ, Правительство можетъ получать грамоту отъ міра за руками: вотъ все, чего можетъ оно хотѣть,—но не болѣе.—Это дѣлалось и въ старину; въ такихъ грамотахъ встрѣчается формула: *Во всѣхъ крестьянъ мѣсто, по ихъ велѣнью, такой-то руку приложилъ.*—Грамоты за руками встрѣчаются въ древней Руси во многихъ случаяхъ: напр. при выборахъ въ цѣловальники, въ старосты и въ цари.—Да и чего вы боитесь?—Что кто-нибудь прикинется міромъ?—Успокойтесь. Давно стоитъ *міръ*; у насъ бывали самозванные цари, а самозванца міра не бывало.

„Когда оставляетъ васъ духъ Русскаго народа, тогда васъ оставляетъ и языкъ его. Что̀ за мысль въ выраженіяхъ: *Мірской сходъ, волостной сходъ*? Почему *міръ* есть только сельское явленіе? Хотѣли ли вы сказать, что въ волости собирается не міръ?—Нѣтъ, изъ вашихъ словъ видно, что вы

этого сказать не хотѣли. Какая путаница въ понятіяхъ происходитъ при такомъ употребленіи словъ! Вдругъ, міръ будетъ только въ селѣ, а въ волости міра не будетъ? Развѣ міръ значитъ только село? Ужъ говорили бы вы: *Сельскій сходъ, волостной сходъ*. По понятіямъ Русскаго духа и языка, міръ можетъ быть и вся Русь, міръ можетъ быть и губернія, и волость, и деревня. Міръ есть собраніе народное большей или меньшей мѣстности; міръ есть народъ, какъ, одно мыслящее, говорящее и дѣйствующее цѣлое. Царь Алексѣй Михайловичъ, въѣзжая въ Москву, *весь міръ* спрашивалъ о здоровьи. Говоря о совѣщаніи всенародномъ, бывшемъ о царѣ Василіѣ, Гермогенъ выражается: *весь міръ*. А по-вашему не такъ: по-вашему ужъ это было бы не міръ, а *городской сходъ*.

„Больно и отвратительно было мнѣ читать № 5 Редакціонной Коммиссіи. И добро бы это было все Петербуржцы, или западники; а то тутъ—вы. Къ чему же было все дѣло наше, все изученіе Русскихъ началъ, быта Древней Руси, крестьянскаго устройства? Неужели плодъ всего этого—нѣсколько пустыхъ фразъ о самоуправленіи общественномъ, о возможно большемъ устраненіи вліянія администраціи на мірскія дѣла—*пустыхъ* фразъ, повторяю, ибо тутъ же дѣлается совсѣмъ другое.... Вы подняли руку на народъ—злое дѣло, худое дѣло. Вы посягнули на душу народа: это уже настоящее *душегубство*!

„Остается утѣшаться тѣмъ, что не всегда же Русская Исторія будетъ сочиняться въ Петербургѣ, и что вамъ, господа, совершить душегубства надъ Русскимъ народомъ—на дѣлѣ не удастся.

„Въ моемъ письмѣ секретовъ нѣтъ; можете показать мое письмо вашимъ товарищамъ и кому угодно“ [67]).

Хомяковъ былъ также недоволенъ ходомъ крестьянскаго дѣла. Въ октябрѣ 1859 года, онъ писалъ Кошелеву: „Отъ души радуюсь, что ты въ Питерѣ и въ дѣятельности: тебѣ это нужнѣе хлѣба, а твоя дѣятельность непремѣнно полезна

и добра. Бѣднаго Самарина свалила-было излишняя ревность: слава Богу, онъ оправился и поѣхалъ весело за границу... Скажи Черкасскому мою душевную благодарность; кажется, онъ его спасъ... Радуюсь за тебя, что ты въ Комитетѣ, и радуюсь, что не въ Ростовцовскомъ: ты свободнѣе.... Я не утерпѣлъ: досадно стало, что дѣло усложняется и портится безъ нужды; я и написалъ письмо къ Якову Ивановичу Ростовцову. Разумѣется, онъ его получилъ; но пошло ли въ прокъ, не знаю. Я глубоко убѣжденъ, что путь мною предлагаемый есть лучшій и даже единственный. Если отъ васъ будетъ зависѣть, не давайте путать внутреннее устройство міровъ. Стыдно, право, нашему умному и дорогому Булыгину, что онъ подписалъ такую, съ позволенія сказать, дребедень. Ужасно затягиваетъ эта административная мудрость, точно въ омутъ закружитъ, да и утопитъ. Вся эта регуляризація, все это абсолютное большинство никуда не годятся. Выдумывать напередъ казуистику не слѣдуетъ: пусть вопросы возникаютъ на практикѣ. Комитетъ поступаетъ съ крестьянами, какъ неразумные воспитатели, которые, чтобы предупредить дѣтей отъ разврата, даютъ имъ его подробнѣйшее описаніе. Положеніе, созданное Комитетомъ о мірскихъ сходкахъ, убьетъ самую сходку. К. С. Аксаковъ, при своемъ лиризмѣ, правъ, и болѣе практиченъ, чѣмъ практики. Не должно заковывать жизни, когда ее только пробуждаешь: дай ей просторъ и жди ея собственнаго ума. Я такъ люблю Булыгина, что мнѣ больно было видѣть его имя подъ этими протоколами. Впрочемъ, я очень понимаю всю трудность связать жизнь обычную съ жизнію законною и, разумѣется, не прихожу съ К. С. Аксаковымъ въ негодованіе; но нахожу его правымъ въ принципѣ. „Господа, играйте ближе къ натурѣ"! какъ говорилъ Еропкинъ, когда хитрили и мудрили въ вистъ.

Впослѣдствіи *и самъ* Кошелевъ писалъ въ томъ же духѣ А. Н. Попову. „Дошли до меня,—писалъ онъ изъ Песочни, 17 августа 1860 года,—жалобы на васъ: говорятъ, что вы,

участвуя въ кодификаціи по крестьянскому дѣлу, вдались в
такія юридическія премудрости, что Боже упаси. Говорят
что у васъ по этому дѣлу готовится уложеніе чуть не в
пятнадцать томовъ и что въ немъ будутъ точныя правила
на счетъ того, какъ крестьянину чихнуть и какъ ему позд
роваться. Знаете, шибко я боюсь вашей Петербургско
стряпни. Ужъ какъ вы, господа чиновники, да къ тому ж
Петербуржцы, да еще вдобавокъ ученые, примитесь законо
дательствовать, право изъ этого можетъ выйдти чисто на чист
бѣда, да еще какая! Знаете, морозъ по кожѣ деретъ и меня
и Хомякова отъ однихъ опасеній. Многаго мы отъ вас
боимся, но на дѣлѣ вы будете страшнѣе и ужаснѣе. Ста
райтесь сдѣлать какъ можно неполно, недостаточно, дурно
право, это будетъ лучше.... Я живу въ деревнѣ очень хо
рошо, хозяйничаю очень усердно: весь день въ полѣ и н
ногахъ. Теперь я вовсе освѣжился и отъ Рязани, и отъ Пе
тербурга, и отъ Москвы. Всякій день все болѣе и болѣ
убѣждаюсь, что ларчикъ просто открывается. Крестьяне весьм
возмужали, помѣщики значительно хвостъ прижали. И тепер
добровольныя соглашенія весьма возможны, и они одни мо
гутъ привести къ цѣли. Пусть Правительство выскажетъ глав
ныя начала, т.-е., личную свободу, право крестьянъ владѣт
землею, право помѣщика на вознагражденіе, обязанность дл
тѣхъ и другихъ вступить въ трехлѣтній срокъ въ доброволь
ное соглашеніе, и въ перспективѣ чучело: правительственно
вмѣшательство, правительственная регламентація по истече
ніи трехъ лѣтъ. Право, мы всѣ такъ васъ уважаемъ
боимся, что едва ли кто не войдетъ въ соглашеніе, зна
что вы изъ Питера такъ махнете, что у насъ у всѣхъ вс
вверхъ дномъ пойдетъ. Ну, устроили вы финансовую част
Было дурно, очень дурно, а теперь сто разъ хуже. Знаете
чиновники-невѣжды—бѣда, но ученые—сто разъ хуже. Чт
нагородили наши доктринеры: Ламанскій, Безобразовъ и К
Боюсь, что друзья наши Самаринъ, Поповъ, князь Черкас
скій и К° то издадутъ, что исполнить будетъ труднѣе, чѣм

разгадать Египетскіе іероглифы. Не думайте, чтобы мы считали себя умниками, а васъ дураками. Нѣтъ, Боже насъ упаси отъ подобной нелѣпости. Вы умны, очень умны; но глупо ваше положеніе, глупа среда, въ которой вы пребываете, глупы средства, которыми вы орудуете и крайне глупы цѣли, къ которымъ вы стремитесь. Вы думаете, что изъ Питера можете обнять все разнообразіе мѣстной жизни. Вы думаете, что регламентаціею вы можете все устроить, все предупредить, все разрѣшить. Да еслибъ у васъ было семь пядей во лбу, то и тутъ вы сто разъ попали бы въ просакъ. Нѣтъ, батюшка мой, васъ дурачитъ ваша атмосфера и почва, что у васъ подъ ногами. Одно спасеніе — предоставлять самой жизни выливать для себя формы. Чѣмъ менѣе вы напишете, чѣмъ менѣе вы рѣшите, тѣмъ лучше; и за каждое лишнее слово, лишнее правило, лишнюю форму вы отвѣтите какъ за тяжкое преступленіе. Пуще всего не давайте волю Самарину, злѣйшему доктринеру, человѣку, который и самого Гизо за поясъ заткнетъ“ [68]).

XXII.

20 мая 1859 года, въ общемъ присутствіи Редакціонныхъ Коммиссій, Ростовцовъ „предложилъ условиться объ опредѣленіи срока, въ который будутъ окончены первоначальныя работы Коммиссій, и о томъ, къ какому времени можно будетъ вызвать въ Петербургъ депутатовъ губерній отъ дворянства“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ростовцовъ выразилъ желаніе, чтобы, подготовивъ и напечатавъ труды Коммиссій, послать ихъ къ депутатамъ заранѣе, и чтобы депутаты пріѣхали въ Петербургъ съ готовыми возраженіями и, такъ сказать, вооруженные“.

Но противъ этого предложенія Ростовцова возсталъ Н. А. Милютинъ. Онъ сказалъ, что не считаетъ полезнымъ разсылать первоначальныя работы, потому что онѣ скоро распространятся между многими и могутъ напугать“.

Наконецъ депутаты прибыли въ С.-Петербургъ.

11 августа 1859 года, Ростовцовъ получилъ отъ государственнаго секретаря высочайше утвержденную инструкцію, опредѣляющую образъ дѣйствія депутатовъ.

День 25 августа того же 1859 года останется памятенъ въ Исторіи Редакціонныхъ Коммиссій. Въ тотъ день происходилъ тамъ пріемъ депутатовъ.

По прибытіи ихъ, Ростовцовъ вошелъ въ присутствіе. Онъ привѣтствовалъ всѣхъ ихъ рукопожатіемъ, и засимъ, сказавъ нѣсколько словъ въ общихъ выраженіяхъ о содѣйствіи великому дѣлу, для котораго они трудились, прочелъ депутатамъ инструкцію. По прочтеніи этой инструкціи Ростовцовымъ, завѣдывавшій дѣлопроизводствомъ Коммиссій П. П. Семеновъ прочиталъ приложенія къ ней. Чтеніе продолжалось два часа. По окончаніи его, водворилось глубокое молчаніе. Въ это время, по распоряженію Ростовцова, секретарь Коммиссій А. П. Остряковъ принесъ кипу конвертовъ, съ печатными надписями на имя депутатовъ и положилъ эту кипу на столъ присутствія. Ростовцовъ, какъ бы желая разсѣять какое-то овладѣвшее многими смущеніе, самъ сталъ вручать каждому изъ депутатовъ пакетъ, съ печатными экземплярами инструкцій; затѣмъ, произнеся нѣсколько словъ депутатамъ такъ тихо, что нельзя было разслышать, поклонился и ушелъ. На лицахъ многихъ депутатовъ было замѣтно смущеніе и даже неудовольствіе. Было очевидно, что прочтенная инструкція не соотвѣтствовала ихъ ожиданіямъ. П. А. Булгаковъ выразился о пріемѣ депутатовъ такъ: Пригласили ихъ и дали имъ крошево".

Вскорѣ послѣ этого засѣданія, депутаты стали громко порицать Ростовцова. Носились по Петербургу слухи, что они спрашивали себя и другъ друга: кѣмъ составлена данная имъ инструкція? Какъ могла она попасть въ Государственную Канцелярію? Кѣмъ она была разсмотрѣна и поднесена на высочайшее утвержденіе"? И такъ разсуждали: „Государь изволилъ говорить о депутатахъ, имѣющихъ прибыть въ С.-Петербургъ,

для присутствія и общаго обсужденія при разсмотрѣніи положеній въ Главномъ Комитетѣ; что же значитъ перемѣна, въ силу которой члены отъ Комитетовъ обязаны только представлять въ Редакціонныя Коммиссіи мѣстныя свѣдѣнія и объясненія по вопросамъ, которые возникали впослѣдствіи, при разработкѣ крестьянскаго дѣла? Съ какой цѣлью назначенъ для занятій депутатовъ столь краткій срокъ? Почему не допущены оффиціальныя собранія депутатовъ? Наконецъ, что значитъ явное устраненіе прежняго ихъ названія *депутаты* и замѣна его другимъ: *члены, избранные Губернскими Комитетами*"?

На всѣ эти вопросы Н. П. Семеновъ отвѣтствуетъ: „Когда ожидалось прибытіе въ Петербургъ депутатовъ, тогда въ высшемъ столичномъ обществѣ, относившемся въ большинствѣ своихъ представителей со страхомъ и недовѣріемъ къ мирному освобожденію крестьянъ, возлагали на депутатовъ большія надежды. Они желали, чтобы депутаты, вооруженные знаніемъ мѣстнаго быта и потребностей дворянства, отклонили Коммиссіи отъ вреднаго, по ихъ понятіямъ, направленія. Толки обо всемъ этомъ доходили до государя и побудили его обратить особое вниманіе на то, чтобы роль депутатовъ была опредѣлена съ такою точностью, которая заранѣе устранила бы всякія недоразумѣнія. Начертаніе же инструкціи возложено было на министра Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію его съ предсѣдателемъ Редакціонныхъ Коммиссій. Проектъ инструкціи, по порученію министра Внутреннихъ Дѣлъ, составилъ Милютинъ съ помощью Соловьева".

4 сентября 1859 года, депутаты были представлены государю, который при пріемѣ сказалъ имъ: „Господа! Я очень радъ васъ видѣть. Я призвалъ васъ для содѣйствія дѣлу равно интересному для меня и для васъ, и успѣха котораго, я вполнѣ увѣренъ, вы столько же желаете, сколько и я; съ нимъ связано будущее благо Россіи. Я увѣренъ, что вѣрное мое дворянство, всегда преданное престолу, съ усердіемъ будетъ мнѣ содѣйствовать.

„Я считалъ себя первымъ дворяниномъ, когда еще былъ наслѣдникомъ, я гордился этимъ, горжусь этимъ и теперь, и не перестаю считать себя въ вашемъ сословіи. Съ полнымъ довѣріемъ къ вамъ началъ я это дѣло, съ тѣмъ же довѣріемъ призвалъ васъ сюда. Для разъясненія обязанностей вашихъ я велѣлъ составить инструкцію, которая вамъ предъявлена. Она возбудила недоразумѣнія; надѣюсь, что они разъяснились. Я читалъ ваше письмо, представленное мнѣ Іаковомъ Ивановичемъ; отвѣтъ на него, вѣроятно, вамъ уже сообщенъ. Вы можете быть увѣрены, что ваши мнѣнія мнѣ будутъ извѣстны. Тѣ, которыя будутъ согласны съ мнѣніемъ Редакціонныхъ Коммиссій, войдутъ въ ея Положеніе; всѣ остальныя, хотя бы и несогласныя съ ея мнѣніемъ, будутъ представлены въ Главный Комитетъ и дойдутъ до меня. Я знаю, вы сами, господа, убѣждены, что дѣло не можетъ окончиться безъ пожертвованій, но я хочу, чтобы жертвы эти были какъ можно менѣе чувствительны. Буду стараться вамъ помочь и жду вашего содѣйствія, надѣясь что довѣріе мое къ вамъ вы оправдаете не одними словами, а на дѣлѣ. Прощайте, господа, до свиданія".

Воронежскій депутатъ князь Иванъ Васильевичъ Гагаринъ отвѣчалъ, что дворяне готовы на жертвы, хотя бы онѣ простирались до трети ихъ достоянія. Тогда государь изволилъ сказать: „Нѣтъ, такихъ значительныхъ жертвъ я не требую, я желаю, чтобъ великое дѣло совершилось безобидно и удовлетворительно для всѣхъ".

На другой день, 5 сентября, въ засѣданіе общаго присутствія Редакціонныхъ Коммиссій, Ростовцовъ заявилъ: „Ровно шесть мѣсяцевъ какъ мы работаемъ вмѣстѣ, безъ перерыва. Теперь намъ дается недѣля отдыха. Въ четвергъ мы будемъ здѣсь обѣдать съ депутатами. Позвольте просить васъ размѣститься за столомъ вперемежку съ депутатами. Вчера мы вмѣстѣ очень пріятно проводили время. Я представлялъ ихъ государю въ Царскомъ Селѣ. Прежде я тамъ осмотрѣлъ ихъ помѣщеніе, какъ они устроились. Государь бесѣдовалъ

съ ними четверть часа. Они были очарованы, говорили мнѣ, что все готовы сдѣлать, что будутъ сохранять миръ въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ".

Выслушавъ это, П. А. Булгаковъ иронически замѣтилъ: „Миръ Европы". Ростовцовъ продолжалъ: „Такъ мы провели день дѣйствительно самымъ пріятнымъ образомъ. Я съ ними обѣдалъ во Дворцѣ, за гофмаршальскимъ столомъ. Два раза пили здоровье государя".

Такимъ образомъ, завершился первый періодъ занятій Редакціонныхъ Коммиссій, въ продолженіе котораго онѣ, по выраженію Ростовцова, *оболванили* только проектъ освобожденія крестьянъ, и Ростовцовъ избралъ день совершеннолѣтія наслѣдника престола, 8 сентября 1859 года, для поднесенія государю трехъ первыхъ томовъ *Матеріаловъ Редакціонныхъ Коммиссій, для составленія Положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости.*

XXIII.

Открытіе второго періода дѣятельности Редакціонныхъ Коммиссій ознаменовалось торжественнымъ обѣдомъ, даннымъ 10-го того же сентября, депутатамъ перваго приглашенія, въ той самой просторной залѣ бывшаго 1-го Кадетскаго Корпуса, гдѣ собирались Коммиссіи въ общія присутствія.

По свидѣтельству Н. П. Семенова, „обѣдъ былъ данъ съ соизволенія государя, испрошеннаго Ростовцовымъ, въ видахъ ознакомленія и сближенія депутатовъ съ членами Коммиссій.

Обѣдъ былъ назначенъ къ 5 часамъ пополудни. Когда стали собираться къ столу, Ростовцовъ заботился болѣе всего, чтобъ члены Коммиссій садились вперемежку съ депутатами и такимъ образомъ могли занимать гостей и имѣть съ ними свободный обмѣнъ мыслей. Столы были расположены покоемъ. Желаемаго предсѣдателемъ Коммиссій порядка размѣщенія членовъ и депутатовъ строго выдержать однако не удалось.

Въ центрѣ за столомъ сѣлъ предсѣдатель. По правую

отъ него сторону: графъ П. П. Шуваловъ, Ярошинскій, князь В. А. Щербатовъ, И. Ѳ. Волковъ, князь Ѳ. И. Паскевичъ, Позенъ, Булыгинъ, Ламанскій. На загнутой внѣшней линіи стола, съ той же стороны: Бунге, Павловъ, Унковскій, Самаринъ; черезъ большой промежутокъ, секретарь А. П. Остряковъ и на узкомъ концѣ стола: Гавриловъ. Налѣво отъ предсѣдателя: Булгаковъ, Петрово-Соловово, Никифоровъ, Крашенинниковъ, Ознобишинъ, Петръ Семеновъ, князь Волконскій, Офросимовъ, Гагемейстеръ. На загнутой внѣшней линіи стола, съ той же стороны: Арапетовъ, Парначевъ, Хрущовъ, Галаганъ, Волковъ (Псковской), Заблоцкій, Марковичъ, Тарновскій, Кишенскій и на узкомъ концѣ стола: Домонтовичъ, Голенищевъ-Кутузовъ.

На внутренней линіи стола, противъ предсѣдателя и на правую отъ него сторону: Кардо-Сысоевъ, князь С. П. Голицынъ, Богдановичъ, Николай Семеновъ, Васильевъ, Безобразовъ. За поворотомъ линіи: Стремоуховъ, князь Черкасскій, Дубровинъ, Тиховидовъ, Любощинскій, графъ Платеръ-Зибергъ, Жуковскій. На внутренней же линіи, налѣво отъ предсѣдателя: Милютинъ, Нестеровъ, Кошелевъ, князь Гагаринъ, Лопухинъ, Мироновъ. За поворотомъ линіи: Соловьевъ, Ланской, Татариновъ, Шидловскій, Подвысоцкій и Касаговскій.

Обильная закуска была выставлена на четырехъ столахъ.

Меню обѣда былъ слѣдующій:

Potages: à la Reine
Jardinière:
Rastigaïe, petits pâtés.
Pâté de Strasbourg à la gelée,
Filet de boeuf à l'anglaise.
Gros sterlets au champagne.
Suprême de poulardes aux truffes.
Punch à la romaine.
Asperges en branches.
Rôt: Poulardes, doubles, cailles.
Fruits à la portugaise.
Plombière.

Обѣдъ былъ поставленъ отъ фирмы Dussot, тогдашнимъ его преемникомъ Martin, за тысячу сто съ чѣмъ-то рублей,

а на освѣщеніе огромной залы было истрачено слишкомъ триста рублей, такъ что весь расходъ доходилъ до тысячи пятисотъ. Устройствомъ обѣда распоряжался, по порученію Ростовцова, занимавшій должность казначея 1-го Кадетскаго Корпуса, шт.-кап. Олимпъ Михайловичъ Флоровъ. Онъ же завѣдывалъ всей хозяйственною частью и устройствомъ помѣщенія Редакціонныхъ Коммиссій, во все продолженіе ихъ существованія.

Обѣдъ прошелъ довольно оживленно и безъ рѣчей. Общей бесѣды по большому собранію лицъ и порядку размѣщенія столовъ и быть не могло. Тосты почти всѣ провозглашалъ предсѣдатель.

Первый тостъ: „За здоровье государя, создающаго народъ".

Второй: „За здоровье государыни императрицы, наслѣдника цесаревича и всей августѣйшей фамиліи".

Третій: „За благополучное окончаніе нашего святого дѣла".

Депутатъ Петрово-Соловово, выпивъ шампанское, бросилъ на полъ бокалъ, который со звономъ разбился. На это Ростовцовъ сказалъ: Такъ хорошо.

Четвертый: „За здоровье поистинѣ почтеннаго Русскаго дворянства".

Тогда депутатъ *Соловово*, вставъ, обратился къ прочимъ депутатамъ со словами: „Господа представители, пью ваше здоровье".

Пятый: „За счастье крестьянъ". Ура!

Въ это время, въ сторонѣ, гдѣ сидѣлъ Позенъ, раздался веселый смѣхъ.

Шестой: „За здоровье господъ членовъ Губернскихъ Комитетовъ и Редакціонныхъ Коммиссій и за взаимное между ними довѣріе".

Всѣ эти тосты сопровождались возглашеніемъ ура!

Соловово опять поднялъ бокалъ и провозгласилъ: „За здоровье Якова Ивановича". На это депутаты стали въ отдѣльности обращаться къ предсѣдателю съ привѣтствіемъ, ближе

сидѣвшіе чокались съ ними бокалами, иные привѣтствовали его съ нѣкоторою формальностью.

Встали изъ-за стола въ семь часовъ безъ четверти пополудни. Тогда стали разносить чай и кофе.

Ростовцовъ сталъ приглашать оставшихся въ обѣденной залѣ въ сосѣднюю портретную залу".

Затѣмъ самъ Ростовцовъ, взявъ Н. П. Семенова „подъ руку", вошелъ въ портретную залу. Тамъ они увидѣли „собравшіяся уже группы, и посреди залы довольно многолюдныя. Всѣ бесѣдовали стоя".

Это зрѣлище утѣшало Ростовцова, и онъ сказалъ Н. П. Семенову: „Меня очень радуетъ, что собираются кучки. Если бы ихъ можно [было составить побольше. Я хлопочу и стараюсь болѣе всего, чтобы было единодушіе и довѣріе, тогда я умру покойно". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ спрашивалъ Н. П. Семенова о томъ, хорошо ли все было? Н. П. Семеновъ, стараясь успокоить Ростовцова и „разсѣять мрачныя его мысли", отвѣчалъ: „что лучшаго ожидать было нельзя". Разговоръ коснулся инструкціи, данной депутатамъ и прочитанной имъ въ общемъ присутствіи Коммиссій 25 августа.

Н. П. Семеновъ, со свойственною ему откровенностью, *которая столь повредила ему по службѣ*, сказалъ Ростовцову: „Инструкція не могла не произвести на нихъ непріятнаго впечатлѣнія, что они разсуждаютъ совершенно основательно, что если они вызваны для того только, чтобъ отвѣтить на заданные имъ вопросы, при чемъ внѣ этихъ вопросовъ всякія разсужденія и возраженія на предположенія Коммиссіи возбраняются, то имъ не стоило тревожиться поѣздкой въ Петербургъ, отрываться отъ своихъ дѣлъ въ нужное для хозяйства время и еще расходовать на то дворянскія деньги". Выслушавъ это правдивое слово, Ростовцовъ сказалъ Н. П. Семенову: „Но развѣ мы могли бы поступить иначе, это было бы неловко и невозможно". Но Н. П. Семеновъ мужественно продолжалъ свое, и выражалъ сожалѣніе, что ему не пришлось принимать участія въ предварительныхъ совѣщаніяхъ

о пріемѣ депутатовъ, прибавивъ, „что хотя и поздно выражать о томъ свое мнѣніе, но я считаю все-таки своею обязанностью высказать все, что объ этомъ думаю, именно, что самую исходную точку зрѣнія, на основаніи которой былъ придуманъ этотъ ихъ пріемъ, нахожу невѣрною, что мысль о какомъ-то сопротивленіи нашего дворянства видамъ Правительства есть ложная и можетъ представиться тому только, кто вовсе не знаетъ нашего дворянства и которому совершенно чуждъ бытъ Россіи, что забота о разъединеніи депутатовъ при подачѣ ими отзывовъ на труды Коммиссій есть по меньшей мѣрѣ дѣло праздное, потому что какъ бы депутаты ни соединялись въ общія совѣщанія, для составленія общаго проекта, какъ бы ни желали представленія контръпроекта на предположенія Коммиссій, они, по невозможности отдѣлиться отъ своихъ мѣстныхъ, часто узкихъ интересовъ, ими представляемыхъ, не могли бы этого сдѣлать, такъ разнообразны мѣстныя условія различныхъ частей нашего обширнаго Отечества. А затѣмъ какія бы они ни представили по частямъ возраженія на труды Коммиссій, то это никакъ не могло бы служить препятствіемъ Правительству въ осуществленіи того, что оно само признало бы полезнымъ и нужнымъ для предстоящаго освобожденія крестьянъ, что ни въ какомъ случаѣ не было надобности въ какой либо особой инструкціи для депутатовъ въ пріемѣ ихъ, тѣмъ болѣе такой объемистой, ибо въ многописаніи нѣтъ спасенія, что наконецъ не слѣдовало раздражать лицъ, признающихъ себя представителями Дворянства, а напротивъ, всѣми мѣрами привлекать ихъ къ единодушію съ Коммиссіями, возбуждая въ нихъ ревность къ совершенію такого труда, который такъ или иначе долженъ измѣнить весь строй государственнаго и гражданскаго быта Россіи“.

Выслушавъ это, Ростовцовъ сказалъ: „Вы хотите сказать о редакціи. Это можетъ быть, я вамъ вѣрю и согласенъ“.

Но Н. П. Семеновъ, замѣтивъ нѣкоторое разстройство и озабоченность Ростовцова, сказалъ: „Но дѣло уже сдѣлано и

надо думать о томъ, какъ изгладить непріятное впечатлѣніе, къ чему и принимаются уже мѣры, по возможности". На это Ростовцовъ отвѣчалъ: „Это прекрасная мысль пришла мнѣ въ голову настоять на томъ, чтобы все было у насъ гласно. Это моя мысль". На это Н. П. Семеновъ отвѣчалъ: „Это большой шагъ въ нашей общественной жизни, который послужитъ несомнѣнно къ уясненію нашего дѣла и что я надѣюсь, что во второмъ періодѣ нашихъ занятій мы отрѣшимся отъ самонадѣянности и самомнѣнія, не будемъ такъ упорны, какъ прежде, въ принятіи дѣльныхъ замѣчаній и охотно будемъ отступать отъ предположеній, въ которыхъ могли ошибаться, что тогда все обмелется и мука будетъ".

Эти слова Н. П. Семенова нѣсколько успокоили Ростовцова, и онъ, повеселѣвшій, отошелъ отъ Семенова, „чтобы заняться составленіемъ группъ".

Послѣ 8-ми часовъ пополудни стали разъѣзжаться съ обѣда.

На другой день, 11 сентября, Ростовцовъ послалъ слѣдующую всеподданнѣйшую записку государю: „Ваше императорское величество. Вчера я угощалъ обѣдомъ членовъ Губернскихъ Комитетовъ и Редакціонныхъ Коммиссій. Все было довольно нарядно; праздникъ устроенъ былъ въ залѣ засѣданій, и большая сборная зала 1-го Кадетскаго Корпуса была освѣщена, обѣдъ приготовлялъ Дюссо.

„Всѣхъ гостей было 71 человѣкъ. Члены Комитетовъ и Коммиссій были посажены вперемежку; за обѣдомъ музыки не было затѣмъ, чтобы она не мѣшала имъ другъ съ другомъ говорить. Мнѣ хотѣлось ихъ сблизить, въ чемъ я, кажется, нѣсколько и успѣлъ, потому что послѣ обѣда они оставались около трехъ часовъ, все ходили группами и, какъ я узналъ сегодня, во многомъ уже сошлись и получили другъ къ другу довѣріе".

Далѣе, было изложено въ Запискѣ: „Въ заключеніе члены Комитетовъ предложили здоровье мое.

„Никакихъ рѣчей за обѣдомъ не было.

„Все прошло благополучно, и, кажется, для всѣхъ пріятно.

„Почтительнѣйше доводя о семъ до высочайшаго вашего свѣдѣнія, съ глубокимъ благоговѣніемъ и душевною преданностью имѣю счастіе быть вашего императорскаго величества вѣрноподанный I. Ростовцовъ“ [69]).

XXIV.

Мечты поэта,
Историкъ строгій гонитъ васъ!

Н. П. Семеновъ былъ правъ, и мечты Ростовцова не оправдались.

Примирительная трапеза не послужила къ миру членовъ Редакціонныхъ Коммиссій съ депутатами.

Прислушаемся къ голосамъ людей постороннихъ.

Въ *Дневникѣ* Никитенко мы читаемъ:

Подъ *28 сентября 1859 года*: „Говорятъ депутаты намекнули на что-то, похожее на конституцію. Но государь очень спокойно отвѣчалъ, что они собраны для того, чтобы разсуждать о крестьянскомъ вопросѣ и должны заниматься этимъ, а не посторонними дѣлами, которыя до нихъ не касаются. Говорятъ также, что въ первые совѣщаніи Главнаго Крестьянскаго Комитета, гдѣ присутствовалъ государь, князь Орловъ выразилъ свои опасенія“.

23 октября: „Говорятъ, что по крестьянскому дѣлу большія несогласія между Коммиссіею и депутатами. Послѣдніе, между прочимъ будто-бы, явно стремятся къ конституціи“.

26 октября: „Много толковъ о крестьянскомъ дѣлѣ. Пять депутатовъ подписали на имя государя бумагу, въ которой просятъ о дарованіи открытаго судопроизводства, о присяжныхъ, о бо̀льшей свободѣ печати и о правѣ, по которому дворянство могло-бы представлять государю о своихъ нуждахъ. Говорятъ, государь принялъ эту бумагу благосклонно и обѣщалъ передать ее на разсмотрѣніе Государственному Совѣту“. Но самъ Никитенко впослѣдствіи замѣтилъ на по-

ляхъ своего *Дневника*: „Слухъ невѣренъ: подписавшимъ этотъ адресъ, напротивъ, велѣно сдѣлать строгій выговоръ“ [70]).

Этотъ отдѣльный адресъ подписали пять депутатовъ: Д. Хрущовъ и Шретеръ (Харьковской губерніи), А. Унковскій (Тверской), Д. Васильевъ и П. Дубровинъ (Ярославской).

26 октября 1859 года, И. С. Аксаковъ писалъ И. С. Тургеневу: „Въ Петербургѣ депутаты съ Ростовцевскою Коммиссіею рѣжутся не на животъ, а на смерть. Эта борьба представляетъ любопытнѣйшее зрѣлище. Съ одной стороны—либерализмъ безкорыстный и благоразумный, но чиновничій, тѣмъ болѣе дерзкій, что отрѣшенъ отъ жизни, либерализмъ деспотовъ-бюрократовъ, нивелирующій, искажающій начала народной жизни, поклоняющійся Петровской палкѣ. Съ другой стороны,—либерализмъ озлобившихся помѣщиковъ, дерзость людей, которымъ уже нечего больше терять, либерализмъ болѣе жизненный и способный къ жизненному воплощенію, но являющійся все же во имя личныхъ, корыстныхъ интересовъ. Обѣ стороны выбили другъ друга изъ позиціи, не имѣютъ почвы подъ ногами и болтаются ногами по воздуху. А третье лицо этой драмы,—народъ, молчитъ и не раскрываетъ своихъ тайнъ, и ждетъ. На дняхъ, какъ меня увѣдомляли изъ Петербурга, депутаты отъ трехъ губерній—Ярославской, Тверской и Харьковской, всего пять человѣкъ, подали государю адресъ, въ которомъ просятъ передать мѣстное управленіе сословіямъ дворянъ, крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ, слитымъ въ одно, ввести судъ присяжныхъ, гласность въ судѣ и печати и пр. и пр. Отвѣтъ былъ: *Благодарить за совѣтъ*. Я не могу признать этотъ адресъ серьезнымъ, но все это важно, какъ симптомъ“ [71]).

По свидѣтельству депутата отъ Нижегородскаго Комитета П. Д. Стремоухова, „прибытіе въ Петербургъ депутатовъ внесло чрезвычайное оживленіе въ столичную жизнь. Отъ дѣятельности ихъ ожидали почина во всякихъ преобразованіяхъ, болѣе или менѣе связанныхъ съ крестьянскою реформою. Настроеніе общества было приподнятымъ и возбужден-

нымъ подъ вліяніемъ идей, навѣянныхъ изученіемъ Исторіи Франціи въ періодъ, предшествовавшій первой революціи. Незадолго передъ тѣмъ появилось и широко распространилось въ Петербургѣ новое сочиненіе Токвиля *L'ancien régime et la révolution...* Разъ, встрѣтившись со мною, на раутѣ у министра С. С. Ланского, графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ, отведя меня въ сторону и спросивъ, что̀ думаю я о роли депутатовъ отъ Губернскихъ Комитетовъ, приглашенныхъ въ Петербургъ,—сталъ догматически доказывать, что депутаты не только въ правѣ, но и обязаны сомкнуться въ дружную оппозиціонную силу противъ Правительства, дѣйствія котораго, въ крестьянской реформѣ, явно ведутъ къ подрыву не только матеріальнаго благосостоянія дворянства, но и политическаго его значенія, какъ сословія, служащаго исконнымъ оплотомъ престола; что организованная въ такомъ смыслѣ оппозиція „имѣла бы значеніе *оппозиціи его величества*, подобно Англійской парламентской оппозиціи, которая, служа охранительною для королевы силою противъ ошибокъ, заблужденій и вообще ложной политики ея министровъ,—по праву именуетъ себя Her Majesty's opposition"!

Далѣе, Стремоуховъ повѣствуетъ, что „съѣхавшіеся въ Петербургъ депутаты разбились на группы. Одна изъ этихъ группъ собиралась у А. М. Унковскаго (Тверского депутата). Къ этой группѣ примкнули самые горячіе реформаторы. Съ особенною настойчивостью выдвигался здѣсь вопросъ о свободѣ печати. Болѣе спокойными были совѣщанія, происходившія у Саратовскаго губернскаго предводителя дворянства князя В. А. Щербатова или у Симбирскаго депутата Шидловскаго. Здѣсь пренія ограничивались предметами, непосредственно относившимися къ крестьянской реформѣ, и на первомъ планѣ были земледѣльческіе интересы. Совсѣмъ аристократическій характеръ, даже по внѣшности, имѣли собранія, происходившія у С.-Петербургскаго губернскаго предводителя графа П. П. Шувалова. Здѣсь собирались представители преимущественно крупнаго землевладѣнія. Помимо спеціально

ляхъ своего *Дневника*: „Слухъ невѣренъ: подписавшимъ этотъ адресъ, напротивъ, велѣно сдѣлать строгій выговоръ“ [70]).

Этотъ отдѣльный адресъ подписали пять депутатовъ: Д. Хрущовъ и Шретеръ (Харьковской губерніи), А. Унковскій (Тверской), Д. Васильевъ и П. Дубровинъ (Ярославской).

26 октября 1859 года, И. С. Аксаковъ писалъ И. С. Тургеневу: „Въ Петербургѣ депутаты съ Ростовцевскою Коммиссіею рѣжутся не на животъ, а на смерть. Эта борьба представляетъ любопытнѣйшее зрѣлище. Съ одной стороны— либерализмъ безкорыстный и благоразумный, но чиновничій, тѣмъ болѣе дерзкій, что отрѣшенъ отъ жизни, либерализмъ деспотовъ-бюрократовъ, нивелирующій, искажающій начала народной жизни, поклоняющійся Петровской палкѣ. Съ другой стороны,—либерализмъ озлобившихся помѣщиковъ, дерзоѕть людей, которымъ уже нечего больше терять, либерализмъ болѣе жизненный и способный къ жизненному воплощенію, но являющійся все же во имя личныхъ, корыстныхъ интересовъ. Обѣ стороны выбили другъ друга изъ позиціи, не имѣютъ почвы подъ ногами и болтаются ногами по воздуху. А третье лицо этой драмы,—народъ, молчитъ и не раскрываетъ своихъ тайнъ, и ждетъ. На дняхъ, какъ меня увѣдомляли изъ Петербурга, депутаты отъ трехъ губерній—Ярославской, Тверской и Харьковской, всего пять человѣкъ, подали государю адресъ, въ которомъ просятъ передать мѣстное управленіе сословіямъ дворянъ, крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ, слитымъ въ одно, ввести судъ присяжныхъ, гласность въ судѣ и печати и пр. и пр. Отвѣтъ былъ: *Благодарить за совѣтъ*. Я не могу признать этотъ адресъ серьезнымъ, но все это важно, какъ симптомъ“ [71]).

По свидѣтельству депутата отъ Нижегородскаго Комитета П. Д. Стремоухова, „прибытіе въ Петербургъ депутатовъ внесло чрезвычайное оживленіе въ столичную жизнь. Отъ дѣятельности ихъ ожидали почина во всякихъ преобразованіяхъ, болѣе или менѣе связанныхъ съ крестьянскою реформою. Настроеніе общества было приподнятымъ и возбужден-

нымъ подъ вліяніемъ идей, навѣянныхъ изученіемъ Исторіи Франціи въ періодъ, предшествовавшій первой революціи. Незадолго передъ тѣмъ появилось и широко распространилось въ Петербургѣ новое сочиненіе Токвиля *L'ancien régime et la révolution*... Разъ, встрѣтившись со мною, на раутѣ у министра С. С. Ланского, графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ, отведя меня въ сторону и спросивъ, что̀ думаю я о роли депутатовъ отъ Губернскихъ Комитетовъ, приглашенныхъ въ Петербургъ,—сталъ догматически доказывать, что депутаты не только въ правѣ, но и обязаны сомкнуться въ дружную оппозиціонную силу противъ Правительства, дѣйствія котораго, въ крестьянской реформѣ, явно ведутъ къ подрыву не только матеріальнаго благосостоянія дворянства, но и политическаго его значенія, какъ сословія, служащаго исконнымъ оплотомъ престола; что организованная въ такомъ смыслѣ оппозиція „имѣла бы значеніе *оппозиціи его величества*, подобно Англійской парламентской оппозиціи, которая, служа охранительною для королевы силою противъ ошибокъ, заблужденій и вообще ложной политики ея министровъ,—по праву именуетъ себя Her Majesty's opposition"!

Далѣе, Стремоуховъ повѣствуетъ, что „съѣхавшіеся въ Петербургъ депутаты разбились на группы. Одна изъ этихъ группъ собиралась у А. М. Унковскаго (Тверского депутата). Къ этой группѣ примкнули самые горячіе реформаторы. Съ особенною настойчивостью выдвигался здѣсь вопросъ о свободѣ печати. Болѣе спокойными были совѣщанія, происходившія у Саратовскаго губернскаго предводителя дворянства князя В. А. Щербатова или у Симбирскаго депутата Шидловскаго. Здѣсь пренія ограничивались предметами, непосредственно относившимися къ крестьянской реформѣ, и на первомъ планѣ были земледѣльческіе интересы. Совсѣмъ аристократическій характеръ, даже по внѣшности, имѣли собранія, происходившія у С.-Петербургскаго губернскаго предводителя графа П. П. Шувалова. Здѣсь собирались представители преимущественно крупнаго землевладѣнія. Помимо спеціально

депутатскихъ собраній, происходили и въ частныхъ домахъ оживленныя бесѣды, какъ о самой крестьянской реформѣ, такъ и въ особенности объ ея послѣдствіяхъ.

„Всего интереснѣе — пишетъ Стремоуховъ — были вечера у Н. А. Милютина. Здѣсь собирались представители нашей либеральной интеллигенціи и выдающіеся дѣятели Редакціонныхъ Коммиссій. Здѣсь, можно сказать, лежалъ и центръ тяжести преобладавшаго въ то время въ высшихъ сферахъ направленія, душою котораго былъ Н. А. Милютинъ. Въ этой средѣ интересы дворянства находили весьма мало защитниковъ,—а еще менѣе какія бы то ни было права его на преобладающее въ государственномъ строѣ значеніе. Самъ Н. А. Милютинъ относился къ этой послѣдней темѣ съ какимъ то особеннымъ раздраженіемъ. Не допуская за Дворянствомъ никакихъ особыхъ политическихъ правъ, онъ энергически возставалъ противъ всякой инициаторской его дѣятельности въ дѣлахъ, касавшихся общихъ нуждъ и интересовъ. Не забуду, какъ разъ, когда въ особомъ разговорѣ, я коснулся этой темы, онъ вскочилъ, какъ ужаленный. *Никогда*,—сказалъ онъ, — *никогда, пока я стою у власти, я не допущу какихъ бы то ни было притязаній Дворянства на роль инициаторовъ въ дѣлахъ, касающихся интересовъ и нуждъ всего народа. Забота о нихъ принадлежитъ Правительству; ему и только ему одному принадлежитъ и всякій починъ въ какихъ бы то ни было реформахъ на благо страны. Tout pour le peuple,—rien par le peuple,*—при этомъ добавилъ онъ“.

25 октября 1859 г., В. П. Бутковъ писалъ князю А. И. Борятинскому: „Другого рода новости заключаются въ постоянной, сильной и упорной борьбѣ по крестьянскому дѣлу между дворянскими депутатами, прибывшими сюда изъ губерній, генераломъ Ростовцовымъ и членами его Редакціонныхъ Коммиссій. Надо сказать правду, что трудъ Ростовцова огромный и во многихъ отношеніяхъ прекрасный, но онъ тронулъ не только сословные интересы, но интересы и помѣщичьяго

кармана. Надо сказать также правду, что дворянскіе депутаты позволяютъ себѣ много дѣйствій рѣзкихъ и не всегда приличныхъ. Есть нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и вашъ графъ Орловъ-Давыдовъ, дѣйствія коихъ, право, выходятъ изъ должныхъ предѣловъ. Все это очень жаль, потому что пристрастными дѣйствіями или, лучше сказать, сильными и не всегда умѣстными рѣчами, дворянская партія вредитъ собственному своему дѣлу и вредитъ въ глазахъ государя. Ростовцовъ заболѣлъ желчною горячкою и заболѣлъ опасно, но теперь ему лучше. Нѣкоторые изъ дворянъ за свои рѣчи и неумѣстныя дѣйствія вѣроятно пострадаютъ, и по дѣломъ. Жаль только, что что̀ бы ни случилось и ни сдѣлалось по крестьянскому дѣлу, негодованіе партій и либеральной, и дворянской, падаетъ отчасти и на меня, потому что я, не принадлежа къ крайностямъ и той и другой, препятствую этимъ крайностямъ, какъ могу, въ Главномъ Крестьянскомъ Комитетѣ. Поэтому ваше сіятельство приготовьтесь, пріѣхавши въ Петербургъ, слышать на мой счетъ еще болѣе нареканій, брани и клеветы, чѣмъ прошлый разъ. Право, не знаю, чѣмъ кончится весь этотъ хаосъ; но молю Бога, чтобы онъ кончился поскорѣе, хотя рѣшительно не надѣюсь, чтобы ранѣе половины или конца 1860 года можно было привести крестьянское дѣло къ концу“.

Какъ и слѣдовало ожидать, „депутаты остались недовольны результатами своей Петербургской дѣятельности и послѣ шести-семинедѣльнаго пребыванія въ Петербургѣ получили извѣщеніе, что миссія ихъ окончена и что они могутъ разъѣхаться по домамъ. Большинство тотчасъ уѣхало, нѣкоторые же депутаты продолжали оставаться въ Петербургѣ, вопреки сдѣланному указанію, и кажется, подпали подъ наблюденіе полиціи“.

15 февраля 1860 г., В. А. Мухановъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Депутаты напечатали въ Лейпцигѣ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ въ Петербургѣ. Не дозволяли имъ собираться официально для совѣщаній, что̀ повлекло за собой

разногласіе; не вели протоколовъ возраженій, дѣлаемыхъ ими въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ, чтобы не оставалось и слѣда какого-либо дѣльнаго замѣчанія. Отчетъ написанъ умно, открыто, истинно, но представлена самымъ благовиднымъ и приличнымъ образомъ. Все, что произошло, приписывается предсѣдателю и вліятельнымъ членамъ Редакціонныхъ Коммиссій. У писавшаго брошюру твердое убѣжденіе, что образъ дѣйствія Коммиссій неизвѣстенъ государю, иначе онѣ дѣйствовали бы иначе" [72]).

Удрученный заботами и предсмертною болѣзнію Ростовцовъ писалъ: „Когда начали съѣзжаться сюда депутаты, М. П. Позенъ, въ присутствіи П. А. Булгакова, сказалъ мнѣ: „Ради Бога, не позволяйте депутатамъ совѣщаться и имѣйте съ ними дѣло отдѣльно". Мнѣніе его, хотя вопросъ этотъ былъ уже рѣшенъ прежде, по докладу министра Внутреннихъ Дѣлъ, я въ разговорѣ доложилъ государю; а черезъ нѣсколько дней послѣ этого, тотъ же М. П. Позенъ подписалъ адресъ ко мнѣ депутатовъ, въ которомъ они, охуждая труды Коммиссій, имъ далеко еще вполнѣ неизвѣстные, ходатайствовали о разрѣшеніи имъ общихъ совѣщаній. При собраніи депутатовъ, онъ старался стать во главѣ ихъ, какъ оппозиція Редакціоннымъ Коммиссіямъ, и немало способствовалъ къ раздраженію ихъ и противу членовъ, и противу трудовъ Коммиссій. Безъ него, можетъ быть, отношенія Коммиссій и депутатовъ были бы дружелюбнѣе; а съ этимъ условіемъ, конечно, и дѣла наши пошли бы лучше" [73]).

XXV.

Августъ, сентябрь, октябрь и первая половина ноября 1859 года, по свидѣтельству М. А. Малютиной, „прошли въ сильной агитаціи. Это время изобилуетъ доносами, записками, адресами и заграничными брошюрами противъ Редакціонныхъ Коммиссій, этого поля, на которомъ встрѣтилось столько раз-

личныхъ мнѣній и разыгралось сраженіе, порѣшившее будущность Русскаго крѣпостного народа".

Но вмѣстѣ съ симъ постоянные нападки на Коммиссіи, гдѣ „работа росла не по днямъ, а по часамъ, кроткія предостереженія государя, спѣшная, энергическая отвага Коммиссій, схватки и драматическія событія, продолжавшіяся все лѣто и осень 1859 года, съ депутатами, отравляли покой, портили кровь и наконецъ сокрушили здоровье предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій I. И. Ростовцова.

„Мой знакомый",—писалъ въ августѣ 1859 года Д. П. Хрущовъ Н. А. Милютину,—„нечаянно попалъ на дняхъ вечеромъ къ Михаилу Безобразову, въ извѣстный вамъ домъ на Фонтанкѣ. Присутствовали уже извѣстные своими помѣщичьими подвигами: Бланкъ, князь Гагаринъ, Орловъ изъ Вологды, князь Волконскій, Желтухинъ и другіе. Тутъ доставалось краснымъ, Ростовцову, вамъ и вашимъ, которыхъ слѣдовало уничтожить. Какъ средство, читали проектъ адреса государю, объ уничтоженіи работъ Губернскихъ Комитетовъ и Редакціонныхъ Коммиссій и о принятіи одного главнаго основанія: личной свободы крестьянъ безъ земли. Затѣмъ, въ адресѣ доказывается, что красные суть предатели, а что престолъ и Отечество спасутъ только вѣрные дворяне, подписавшіе адресъ. Подписчиковъ предполагается собрать до десяти тысячъ чрезъ разныхъ членовъ Губернскихъ Комитетовъ, изъ которыхъ просятъ государя составить особую Коммиссію въ Петербургѣ, на мѣсто Редакціонной. О Шуваловѣ и Паскевичѣ говорятъ какъ о представителяхъ этого мнѣнія и очень на нихъ надѣются".

Самъ Ростовцовъ, 11 августа 1859 года, писалъ князю Е. П. Оболенскому: „Чувствую, что несу крестъ, но несу религіозно, со смиреніемъ и съ надеждою; еслибъ крестъ этотъ и задавилъ меня, то и радъ и счастливъ буду подъ нимъ погибнуть во благо Россіи" [74]).

„Еще въ сентябрѣ 1859 года",—повѣствуетъ Н. П. Семеновъ,—„Ростовцовъ обнаружилъ предчувствіе своей тяжкой

болѣзни: разъ поздно вечеромъ онъ потребовалъ къ себѣ своего секретаря Ѳ. П. Еленева. Этотъ послѣднiй засталъ Ростовцова лежащимъ на диванѣ, въ кабинетѣ, и погруженнымъ въ дремоту. Черезъ нѣсколько минутъ Ростовцовъ открылъ глаза и сказалъ вошедшему: я чувствую себя не совсѣмъ хорошо; быть можетъ, я сильно заболѣю и тогда прошу васъ, возьмите изъ кабинета мои письма къ государю и отдайте ихъ женѣ; я желаю, чтобы они остались въ моемъ семействѣ; а вѣдь вы знаете, что въ случаѣ моей смерти, всѣ бумаги мои будутъ опечатаны. Еленевъ старался разсѣять печальныя мысли больного... Ростовцовъ, взявъ его руку, сказалъ ему съ чувствомъ: Благодарю за любовь ко мнѣ, но все можетъ, я долженъ быть готовымъ ко всему и поэтому исполните то, о чемъ я васъ просилъ"...

Между тѣмъ, до слуха Ростовцова долетало изъ разныхъ сферъ немало жалобъ, обвиненiй, порицанiй... Все это его тревожило, а безпокойство отъ недоразумѣнiй и жаркихъ споровъ при обсужденiи трудныхъ и щекотливыхъ вопросовъ въ средѣ самихъ Коммиссiй, нерѣдко лишало ночного сна. Къ тому же послѣдовала у него сильная размолвка съ Позеномъ, разорвавшая тѣсную связь долголѣтней дружбы, бывшей извѣстною государю. Это событiе также не могло не оставить въ душѣ его слѣда горечи.

Послѣ засѣданiя 14 октября 1859 года, Ростовцовъ былъ уже боленъ настолько, что не могъ выйти изъ дому для присутствованiя въ общемъ собранiи Коммиссiй, и его замѣнялъ П. А. Булгаковъ. Въ началѣ болѣзни у Ростовцова обнаружились признаки внутренняго воспаленiя. Ему ставили на спину мушки; послѣ у него сталъ образовываться на спинѣ, въ боку корбункулъ. Во время усиленiя болѣзни онъ нѣсколько разъ спрашивалъ, что̀ говорятъ доктора; на успокоительные отвѣты онъ говорилъ: Я чувствую, что не переживу этой болѣзни, не съ моей комплекцiей пережить ее. Въ другой разъ онъ сказалъ сыну: Если это корбункулъ, то я не перенесу операцiи. Не смотря ни на что, онъ не переставалъ

внимательно слѣдить за ходомъ работъ по крестьянскому дѣлу.

Императоръ Александръ II, по возвращеніи, въ октябрѣ 1859 года, изъ своего путешествія въ Южную Россію, нашелъ Ростовцова уже больнымъ. Довольно продолжительная разлука съ государемъ прервала нить почти повседневныхъ сношеній ихъ по крестьянскому дѣлу; почему, послѣ первыхъ свиданій, Ростовцовъ, еще 23 октября 1859 года, обратился къ государю съ письмомъ, въ которомъ представилъ обзоръ различныхъ мнѣній, которыя ходили тогда въ обществѣ. Это письмо до послѣднихъ его строкъ было написано подъ диктовку Ростовцова, рукою секретаря его Ѳ. П. Еленева, съ слѣдующею припискою Ростовцова: „Простите великодушно, ваше величество, что письмо это писано не моею рукою; оно было готово еще въ воскресенье, по возвращеніи моемъ отъ васъ; я все еще надѣялся самъ переписать его, но проходитъ пятый уже день, и я все еще не въ силахъ этого сдѣлать“.

Государь на поляхъ этого письма, въ Гатчинѣ, 25 октября 1859 года, написалъ слѣдующее: „Крайне сожалѣю, любезный Яковъ Ивановичъ, что вы, какъ кажется, не на шутку занемогли. Убѣдительнѣйше прошу васъ, себя поберечь и отложить важныя ваши занятія пока совсѣмъ не оправитесь. Обзоръ положенія святаго нашего дѣла и различныя мнѣнія гг. членовъ отъ дворянскихъ комитетовъ совершенно согласны со всѣми свѣдѣніями, которыя до меня доходятъ съ различныхъ сторонъ... По выздоровленіи вашемъ, желаю, чтобы они всѣ были обсужены въ Главномъ Комитетѣ, въ моемъ присутствіи. Если господа эти думаютъ своими попытками меня испугать, то они ошибаются. Я слишкомъ убѣжденъ въ правотѣ возбужденнаго нами святаго дѣла, чтобы кто либо могъ меня остановить въ довершеніи онаго. Но главный вопросъ состоитъ въ томъ, какъ его довершить. Въ этомъ, какъ и всегда, надѣюсь на Бога и на помощь тѣхъ, которые, подобно вамъ, добросовѣстно желаютъ этого столь же искренно, какъ я, и видятъ въ этомъ спасеніе и будущее благо Россіи.

Не унывайте, какъ я не унываю, хотя часто приходится п
реносить много горя, и будемъ вмѣстѣ молить Бога, чтоб
Онъ насъ наставилъ и укрѣпилъ. Обнимаю васъ отъ вс
души".

Около того же времени была представлена государю кн
земъ В. А. Долгоруковымъ записка камергера Михаила Ал
ксандровича Безобразова, самаго горячаго и убѣжденнаго з
щитника нашего сословія, о значеніи и положеніи, какое з
нимало и должно занимать, по его мнѣнію, Русское дворя
ство на поприщѣ государственной дѣятельности и въ совѣт
монарха. На поляхъ этой рукописи были сдѣланы государем
собственноручныя отмѣтки. По разсмотрѣніи этой запис
Главнымъ Комитетомъ по крестьянскому дѣлу, Безобразо
былъ временно удаленъ изъ Петербурга.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что М. А. Безобразовъ былъ с
номъ извѣстнаго сенатора Александра Михайловича и дов
дился племянникомъ самому князю А. Ѳ. Орлову.

На поляхъ записки Безобразова были сдѣланы государем
нижепомѣщаемыя собственноручныя замѣчанія.

При словахъ: „Государь императоръ повелѣть соизволи
собрать по два депутата отъ Губернскихъ Комитетовъ д
окончательнаго разсмотрѣнія Положенія объ устройствѣ бы
крестьянъ".

Государь замѣтилъ: *Не для окончательнаго разсмотрѣні
а для нужныхъ поясненій и примѣненія общихъ началъ
частнымъ мѣстностямъ.*

„Такимъ образомъ достигали разомъ до уничтоженія зн
ченія депутатовъ, сохраняя однако ихъ званіе и тѣмъ п
лагая маскировать дѣйствительное нарушеніе высочайшей вол
лично государемъ объявленной":

— *Вздоръ.*

„Очевидно, что депутаты присланы не отъ дворя
ства, и даже не отъ губернскихъ комитетовъ, а отъ мѣс
ныхъ властей, въ угодность властямъ центральнымъ. Д
бо́льшаго ручательства въ ничтожествѣ этаго сборища п

ложено созвать его одновременно изъ нѣсколькихъ только губерній, и то по усмотрѣнію Редакціонной Коммиссіи, которая, неизвѣстно на какомъ основаніи, сдѣлалась распорядительницею судьбы депутатовъ, предназначавшихся прежде къ поступленію въ составъ Главнаго Комитета".

— *Никогда.*

„Собранные для составленія адреса матеріалы заключаютъ въ себѣ прямое обличеніе нарушителей государственнаго порядка и безопасности съ полнымъ выраженіемъ чувства преданности къ государю".

— *Т.-е., личины.*

„Объявлена депутатамъ инструкція, по которой они разбиты на единицы".

— *Такъ и должно было быть.*

„Имъ нуженъ переворотъ, ибо переворотъ въ Россіи значитъ распаденіе. Вотъ для чего рескриптъ государя затертъ и потопленъ въ наплывѣ противорѣчащихъ ему объявляемыхъ высочайшихъ повелѣній и административныхъ распоряженій. Вотъ для чего искажено повелѣніе государя о созывѣ депутатовъ".

— *Вздоръ.*

„Сочинители конституцій, по образцамъ Запада, полагаютъ дойти до своихъ цѣлей избраннымъ нынѣ путемъ. Теперь они стараются".

— *Кто они?*

„Между тѣмъ, обуздать Министерство и Редакціонную Коммиссію въ ихъ самовольныхъ дѣйствіяхъ".

— *Надобно начать съ того, чтобы его самого обуздать.*

„Безъ всякаго сомнѣнія, несравненно лучше бы было потребовать выборныхъ отъ губерній и къ нимъ присоединить депутатовъ отъ Комитетовъ".

— *Т.-е., чтобы произвести большій хаосъ.*

„Но какъ надѣяться, чтобы Правительство, шедшее все это время разными извилистыми тропами".

— *Непомѣрная наглость.*

„Избрало этотъ прямой, широкій и ясный путь, на которомъ нельзя проявляться партіямъ и интригамъ безъ немедленнаго обличенія“?

— *Лучшимъ примѣромъ противнаго служатъ Губернскіе Комитеты.*

„Полагаю необходимымъ прибавить еще одно замѣчаніе: собраніе выборныхъ есть природный элементъ самодержавія“.

— *Хорошъ софизмъ!*

„Первые говорятъ такъ, примѣняя заграничныя мысли къ Россіи; вторые совсѣмъ не знаютъ Русской Исторіи, Русскаго народа и, главное, не понимаютъ, что такое самодержавіе“.

— *Онъ видно хорошо это понимаетъ.*

„Дворянство горячо сочувствуетъ государю, оно доказало готовность свою исполнить волю его“.

— *Хорошо доказало!*

„Да убѣдится государь, что въ рядахъ дворянства бьются сердца, жаждущія пользы Отечества и славы престола и непомышляющія о своихъ личныхъ выгодахъ, и что если они желаютъ видѣть собраніе выборныхъ отъ земли у подножія престола, то это для того, чтобъ узрѣть самодержавіе въ полномъ его величіи и силѣ, какъ непремѣнное и необходимое условіе блага Отечества и твердости государства“.

— *Онъ меня вполнѣ убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить у насъ олигархическое правленіе.*

По высочайшему повелѣнію, записка Безобразова была передана на обсужденіе Главнаго Комитета, по опредѣленію котораго авторъ записки былъ временно удаленъ въ свои имѣнія и заводы въ Пермской губерніи, съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицы.

Нѣсколько оправившись, Ростовцовъ снова сталъ предсѣдательствовать въ общемъ присутствіи Редакціонныхъ Коммиссій. Но это продолжалось недолго, и вскорѣ болѣзнь его стала внушать серьезныя опасенія. 26-го ноября 1859 года

государь навѣстилъ Ростовцова; пробылъ у него 40 минутъ и повелѣлъ отмѣнить, до возстановленія его силъ, засѣданіе Коммиссій, которое было предъ тѣмъ назначено на 28-е число [75]).

18 ноября 1859 года, самъ І. И. Ростовцовъ писалъ своему другу, князю Е. П. Оболенскому: „Давно я не писалъ къ тебѣ, любезный другъ Евгеній; я третій мѣсяцъ боленъ. Занятія мои въ это время не только не уменьшались, но усиливались, а болѣзнь меня изнурила, такъ что я или работалъ, или лежалъ и отлеживался, чтобы имѣть возможность работать. Въ моемъ святомъ трудѣ, по пословицѣ: чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Какъ бы всѣ мы были счастливы, еслибъ только одно чувство справедливости, уваженія къ человѣчеству и любви къ родинѣ всѣхъ насъ одушевляло и соединяло; безъ посторонней лигатуры трудъ этотъ былъ бы легокъ; но все таки не крушись: надежда на Бога меня одушевляетъ; духомъ я не упалъ, молю Господа, чтобъ я не упалъ бы; помолись и ты за меня“.

Между тѣмъ, въ *Дневникѣ* Валуева, подъ 28 ноября того же 1859 года, мы читаемъ: „Ростовцовъ боленъ и его болѣзнь, говорятъ, со дня на день принимаетъ болѣе и болѣе опасный видъ. Исходъ сомнителенъ, и, вѣроятно, исходъ предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій совершится ранѣе, чѣмъ исходъ крестьянскаго дѣла. Казалось, ему суждено было играть до конца въ этомъ дѣлѣ рѣшительную роль. Все шло своимъ порядкомъ. Онъ крѣпко сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Внезапно является дѣйствіе той невидимой руки, которая столь часто, вопреки всѣмъ ожиданіямъ и разсчетамъ, завязываетъ или разсѣкаетъ узлы, поднимаетъ или укрощаетъ бури.... Эта рука удаляетъ со сцены знаменитаго автора Вильбадскихъ писемъ. Занавѣсъ уже готовъ опуститься за нимъ. Передъ кѣмъ поднимется она снова“ [76])?

XXVI.

Въ то время, когда угасалъ Ростовцовъ, прибылъ въ Петербургъ, въ санѣ фельдмаршала, ученикъ скромнаго Кубарева, князь Александръ Ивановичъ Борятинскій.

Еще 22 октября 1859 года, государственный секретарь В. П. Бутковъ писалъ князю Борятинскому: „Ваша жизнь, въ настоящую минуту, такъ нужна и такъ дорога Россіи, что мы всѣ, любящіе наше Отечество, должны молить Бога объ одномъ: о сохраненіи васъ для Россіи. Вы покорили Кавказъ, но вѣдь вамъ же надо его и устроить. Я зналъ о приглашеніи, сдѣланномъ вашему сіятельству государемъ, но сомнѣвался прежде и сомнѣваюсь теперь, можно ли вамъ будетъ по состоянію вашего здоровья прибыть въ Петербургъ зимою. Дурныя дороги и наша сѣверная зима разстроятъ ваше здоровье... Я радъ пріѣзду вашему не только потому, что увижу васъ, котораго глубоко уважаю и люблю, но и потому еще, что многіе вопросы для устройства и пользы Кавказскаго края вы успѣете рѣшить и кончить при себѣ“....

Но современемъ князь Борятинскій разочаровался въ Бутковѣ, и 24 мая 1861 года, изъ Дрездена, онъ писалъ Д. А. Милютину: „Я только что сдѣлалъ грустный опытъ относительно г. Буткова. Вы знаете, что я передъ всѣми и противъ всѣхъ былъ его главнымъ защитникомъ, не замѣчая въ немъ двуличности; теперь же онъ на мой взглядъ ее обнаружилъ. Вѣроятно, онъ меня считалъ умершимъ, осмѣливаясь представить на высочайшее утвержденіе Мингрельское дѣло, что могло скомпрометировать достоинство намѣстника императора“.

Въ Рождественскіе морозы князь Борятинскій прибылъ въ Петербургъ, и подъ 27 декабря 1859 года, В. А. Мухановъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Пріѣздъ фельдмаршала князя Борятинскаго произвелъ сильное впечатлѣніе. При самомъ появленіи героя Кавказа на парадъ, царь провозгласилъ ура! которое было повторено солдатами. Послѣзавтра военнымъ назначено представленіе фельдмаршалу, ко-

торый вовсе не ослѣпленъ своимъ титуломъ, носитъ его съ достоинствомъ и какъ должную ему награду. Сегодня, на обѣдѣ у великой княгини Елены Павловны, гдѣ находились императоръ, императрица, великіе князья съ супругами, были: князь Борятинскій, Долгорукій и Горчаковъ. Замѣчательно, что *** подошла послѣ обѣда къ одному сановнику и сказала ему: „Вы нашъ истинный другъ, всегда полезный своимъ совѣтомъ, а всѣ эти Головнины и другіе, окружающіе великаго князя Константина Николаевича, красные и кромѣ вреда ничего не дѣлаютъ".

Но справедливость требуетъ привести нижеслѣдующія строки изъ письма великаго князя Константина Николаевича (22 сентября 1859 года, изъ Стрѣльны) къ князю А. И. Борятинскому: „Позволь отъ души обнять тебя, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, послѣ ряда подвиговъ, исполненныхъ тобою въ теченіе этого лѣта.... Ты уже составилъ тѣмъ своему имени такое мѣсто въ нашей Исторіи, которое ничто у тебя не отниметъ. Радуюсь, что ты получишь это письмецо именно въ Николаевѣ, гдѣ мы въ первый разъ съ тобою поближе сошлись, гдѣ я узналъ и научился цѣнить тебя. Нѣкоторые разговоры, которые мы тогда съ тобою тамъ имѣли, никогда не изгладятся изъ моей памяти. Я убѣжденъ, что ты увѣренъ, что никто болѣе меня не радовался твоему счастію и не гордился твоею славою".

15 января 1860 года, при Дворѣ былъ обѣдъ въ честь князя Борятинскаго. „Герой торжества",—свидѣтельствуетъ В. А. Мухановъ,—„сидѣлъ между императоромъ и императрицей, и когда государь провозгласилъ тостъ умирителя Кавказа и храброй Кавказской арміи, онъ что-то еще сказалъ вполголоса князю Борятинскому, у котораго навернулись слезы" [77]).

По поводу придворнаго обѣда, П. А. Валуевъ, въ своемъ Дневникѣ, замѣтилъ: „Генералъ Зеленый говорилъ мнѣ, что на вчерашнемъ обѣдѣ господствовало обычное всеобщее явленіе. Всѣ высшіе міра сего изгибались въ три дуги передъ княземъ Борятинскимъ, за исключеніемъ, впрочемъ, князя Орлова" [78]).

Англійскій клубъ чествовалъ фельдмаршала обѣдомъ, который состоялся 18 января 1860 года.

Почетный гость прибылъ въ 5-ть часовъ пополудни.

При входѣ, оркестръ Преображенскаго полка заигралъ Кавказскій маршъ; а наверху лѣстницы его встрѣтили князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ, Николай Матвѣичъ Толстой, князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ, баронъ Николай Антоновичъ Зальца, Алексѣй Николаевичъ Свистуновъ, Семенъ Семеновичъ Викулинъ и Иванъ Ивановичъ Жадимировскій, и ввели въ столовыя залы. Фельдмаршалъ занялъ за столомъ мѣсто среди старшинъ. Послѣ тостовъ князь Д. А. Оболенскій прочиталъ слѣдующіе стихи князя П. А. Вяземскаго:

... Ни блескъ фельдмаршальскаго сана,
Ни громъ побѣдъ, ни гулъ молвы,
Какъ обаяньями дурмана
Вамъ не вскружили головы.

Просто, сердечно и спокойно,
Вы свыклись съ вашимъ торжествомъ,
Въ сознаніи, что оно достойно
Далось вамъ съ боя и трудомъ.

Васъ благодарствуетъ Россія
За вашу службу передъ ней,
За ваши доблести младыя,
Залогъ созрѣвшихъ нынѣ дней.

За то, что баловень фортуны,
Отвергнувъ нѣгу и покой,
Вы закалили возрастъ юный
Въ горнилѣ жизни боевой;

Что путь избравъ—къ далекой цѣли
Вы шагъ за шагомъ бодро шли;
Что духомъ вы не оскудѣли,
А все мужали и росли.

На старшихъ вамъ смотрѣть не стыдно,
И зависть васъ не уязвитъ;
Имъ счастье ваше не обидно,
Какъ лавръ и имъ принадлежитъ.

Въ затишьи, гдѣ отъ бурь далече
Вкушаетъ старческій покой,
Когда-то левъ нашъ въ грозной сѣчѣ.
Кавказу памятный герой,

Встряхнувъ сѣдою головою,
Дней славныхъ память пробудя,
Помолодѣетъ онъ душою
Предъ лавромъ юнаго вождя.

Сей лавръ, блестящій юной славой,
Намъ всѣмъ на радость и почетъ;
Изъ почвы нѣкогда кровавой,
Онъ мирной тѣнью расцвѣтетъ.

Еще грядущее предъ вами!
Еще широкъ предъ вами путь:
Не охлажденная годами,
Пылаетъ благомъ ваша грудь.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Кавказъ вспахали наши рати,
Костьми засѣяли бразды,
Чтобъ послѣ жатва благодати
Созрѣла въ добрые плоды [79]).

Эти прекрасные стихи вызвали однако критику П. А. Валуева, который, въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 17 января 1860 года, записалъ: „Князю Борятинскому данъ былъ обѣдъ въ Англійскомъ Клубѣ. На этотъ случай князь Вяземскій написалъ, по своему обыкновенію, стихи и много стиховъ. Менѣе 10-ти, 15-ти или даже 20-ти куплетовъ онъ вообще не пишетъ. Весьма хороши двѣ строфы, гдѣ рѣчь о Ермоловѣ. Прочія гораздо слабѣе, и первый куплетъ, гдѣ происходитъ игра словъ на томъ, что князь Борятинскій взялъ въ плѣнъ Шамиля, но успѣхъ его не *ошеломилъ*, болѣе чѣмъ слабъ“ [80]).

Послѣ обѣда, за обычнымъ пуншемъ, одинъ изъ старѣйшихъ членовъ Клуба, Н. И. Гречь, „съ жаромъ и увлеченіемъ пламеннаго юноши“, произнесъ рѣчь, на которую фельдмаршалъ отвѣчалъ, что „трудно будетъ ему исполнить все то, чего отъ него ожидаютъ“.

Въ половинѣ 8-го вечера, фельдмаршалъ покинулъ собраніе; но оставшіеся пировали до часу за полночь [81]).

По поводу клубскаго обѣда, В. А. Мухановъ писалъ: „Былъ обѣдъ въ Англійскомъ Клубѣ, гдѣ многіе обращались къ виновнику торжества съ рѣчами. Графъ Орловъ-Давыдовъ, женатый на сестрѣ князя Борятинскаго, началъ не совсѣмъ ловко. „Конечно, — сказалъ онъ,—князь Борятинскій одинъ ничего не сдѣлалъ бы на Кавказѣ, какъ Кесарь безъ 10-го легіона не былъ бы побѣдителемъ“. Князь Вяземскій написалъ прекрасные стихи, которые читалъ князь Д. А. Оболенскій. Говорилъ и Н. И. Гречь, который, какъ старый издатель *Сѣверной Пчелы*, заключилъ себя въ узкія рамки строгой оффиціальности. Онъ поступилъ также не совсѣмъ съ тактомъ, когда остановилъ одного грузина, сказавшаго: „Никогда Кавказъ не былъ и не будетъ такъ счастливъ, какъ нынѣ, подъ управленіемъ князя Борятинскаго“.—Почему же,—подхватилъ Гречь, — *не будетъ*? Напротивъ, когда тамъ разведутся въ большомъ размѣрѣ шелководство, винодѣліе и другія отрасли, тогда развитіе его будетъ полнѣе и цвѣтущѣе. Князь Борятинскій, на каждую рѣчь отвѣчалъ скромно, умно и съ достоинствомъ. Многіе, увлекаясь мечтами, представляли блестящія программы того, что̀ должно совершиться на Кавказѣ. Побѣдитель Шамиля отвѣчалъ, что „все это не такъ легко, какъ думаютъ, но что конечно ничего не будетъ упущено для приведенія страны въ благоустройство“.

На другой день послѣ этого обѣда, на площади Зимняго Дворца былъ парадъ въ честь князя Борятинскаго, и „когда фельдмаршалъ — повѣствуетъ В. А. Мухановъ—объѣзжалъ ряды, нога у него до того разболѣлась, что онъ вынужденъ былъ до окончанія парада удалиться, и его съ трудомъ свели съ лошади. Въ этотъ день князь Горчаковъ тоже давалъ обѣдъ въ честь героя. Но послѣдній прислалъ ему записку, въ которой онъ говоритъ о своемъ положеніи и извиняется. Обѣдъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ все-таки состоялся. „Тутъ

былъ цвѣтъ красавицъ, и бесѣда шла живо; жалѣли очень объ отсутствіи того, кого чествовали".

Злая подагра помѣшала князю Борятинскому присутствовать и на обѣдѣ, который въ честь его давалъ, 24 января, князь А. Ѳ. Орловъ. Тутъ были—пишетъ Мухановъ—„всѣ министры и нѣкоторые члены Государственнаго Совѣта. Приглашеніе пришло и къ брату, который слышалъ тамъ, что у фельдмаршала очень распухли ноги въ колѣнахъ и боль безпрестанно переносится то въ руку, то въ плечо и такимъ образомъ можетъ обратиться и къ сердцу, пораженіе котораго въ подобныхъ случаяхъ смертельно".

Обѣдъ у князя А. Ѳ. Орлова вызвалъ у В. А. Муханова слѣдующія житейскія размышленія: „Люди придворные,—пишетъ онъ,—узнавъ, что мой братъ обѣдалъ или былъ приглашенъ къ государю, на другой день являются, вспоминаютъ прежнюю дружбу и осыпаютъ всякаго рода привѣтствіями и любезностями. Такъ, сегодня посѣтилъ *, который между прочимъ жаловался на *людей въ случаѣ*, нехотящихъ знать старыхъ знакомыхъ".

Многіе почтенные люди,—свидѣтельствуетъ В. А. Мухановъ,—пребываніемъ фельдмаршала въ Петербургѣ думали воспользоваться, чтобы разъяснить государю положеніе страны и личныя его отношенія къ Дворянству" [82]).

Въ Запискахъ М. А. Милютиной мы находимъ любопытныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ князя А. И. Борятинскаго къ ея мужу, Н. А. Милютину. „Гдѣ именно—писала она—познакомился Борятинскій съ Милютинымъ не помню, но покоритель Шамиля былъ очень очарованъ Николаемъ Алексѣевичемъ, съ восхищеніемъ говорилъ о немъ, а лично показывалъ ему всякое уваженіе и изъявленіе дружбы, просилъ чаще бывать у него, знакомить съ крестьянскимъ дѣломъ, объяснять на какихъ началахъ оно будетъ разрѣшаться. Н. А. Милютинъ, разумѣется, съ полною готовностью (по мѣрѣ возможности и свободнаго времени, котораго у него тогда было слишкомъ мало, чтобы читать лекціи) старался

— *5* — — —: „Нѣтъ отвѣта объ обѣдѣ. Слѣдовательно, не буду. Предосадно. Вѣроятно, отстранили подлецы нарочно".

— *6* — — —: „Рѣчей не было, ибо просилъ Борятинскій. Дуракъ"!

— *7* — — —: „Мелькнула мысль написать къ Сашѣ *) о Борятинскомъ".

Но Погодинъ ошибался. Рѣчи были, и присутствовавшій на обѣдѣ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, сообщилъ мнѣ нижеслѣдующую рѣчь самого фельдмаршала, произнесенную на обѣдѣ, на который не попалъ съ своею рѣчью Погодинъ. Князь Борятинскій сказалъ:

„Милостивые государи! Москва, какъ выразился его высокопревосходительство, есть сердце Россіи, и оно-то сего дня благосклонно наградило меня своимъ привѣтомъ. Могу ли я, какъ вѣрный сынъ Отечества, остаться хладнокровнымъ къ такой великой чести.

„Москва умѣетъ своимъ одобреніемъ воодушевить всякаго русскаго на посильныя его старанія. Я надѣюсь, что съ помощію Божіею, при будущемъ благоустройствѣ края, Кавказъ скоро вознаградитъ Россію за жертвы, до сихъ поръ ею приносимыя.

„Надѣюсь также, что и Москва будетъ содѣйствовать развитію промышленности и торговли въ этомъ краѣ. Этимъ самымъ исполнятся мудрыя предначертанія нашего государя.

„И такъ, позвольте мнѣ, милостивые государи, въ знакъ душевной моей признательности и глубокаго моего уваженія къ вамъ, провозгласить тостъ за счастіе всѣмъ намъ родной Москвы"!

Громогласное ура! было отвѣтомъ на рѣчь сію, и вмѣстѣ съ тѣмъ было выражено желаніе, чтобы князь Борятинскій возстановилъ „древнюю Діоскурію, на торжищѣ которой собирались нѣкогда триста разноязычныхъ народовъ и племена Кавказа".

---

*) Дочь Погодина, Александра Михайловна, бывшая замужемъ за Кавказскимъ генераломъ Зедергольмомъ.

Тутъ же выражена была увѣренность, что Москва оправдаетъ надежду князя Борятинскаго на ея содѣйствіе во славу царя и во благо Россіи".

Сохранилось слѣдующее любопытное письмо Погодина къ своей дочери А. М. Задергольмъ: „Вы спрашиваете меня безпрестанно, друзья мои, о князѣ Борятинскомъ; изъ вашихъ писемъ я вижу, какъ вамъ хочется, чтобъ я къ нему представился, собираясь ѣхать на Кавказъ. Что же я долженъ отвѣчать вамъ теперь? У князя Борятинскаго я не былъ, князя Борятинскаго я не видалъ и въ обѣдѣ, данномъ въ честь ему, не принималъ никакого участія. Какъ это случилось, вѣрно вы спросите меня, удивленные, съ досадою? Спѣшу оправдаться предъ вами и представить ясныя доказательства, что это случилось вопреки моему желанію: ибо я отложилъ даже поѣздку въ Петербургъ, именно съ тою цѣлью, чтобъ не пропустить князя Борятинскаго. Слушайте.

„Вы знаете, что обыкновенно я сижу дома, принимаю рѣдко, выѣзжаю еше рѣже, особенно въ послѣднее время, занятый важною историческою работою. Въ прошедшій вторникъ я отправился на вечеръ къ Кошелеву, въ надеждѣ увидѣться съ знакомыми, узнать Петербургскія и Московскія новости. Вдругъ, слышу тамъ, что въ пятницу назначенъ обѣдъ въ Благородномъ Собраніи, въ честь князя Борятинскаго и что билеты всѣ разобраны. — Вы, разумѣется, будете? спросили меня нѣкоторые изъ присутствовавшихъ.—Я очень желаю быть, но вотъ, говорятъ, билетовъ уже достать нельзя.— —Помилуйте, для васъ найдется всегда билетъ. Другіе подошли ко мнѣ со словами:—Вы вѣрно скажете привѣтствіе князю Борятинскому. Это непремѣнно нужно. Нельзя же такому празднику остаться безъ слова! — Я не откажусь, господа, отвѣчалъ я, если учредители обратятся ко мнѣ съ предложеніемъ; а самъ не люблю вызываться. Можетъ быть, найдутся и другіе желающіе. Главное, чтобъ кто-нибудь показалъ, объяснилъ, какъ мы понимаемъ и цѣнимъ событіе.— На томъ разговоръ и прекратился. Воротясь домой, за пол-

ночь, я набросалъ мысли, которыя мелькнули у меня въ головѣ, по длинной дорогѣ съ Поварской на Дѣвичье поле.

„Поутру, въ среду я написалъ письмо къ предводителю, прося включить меня въ списокъ, и остался въ полной увѣренности, что получу завтра билетъ. Наступилъ и прошелъ четвергъ,—ни слуху ни духу, билета нѣтъ. Я подумалъ: вѣрно учредители не хотятъ, чтобъ я былъ на обѣдѣ; вѣрно они опасаются, чтобъ я не сказалъ чего-нибудь такого, что привело бы ихъ въ замѣшательство. Иначе, какъ не получить бы даже отвѣта на письмо? Ну, такъ Богъ съ ними!

„Въ пятницу пришелъ ко мнѣ Алексѣй Михайловичъ Кубаревъ, учившій долго князя Борятинскаго по-Русски и сохранившій о немъ до сихъ поръ пріятное воспоминаніе. Онъ разсказалъ мнѣ нѣкоторыя подробности объ его юношествѣ и сообщилъ разныя свои замѣчанія.—Поѣзжай къ князю,—сказалъ Кубареву Погодинъ. Если ты былъ такъ близокъ къ нему: вѣрно ему будетъ пріятно встрѣтить стараго своего учителя. „Радъ бы“,—отвѣчалъ Кубаревъ,—„да какъ къ нему теперь доберешься? Терпѣть не могу этихъ лѣстницъ; развѣ написать письмецо“.

„На другой день началъ я получать извѣстія объ обѣдѣ: рѣчей никакихъ не было, кромѣ краткаго привѣтствія со стороны генералъ-губернатора и нѣсколькихъ словъ въ отвѣтъ отъ князя Борятинскаго.

„Это просто меня взорвало! Ну не въ правѣ ли Европейцы называть насъ невѣжами, дикими варварами, безмолвными илотами, которые не смѣютъ рта разинуть и поютъ только по полученнымъ нотамъ, разумѣется фальшиво? Какъ, событіе подобное покоренію Кавказа, событіе не только Европейское но всемірное, отпраздновать одною кулебякою и, обтирая усы, удовольствоваться восклицаніемъ: „Ай да Порфирій, отличился! Тѣмъ и покончить балъ! Гдѣ-же? Въ Москвѣ, на которую смотритъ вся Россія и вся Европа. Вотъ и вспомнишь Наполеона, grattez le Russe, et vous trouverez le Tartare“ *).

*) Поскоблите русскаго, и окажется татаринъ.

„Такія встрѣчи, въ такихъ обстоятельствахъ, случаются въ жизни городовъ вѣками. Что̀ значитъ Кавказъ? Понимаете-ли вы, господа предводители, засѣдатели, депутаты и учредители, что̀ значитъ Кавказъ и его отношенія къ Россіи, къ Европѣ къ Азіи, къ Исторіи? Позабыли вы, чего онъ стоитъ намъ въ продолженіе пятидесятилѣтней борьбы, и сколько Русской крови пролито на его вершинахъ? Не знаете вы, чѣмъ можетъ сдѣлаться Кавказъ въ рукахъ умнаго, смѣлаго Правительства! Какой прекрасный случай помянуть добромъ нашего славнаго старца, съ львиной головою, съ соколиными глазами, съ бѣлыми волосами, что началъ при малыхъ средствахъ покореніе Кавказа, а прежде подъ Кульмомъ остановилъ побѣдное шествіе Наполеоново. Какой великолѣпный случай послать Русскую, Пушкинскую здравицу лорду Пальмерстону и Людовику-Наполеону, которые, разыгравъ съ нами недавно печальную траги-комедію, такъ хозяйственно распоряжаются теперь въ Европѣ! Когда сказаться лучше народному чувству, гдѣ выразиться пріятнѣе сознанію гражданскаго достоинства, какъ не на подобномъ праздникѣ? Вѣдь вѣрно, человѣкъ двадцать принимало участіе въ устройствѣ обѣда, и не нашлось между ними ни одного, чей взоръ простирался-бъ дальше кухни съ плитою и чье воображеніе представляло-бъ что-нибудь кромѣ погреба съ бутылками. *Быть въ бѣлыхъ галстукахъ*—вотъ единственный актъ премудрыхъ конгрессовъ, отпечатанный на билетахъ. Отъ кого же пошло такое превысочайшее повелѣніе? Отъ самихъ себя къ самимъ себѣ. Ну чтоже, Татары мы отъ головы до пятокъ, или нѣтъ? Если мы не получаемъ приказанія какого-нибудь, отъ когонибудь, объ чемъ нибудь, мы несчастны, не знаемъ что дѣлать со своими руками и ногами и начинаемъ приказывать сами себѣ, стараясь выразиться какъ можно погрубѣе, подиче.

„Впрочемъ, слышится оправданіе постыднаго безмолвія: князь Барятинскій застѣнчивъ и просилъ, чтобъ рѣчей не было. Князь Барятинскій не былъ застѣнчивъ подъ Гунибомъ,

Гергебилемъ и Дарго: вотъ главное; а если онъ застѣнчивъ въ гостиной и пріемной, тѣмъ лучше; это новое достоинство и всякое его смущеніе, замѣшательство предъ мирными гражданами произвело бы только лишнее ощущеніе въ его пользу. Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ: на Кавказѣ князь Борятинскій хозяинъ, а въ Москвѣ хозяева мы, обыватели, и принять его дома, на своемъ обѣдѣ, имѣемъ полное право какъ хотимъ, а не какъ укажетъ онъ, или другой кто бы то ни былъ. Одно свободное слово, искреннее чувство даетъ жизнь празднику, а указанная форма сообщаетъ ему запахъ мертвечины; обѣдъ по формѣ гроша не стоитъ хотя бы и заплаченъ тысячами.

„Досада меня взяла, когда я услышалъ, что прекрасный случай пропалъ даромъ и ограничился казенными фразами; я заперъ двери у себя въ кабинетѣ, взялъ набросанную третьяго дня ночью страничку и пошелъ ходить по комнатѣ и декламировать, размахивая руками.

„Я декламировалъ, ходя по комнатѣ, смѣялся, бранился, сердился, и слезы показывались у меня на глазахъ. *Лесть, ложь!* Какъ вытянулись бы нѣкоторыя фигуры на обѣдѣ, услышавъ эти страшныя слова. Чортъ его возьми,—подумали бы они,—что онъ тутъ еще напутаетъ и зачѣмъ пустили его говорить! *Шербургъ, Севастополь*, это что еще такое, заворчали-бъ записные дипломаты, политики и публицисты? Онъ можетъ, легкомысленными выходками, поставить Правительство въ фальшивое положеніе! Что скажутъ лордъ Руссель, лордъ Ландгурстъ и лордъ Стратфордъ-Редклифъ, Гербертъ, да всѣ Англичане? Что напишетъ графъ Рехбергъ, господинъ фонъ Пфортенъ, господинъ фонъ Бейстъ? Что подумаютъ на томъ свѣтѣ Шварценбергъ, Канингъ, Таллейранъ, а Меттернихъ-то, Меттернихъ-то! Онъ вѣдь недавно еще умеръ! Что сдѣлаетъ Луи-Наполеонъ? Я увѣренъ, что нѣкоторые квартальные аматеры дернули бы меня за полу, среди моей рѣчи. Несмысленные! Чего вы боитесь? Честный человѣкъ можетъ вездѣ говорить и думать, какъ хочетъ, и

за него не отвѣчаетъ никакое общество, никакое Правительство. *Эльборуса* взорвать нельзя; неужели это не весело вамъ слышать? До *Гималайскихъ горъ намъ рукой подать*—неужели это не производитъ въ васъ пріятнаго ощущенія? Или мы всѣ уже такъ одеревенѣли, окоченѣли, опошлѣли, что насъ не прошибешь ничѣмъ кромѣ Армстронговыхъ пушекъ! Нѣтъ, такой языкъ пользу, а не вредъ принесетъ намъ въ общемъ Европейскомъ мнѣніи, и Правительству дастъ въ руки лишнее оружіе, которое оно можетъ употребить по усмотрѣнію. Англичане, Американцы видятъ наши средства, наши выгоды, и печатаютъ, не обинуясь, свои опасенія, а мы трепещемъ передъ собственною тѣнью и боимся собственной силы!

„Посылаю вамъ, друзья мои, свою декламацію, какъ pièce justificative; разумѣется она далеко не отвѣчаетъ моему замышленію; но возьмите въ расчетъ, что я говорилъ ее заднимъ, такъ сказать, числомъ, говорилъ одинъ, натощакъ, а не въ обществѣ, за бокаломъ вина, ободряемый вниманіемъ, одушевляемый сочувствіемъ“ [84]).

Вотъ эта рѣчь, которую Погодинъ надѣялся произнести за обѣдомъ:

„Москва привѣтствуетъ васъ, фельдмаршалъ! Мы здѣсь любимъ говорить искренно и просто, да и стыдно-бъ было лгать или льстить въ наше многозначительное и многознаменательное время: лесть и ложь причинили намъ уже много вреда. Послѣдняя Турецкая война, не смотря на многіе блистательные подвиги, нанесла глубокія раны Русскому сердцу: намъ тяжело подумать, что Черноморскія наши крѣпости лежатъ въ развалинахъ, и не могутъ подняться, между тѣмъ какъ Шербургъ, Портсмутъ, Гибралтаръ, укрѣпляются свободно и безпрепятственно, не давая никому отчета; намъ прискорбно вспомнить, что славный стихъ Пушкина объ Измаильскомъ штыкѣ лишился для насъ смысла. Вамъ, фельдмаршалъ, Русскій Богъ поручилъ разсѣять сколько-нибудь нашу грусть, утѣшить ропщущія тѣни Суворова, Румянцова, Потемкина, Кутузова. Покореніе Кавказа, довершаемое

вами, услаждаетъ насъ мыслiю, въ нашемъ безвременьѣ, что если Севастополь взорванъ на воздухъ, то подъ Ельборусъ, по крайней мѣрѣ, ни Англичане, ни Французы, не подкопаются, и если мы отброшены отъ родного намъ Дуная, то между Каспiйскимъ и Аральскимъ морями съ ихъ притоками до подошвы Гималайскихъ горъ, не залѣзетъ уже никто, и господства надъ Средней Азiей, принадлежащей намъ физически, географически, мимо политики и дипломатiи, отнять у насъ, никакими кознями, никакими ошибками, нельзя, будь только на то наша воля. Я знаю, что этими словами возбужу толки, но это мое частное мнѣнiе; я не принадлежу къ Правительству ни въ какомъ отношенiи, я говорю, какъ Русскiй человѣкъ, на гражданскомъ праздникѣ, въ Благородномъ Московскомъ Собранiи, предъ портретами Екатерины, Александра и самого Николая, — и я увѣренъ, что многiе изъ присутствующихъ раздѣляютъ мои убѣжденiя. Пусть Европа узнаѣтъ чаще, что Русскiе люди достаточно созрѣли до сужденiя о разныхъ своихъ отношенiяхъ. Мы уже не дѣти; намъ скоро минетъ тысяча лѣтъ; Богъ народилъ насъ 70 миллiоновъ, да земли намъ пожаловалъ на 700; пора ужъ смѣть свое сужденiе имѣть. Мы благодаримъ васъ, фельдмаршалъ, за всѣ ваши славные труды и подвиги; мы поздравляемъ васъ съ вашимъ блистательнымъ успѣхомъ; мы желаемъ, чтобъ въ мирѣ вы были также счастливы, какъ на войнѣ: чтобъ успокоенный Кавказъ сдѣлался неприступной Русской крѣпостiю, твердою точкой опоры, и вмѣстѣ вознаградилъ Россiю за всѣ тѣ жертвы, кои принесла она для его покоренiя.

„Мм. Гг.! Здоровье дорогаго нашего фельдмаршала князя Александра Ивановича Борятинскаго“ [85])!

XXVIII.

Проводивъ князя А. И. Борятинскаго въ Тифлисъ, возвратимся къ *трудной повѣсти* объ освобожденіи крестьянъ.

Пріѣхавшій изъ Москвы (6 января 1860 г.), Россетъ сообщалъ В. А. Муханову, что тамъ менѣе толкуютъ объ эмансипаціи и болѣе спокойствія чѣмъ въ Петербургѣ. Онъ видѣлъ Хомякова, Кошелева и Аксакова, которые хладнокровно разсуждали о дѣлѣ. Здѣсь, напротивъ, много раздражительности и страсти. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Ланской говоритъ, что, „по извѣстіямъ, получаемымъ изъ губерній, расположеніе умовъ стало мирнѣе" [86]). Тогда какъ въ *Дневникѣ* Валуева (14 января 1860) мы читаемъ: „Вечеромъ заѣзжалъ къ Гернгроссу. Видѣлъ у него Рачинскаго, только что возвратившагося изъ Москвы. Онъ говоритъ, что тамъ расположеніе умовъ ультра-красное, въ смыслѣ оппозиціи Правительству, и что вообще ожидаютъ катастрофы въ теченіе года. Однако по этому предмету еще отзываются въ шутливомъ тонѣ. Bientôt il n'y aura plus que des égorgeurs et des égorgés,—говоритъ Н. В. Сушковъ,—et je serai des premiers.— Comment cela? mais ce serait être assassin! Oui. Mais si l'un est assassinat, l'autre est suicide. Or après l'un il y a encore moyen de faire pénitence, ce qui est impossible après l'autre" [87]).

„Въ послѣднее время,—свидѣтельствуетъ В. А. Мухановъ (6 января 1860),—крестьянскій вопросъ, по тому направленію, которое онъ принималъ въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ, подавалъ поводъ къ безпокойствамъ. Государь, недовольный дворянствомъ, желалъ надѣлъ земли сдѣлать такой, чтобы по значительности своей, онъ приносилъ выгоды крестьянину и убытокъ помѣщику. Люди благонамѣренные, особенно князь Борятинскій, къ счастью, кажется, успѣли измѣнить по сему предмету образъ мыслей государя, который многое приказалъ передѣлать уже въ самой Редакціонной Коммиссіи и говорилъ о томъ князю Орлову" [88]).

Между тѣмъ, самъ Ростовцовъ съ каждымъ днемъ, можно сказать, угасалъ и наступали его страдальческіе дни.

5 января 1860 г., сдѣлана была первая операція, которую онъ выдержалъ съ большимъ мужествомъ; но послѣ того, какъ бы чувствуя, что дни его сочтены, онъ просилъ докторовъ, если положеніе его вовсе безнадежно, объявить ему о томъ заранѣе, чтобъ онъ, прежде чѣмъ потеряетъ сознаніе, имѣлъ еще время переговорить съ государемъ, предъ своей кончиной. Желаніе же государя было, чтобъ больной, который уже видимо былъ не въ состояніи продолжать начатое дѣло, назвалъ бы самъ достойнаго себѣ преемника; но изъ опасенія напоминаніемъ о томъ огорчить или испугать больного, государь даже не намекалъ ему объ этомъ. Такимъ образомъ, Ростовцовъ и не указалъ до конца, на комъ могло бы остановиться его избраніе".

Передъ засѣданіемъ общаго присутствія, 7 января 1860 года, Н. П. Семеновъ заходилъ въ квартиру Ростовцова, и тамъ узналъ, что состояніе его здоровья ухудшилось, и что близкіе его провели ночь съ 6 на 7 января у постели больного въ тревогѣ. П. П. Семеновъ сообщилъ, что онъ и сынъ Ростовцова, Михаилъ Яковлевичъ, приняли рѣшительныя мѣры, и велѣли отказывать всѣмъ пріѣзжавшимъ навѣстить его. Н. П. Семеновъ узналъ, что братъ его самъ избѣгаетъ входить къ Ростовцову, чтобъ своимъ присутствіемъ не напоминать ему о крестьянскомъ дѣлѣ.

Въ засѣданіи общаго присутствія, 18 января 1860 года, П. П. Семеновъ пришелъ „очень разстроенный". — Болѣзнь Ростовцова (карбункулъ) приняла дурной оборотъ. По признанію врачей, наступило опасное положеніе".

Государь очень часто посѣщалъ умирающаго Ростовцова. При своемъ посѣщеніи 29 января, государь вышелъ изъ комнаты Ростовцова обрадованный тѣмъ, что больному сдѣлалось лучше. Но это продолжалось недолго: черезъ день опять стало хуже. Въ тѣ дни, когда больной чувствовалъ себя бодрѣе, онъ принималъ посѣтителей.... Членовъ Редакціонныхъ Коммиссій

онъ всегда готовъ былъ видѣть.... Въ это время особенную его заботу составляла записка, въ которой онъ желалъ представить государю о всѣхъ заключеніяхъ, постановленныхъ тогда Коммиссіями по крестьянскому дѣлу, и передать государю письменно свои завѣтныя мысли. Еще въ срединѣ декабря 1859 года, Ростовцовъ продиктовалъ своему секретарю, Ѳ. П. Еленеву, программу этой записки, а затѣмъ, не чувствуя уже себя въ силахъ редактировать ее, поручилъ ея составленіе П. П. Семенову, говоря ему: „Нашъ проектъ разбросанъ въ нѣсколькихъ томахъ, которые прочесть трудно; во второмъ періодѣ онъ еще развился и измѣнился. Я желаю представить государю полное, ясное, но сжатое изложеніе всей сущности нашихъ трудовъ... Это будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мое profession de foi. Еслибы государь соизволилъ разрѣшить напечатать эту записку, то ее прочли бы всѣ члены Главнаго Комитета и Государственнаго Совѣта. Можетъ быть, предъ истиною падутъ многія предубѣжденія и несправедливыя нападки. Если я умру теперь, то умру съ спокойною совѣстью: мы честно исполнили долгъ свой предъ государемъ... Въ твердости государя я увѣренъ, а Богъ, Россіи и святаго дѣла не оставитъ". Въ другой разъ онъ говорилъ П. П. Семенову: „Бога ради, торопитесь съ запиской; я долженъ ее пересмотрѣть и исправить, пока въ силахъ. Можетъ быть, придетъ и такое время, когда я буду въ безпамятствѣ". Записка была доставлена ему частями только около 4 января; онъ самъ диктовалъ небольшія въ ней измѣненія и вставки. Около 10 января записка была совсѣмъ готова. Ростовцовъ началъ читать ее, сдѣлалъ нѣсколько поправокъ карандашемъ, но продолжать не могъ. Онъ говорилъ: „Я успѣю еще прочесть записку, когда голова моя будетъ свѣжѣе". 26 января Ростовцовъ призвалъ къ себѣ секретаря Ѳ. П. Еленева и приказалъ ему читать записку у своей постели. Слушая чтеніе, отъ начала до конца, онъ дѣлалъ дополненія и поправки едва внятнымъ голосомъ... Ночь затѣмъ Ростовцовъ провелъ хорошо и на другой день казался бодрѣе. 29 января, онъ пожелалъ видѣть князя В. А. Черкас-

скаго, и приказалъ непремѣнно принять его. Боясь сдѣлать вредъ больному, близкіе его отклонили посѣщеніе князя Черкасскаго....

1 февраля 1860 года, утромъ, состоялось однако свиданіе князя В. А. Черкасскаго съ умирающимъ Ростовцовымъ. Въ этотъ день Ростовцовъ настойчиво приказалъ послать за княземъ Черкасскимъ. Когда послѣдній и П. П. Семеновъ вошли къ нему, онъ сказалъ: „Вотъ цѣлый мѣсяцъ, князь, какъ я не видалъ васъ, по возвращеніи вашемъ изъ Москвы. Въ это время я былъ безъ силъ. Теперь чувствую силы, и долженъ поговорить съ вами“. Затѣмъ онъ повелъ бесѣду о работахъ Коммиссій, сначала шопотомъ, потомъ внятно; онъ спрашивалъ: „Увѣрены ли вы также, какъ я, что обязательный выкупъ для Правительства невозможенъ? Увѣрены ли вы, также, какъ я, что срочно-обязанныя отношенія, при всѣхъ ихъ неудобствахъ, неизбѣжны“? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сказалъ: „Въ такомъ случаѣ, мы сдѣлали все, что могли только сдѣлать; совѣсть моя спокойна. Силы мои слабѣютъ, но одинъ только саванъ можетъ отдѣлить меня отъ крестьянскаго вопроса“. Узнавъ, что князь Черкасскій не читалъ еще его записки, Ростовцовъ предложилъ ему прочесть ее громко. Князь просилъ позволенія взять ее съ собою или прочесть ее про себя, въ другомъ углу комнаты, но Ростовцовъ настаивалъ. Началось чтеніе и продолжалось до пріѣзда государя. Чтеніе продолжалось еще четверть часа послѣ отъѣзда государя. Ростовцовъ поручилъ князю Черкасскому сдѣлать съ его словъ нѣсколько окончательныхъ исправленій и вставокъ и приказалъ П. П. Семенову имѣть послѣ того записку наготовѣ [89]).

Между тѣмъ, одинъ помѣщикъ по фамиліи Шемякинъ (3 февраля 1860), писалъ Погодину: „Недавно окончились здѣсь дворянскіе выборы. Дворянство надумало поднести адресъ государю, гдѣ смиренно высказываетъ ту мысль, что крестьяне, освободясь отъ вліянія помѣщиковъ, все же не уйдутъ отъ золъ крѣпостнаго права: они будутъ находиться

въ ежевыхъ рукахъ многочисленныхъ бюрократовъ... Желаю, чтобы эту мысль подсказало имъ не оскорбленное самолюбіе, а безкорыстное желаніе добра нашему бѣдному земледѣльческому классу" [90]).

XXIX.

3-го февраля 1860 года, врачи объявили Ростовцову смертный приговоръ. Родные его, желая подготовить умирающаго къ напутствію Св. Тайнами, обратились къ протоіерею Іоанну Васильевичу Рождественскому, который посѣтилъ больного 4 февраля. Послѣ полудня, Ростовцовъ исповѣдовался и причащался у духовника своего, священника 1-го Кадетскаго Корпуса Николая Ѳедоровича Бенедиктова, причемъ Ростовцовъ сказалъ духовнику своему: „Извините, что я больше бесѣдую съ Иваномъ Васильевичемъ, чѣмъ съ вами, тутъ дѣло нашей старинной дружбы".

Послѣ причастія, Ростовцовъ сказалъ О. Рождественскому: „Я не жилецъ, но мой часъ еще не пришелъ и борьбы много будетъ".... При посѣщеніи государя, въ этотъ день, больной былъ въ бреду. Государь это замѣтилъ и вышелъ отъ него встревоженный. Въ этотъ же день вечеромъ, по просьбѣ родныхъ, о. Рождественскій спросилъ Ростовцова, не хочетъ ли онъ переговорить съ государемъ. Ростовцовъ отвѣчалъ: „Прежде надо обдумать и приготовиться". На другой день, 5 февраля, утромъ, Ростовцовъ опять озаботился запиской и хотѣлъ подписать ее, но былъ уже не въ состояніи. У вошедшаго къ нему В. Н. Семенова, больной спросилъ: „Читалъ ли ты записку, и какъ ты ее находишь"? В. Н. Семеновъ *) отвѣчалъ: „Вполнѣ ясною и успокоительною".—Такъ по твоему убѣжденію записка произведетъ хорошее впечатлѣніе? В. Н. Семеновъ успокоилъ боль-

*) Онъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ І. И. Ростовцова, Александрѣ Ивановнѣ Уваровой. Бумаги же В. Н. Семенова, хранятся у его внука, Петра Николаевича Семенова, сына автора *Освобожденія крестьянъ въ царствованіе императора Александра II-го. Н. Б.*

ного словами. „Да, я въ этомъ увѣренъ“. Тогда Ростовцовъ сказалъ:—Спасибо тебѣ, мой другъ, Богъ тебя благословитъ, прощай, я хочу уснуть.

Между тѣмъ, въ ожиданіи государя, Ростовцовъ велѣлъ положить записку къ себѣ на стулъ, у изголовья постели. Около 4-хъ часовъ по-полудни, пріѣхалъ государь. Онъ одинъ вошелъ въ кабинетъ Ростовцова и выходя оттуда объявилъ, что больной говорилъ ему: „Я не знаю, зачѣмъ подняли всю тревогу, я причастился оттого, что Рождественскій этого желалъ“. Государь прибавилъ, что „больной говорилъ еще о запискѣ“. При этомъ государь изволилъ сказать еще: „Я нахожу его голосъ крѣпче и бреду нѣтъ“. Послѣ отъѣзда государя Ростовцовъ еще разъ повторилъ П. П. Семенову свою волю о представленіи имъ, въ случаѣ кончины его, Ростовцова, записки государю....

Затѣмъ наступило начало конца. В. Н. Семеновъ сидѣлъ у изголовья постели и расслышалъ произнесенныя умирающимъ слова: „Какое было ужасное засѣданіе“!.... Въ этомъ бреду онъ произносилъ еще нѣсколько разъ явственно: *Государь, не бойтесь* [91])!

Въ Дневникѣ В. А. Муханова, подъ 3 февраля 1860 года, читаемъ: „Узнаю, что Ростовцовъ очень плохъ. Кровь его портится, и врачи приговорили его къ смерти. Онъ умираетъ подъ бременемъ ноши, которая была ему не по силамъ. Представляется удобный случай дѣло поправить, назначивъ на его мѣсто человѣка опытнаго и способнаго. Называли Карла Ламберта и Валуева,—людей дѣльныхъ, изъ коихъ послѣдній не по вкусу принадлежащимъ къ крайней партіи либераламъ. Впрочемъ, кажется, останется предсѣдателемъ Коммиссій Булгаковъ,—человѣкъ умный, но безъ убѣжденій и который будетъ дѣйствовать, какъ повѣетъ вѣтеръ“ [92]).

Въ 11-ть часовъ вечера, посланъ былъ адъютантъ Ростовцова Прутченко доложить государю, что больной безъ всякой надежды. Въ 3 часа по-полуночи, государь прислалъ узнать отъ доктора Обломіевскаго, въ какомъ положеніи находится

больной. Отвѣтъ былъ данъ, что онъ едва-ли проживетъ до утра.

Между тѣмъ, послали за священникомъ, читать отходную, которая была прочтена около 3-хъ часовъ по-полуночи священникомъ Николаемъ Бенедиктовымъ. При поднесеніи свѣчи къ глазамъ больнаго, казалось, что зрѣніе его утратилось.

Въ 4 утра, въ комнату умирающаго вошелъ государь. Приблизившись къ постели, государь взялъ больнаго за руку и ему казалось, что онъ почувствовалъ легкое рукопожатіе. Скрестивъ руки на груди, государь стоялъ около четверти часа у постели, внимательно прислушиваясь къ дыханію умирающаго, который снова, едва слышнымъ голосомъ произнесъ слова: *Государь не бойтесь!* Государь придвинулъ стулъ и сѣлъ. Затѣмъ, едва внятнымъ голосомъ были произнесены еще слова: *Я умираю. Господи, да будетъ воля Твоя!* Государь всталъ, началъ молиться и заплакалъ [93]).

Въ *Дневникѣ* В. А. Муханова, подъ 6 февраля 1860 г., читаемъ: „Возвратившись, въ 3 часа по-полуночи, съ бала, государь узналъ, что Ростовцовъ умираетъ. Онъ переодѣлся и тотчасъ отправился къ больному, который былъ при послѣднемъ издыханіи. Въ 7 часовъ онъ скончался. Государь, чрезвычайно огорченный, много плакалъ. Отмѣнилъ балъ, назначенный при Дворѣ. Разсказываютъ, что въ бреду покойный произнесъ слѣдующія слова: „Не бойся, государь". Врачу своему онъ объявилъ, что онъ его не вылечитъ, такъ какъ болѣзнь его происходитъ отъ причины нравственной. Ростовцовъ былъ превосходный мужъ, превосходный отецъ и начальникъ. Упорнымъ трудомъ онъ восполнилъ недостатокъ своего образованія. Полный усердія и преданности къ службѣ своего государя, онъ былъ проникнутъ мыслію довести къ доброму концу довѣренное ему дѣло и горячо имъ занимался. Большая его ошибка состояла въ томъ, что онъ окружилъ себя людьми, которые были выразителями мнѣнія большинства; они его пересилили, и онъ сдѣлался игрушкою или скорѣе слѣпымъ орудіемъ ихъ мнѣній" [94]).

11*

XXX.

Черезъ шесть часовъ послѣ кончины Ростовцова, въ 11 утра, 6 февраля 1860 года, была представлена государю П. П. Семеновымъ предсмертная записка Ростовцова.

Н. П. Семеновъ сохранилъ для Исторіи достопамятную бесѣду государя съ его братомъ:

Государь принялъ Петра Семенова очень милостиво и сказалъ ему: „Я съ нетерпѣніемъ ждалъ тебя".

Петръ Семеновъ доложилъ, что хотя онъ не ложился всю ночь, но не могъ поспѣть ранѣе, потому что составлялъ краткое изложеніе, объясняющее то значеніе, которое придавалъ Ростовцовъ своей запискѣ.

Государь прочелъ внимательно это изложеніе и сказалъ: „Бѣдный нашъ Яковъ Ивановичъ! Изъ разговоровъ съ нимъ я знаю, что въ своей запискѣ онъ оставилъ намъ, какъ бы завѣщаніе, которое будетъ для насъ священно. Одно только меня тревожитъ и не даетъ мнѣ покоя—это именно вопросъ о преемникѣ Якову Ивановичу... Не говорилъ ли онъ что-нибудь съ тобою объ этомъ предметѣ, не назначилъ ли онъ себѣ преемника"?

Петръ Семеновъ отвѣчалъ: Яковъ Ивановичъ много и много разъ говорилъ со мною объ этомъ, перебиралъ въ умѣ своемъ едва-ли не всѣхъ безъ исключенія лицъ, которыя, по своему положенію, могли бы предсѣдательствовать въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ, но я долженъ сказать, по совѣсти, что выборъ его ни на комъ не остановился.

Государь: „Я это знаю, потому что покойный, при всякомъ моемъ посѣщеніи, говорилъ со мною о крестьянскомъ дѣлѣ и о томъ, что̀ можетъ случиться послѣ его кончины, но никогда не указывалъ на преемника себѣ"...

Петръ Семеновъ отвѣтилъ на вызовъ государя полнымъ и откровеннымъ изложеніемъ всего того, что Ростовцовъ сообщалъ ему въ частныхъ по этому предмету разговорахъ. По

свидѣтельству Петра Семенова, Ростовцовъ считалъ изъ лицъ высокопоставленныхъ наиболѣе способными дѣйствовать на пользу крестьянскаго дѣла: великаго князя Константина Николаевича, графа П. Д. Киселева, С. С. Ланскаго, К. В. Чевкина, графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго и наконецъ, большую часть членовъ Редакціонныхъ Коммиссій. Однако же, по мнѣнію Ростовцова, великій князь, отъ котораго Ростовцовъ ожидалъ, что онъ сослужитъ великую службу Россіи, въ качествѣ предсѣдателя Главнаго Комитета, не могъ быть назначенъ предсѣдателемъ Коммиссій, потому что, еслибъ былъ поставленъ на такой постъ, могъ бы подвергнуться, какъ это испыталъ и самъ Ростовцовъ, недоброжелательству и даже ненависти противниковъ освобожденія крестьянъ, чему никакъ не слѣдовало подвергать кого либо изъ членовъ императорскаго дома. Графъ Киселевъ, по мнѣнію Ростовцова, при своемъ высокомъ государственномъ умѣ, былъ ужъ слишкомъ старъ. Благородный и горячо сочувствовавшій дѣлу С. С. Ланской, по мнѣнію Ростовцова, былъ, при своей добротѣ, нѣсколько слабъ характеромъ. Другъ и товарищъ Ростовцова— К. В. Чевкинъ, по мнѣнію Ростовцова, запутался бы въ мелочахъ и невольно бы затормозилъ его окончаніе. Другой товарищъ Ростовцова,—графъ Амурскій, при сильной и энергической волѣ, дѣйствовалъ бы слишкомъ страстно и возбудилъ бы противъ себя такую оппозицію, съ которой никогда не могъ бы справиться, дѣйствуя, по выраженію Ростовцова, какъ фейерверкъ, а не какъ свѣтило.

Изъ лицъ, занимавшихъ тогда высшее положеніе въ государствѣ, мало сочувствовавшими освобожденію крестьянъ съ землею, Ростовцовъ считалъ: князя П. П. Гагарина, М. Н. Муравьева, графа С. Г. Строганова и графа В. Н. Панина, и, конечно, потому самому не думалъ о нихъ, какъ о своихъ преемникахъ. Относительно князя Гагарина и Муравьева— Ростовцовъ былъ увѣренъ, что они будутъ самыми настойчивыми противниками проекта Положеній Редакціонныхъ Коммиссій въ Главномъ Комитетѣ и Государственномъ Совѣтѣ.

Государь замѣтилъ, что „относительно М. Н. Муравьева взглядъ Ростовцова былъ ему хорошо извѣстенъ, и что онъ и не думалъ сдѣлать изъ Муравьева преемника Ростовцова“.

За тѣмъ, *Петръ Семеновъ* доложилъ, что совершенно въ иномъ отношеніи къ крестьянскому дѣлу, по мнѣнію Ростовцова, находились графъ С. Г. Строгановъ и графъ В. Н. Панинъ, землевладѣльцы крупные, великодушные, неимѣющіе никакихъ личныхъ, мелкихъ и тѣмъ болѣе корыстныхъ интересовъ въ этомъ дѣлѣ, готовые лично нести всякія матеріальныя жертвы для блага Отечества. Ростовцовъ былъ увѣренъ, что графъ Строгановъ никогда не будетъ энергическимъ оппонентомъ проекта Редакціонныхъ Коммиссій, что онъ даже ему сочувствуетъ въ общихъ чертахъ, расходясь лишь въ нѣкоторыхъ, весьма важныхъ, однако, вопросахъ о способѣ надѣленія крестьянъ землею и о вотчинной полиціи. Что же касается до графа Панина, то Ростовцовъ выражалъ убѣжденіе, что его отношеніе къ крестьянскому дѣлу будетъ вполнѣ зависѣть отъ выраженнаго ему лично желанія государя, что онъ, при прохожденіи дѣла въ Главномъ Комитетѣ, будетъ дѣйствовать исключительно согласно волѣ государя, и что главное препятствіе въ назначеніи его предсѣдателемъ Коммиссій, по мнѣнію Ростовцова, заключалось въ полнѣйшей его непрактичности, совершенномъ незнакомствѣ съ бытомъ народа и въ странностяхъ его характера, дѣлающихъ личныя къ нему отношенія его сотрудниковъ почти невозможными; но что въ Главномъ Комитетѣ никакой оппозиціи отъ него ожидать нельзя въ дѣлѣ, рѣшеніе котораго указано государемъ, волю котораго, по глубоко усвоенному имъ принципу, ставитъ выше всякихъ своихъ соображеній. Что же касается до членовъ Редакціонныхъ Коммиссій, то Ростовцовъ сознавалъ, что въ средѣ ихъ были люди, обладающіе умомъ государственнымъ, но онъ считалъ невозможнымъ назначеніе кого либо изъ членовъ Коммиссій предсѣдателемъ въ нихъ... Во всякомъ случаѣ, Ростовцовъ считалъ менѣе всего возможнымъ оставлять Коммиссіи на долгое время подъ предсѣдательствомъ,

замѣнявшаго его, со времени болѣзни, статсъ-секретаря Булгакова.

Государь отвѣтилъ на это, что „о послѣднемъ онъ и не думаетъ, но что относительно выбора преемника Якову Ивановичу онъ находится пока еще въ томъ же недоумѣніи, какъ и при началѣ разговора и проведетъ много безсонныхъ ночей, придумывая какую нибудь удовлетворительную комбинацію, для замѣщенія покойнаго“.

На это *Петръ Семеновъ* сказалъ государю: Ваше величество, позвольте мнѣ теперь высказать и мое личное мнѣніе по этому дѣлу. И на милостивое приглашеніе государя, отвѣтилъ: Мнѣ кажется, что ваше величество напрасно такъ тревожитесь вопросомъ о назначеніи преемника Якову Ивановичу. Вполнѣ удовлетворительнаго предсѣдателя Коммиссій, т.-е. такого, какимъ былъ Ростовцовъ, найти невозможно. Но, къ счастію, изъ предсмертной записки Якова Ивановича ваше величество усмотрѣть соизволите, что дѣло, въ своихъ главныхъ чертахъ, вчернѣ уже совсѣмъ окончено, и сотрудники Ростовцова могутъ справиться съ окончаніемъ... Кто бы ни былъ преемникомъ Ростовцова, весь успѣхъ дѣла будетъ зависѣть не отъ его личности, а отъ отношенія къ дѣлу вашего императорскаго величества. Если вы, государь, покроете насъ своимъ щитомъ, то мы спокойно окончимъ крестьянское дѣло въ томъ же духѣ, въ которомъ оно велось при Яковѣ Ивановичѣ...

Государь принялъ слова Петра Семенова крайне благосклонно и отвѣтилъ на нихъ: „Я внимательно прочту записку нашего покойнаго друга, и подумаю о назначеніи предсѣдателя, а главное поговорю заранѣе съ тѣмъ, на кого падетъ мой выборъ, и поставлю ему условія назначенія. Тебя же прошу успокоить своихъ товарищей“. Государь обнялъ Петра Семенова и благодарилъ его за труды по крестьянскому дѣлу [95]).

Въ то самое время, когда государь велъ съ П. П. Семеновымъ эту бесѣду, министръ Внутреннихъ Дѣлъ имѣлъ совѣща-

дупредила его, чтобъ онъ ничего не дѣлалъ безъ воли государя. Вслѣдствіе того, Петръ Семеновъ доставилъ въ кабинетъ государя всеподданнѣйшу записку, въ которой испрашивалъ разрѣшенія препроводить копію съ предсмертной записки великому князю Константину Николаевичу. Докладная записка Петра Семенова въ тотъ же день была возвращена ему государемъ, съ соизволеніемъ сообщить копію великому князю Константину Николаевичу и другую—великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

На другой день, по кончинѣ Ростовцова, 7 февраля 1860 года, состоялось, подъ предсѣдательствомъ П. А. Булгакова, засѣданіе общаго присутствія. Оно, по свидѣтельству Н. П. Семенова, „прошло безъ оживленныхъ преній и тянулось вяло" [97]).

Погребеніе Ростовцова, состоялось 9 февраля 1860 года.

„Вотъ и билетъ на похороны Ростовцова,—записалъ Никитенко въ своемъ *Дневникѣ*:—Государь самъ закрылъ ему глаза. Онъ, говорятъ, изъявилъ скорбь свою тяжкими рыданіями. Этою смертію глубоко опечалены всѣ, кромѣ враговъ освобожденія крестьянъ. Конечно, это лучшее надгробное слово Ростовцову" [98]).

Въ 10-мъ утра, гробъ Ростовцова былъ вынесенъ изъ его квартиры государемъ, великими князьями и родными Ростовцова. Когда погребальная процессія тронулась, государь сѣлъ на коня и сопровождалъ шествіе до Николаевскаго моста. Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій Григорій шествовалъ во главѣ духовенства до Англійской набережной, гдѣ сѣлъ въ карету и отправился въ Невскую Лавру совершать литургію. Къ отпѣванію пріѣхалъ государь. Когда послѣднее цѣлованіе кончилось, государь самъ поднялъ гробъ, и несъ его съ великими князьями изъ церкви Св. Духа, до самой могилы въ Ѳедоровской церкви. Издержки на погребеніе, которыя простирались до 15-ти тысячь рублей сер., государь пожелалъ принять на свой счетъ [99]).

В. А. Мухановъ, въ своемъ Дневникѣ, замѣтилъ: „Госу-

дарь и великіе князья были на похоронахъ Ростовцова. Императоръ пріѣхалъ на выносъ и самъ несъ гробъ, чтó повторилось потомъ отъ церкви до могилы: очень понятное увлеченіе сердца, котораго многіе не одобряютъ, полагая, что подобныя дѣйствія роняютъ достоинство императорскаго сана. Можетъ быть, государь зналъ въ Ростовцовѣ добродѣтели, которыхъ не знали другіе и которыя утвердили его дружбу и привязанность къ почившему“ [100]).

XXXI.

Трогательная кончина Ростовцова примирила съ нимъ многихъ и произвела сильное впечатлѣніе въ Россіи.

Замѣчательно, что великая княгиня Елена Павловна, по свидѣтельству М. А. Милютиной, „только съ 1858 года, переломила въ себѣ многолѣтнее свое нерасположеніе къ Ростовцову. Съ минуты назначенія его въ предсѣдатели Редакціонныхъ Коммиссій, она стала употреблять всѣ силы своего очарованія, чтобы загладить прошедшее и отчасти успѣла въ этомъ. Ростовцовъ, который дотолѣ платилъ ей взаимнымъ нерасположеніемъ, по-немногу растаялъ и подъ конецъ хаживалъ повѣрять ей свои опасенія и сомнѣнія, жаловаться на трудность своего положенія“.

Съ своей стороны, Милютина замѣчаетъ, что „вліяніе Ростовцова никогда не было сильнѣе, какъ послѣ его смерти. Онъ умиралъ жертвою „святаго дѣла“; послѣдніе его дни были мужественнѣе всей жизни, они примирили съ нимъ даже враговъ его и не могли сильно не подѣйствовать на его державнаго друга. Спокойный и твердый передъ концомъ, прощаясь съ государемъ, онъ ободрялъ его продолжать начатое, и оставилъ ему записку, въ которой излагалъ уже сдѣланное, и завѣщалъ неуклонно слѣдовать дальнѣйшей программѣ Редакціонныхъ Коммиссій“ [101]).

„А. Ростовцова жаль, очень жаль“,—писалъ Кошелевъ Погодину [102]).

„Странная и, по моему мнѣнію,—писалъ Хомяковъ А. Ѳ Гильфердингу,—любопытная теперь эпоха у насъ. Подъ видом самыхъ пошлыхъ, незначительныхъ движеній, закладываютс начала самыхъ важныхъ и едва ли не міровыхъ явлені Говорить о нихъ съ видомъ важнымъ нельзя: все видим такъ мелко. Говорить о нихъ шутя, нелѣпо: подъ ними кроетс весьма и весьма много. Кому въ Европѣ нужно знать пр смерть Ростовцова? Хорошъ герой! А отъ этой смерти насту пилъ новый фазисъ въ вопросѣ, котораго разрѣшеніе отзо вется сильно не у насъ однихъ. По неволѣ зачешется в затылкѣ, когда объ этомъ подумаешь. Не знаю, какъ у вас въ Питерѣ, а здѣсь только и толку объ этомъ и, къ несча стію, злыя страсти сильно радуются. Спасибо Павлову: он въ *Нашемъ Времени* сказалъ объ этомъ нѣсколько добрых словъ“ [103]).

Н. Ф. Павловъ писалъ: „На дняхъ скончался въ Петер бургѣ генералъ-адъютантъ Ростовцовъ. Его поприще подвер галось разнаго рода нареканіямъ. Онъ стоялъ одиноко, н имѣлъ сильнаго родства, могущественныхъ связей и, слав Богу, не оставилъ по себѣ никого, кому писатель, съ низко пользой для себя, могъ бы угодить воспоминаньемъ о покой никѣ. Мы не принадлежимъ къ тѣмъ людямъ, которые на ходятъ нужнымъ рыться въ чужой совѣсти и объяснять всяк доброе дѣло корыстнымъ побужденіемъ. Горькая черта н вѣрующаго общества! Мы знаемъ, что Ростовцовъ горяч дѣйствовалъ для освобожденія крестьянъ съ надѣломъ землею и намъ довольно. Какія были его личныя цѣли, это не наш дѣло, этого доищется Богъ. Важно то, къ чему стремитс человѣкъ, а эгоизмъ одушевляетъ его или самоотверженіе— для общества все равно. Мы знаемъ, что предсѣдатель Ре дакціонныхъ Коммиссій окружилъ себя сотрудниками, которых указалъ ему говоръ, похожій на общественное мнѣніе. Он сдѣлалъ выборъ не по чинамъ, не по долговременной служб не по рекомендаціи. Это было нововведеніе, многознамен тельное и не безъ будущности. Онъ преслѣдовалъ осущес

вленіе великой идеи, не смотря, что тучи носились кругомъ и каждый шагъ его подвергался празднымъ сплетнямъ, злобнымъ толкованіямъ, порицанью, клеветѣ. Допустимъ, что онъ ошибался въ подробностяхъ, но намъ нужны люди, которые, хотя бы и ошибались, да твердо стояли за идею. Допустимъ, что, увлеченный подвигомъ, благимъ для другихъ, онъ не освободился вполнѣ отъ привычекъ той сферы, гдѣ призванъ былъ дѣйствовать; не отдѣлался отъ нравовъ, всосанныхъ съ молокомъ матери и, можетъ быть, съ излишней самонадѣянностью, думалъ, что тѣсный кружокъ вмѣщаетъ въ себѣ всю человѣческую премудрость, а потому не имѣетъ надобности прислушиваться къ другимъ рѣчамъ, давать просторъ всей пестротѣ интересовъ и убѣжденій, какъ бы ни были они или ни казались безсмысленны. Этой вины Исторія не возложитъ на память Ростовцова. Она изслѣдитъ стихіи, вошедшія въ его воспитаніе, разложитъ на составныя части воздухъ, которымъ онъ дышалъ, и не произнесетъ осужденія.

„До нея не дойдутъ толки салоновъ, ребяческіе доводы эгоизма, шушуканье толпы, злорѣчіе и злопамятность. По этимъ жалкимъ дрязгамъ Исторія пройдетъ съ пренебреженіемъ и забывчивостью, но она будетъ знать, что Ростовцовъ сошелъ въ могилу во время пламеннаго служенія лучшимъ надеждамъ его Отечества; что онъ умеръ и не выпустилъ изъ рукъ дорогаго знамени. Во имя той идеи, которой были подчинены всѣ послѣднія минуты его жизни, мы находимъ справедливымъ, съ этой точки зрѣнія, причислить его смерть къ разряду общественныхъ бѣдствій. Иногда одна черта свидѣтельствуетъ, что на днѣ человѣческаго сердца хранилась подъ спудомъ частица святыни. Хотя бы въ настоящее время милліоны голосовъ не были нашего мнѣнія, мы все-таки увѣрены, что въ послѣдствіи явятся, тоже во множествѣ, иные судьи, болѣе отрѣшенные отъ вліянія текущихъ событій, болѣе независимые и дай Богъ, чтобы потомство повторило имя Ростовцова не въ укоризну другимъ“ [104]).

По непонятнымъ цензурнымъ распоряженіямъ о Ростов-

цовѣ запрещено было нашимъ журналамъ распространяться. Погодинъ, посѣтивъ издателя *Отечественныхъ Записокъ* Краевскаго, замѣтилъ: „Краевскому грозитъ непріятность за статейку о Ростовцовѣ. Гробъ несъ государь, а доброе слово сказать не смѣй журналъ“.

Приведемъ здѣсь отрывокъ изъ письма къ Погодину одного изъ ближайшихъ людей къ Ростовцову въ послѣдній періодъ его жизни, Ѳ. П. Еленева, который мимоходомъ представляетъ драгоцѣнную черту, ярко рисующую нравственныя качества Ростовцова. Погодинъ хлопоталъ объ одномъ бѣдномъ семействѣ и съ этою цѣлью обратился къ Еленеву, который, въ своемъ отвѣтномъ письмѣ, между прочимъ писалъ: „За особенное для себя удовольствіе почелъ я хлопотать по дѣлу семейства Панке, какъ потому, что для меня всегда истинно пріятно сдѣлать вамъ угодное, такъ и по самому положенію этого семейства, къ которому нельзя не чувствовать участія. Подобные случаи должны быть близки сердцу всѣхъ насъ, имѣющихъ несчастіе служить въ казенной службѣ и неумѣющихъ обезпечивать себя на оной: рано или поздно и намъ угрожаетъ таже участь—остаться самимъ или оставить свое семейство безъ куска хлѣба. Я только сегодня получилъ отвѣтъ на послѣднюю мою попытку по этому дѣлу и отвѣтъ этотъ отнялъ всякую надежду на успѣхъ. Въ Штабѣ Военно-Учебныхъ Заведеній не могли ничего сдѣлать, чтобы дать новый оборотъ дѣлу о пенсіи, такъ какъ, оно вполнѣ зависитъ отъ Медицинскаго Департамента. Я попытался просить въ этомъ мѣстѣ, извѣстномъ впрочемъ своимъ нерасположеніемъ дѣлать добро человѣчеству: тамъ мнѣ сказали, что пенсія 140 р. назначена по закону и измѣнить этого назначенія нельзя. Не довѣряя такой безусловной невозможности, я отыскалъ путь къ Енохину, чрезъ одного близкаго къ нему и истинно добраго человѣка; сверхъ моего ожиданія и Енохинъ остался непреклоненъ, говоря также, что поступлено было по закону и болѣе сдѣлать ничего нельзя. Прискорбно и возмутительно, особенно когда видишь какъ десятки тысячь раздаются въ

гласныя и безгласныя пособія тѣмъ, у кого и безъ того изъ горла лѣзетъ. *Жаль, что это дѣло не было мнѣ извѣстно при жизни Ростовцова; надо отдать ему справедливость, что въ подобныхъ случаяхъ онъ былъ, не въ примѣръ прочимъ властителямъ, широкъ сердцемъ и не стѣснялся буквою безсмысленнаго закона.* Теперь не знаю, что̀ и посовѣтовать“ [105]).

Здѣсь кстати для характеристики Ростовцова замѣтить, что, по свидѣтельству Н. П. Семенова, Ростовцовъ „постоянно и съ самыхъ юныхъ лѣтъ находился въ военной службѣ. Онъ проходилъ ее по дорогѣ, имъ самимъ проложенной, и хотя, впослѣдствіи вошелъ въ столкновеніе съ служебною письменностію, тѣмъ не менѣе, онъ не успѣлъ усвоить себѣ бюрократическихъ ея пріемовъ. Онъ никогда не постигалъ той спеціальной красоты слога, тщательно отдѣланной министерской бумаги. Какъ въ рѣчахъ, такъ и въ запискахъ онъ сохранялъ самобытную оригинальность.... Онъ всегда обнаруживалъ отвращеніе къ форменности. Онъ понималъ *военную* форму, создаваемую дисциплиной; но не постигалъ ни *бюрократической* формальности, ни даже *юридической* формы или обрядности, а потому онъ и не обращалъ большого вниманія ни на ту, ни на другую“.

XXXII.

Послѣ кончины Ростовцова, свидѣтельствуетъ Н. П. Семеновъ, „въ столицѣ носились слухи, что государь предлагалъ занять мѣсто предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій графу С. Г. Строганову, который отклонилъ отъ себя это назначеніе; другіе говорили, что это мѣсто предлагалось К. В. Чевкину. Носилась и другая молва, что К. В. Чевкинъ, напротивъ, самъ домогался кресла предсѣдателя Коммиссій. Говорили также, что занять мѣсто Ростовцова очень сильно желалъ М. Н. Муравьевъ.... Ходили слухи и о назначеніи предсѣдателемъ Коммиссій С. С. Ланскаго. Разсказывали впослѣдствіи, что для него приготовлялъ пути Н. А. Милютинъ.

наконецъ, разнесся слухъ о назначенiи предсѣдателемъ графа В. Н. Панина. Этотъ слухъ произвелъ сильную тревогу между большинствомъ членовъ Коммиссiй и нѣкоторые изъ нихъ употребляли всѣ усилiя на то, чтобы провести кандидатуру графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго. Толки о назначенiи графа Панина начались съ той минуты, какъ въ городѣ стало извѣстно, что государь, наканунѣ похоронъ Ростовцова, призывалъ къ себѣ графа Панина — долго съ нимъ бесѣдовалъ. Личность графа Панина вслѣдствiе того заинтересовала всѣхъ и разговорамъ о немъ не было конца" [106]).

„Слухи подтверждаются",—писалъ Кошелевъ Погодину.— „Панинъ рѣшительно назначенъ и даже назначенъ *Топильскiй* дѣлопроизводителемъ Коммиссiй, на мѣсто Семенова. Это пишетъ Ю. Самаринъ изъ Петербурга. Ну! Каково! Это ужасно! Что̀ это значитъ? Питеръ въ восторгѣ: теперь де мы затормозимъ. Я въ ужасѣ отъ этого извѣстiя. Говѣю.... О Ростовцовѣ теперь написать необходимо, ибо этимъ можно безнаказанно хватить ловко Панина" [107]).

Подъ 11—15 февраля 1860 года, Никитенко записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Вечеромъ пришелъ Любощинскiй и сообщилъ мнѣ новость, что на мѣсто Ростовцова по крестьянскому дѣлу назначенъ графъ Панинъ. Это назначенiе поразило какъ громомъ всѣхъ друзей свободы и улучшенiй. Образъ мыслей графа Панина извѣстенъ. Какъ же онъ будетъ вести себя тамъ, гдѣ требуется именно все противное его прежнимъ понятiямъ и дѣянiямъ. Нельзя не признаться, что съ Ростовцовымъ погибло для насъ много прекраснаго. Это общее убѣжденiе.... Бѣдное Отечество! Такъ шатки всѣ благiя начинанiя въ тебѣ! Сто̀итъ сойти съ поприща одному человѣку, чтобы все опять отодвинулось назадъ" [108]).

Въ *Дневникѣ* В. А. Муханова, подъ 11 февраля 1860 года, мы читаемъ: „На мѣсто Ростовцова назначенъ графъ Панинъ... Выборъ человѣка, который считается однимъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ, представляетъ ручательство землевладѣльцамъ, что ихъ интересы будутъ соблюдены. Графъ Панинъ уменъ,

образованъ и даже ученъ. Прежде о немъ говорили, что онъ прекрасно излагаетъ дѣло, но приходитъ къ заключенію не всегда вѣрному. Съ нѣкотораго времени замѣчаютъ, что этотъ недостатокъ исчезъ" [109]).

Ѳ. М. Дмитріевъ, изъ Москвы писалъ Н. А. Милютину: „О васъ я слышу часто: ваше имя во всѣхъ устахъ, съ прибавкою всевозможныхъ выраженій ненависти со стороны коренныхъ Русскихъ помѣщиковъ. Нѣсколько времени тому назадъ, я, по силѣ этихъ выраженій, догадывался, что въ Петербургѣ дѣла идутъ хорошо и до-нельзя радовался. Но, кажется, теперь черныя тучи опять собираются, если правда, что Панина назначили на мѣсто Ростовцова" [110]).

„У великой княгини Елены Павловны,—повѣствуетъ В. А. Мухановъ,—былъ балъ великолѣпный. На балѣ были и маски, которыя болѣе или менѣе удачно мистифировали государя, великихъ князей и все общество. Одна маска обратилась съ слѣдующимъ къ генералу Тимашеву: „Назначеніе графа Панина меня очень разстроило, и я едва держусь на ногахъ, которыя трясутся; я—Муравьевъ" [111]).

Вслѣдствіе назначенія графа Панина предсѣдателемъ Редакціонныхъ Коммиссій личность его стала общезанимательною; а потому Н. П. Семеновъ, въ своемъ сочиненіи *Освобожденіе крестьянъ въ Россіи*, счелъ необходимымъ познакомить съ нею своихъ читателей. „Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ,—пишетъ Семеновъ,—былъ человѣкомъ выдающимся, во всѣхъ отношеніяхъ, изъ ряда обыкновенныхъ людей. Онъ былъ огромнаго роста, который какъ будто увеличивался еще отъ нестройности его фигуры (Онъ былъ сутуловатъ). Голосъ у него былъ—внушительный басъ. Рѣчь была плавная. Онъ обладалъ изумительнымъ и чарующимъ краснорѣчіемъ, именно: сжатостью выраженія, красотою слова, удачнымъ подборомъ эпитетовъ, сосредоточенностью мысли и ясностью того, о чемъ хотѣлъ говорить; такъ что, еслибъ стенографъ записывалъ его рѣчь, то, конечно, для печати не пришлось бы переставлять ни одного слова, тогда какъ его письменный

цовѣ запрещено было нашимъ журналамъ распространять
Погодинъ, посѣтивъ издателя *Отечественныхъ Записокъ* Кра
скаго, замѣтилъ: „Краевскому грозитъ непріятность за с
тейку о Ростовцовѣ. Гробъ несъ государь, а доброе сл
сказать не смѣй журналъ".

Приведемъ здѣсь отрывокъ изъ письма къ Погодину одн
изъ ближайшихъ людей къ Ростовцову въ послѣдній періо
его жизни, Ѳ. П. Еленева, который мимоходомъ представляе
драгоцѣнную черту, ярко рисующую нравственныя качес
Ростовцова. Погодинъ хлопоталъ объ одномъ бѣдномъ семе
ствѣ и съ этою цѣлью обратился къ Еленеву, который,
своемъ отвѣтномъ письмѣ, между прочимъ писалъ: „За о
бенное для себя удовольствіе почелъ я хлопотать по д
семейства Панке, какъ потому, что для меня всегда исти
пріятно сдѣлать вамъ угодное, такъ и по самому положе
этого семейства, къ которому нельзя не чувствовать учас
Подобные случаи должны быть близки сердцу всѣхъ на
имѣющихъ несчастіе служить въ казенной службѣ и неум
щихъ обезпечивать себя на оной: рано или поздно и н
угрожаетъ таже участь—остаться самимъ или оставить с
семейство безъ куска хлѣба. Я только сегодня получилъ отв
на послѣднюю мою попытку по этому дѣлу и отвѣтъ эт
отнялъ всякую надежду на успѣхъ. Въ Штабѣ Военно-Уч
ныхъ Заведеній не могли ничего сдѣлать, чтобы дать но
оборотъ дѣлу о пенсіи, такъ какъ, оно вполнѣ зависитъ
Медицинскаго Департамента. Я попытался просить въ эт
мѣстѣ, извѣстномъ впрочемъ своимъ нерасположеніемъ дѣл
добро человѣчеству: тамъ мнѣ сказали, что пенсія 140
назначена по закону и измѣнить этого назначенія нел
Не довѣряя такой безусловной невозможности, я отыск
путь къ Енохину, чрезъ одного близкаго къ нему и исти
добраго человѣка; сверхъ моего ожиданія и Енохинъ оста
непреклоненъ, говоря также, что поступлено было по зак
и болѣе сдѣлать ничего нельзя. Прискорбно и возмутител
особенно когда видишь какъ десятки тысячъ раздаются

гласныя и безгласныя пособія тѣмъ, у кого и безъ того изъ горла лѣзетъ. *Жаль, что это дѣло не было мнѣ извѣстно при жизни Ростовцова; надо отдать ему справедливость, что въ подобныхъ случаяхъ онъ былъ, не въ примѣръ прочимъ властителямъ, широкъ сердцемъ и не стѣснялся буквою безсмысленнаго закона.* Теперь не знаю, что̀ и посовѣтовать" [105]).

Здѣсь кстати для характеристики Ростовцова замѣтить, что, по свидѣтельству Н. П. Семенова, Ростовцовъ „постоянно и съ самыхъ юныхъ лѣтъ находился въ военной службѣ. Онъ проходилъ ее по дорогѣ, имъ самимъ проложенной, и хотя, впослѣдствіи вошелъ въ столкновеніе съ служебною письменностію, тѣмъ не менѣе, онъ не успѣлъ усвоить себѣ бюрократическихъ ея пріемовъ. Онъ никогда не постигалъ той спеціальной красоты слога, тщательно отдѣланной министерской бумаги. Какъ въ рѣчахъ, такъ и въ запискахъ онъ сохранялъ самобытную оригинальность.... Онъ всегда обнаруживалъ отвращеніе къ форменности. Онъ понималъ *военную* форму, создаваемую дисциплиной; но не постигалъ ни *бюрократической* формальности, ни даже *юридической* формы или обрядности, а потому онъ и не обращалъ большого вниманія ни на ту, ни на другую".

XXXII.

Послѣ кончины Ростовцова, свидѣтельствуетъ Н. П. Семеновъ, „въ столицѣ носились слухи, что государь предлагалъ занять мѣсто предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій графу С. Г. Строганову, который отклонилъ отъ себя это назначеніе; другіе говорили, что это мѣсто предлагалось К. В. Чевкину. Носилась и другая молва, что К. В. Чевкинъ, напротивъ, самъ домогался кресла предсѣдателя Коммиссій. Говорили также, что занять мѣсто Ростовцова очень сильно желалъ М. Н. Муравьевъ.... Ходили слухи и о назначеніи предсѣдателемъ Коммиссій С. С. Ланского. Разсказывали впослѣдствіи, что для него приготовлялъ пути Н. А. Милютинъ.

Наконецъ, разнесся слухъ о назначенiи председателемъ графа В. Н. Панина. Этотъ слухъ произвелъ сильную тревогу между большинствомъ членовъ Коммиссій и нѣкоторые изъ нихъ употребляли всѣ усилія на то, чтобы провести кандидатуру графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго. Толки о назначенiи графа Панина начались съ той минуты, какъ въ городѣ стало извѣстно, что государь, наканунѣ похоронъ Ростовцова, призывалъ къ себѣ графа Панина — долго съ нимъ бесѣдовалъ. Личность графа Панина вслѣдствіе того заинтересовала всѣхъ и разговорамъ о немъ не было конца" [106]).

„Слухи подтверждаются",—писалъ Кошелевъ Погодину.— „Панинъ рѣшительно назначенъ и даже назначенъ *Топильскій* дѣлопроизводителемъ Коммиссій, на мѣсто Семенова. Это пишетъ Ю. Самаринъ изъ Петербурга. Ну! Каково! Это ужасно! Что̀ это значитъ? Питеръ въ восторгѣ: теперь де мы затормозимъ. Я въ ужасѣ отъ этого извѣстія. Говѣю.... О Ростовцовѣ теперь написать необходимо, ибо этимъ можно безнаказанно хватить ловко Панина" [107]).

Подъ 11—15 февраля 1860 года, Никитенко записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Вечеромъ пришелъ Любощинскій и сообщилъ мнѣ новость, что на мѣсто Ростовцова по крестьянскому дѣлу назначенъ графъ Панинъ. Это назначеніе поразило какъ громомъ всѣхъ друзей свободы и улучшеній. Образъ мыслей графа Панина извѣстенъ. Какъ же онъ будетъ вести себя тамъ, гдѣ требуется именно все противное его прежнимъ понятіямъ и дѣяніямъ. Нельзя не признаться, что съ Ростовцовымъ погибло для насъ много прекраснаго. Это общее убѣжденіе.... Бѣдное Отечество! Такъ шатки всѣ благія начинанія въ тебѣ! Сто̀итъ сойти съ поприща одному человѣку, чтобы все опять отодвинулось назадъ" [108]).

Въ *Дневникѣ* В. А. Муханова, подъ 11 февраля 1860 года, мы читаемъ: „На мѣсто Ростовцова назначенъ графъ Панинъ... Выборъ человѣка, который считается однимъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ, представляетъ ручательство землевладѣльцамъ, что ихъ интересы будутъ соблюдены. Графъ Панинъ уменъ,

образованъ и даже ученъ. Прежде о немъ говорили, что онъ прекрасно излагаетъ дѣло, но приходитъ къ заключенію не всегда вѣрному. Съ нѣкотораго времени замѣчаютъ, что этотъ недостатокъ исчезъ" [109]).

Ѳ. М. Дмитріевъ, изъ Москвы писалъ Н. А. Милютину: „О васъ я слышу часто: ваше имя во всѣхъ устахъ, съ прибавкою всевозможныхъ выраженій ненависти со стороны коренныхъ Русскихъ помѣщиковъ. Нѣсколько времени тому назадъ, я, по силѣ этихъ выраженій, догадывался, что въ Петербургѣ дѣла идутъ хорошо и до-нельзя радовался. Но, кажется, теперь черныя тучи опять собираются, если правда, что Панина назначили на мѣсто Ростовцова" [110]).

„У великой княгини Елены Павловны,—повѣствуетъ В. А. Мухановъ,—былъ балъ великолѣпный. На балѣ были и маски, которыя болѣе или менѣе удачно мистифировали государя, великихъ князей и все общество. Одна маска обратилась съ слѣдующимъ къ генералу Тимашеву: „Назначеніе графа Панина меня очень разстроило, и я едва держусь на ногахъ, которыя трясутся; я—Муравьевъ" [111]).

Вслѣдствіе назначенія графа Панина предсѣдателемъ Редакціонныхъ Коммиссій личность его стала общезанимательною; а потому Н. П. Семеновъ, въ своемъ сочиненіи *Освобожденіе крестьянъ въ Россіи*, счелъ необходимымъ познакомить съ нею своихъ читателей. „Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ,—пишетъ Семеновъ,—былъ человѣкомъ выдающимся, во всѣхъ отношеніяхъ, изъ ряда обыкновенныхъ людей. Онъ былъ огромнаго роста, который какъ будто увеличивался еще отъ нестройности его фигуры (Онъ былъ сутуловатъ). Голосъ у него былъ—внушительный басъ. Рѣчь была плавная. Онъ обладалъ изумительнымъ и чарующимъ краснорѣчіемъ, именно: сжатостью выраженія, красотою слова, удачнымъ подборомъ эпитетовъ, сосредоточенностью мысли и ясностью того, о чемъ хотѣлъ говорить; такъ что, еслибъ стенографъ записывалъ его рѣчь, то, конечно, для печати не пришлось бы переставлять ни одного слова, тогда какъ его письменный

слогъ не имѣлъ и приблизительно тѣхъ достоинствъ, которыми отличалась его устная рѣчь (впрочемъ, онъ и не упражнялся въ литературныхъ занятіяхъ). Память у него была необыкновенная. Образованіе было классическое. Онъ обладалъ знаніемъ обоихъ древнихъ языковъ и легко усвоилъ себѣ всѣ первоклассные Европейскіе языки. Его начитанность была обширная, преимущественно въ области изящной Литературы и Исторіи. Всю свою жизнь онъ особенно интересовался внѣшней политикой. Политическіе листы иностранныхъ газетъ, особенно *Times*, онъ прочитывалъ отъ доски до доски. Его не устрашали никакіе томы.

„Такъ, когда онъ былъ назначенъ товарищемъ министра Юстиціи, въ 1832 году, предварительно своего вступленія въ должность, испросивъ разрѣшеніе въ продолжительный отпускъ, онъ удалился на все время въ свое подмосковное село Марѳино, и тамъ прочелъ подъ рядъ весь *Сводъ Законовъ*. Уголовные и гражданскіе законы онъ выучилъ наизусть и зналъ ихъ отлично. Объ этомъ своемъ подвигѣ онъ даже любилъ сообщать приближеннымъ къ нему лицамъ.

„По какимъ то своимъ наблюденіямъ, онъ увѣрился въ томъ, что для изученія дѣла, какъ бы сложно оно ни было, потребно не болѣе двухъ недѣль времени, и съ этимъ соображалъ сроки, когда назначалъ кому нибудь изъ своихъ подчиненныхъ работу, что̀ часто ставило ихъ въ немалое затрудненіе. Онъ былъ очень близорукъ, и когда, подъ старость лѣтъ, зрѣніе совсѣмъ измѣнило ему (что̀ относили къ неумѣренному его чтенію, особенно мелкой печати нѣкоторыхъ иностранныхъ газетъ), онъ нанималъ чтеца.

„Однако, знанія, пріобрѣтаемыя чтеніемъ, какъ то не перерабатывались его натурою, а оставались размѣщенными въ углахъ его богатой памяти, подобно книгамъ на полкахъ хорошо снабженной библіотеки. У него, можно сказать, не было никакого мировоззрѣнія. Воспитаніе его, сообразно той эпохи въ Россіи, когда онъ родился и жилъ и проводилъ молодость среди высшаго общества, было болѣе Европейское, нежели Русское

„Въ образѣ жизни, при утонченной вѣжливости, онъ былъ недоступный аристократъ, дѣлавшійся съ теченіемъ времени, можно сказать, все болѣе и болѣе нелюдимымъ, такъ что сношенія съ нимъ тѣхъ, кои по рожденію не принадлежали къ аристократическому кругу, дѣлались почти невозможными. Гордость происхожденія заставила его считать лицо не его круга простолюдиномъ, а людей низшихъ сословій онъ принималъ какъ бы за существа другаго порядка творенія. Къ образованнымъ молодымъ людямъ онъ выказывалъ, однако, особое расположеніе. Къ нимъ вообще онъ былъ снисходителенъ. Въ обществѣ высшаго круга, которое онъ единственно и посѣщалъ, видали его нерѣдко уединившимся отъ всѣхъ и долго бесѣдующимъ вдвоемъ съ какимъ нибудь юношей, котораго онъ встрѣчалъ случайно въ первый разъ и который удостоился обратить на себя по чему либо его вниманіе“.

„Характерныя и прекрасныя черты, — добавляетъ Н. П. Семеновъ,—воспитанія того времени, въ которое протекли дни первой молодости графа Панина, а именно: страхъ Божій, повиновеніе родителямъ и почтеніе къ старшимъ,—переродились въ немъ въ такой педантизмъ и такой особый формализмъ, что у него составились своеобразныя понятія, объ исполненіи служебныхъ обязанностей, или вообще какого бы то ни было долга“.

Вступивъ въ отправленіе обязанностей предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій, графъ Панинъ образовалъ при себѣ, изъ своихъ чиновниковъ, какъ бы канцелярію для исполненія его порученій по крестьянскому дѣлу. Во главѣ этой канцеляріи былъ поставленъ, съ 19 февраля 1860 года, Борисъ Николаевичъ Хвостовъ. М. И. Топильскій сообщилъ Н. П. Семенову, что графъ Панинъ сказалъ: „Въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ я всего говорить не буду. Мнѣ необходимо для Главнаго Комитета и Государственнаго Совѣта оставить себѣ зады“. Топильскаго же графъ Панинъ сдѣлалъ своимъ *неоффиціальнымъ помощникомъ*; но потребовалъ отъ него, чтобы онъ не считалъ себя прикомандированнымъ или состоящимъ

слогъ не имѣлъ и приблизительно тѣхъ достоинствъ, которыми отличалась его устная рѣчь (впрочемъ, онъ и не упражнялся въ литературныхъ занятіяхъ). Память у него была необыкновенная. Образованіе было классическое. Онъ обладалъ знаніемъ обоихъ древнихъ языковъ и легко усвоилъ себѣ всѣ первоклассные Европейскіе языки. Его начитанность была обширная, преимущественно въ области изящной Литературы и Исторіи. Всю свою жизнь онъ особенно интересовался внѣшней политикой. Политическіе листы иностранныхъ газетъ, особенно *Times*, онъ прочитывалъ отъ доски до доски. Его не устрашали никакіе томы.

„Такъ, когда онъ былъ назначенъ товарищемъ министра Юстиціи, въ 1832 году, предварительно своего вступленія въ должность, испросивъ разрѣшеніе въ продолжительный отпускъ, онъ удалился на все время въ свое подмосковное село Марѳино, и тамъ прочелъ подъ рядъ весь *Сводъ Законовъ*. Уголовные и гражданскіе законы онъ выучилъ наизусть и зналъ ихъ отлично. Объ этомъ своемъ подвигѣ онъ даже любилъ сообщать приближеннымъ къ нему лицамъ.

„По какимъ то своимъ наблюденіямъ, онъ увѣрился въ томъ, что для изученія дѣла, какъ бы сложно оно ни было, потребно не болѣе двухъ недѣль времени, и съ этимъ соображалъ сроки, когда назначалъ кому нибудь изъ своихъ подчиненныхъ работу, что̀ часто ставило ихъ въ немалое затрудненіе. Онъ былъ очень близорукъ, и когда, подъ старость лѣтъ, зрѣніе совсѣмъ измѣнило ему (что̀ относили къ неумѣренному его чтенію, особенно мелкой печати нѣкоторыхъ иностранныхъ газетъ), онъ нанималъ чтеца.

„Однако, знанія, пріобрѣтаемыя чтеніемъ, какъ то не перерабатывались его натурою, а оставались размѣщенными въ углахъ его богатой памяти, подобно книгамъ на полкахъ хорошо снабженной библіотеки. У него, можно сказать, не было никакого мировоззрѣнія. Воспитаніе его, сообразно той эпохи въ Россіи, когда онъ родился и жилъ и проводилъ молодость среди высшаго общества, было болѣе Европейское, нежели Русское

„Въ образѣ жизни, при утонченной вѣжливости, онъ былъ недоступный аристократъ, дѣлавшійся съ теченіемъ времени, можно сказать, все болѣе и болѣе нелюдимымъ, такъ что сношенія съ нимъ тѣхъ, кои по рожденію не принадлежали къ аристократическому кругу, дѣлались почти невозможными. Гордость происхожденія заставила его считать лицо не его круга простолюдиномъ, а людей низшихъ сословій онъ принималъ какъ бы за существа другаго порядка творенія. Къ образованнымъ молодымъ людямъ онъ выказывалъ, однако, особое расположеніе. Къ нимъ вообще онъ былъ снисходителенъ. Въ обществѣ высшаго круга, которое онъ единственно и посѣщалъ, видали его нерѣдко уединившимся отъ всѣхъ и долго бесѣдующимъ вдвоемъ съ какимъ нибудь юношей, котораго онъ встрѣчалъ случайно въ первый разъ и который удостоился обратить на себя по чему либо его вниманіе".

„Характерныя и прекрасныя черты, — добавляетъ Н. П. Семеновъ,—воспитанія того времени, въ которое протекли дни первой молодости графа Панина, а именно: страхъ Божій, повиновеніе родителямъ и почтеніе къ старшимъ,—переродились въ немъ въ такой педантизмъ и такой особый формализмъ, что у него составились своеобразныя понятія, объ исполненіи служебныхъ обязанностей, или вообще какого бы то ни было долга".

Вступивъ въ отправленіе обязанностей предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій, графъ Панинъ образовалъ при себѣ, изъ своихъ чиновниковъ, какъ бы канцелярію для исполненія его порученій по крестьянскому дѣлу. Во главѣ этой канцеляріи былъ поставленъ, съ 19 февраля 1860 года, Борисъ Николаевичъ Хвостовъ. М. И. Топильскій сообщилъ Н. П. Семенову, что графъ Панинъ сказалъ: „Въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ я всего говорить не буду. Мнѣ необходимо для Главнаго Комитета и Государственнаго Совѣта оставить себѣ зады". Топильскаго же графъ Панинъ сдѣлалъ своимъ *неоффиціальнымъ помощникомъ*; но потребовалъ отъ него, чтобы онъ не считалъ себя прикомандированнымъ или состоящимъ

при немъ по крестьянскому дѣлу. „Топильскому,—свидѣтельствуетъ Н. П. Семеновъ,—не мало досталось хлопотъ вслѣдствіе этой довѣренности графа Панина. Въ продолженіе занятій Редакціонныхъ Коммиссій Топильскій очень часто посѣщалъ меня, передавая мнѣ разныя приказанія графа. Когда Топильскій не заставалъ меня дома, что̀ случалось весьма рѣдко, то очень сердился, и въ нетерпѣніи выражалъ иногда это громко, въ присутствіи моей прислуги. Въ сношеніяхъ моего брата, П. П. Семенова, съ графомъ Панинымъ, Топильскій тоже нерѣдко былъ между ними посредникомъ.... Топильскій долженъ былъ исполнять все это сверхъ своихъ текущихъ по службѣ занятій, отъ которыхъ графъ Панинъ не избавлялъ его во все время. Это конечно не мало обременяло и затрудняло его, и тѣмъ не менѣе, по окончаніи дѣла, графъ Панинъ не удостоилъ его медали за труды по освобожденію крестьянъ, тогда какъ Хвостову и другимъ чиновникамъ дана была медаль серебряная, чѣмъ Топильскій считалъ себя обиженнымъ и въ разговорахъ со мною жаловался на несправедливость къ нему графа Панина и на необъяснимыя его странности“.

Назначеніе графа Панина предсѣдателемъ Редакціонныхъ Коммиссій,—свидѣтельствуетъ Н. П. Семеновъ,—„не могло не внушать нѣкотораго страха не только тѣмъ изъ членовъ Коммиссій, которые знали его ближе, но и огромному большинству тѣхъ, которые, не зная его вовсе, слышали отъ другихъ неумолкавшіе разсказы о немъ.

Графъ Панинъ назначенъ былъ предсѣдателемъ Редакціонныхъ Коммиссій 11 февраля 1860 года. Въ тотъ же день, вечеромъ, Н. П. Семеновъ получилъ записку отъ Топильскаго прибыть къ нему, на другой день, къ 8 часамъ утра. По пріѣздѣ, Топильскій посадилъ Семенова за письменный столъ и, положивъ передъ нимъ чистую бумагу, сказалъ: графъ Панинъ проситъ васъ описать ему весь составъ Коммиссій, какой заведенъ у васъ порядокъ занятій, ходъ дѣла. Семеновъ *позволилъ себѣ* спросить Топильскаго, для чего именно это нужно графу?

Топильскій отвѣчалъ, что теперь онъ ничего не можетъ сказать, кромѣ того, что государь *приближаетъ къ себѣ графа.* Исполнивъ эту нелегкую задачу, Семеновъ вручилъ свою записку Топильскому. На другой день, графъ Панинъ потребовалъ къ себѣ П. П. Семенова, котораго встрѣтилъ съ предупредительной вѣжливостью и благосклонностью, и просилъ его объяснить ему всю сущность крестьянскаго дѣла и взглядъ на него Ростовцова. Графъ Панинъ слушалъ Семенова съ напряженнымъ вниманіемъ. Между прочимъ графъ Панинъ спросилъ Семенова, чтобы онъ совершенно откровенно сообщилъ ему въ подробности, что̀ думалъ о немъ (графѣ Панинѣ) Ростовцовъ? Семеновъ исполнилъ желаніе графа Панина и сообщилъ ему, между прочимъ, что Ростовцовъ „никогда не указывалъ на графа Панина, какъ не преемника себѣ по предсѣдательству въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ, считая его человѣкомъ недоступнымъ, нелюдимымъ, крайне непрактичнымъ и совершенно незнакомымъ съ бытомъ Русскаго народа“ [112]).

П. А. Валуевъ, въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 16 февраля 1860 года, записалъ: „Грейгъ передавалъ мнѣ подробности свиданія между графомъ Панинымъ и великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, послѣ назначенія перваго предсѣдателемъ Редакціонныхъ Коммиссій. Панинъ сказалъ, что пріѣхалъ не къ великому князю, а къ государственному мужу, особенно занимавшемуся крестьянскимъ вопросомъ. Затѣмъ онъ изложилъ свой политическій credo. „У меня есть убѣжденія, — сказалъ онъ, — сильныя убѣжденія. Напрасно иногда думаютъ противное. Но, по долгу вѣрноподданнической присяги, я считаю себя обязаннымъ прежде всего узнавать взглядъ государя. Если я какимъ либо путемъ, прямо или косвенно, удостовѣрюсь, что государь смотритъ на дѣло иначе, чѣмъ я, — я долгомъ считаю тотчасъ отступить отъ своихъ убѣжденій и дѣйствовать даже совершенно наперекоръ имъ, съ тою и даже съ бо̀льшею энергіею, какъ если бы я руководствовался моими собственными убѣжденіями“. Грейгъ сказалъ: „C'est l'apolo-

gie de la lâcheté la plus complète, que j'aie jamais entendue". Другіе отозвались объ этомъ credo слѣдующимъ образомъ: „Панинъ былъ правъ" [113])!

XXXIII.

Мы уже знаемъ, что депутаты второго призыва собрались въ С.-Петербургъ въ началѣ 1860 года; но, до совѣщаній они допущены были только по смерти Ростовцова, 27 апрѣля, и эти совѣщанія заключились 8-мъ числомъ мая 1860 года.

Дѣятельность свою въ санѣ предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій графъ Панинъ началъ 21 февраля 1860 года, представленіемъ государю депутатовъ второго приглашенія. Каждаго изъ депутатовъ государь осчастливилъ милостивымъ словомъ и потомъ, подозвавъ всѣхъ ихъ ближе къ себѣ, изволилъ обратиться къ нимъ съ слѣдующими словами:

„Господа! Я начну съ того, что повторю мою благодарность дворянамъ трехъ Литовскихъ губерній, которые подали примѣръ, вызвавшись первые на общее намъ дѣло.

„Мнѣ остается повторить вамъ, господа, то, что губернскіе предводители, находящіеся между вами, уже отъ меня слышали. Вамъ извѣстно, какъ святое это дѣло близко моему сердцу; увѣренъ, что и вы считаете его святымъ. У меня двѣ цѣли, или, лучше сказать, одна—благо государства. Я убѣжденъ, что въ томъ же самомъ заключается и ваша цѣль. Я хочу, чтобы улучшеніе быта крестьянъ было не на словахъ, а на дѣлѣ, и чтобы переворотъ совершился безъ потрясеній. Но для этого, безъ нѣкоторыхъ пожертвованій, съ вашей стороны, обойтись невозможно. Я желаю, чтобъ эти пожертвованія были, сколь возможно, менѣе тягостны и обременительны для дворянъ.

„Для занятій вашихъ, здѣсь составлена инструкція, которая опредѣляетъ—въ чемъ должна заключаться прямая ваша обязанность. Вы должны отвѣчать на вопросы, вамъ предложенные. Впрочемъ, если найдете нужнымъ добавить къ тому свои

соображенія, можете ихъ выразить въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ, которыя будутъ разсмотрѣны и доведены до моего свѣдѣнія. Дѣйствуйте же единодушно къ общей пользѣ.

„Мнѣ извѣстно, что носились нелѣпые слухи, они могли, вѣроятно, дойти до васъ и здѣсь, будто я измѣнилъ свое довѣріе къ дворянству,—это ложь и клевета; не обращайте на это вниманія, а вѣрьте мнѣ. При самомъ началѣ обратился я къ дворянству съ полнымъ довѣріемъ. Обращаясь теперь съ тѣмъ же довѣріемъ къ вамъ, я надѣюсь, что вы на дѣлѣ оправдаете мои ожиданія.

„Министръ Внутреннихъ Дѣлъ и графъ Панинъ, котораго я назначилъ предсѣдателемъ Редакціонныхъ Коммиссій, на мѣсто генералъ-адъютанта Ростовцова, знаютъ мысли мои и взглядъ мой по этому вопросу. Они могутъ подробно передать ихъ и вамъ. Вы должны намъ помочь, господа. Съ Богомъ же принимайтесь за дѣло".

Обратясь къ графу Панину, его величество изволилъ добавить:

„Рекомендую вамъ сотрудниковъ вашихъ: я увѣренъ, что они добросовѣстно будутъ работать. Прошу вести это дѣло къ извѣстнымъ результатамъ обдуманно и осторожно, только отнюдь не затягивая и не откладывая его въ долгій ящикъ.

„Прощайте, господа,—дай вамъ Богъ успѣха".

Напечатавши эту рѣчь государя, Н. Ф. Павловъ отъ себя замѣтилъ: „Эти слова отзовутся радостью на всемъ пространствѣ нашего Отечества. Неизмѣрима высота, съ которой они сказаны, но утѣшительно, что туда доходятъ мелкія безпокойства, нелѣпые слухи и сомнѣнія. Уничтожена ложь, клевета, отнимается у нихъ пища, которую извлекаютъ они изъ всякихъ печальныхъ событій, и Россія крѣпнетъ въ своихъ убѣжденіяхъ, и Россія вѣруетъ, что ея свѣтлыя упованія должны сохранить всю святость первыхъ впечатлѣній" [114]).

Послѣ представленія государю, графъ Панинъ выразилъ желаніе познакомиться съ депутатами второго призыва и назначилъ имъ день пріема *запросто*, *во фракахъ*, на 24 фе-

враля 1860 г., въ домѣ Министерства Юстиціи. Депутаты съѣхались, однако, въ назначенное время, кто въ полной формѣ, кто въ полуформѣ, кто просто во фракѣ. Нѣкоторые, по недоразумѣнію, явились было въ собственный домъ графа, но имъ указали путь въ домъ Министерства. Чиновникъ въ аван-залѣ, переписавъ имена, пригласилъ ихъ въ пріемную залу, куда вскорѣ вышелъ графъ Панинъ и обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью:

„Господа! Слова государя императора должны быть глубоко врѣзаны въ памяти каждаго изъ васъ, мнѣ остается ихъ повторить, и въ качествѣ предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій, добавить, что прямая наша обязанность трудиться для столь важнаго дѣла единодушно и какъ бы семейно, имѣя въ виду главную цѣль, по выраженію государя императора,— благо Россіи. При этомъ долгомъ считаю обратить ваше вниманіе и на то, что всѣ дѣйствія и труды, какъ я сказалъ, по нашему семейному дѣлу, должны оставаться между нами, безъ разглашенія, въ особенности не слѣдуетъ ничего сообщать за границу.

„Равно считаю полезнымъ для дѣла указать и на то, что, по убѣжденію моему, въ предлежащемъ вопросѣ значительно вредили, съ одной стороны, неосновательныя опасенія дворянъ, съ другой—несбыточныя ожиданія крестьянъ. То и другое мы должны сколь возможно устранять.

„Депутаты перваго призыва увлеклись своими взглядами на вопросъ и нерѣдко укоряли Редакціонныя Коммиссіи опрометчиво и неосновательно. По моему мнѣнію, вамъ не слѣдуетъ впадать въ тѣ же самыя ошибки и, не придерживаясь прошедшаго, надлежитъ заняться токмо настоящимъ въ нашемъ дѣлѣ, сохраняя, сколь возможно, ваши собственныя убѣжденія.

„По моимъ обширнымъ занятіямъ, я не могъ внимательно слѣдить за дѣйствіями Редакціонныхъ Коммиссій. Въ настоящее же время, я посвящаю себя исключительно на всестороннее изученіе трудовъ ея. Повторю: намъ прошедшее ненужно

для дѣла, мы должны пристально заняться настоящимъ, и какія бы ни были убѣжденія каждаго изъ насъ, всѣмъ намъ слѣдуетъ стремиться къ главному: озаботиться обезпеченіемъ быта нашихъ крестьянъ, не упуская изъ виду, что за нихъ нѣтъ между нами представителей, и потому намъ самимъ предлежитъ отстаивать ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не должны забывать, что богатымъ людямъ, какъ я, напримѣръ, ни къ какомъ случаѣ переворотъ не будетъ слишкомъ ощутителенъ; но что наша обязанность озаботиться положеніемъ неимущихъ дворянъ, оградить исключительно ихъ интересы.

„Инструкція 11 августа положительно опредѣляетъ обязанности ваши въ предстоящихъ работахъ. Надѣюсь, что вы, согласно оной, выполните добросовѣстно все на васъ возложенное.

„Кому нужно будетъ меня видѣть, двери мои отворены; но, въ настоящее время, я принимать васъ не могу по причинамъ, которыя сейчасъ же объясню: у каждаго изъ васъ могутъ быть убѣжденія не всегда согласныя съ моимъ убѣжденіемъ, слѣдовательно, въ таковыхъ столкновеніяхъ различныхъ взглядовъ на вещи утратилось бы только много времени, безъ всякой пользы.

„Сверхъ того, могли бы полагать со стороны, что я раздѣлилъ одно изъ таковыхъ убѣжденій, и что нахожусь подъ исключительнымъ его вліяніемъ.

„Остается мнѣ, въ видѣ предостереженія, сообщить вамъ еще слѣдующее: извѣстно мнѣ, что многіе изъ васъ бываютъ у графа Шувалова, у котораго предъ выборами собираются Петербургскіе дворяне и множество постороннихъ лицъ. Они могутъ имѣть въ предметѣ составленіе различныхъ предположеній, несогласныхъ съ началами, по которымъ мы работаемъ. Петербургскій Комитетъ давно кончилъ свои занятія. Депутаты того Комитета исполнили тоже обязанность касательно проектовъ, представленныхъ въ Редакціонныя Коммиссіи, а потому всякое ваше вмѣшательство въ предположенія Петербургскаго дворянства было бы совершенно безполезно и только

замедлило бы ходъ вашихъ собственныхъ занятій. Вообще я совѣтывалъ бы держаться своихъ убѣжденій, не увлекаясь сторонними внушеніями.

„Я кончилъ, не имѣете ли вы, что̀ сказать, господа"?

Депутаты вышли отъ графа Панина „смущенные и въ недоумѣніи".

Въ тотъ же день, 24 февраля 1860 года, въ залѣ 1-го Кадетскаго Корпуса, состоялось первое засѣданіе общаго присутствія, подъ предсѣдательствомъ графа В. Н. Панина, въ вицмундирахъ, кто ихъ имѣлъ, и фракахъ и въ орденахъ,—у кого были. Сигаръ и папиросъ на столахъ поставлено не было, какъ передъ тѣмъ это дѣлалось обычно. По пріѣздѣ графа Панина, Булгаковъ началъ представлять ему членовъ Коммиссій. Нѣкоторымъ графъ протягивалъ руку, другихъ привѣтствовалъ только поклономъ. Галагану, подавъ руку, сказалъ: *Объ васъ я очень много слышалъ, и мнѣ пріятно съ вами познакомиться.* Самарину, протянувъ руку, сказалъ: *Мы старые знакомые. Какъ здоровье вашей матушки?* Когда Булгаковъ представилъ Любощинскаго, графъ кивнулъ только головой, произнеся: *Этого я знаю*, и улыбнулся. Арапетова встрѣтилъ сухо и едва поклонился. Князю Черкасскому расклянялся очень вѣжливо, но руки не подалъ, чѣмъ послѣдній обидѣлся и, обратясь потомъ къ Н. П. Семенову, замѣтилъ: „Вы внесите въ вашу Исторію, что Арапетовъ и я удостоились самаго холоднаго пріема". Соловьеву графъ не только не подалъ руки, но и не обратилъ на него даже вниманія; по этому Соловьевъ, подойдя потомъ къ князю Черкасскому, сказалъ ему: „Я долженъ именно причислить себя къ вамъ по тому пріему, какой онъ мнѣ сдѣлалъ". Домонтовичу, графъ подалъ руку, говоря: *Объ васъ я слышалъ много очень хорошаго. Вы служите въ Государственномъ Совѣтѣ, я знаю.* Когда очередь дошла до Н. П. Семенова, графъ только поклонился ему и, привѣтливо улыбаясь, сказалъ: *Это свой.* Стоя нѣкоторое время на томъ же мѣстѣ, графъ сдѣлалъ нѣсколько общихъ вопросовъ о помѣщеніи Коммиссій, и за-

мѣтилъ, что разъ онъ обѣдалъ въ этой залѣ, и обѣдъ давался великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, а потомъ прибавилъ, что, кажется, смѣшалъ, что обѣдъ былъ въ другомъ мѣстѣ; затѣмъ онъ видимо затруднялся, чтò сказать еще. Между тѣмъ, прибыли еще опоздавшіе члены. Графъ обратился и къ нимъ. Милютину онъ съ предупредительною вѣжливостью подалъ руку, но обошелся съ нимъ холодно. Затѣмъ протянулъ руку Бунге, говоря: *Вы много писали по финансовой части; я читалъ, и мы пользовались вашими свѣдѣніями; считаю долгомъ изъявить вамъ мою признательность, и очень радъ ближе съ вами познакомиться.* Желтухина онъ спросилъ: *Вы, кажется, издавали Журналъ Землевладѣльцевъ?* и, получивъ утвердительный отвѣтъ, пожалъ ему руку и прибавилъ: *Очень пріятно съ вами познакомиться.* Тутъ подошли еще: Ламанскій, Грабянка, Гечевичъ; послѣдній раскланялся какъ-то очень неловко, Гирсъ и Желѣзновъ. На ихъ поклоны графъ молча отвѣчалъ только поклонами. Къ самому Булгакову относился очень благосклонно и фамильярно. Булгаковъ доложилъ гвафу Панину, что не достаетъ только трехъ членовъ: Апраксина, князя Паскевича (онъ былъ въ то время на охотѣ съ государемъ) и Ярошинскаго. Н. П. Семеновъ спросилъ Калачова: Нѣтъ графа Шувалова, отчего Булгаковъ не назвалъ его? Калачовъ отвѣтилъ: „Объ немъ не велѣно говорить. Онъ признанъ вреднымъ человѣкомъ". На распросы Н. П. Семенова нѣкоторыхъ членовъ, какъ они остались довольны графомъ Панинымъ, Грабянка отвѣчалъ: „Кажется, что самому графу было непріятно все, чтò онъ желалъ намъ выразить и сдѣлать пріятнаго". Тарновскій сказалъ, что ему надо нанимать ужъ дачу. Соловьевъ и князь Черкасскій прямо выразили ихъ неудовольствіе на графа Панина. Татариновъ сказалъ мнѣ, что „обхожденіе и пріемы графа нашелъ лучшими, чѣмъ ожидалъ". Князь С. П. Голицынъ замѣтилъ о немъ Петру Семенову: „Фигура та же, ростъ тотъ же, но это не онъ. Будучи въ сношеніяхъ съ нимъ это время, вы, какъ естествоиспытатель, подмѣнили его какъ нибудь". Желтухинъ

нашелъ всѣ дѣйствія и обращенія новаго предсѣдателя съ членами Коммиссій очень хорошими.

Послѣ представленія членовъ, П. П. Семеновъ представилъ графу Панину чиновниковъ Канцеляріи. Секретарь А. П. Салтыковъ, бывшій предъ тѣмъ секретаремъ Сената, обнаружилъ при представленіи „нѣкоторый страхъ и торопливость въ движеніяхъ".

Графъ Панинъ открылъ засѣданіе общаго присутствія рѣчью, прочитанною имъ по запискѣ. Она начиналась съ объявленія его предсѣдателемъ Коммиссій, въ чемъ самомъ выразилось, довѣренность къ нему государя. Далѣе, графъ изъявлялъ надежду на содѣйствіе ему членовъ. Затѣмъ онъ обѣщалъ членамъ сохраненіе имъ основаній труда Коммиссій и предоставленіе имъ полной свободы сужденій въ Коммиссіяхъ; указалъ на предѣлы приличій и на уваженіе къ чужимъ мнѣніямъ, предлагалъ воздерживаться отъ безплодныхъ преній и имѣть вниманіе къ депутатамъ и почтилъ память Ростовцова воспоминаніемъ, говоря: „Онъ подалъ намъ высокій примѣръ, которому мы должны слѣдовать—онъ принесъ въ жертву свою жизнь этому дѣлу". Въ заключеніе графъ Панинъ просилъ соблюдать прежній порядокъ занятій и перейти къ дѣлу [115]).

Какъ бы въ подтвержденіе сказаннаго объ *уваженіи къ чужимъ мнѣніямъ*, графъ Панинъ, по свидѣтельству П. А. Валуева, „хотѣлъ назначить членомъ Редакціонныхъ Коммиссій графа Владиміра Бобринскаго. По этому поводу Бобринскій былъ у государя. Аудіенція прекратилась холодно и сухо, вслѣдствіе отказа Бобринскаго участвовать въ занятіяхъ Коммиссій безъ права заявлять особыя мнѣнія или права не подписыватъ заключеній большинства, съ которыми онъ былъ бы несогласенъ. Государь говорилъ, что этотъ порядокъ для этой Коммиссіи такъ установленъ. Графъ Панинъ сказалъ Бобринскому весьма наивно: „mais ce que vous dites est la condamnation de toute ma carriere; j'ai passé ma vie à signer des choses que je n'approuvais pas".

Подъ 6 апрѣля 1860 года, въ *Дневникѣ* П. А. Валуева читаемъ: „М. Н. Муравьевъ снова крѣпко занятъ крестьянскимъ вопросомъ. Онъ сказалъ мнѣ про графа Панина: „Le ministre de la justice est très embarassé; il m'a dit lui même, qu'il ne voyait pas clair dans la question“ [116]).

XXXIV.

Съ 8-го апрѣля 1860 года, начался третій періодъ дѣятельности Редакціонныхъ Коммиссій.

Въ засѣданіи, происходившемъ въ этотъ день общаго присутствія, было, между прочимъ, разсужденіе о безполезности приглашенія депутатовъ въ общія присутствія Коммиссій. Горячими защитниками этого мнѣнія были: Милютинъ, князь Черкасскій и Соловьевъ. Они заявили, что „депутатовъ не зачѣмъ собственно приглашать въ общее присутствіе, такъ какъ это и прежде не приводило ни къ какимъ результатамъ“. Такое мнѣніе трехъ членовъ возбудило преніе:

Графъ Панинъ: „Я смотрю на ихъ приглашеніе сюда какъ на необходимость удовлетворить ихъ желанію высказаться“.

Булгаковъ: „Чтобъ потомъ не сказали, что мы ихъ слушать не хотѣли“.

Поневолѣ соглашаясь съ этими доводами, *Милютинъ* вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ: „Надобно желать только, чтобъ изъ теоретической области они переходили больше на практическую почву, такъ, напримѣръ, чтобъ они доставляли точныя свѣдѣнія о существующемъ надѣлѣ. Они для того собственно и были призваны“.

Но графъ Панинъ возразилъ Милютину и на это его замѣчаніе: „Да, но надо также, по возможности, давать имъ способъ высказываться, какъ они смотрятъ вообще на все это дѣло и послушать, что́ они объ этомъ думаютъ“.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что изъ депутатовъ второго призыва, съ особенною силою ратовалъ за дворянскіе интересы

Пензенскій депутатъ Иванъ Николаевичъ Горсткинъ, и вызвалъ сочувствіе предсѣдателя Коммиссій графа В. Н. Панина. По окончаніи одного засѣданія, графъ Панинъ, вставъ, „протянулъ руку Горсткину и благодарилъ его за откровенную рѣчь".

Встрѣтившись съ Горсткинымъ въ одномъ обществѣ, князь Черкасскій сказалъ: „Вотъ, Иванъ Николаевичъ, вы человѣкъ либеральный, сознаете, какъ и мы, необходимость освобожденія крестьянъ съ землею, значитъ мы съ вами идемъ по одной дорогѣ, отчего же мы все какъ то врозь? Горсткинъ отвѣчалъ: Нѣтъ, пути наши разные, иначе и быть не можетъ— вѣдь мы, дворяне и депутаты, идемъ въ *народъ*, а вы идете въ *люди*" [117]).

Между тѣмъ, въ обществѣ стали ходить слухи о возникшихъ разногласіяхъ предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій съ ихъ членами. На другой же день послѣ вышеупомянутаго засѣданія общаго присутствія, а именно 9 апрѣля 1860 года, П. А. Валуевъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*:

„Обѣдалъ у графа Нессельроде. Въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ, подъ предсѣдательствомъ графа Панина, начинаютъ возникать смуты. Графъ Панинъ хотѣлъ опрокинуть начало безсрочнаго пользованія, но принужденъ былъ уступить" [118]).

„Здѣсь (въ Москвѣ) былъ Самаринъ,—писалъ Хомяковъ Кошелеву,—который разсказывалъ про борьбу съ Панинымъ и, кажется, рѣшительную побѣду Коммиссій. Должно быть, ихъ работы кончатся въ первыхъ числахъ или къ половинѣ іюля; но въ тоже время слышно, что государь все болѣе и болѣе склоняется къ выкупу; только не знаетъ, какъ приступить къ дѣлу".

За мѣсяцъ до своей кончины, Хомяковъ писалъ Кошелеву: „Одна изъ причинъ моего пріѣзда въ Москву — Блудовъ. Я у него былъ почти всякій день, настраивая на выкупъ. Онъ просилъ у меня моего письма къ Ростовцову и вообще согласенъ съ нами, но вѣдь это размазня: достанетъ ли твердости что-нибудь отстоять и что-нибудь опровергнуть, сомнѣваюсь. Пожалуй, теперь много значитъ Поповъ... Изъ

словъ самого Блудова боюсь, что онъ въ кодификаціи наплететъ путаницу, набивая юридическими формами то, что должно быть совершенно свободнымъ. Такъ, напримѣръ, цѣлая большая глава о формахъ найма работниковъ въ деревняхъ, вмѣсто самыхъ простыхъ сдѣлокъ" [119]).

Близкій Ростовцову человѣкъ, Ѳ. П. Еленевъ, писалъ Погодину: „О себѣ скажу вамъ, что я было совсѣмъ оставилъ Коммиссію, встрѣтивъ какое то странное нерасположеніе къ себѣ графа Панина, каковое я, впрочемъ, имѣю честь раздѣлять почти со всѣми подвизавшимися по крестьянскому дѣлу при Ростовцовѣ; однако, по убѣжденію нѣкоторыхъ членовъ нашей Коммиссіи, я взялъ назадъ мое всеподданнѣйшее прошеніе объ увольненіи меня изъ Коммиссіи. Впрочемъ, теперь все уладилось довольно сносно, ибо, не видя никогда своего принципала, я работаю спокойно и независимо; кромѣ нѣкоторыхъ внѣшнихъ порученій, я составляю проектъ сельскихъ училищъ. Данныхъ по этому вопросу я нашелъ очень мало, чтобы не сказать вовсе ничего, кое-что въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ и только; въ Литературѣ не отъискалъ ни одной дѣльной статьи: все или до наивности поверхностно и обще (въ томъ числѣ и книжка С. Маслова), или совсѣмъ тупо. А тамъ еще стоитъ впереди Св. Синодъ съ своими тенденціями. Думаю, что мы всуе труждаемся: одно не допустятъ законодатели, другое исказятъ или же и вовсе парализируютъ исполнители; но всетаки Коммиссія должна сдѣлать свое дѣло: говоря о матерьяльномъ устройствѣ крестьянскаго сословія, должна сказать свое слово и о его нравственномъ образованіи, а принять или не принять предположенія Коммиссіи будетъ воля высшихъ. Что касается до меня, единственнаго составителя этой части работъ Коммиссіи, то я смѣю надѣяться, что трудъ мой не уронитъ ея чести; я буду хлопотать, чтобы проектъ мой былъ напечатанъ прежде представленія въ высшую инстанцію, дабы вызвать всѣ возможныя замѣчанія и поправки.

„Главная работа Коммиссіи—положеніе о крестьянахъ, вѣ-

роятно, будетъ готова въ іюлѣ. Основныя начала остались тѣже, какъ при покойномъ предсѣдателѣ, хотя графу хотѣлось сильно поколебать начало *безсрочнаго пользованія* крестьянами землею, т.-е., другими словами, дать помѣщикамъ право, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, сгонять крестьянъ съ земли или налагать на нихъ арендную плату по своему произволу. Какъ не сомнѣваться въ правильномъ ходѣ реформы, когда тотъ, кому ввѣрено ея руковожденіе, не понимаетъ или не хочетъ понять необходимости начала, которое въ Пруссіи и во всей Германіи принято основою крестьянской реформы. Вся надежда на государя; онъ былъ, еще недавно убѣжденъ въ необходимости широкихъ и просвѣщенныхъ началъ, принятыхъ Коммиссіею. Въ Главномъ Комитетѣ, кромѣ Ланскаго и Блудова, всѣ противъ проекта Коммиссіи, одни по тупоумію, другіе по сословнымъ интересамъ; есть и такіе, которые гласно возстаютъ противъ самаго существа реформы.

„Съ дѣятельнѣйшимъ и самымъ необходимымъ изъ нашихъ членовъ, Милютинымъ, было несчастіе: онъ переломилъ себѣ руку; но, слава Богу, онъ быстро поправляется. Это самая свѣтлая голова въ Коммиссіи и только онъ одинъ находитъ средства распутывать затрудненія, которыми часто связываетъ насъ нашъ предсѣдатель по своей извѣстной непрактичности“ [120]).

Предъ небольшимъ перерывомъ засѣданій общихъ присутствій, въ засѣданіи 16 апрѣля 1860 г., Желтухинъ обратился къ графу Панину съ вопросомъ: „Позвольте сдѣлать нескромный вопросъ: гдѣ мы будемъ работать лѣтомъ“? Милютинъ тоже, обращаясь къ графу Панину, сказалъ: „Прошедшее лѣто мы собирались на Каменномъ-Острову“. Графъ Панинъ отвѣчалъ: „У меня нѣтъ особаго помѣщенія“. Булгаковъ сказалъ: „Этотъ вопросъ разрѣшается легко: или въ городѣ, если графъ будетъ жить въ городѣ, или въ Павловскѣ, если графъ будетъ тамъ проводить лѣто“. Графъ Панинъ засмѣялся. Желтухинъ замѣтилъ: „Нужно знать, что П. А. Булгаковъ и самъ живетъ въ Павловскѣ“. Графъ Панинъ:

„А, вотъ отчего, оно и объясняется (громко смѣялся). Для меня, лѣтомъ какъ-то легче работается“. Милютинъ: „Я долженъ однако замѣтить, что жаръ дѣйствуетъ на печень и какъ то разливается желчь“. Булгаковъ: „Павловскъ самое пріятное мѣсто“. Графъ Панинъ: „Я самъ люблю Павловскъ. На островахъ тоже пріятно лѣтомъ, когда бываетъ не сыро. Но дороги туда невыносимы—много пыли“. Булгаковъ: „Въ Павловскъ ужъ и теперь много ѣздятъ“. Графъ Панинъ: „Неужели? Что-жъ, хорошо тамъ теперь“? Булгаковъ: „Прекрасно. Воздухъ такой свѣжій“. Графъ Панинъ: „Я полагаю, даже слишкомъ свѣжій. Я все-таки иначе думать не могу, что туда теперь ѣздятъ охотники простужаться“? Желтухинъ: „Мы тогда, на Каменномъ-Острову, сидѣли въ палаткѣ во время нашихъ засѣданій. Она пожалуй еще цѣла“. Смѣялись.

Мы уже знаемъ, что 8 мая 1860 года, закончились совѣщанія депутатовъ второго призыва съ членами Редакціонныхъ Коммиссій, и вотъ, какъ бы въ отвѣтъ на знаменитый обѣдъ, предложенный членами Редакціонныхъ Коммиссій депутатамъ перваго призыва, 10 сентября 1859 года, депутатъ Херсонскаго Губернскаго Комитета Касиновъ, въ видахъ сближенія депутатовъ съ членами Коммиссій, далъ имъ въ гостинницѣ Клея (нынѣ Европейская), обѣдъ оффиціальнаго характера. 13 мая, наканунѣ, Касиновъ заѣхалъ къ П. П. Семенову, не засталъ его дома, и, полагая, что Николай и Петръ Семеновы живутъ въ одной квартирѣ, оставилъ двѣ визитныя карточки, съ надписью на оборотѣ, что проситъ обоихъ на завтра (14 мая) обѣдать. „Петръ Семеновъ,—свидѣтельствуетъ Николай Семеновъ,—вернувшись домой, послѣ засѣданія Хозяйственнаго Отдѣленія, поздно ночью, и озабоченный предстоявшими работами, посмотрѣлъ на карточки слегка, и не замѣтилъ надписи на оборотѣ, и я, такимъ образомъ, на другой день ничего не зналъ о приглашеніи, вслѣдствіе чего ни я, ни Петръ Семеновъ на обѣдъ не попали. Все, что мнѣ осталось извѣстнымъ объ этомъ обѣдѣ отъ самого Касинова, было то, что первый тостъ былъ поднятъ за здоровье госу-

даря, хозяиномъ, и вслѣдъ затѣмъ Касиновъ предложилъ здоровье членовъ Редакціонныхъ Коммиссій и сказалъ имъ краткую привѣтственную рѣчь, на которую отвѣтилъ ему Соловьевъ. Тогда, къ концу обѣда, членъ Калужскаго Комитета князь Андрей Васильевичъ Оболенскій, припоминая трудившихся на литературномъ поприщѣ, предложилъ нѣсколько необдуманно тостъ за здоровье профессора Кавелина и Тверскаго губернскаго предводителя дворянства Унковскаго. П. А. Булгаковъ, задѣтый почему то особенно этою безтактностью князя Оболенскаго, отвѣчалъ ему: „Въ такомъ случаѣ вы должны были бы вспомнить, что были люди, которые и прежде не только писали и думали объ освобожденіи крестьянъ, но и принимались за ихъ освобожденіе,— я предлагаю тостъ за Пугачева". Это произвело общее смущеніе между гостями Касинова, и быстро облетѣло салоны Петербурга, вызывая осужденія, болѣе или менѣе строгія, среди нашей правительственной бюрократіи, преимущественно либеральной ея части, особенно въ виду того, что Булгаковъ носилъ званіе статсъ-секретаря. Его ожидали разнородныя непріятности, но графъ Панинъ явился его заступникомъ предъ лицомъ государя. Во всякомъ случаѣ, послѣдствія этого эпизода для послѣдующей служебной дѣятельности Булгакова были уже неблагопріятны" [121]).

XXXV.

Въ то время, когда Редакціонныя Коммиссіи оканчивали свои труды, А. В. Головнинъ посѣтилъ свое село Гулынки, Рязанской губерніи, чтобы сдѣлать распоряженія, необходимыя въ виду освобожденія крестьянъ, и оттуда, 24 іюля 1860 года, писалъ князю А. И. Борятинскому: „Меня болѣе всего озабочиваютъ въ настоящее время: 1) Новое поколѣніе крѣпостныхъ крестьянъ, составленное изъ нынѣшнихъ молодыхъ людей и достигающее почти трехъ милліонной цифры, поднимается, слушая каждый день теперь о свободѣ. Это

единственная тема для разговора у крестьянъ повсюду, гдѣ бы они ни сходились. Не трудно понять, какое вліяніе она должна имѣть на эти молодыя головы и на ихъ молодое воображеніе. У насъ, въ центрѣ Россіи, среди этихъ трехъ милліоновъ людей, приготовляется въ очень близкомъ будущемъ воспламеняющійся матеріалъ, тѣмъ болѣе опасный, что онъ вполнѣ для насъ неизвѣстенъ и что наши администраторы въ губерніяхъ никогда не уважали крестьянъ; 2) Вслѣдъ за этимъ поколѣніемъ, которое будетъ буйно и которымъ станетъ тяжело управлять,—слѣдуетъ другое, еще болѣе молодое, составляющееся изъ крестьянскихъ дѣтей, бѣгающихъ теперь около избъ, играющихъ и купающихся въ грязи. Это маленькое народонаселеніе, еще изъ трехъ милліоновъ, конечно, со временемъ будетъ подъ вліяніемъ своихъ старшихъ братьевъ, въ особенности не получая никакого направленія съ другой стороны. Дѣйствительно, ужасно видѣть, что ни духовенство, ни Министерство Народнаго Просвѣщенія ничего положительно не дѣлаютъ для начальнаго поученія народа, оставляя рости эту массу дѣтей безъ малѣйшаго понятія объ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ Богу и людямъ. Какое будетъ послѣдствіе отъ этой небрежности? Цивилизація идетъ впередъ, необходимость въ просвѣщеніи даетъ себя чувствовать, а извѣстныя идеи распространяются въ воздухѣ, не смотря на всѣ полиціи и всѣ цензуры".

Въ томъ же письмѣ будущее Россіи Головнинъ рисуетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. „Признаюсь,—писалъ онъ,—что будущее кажется мнѣ крайне безпокойнымъ! Я провелъ это лѣто въ центрѣ Россіи, среди населенія истинно Русскихъ людей, которое, составляя сжатую колоссальную массу, говоритъ на одномъ языкѣ, исповѣдуетъ одну и ту же вѣру, имѣя одни интересы, составляя истинную силу Россіи и представляя само по себѣ цѣлое могущество. Разсматривая вблизи состояніе страны и вспоминая бюджеты государства, я нахожу, что за послѣдніе сорокъ лѣтъ Правительство много брало у этого народа, а дало ему очень мало... Что же дѣлало Пра-

вительство въ тоже самое время, для этихъ же мѣстъ, взамѣнъ всѣхъ податей? Ничего для церкви, которая существовала народными приношеніями (свѣчной сборъ), ничего для народнаго просвѣщенія, ничего для дороги, такъ какъ онѣ находятся въ томъ же положеніи, въ какомъ онѣ находились во времена нашего предка Рюрика. Правительство содержало, съ незначительными издержками, суды, несправедливость которыхъ вошла въ пословицу, и полицію, которая грабитъ народъ... Государственный доходъ, половина котораго основана на безнравственности народа или, вѣрнѣе, на его развращенности (винный откупъ), тратилась на уплату процентовъ долга, на армію, флотъ и на этотъ далекій Петербургъ, который въ своихъ теперешнихъ размѣрахъ, очень мало полезенъ для настоящей Россіи. И такъ, деньги, получаемыя съ податей, не тратились на ихъ настоящія потребности, все это было большою несправедливостью; а такъ какъ каждая несправедливость всегда наказывается, то я увѣренъ, что наказаніе это не заставитъ себя ждать. Оно настанетъ, когда крестьянскія дѣти, которыя теперь еще только грудные младенцы, выростутъ и поймутъ все то, о чемъ я только что говорилъ. Это можетъ случиться въ царствованіе внука настоящаго государя.... Императоръ прекратилъ одну изъ наибольшихъ несправедливостей, которая длилась цѣлые вѣка— крѣпостную зависимость, и этой прекрасной мѣрою онъ стяжаетъ себѣ безсмертіе во всемірной Исторіи и величайшее имя въ Исторіи народной цивилизаціи. Благодаря этой мѣрѣ и покоренію Кавказа, слава уже пріобрѣтена; онъ приготовляетъ мирное царствованіе для своего сына. Онъ могъ бы удвоить славу и завѣщать внутренній миръ своему внуку, если бы захотѣлъ уничтожить другую несправедливость, о которой я только что говорилъ".

Письмо свое Головнинъ заключаетъ такими словами: „Простите, князь, что письмо такъ длинно. Оно было вызвано подъ впечатлѣніемъ, которое оставила мнѣ эта сторона, и я былъ ободренъ воспоминаніями нашихъ долгихъ разго-

воровъ въ Николаевѣ и на Милліонной, въ 1855—1856 годахъ. Я совершенно съ вами откровененъ".

Такъ мудрствовалъ будущій министръ Народнаго Просвѣщенія.

Наступали наконецъ послѣдніе дни Редакціонныхъ Коммиссій.

12 сентября 1860 года, П. А. Валуевъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „М. Н. Муравьевъ сообщилъ мнѣ разныя подробности о ходѣ крестьянскаго дѣла. Графъ Панинъ отлагаетъ до Главнаго Комитета борьбу съ редакціонистами; а между тѣмъ, даетъ имъ волю завершить проектъ по ихъ усмотрѣнію. Въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ, Булыгинъ, вѣроятно, по наставленію Муравьева, началъ возставать противъ главныхъ началъ проекта, что̀ дало поводъ къ непріятнымъ объясненіямъ съ Милютинымъ, который сказалъ Булыгину, что плоды полуторагодовой думы и трудовыхъ ночей нельзя опровергать результатами поверхностнаго чтенія. Булыгинъ отвѣчалъ, что жаль, если одного поверхностнаго чтенія достаточно для отысканія столь существенныхъ недостатковъ въ плодахъ полуторагодовой думы. Теперь они съ Милютинымъ не кланяются. Понимаю, впрочемъ, Милютина. Онъ догадался, что Булыгину данъ mot d'ordre, и, не безъ основанія, можетъ упрекать его въ томъ, что говоритъ теперь, а молчалъ прежде, пока свѣтило солнце Ростовцова. Раздражительность Милютина въ этомъ дѣлѣ, впрочемъ, показываетъ, что онъ не столь увѣренъ въ окончательномъ успѣхѣ дѣла, какъ прежде полагали. Недавно кто то говорилъ мнѣ, что Милютинъ хочетъ разыграть у насъ роль Штейна. Нельзя не отдать полной справедливости Милютину. Онъ обнаружилъ, въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, много стойкости, дѣятельности и умѣнья. Но онъ не созданъ быть Штейномъ. Если-бы Пруссія 1807 года была преобразована не министромъ, а секретаремъ министра, то Милютинъ могъ-бы быть этимъ секретаремъ въ Россіи. Но быть Штейномъ изъ-за плеча Ланскаго нельзя".

Когда М. Н. Муравьевъ узналъ, что предсѣдателемъ Главнаго Комитета по крестьянскому вопросу будетъ великій князь Константинъ Николаевичъ, то сказалъ: „Nous devons cela à Panine“.

17 сентября 1860 года, Ланской писалъ Милютину: „Государь призывалъ Панина сегодня утромъ и совѣтовалъ ему быть болѣе дѣятельнымъ. Государь недоволенъ медленностью. Панинъ обѣщалъ представить свою работу въ Главный Комитетъ 10-го октября“ [122]).

22 сентября 1860 г., графъ Панинъ въ послѣдній разъ присутствовалъ на засѣданіи общаго присутствія. Въ слѣдующемъ засѣданіи, 25 сентября, предсѣдательствовалъ П. А. Булгаковъ. Когда „усѣлись“, Булгаковъ объявилъ, „держа въ рукахъ бумагу о сообщенномъ ему графомъ Панинымъ высочайшемъ повелѣніи, чтобъ работы Редакціонныхъ Коммиссій были кончены. Любощинскій, подстрекаемый любопытствомъ узнать, къ какому сроку, всталъ, чтобъ заглянуть въ бумагу, которую держалъ въ рукахъ предсѣдательствовавшій, который замѣтивъ это, сказалъ Любощинскому: „Подождите. Что-жъ вы лезете“! (Смѣялись). Велѣно все кончить къ 10 октября 1860 года. П. П. Семеновъ прочиталъ предложеніе графа Панина объ окончаніи работъ Редакціонныхъ Коммиссій. При этомъ Булгаковъ заявилъ, что графъ Панинъ возложилъ на него еще разныя порученія, которыя онъ предложитъ, когда пріѣдетъ въ засѣданіе Милютинъ. Въ „2 часа 3 минуты“, по полудни, пріѣхалъ Милютинъ. Булгаковъ пригласилъ его сѣсть возлѣ него. Милютину тотчасъ сообщили, что состоялось высочайшее повелѣніе о закрытіи Редакціонныхъ Коммиссій къ 10-му октября. „Я знаю, — сказалъ Милютинъ,— я самъ хотѣлъ сообщить вамъ объ этомъ, и думалъ сдѣлать этимъ вамъ сюрпризъ“. Съ своей же стороны, Булгаковъ сказалъ: „Николай Алексѣевичъ теперь прибылъ, такъ вотъ я предъявляю письмо ко мнѣ графа Панина, въ виду распредѣленія нашихъ занятій, такъ, чтобъ все было кончено къ 10 октября, высочайше назначенному сроку закрытія“.

П. П. Семеновъ прочиталъ письмо графа Панина къ Булгакову, слѣдующаго содержанія: „Не имѣя возможности принять участіе въ засѣданіи общаго присутствія Редакціонныхъ Коммиссій на 25-е сего сентября, я имѣю честь просить ваше превосходительство принять въ ономъ вмѣсто меня предсѣдательство, и назначить слѣдующія засѣданія, по мѣрѣ изготовленія предметовъ, подлежащихъ общему обозрѣнію, дабы исполненіемъ высочайшей воли не послѣдовало никакого замедленія въ окончаніи работъ Редакціонныхъ Коммиссій къ назначенному государемъ императоромъ сроку“. Прослушавъ это письмо, Милютинъ замѣтилъ: „Собственно Канцелярія могла бы недѣльки на двѣ подождать. У насъ теперь ужъ въ этомъ засѣданіи все будетъ кончено. Что касается до сдачи дѣлъ, это до членовъ не относится: имъ тутъ нечего мѣшаться“, и, обратясь къ Булгакову, сказалъ: „Это вы разберетесь съ П. П. Семеновымъ“. На это Булгаковъ сказалъ: „Да я что же? Я не настоящій предсѣдатель. Я желаю узнать отъ товарищей, какъ дѣлать, а вы вотъ что отвѣчаете. Я вамъ не начальникъ. Я только старшій въ чинѣ. Что-жъ, это легче толкнуть ногой и отпихнуть отъ себя дѣло, когда намъ что нибудь не нравится“.

За симъ, между Булгаковымъ и Милютинымъ завязался слѣдующій діалогъ:

Милютинъ: „Къ 10 октября мы можемъ все кончить“.

Булгаковъ: „А кодификація“?

Милютинъ: „А это другое. Такъ какъ графъ Панинъ доложилъ государю, не посовѣтовавшись съ тѣми, которые работаютъ,—это его дѣло. Я опредѣлить этого не могу. Всѣ, которые работаютъ, вонъ изъ кожи лѣзутъ“.

Булгаковъ: „Такъ и запишите то, что̀ вы говорите—въ журналъ“.

Милютинъ: „Да нельзя же такъ записать всякое слово, которое говорится“.

Булгаковъ: „Да что-же мнѣ дѣлать“?

Милютинъ: „И представьте, что работы у васъ болѣе нѣтъ“.

Булгаковъ: „Да что-же наконецъ мнѣ представить? Я до… женъ отвѣчать на письмо графа Панина.... Условимтесь ж… что мнѣ сказать графу Панину“.

Милютинъ: „Вкратцѣ повторить ему то, что выходи… изъ общихъ разсужденій, и имъ придумывалось“.

Булгаковъ: „А за симъ слѣдуетъ сказать, что нельзя пре… видѣть, когда кодификаціонный трудъ окончится, и увѣдоми… лишь о томъ, когда мы *надѣемся* кончить наши работы“.

Милютинъ: „А этого послѣдняго не нужно. Пусть о… меня спроситъ, когда мы полагаемъ кончить“.

Тутъ вступилъ въ разговоръ Петръ Семеновъ, и сказал… „Такъ писать ему намъ нельзя. Надо ему представить, ч… по окончаніи вотъ того-то въ нынѣшнемъ засѣданіи, подл… житъ за тѣмъ отдѣльно разсмотрѣнію только докладъ Кодиф… каціонной Коммиссіи, на которое и назначимте присутстві… въ субботу“.

Булгаковъ: „Онъ скажетъ, что медленно, что мы тянемъ“.

На это Желтухинъ замѣтилъ: „Да что-жъ, если и в… пятницу назначили бы, можно было бы спросить, отчего н… въ четвергъ? Это сказать всегда можно“.

Булгаковъ: „Ну, какъ хотите“.

Съ своей стороны и Н. П. Семеновъ замѣтилъ: „Мы в… всякомъ случаѣ должны кончить къ 10-му октября, так… какъ Коммиссіи будутъ послѣ того закрыты, тутъ разсужда… нечего“; а Булгакову онъ сказалъ: „И если вы написали б… что нельзя предвидѣть, когда кодификація будетъ готова ил… что мы надѣемся лишь тогда-то все приготовить, предсѣда… тель былъ бы въ правѣ сказать, что мы не можемъ кончи… къ назначенному высочайшимъ повелѣніемъ сроку наших… работъ“.

Тогда Булгаковъ обратился къ Петру Семенову и ск… залъ ему: „Такъ подготовьте журнальчикъ, Петръ Петрович… о томъ, когда у насъ будутъ засѣданія и письмо туда вн… сите“; но Петръ Семеновъ и Милютинъ, перебивая Булг… кова, сказали: „Нельзя,—это до общаго присутствія не отн…

ится. О томъ, когда могутъ быть назначаемы засѣданія, предсѣдатель долженъ спрашивать тѣхъ, которые работаютъ".

Булгаковъ: „Вы пощадите меня".

Петръ Семеновъ: „Я приготовлю и представлю вамъ матеріалъ для журнала, а тамъ вы измѣните, какъ будетъ угодно".

Булгаковъ: „Да теперь все опредѣлили, какой же еще нуженъ журналъ"?

Петръ Семеновъ: „Нѣтъ, я составлю вамъ записку, что̀ намъ остается дѣлать".

Булгаковъ: „Ну хорошо, пожалуйста. Такъ мы и кончили".

За симъ, приступили къ докладу [123]).

XXXVI.

10 октября 1860 года, подъ предсѣдательствомъ П. А. Булгакова, происходило послѣднее засѣданіе общаго присутствія Редакціонныхъ Коммиссій.

Накануне этого дня, П. А. Валуевъ посѣтилъ Милютина, и нашелъ его въ довольно сильномъ „нервически-раздраженномъ настроеніи". Понятно, писалъ Валуевъ, „послѣдствія продолжительно напряженной работы, разныхъ кризисовъ и столкновеній, наконецъ, шестимѣсячнаго оффиціальнаго сообщничества съ графомъ Панинымъ, — сами по себѣ достаточно могли бы объяснить это настроеніе, даже если-бы къ нимъ не присоединялось горькое чувство устраненія отъ дальнѣйшаго движенія дѣла. Усилія великаго князя Константина Николаевича ввести Милютина въ Главный Комитетъ не имѣли успѣха" [124]).

Въ этомъ послѣднемъ засѣданіи было прочитано слѣдующее предложеніе графа Панина: 1) „Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ закрыть Редакціонныя Коммиссіи 10-го числа сего октября и передать всѣ неоконченныя работы въ вѣдѣніе и распоряженіе государственнаго секретаря. Вмѣстѣ съ тѣмъ, его императорскому величеству благоугодно было всемилостивѣйше повелѣть объявить Ком-

миссіямъ и ихъ Канцеляріи высочайшее благоволеніе, за не утомимые и усердные ихъ труды; 2) Государь император высочайше повелѣть соизволилъ: составленный Финансово Коммиссіей проектъ о выкупѣ крестьянами поземельных угодій, обсудить въ соединенныхъ засѣданіяхъ Гавнаго Коми тета по крестьянскому дѣлу съ Финансовымъ Комитетомъ, тѣ положенія, кои будутъ ими постановлены, внести въ сво время въ общее собраніе Государственнаго Совѣта".

Въ послѣднемъ засѣданіи „нервическо-раздраженное" на строеніе Милютина обнаружилось въ перебранкѣ его с В. И. Булыгинымъ.

Свой отчетъ объ этомъ послѣднемъ засѣданіи, Н. П. Се меновъ заключилъ такими словами: „Такъ совершенъ былъ в продолженіи девятнадцати мѣсяцевъ и шести дней трудъ со ставленія Положеній объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьян во всей Имперіи, и вмѣстѣ съ прекращеніемъ дѣятельност Редакціонныхъ Коммиссій, кончается и моя лѣтопись".

Вслѣдъ за закрытіемъ Редакціонныхъ Коммиссій, ордером министра Юстиціи, Н. П. Семеновъ былъ командированъ со стоять при государственномъ секретарѣ Бутковѣ, для занятi и нужныхъ объясненій по крестьянскому дѣлу, на все врем прохожденія его чрезъ Главный Комитетъ и Государственны Совѣтъ. Любощинскій получилъ такое же предписаніе. Вслѣд ствіе этой командировки Семеновъ представился Буткову, ко торый былъ въ началѣ сильнымъ противникомъ Редакціон ныхъ Коммиссій. Принимая Семенова очень привѣтливо благосклонно, Бутковъ спросилъ его будетъ ли онъ считат себя оскорбленнымъ тѣмъ, что онъ не будетъ его тревожит и возлагать на него порученій? Семеновъ отвѣчалъ, что эт отъ него зависитъ и что обижаться этимъ онъ не имѣет основанія. Послѣ этого разговора Бутковъ не возлагалъ н Семенова ни разу какого-либо порученія. Подобнымъ же обра зомъ Бутковъ поступилъ и съ Любощинскимъ, объяснивъ по томъ П. П. Семенову, что давая прикомандированнымъ к нему занятія, онъ считалъ бы своею обязанностію ходатай

ствовать объ особенныхъ для нихъ наградахъ, а это было бы невозможно при графѣ Панинѣ, которому они были подчинены, и съ которымъ онъ не хотѣлъ входить въ препирательства"...

Нѣкоторые изъ другихъ членовъ Редакціонныхъ Коммиссій распредѣлились между высокопоставленными лицами, принимавшими участіе въ окончательномъ разрѣшеніи крестьянскаго дѣла и раздѣлившимися на нѣсколько группъ, имѣвшія каждая своихъ послѣдователей. П. П. Семеновъ былъ приглашенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта графомъ Д. Н. Блудовымъ, съ которымъ и занимался, помогая ему приготовляться ко всѣмъ засѣданіямъ по крестьянскому дѣлу, а сверхъ того давалъ нужныя объясненія великому князю Константину Николаевичу, который часто къ нему обращался, также какъ къ князю Черкасскому, Милютину и Самарину. Всѣ они принадлежали къ кружку великой княгини Елены Павловны. Къ Ланскому стояли ближе всѣхъ Милютинъ и Соловьевъ. Булыгинъ состоялъ при М. Н. Муравьевѣ. Желтухинъ—при князѣ Гагаринѣ. Жуковскій былъ завѣдывавшимъ дѣлами Главнаго Комитета, и вмѣстѣ съ Домонтовичемъ составлялъ журналъ его засѣданій и объяснительную записку, съ которой дѣло перешло въ Государственный Совѣтъ.

Неоффиціально главнымъ сотрудникомъ великаго князя Константина Николаевича былъ А. В. Головнинъ. Вотъ что писалъ послѣдній изъ Царскаго Села, 21 октября 1860 года, къ князю А. И. Борятинскому: „Я предполагаю пробыть зиму въ Петербургѣ, занимаясь изданіемъ нѣсколькихъ записокъ относительно освобожденія крестьянъ, дабы приготовить великаго князя Константина Николаевича къ разсмотрѣнію этого дѣла въ Главномъ Комитетѣ".

8 октября 1860 года, А. О. Россетъ писалъ своей сестрѣ: „Россіи теперь, какъ знаешь, совсѣмъ не до смѣха и не до взаимныхъ укоровъ. Болѣе чѣмъ когда нибудь вниманіе всѣхъ обращено на Главный Комитетъ; въ будущій вторникъ начнутся тамъ дебаты по крестьянскому дѣлу. Князь Орловъ,

человѣкъ конченный, впалъ въ положеніе Прусскаго коро.
и на мѣстѣ его предсѣдательствуетъ въ Комитетѣ Конст
тинъ Николаевичъ, что успокоиваетъ Редакціонную Коммис
и еще болѣе тревожитъ противную партію,—огромное бо.
шинство, почти все Дворянство".

Графъ П. Х. Граббе, возвратившись изъ Петербурга
свою Малороссійскую деревню, подъ 10 декабря 1860 го
записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Общее впечатлѣніе, ос
вленное пребываніемъ въ Петербургѣ, смутно и нерадост
Между тѣмъ какъ готовятся и близки уже преобразован
могущія не только измѣнить, но потрясти весь настоящ
бытъ Россіи, въ обществѣ слышны пустая болтовня объ опе
восторги за ту или другую пѣвицу".

XXXVII.

Вскорѣ, послѣ закрытія Редакціонныхъ Коммиссій, „
сударъ самъ,—свидѣтельствуетъ Н. П. Семеновъ,—вырази
желаніе видѣть бывшихъ членовъ у себя, и поблагодар
лично за трудъ ими совершенный" [125]).

Въ письмѣ Ланскаго къ Милютину, отъ 25 октября 18
года, мы читаемъ: „Государь приметъ всѣхъ членовъ Ред
ціонныхъ Коммиссій... Этимъ вы обязаны не Панину. Го
дарь самъ того пожелалъ". Валуевъ же, въ своемъ *Дневни*
сообщаетъ слѣдующее: „Пріемъ былъ назначенъ по докл
Ланскаго, вѣроятно въ видѣ вознагражденія за нелюбезн
procedés Панина при закрытіи Коммиссій. Панинъ бы
повидимому, непріятно пораженъ этимъ и вчера (накан
пріема), около полуночи, присылалъ Муравьева сына (Леон
Михайловича) къ отцу, чтобы спросить, не знаетъ ли о
черезъ Булыгина, какихъ нибудь подробностей о поводахъ
назначенію аудіенціи" [126]).

Пріемъ членовъ состоялся, въ Зимнемъ Дворцѣ, 1 ноя
1860 года. Государь, какъ только вышелъ, прямо обрати

къ присутствующимъ съ такою, можно сказать, задушевною рѣчью: „Я васъ желалъ видѣть, господа, чтобы поблагодарить за ваши добросовѣстные труды, по дѣлу, которое такъ близко моему сердцу; работа ваша была огромная. Конечно, всякій человѣческій трудъ имѣетъ свои несовершенства, и это дѣло не можетъ быть совершенно. Вы сами это знаете; это очень хорошо знаю и я. Можетъ быть, придется многое измѣнить; но во вяскомъ случаѣ вамъ принадлежитъ честь перваго труда, и Россія будетъ вамъ благодарна. Она васъ вспомнитъ, по этому я желалъ отъ души васъ поблагодарить, господа. Я надѣюсь, что потомъ каждый изъ васъ, въ своемъ кругѣ, будетъ содѣйствовать успѣху нашего дѣла къ общему намъ благу. Дѣло это слишкомъ близко моему сердцу: я увѣренъ, что оно также близко вамъ, какъ и мнѣ. Еще разъ благодарю васъ отъ души.

„Графъ Панинъ, который заступилъ мѣсто Якова Ивановича, не разъ говорилъ мнѣ и свидѣтельствовалъ о вашихъ добросовѣстныхъ занятіяхъ“.

Обратясь къ графу Панину, государь сказалъ: „Я и васъ благодарю, графъ“. Уходя, государь, пожалъ ему руку, проговоривъ: „Богъ поможетъ намъ кончить“ [127]).

Изъ Зимняго Дворца, В. И. Булыгинъ пріѣхалъ прямо къ М. Н. Муравьеву и разсказалъ ему о пріемѣ слѣдующее: „Странную роль при этомъ представленіи игралъ Ланской. Онъ выхлопоталъ аудіенцію, вслѣдствіи письма, написаннаго Самаринымъ, Галаганомъ, Черкасскимъ и Голицинымъ на имя Милютина, съ косвенною жалобою на Панина. Онъ выхлопоталъ ее мимо Панина. Онъ присутствовалъ на аудіенціи, приготовилъ и держалъ въ карманѣ списокъ членовъ, которыхъ разставлялъ Милютинъ. Но этимъ и ограничилось все его участіе въ дѣлѣ. Списокъ остался въ карманѣ. Государь ничего не сказалъ Ланскому, вышелъ изъ кабинета въ сопровожденіи Панина, словомъ обошелся съ Ланскимъ какъ будто бы Ланскій былъ однимъ изъ членовъ Редакціонныхъ Коммиссій. Это объясняется отчасти тѣмъ, что Панинъ успѣлъ, говорятъ,

написать государю письмо, въ которомъ, въ свою очередь, жаловался на предоставленіе аудіенціи помимо его и т. д.“ [128]).

Послѣ отпуска государемъ членовъ Редакціонныхъ Коммиссій, всѣ они сговорились, тутъ же во Дворцѣ, отслужить въ Казанскомъ соборѣ благодарственный молебенъ за благополучное совершеніе ими возложеннаго на нихъ труда. Такимъ образомъ, какъ открытіе означенныхъ Коммиссій, такъ и закрытіе ихъ сопровождалось молитвою. Этотъ молебенъ былъ отслуженъ, 2 ноября 1860 года, ключаремъ Казанскаго собора, протоіереемъ Сидонскимъ, обратившимся по окончаніи службы къ присутствовавшимъ, почти въ полномъ составѣ, членамъ Коммиссій съ слѣдующимъ краткимъ, напутственнымъ словомъ: „Всякое начинаніе, всякое предпріятіе становится прочнымъ и приноситъ благіе плоды, когда въ основаніе его положено доброе семя.

„Дѣло, которое было на васъ возложено—великое. Вниманіе государя было устремлено на васъ, и вы имъ теперь взысканы. На васъ возлагались многія надежды...

„Смѣю изречь радость, если въ вашей душѣ было сокровенное желаніе посѣять доброе семя“.

7 ноября 1860 года, въ 6-ть вечера, состоялся прощальный обѣдъ семнадцати членовъ Редакціонныхъ Коммиссій, въ ресторанѣ Martin. Въ обѣдѣ участвовали: Арапетовъ, Галаганъ, Гирсъ, князь Голицынъ, Домонтовичъ, Желѣзновъ, Жуковскій, Заблоцкій, Калачовъ, Любощинскій, Милютинъ, Поповъ, Самаринъ, Николай Семеновъ, Петръ Семеновъ и князь Черкасскій.

Распорядителемъ былъ Арапетовъ,—любитель гастрономическихъ обѣдовъ и дорогихъ винъ, почему обѣдъ, болѣе обыкновеннаго роскошный, обошелся по восемнадцати рублей съ персоны.

Меню обѣда было слѣдующее:

Potage Oukà de sterlets et foies de lotte Medicis.
Petit pâtés.
Ballottine de becasses à la gelée.
Filet de boeuf à la Mazarin.

Truites au beurre frais.
Filets de poulardes à la portugaise aux truffes.
Punch glacé.
Asperges en branches.
Rot petit gibiers et chapons.
Pomme à la chateaubriant.
Sultane à la chantilly.
Fruits et bombons.

Обѣдъ былъ оживленъ. Арапетовъ не умолкалъ, разсказывая, по обыкновенію, разные анекдоты и подтрунивая надъ нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ. Больше другихъ шутили надъ Любощинскимъ. Милютинъ и князь Черкасскій спрашивали его, чтó скажетъ начальство когда узнаетъ, что онъ вошелъ въ опасную компанію. Въ продолженіе обѣда Милютинъ горячо выражалъ свое неудовольствіе на М. Н. Муравьева, вставалъ и подходилъ къ двери сосѣдней комнаты, говоря: Я имѣю основаніе думать, что тамъ сидятъ, можетъ быть, такіе люди, которымъ III-е Отдѣленіе поручило наблюдать за нами; могутъ быть такіе и въ числѣ прислуги. Надо быть осторожными. Жуковскій и Домонтовичъ опоздали къ обѣду. Они пріѣхали изъ Главнаго Комитета, гдѣ затянулось засѣданіе... Разговоры имѣли характеръ дружеской бесѣды и располагали къ пріятному препровожденію времени. Когда дѣло дошло до здравицъ, князь Черкасскій всталъ, и первый тостъ предложилъ за здоровье государя. Затѣмъ Галаганъ предложилъ за здоровье князя Черкасскаго. Милютинъ поднялъ бокалъ: „За нашу дружбу“. Милютинъ опять поднялъ бокалъ: „За успѣхъ нашего дѣла“. Князь Черкасскій предложилъ еще: „За здоровье всѣхъ тѣхъ, которые, гдѣ бы они ни были и какими то ни было способами, стояли за крестьянское дѣло“. Самаринъ: „Я прибавилъ бы и за тѣхъ, которые дѣйствовали и противъ насъ. Они намъ помогли“. Въ это время Н. П. Семеновъ, захвативъ съ собою листокъ бумаги, сталъ записывать тосты. Милютинъ обратилъ на него вниманіе сидѣвшихъ возлѣ него, и Арапетовъ, указывая на него, воскликнулъ: „Посмотрите, Николай Петровичъ все записываетъ, чтò вы говорите“. Обратясь же къ Семенову сказалъ: „Нѣтъ, ради Бога,

неужели вы все это передадите потомству? Пожалуйста, не выводите меня". Семеновъ засмѣялся и старался успокоить Арапетова, говоря, что всего онъ не записываетъ, а если бы и дошло что нибудь объ этомъ прощальномъ обѣдѣ до потомства, то во всякомъ случаѣ очень нескоро. Кто то обратился къ Петру Семенову съ бокаломъ въ рукѣ и сталъ поздравлять его. Другіе стали любопытствовать, по какому случаю его поздравляютъ, и когда узнали, что со днемъ рожденія его сына, Дмитрія Петровича, всѣ подняли бокалы за здоровье сына и спрашивали отца, отчего онъ не привезъ его съ собою на молебенъ 2 ноября. Милютинъ и нѣкоторые другіе изъявляли Петру Семенову желаніе, чтобъ сынъ его былъ воспитанъ въ новыхъ идеяхъ.

За тѣмъ Арапетовъ сказалъ: „Я люблю имя Юрія и предлагаю выпить за здоровье Юрія Өедоровича Самарина". Это былъ послѣдній тостъ. Встали изъ-за стола въ 9 часовъ 10 минутъ вечера.

XXXVIII.

Въ день закрытія Редакціонныхъ Коммиссій, 10 октября 1860 года, состоялось первое засѣданіе Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, и до самаго объявленія въ Петербургѣ, 5 марта 1861 года, манифеста 19 февраля, все, что́ происходило по дѣлу освобожденія крестьянъ,—свидѣтельствуетъ Н. П. Семеновъ,—„было покрыто непроницаемой тайной, даже для большинства членовъ бывшихъ Редакціонныхъ Коммиссій".

Эта „непроницаемая тайна" очень смущала общество. „Ожидаютъ — писалъ А. О. Россетъ своей сестрѣ — съ ужаснымъ страхомъ рѣшенія главнаго вопроса и тѣмъ болѣе тревожатся, что не знаютъ, что тамъ происходитъ" [129]).

За нѣсколько дней до закрытія Редакціонныхъ Коммиссій, тяжкая болѣзнь князя А. Ө. Орлова лишила его возможности предсѣдательствовать въ Главномъ Комитетѣ; вслѣдствіи чего государь назначилъ предсѣдательствующимъ въ Комитетѣ ве-

ликаго князя Константина Николаевича, только что вернувшагося изъ своего путешествія по Востоку.

Великій князь Константинъ Николаевичъ горячо сочувствовалъ Редакціоннымъ Коммиссіямъ; но прочіе члены Главнаго Комитета не раздѣляли воззрѣнія предсѣдателя на новыя положенія. Вполнѣ сочувствовали имъ только С. С. Ланской, графъ Д. Н. Блудовъ и К. В. Чевкинъ. Другіе три члена—М. Н. Муравьевъ, князь Вас. А. Долгоруковъ и А. М. Княжевичъ, желали, напротивъ, внести въ нихъ существенныя измѣненія. Князь П. П. Гагаринъ, поддерживаемый графомъ Адлербергомъ, настаивалъ на освобожденіи крестьянъ съ обязательнымъ надѣломъ, всего по одной десятинѣ на душу, и съ предоставленіемъ затѣмъ крестьянамъ найма остальныхъ земель, по добровольнымъ съ помѣщиками соглашеніямъ. Наконецъ, самъ графъ В. Н. Панинъ выражалъ несогласіе съ проектами Редакціонныхъ Коммиссій по четыремъ важнымъ статьямъ: о вотчинной полиціи помѣщиковъ; объ ограниченіи правъ собственности помѣщиковъ на предоставленныя крестьянамъ въ пользованіе земли; о безсрочномъ пользованіи крестьянъ этими землями; объ опредѣленіи размѣра высшихъ и низшихъ надѣловъ.

Разсмотрѣнію проектовъ положеній Главный Комитетъ посвятилъ болѣе сорока засѣданій, продолжавшихся каждое свыше шести и даже семи часовъ [130]).

Подъ 10 октября 1860 г., П. А. Валуевъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Былъ утромъ у М. Н. Муравьева, который объявилъ мнѣ, что желаетъ, чтобъ я занялся крестьянскимъ дѣломъ и ему помогалъ разбирать оное между засѣданій Главнаго Комитета. Вечеромъ М. Н. Муравьевъ разсказалъ мнѣ подробности перваго засѣданія Главнаго Комитета, поручивъ хранить объ этихъ сообщеніяхъ совершенную тайну, потому что всѣ члены Комитета обязаны, по высочайшему повелѣнію, безусловно сохранять тайну. Предсѣдательствовалъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Дѣло началось объявленіемъ высочайшей воли на счетъ секрета совѣщаній, не-

премѣннаго окончанія занятій къ 1-му декабря, внесенія дѣла въ Государственный Совѣтъ не позже 15-го того-же мѣсяца и окончательнаго рѣшенія къ 1-му января будущаго 1861 года. Затѣмъ, прочитана, равномѣрно по высочайшему повелѣнію, предсмертная записка Ростовцова. Послѣ прочтенія оной, начались общія сужденія, какъ о сущности дѣла, такъ и о порядкѣ совѣщаній. Положили имѣть до 2-хъ и 3-хъ засѣданій въ недѣлю и начать въ будущій разъ, 14-го числа, съ разбора проекта Положенія о мировыхъ посредникахъ, уѣздныхъ присутствіяхъ и губернскихъ присутствіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ. Экземпляръ проекта мнѣ переданъ, съ порученіемъ доложить мои мысли и замѣчанія по сему предмету наканунѣ засѣданія. Графъ Блудовъ немедленно высказался въ пользу выкупа, не разбирая, какъ его произвести и какими способами его обезпечить. Князь П. П. Гагаринъ говорилъ, повидимому, несовсѣмъ удачно, въ пользу безусловнаго примѣненія начала добровольныхъ соглашеній. Графъ Панинъ говорилъ о неприкосновенности правъ собственности и неуклонномъ соблюденіи высочайшей воли. Наконецъ М. Н. Муравьевъ также распространился на счетъ святости правъ собственности. Затруднительность выкупа съ финансовой точки зрѣнія, подтвердили Чевкинъ и министръ финансовъ. Противъ обязательнаго выкупа высказался великій князь Константинъ Николаевичъ и почти всѣ члены. Графъ Блудовъ одинъ защищалъ его. Ланской молчалъ. Неблагорасположеніе къ трудамъ Редакціонныхъ Коммиссій выражалось весьма ясно въ рѣчахъ Панина, Гагарина и Муравьева, у котораго долго сдержанная желчь, копившаяся еще со временъ Ростовцова, разливается. Впрочемъ, ничего рѣшительнаго не постановлено“.

По порученію М. Н. Муравьева, П. А. Валуевъ писалъ контръ-проектъ, который Муравьевъ противопоставилъ предположеніямъ Редакціонныхъ Коммиссій при обсужденіи ихъ въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу. Не будучи противникомъ самого преобразованія, Валуевъ осуждалъ тенден-

ціозность Н. А. Милютина и его товарищей, проявившуюся въ полномъ устраненіи Дворянства отъ руководства самоуправленіемъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ. Двѣ главныя мысли лежали въ основѣ его критики проектовъ Редакціонныхъ Коммиссій: онъ признавалъ желательнымъ, не возстановлять одного сословія противъ другого, но стараться ихъ примирить, а также находилъ, что лучше ограничиться установленіемъ главныхъ началъ реформы, и затѣмъ дать развиваться дѣлу самимъ собою".

П. А. Валуевъ, познакомившись съ проектомъ, нашелъ въ немъ много хорошаго, хотя, какъ онъ замѣтилъ, въ немъ есть и странныя тенденціозныя особенности, напримѣръ, выборъ посредниковъ одними крестьянами и производство выбора дворянъ-посредниковъ крестьянами, подъ предсѣдательствомъ городскаго головы. Во всякомъ случаѣ, заключаетъ онъ, „нельзя не признать, что Редакціонныя Коммиссіи лучше владѣютъ законодательнымъ языкомъ, чѣмъ Правительствующій Сенатъ и Второе Отдѣленіе".

По замѣчанію П. А. Валуева, М. Н. Муравьевъ „въ сущности не столько занятъ крестьянскимъ дѣломъ сколько критикою труда Редакціонныхъ Коммиссій, ѣздитъ на конькѣ громкихъ фразъ о монархическихъ и демократическихъ началахъ, говоритъ о союзѣ съ Чевкинымъ и Панинымъ, утверждаетъ, что не смотря на всѣ высочайшія повелѣнія, дѣла нельзя кончить къ 1-му января, занятъ ожиданіемъ князя Долгорукаго и графа Адлерберга" и пр. Обращаясь къ себѣ, Валуевъ говоритъ: „Трудная мнѣ досталась доля... Соглашаясь съ М. Н. Муравьевымъ на счетъ разныхъ частностей, я не могъ согласиться на счетъ мнимыхъ превосходствъ нынѣшняго порядка волостнаго устройства и волостныхъ выборовъ, на счетъ не менѣе мнимой способности къ дѣйствію нашихъ губернскихъ и сословныхъ учрежденій, и въ особенности на счетъ пригодности тормазовой методы въ дальнѣйшемъ направленіи и рѣшеніи дѣла... Я сказалъ М. Н. Муравьеву, что онъ напрасно разсчитываетъ на силу графа Панина и на

помощь Чевкина, и что если онъ только будетъ заботиться о разгромленіи проекта, не разбирая ни того, что̀ въ немъ хорошо, ни того, чего уже миновать нельзя, то отъ частей, которыя устранить или измѣнить можно, — онъ не спасетъ дѣла, а себя уронитъ".

Утромъ (14 октября), предъ засѣданіемъ Главнаго Комитета, Валуевъ посѣтилъ Муравьева, и повторилось вчерашнее преніе. „Панинъ не устоитъ, — сказалъ Валуевъ,—а Чевкинъ вамъ измѣнитъ". Валуеву показалось, что эти слова его подѣйствовали на Муравьева.

Валуевъ слышалъ отъ Скарятина, что прошлою зимою, въ привольной бесѣдѣ, Милютинъ будто бы проговорился въ присутствіи его, Хлюстина и нѣсколькихъ другихъ дворянъ, высказавъ такъ свою заднюю мысль: „Васъ, дворянъ, нельзя расшевелить мелочами. Вы почешетесь, перевернетесь, да опять заснете. Васъ надобно такъ кольнуть, чтобы вы подпрыгнули вверхъ". Нѣчто въ этомъ родѣ, — пишетъ Валуевъ,—говорилъ мнѣ, прошлою весною, князь А. Ил. Васильчиковъ".

Между тѣмъ, В. И. Булыгинымъ были представлены разные любопытные факты и выводы, доказывающіе, съ одной стороны, произволъ Редакціонныхъ Коммиссій въ избраніи основныхъ началъ, ихъ предположеній по части хозяйственныхъ вопросовъ, съ другой—несправедливыя и часто разорительныя послѣдствія постановленныхъ ими правилъ".

Не взирая на сіе, Валуевъ считалъ „дѣло Редакціонныхъ Коммиссій выиграннымъ". Онѣ, замѣчаетъ онъ, „были составлены такъ, чтобы никто не могъ противорѣчить системѣ большинства. Главный Комитетъ составленъ такъ, чтобы никто не умѣлъ противорѣчить" [131]).

А. В. Головнинъ, въ письмѣ своемъ къ князю А. И. Борятинскому, такъ описываетъ дѣятельность Главнаго Комитета: „Пренія очень горячія. Нужно отдать справедливость великому князю-предсѣдателю, что всѣ члены пользовались полною свободою выражать свои мнѣнія, и нужно прибавить, что по своей молодости, по своимъ физическимъ силамъ, уму

и памяти, которыми природа такъ счастливо надѣлила великаго князя, и по прилежанію, онъ оказался лучше знающимъ дѣло, чѣмъ всѣ члены. Дѣло затянулось, благодаря безконечнымъ преніямъ, большому разномыслію среди членовъ, наиболѣе вліятельныхъ, а въ особенности, по моему мнѣнію, потому, что секретарь Комитета Бутковъ, до сихъ поръ не успѣлъ еще раскрыть, который изъ членовъ наиболѣе могущественен, а слѣдовательно, не знаетъ, въ чью пользу привести въ движеніе всю силу Канцеляріи, которая имѣетъ дѣйствительную власть у насъ. Императоръ — возвратившійся, между тѣмъ изъ Варшавы, — остается безмолвнымъ и безстрастнымъ, и не позволяетъ догадываться, которому изъ различныхъ мнѣній его величество симпатизируетъ. Вообще нужно сказать, что веденіе императоромъ всего этого дѣла дѣлаетъ ему величайшую честь" [132]).

XXXIX.

Не смотря на неутомимую дѣятельность Главнаго Комитета, состояніе умовъ въ Россіи было тревожное.

Князь Вас. А. Долгоруковъ говорилъ, что „въ виду общаго неудовольствія Дворянства, ежедневно заявляемаго получаемыми на высочайшее имя письмами, онъ, князь Долгоруковъ, не отвѣчаетъ за общественное спокойствіе, если предположенія Редакціонныхъ Коммиссій будутъ утверждены; что онъ рѣшился не отступать отъ своего мнѣнія и скорѣе сложить съ себя свое званіе, что онъ это заявилъ государю".

Митрополитъ Кіевскій Арсеній писалъ епископу Костромскому Платону: „Пишутъ ли вамъ изъ Москвы и Питера, и что̀ пишутъ? А къ намъ сюда доходятъ оттуда слухи не совсѣмъ благопріятные. Какое странное тамъ броженіе умовъ и недовольство настоящимъ, на что̀ намекаетъ мнѣ въ письмѣ своемъ и митрополитъ Новгородскій Исидоръ. При такомъ положеніи дѣлъ неизбѣжно будетъ воззвать къ Господу: *Пріизри*

съ небесе Боже, и виждь, и посѣти виноградъ Твой, егоже насади десница Твоя, милостію и щедротами" [133]).

Это положеніе дѣлъ не могло также не тревожить и такихъ государственныхъ людей, связанныхъ съ Русскою Землею крѣпкими корнями, каковымъ былъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, и имя котораго принадлежитъ Русской Исторіи, и ждетъ безпристрастнаго суда ея.

Находя, что Положенія Редакціонныхъ Коммиссій, разсматриваемыя въ Главномъ Комитетѣ, произвольны, несправедливы и часто разорительны, онъ, въ качествѣ члена Главнаго Комитета, счелъ своимъ долгомъ, вмѣстѣ съ княземъ Долгоруковымъ и Княжевичемъ, представить контръ-проектъ. Редакторомъ этого проекта, какъ мы уже знаемъ, Муравьевъ избралъ своего директора Департамента Сельскаго Хозяйства П. А. Валуева [134]). Любопытныя свѣдѣнія о ходѣ работъ по этому проекту мы находимъ въ *Дневникѣ* редактора, но при этомъ съ сожалѣніемъ должны заявить, что свидѣтельства П. А. Валуева не отличаются безпристрастіемъ касательно личности Муравьева.

Въ это же самое время генералъ Зеленый имѣлъ продолжительный разговоръ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, изъ котораго оказывается, что великій князь „увѣренъ въ успѣхѣ и отвѣчаетъ головою" за окончаніе дѣла въ Главномъ Комитетѣ къ 1-му декабря 1860 года. Онъ отзывался рѣзко о М. Н. Муравьевѣ и князѣ Вас. А. Долгоруковѣ. Когда генералъ Зеленый сказалъ, что желательно не ожесточать Дворянство, великій князь спросилъ: „Что-жъ вы хотите сказать"?....

Приступая къ редакціи проекта, Валуевъ представился князю В. А. Долгорукову, и въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 7 ноября 1860 г., записалъ: „Вечеромъ, два часа у князя В. А. Долгорукова. Потомъ у М. Н. Муравьева. Куда идемъ мы? И кто ведетъ насъ? Нѣтъ словъ достаточно блѣдныхъ, чтобы передать впечатлѣніе, производимое нѣкоторыми изъ нашихъ leaders. Князь Долгоруковъ говоритъ

о крестьянскомъ дѣлѣ en marquis de l'ancien régime... При томъ какая-то наивная, комическая ограниченность во взглядѣ и сужденіяхъ, какая то школьническая готовность принимать слова за факты, ложь за сущность, и тѣшиться гладкою редакціею, какъ выиграннымъ тезисомъ. Вотъ, напримѣръ, наивности: князь Долгоруковъ началъ съ того, что прочиталъ мнѣ родъ программы, или пояснительной записки, написанной по его распоряженію, и просилъ ее пополнить и додѣлать. Въ разговорѣ о крестьянскомъ вопросѣ я, между прочимъ, сказалъ, что желательно бы вообще не возстановлять одно сословіе противъ другого, но стараться примирить ихъ. „C'est une bonne idée“ (новая мысль, нечего сказать!), сказалъ князь, „vous devriez bien mettre cela dans votre mémoire“. Черезъ четверть часа, по поводу подробнаго регламентированія разныхъ вопросовъ въ проектѣ Редакціонныхъ Коммиссій, я выразилъ мысль опять весьма не новую, что лучше довольствоваться главными чертами, установленіемъ главныхъ началъ, и затѣмъ дать дѣлу развиваться самимъ собою, органически. Хлѣбъ не сажаютъ снопами, сказалъ я, а сѣютъ зерномъ. „Это хорошая мысль,—отвѣчалъ еще разъ князь Долгоруковъ,—вамъ бы слѣдовало помѣстить ее въ запискѣ“. Мое положеніе почти нестерпимо. Я связанъ по рукамъ и ногамъ. Я не могу вырваться на волю. Я закабаленъ служить. А между тѣмъ, быть на службѣ покорнымъ редакторскимъ орудіемъ князя Долгорукова и генерала Муравьева — ужасная доля“.

Между тѣмъ, работа надъ контръ-проектомъ шла, и подъ 11 ноября 1860 года, Валуевъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Продолжаю редакціонный трудъ. Приходится составлять на скорую руку новую систему повинностей, въ замѣну системы Редакціонныхъ Коммиссій. У М. Н. Муравьева засѣдали до половины 2-го ночи съ Булыгинымъ, Нееловымъ, Ивановымъ и Деномъ... A more or less desultory conversation about emancipatorial matters *). При всемъ томъ—и странное дѣло,

*) Болѣе или менѣе неудовлетворенный разговоръ объ эмансипаціонныхъ предметахъ.

въ особенности благодаря маленькимъ записочкамъ князя Долгорукова, дѣло начинаетъ выясняться и система контръ-проекта становится довольно порядочною" [135]).

Такимъ образомъ, и самъ Валуевъ принужденъ былъ отдать справедливость Муравьеву.

Въ тоже время, М. Н. Муравьевъ сказалъ Валуеву, что онъ рѣшился „безъ обиняковъ объяснить государю причины коренного разногласія его и князя Долгорукаго съ Редакціонными Коммиссіями и нѣкоторыми членами Комитета, не только по вопросу о цифрахъ надѣла, но и по всѣмъ главнымъ частямъ системы. Онъ упомянулъ о политическихъ сторонахъ вопроса, сказалъ, что государю дѣло докладывается невѣрно, что обращаемое къ нему и князю Долгорукову обвиненіе въ стараніи замедлить разрѣшеніе дѣла ни на чемъ не основано. Государь, по увѣренію Муравьева, казался пораженнымъ тѣмъ, что сей послѣдній ему говорилъ".

Посѣтившіе М. Н. Муравьева: князь В. А. Долгоруковъ, графъ В. Н. Панинъ, князь П. П. Гагаринъ и В. П. Бутковъ, для объясненія по крестьянскому дѣлу, сообщили ему, что великій князь Константинъ Николаевичъ, „повидимому, начинаетъ сомнѣваться въ успѣхѣ защищаемыхъ имъ началъ. Государь будто бы не говоритъ съ нимъ объ этомъ дѣлѣ и великій князь старается поладить съ Панинымъ, которому государь оказываетъ непостижимое довѣріе".

Все это возбудило ненависть Головнина къ М. Н. Муравьеву, и первый писалъ князю А. И. Борятинскому: „Теперь, когда законодательная работа окончена, наступаетъ вторая часть труда, можетъ быть, самая трудная,—приведеніе въ исполненіе новаго устава, и здѣсь представляется одинъ важный вопросъ: будетъ ли государь продолжать употреблять въ дѣло лица, которыя рѣшались открыто признавать себя врагами этой великой реформы, какъ Муравьевъ, князь Долгоруковъ и Тимашевъ, или дряхлые старики, позволяющіе собой руководить окружающимъ и едва знающіе, что̀ они подписываютъ, какъ Ланской и Княжевичъ, или лица лѣтъ шести-

десяти, легко мѣняющія свою систему и мысли, какъ графъ Панинъ, открыто заявлявшій себя врагомъ трудовъ Крестьянской Коммиссіи и потомъ сдѣлавшійся наиболѣе горячимъ ея защитникомъ? По моему мнѣнію, кто наиболѣе вреденъ для императора — это генералъ Михаилъ Муравьевъ. Я помню, какъ однажды я писалъ графу Киселеву въ Парижъ, что генералъ Муравьевъ станетъ Аракчеевымъ настоящаго царствованія, и затѣмъ я съ горечью вижу, что онъ сдѣлалъ уже нѣсколько шаговъ по этой дорогѣ. Не дай Богъ, чтобы мое пророчество осуществилось! Императоръ Александръ I, мягкій, человѣколюбивый, либеральный, умный и полный познаній, терпѣлъ вредное вліяніе человѣка грубаго, ужаснаго, жестокаго и совершенно несвѣдущаго, какимъ былъ Аракчеевъ!

„Настоящій императоръ имѣетъ безконечно болѣе ума и знаній, чѣмъ Муравьевъ; онъ добръ и желаетъ блага Россіи; но у Муравьева болѣе хитрости, коварства, и со всѣмъ этимъ онъ эгоистъ злой и одаренъ безстыдствомъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ скоро станетъ всемогущимъ, такъ какъ теперь онъ уже слишкомъ могуществен“.

Впослѣдствіи, уже послѣ освобожденія крестьянъ, когда митрополитъ Филаретъ узналъ, что М. Н. Муравьевъ оставляетъ Министерство Государственныхъ Имуществъ, то писалъ его брату Андрею Николаевичу: „Въ нынѣшнее время, кажется, особенно нужно, чтобы крѣпкіе столпы стояли твердо, соединенными силами поддерживая общій совѣтъ“.

Между тѣмъ, Валуевъ, втянутый въ крестьянское дѣло, писалъ Зеленому: „Если бы я не несъ моей нынѣшней служебной неволи ради другихъ, то конечно надѣлъ и носилъ бы кафтанъ артельщика съ бо̀льшимъ удовольствіемъ и достоинствомъ, чѣмъ нынѣ статсъ-секретарскій мундиръ“.

24 ноября 1860 года, Валуевъ отправился въ Михайловскій Дворецъ, для поздравленія великой княгини Екатерины Михайловны. Тамъ встрѣтился онъ съ графомъ С. Г. Строгановымъ и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ:

„Comment allez vous?

— Assez mal, m. le Comte.

On vous use, mais on n'use pas de vous.

Je ne suis pas seul, auquel cela arrive".

XL.

19 ноября 1860 года, въ засѣданіи Главнаго Комитета, была рѣчь о цифрахъ Редакціонныхъ Коммиссій. В. К. Чевкинъ принялъ на себя защиту этихъ цифръ. М. Н. Муравьевъ и князь П. П. Гагаринъ оспаривали ихъ правильность. Великій князь Константинъ Николаевичъ заступался горячо за Коммиссіи. Тогда графъ В. Н. Панинъ объявилъ, что цифры не вѣрны, къ дѣлу не пригодны и Правительствомъ объявлены быть не могутъ.

Подъ 12 декабря 1860 года, П. А. Валуевъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Панинъ, восемь мѣсяцевъ предсѣдательствовавшій въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ, подалъ мнѣніе опровергающее ихъ цифры, а теперь согласился подвергнуть это мнѣніе критикѣ П. П. Семенова и состязался съ нимъ, непобѣдоносно, въ присутствіи великаго князя Константина Николаевича. Панинъ разсказывалъ М. Н. Муравьеву, при Долгоруковѣ, что для отмщенія Семенову, онъ устроилъ въ своемъ присутствіи другое ратоборство между П. П. Семеновымъ и его братомъ, который служитъ въ Министерствѣ Юстиціи и не раздѣляетъ мнѣній брата" [136]).

Это „ратоборство" происходило того же 12 декабря 1860 г. и весьма живописно представлено Н. П. Семеновымъ.

„11 декабря 1860 года,—пишетъ онъ,—получилъ я съ курьеромъ записку Топильскаго о томъ, что графъ Панинъ проситъ меня къ себѣ на слѣдующій день, въ половинѣ второго часа по полудни, въ домъ Министерства Юстиціи; но по какому случаю, объ этомъ я извѣщенъ не былъ.

„12 декабря, въ 1 часъ съ нѣсколькими минутами по полудни, я явился въ назначенное мѣсто и у двери залы, сосѣдней съ кабинетомъ министра Юстиціи, увидѣлъ стоящимъ

какъ бы на часахъ бывшаго тогда экзекуторомъ и казначеемъ Департамента Министерства Юстиціи, Ивана Матвѣевича Лалаева. Онъ тотчасъ повѣдалъ мнѣ, что графъ Панинъ велѣлъ ему тутъ дежурить, чтобъ я ни подъ какимъ видомъ не встрѣтился съ братомъ Петромъ Петровичемъ Семеновымъ, который былъ тоже приглашенъ къ графу, только къ 2-мъ часамъ по полудни. Лалаевъ прибавилъ: „Мнѣ трудно воспрепятствовать вашей встрѣчѣ, такъ какъ вашему братцу придется войти сюда же, поэтому я убѣдительно прошу васъ, когда подъѣдетъ вашъ братъ и вы увидите его издали, отклонитесь сами отъ встрѣчи съ нимъ, отойдя въ сторону такъ, чтобы онъ васъ не увидалъ. Затрудненія однако уладились сами собою. Къ большому удовольствію Лалаева, мимо насъ, наскоро поздоровавшись со мною, прошелъ Топильской въ кабинетъ графа и, выбѣжавъ оттуда черезъ нѣсколько минутъ, пригласилъ меня: „Пожалуйте, графъ васъ проситъ". Когда Топильской ввелъ меня въ кабинетъ, гдѣ онъ и оставался все время съ нами, графъ Панинъ, идя на встрѣчу ко мнѣ, протянулъ мнѣ руку, и сказалъ слѣдующее: „Я пригласилъ васъ, Николай Петровичъ, чтобъ помочь мнѣ сдѣлать провѣрку цифръ крестьянскихъ надѣловъ, представленныхъ по бо̀льшей части вашимъ братомъ. Онъ слишкомъ легко распоряжался этимъ, и по разговорамъ съ нимъ выходитъ, что ему ничего не стоитъ взять ту или другую цифру. Такъ нельзя. Я хотѣлъ поставить васъ свидѣтелемъ и судьей нашихъ споровъ. Это не для того, чтобъ возстановить брата на брата. Сохрани Богъ. Я желалъ бы только справедливости и доказательствъ, меня убѣждающихъ. Онъ такъ и бросаетъ цифры намъ въ глаза". На это я ничего не могъ сказать графу, такъ какъ я не узналъ изъ этихъ словъ въ чемъ собственно будетъ провѣрка, и какія будутъ наши занятія. Тогда Топильской отвѣчалъ какъ будто за обоихъ: „Мы будемъ стараться и рады исполнить желаніе вашего сіятельства. Вотъ и Николай Петровичъ будетъ съ нами".

Графъ направился къ дверямъ и только лишь Топильской

и я вышли за нимъ въ сосѣднюю комнату, въ другихъ дверяхъ этой комнаты показался Петръ Семеновъ. Было безъ 20 минутъ 2 часа по полудни. Мы всѣ остановились, и когда братъ подошелъ къ намъ, графъ Панинъ подалъ ему руку и сказалъ: „Вотъ, я радъ, что вы пріѣхали нѣсколько раньше, мы можемъ и начинать. Всѣ вошли въ большую залу, гдѣ былъ приготовленъ большой, во всю почти ширину комнаты, покрытый зеленымъ сукномъ, столъ съ загнутыми покоемъ концами. На длинной линіи стола, посрединѣ его, было поставлено большое кресло, на которое прямо и сѣлъ графъ Панинъ. Налѣво отъ него, въ нѣкоторомъ отдаленіи, между нимъ и угломъ стола, сѣлъ, по его приглашенію, Петръ Семеновъ. Топильскаго графъ просилъ сѣсть тоже налѣво, поодаль отъ него, за угломъ стола. Какъ только они размѣстились, вошелъ чиновникъ Департамента Министерства Юстиціи, Беръ, съ кипой бумагъ подъ рукой. Ему графъ указалъ мѣсто на внутренней линіи стола, противъ своего кресла. За нимъ вошли чиновники того же Министерства: Хвостовъ и Беренсъ. Послѣдніе, по указанію графа Панина, заняли мѣста рядомъ, въ отдаленіи отъ него, на противоположной отъ Топильскаго загнутой внѣшней линіи стола, на серединѣ ея. Во все это время я стоялъ нѣсколько позади графа Панина, который, забывъ обо мнѣ, нѣкоторое время, не замѣчалъ меня, такъ какъ глаза его были опущены на положенныя Беромъ предъ нимъ вѣдомости, поэтому, при разсадкѣ, мнѣ и не было показано мѣста. Топильской, замѣтивъ это и повернувъ голову въ мою сторону, все время молча, упорно смотрѣлъ на меня. Графъ Панинъ, поднявъ наконецъ глаза, сказалъ: „Приступимъ“, но, замѣтивъ, что Топильской смотритъ въ одно мѣсто, позади его, обернулся въ ту сторону и, увидѣвъ тогда меня, проговорилъ: „А васъ то я и позабылъ, простите пожалуйста. Не угодно ли вамъ сѣсть тамъ (указывая рукою) возлѣ гг. Хвостова и Беренса. Пока я успѣлъ до нихъ дойти, они, въ точное исполненіе указанія графа Панина, раздвинулись, и между своими стульями

вдвинули стулъ и для меня. Такимъ образомъ, мы всѣ семеро окончательно размѣстились за огромнымъ столомъ, группами, на большихъ однѣ отъ другихъ разстояніяхъ, недоумѣвая, зачѣмъ была предпринята графомъ Панинымъ такая разсадка".

Повѣрка цифръ Редакціонныхъ Коммиссій продолжалась съ половины 2-го по-полудни до половины 1-го по-полуночи. „Послѣ 10-ти часовъ вечера,—повѣствуетъ Н. П. Семеновъ,—слуга Топильскаго сталъ обносить всѣхъ, на очень старомъ подносѣ, сельтерскою водою, сначала въ двухъ кувшинахъ, а потомъ въ бутылкахъ. Слугу сопровождалъ департаментскій сторожъ, для наливанія въ стаканъ принесенной воды. Графъ Панинъ сказалъ: Мы сами нальемъ; но, увидѣвъ, что, по усердію прислуги, стаканъ ужъ былъ налитъ ему, воскликнулъ: Ахъ, какіе безтолковые, и сталъ имъ выговаривать. Когда-жь поднялъ совсѣмъ голову и замѣтилъ слугу Топильскаго, сказалъ ему: Ахъ, это вы? (назвавъ его по имени и отчеству). Я васъ и не видалъ. Тогда извините пожалуйста. Я не думалъ васъ бранить, я не посмотрѣлъ хорошенько и не зналъ что это вы. Извините меня. Затѣмъ графъ оставался до конца въ шутливомъ настроеніи". Но членамъ засѣданія было не до шутокъ. Во все время, свидѣтельствуетъ Н. П. Семеновъ, „мы сидѣли, не выходя изъ комнаты и не разгибая спины, т.-е., почти одиннадцать часовъ сряду. По возвращеніи ночью домой, мы чувствовали себя утомленными до крайности, тѣмъ болѣе, что только наскоро въ этотъ день успѣли принять недостаточное количество пищи, и остались вечеромъ безъ чая, а освѣжающее питье было подано намъ одинъ только разъ поздно вечеромъ, къ концу нашихъ занятій" [137]).

Надо замѣтить, что цифры, представленныя въ Главный Комитетъ М. Н. Муравьевымъ, подверглись также критикѣ. „Въ засѣданіи Главнаго Комитета,—свидѣтельствуетъ Валуевъ,—по распоряженію великаго князя, было предназначено быть Я. А. Соловьеву и П. П. Семенову, для дачи объясненія по цифрамъ, представленнымъ М. Н. Муравьевымъ. Сей по-

слѣдній протестовалъ, сказавъ, что въ такомъ случаѣ его присутствіе будетъ лишнимъ. Затѣмъ, гг. Соловьевъ и Семеновъ остались подъ спудомъ".

Результатомъ необыкновеннаго Панинскаго засѣданія о цифрахъ Редакціонныхъ Коммиссій было то, что въ засѣданіи Главнаго Комитета, 17 декабря 1860 года,—какъ свидѣтельствуетъ Валуевъ,—„графъ Панинъ и великій князь Константинъ Николаевичъ сдѣлали опытъ соглашенія на основаніи новыхъ цифръ надѣла, придуманныхъ первымъ изъ нихъ, или,—что все равно, Топильскимъ, который уже цѣлую недѣлю запрещаетъ тревожить себя дѣлами Министерства Юстиціи, потому что слишкомъ занятъ крестьянскимъ дѣломъ. Это scandalum magnum" [188]).

Въ то время, когда дѣятельность Главнаго Комитета клонилась къ концу, Погодинъ, по старой памяти, обратился къ А. В. Головнину съ какимъ то политическимъ письмомъ, на которое, Головнинъ, 27 декабря 1860 г., отвѣчалъ слѣдующее: „Письмо ваше, отъ 22 декабря, я имѣлъ удовольствіе получить и весьма благодарю васъ за память. Оно содержитъ туже мысль, которую вы сообщали мнѣ въ 1856 г., какъ плодъ вашихъ многолѣтнихъ добросовѣстныхъ историческихъ изслѣдованій и наблюденій, совершающихся событій на Западѣ. Не смотря на протеченіе четырехъ лѣтъ съ того времени, я могу отвѣчать вамъ тѣми же словами, какъ и тогда, т.-е., что нуженъ геній Петра Великаго, чтобъ усвоить себѣ подобныя мысли, его непреклонную волю—чтобъ осуществить подобное предположеніе и его дубинку, чтобъ сломать оппозицію, которую оно встрѣтитъ. Затѣмъ вамъ, какъ историку, лучше извѣстно, часто ли являются Петры Великіе и есть ли они въ Европѣ въ настоящее время. Если же явятся, то они у насъ совѣта не спросятъ, а сами насъ употребятъ, какъ орудіе своихъ великихъ цѣлей, или отбросятъ какъ неспособные инструменты. Въ настоящее время, каждому изъ насъ остается приносить посильную пользу въ своемъ маленькомъ кружкѣ, работая честно, добросовѣстно, усердно, стараясь по силамъ

дѣлать добро и, будучи муравьями, не искать роли орловъ, возлетающихъ въ заоблачныя пространства. Для этого нужны другія силы и я убѣжденъ, что не намъ, а слѣдующимъ за нами поколѣніямъ суждено совершать великое" [139]).

XLI.

Наконецъ, великому князю Константину Николаевичу,—свидѣтельствуетъ Татищевъ,—удалось убѣдить графа Панина присоединиться къ его мнѣнію, къ которому присоединился, уступая настоянію самого государя, и графъ Адлербергъ.

Такимъ образомъ, Редакціонныя Коммиссіи восторжествовали, и положенія ихъ приняты Главнымъ Комитетомъ.

Послѣднее соединенное засѣданіе этого Комитета съ Совѣтомъ Министровъ и подъ личнымъ предсѣдательствомъ самого государя, происходило 26 января 1861 года.

Государь благодарилъ большинство членовъ, подавшихъ голосъ за проектъ Положеній, и особенно великаго князя Константина Николаевича, котораго нѣсколько разъ обнялъ и поцѣловалъ. О Редакціонныхъ Коммиссіяхъ онъ отозвался, что на нихъ сильно нападали, но бóльшею частію совершенно несправедливо, главнымъ образомъ, по незнанію дѣла, что трудъ ихъ исполненъ съ большимъ знаніемъ. Затѣмъ, государь объявилъ, что допустивъ при обсужденіи этого дѣла для всѣхъ и каждаго полную свободу выражать свое мнѣніе, онъ уже не дозволитъ никакихъ отмѣнъ, отлагательствъ и проволочекъ, и хочетъ, чтобы дѣло было кончено непремѣнно къ 15-му февраля. *Этого*,—сказалъ онъ,—*я желаю, требую и повелѣваю*, и прибавилъ: *Вы должны помнить, что въ Россіи издаетъ законы самодержавная власть.*

28 января 1861 года, принятые Главнымъ Комитетомъ проекты Положеній внесены на обсужденіе общаго собранія Государственнаго Совѣта. Засѣданіе это государь открылъ рѣчью, въ которой заключается вся, такъ сказать, Исторія освобожденія крестьянъ.

Государь сказалъ: „Дѣло объ освобожденіи крестьянъ, которое поступило на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, по важности своей, я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества. Я увѣренъ, что вы всѣ, господа, столько же убѣждены, какъ и я, въ пользѣ и необходимости этой мѣры. У меня есть еще другое убѣжденіе, а именно, что откладывать этого дѣла нельзя; почему я требую отъ Государственнаго Совѣта, чтобы оно было имъ кончено въ первую половину февраля и могло быть объявлено къ началу полевыхъ работъ; возлагаю это на прямую обязанность предсѣдательствующаго въ Государственномъ Совѣтѣ. Повторяю — и это моя непремѣнная воля—чтобъ дѣло это теперь же было кончено. Вотъ уже четыре года, какъ оно длится и возбуждаетъ различныя опасенія и ожиданія, какъ въ помѣщикахъ, такъ и въ крестьянахъ. Всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ быть пагубно для Государства. Я не могу не удивляться и не радоваться, и увѣренъ, что и вы всѣ также радуетесь тому довѣрію и спокойствію, кои выказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ. Хотя опасенія Дворянства, до нѣкоторой степени, понятны, ибо они касаются до самыхъ близкихъ и матеріальныхъ интересовъ каждаго, при всемъ томъ я не забываю и не забуду, что приступъ къ дѣлу сдѣланъ былъ по вызову самого Дворянства и я счастливъ, что мнѣ суждено свидѣтельствовать объ этомъ предъ потомствомъ.

„При личныхъ моихъ разговорахъ съ губернскими предводителями Дворянства и, во время путешествій моихъ по Россіи, при пріемѣ дворянъ, я не скрывалъ моего образа мыслей и взгляда на занимающій всѣхъ насъ вопросъ и говорилъ вездѣ, что это преобразованіе не можетъ совершиться безъ нѣкоторыхъ пожертвованій съ ихъ стороны и что все стараніе мое заключается въ томъ, чтобы пожертвованія эти были, сколь возможно, менѣе обременительны и тягостны для Дворянства. Я надѣюсь, господа, что при разсмотрѣніи проектовъ, представленныхъ въ Государственный Совѣтъ, вы убѣдитесь,

что все, что можно было сдѣлать для огражденія выгодъ помѣщиковъ, сдѣлано; если же вы найдете нужнымъ въ чемъ-либо измѣнить или добавить представляемую работу, то я готовъ принять ваши замѣчанія; но прошу только не забывать, что основаніемъ всего дѣла должно быть улучшеніе быта крестьянъ и улучшеніе не на словахъ только, и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ. Прежде чѣмъ приступить къ подробному разсмотрѣнію самого проекта, хочу изложить вкратцѣ историческій ходъ этого дѣла. Вамъ извѣстно происхожденіе крѣпостного права. Оно у насъ прежде не существовало: право это установлено самодержавною властію и только самодержавная власть можетъ его уничтожить, а на это есть моя прямая воля. Предшественники мои чувствовали все зло крѣпостного права и постоянно стремились, если не къ прямому его уничтоженію, то къ постепенному ограниченію произвола помѣщичьей власти. Съ этою цѣлью, при императорѣ Павлѣ, былъ изданъ законъ о трехдневной барщинѣ; при императорѣ Александрѣ I-мъ, въ 1803 году,—законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ; а при родителѣ моемъ, въ 1842 году,—указъ объ обязанныхъ крестьянахъ. Оба послѣдніе закона были основаны на добровольныхъ соглашеніяхъ, но, къ сожалѣнію, не имѣли успѣха. Свободныхъ хлѣбопашцевъ всего немного болѣе ста тысячь, а обязанныхъ крестьянъ и того менѣе. Многіе изъ васъ, бывшіе членами Совѣта при разсмотрѣніи закона объ обязанныхъ поселянахъ, вѣроятно, припомнятъ тѣ сужденія, которыя происходили въ присутствіи самого государя. Мысль была благая, и если бы исполненіе закона не было обставлено, можетъ быть, и съ умысломъ, такими формами, которыя останавливали его дѣйствіе, то введеніе въ исполненіе этого закона тогда же во многомъ облегчило бы настоящее преобразованіе. Покойный мой родитель постоянно былъ занятъ мыслію объ освобожденіи крестьянъ. Я, вполнѣ ей сочувствуя, еще въ 1856 году, передъ коронаціею, бывши въ Москвѣ, обратилъ вниманіе предводителей дворянства Московской губерніи на необходимость заняться

улучшеніемъ быта крѣпостныхъ крестьянъ, присовокупивъ къ тому, что крѣпостное право не можетъ вѣчно продолжаться и что потому лучше, чтобы преобразованіе это совершилось сверху, чѣмъ снизу. Вскорѣ послѣ того, въ началѣ 1857 года, я учредилъ, подъ личнымъ моимъ предсѣдательствомъ, особый Комитетъ, которому поручилъ заняться принятіемъ мѣръ къ постепенному освобожденію крестьянъ. Въ концѣ того же 1857 года, поступило прошеніе отъ трехъ Литовскихъ губерній, просившихъ дозволенія приступить прямо къ освобожденію крестьянъ. Я принялъ это прошеніе, разумѣется, съ радостію, и отвѣчалъ рескриптомъ 20 ноября 1857 года, на имя генералъ-губернатора Назимова. Въ этомъ рескриптѣ указаны главныя начала, на коихъ должно совершиться преобразованіе; эти главныя начала должны и теперь служить основаніемъ вашихъ разсужденій. Мы желали, давая личную свободу крестьянамъ и признавая землю собственностію помѣщиковъ, не сдѣлать изъ крестьянъ людей бездомныхъ и потому вредныхъ, какъ для помѣщиковъ, такъ и для Государства. Эта мысль служила основаніемъ работъ, представленныхъ теперь Государственному Совѣту Главнымъ Комитетомъ. Мы хотѣли избѣгнуть того, что̀ происходило за границею, гдѣ преобразованіе совершалось почти вездѣ насильственнымъ образомъ; примѣръ этому, весьма дурной, мы видѣли въ Австріи, и именно въ Галиціи; безземельное освобожденіе крестьянъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, сдѣлало изъ тамошнихъ крестьянъ поселеніе весьма жалкое и только теперь, послѣ сорока лѣтъ, намъ едва удалось улучшить ихъ бытъ, опредѣливъ правильныя ихъ отношенія къ помѣщикамъ. Тоже было и въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ свобода была дана Наполеономъ, безъ опредѣленія поземельныхъ отношеній, и гдѣ безземельное освобожденіе крестьянъ имѣло послѣдствіемъ, что власть помѣщиковъ сдѣлалась для крестьянъ тяжелѣе, чѣмъ прежнее крѣпостное право. Это вынудило покойнаго родителя моего издать, въ 1846 году, особыя правила для опредѣленія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ въ Цар-

ствѣ Польскомъ. Вслѣдъ за рескриптомъ, даннымъ генералъ-губернатору Назимову, начали поступать просьбы отъ дворянства другихъ губерній, которымъ даны были отвѣты рескриптами на имя генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, подобнаго содержанія съ первымъ. Въ этихъ же рескриптахъ заключались тѣ же главныя начала и основанія и разрѣшалось приступить къ дѣлу на тѣхъ же указанныхъ мною началахъ. Вслѣдствіе того были учреждены Губернскіе Комитеты, которымъ, для облегченія ихъ работъ, были даны особыя программы. Когда, послѣ даннаго на то срока, работы Комитетовъ начали поступать сюда, я разрѣшилъ составить особыя Редакціонныя Коммиссіи, которыя должны были разсмотрѣть проекты Губернскихъ Комитетовъ и сдѣлать общую работу въ систематическомъ порядкѣ. Предсѣдателемъ этихъ Коммиссій былъ сначала генералъ-адъютантъ Ростовцовъ, а по кончинѣ его, графъ Панинъ. Редакціонныя Коммиссіи трудились въ продолженіе года и семи мѣсяцевъ и, не смотря на всѣ нареканія, можетъ быть, отчасти и справедливыя, которымъ Коммиссіи подвергались, онѣ окончили свою работу добросовѣстно и представили ее въ Главный Комитетъ. Главный Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ моего брата, трудился съ неутомимою дѣятельностію и усердіемъ. Я считаю обязанностью благодарить всѣхъ членовъ Комитета, а брата моего въ особенности, за ихъ добросовѣстные труды въ этомъ дѣлѣ. Взгляды на представленную работу могутъ быть различны. Потому всѣ различныя мнѣнія я выслушиваю охотно, но я въ правѣ требовать отъ васъ одного: чтобы вы, отложивъ всѣ личные интересы, дѣйствовали какъ государственные сановники, облеченные моимъ довѣріемъ. Приступая къ этому важному дѣлу, я не скрывалъ отъ себя всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя насъ ожидали, и не скрываю ихъ и теперь. Но, твердо уповая на милость Божію и увѣренный въ святости этого дѣла, я надѣюсь, что Богъ насъ не оставитъ и благословитъ насъ кончить его для будущаго благо-

денствія любезнаго намъ Отечества. Теперь, съ Божіею помощію, приступимъ къ самому дѣлу".

Журналъ этого достопамятнаго засѣданія гласитъ: „Государственный Совѣтъ, въ общемъ собраніи, выслушавъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ слова Его Императорскаго Величества и принявъ къ точному исполненію высочайшую его волю, въ томъ же засѣданіи приступилъ къ подробному обсужденію первыхъ двадцати статей проектовъ общаго Положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости".

А. В. Головнинъ писалъ князю А. И. Борятинскому: „Засѣданіе Государственнаго Совѣта 28 января останется памятнымъ въ Исторіи Россіи рѣчью, которою государь освѣтилъ разбирательство Совѣта по проекту освобожденія. Эта рѣчь доказала глубокое знаніе, которымъ обладаетъ императоръ по отношенію ко всему этому дѣлу, доказала, насколько онъ имѣетъ о немъ ясное представленіе и обнаружила тотъ раціональный планъ, которому онъ слѣдовалъ съ полною твердостію. Эта рѣчь поставила государя безконечно выше всѣхъ его министровъ и членовъ Совѣта. Онъ выросъ безмѣрно, а они опустились. Отнынѣ онъ пріобрѣлъ себѣ безсмертіе. Надо замѣтить, что эта рѣчь не была разработана какою-либо Канцеляріею Совѣта, не была написана и прочитана,—нѣтъ, то была совершенно свободная импровизація, естественное представленіе мысли, которая давно созрѣла въ головѣ".

Почтенный Троицкій ученый П. С. Казанскій, писалъ брату своему епископу Костромскому Платону: „Дѣло о крестьянахъ внесено въ Государственный Совѣтъ и положено его пересмотрѣть въ пять засѣданій. Митрополиту Филарету хочется, чтобы одержало мнѣніе тѣхъ, которые желаютъ постепеннаго введенія новаго порядка".

Самъ же Филаретъ писалъ къ своему Лаврскому намѣстнику Антонію: „Говорятъ, что въ Государственномъ Совѣтѣ было большинство голосовъ въ пользу малаго надѣла земли крестьянамъ; но утверждено мнѣніе меньшинства—въ пользу

большого надѣла. Готовятся къ объявленію. Оскудѣніе, надолго или не надолго, кажется неизбѣжно. Да спасетъ Господь отъ большаго нестроенія" [140]).

XLII.

Приступили къ составленію манифеста для объявленія Русскому народу Положеній о новомъ устройствѣ быта крестьянъ.

„Графъ В. Н. Панинъ, — свидѣтельствуетъ Н. П. Семеновъ, — съ своей стороны, принималъ всѣ мѣры, чтобъ это было покрыто глубокой тайной, какъ и все, что̀ происходило послѣ закрытія Редакціонныхъ Комиссій, въ сферахъ высшихъ правительственныхъ учрежденій. Скрывать виды Правительства отъ лицъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ его іерархіи или не входящихъ въ составъ его, онъ считалъ всегда дѣломъ первостепенной важности".

Далѣе, по этому предмету Н. П. Семеновъ повѣствуетъ: „Составленіе проекта манифеста взялъ на себя Ю. Ѳ Самаринъ, а окончательную редакцію принялъ на себя Милютинъ; но составленный ими проектъ не удовлетворилъ ожиданій, какъ вслѣдствіе сообщенія въ немъ излишнихъ подробностей, не совсѣмъ понятныхъ въ началѣ народу, такъ и по причинѣ отсутствія въ немъ того слога, который составляетъ необходимую принадлежность манифестовъ. Тогда графъ Панинъ, послѣ нѣсколькихъ еще неудачныхъ опытовъ составленія проектовъ манифеста, испросилъ высочайшее соизволеніе предложить митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету принять этотъ трудъ на себя.

Конечно, легче было бы устроить это дѣло прямо личнымъ объясненіемъ съ митрополитомъ, но графу Панину не было возможности ѣхать самому въ Москву пока крестьянское дѣло безостановочно обсуждалось въ Главномъ Комитетѣ, а потомъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Поэтому, съ соизволенія государя, посланъ былъ къ митрополиту Филарету, для

надлежащихъ объясненій, въ качествѣ замѣстителя графа Панина, директоръ Департамента Министерства Юстиціи М. И. Топильскій, съ проектомъ манифеста Самарина и письмомъ графа Панина къ владыкѣ, отъ 31 января 1861 года.

Въ этомъ письмѣ сообщалось митрополиту о желаніи государя въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „При предстоящемъ преобразованіи крестьянскаго быта, слово государя императора къ народу своему будетъ имѣть самое сильное вліяніе на успѣхъ предпринятаго дѣла. Въ семъ убѣжденіи, его императорское величество, съ полною довѣренностью къ вѣрноподданническимъ вашимъ чувствамъ и къ дарованіямъ вашимъ, неоднократно выразившимся въ рѣчахъ, памятныхъ всей Россіи, призналъ нужнымъ обратиться къ вамъ съ изъявленіемъ желанія, чтобы ваше высокопреосвященство приняли на себя трудъ составить манифестъ, въ коемъ изъяснены будутъ воля и ожиданія его величества по сему важному предмету.

„Исполненіе сего труда требуетъ нѣкоторыхъ предварительныхъ личныхъ объясненій. Для сей цѣли я желалъ имѣть честь лично представить вамъ приготовительныя работы, составленныя по сему предмету; но открытіе засѣданій въ Государственномъ Совѣтѣ, для разсмотрѣнія проектовъ различныхъ Положеній по крестьянскому дѣлу, не позволяетъ мнѣ отлучиться изъ С.-Петербурга, въ настоящее время. По сей причинѣ, его императорскому величеству благоугодно было возложить на тайнаго совѣтника Топильскаго обязанность отправиться къ вашему высокопреосвященству и представить вамъ всѣ нужныя по сему дѣлу объясненія. Изъ нихъ ваше высокопреосвященство усмотрѣть изволите, какія суть главныя мысли, которыя его величеству желательно было бы выразить въ манифестѣ; но государь полагается совершенно на высокій даръ краснорѣчія вашего высокопреосвященства и на ревностное усердіе ваше къ дѣлу, столь важному для Отечества, столь близкому къ сердцу перваго пастыря нашей церкви. Руководимый сими чувствами и симъ довѣріемъ, государь предоставляетъ вашему высокопреосвященству, сдѣ-

лать всѣ тѣ измѣненія, или прибавленія, кои бы вы признали соотвѣтствующими чувствамъ его величества и собственнымъ вашимъ, для лучшаго успѣха въ достиженіи предположенной цѣли".

Митрополитъ Филаретъ уклонился сначала отъ принятія на себя составленія проекта манифеста, ссылаясь на то, что это предметъ, который далекъ „отъ круга понятій и занятій", въ которомъ онъ обращается, и на свою немощь.

Топильскому не удалось уговорить его совершить предлагаемое ему трудное дѣло. Тогда Топильской сначала обратился, кажется, въ Савинское подворье, мѣсто пребыванія викаріевъ Московской эпархіи, къ занимавшему его тогда викарію Леониду, пользовавшемуся особымъ уваженіемъ въ Москвѣ, но безуспѣшно; а потомъ—къ духовнику Филарета, жившему въ то время въ Андроніевомъ монастырѣ, близъ Москвы. Послѣдній убѣдилъ наконецъ митрополита принять возлагавшееся на него высочайшимъ довѣріемъ порученіе.

Объ этомъ рѣшеніи Топильской извѣщалъ Б. Н. Хвостова изъ Москвы, въ условленныхъ съ нимъ выраженіяхъ, слѣдующею запискою: „Наконецъ, другъ добродѣтели*) убѣдился въ необходимости сдѣлать предлагаемое дѣло, и, послѣ двукратныхъ со мной объясненій, принялся сегодня рѣшительно за работу. Савинское подворье совсѣмъ въ сторонѣ, но Андроньевъ монастырь былъ пущенъ въ игру, и это подѣйствовало. Мнѣ приказано пріѣхать послѣ завтра (т.-е. воскресенье, 5 февраля), чтобы видѣть уже очеркъ. Мы здѣсь многое знаемъ, чего и не предполагаютъ тамъ, чтò мы здѣсь знаемъ. Сдѣланное тамъ — намъ здѣсь вовсе не нравится. „Частными исправленіями" затруднялись исправить утлое цѣлое. Распрашивали меня порядкомъ, отвѣты были крайне осторожные, и, каюсь, довольно льстивые. Андроньевъ вывелъ изъ затрудненія. Кажется, напишутъ въ двухъ видахъ.

*) Греческое имя Филарета передается въ переводѣ на Русскій языкъ выраженіемъ: „другъ добродѣтели". *Н. П. С.*

Сегодня я послалъ въ П. Б. депешу *). Принимаюсь за работу".

Посылая въ Петербургъ составленный проектъ манифеста, митрополитъ Филаретъ отвѣчалъ графу Панину, на письмо его, отъ 31 января 1861 года, слѣдующимъ увѣдомленіемъ:

„Сіятельный графъ, милостивый государь.

„Сколько снисходительное высочайшее довѣріе, изъявленное порученіемъ, ободряетъ меня, столько затрудняетъ предметъ порученія, далекій отъ круга понятій и занятій, въ которомъ обращаюсь.

„Въ исполненіе порученія вводитъ меня вѣрноподданническое повиновеніе, а не сознаніе способности удовлетворить требованію.

„Долгомъ поставляю дать отчетъ, что̀ мною сдѣлано, и почему.

„Я рѣшился не очень стѣсняться сообщеннымъ мнѣ проектомъ высочайшаго манифеста: дабы мое воззрѣніе на предметъ яснѣе было видимо, и удобнѣе могло быть обнаружено. Посему, представляю не частныя измѣненія, а цѣлый текстъ, въ которомъ съ полученнымъ мною проектомъ соединены измѣненія, по моему посильному разумѣнію, нужныя.

„Разсматривая сообщенный мнѣ проектъ, я нашелъ, что онъ можетъ быть раздѣленъ на три части:

1) Начало, ходъ и изложеніе дѣла.

2) Высочайшія повелѣнія.

3) Увѣщанія и обнадеживанія.

„Но сіи части въ проектѣ не довольно были разграничены; а это нужно для того, чтобы актъ былъ лучше понятъ и произвелъ желаемое впечатлѣніе, и чтобы удобнѣе было впослѣдствіи употреблять его, и дѣлать на него указанія. Посему нѣкоторыя мысли я перемѣстилъ соотвѣтственно вышеозначенному раздѣленію, котораго части на моемъ проектѣ означены числами, карандашемъ.

---

*) Конечно, графу Панину, въ С.-Петербургъ. *Н. П. С.*

„Выраженіе: *мы не признали нужнымъ скрывать*, имѣетъ видъ оправданія противъ бывшихъ толковъ. По моему мнѣнію, Правительство стоитъ выше надобности оправдываться противъ толковъ. Потому поставленныя за симъ мысли перенесъ я въ другое мѣсто, гдѣ онѣ нужны и могутъ имѣть дѣйствіе.

„Статья, начинающаяся словами: *сими Положеніями крѣпостнымъ людямъ даруются*,—мнѣ показалось неясною. Изъ наименованія: *временно-обязанные*, извлекъ я опредѣленное о немъ понятіе, и изложилъ оное, сколько понялъ.

„Высочайшія повелѣнія отмѣчены въ прежнемъ проектѣ числами.

„Это дѣйствительно нужно для удобности впослѣдствіи ссылаться на нихъ. Сличивъ 4 статью съ числами, я подвелъ подъ число еще 3 слѣдующія статьи, по той же причинѣ.

„Затѣмъ встрѣчается перерывъ, на предѣлѣ котораго стоятъ слова: *нижеслѣдующую постепенность*.

„Чтò здѣсь должно слѣдовать, мнѣ неизвѣстно; потому я и указательную форму опустилъ.

„Не скрою моихъ мыслей, которыя могутъ быть не приняты, и потому представленіе ихъ не причинитъ затрудненія.

„Проектъ уже довольно длиненъ и многосложенъ. Введеніе здѣсь новой статьи о постепенностяхъ, на которыя, если не ошибаюсь, кратко указано выше, сдѣлаетъ проектъ болѣе многосложнымъ и можетъ быть не болѣе яснымъ; не можетъ ли то, чтò предполагается взять сюда изъ составленныхъ законодательныхъ положеній, быть оставлено, въ томъ числѣ многое, чего нельзя включить въ манифестъ?

„Манифестъ долженъ быть прочитанъ крестьянамъ. Ихъ умъ не пріученъ къ долгому непрерывному вниманію. Посему, измѣненный мною проектъ я старался раздѣлить на статьи, сколько можно не длинныя.

„Въ послѣдней части сообщеннаго мнѣ проекта *обра-*

щеніе къ дворовымъ людямъ многое казалось необыкновеннымъ, въ высокомъ государственномъ актѣ, въ которомъ государь императоръ говоритъ всему народу, всей Имперіи. Потому я измѣнилъ форму личнаго обращенія, сохранивъ нужныя мысли.

„Повторяю, что я исполнилъ только долгъ повиновенія въ дѣлѣ, котораго существенное обработаніе принадлежитъ государственнымъ людямъ, и для нихъ, конечно, составляетъ трудный подвигъ. Мой долгъ, съ прочими служителями алтаря, молить Бога, чтобы онъ даровалъ государственнымъ совѣтникамъ и проницательную мудрость, и прямодушную ревность, и наипаче, чтобы озарилъ вышнимъ свѣтомъ взоръ благочестивѣйшаго государя императора на то, что̀ истинно, благонадежно и полезно Церкви и народу“ [141]).

XLIII.

Въ бумагахъ митрополита Филарета сохранилась записка, неизвѣстно кому адресованная, но написанная имъ вслѣдъ за отправленіемъ въ Петербургъ проекта манифеста.

Въ этой запискѣ мы читаемъ: „Вчера отдавая отчетъ, во исполненіе порученія, на меня возложеннаго, не находилъ я удобнымъ объяснить одно обстоятельство, именно: почему предпріемлемое преобразованіе быта помѣщичьихъ крестьянъ, въ сообщенномъ мнѣ проектѣ, представленное *радостнымъ*, не означено мною таковымъ.

„Затрудняясь и теперь объяснять сіе, чтобы не коснуться сужденіемъ дѣла государственнаго, о которомъ судить не призванъ я моимъ служеніемъ.

„Но, съ другой стороны, сомнѣваюсь, былъ ли бы совершенно исполненъ долгъ преданности къ государю и любви къ Отечеству, еслибы, при открывшемся случаѣ, не изложилъ я со всей искренностію заботливыхъ помышленій, которыя побуждаетъ самая сія преданность государю и любовь къ Отечеству. Не желаю оставить на моей душѣ сего сомнѣнія.

„Не упомянулъ *я о радости*, чтобы отъ лица царя не было произнесено слово, которому не сочувствовали бы многіе изъ вѣрноподданныхъ. Предпріемлемому обширному преобразованію радуются люди теоретическаго прогресса; но многіе благонамѣренные люди опыта ожидаютъ онаго съ недоумѣніемъ, предусматривая затрудненія.

„Объявленіе отреченія помѣщиковъ отъ крѣпостного права на крестьянъ, и настоятельное побужденіе тѣхъ и другихъ войти въ рѣшительныя условія о земляхъ,—вотъ мѣры благонадежныя. Еслибы крестьянамъ обѣщано было пользованіе землею помѣщиковъ безъ опредѣлительнаго слова *постоянное*.

„Но когда крестьянамъ возвѣщено будетъ право *постояннаго пользованія землею помѣщиковъ*, не затруднятся ли чрезъ сіе предполагаемыя соглашенія, такъ какъ въ семъ найдетъ для себя опору упрямство крестьянъ, которое проявляется у нихъ и безъ законной опоры?

„При рѣшительномъ отчужденіи отъ помѣщиковъ земли, прежде ихъ согласія, хотя и безъ наименованія собственною крестьянъ, помѣщики не найдутъ ли себя стѣсненными въ правѣ собственности и въ хозяйственныхъ обстоятельствахъ? И сіе не подѣйствуетъ ли неблагопріятно на ихъ усердіе къ Правительству?

„При обнародованіи новыхъ положеній могутъ возникнуть еще недоумѣнія, можно ли безъ замедленія и затрудненій составить *уставныя грамоты* при недостаткѣ подробныхъ плановъ и описаній имѣній?

„Мировые посредники и уѣздные мировые съѣзды удачно ли исполнятъ свое назначеніе, въ случаѣ расширенія ихъ занятій въ одно время на многія мѣста, призывающія поспѣшное дѣйствованіе?

„При озабочивающихъ видахъ дѣла сколь справедливымъ и утѣшительнымъ представляется то, что благочестивѣйшій государь императоръ такъ знаменательно обращается къ молитвѣ; столь же сообразнымъ съ обстоятельствами и то, чтобы удержаться отъ выраженія *радости* въ предусмотрительномъ

размышленіи о предпринятомъ и въ ожиданіи милости Божіей въ событіяхъ.

„Если говоря сіе, я нѣсколько выступилъ изъ своихъ предѣловъ, то поспѣшаю возвратиться въ оные.

„Г. оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сѵнода сносился со мною о томъ, какія, при открытіи преобразованія крестьянскаго быта, нужно дать наставленія мѣстному духовенству: и мною сообщено ему по сему предмету запискою. Какое о ней сдѣлано разсмотрѣніе, мнѣ неизвѣстно. На случай приближенія рѣшительнаго времени, долгомъ поставляю представить вниманію, что наставленіе духовенству нужно дать благовременно, дабы, при объявленіи высочайшаго манифеста, оно уже знало, какое отъ него требуется дѣйствованіе, и съ какими предосторожностями“.

О заботахъ Правительства нашего принимать мѣры, чтобы приготовить заранѣе народъ къ пониманію тѣхъ правилъ, которыя скоро должны быть обнародованы, митрополитъ Филаретъ вотъ что писалъ своему Лаврскому намѣстнику Антонію (отъ 4 декабря 1860 г.): „Богъ благословитъ ваше, отецъ намѣстникъ, участіе въ заботѣ объ общемъ спокойствіи. Мысль, чтобы правила о крестьянахъ, прежде общаго объявленія, сообщены были священникамъ, для приготовленія прихожанъ къ пониманію оныхъ, не кажется мнѣ удобоисполнимою и могущею достигнуть добрыхъ послѣдствій. Во-первыхъ, вѣроятно, и не согласятся на сіе. Во-вторыхъ, правила таковы, и такъ многосложны, что многіе священники сами не вдругъ вѣрно поймутъ ихъ, а потому не будутъ хорошими толкователями. Напримѣръ, въ правилахъ положено дать крестьянамъ *самоуправленіе*. Пойметъ ли сіе съ точностію священникъ? И если, хотя не точно, пойметъ: пойметъ ли сіе крестьянинъ? Въ-третьихъ, священникъ, ставъ посредникомъ между начальствомъ и крестьянами, подвергнется опасности съ обѣихъ сторонъ. Неблагонамѣренные, въ которыхъ недостатка не будетъ, подвергнутъ его подозрѣнію у крестьянъ. Уже

было въ Западномъ краю, что прихожане мучили священниковъ, якобы за скрываемый ими указъ. Если случатся между крестьянами неустройства: то чиновники тотчасъ оправдаются, сказавъ, что священникъ худо толковалъ, и худо настроилъ крестьянъ. Этого есть уже начало: предсѣдатель Комитета писалъ уже, что причетники будутъ распространять ложные слухи относительно смысла новыхъ постановленій" [142]).

„Наконецъ,—писалъ А. В. Головнинъ князю А. И. Борятинскому,—великое дѣло освобожденія крестьянъ приходитъ къ концу, и новый уставъ будетъ обнародованъ во время поста, сопровождаемый манифестомъ, написаннымъ митрополитомъ Филаретомъ; онъ, говорятъ, достоинъ нашего наиболѣе краснорѣчиваго проповѣдника. Я не читалъ его и не смѣю высказать никакого мнѣнія; но я желаю отъ всего моего сердца, чтобы важность произведенія вдохновила бы нашего великаго писателя".

Въ формулярномъ спискѣ митрополита Филарета значится: „Всемилостивѣйше пожалована ему золотая медаль, установленная за труды по крестьянскому дѣлу".

Въ это время, А. Г. Тройницкій напечаталъ свое статистическое изслѣдованіе о нашемъ крѣпостномъ населеніи. Посылая экземпляръ этого изслѣдованія къ Погодину, Тройницкій (13 февраля 1861 г.) писалъ: „Зная живое и сердечное участіе, которое вы всегда принимали въ освобожденіи Россіи отъ крѣпостного права, позволяю себѣ представить вамъ экземпляръ вышедшаго на дняхъ статистическаго изслѣдованія моего о нашемъ крѣпостномъ населеніи—какъ оно есть, а чрезъ нѣсколько дней скажемъ—какъ оно было.

„Зачѣмъ не дожили до настоящаго времени знаменитые покойники, которыхъ останки лежатъ нынѣ въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ: князь М. С. Воронцовъ и преосвященный Иннокентій. Тотъ и другой всегда мечтали объ уничтоженіи крѣпостнаго права: какимъ великимъ пособіемъ были бы нынѣ совѣтъ и вліяніе перваго, какое благотворное дѣйствіе произвели бы нынѣ слова, которыя навѣрное проли-

лись бы нынѣ живымъ потокомъ изъ устъ нашего Русскаго Златоуста“!

Между тѣмъ, митрополитъ Московскій писалъ Антонію: „Сейчасъ получилъ я изъ Петербурга отъ душъ благихъ просьбу, чтобы немедленно, при мощахъ преподобнаго Сергія, совершено было молебствіе о Божіемъ покровительствѣ и помощи благочестивѣйшему государю и Отечеству. Потрудитесь не многимъ соборомъ, но сами совершить молебное пѣніе Пресвятой Троицѣ и преподобному Сергію съ акаѳистомъ. Почему это въ сіе время, не знаю. Можетъ быть, трудныя разсужденія о крестьянскомъ преобразованіи побуждаютъ особенно искать Божіей помощи... Тихо скажете и скитскимъ старцамъ, да умножатъ моленія“...

За три же дня до подписанія манифеста, 19-го февраля, митрополитъ писалъ: „Господи, спаси царя и пощади всѣхъ насъ. Замѣчаютъ, что ожиданіе народа сильно направлено на 19 день: а онъ едвали принесетъ ожидаемое. Года за два передъ симъ, въ газетѣ *Нордъ*, писано было, что для выкупа отъ помѣщиковъ крестьянъ употреблены будутъ сокровища церквей и монастырей. Теперь изъ Петербурга пишутъ объ опасеніяхъ, и между прочимъ, что „первый ударъ падетъ на высшее духовенство, монастыри и церкви“. И это пишетъ не какой-нибудь легкій распространитель вѣстей. Согрѣшихомъ, да впадемъ въ руцѣ Господни: но пощади, Господи, церковь Твою“!

XLIV.

Для успокоенія умовъ и для возбужденія „мирныхъ чувствованій“, Погодинъ, такъ сказать наканунѣ 19 февраля 1861 года писалъ:

„Великое земское дѣло о крестьянахъ приближается къ концу, какъ уже объявлено въ *Вѣдомостяхъ*. Скоро, скоро, останется только государю императору подписать всемилостивѣйшій манифестъ. Господи! Укрѣпи его державную, благо-

дѣющую руку... Святая минута, которой ангели на небеси возрадуются! Съ двадцати трехъ милліоновъ человѣкъ, слышите, съ двадцати трехъ милліоновъ человѣкъ, спадаютъ мгновенно вѣковыя тяжелыя оковы! Двадцать три милліона христіанскихъ душъ призываются къ новой жизни, къ сознанію своего человѣческаго достоинства. Вообразите же какое чувство пронесется безъ помощи телеграфной проволоки, обвитой гуттаперчею, по всему этому неизмѣримому пространству, занимаемому Россіей, съ первымъ звукомъ *благой вѣсти. И взыграся младенецъ радощами во чревѣ ея*! Подумайте, какъ поднимется, какъ взлетитъ духъ всего ея народонаселенія.

„Есть ли въ Исторіи Европейской, всемірной, событіе, чище, выше, благороднѣе этого, событіе равное, подобное этому? Найдите, укажите мнѣ его!

„Русскіе люди! Русскіе люди! На колѣни! Молитесь, молитесь Богу за это высокое, несравненное счастіе, всѣмъ намъ низпосылаемое, за это безпримѣрное въ лѣтописяхъ ощущеніе, которое всѣхъ насъ ожидаетъ, за эту великолѣпную страницу, которою украшается Отечественная Исторія.

„Невѣжество и пошлость опасаются безпорядковъ и замѣшательствъ. Это значитъ—не имѣть понятія о коренныхъ свойствахъ Русскаго народа, кои обнаруживаются преимущественно въ важнѣйшія минуты его жизни, обыкновенно столь покойной, безпечной, равнодушной. Вспомните неурожаи сороковыхъ годовъ: малѣйшее возвышеніе цѣны на хлѣбъ, во всѣхъ Европейскихъ городахъ производило смятенія, а у насъ обозъ съ чужой, барской мукою, ночевалъ спокойно въ деревнѣ, умиравшей съ голоду. Ни одного калача съ латка не пропадало ни на какомъ рынкѣ. Въ богатый монастырь сосѣдніе крестьяне приходили звать монаховъ на собственные свои похороны, чрезъ нѣсколько дней, какъ истощится послѣдній ихъ запасъ,—и не прикасались къ полнымъ закромамъ. Во время первой страшной холеры, уголовныхъ преступленій было гораздо меньше, чѣмъ обыкновенно. А нынѣ, въ продолженіе трехлѣтняго разсужденія о свободѣ, со

лись бы нынѣ живымъ потокомъ изъ устъ нашего Русскаго Златоуста"!

Между тѣмъ, митрополитъ Московскій писалъ Антонію: „Сейчасъ получилъ я изъ Петербурга отъ душъ благихъ просьбу, чтобы немедленно, при мощахъ преподобнаго Сергія, совершено было молебствіе о Божіемъ покровительствѣ и помощи благочестивѣйшему государю и Отечеству. Потрудитесь не многимъ соборомъ, но сами совершить молебное пѣніе Пресвятой Троицѣ и преподобному Сергію съ акаѳистомъ. Почему это въ сіе время, не знаю. Можетъ быть, трудныя разсужденія о крестьянскомъ преобразованіи побуждаютъ особенно искать Божіей помощи... Тихо скажете и скитскимъ старцамъ, да умножатъ моленія"...

За три же дня до подписанія манифеста, 19-го февраля, митрополитъ писалъ: „Господи, спаси царя и пощади всѣхъ насъ. Замѣчаютъ, что ожиданіе народа сильно направлено на 19 день: а онъ едвали принесетъ ожидаемое. Года за два передъ симъ, въ газетѣ *Нордъ*, писано было, что для выкупа отъ помѣщиковъ крестьянъ употреблены будутъ сокровища церквей и монастырей. Теперь изъ Петербурга пишутъ объ опасеніяхъ, и между прочимъ, что „первый ударъ падетъ на высшее духовенство, монастыри и церкви". И это пишетъ не какой-нибудь легкій распространитель вѣстей. Согрѣшихомъ, да впадемъ въ руцѣ Господни: но пощади, Господи, церковь Твою"!

XLIV.

Для успокоенія умовъ и для возбужденія „мирныхъ чувствованій", Погодинъ, такъ сказать наканунѣ 19 февраля 1861 года писалъ:

„Великое земское дѣло о крестьянахъ приближается къ концу, какъ уже объявлено въ *Вѣдомостяхъ*. Скоро, скоро, останется только государю императору подписать всемилостивѣйшій манифестъ. Господи! Укрѣпи его державную, благо-

нетъ, тому глазъ вонъ; стерпится—слюбится; вѣкъ прожить не поле перейти, нельзя безъ причины; въ семьѣ не безъ урода, между крестьянами, точно какъ и между дворянами. Вотъ, что̀ у всѣхъ будетъ въ умѣ и на языкѣ.

„Позволяю себѣ сказать здѣсь нѣсколько словъ и о помѣщикахъ.

„Всѣмъ людямъ, говоря вообще, тяжело всегда бываетъ разставаться съ старыми своими правами, терять свои преимущества, отказываться отъ своихъ выгодъ, лишаться собственности. Слѣдовательно, если нѣкоторые помѣщики чѣмъ нибудь оказываются теперь недовольными, то въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, предосудительнаго. Напротивъ, это очень естественно и извинительно. Но будьте увѣрены, что даже и они обрадуются окончанію дѣла, вздохнутъ гораздо свободнѣе, чѣмъ прежде. Какъ нибудь, да кончено, вотъ что они подумаютъ на первыхъ порахъ, а послѣ, и очень скоро, поразмысливъ, попривыкнувъ къ новому положенію, примутъ искреннее участіе въ общей радости и обнимутся братски съ любезными соотечественниками, какъ будто обновленные и просвѣтленные. Сердце у всѣхъ Русскихъ людей, безъ различія званій, легкое и доброе.

„Нельзя вѣдь не сознаться, что большая часть труда при разрѣшеніи мудренаго вопроса, совершена все-таки дворянами, и что самая мысль объ уничтоженіи крѣпостного права велась между дворянами издавна.

„Общая наша всероссійская обязанность возблагодарить дворянъ за приносимыя ими жертвы, успокоить и обезпечить всѣми возможными средствами, вознаградить за понесенныя потери, чтобъ при предстоящей перемѣнѣ, они не только не лишились ничего, но еще, напротивъ, получили все съ лихвою. Помилуйте—развѣ дворяне не Русскіе люди? Развѣ они не дѣти одной съ нами матери—святой Руси? Подъ Севастополемъ, не заходя уже далеко встарь, что же—дворяне оставались позади? Прильпни языкъ къ гортани у того, кто въ

эту священную минуту Русской Исторіи подумаетъ, не только скажетъ, какое нибудь противное объ нихъ слово!

„И первыми исполнителями общихъ нашихъ обязанностей въ отношеніи къ дворянамъ явятся тѣ же крестьяне; помѣщичьи поля въ нынѣшнемъ году вѣрно будутъ вспаханы и взборонованы такъ, какъ никогда.

„Случатся ошибки, недоразумѣнія, столкновенія; можетъ быть даже они случились уже или случаются,—это неизбѣжно: доброй волѣ, народному толку, христіанской любви, предоставляется отстранять затрудненія, придумывать измѣненія и исправленія, а двери къ добру не заперты теперь на замокъ ни для кого.

„Съ благословеніемъ Божіимъ, вѣрно все устроится какъ нельзя спокойнѣе, тише, любовнѣе.

„Вмѣсто толковъ, разсужденій и опасеній, предложу я лучше православнымъ мужичкамъ вотъ какую мысль: изъ первыхъ копеекъ, вольнымъ трудомъ добытыхъ, по приведеніи въ дѣйствіе манифеста, собрать сумму и поставить въ Москвѣ, на память потомкамъ, церковь во имя благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Тамъ, предъ святымъ образомъ, должна теплиться во вѣки вѣковъ неугасимая лампада; тамъ должна возноситься во вѣки вѣковъ теплая молитва за благодушнаго царя, который, вмѣсто Юрьева, скорбной памяти для крестьянъ дня, даруетъ крестьянамъ и дворянамъ, купцамъ и мѣщанамъ, воинству и духовенству, всему православному народу Русскому, прекрасный Александровъ день".

Графиня А. Д. Блудова, познакомившись съ этою статьею Погодина, писала ему: „Какъ это вы не зашли къ намъ, бывъ въ Петербургѣ. Ваша статья дѣлаетъ большой эффектъ и наши люди и старикъ крестьянинъ, который у насъ, слушали ее съ восхищеніемъ и говорятъ, что точно все это правда и что надобно церковь выстроить непремѣнно въ Москвѣ. Вотъ лучшая похвала".

„Я читалъ вашу статью,— писалъ Н. И. Любимовъ Погодину,—и нахожу, что вы исполнили *долгъ честнаго человѣка*

и гражданина, высказавъ и напечатавъ подобныя мысли и убѣжденія, которыя теперь *удивительно какъ кстати*. Она, кажется, *на всѣхъ* здѣсь производитъ очень хорошее дѣйствіе. Сужу это по тому, что я слышалъ одобрительный объ ней отзывъ и отъ тѣхъ, которые, къ несчастію, ничего не одобряютъ. Теперь намъ именно нужны рѣчи и слова въ подобіе вашихъ,—слова *миротворныя*, *творящія миръ и любовь*, и проливающія всякія надежды, а не уязвляющія и раздвояющія. Я не могъ утерпѣть, чтобы не передать вамъ все это, чтобы не обнять васъ мысленно и *всею* душею за вашъ новый братскій подвигъ. Очень любопытно бы знать, *что говорятъ объ ней*—все-таки о вашей статьѣ въ *Москвѣ* и такое же ли тамъ она произвела впечатлѣніе".

„Мысль Погодина,—писалъ И. С. Аксаковъ въ Вѣну къ протоіерею М. Ѳ. Раевскому,—о постройкѣ церкви встрѣтила сильнѣйшее сочувствіе въ народѣ".

XLV.

День святыя великомученицы Татіаны сто слишкомъ лѣтъ не проходитъ въ Москвѣ днемъ будничнымъ. Таковымъ не прошелъ онъ и въ 1860 году.

Приготовляясь къ обычному въ тотъ день празднику, Безсоновъ, еще 2 января 1860 года, писалъ Погодину: „Кончившіе курсъ студенты Московскаго Университета, въ числѣ человѣкъ до тридцати, желая собраться 12 января въ честь Университета и при этомъ отобѣдать въ томъ простомъ и дешевомъ родѣ, какъ выразили вы желаніе въ рѣчи прошлогодняго торжества, поручили мнѣ предложить вамъ: не угодно ли будетъ и вамъ принять здѣсь участіе? Характеръ этого, совершенно частнаго собранія и обѣда, такой: отсутствіе всякой оффиціальности, всякихъ заранѣе назначенныхъ тостовъ и писанныхъ рѣчей, людей, имѣющихъ вѣсъ и положеніе, но не сидѣвшихъ на скамьѣ университетской; людей,

общественно чѣмъ-либо запачканныхъ, напримѣръ, взяточниковъ, литературныхъ подлецовъ и т. п.; записка на обѣдъ отъ товарища къ товарищу, но не по магазинамъ; простота товарищескаго собранія и—относительная—дешевизна обѣда, *три рубли серебромъ*, а кому трудно—*два;* послѣ же обѣда—нежеланіе печатныхъ панегириковъ, и т. п.

„По этому характеру нужно думать, что настоящее число тридцати человѣкъ едва ли подымется выше пятидесяти.

„Студентовъ, продолжающихъ еще курсъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, не будетъ, хотя къ большому сожалѣнію. За то, къ удовольствію многихъ, будутъ нѣкоторые профессора.

„Ничего краснаго и республиканскаго не будетъ, по той простой причинѣ, что таковаго ни въ Москвѣ, ни во всей Руси не существуетъ.

„Срокъ подписки *девятое* число. Принято собраться въ частномъ домѣ, одного изъ бывшихъ студентовъ, но въ чьемъ,—это зависитъ пока отъ количества сбора и потому отъ помѣстительности.

„Если вамъ будетъ угодно, то пришлите согласіе съ деньгами ко мнѣ. Но во всякомъ случаѣ мы желали бы отъ васъ согласія или несогласія письменнаго, какъ дѣятеля, весьма много принадлежащаго Русской письменности“.

Но этотъ предполагаемый Безсоновымъ праздникъ не состоялся. Черезъ нѣсколько дней Драшусовъ извѣщалъ Погодина: „Обѣдъ принимаетъ неожиданные размѣры. П. А. Тучковъ *) изъявилъ желаніе быть на немъ и записался въ списокъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ, какъ старые студенты“ [143]).

Учредители обѣда обратились къ Погодину съ просьбою произнести застольную рѣчь, на что онъ, разумѣется, съ удовольствіемъ согласился. Но рѣчь эта должна была пройти черезъ цензуру учредителей обѣда и причинила Погодину много хлопотъ. „Въ мудреное время живемъ мы,—писалъ онъ по этому поводу,—какъ ни удерживайся, а того и гляди,

---

*) Московскій генералъ-губернаторъ. *Н. Б.*

что попадешь на объясненіе. Мѣсяца два запершись, вдали отъ городской суеты, сидѣлъ я въ комнатѣ надъ дѣломъ царевича Алексѣя Петровича, какъ вдругъ получилъ вызовъ на совѣщаніе отъ учредителей студенческаго обѣда, 12 января, которые просили меня провозгласить тостъ государя императора. Отказаться мнѣ было не только совѣстно, но казалось и непозволительнымъ. Занятый окончаніемъ своей исторической работы, я уклонился отъ личнаго участія въ совѣщаніи, но отвѣчалъ письмомъ, что готовъ исполнить возложенное порученіе. Оно было не такъ легко, относительно разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ: мнѣ хотѣлось, чтобы тостъ государя былъ принятъ громче, чѣмъ это было на одномъ изъ послѣднихъ оффиціальныхъ обѣдовъ; съ другой стороны, я не хотѣлъ оскорбить ничьего слуха звуками, непріятными по той или другой причинѣ въ настоящую минуту. Долго я думалъ, и наконецъ написалъ нѣсколько строкъ. Этимъ строкамъ былъ посвященъ цѣлый вечеръ, и была посвящена цѣлая ночь, которую я не могъ уснуть спокойно, безпрестанно пробужаясь тѣмъ или другимъ выраженіемъ, коловшимъ какъ будто меня въ мозгу. Большинство не имѣетъ понятій объ этихъ мукахъ рожденія, испытываемыхъ писателемъ-гражданиномъ, особенно теперь, когда тысячи глазъ на тебя смотрятъ, тысячи ушей тебя слушаютъ, и всякое лыко по своему тянутъ въ строку. На другой день уже поутру, рѣчь, не десять разъ съ боку на бокъ перевороченная, была окончательно готова, и я отправилъ ее въ назначенный часъ на разсмотрѣніе. Рѣчь вполнѣ была одобрена учредителями единогласно, но оказалось нужнымъ подвергнуть ее, такъ или иначе, внѣшней цензурѣ.

„На послѣднемъ общемъ совѣщаніи и потомъ въ самую минуту съѣзда, передъ столомъ, я получилъ одно за другимъ цензорскія замѣчанія. Вотъ онѣ, передаваемыя съ строжайшею точностью:

„Одинъ цензоръ сказалъ: ваша рѣчь прекрасна, и мы просимъ васъ только исключить слова, въ самомъ началѣ ея,

приданныя вами государю императору: *перваго и передоваго Русскаго человѣка.*

„Другой, пріѣхавшій черезъ часъ цензоръ сказалъ: ваша рѣчь превосходна, но я просилъ бы васъ измѣнить смыслъ тѣхъ фразъ, въ которыхъ вы говорите: *легче, благороднѣе, искреннѣе, спокойнѣе.* Сравнительная степень можетъ быть истолкуема въ укоризну.

„Третьему цензору казалось ненужнымъ говорить о будущихъ мѣрахъ для устроенія быта прочихъ сословій, ибо въ этихъ словахъ иные могутъ заподозрить намекъ.

„Четвертый цензоръ сказалъ: все прекрасно, но разсуждать о крестьянскомъ вопросѣ запрещено, слѣдственно и поминать объ немъ въ рѣчи не слѣдуетъ.

„Пятый цензоръ сказалъ: отлично, но надо исключить *мѣхи новые*, которыми могутъ обидѣться старые мѣхи, будто бы недостаточные.

„Я слушалъ все съ подобающимъ почтеніемъ. Пусть читатели сравнятъ теперь эти замѣчанія съ моею рѣчью, и они увидятъ, что, принимая замѣчанія къ исполненію, слѣдовало бы уничтожить всю рѣчь, потому что въ ней остались живыми только слова: 1-е, *12-е января*, и то потому только, что на обѣдѣ не было Хавскаго, а то онъ вѣрно доказалъ бы, основываясь на пасхаліи зрячей, что нынѣ не 12-е января, а либо одиннадцатое съ половиною, либо безъ четверти тринадцатое; 2-е, имя съ отчествомъ государево; 3-е, обращеніе къ студентамъ, *старые, пожилые и молодые*: старые не разсердились бы на меня, причисляя себя только къ пожилымъ, а пожилые считая себя молодыми, молодымъ же оскорбляться было уже нечѣмъ, ибо въ лѣстницѣ эпитетовъ остался только молокососъ, которымъ нынѣ никто быть не хочетъ. И наконецъ, 4-е, *выпьемте по полному бокалу!*

„А превосходная рѣчь то гдѣ? Тю-тю!

„И вспомнилъ я стихи Грибоѣдова:

Нѣтъ, ужъ если зло пресѣчь,
Такъ книги бъ всѣ собрать да сжечь.

„Получивъ замѣчанія, по командѣ, я отнесся къ учредителямъ, и спросилъ, что дѣлать? — Говорите такъ, отвѣчали они, какъ опредѣлено было по первымъ замѣчаніямъ.

„Слѣдовательно, отвѣчалъ я, нежелавшій принимать на себя ни малѣйшей отвѣтственности, я не назову государя первымъ, передовымъ Русскимъ человѣкомъ, исключу слова о принятіи мѣръ касательно другихъ сословій, и къ сравнительной степени легче и проч., прибавлю для ясности слова: чѣмъ обыкновенно.

„Лучше, еслибъ не было совсѣмъ сравненія, возразили учредители; скажите: легко, благородно, искренно“ [144]).

Съ своей стороны и Кошелевъ дѣлалъ слѣдующее замѣчаніе на рѣчь Погодина: „Ваша рѣчь,—писалъ онъ,—какъ вчера я вамъ сказалъ, очень хороша; но четыре слова изъ нея должны быть исключены: *соотвѣтственно развитію Европейской жизни*. Эти слова рождаютъ ложныя понятія въ слушателяхъ, а въ Петербургѣ скажутъ: а! конституція! Не время закидывать такія слова. Дайте рѣшить батьку вопросовъ: *Довлѣетъ дневи злоба его.* Право, выкиньте эти слова. Не думаю, чтобъ я могъ попасть на обѣдъ, ибо опоздалъ запискою.

„Вечеромъ мы увидимся? [145])?

XLVI.

Къ 4-мъ часамъ пополудни начали съѣзжаться въ Дворянскій Клубъ воспитанники и почитатели Университета Московскаго, чтобы отпраздновать день его учрежденія товарищескимъ обѣдомъ.

Съ небольшимъ въ 4-ре часа, начался самый обѣдъ; въ самомъ началѣ его былъ провозглашенъ тостъ за здоровье государя... и Погодинъ обратился къ присутствующимъ съ слѣдующею рѣчью: „12 января, на студенческомъ университетскомъ праздникѣ, первое привѣтствіе—первому, передовому Русскому человѣку, государю императору Александру Нико-

лаевичу, который принялъ къ сердцу судьбу меньшей братіи и стремится улучшить бытъ ея, который открываетъ молодымъ университетскимъ поколѣніямъ новую, широкую дорогу для просвѣщенной дѣятельности на пользу Отечества, при которомъ дышется легко, думается благородно, говорится искренно, живется спокойно. Помоги ему Богъ кончить начатое великое дѣло къ общему всѣхъ удовольствію, справедливо, безобидно, благопоспѣшно, благоуспѣшно, и, улучшивъ бытъ крестьянъ, приступить къ мѣрамъ для улучшенія быта прочихъ сословій, соотвѣтственно развитію Европейской жизни, и *послѣдніе* мы, Русскіе, да будемъ въ царствованіе его *первіи*.

„Пошли ему Богъ умныхъ, честныхъ, способныхъ, благородныхъ помощниковъ, открой *мѣхи новые*, въ которыхъ новое вино сохранилось бы свѣжее, игривое, веселящее сердца человѣческія, въ цѣлости, безъ пролитой капельки.

„Выпьемъ, братья-студенты Московскаго Университета, старые, пожилые и молодые, выпьемте по полному бокалу, не проливъ капельки, однимъ разомъ, однимъ духомъ, съ однимъ чувствомъ, за его драгоцѣнное здоровье. Да здравствуетъ государь императоръ Александръ Николаевичъ“!

Еще громче, еще единодушнѣе, еще продолжительнѣе раздалось *ура* за этими словами Погодина [146]).

По свидѣтельству самого Погодина, „произведенное, не понимаю кѣмъ и чѣмъ, недоразумѣніе съ музыкою, заигравшею гимнъ преждевременно, помѣшало полному дѣйствію рѣчи“ [147]).

Вторая рѣчь принадлежала П. М. Леонтьеву. Лѣтописецъ университетскаго праздника приводитъ изъ нея нѣкоторые отрывки: „Когда сто пять лѣтъ тому назадъ, въ день чествуемый нынѣ нашимъ собраніемъ, получилъ жизнь нашъ дорогой Московскій Университетъ, наука была въ Россіи дѣломъ малоизвѣстнымъ, цвѣткомъ заноснымъ, требовавшимъ искусственнаго ухода. Первые профессора Университета были почти всѣ иностранцы; преподаваніе происходило на иностран-

ныхъ языкахъ, потому что Русскаго ученаго языка не было. Московскій Университетъ долженъ былъ приготовлять національныхъ профессоровъ сначала для себя, а потомъ и для другихъ университетовъ; онъ съ успѣхомъ исполнилъ это дѣло. Онъ долженъ былъ разработывать Русскій языкъ; всѣ теперь признаютъ, какъ много и для этого совершилъ Московскій Университетъ. Сотни и тысячи слушателей, выходя изъ стѣнъ его, распространили въ молодомъ обществѣ разнообразныя свѣдѣнія и уваженіе къ просвѣщенію. Русскіе университеты составляютъ безспорно одну изъ самыхъ свѣтлыхъ сторонъ Русской жизни. Московскому Университету, въ особенности, очень многимъ обязано Русское просвѣщеніе, Русская литература, Русская государственная служба, гражданская и военная.

„Но, Мм. Гг.! Все ли тутъ? Этимъ ли должно ограничиваться значеніе университетовъ въ нашемъ Отечествѣ? Чего еще мы должны желать, къ чему еще мы должны стремиться?

„Кто не сознаетъ, что наука въ Россіи не пустила еще корней, что она все еще остается цвѣткомъ заноснымъ, что она не принесла еще тѣхъ плодовъ, которые должна принести и которые дѣйствительно приноситъ въ другихъ странахъ? Всѣ согласны въ этомъ; всѣ согласны, что наука не есть еще у насъ дѣло жизни, что она не вошла еще въ плоть-кровь нашего общества, что она остается у насъ дѣломъ случайнымъ, слабымъ, отвлеченнымъ, что она носится надъ нашею жизнью какимъ-то туманнымъ облакомъ, которое разные вѣтры то нагоняютъ на нашъ небосклонъ, то сгоняютъ съ него.

„Московскій Университетъ, я говорю это съ полною увѣренностью, имѣетъ силы для такого преобразованія. Онъ долженъ предшествовать своимъ собратіямъ на пути успѣха; онъ можетъ исполнить эту обязанность. Не даромъ существовалъ онъ слишкомъ сто лѣтъ, не даромъ даны ему обширныя средства. Его Исторія укрѣпляетъ въ увѣренности, что онъ и впередъ будетъ дѣйствовать съ успѣхомъ ко благу Отечества и отечественной науки. Въ этой увѣренности я имѣю честь пригласить васъ, Мм. Гг., поднять наши бокалы. Помянувъ

добромъ прежнюю плодотворную дѣятельность Московскаго Университета, пожелаемъ ему, чтобъ онъ продолжалъ служить вѣрно Русскому просвѣщенію, чтобъ онъ все болѣе и болѣе давалъ въ себѣ мѣсто духу истинной науки, чтобъ умственное и нравственное вліяніе его росло въ нашемъ Отечествѣ, чтобъ изъ стѣнъ его распространялся въ нашей странѣ свѣтъ разума, распространяя вмѣстѣ съ собою миръ, терпимость, самообладаніе, сближая и соглашая людей, давая необходимую энергію для дѣйствія. Да процвѣтаетъ Московскій Университетъ еще съ большею славой и да будетъ процвѣтаніе его еще плодотворнѣе, при новыхъ, болѣе благопріятныхъ для науки условіяхъ, которыхъ настоятельно требуетъ духъ нашего времени".

Третья рѣчь была произнесена Ѳ. И. Иноземцевымъ. За нимъ слѣдовали рѣчи: М. Н. Капустина, Ѳ. М. Дмитріева и Ѳ. Б. Мюльгаузена.

Обѣдъ кончился и многіе уже оставили свои мѣста, когда въ начавшемся общемъ говорѣ послышались голоса:—М. П. Погодинъ еще скажетъ слово, по мѣстамъ, гг., по мѣстамъ! И всѣ снова заняли мѣста.

Слово Погодина относилось къ учредителямъ обѣда и начиналось упрекомъ за роскошь, шампанское, потребовавшее въ складчину по семи рублей съ каждаго и лишившее многихъ и очень многихъ воспитанниковъ Московскаго Университета, скромно работающихъ въ канцеляріяхъ и архивахъ, принять участіе въ праздникѣ, котораго эти труженики были бы украшеніемъ. Погодинъ припомнилъ прежнюю студенческую жизнь—скромныя щи и кашу, и совѣтовалъ учредителямъ обѣда въ будущемъ году устроить его такъ, чтобъ на этомъ обѣдѣ было не двѣсти участниковъ, „а тысячу двѣсти, и чтобъ размѣстились они за столомъ по выпускамъ и факультетамъ: тогда праздникъ представилъ бы живую картину Исторіи Московскаго Университета". Рукоплесканія и браво неоднократно прерывали слова Погодина, закончившіяся общимъ тостомъ и просьбою къ нему участвую-

щихъ въ праздникѣ принять на себя распоряженіе будущимъ обѣдомъ.

Въ это же время родилась мысль поздравить бывшаго попечителя Московскаго Университета графа С. Г. Строганова съ настоящимъ днемъ. Поздравленіе было тотчасъ написано и огромный листъ скоро испещрился „подписями, принадлежащими лицамъ, глубоко-чтущимъ ту пользу, какую принесъ графъ Строгановъ Университету“ [148]).

Какъ бы въ подтвержденіе дополнительныхъ словъ Погодина, вотъ что̀ писалъ ему М. Н. Капустинъ: „Не смотря на мое полное сочувствіе вашему предложенію, я не считаю себя въ правѣ третью часть сбора въ пользу студентовъ отдать не-студенту. Признаюсь вамъ, я не думалъ, чтобы существовала такая *нищета* между нашими студентами, съ какою мнѣ теперь удалось ознакомиться; повѣрите ли, что есть буквально умирающіе съ голоду, есть студенты въ лохмотьяхъ и проч. Надѣюсь, вы согласитесь со мною, что именно этимъ слѣдуетъ теперь помочь, и что здѣсь уже рѣчь идетъ не о прекрасномъ употребленіи денегъ, а о самой настоятельной обязанности. Нищета вопіющая, которая не позволяетъ отвернуть глаза“.

Рѣчь Погодина произвела сильное впечатлѣніе. Максимовичъ, съ своей Михайловой Горы (6 февраля 1860 г.), писалъ ему: „Спасибо тебѣ за твое прибокальное, заздравное *словцо*— такое же живое и кипучее, какъ всѣ твои рѣчи на горячій часъ. Но развѣ дозволены уже застольныя рѣчи на обѣдѣ?... Вѣдь Закревскому брали съ насъ подписки послѣ Кокоревскаго обѣда...

„Сердечно радъ я, что тебѣ пишется... Помогай Богъ тебѣ! Да кому же и писать какъ не тебѣ, въ твоемъ нынѣшнемъ просторѣ, на широкомъ Дѣвичьемъ полѣ—панъ на всю губу!... Только ты ужъ очень что-то надулъ губу“.

О томъ же писалъ и Смоляръ, изъ Петербурга: „Ваша рѣчь возбудила здѣсь чрезвычайное вниманіе, и наконецъ, появилась здѣсь въ Нѣмецкой Петербургской газетѣ, однако

въ очень сокращенномъ видѣ. Вина ли это редактора или цензора"?

Между тѣмъ, настроеніе умовъ въ университетахъ было далеко не утѣшительное. 1-го апрѣля 1860 года, И. Д. Бѣляевъ писалъ Погодину: „Дѣла наши въ Университетѣ очень тревожны, спорамъ и толкамъ конца нѣтъ, созываютъ по пяти засѣданій для одного предмета и сидятъ и спорятъ часовъ по пяти. Тамъ наверху въ Питерѣ что ли, а можетъ быть и въ Москвѣ, придумаютъ какую-нибудь стѣснительную мѣру, хоть бы письменный экзаменъ для студентовъ по каждому предмету, да и пустятъ эту штуку въ Совѣтъ, черезъ кого-нибудь изъ членовъ же Совѣта, вотъ и пойдетъ исторія на мѣсяцъ, а кончутъ тѣмъ, что велятъ принять то, чего никто не хочетъ, кромѣ одного члена. И такимъ порядкомъ идетъ все, живемъ какъ на волканѣ" [149]).

Никитенко, подъ 1 декабря 1860 г., записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Факультетское собраніе въ Университетѣ. Толки о конкурсѣ на каѳедру Философіи. Нѣкоторые прочатъ на нее Петра Лавровича Лаврова. Я противъ этого. Лавровъ способенъ не просвѣщать, а помрачать умы".

Въ другомъ мѣстѣ своего *Дневника*, Никитенко выражается еще опредѣленнѣе: „На дняхъ прочелъ я, въ первомъ номерѣ *Отечественныхъ Записокъ* (1861), статью Лаврова: *Три бесѣды о Философіи*... Боже мой! Я не говорю уже о томъ, что тутъ все одинъ матеріализмъ. Но что за путаница .. И этого Лаврова хотятъ навязать намъ въ Университетъ въ профессоры. Меня особенно огорчаетъ то, что его, между прочимъ, поддерживаетъ Кавелинъ. Всѣми силами надо спасти Университетъ отъ такого философа, какъ Лавровъ, котораго извѣстная партія всячески старается провести въ профессора Философіи" [150]).

XLVII.

Вышедшая въ свѣтъ Исторія Петра Великаго, Устрялова, сильно заинтересовала Погодина. Въ *Дневникѣ* его мы находимъ слѣдующія записи:

Подъ *16 ноября 1859 г.*: „Думалъ написать Петра по Устрялову.—О, еслибъ былъ живъ Пушкинъ, съ какимъ удовольствіемъ прочелъ бы ему“.

— *18* — — — : „Въ клубѣ объ Устряловѣ“.

— *30* — — — : „Читалъ Устрялова и записывалъ“.

— *2 декабря* — : „Читалъ Устрялова и думалъ“.

— *3* — — — : „Думалъ о Петрѣ“.

— *4* — — — : „Прилежно надъ Петромъ“.

— *6* — — — : „Надъ Алексѣемъ Петровичемъ и думалъ“.

— *7* — — — : „Надъ Алексѣемъ“.

— *8* — — — : „Надъ Алексѣемъ и все придумываются великолѣпныя мысли“.

— *9* — — — : „Надъ Алексѣемъ, писалъ много о стрѣлецкомъ бунтѣ.

— *10* — — — : „Писалъ и думалъ о Петрѣ“.

— *11* — — — : „Съ Кубаревымъ о Петрѣ“.

Такимъ образомъ, сочиненію Устрялова о Петрѣ Великомъ, мы, между прочимъ, обязаны и тѣмъ, что оно дало поводъ Погодину написать замѣчательную статью о *Судѣ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ*.

Статью эту Погодину вздумалось прочесть въ Академіи Наукъ, и онъ обратился за совѣтомъ къ Хомякову, который отвѣчалъ: „Ничего не сказалъ я о твоемъ вступленіи, по той простѣйшей причинѣ, что я условныхъ условій академическаго изложенія и академическаго успѣха вовсе не знаю. Будь это чтеніе публичное и въ Москвѣ, — я бы сказалъ: прекрасно и успѣхъ вѣренъ, но такъ ли тамъ? Не знаю. Если не ошибаюсь (это говорю съ крайнимъ сомнѣніемъ).

академическій характеръ и академическія привычки потребовали бы кое гдѣ округленія въ фразѣ и нѣкоторой большей торжественности, какъ у тебя въ твоей прекрасной рѣчи о Карамзинѣ. Впрочемъ, прими это не какъ совѣтъ, а только какъ смутную догадку. Прибавлю еще, что по *твоимъ* особеннымъ отношеніямъ ко многимъ и многому, эта торжественность была бы очень, кажется, кстати“.

Въ тоже время Погодинъ обратился письменно къ предсѣдательствующему во Второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ П. А. Плетневу, съ изъявленіемъ желанія прочесть свою статью о царевичѣ Алексѣѣ въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ, а также съ просьбою о напечатаніи своихъ сочиненій на счетъ Академіи Наукъ.

Въ отвѣтъ на это, Плетневъ (17 декабря 1859 года) писалъ: „Никогда еще не случалось со мной такой бѣды, какая послѣдовала въ эти два послѣдніе мѣсяца. Что должны подумать обо мнѣ вы, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, вы, котораго три письма лежатъ передо мною безъ отвѣтовъ? Эта бѣда произошла отъ хлопотъ, каждогодно застигающихъ меня во время приготовленія скучнѣйшихъ отчетовъ по Академіи и Университету. Въ половину отдѣлавшись отъ лежавшей на мнѣ тяжести, спѣшу загладить вину мою передъ вами. Начинаю съ письма отъ 10 ноября. Очень справедливо замѣчаніе ваше, что дѣло автора только писать, а другіе пусть это описываютъ. Но описыватели, по общей человѣческой слабости, часто забываютъ иное, чѣмъ авторъ въ правѣ обидѣться. Для предупрежденія такого случая и принято между близкими, каковы всѣ члены одного общества, помогать другъ другу: пишущіе составляютъ оглавленіе трудовъ своихъ, а описывающіе произносятъ имъ приговоръ. На васъ наводитъ уныніе литературная ябеда, господствующая въ современной критикѣ. Успокойте себя простою мыслію, что эту критику пишетъ зложелатель, и онъ одинъ такъ мыслитъ, а зачастую и самъ онъ пишетъ противное тому, что̀ думаетъ. Тысяча же читателей разсуждаютъ по своему, нисколько не раздѣляя мнѣ-

ній его. Переберите въ мысляхъ своихъ всѣ прожитыя нами эпохи Литературы нашей. Кого же не ругали зложелатели, начиная хоть съ Карамзина и оканчивая Гоголемъ? А когда умрутъ или пріутихнутъ страсти—истина какъ солнце опять сіяетъ. Тоже самое повторяется и съ неправедными восхваленіями. Въ отчетѣ моемъ я не исчисляю по заглавіямъ всѣхъ сочиненій вашихъ нынѣшняго года изъ предосторожности: наши враги могли бы поднять на зубки и это обстоятельство. Зато въ общей характеристикѣ трудовъ вашихъ я, не обинуясь, выражаю полное мое къ нимъ сочувствіе.... При письмѣ, отъ 29 ноября 1859 года, вы доставили мнѣ первый томъ сочиненій своихъ, приготовленный къ печати. Я сообщилъ нашему президенту о желаніи вашемъ видѣть это изданіе въ печати на счетъ Академіи, подобно тому, какъ явилась Устрялова Исторія Петра Великаго на иждивеніе казны. Графъ мнѣ замѣтилъ, что о Петрѣ I удостоилъ похлопотать самъ Николай I, вѣроятно, по родству. Что касается до суммъ Академіи, прибавилъ президентъ, не сами ли вы входили ко мнѣ съ представленіемъ объ исходатайствованіи вамъ экстраординарнаго источника на покрытіе издержекъ по предпринятому вами изданію Державина? На все это я не нашелся представить никакого возраженія. Никакъ не могу я оторваться отъ давнишней моей мысли, что вамъ съ Шевыревымъ въ Москвѣ дѣлать теперь нечего, и вы оба должны переѣхать на житье въ Петербургъ. Здѣсь вамъ по праву принадлежало бы все Русское Отдѣленіе. Одинъ кто нибудь изъ васъ принялъ бы должность предсѣдательствующаго. Изданія пошли бы на другой ладъ. Въ законномъ видѣ воскресили бы вы Русскую Академію. Сочиненія свои могли бы вы и отдѣльно и въ изданіяхъ Отдѣленія печатать всѣ. А теперь, за глазами, какое участіе? Вы не даете никакого направленія Отдѣленію—и оно еле-еле прозябаетъ. По увѣдомленію вашему, я по листочку перебралъ всѣ наши протоколы, и ни единой строки не встрѣтилось относительно печатанія сочиненій вашихъ на иждивеніе Академіи. Не мо-

жетъ ли Иванъ Ивановичъ (Давыдовъ) навести на это дѣло хоть завѣдывающаго дѣлами академика? Наконецъ, вотъ рѣшеніе и на письмо, отъ 13-го декабря. Дѣло о разсужденіи вашемъ касательно кончины царевича Алексѣя Петровича не могло быть разсматриваемо въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности. По содержанію своему, оно прямо входитъ въ третіе Отдѣленіе Академіи. Я изложилъ содержаніе письма вашего и отправилъ его къ непремѣнному секретарю, который письменно отвѣчалъ мнѣ слѣдующее: „1) Ежели Михаилъ Петровичъ желаетъ прочитать свое разсужденіе въ торжественномъ собраніи Академіи, 29-го декабря, то обязанъ испросить на то предварительное согласіе президента, который одинъ аппробуетъ каждую статью для этого публичнаго чтенія; 2) если же ему желательно напередъ услышать мнѣніе общаго собранія Академіи о написанномъ имъ разсужденіи, то слѣдовало бы прислать его сюда къ 1-му декабря для доклада въ ежемѣсячномъ собраніи конференціи, которая послѣ и представила бы президенту о заключеніи своемъ; 3) но буде Михаилъ Петровичъ предполагаетъ просто помѣстить это разсужденіе въ одномъ изъ изданій Академіи, то долженъ прислать его для просмотра въ наше третіе Отдѣленіе (классъ исторической), которое, въ случаѣ одобренія, препроводило бы его на разсмотрѣніе той же цензуры, которою, по высочайшему повелѣнію, разрѣшено было печатаніе и Исторіи Петра Великаго, сочиненной академикомъ Устряловымъ. Вотъ и еще подтвержденіе не покидающей меня мысли, что ваше законное мѣсто не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ. Этого мѣста требуютъ: вашъ талантъ, ваша любовь ко всему животрепещущему, импровизація ваша при каждомъ значительномъ событіи въ общественной жизни и современной Литературѣ. Когда же наконецъ опредѣлите вы свое значеніе въ Россіи? Надѣюсь, что это мое письмо будетъ въ рукахъ вашихъ 19-го декабря. Вы легко можете собраться и явиться въ Петербургъ 23-го декабря. Въ этотъ же день, въ половинѣ 6-го часа по-полудни, явитесь въ домъ Өедорова, что̀ въ Ка-

раванной улицѣ. Вы застанете графа Блудова въ его кабинетѣ за четверть часа предъ обѣдомъ, который и раздѣлите съ нимъ, дружески изложивъ ему содержаніе своего дѣла. Послѣ обѣда вы прочтете ему свое Разсужденіе. Вотъ самая простая и самая вѣрная дорога для окончательнаго рѣшенія дѣла, которое изъ Москвы можетъ показаться нескончаемымъ. Вѣрьте искренности моихъ чувствъ и неизмѣнной преданности"....

Когда въ Петербургѣ узнали о статьѣ Погодина, то П. В. Анненковъ писалъ автору: „Я лично съ нетерпѣніемъ жду вашей рѣчи о царевичѣ Алексѣѣ, такъ какъ Устряловъ оставилъ во мнѣ, да и во всей публикѣ, колоссальное недоумѣніе, смѣшанное съ ужасомъ. Надо снять съ насъ этотъ столбнякъ"!

Между тѣмъ, 28 января 1860 года, графиня А. Д. Блудова писала Погодину: „Папенька проситъ васъ, *если вамъ это не въ тягость*, пріѣхать прочитать ваше *слово* о Петрѣ и Алексѣѣ, въ Академіи, въ экстраординарномъ собраніи, но онъ не хочетъ оффиціально васъ приглашать, чтобы не безпокоить васъ *нарочной поѣздкой*, а только въ томъ случаѣ, если оно вамъ удобно и легко будетъ. Прочитавъ ему предварительно ваше сочиненіе, ужъ отъ него будетъ зависѣть и отъ васъ назначить день для экстраординарнаго собранія Академіи. Начало, присланное вами, намъ всѣмъ очень полюбилось. Отвѣчайте мнѣ два слова о времени вашего прибытія".

Въ тотъ же день Плетневъ оффиціально писалъ Погодину: „По порученію господина президента Академіи Наукъ, имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что его сіятельство никакого не находитъ препятствія, чтобы вы на экстраординарномъ собраніи Академіи прочитали новое сочиненіе свое о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ. Только графъ Д. Н. Блудовъ проситъ васъ, не считать этой поѣздки за нѣкоторое для васъ обязательное дѣло, а предоставляетъ все собственному вашему усмотрѣнію".

На этомъ оффиціальномъ письмѣ Плетневъ сдѣлалъ слѣдующую собственноручную приписку: „Жду и не дождусь отъ васъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, увѣдомленія касательно имѣющейся у меня въ виду дачи на нынѣшнее лѣто. Помогите, Бога ради" [151]).

Но Погодинъ рѣшилъ свою поѣздку въ Петербургъ отложить, „ибо масляница близко и не успѣешь" [152]).

XLVIII.

До отъѣзда въ Петербургъ, Погодинъ рѣшилъ прочесть своего *Алексѣя* въ торжественномъ собраніи Общества Любителей Россійской Словесности. Чтеніе это состоялось 2-го февраля 1860 года, и произвело глубокое впечатлѣніе.

Познакомимся покороче съ этимъ Разсужденіемъ.

„Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ—говорилъ Погодинъ,—одно изъ важнѣйшихъ происшествій Русской Исторіи, представленъ нынѣ ученому свѣту, благодаря стараніямъ академика Устрялова, во всѣхъ своихъ ужасныхъ подробностяхъ. Изъ самыхъ потаенныхъ хранилищъ, недоступныхъ для науки, не только для любопытства, за семью замками и десятью печатями, извлечены трудолюбивымъ ученымъ подлинныя свидѣтельства: письма, секретныя инструкціи, допросные пункты, возраженія, приговоры, донесенія, вопросы и отвѣты; восклицанія, вырвавшіяся у того или другаго изъ дѣйствовавшихъ лицъ, среди дружеской попойки, слова, прошептанныя на ухо двумя старухами въ какомъ-нибудь темномъ углу—все почти подслушано, подсмотрѣно, вскрыто, исчислено, разобрано, обнародовано. Судъ современниковъ, со всѣми его рѣшеніями, предается высшему суду, суду потомства, Исторіи, и сами судьи, поднятые изъ гробовъ, поступаютъ въ ряды ими обвиненныхъ, ожидая себѣ со смиреніемъ новаго окончательнаго на землѣ приговора.

„Высокое назначеніе Исторіи! Чувствуешь невольный трепетъ въ сердцѣ, когда видишь, какъ могущественный госу-

дарь въ мірѣ, котораго воля, въ продолженіе цѣлой жизни, не знала никакихъ препятствій, на всемъ пространствѣ его владѣній, а эти владѣнія обнимали почти цѣлую часть свѣта, преобразователь многочисленнаго народа, силою своей руки двинувшій его, противъ воли, по новому пути, завоеватель, законодатель, распорядитель,—съ Полтавою и Ништадтскимъ миромъ, флотомъ и арміей, имъ созданными, съ Петербургомъ и Кронштадтомъ, городами и крѣпостями, имъ построенными, съ каналами, имъ для соединенія морей и рѣкъ прокопанными, съ фабриками и мануфактурами, имъ учрежденными, съ новыми естественными произведеніями, имъ отовсюду собранными и введенными въ употребленіе,—съ походомъ въ Персію, съ посольствомъ въ Китай, съ экспедиціей въ Хиву, съ мыслію о торговлѣ съ Индіей, съ заботами объ Японскомъ языкѣ,—чувствуешь, повторяю, невольный трепетъ въ сердцѣ, когда видишь, какъ императоръ Петръ Великій призывается къ отчету въ его дѣйствіяхъ, и какъ послѣдній изъ его изслѣдователей разбираетъ его поступки до сокровеннѣйшихъ источниковъ, задаетъ ему вопросы, кои онъ не можетъ оставить безъ разрѣшенія, предлагаетъ обвиненія, въ коихъ онъ не можетъ не оправдываться.

„Высокое назначеніе Исторіи,—и надобно было случиться, чтобъ такой громогласный урокъ ея раздался, такой разительный примѣръ предложился,—именно въ наше время, исполненное великихъ задачь государственныхъ, къ коимъ мы, подъ исходъ нашего тысячелѣтія, со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступаемъ.

„Разсматривая это событіе, получаешь разительное доказательство, что надъ всѣми человѣческими дѣяніями господствуетъ высшій Промыслъ, и что могущество, какъ бы оно ни было велико, сила, какъ бы она ни была неограниченна, слава, какъ бы ни была она блистательна, проходятъ на землѣ, какъ тѣнь; только истина не боится ничего, только правда достигаетъ цѣли, только добро торжествуетъ окончательно, и только любовь привлекаетъ къ себѣ сердца....

„Русское общество, по прочтеніи книги Устрялова, исполнилось негодованія, уступая первому сильному впечатлѣнію, произведенному ужасами Тайной Канцеляріи, съ ея висками и дыбами, съ ея подъемами и встрясками, оскорбляясь въ самыхъ нѣжныхъ чувствованіяхъ природы.

„Раздаются горькіе упреки, слышатся жесткія слова осужденія, бросаются тяжелые камни,—и обязанность науки: подать свой голосъ въ шумѣ разнородныхъ мнѣній. Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ есть такое происшествіе, которое имѣетъ, какъ сказалъ я выше, великое значеніе въ Русской Исторіи: это граница между древнею и новою Россіею, граница, орошенная кровію сына, которую пролилъ отецъ. Оно должно быть тщательно изслѣдуемо до мельчайшихъ своихъ подробностей, и честь времени, когда можно о такомъ важномъ вопросѣ говорить искренно и свободно, предлагать свои мысли безъ малѣйшихъ опасеній“....

За симъ Погодинъ предлагаетъ полный перечень, по мѣсяцамъ и числамъ, всѣхъ событій въ жизни царевича Алексѣя Петровича.

Сдѣлавъ этотъ перечень, Погодинъ приступилъ къ изслѣдованію, которое окончилъ 26-мъ іюня 1718 года, „въ онъ же день, пополудни въ 6 часу, будучи подъ карауломъ, въ Трубецкомъ раскатѣ, въ гварнизонѣ, царевичъ Алексѣй Петровичъ преставися“.

На другой день, 27 іюня, царь, министры и прочіе были у обѣдни въ Троицкой церкви. Поздравленіе съ Полтавской побѣдой. Обѣдъ на Почтовомъ дворѣ. Послѣ прибыли въ садъ его царское величество, гдѣ довольно веселились, потомъ, въ 12 часу, разъѣхались по домамъ; а тѣло царевича было положено во гробъ и вынесено изъ Трубецкаго раската, въ 9-мъ часу по-полудни; поставлено въ хоромахъ близъ Комендантскаго дома.

28-го, въ 10 часу пополудни, тѣло вынесено въ церковь Св. Троицы.

29-го—въ именины царя, происходили допросы вновь

привезеннаго ландрата Казанскаго Акинѳіева и очная ставка съ Лопухинымъ, братомъ несчастной царицы, который пытанъ былъ, кажется, больше всѣхъ. Обѣдъ въ Лѣтнемъ Дворцѣ. Спускъ корабля. Пиръ до двухъ часовъ по-полуночи.

Въ понедѣльникъ, 30 іюня, церемоніальное отпѣваніе и погребеніе царевича, въ присутствіи царя, царицы и двора. Всѣ прощались и цѣловали руку.

Изобразивъ это ужасное событіе въ самыхъ яркихъ краскахъ, Погодинъ обратился къ своимъ слушателямъ съ такими словами: „Думаете ли вы, Мм. Гг., что Петръ въ эти ужасныя минуты своей жизни, не занимался ничѣмъ болѣе, кромѣ страшнаго розыска. Нѣтъ, онъ продолжалъ государственное свое дѣланіе также тщательно и неутомимо, какъ будто-бъ не происходило ничего необыкновеннаго. Ни одного дня, впродолженіе всего слѣдствія и суда, не проходило безъ какого-нибудь важнаго постановленія. Въ самые рѣшительные дни, напримѣръ, въ день прибытія царевича въ Москву, назначенія суда, пытокъ, приговоровъ, казней, мы находимъ указы о самыхъ важныхъ государственныхъ вопросахъ: о соединеніи Церкви Восточной и Западной, объ устройствѣ коллегій, объ учрежденіи и открытіи полиціи; и вмѣстѣ о предметахъ второстепенной важности и даже самыхъ мелкихъ и ничтожныхъ: о собираніи натуральныхъ уродовъ и всякихъ рѣдкостей, о починкѣ ветхостей, о разведеніи садовъ и рощей, о сохраненіи и употребленіи лѣсовъ, о проведеніи каналовъ, объ избраніи должностныхъ лицъ, о содержаніи нищихъ, объ учрежденіи фабрикъ, о строеніи судовъ, о сбираніи рабочихъ, о позволеніи и запрещеніи провоза товаровъ, о собираніи недоимокъ... Нужно ли прибавлять, что всѣ сіи распоряженія вызывались тѣми или другими нуждами, кои должно было разсматривать, провѣрять, обдумывать и потомъ уже рѣшать.

„Судите же теперь, Мм. Гг., что̀ это была за натура, и какова была крѣпость въ его головѣ, неутомимость въ его тѣлѣ, твердость въ его волѣ, и какова была.... огнеупорность

въ его сердцѣ, когда онъ, въ одно и то же время, могъ пытать сына и мучить множество людей, углубляться въ важнѣйшіе умственные вопросы и разбирать судебныя тяжбы, опредѣлять отношенія Европейскихъ государствъ, вести счетныя дѣла, мѣрять лодки, сажать деревья, думать о собираніи уродовъ и пировать съ своими наперсниками?

„Съ такою силою духа и тѣла, внѣ всѣхъ человѣческихъ размѣровъ, напрасно онъ боялся за прочность своихъ учрежденій. Россія, двинутая Петромъ въ извѣстномъ направленіи, не могла физически совратиться въ другую сторону, и только въ наше время, чрезъ полтораста лѣтъ, начинаетъ ощущаться ослабленіе даннаго имъ удара, и народный толкъ начинаетъ внушать многимъ мысль, не пора ли остановиться на этой дорогѣ, передышать и одуматься".

Засимъ Погодинъ вопрошаетъ: „Какой же приговоръ произнесемъ мы Петру, по его дѣлу съ сыномъ"?

„Если велики были его вины,—отвѣчаетъ историкъ,—при производствѣ этого роковаго дѣла, какъ будто требованнаго таинственно самою Исторіею, въ образѣ искупительной жертвы, если велики были его увлеченія и преступны различныя мѣры, то не безпримѣрны ли, не чудны ли были прочіе его дѣйствія и труды, безпрерывно, между тѣмъ продолжавшіеся? Не испыталъ ли онъ самъ жесточайшихъ мученій впродолженіи этого безпримѣрнаго процесса? Не тоскуетъ ли страшно духъ его даже теперь, если слышитъ наши о немъ сужденія" [153])....

При этомъ невольно вспоминаются слова Грановскаго, сказанныя имъ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ своею смертію. „На дняхъ я былъ у Погодина,—писалъ онъ,—и вынесъ оттуда глубокое впечатлѣніе. У Погодина есть портретъ Петра Великаго, написанный съ мертваго современнымъ художникомъ... Я не знатокъ въ живописи... Но передъ этимъ портретомъ готовъ былъ стоять цѣлые дни. Я отдалъ бы за него половину моей библіотеки, любимыя книги мои. Я едва не зарыдалъ, глядя на это божественно-прекрасное лицо.

Спокойную красоту верхней части нельзя описать. Только великая, безконечно-благородная и святая мысль можетъ положить на чело печать такого спокойствія. Но губы сжаты скорбію и гнѣвомъ. Онѣ какъ будто дрожатъ еще. Онѣ еще причастны тревогамъ и волненіямъ жизни. Что за человѣкъ былъ этотъ Петръ" [154])!

Чтеніе свое Погодинъ заключилъ молитвою: „Господи! Прости ему его согрѣшенія, и упокой его душу" [155]).

XLIX.

Подъ 2 февраля 1860 года, Погодинъ записалъ въ своемъ Дневникѣ: „Превосходное засѣданіе въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности. Чтеніе моей статьи произвело дѣйствіе огромное. Комплименты".

Одинъ изъ слушателей, Б. Н. Алмазовъ, подавленный впечатлѣніемъ отъ слышаннаго, въ тотъ же день написалъ Погодину слѣдующее письмо: „Пишу къ вамъ еще подъ впечатлѣніемъ вашей драмы. Какой историческій талантъ! Какая глубокая и истинно вдохновенная проницательность, какой драматизмъ и въ то же время спокойствіе въ изложеніи! Хоть я васъ очень давно знаю и глубоко уважаю ваши дарованія, но долженъ сознаться, что и отъ васъ не ожидалъ такого произведенія. Петръ Великій похеренъ вами изъ списка людей. Остается только вопросъ: куда его зачислить—въ великіе ли изверги рода человѣческаго, въ сонмище ли злыхъ духовъ, или просто оставить состоять по арміи въ томъ же чинѣ. Слушая вашъ разсказъ, я дрожалъ отъ бѣшенства и наконецъ пришелъ въ такую злобу на Петра со всѣми его послѣдствіями, что, прибѣжавъ домой, отогналъ отъ себя и разбранилъ понапрасну собственныхъ дѣтей, выбѣжавшихъ ко мнѣ на встрѣчу. Могъ ли такой.... человѣкъ сдѣлать что-нибудь не только благое, но даже что нибудь полезное для Россіи? „Нѣтъ, — говоритъ Маколей, — каковъ человѣкъ въ частной жизни, таковъ онъ и въ дѣятельности государственной". Ска-

жутъ: „Но Людовикъ XI“? Но Людовикъ дѣйствовалъ изъ любви къ Отечеству, а не изъ гнуснаго военнаго честолюбія. А что Петръ производилъ всѣ свои реформы съ фискальной цѣлью — пріобрѣтать деньги на войну, которая нужна ему была, чтобъ прославить себя и чрезъ то попасть.... въ общество Европейскихъ государей — это ясно показано въ статьѣ Лешкова: *Раздѣленіе Россіи на губерніи*. Петръ погубилъ Россію. Онъ нанесъ ей смертельную рану. Ежели Россія и послѣ него жила и совершала иногда великіе подвиги, то это показываетъ только ея живучесть. Повторяю: ваша статья великолѣпна и станетъ въ ряду первостепенныхъ Европейскихъ историческихъ монографій. Если славянофилы дѣйствительно таковы, какими я ихъ всегда себѣ представляю, т.-е., если они единственно честные и благородные люди (въ самомъ высокомъ значеніи этихъ словъ) между пишущей братьи въ Россіи, — то они должны вамъ заживо воздвигнуть монументъ. Сколько они ни писали противъ Петра, но никогда никто не могъ его такъ доѣхать, какъ вы сегодня доѣхали его художественно изложенными фактами. Честь вамъ и слава!.. Печатайте скорѣе вашу статью; боюсь, чтобъ кто нибудь не укралъ у васъ ваши мысли. Но... (ужасное *но*! какъ бы *я* былъ счастливъ, еслибъ это *но* не было моимъ вѣчнымъ припѣвомъ), но зачѣмъ вы сдѣлали такое послѣсловіе. Я знаю, что оно у васъ не ироническое, а все-таки мнѣ оно напоминаетъ слова Антонія въ Шекспировскомъ Юліи Цезарѣ: *А все-таки Брутъ честный человѣкъ*. Но я вамъ извиняю эту привычку благоговѣть передъ Петромъ. Ее раздѣлялъ и Пушкинъ. Но наше поколѣніе раздѣлять ее не можетъ. Вы говорите, что надо молиться за Петра. Нельзя молиться за царя Ирода — Богородица не велитъ“.

Не смотря, однако, на полный успѣхъ статьи Погодина, вотъ что̀ писалъ ему И. В. Павловъ: „Рѣчь вашу, не смотря на мои убѣдительнѣйшія просьбы, Основскій не напечаталъ. А какъ вы думаете, по какой причинѣ? Примѣта у него есть:

тотъ журналъ, въ которомъ участвуетъ М. П. Погодинъ, непремѣнно закроется по Петербургскимъ распоряженіямъ. И на великолѣпную вашу рѣчь объ Алексѣѣ Петровичѣ—Осповскій будетъ смотрѣть съ этой же точки зрѣнія".

„О, чего бы я не далъ,—писалъ Погодину о. Белюстинъ,—чтобы летѣть за вами въ Петербургъ и выслушать слово ваше. Слово объ этомъ страшномъ, преступномъ, отвратительномъ, проклятомъ дѣлѣ, каковъ процессъ надъ Алексѣемъ Петровичемъ. Въ этомъ процессѣ вылился весь Петръ—вѣчный позоръ Россіи. Я знаю, что вы благоговѣете передъ этой адской личностью; по крайней мѣрѣ выразили свое благоговѣніе къ ней въ самой первой статьѣ *Москвитянина*. Но, грѣшный человѣкъ, я ненавижу его всѣми силами души своей....

„Но, Бога ради, не забудьте, какъ отозвалось благородное, истинно-рыцарское казачество на требованіе отъ нихъ мнѣнія по этому звѣрскому процессу. Не забудьте поставить ихъ отзывъ въ параллель съ *Разсужденіемъ духовнаго чина*.... Благословляю Конисскаго, сохранившаго эту дивно-благородную черту казаковъ"!

Мы же, съ своей стороны, замѣтимъ, что и фельдмаршалъ графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, по свидѣтельству историка князя М. М. Щербатова, „судъ царевичевъ не подписалъ, говоря, что *онъ рожденъ служить своему государю, а не кровь его судить*, и не устрашился гнѣва государева, который нѣсколько времени на него былъ, яко внутренне на доброжелателя несчастнаго царевича".

Самъ же Погодинъ писалъ: „Получаю со всѣхъ сторонъ извѣстія о дѣйствіяхъ статьи. Для меня непріятно даже такое сильное впечатлѣніе. Я не хотѣлъ его и не думалъ причинить Петру вредъ въ такой степени".

L.

„Ждемъ мы васъ,—писалъ 15 февраля 1860 г. И. И. Срезневскій Погодину,—вотъ уже третью недѣлю. Я думалъ васъ встрѣтить на диспутѣ Ламанскаго.... Нѣтъ васъ и нѣтъ“.

Въ Петербургѣ Погодинъ думалъ остановиться у графа А. С. Уварова, въ его домѣ на Большой Морской; но 28 января 1860 года, Лазаревскій писалъ ему: „По случаю запродажи здѣшняго дома графа Алексѣя Сергѣевича, большая часть мебели и всѣ вещи увезены въ Порѣчье; часть же мебели осталась еще въ домѣ. На дняхъ я жду сюда Семена Ивановича, которому приготовилъ кое-какъ помѣщеніе. По пріѣздѣ въ Петербургъ, потрудитесь заѣхать въ нашъ домъ и взглянуть на помѣщеніе; если вы найдете его для себя удобнымъ, то я съ удовольствіемъ предлагаю вамъ воспользоваться всѣмъ, что̀ у насъ есть“.

5-го марта того же 1860 года, Кокоревъ писалъ Погодину: „Если мятель утихнетъ, сегодня пріѣзжайте ночевать и съ утра пустимся въ путь“. Само собою разумѣется, что Погодинъ былъ очень доволенъ ѣхать въ Петербургъ съ такимъ попутчикомъ, какъ Кокоревъ. Но тѣмъ не менѣе, подъ этимъ числомъ онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Былъ въ раздумьѣ ѣхать или нѣтъ къ Кокореву, потому что погода опять поднялась страшная. Ну, такъ я останусь у Кокорева читать корректуры. Оттуда ближе, чѣмъ отсюда. Простился. Дорога страшная и невѣроятная... Пріѣхалъ, а Кокорева нѣтъ уже: онъ отправился на желѣзную дорогу. Вотъ тебѣ разъ! Скорѣе туда. Насилу доѣхалъ и засталъ поѣздъ. Выговаривался за безразсудство. Дорога неожиданно хороша, и ѣхалъ пріятно. Игралъ и проигралъ“.

На другой день, т.-е. 6 марта 1860 года, Погодинъ „благополучно“ пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился у Коко-

рева. Здѣсь въ то время пребывалъ В. В. Григорьевъ, который писалъ ему: „Проѣздомъ черезъ Москву я не забылъ завернуть на Дѣвичье-поле: мнѣ сказали, что вы уѣхали въ Петербургъ съ Кокоревымъ. Здѣсь, я былъ у Кокорева, не засталъ васъ дома. Адресъ мой въ гостинницѣ Палкина, у желѣзной дороги. Самъ я рыскаю съ утра до ночи, и застать меня дома невозможно“ [156]).

Въ первый день своего пребыванія въ Петербургѣ, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Извѣстіе о дуэли между Набоковымъ и Корфомъ, который убитъ. Это все признаки броженія въ душахъ. Не могъ побывать у Блудова. Мерзость молодыхъ людей-прогрессистовъ. Грустно“.

Въ Погодинскомъ архивѣ сохранился отрывокъ описанія его пребыванія въ Петербургѣ. „Пріѣхавъ въ Петербургъ,—читаемъ въ этомъ отрывкѣ,—на недѣлю, отправить свою академическую череду, я прожилъ слишкомъ двѣ, захваченный водоворотомъ собраній, комитетовъ, коммиссій, чтеній, споровъ. Спѣшу отдать отчетъ, тѣмъ болѣе, что частное соединяется здѣсь съ общимъ. Прежде всего прочелъ я разсужденіе свое о Судѣ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, президенту Академіи, который пригласилъ къ себѣ министра Просвѣщенія, попечителя и нѣсколько другихъ лицъ. Графу Блудову принадлежитъ первое открытіе важнѣйшихъ документовъ объ этомъ дѣлѣ, при разборѣ кабинетныхъ и архивныхъ бумагъ, по порученію покойнаго государя. Онъ знаетъ рукописную Исторію XVIII-го вѣка, разумѣется лучше всѣхъ у насъ, и намѣревался ее обработывать, но, къ сожалѣнію, государственныя его занятія отвлекли отъ Исторіи. Онъ предложилъ мнѣ нѣсколько замѣчаній, коими я съ благодарностію не премину воспользоваться, ибо, по моей теоріи, голосъ мнѣнія знатоковъ всегда долженъ быть принимаемъ въ соображеніе“.

14 марта 1860 г., Погодинъ читалъ въ Пассажѣ своего *Алексѣя*. Въ этотъ день онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Перечитывалъ Петра для чтенія. Деляновъ. Къ Ковалевскому.

Обѣдъ у Делянова. Домой передохнуть. Чтеніе. Встрѣча и благодарности".

Чтеніе въ Пассажѣ имѣло полный успѣхъ.

„Между множествомъ Петербургскихъ публичныхъ лекцій,—читаемъ даже въ *Русскомъ Словѣ,*—заслуживаетъ особеннаго вниманія не лекція, а разсужденіе академика Погодина о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ. Чтеніе это происходило 14 марта, въ залѣ Пассажа, и доставило торжество бывшему Московскому профессору. Зала наполнилась слушателями, которыхъ собрали конечно не „Славянскія предпріятія", а извѣстность Погодина, какъ стариннаго и рьянаго дѣятеля Русской Исторіи, популярность, пріобрѣтенная имъ послѣ Восточной войны, и желаніе, можетъ быть, сравнить его историческій талантъ и положеніе съ талантомъ и положеніемъ любимца Петербургской публики, профессора здѣшняго Университета Костомарова... Погодинъ былъ встрѣченъ самыми одушевленными рукоплесканіями... Малѣйшій остроумный намекъ его, слово, сказанное нѣсколько съ ироническимъ оттѣнкомъ, шутка, или фигурное выраженіе, все вызывало общій восторгъ публики... Разбирая факты, относящіеся до жизни и дѣятельности царевича, Погодинъ нѣсколько идеализировалъ эту личность... Главное лицо въ этой исторической драмѣ былъ, разумѣется, Петръ, но Погодинъ не возвысился до окончательнаго и рѣшительнаго суда надъ нимъ... Онъ не могъ судить его, особенно здѣсь, въ Петербургѣ, гдѣ, по словамъ Погодина, каждый камень говоритъ о немъ, на каждомъ шагу встрѣчается его имя и память" [157]).

О. Белюстинъ сообщилъ Погодину, что одинъ изъ близкихъ ему людей, бывшій на его лекціи въ Пассажѣ, сейчасъ послѣ нея писалъ ему: „Совсѣмъ больной я, однакожъ, поѣхалъ на публичную лекцію М. П. Погодина о жизни и смерти царевича Алексѣя Петровича; и не раскаиваюсь: она превзошла мои ожиданія, какъ и многихъ, не безъ нѣкотораго предубѣжденія противъ автора, явившихся выслушать его новое произведеніе и т. д. Поговариваютъ объ его ди-

спутѣ съ нашимъ ученымъ историкомъ. Если это будетъ,— то поѣду во чтобы то ни стало и вамъ сообщу подробно объ лекціи и диспутѣ“ и пр.

За симъ, о. Белюстинъ прибавляетъ и отъ себя: „О, еслибъ только видѣли вы, какъ возрадовался я, прочитавши эти строки! Наконецъ-то воздаютъ вамъ должное! Наконецъ-то Петербургскій ученый людъ, такъ враждебный вамъ, долженъ смириться и преклониться передъ вами! Благословенъ Господь Богъ, живый во Іерусалимѣ! Аллилуія, аллилуія, аллилуія“!!!

Самъ же Погодинъ въ своемъ вышеупомянутомъ отрывкѣ писалъ: „На третій день, чтеніе въ Пассажѣ, въ пользу ученыхъ Славянскихъ предпріятій, разрѣшенное министромъ Народнаго Просвѣщенія. Безпокойства, тревоги, сомнѣнія, было много сначала, но все кончилось благоуспѣшно. Цензура присовѣтовала мнѣ пропустить нѣсколько мѣстъ, неудобныхъ для прочтенія въ подобномъ собраніи; обращеніе къ сильнымъ міра сего и осужденіе, *подозрѣніе*, что я къ крайнему своему прискорбію исполнилъ, а какое прекрасное дополненіе къ моей апострофѣ доставило мнѣ напоминаніе графа Блудова при чтеніи, о lois des suspects во время Французской революціи, къ которой у меня тотчасъ присоединились изъ памяти эдикты противъ оскорбленія величества, изданные во время Римскаго терроризма“.

Изъ *Дневника* же Погодина узнаемъ, что на другой день послѣ чтенія въ Пассажѣ, онъ посѣтилъ князя Вас. А. Долгорукова; а 17-го марта 1860 года, онъ писалъ ему: „Считаю нужнымъ повторить вашему сіятельству, что въ предпослѣднее свиданіе я заключилъ изъ вашихъ словъ, что вамъ угодно получить статью мою о Судѣ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ для просмотрѣнія, а слушать чтеніе вы не можете. Это повторили вы, кажется, два раза. Я обѣщался доставить вамъ статью, что, разумѣется, отъѣзжая и исполню; прочесть же ее готовъ, когда назначите. Слѣдовательно, *нехорошо*, *нехорошо*, я прошу покорнѣйше ваше сіятельство взять назадъ: оно ко мнѣ не можетъ относиться“.

11-го марта 1860 г., Плетневъ писалъ Погодину: „Не забудьте, почтеннѣйшій другъ Михаилъ Петровичь, завтра, въ субботу, вечеромъ явиться къ намъ въ ложу въ Пассажѣ на историческое чтеніе Стасюлевича... Другое его же чтеніе, къ нашему съ вами несчастію, назначено въ тотъ же день и даже часъ, когда мы въ экстраординарномъ засѣданіи Академіи будемъ слушать *Дѣло о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ.* Но можно утѣшиться: этотъ несчастный царевичь къ нашему Русскому сердцу ближе Римскаго императора-философа“.

Чтеніе въ Академіи состоялось на другой день послѣ чтенія въ Пассажѣ, т.-е., 15 марта 1860 года. Слушателями были академики, почетные члены и корреспонденты, всего до тридцати. Въ началѣ своего чтенія Погодинъ обратился къ академику Устрялову, и выразилъ ему благодарность ученаго свѣта за открытіе и обнародованіе важнѣйшихъ матеріаловъ.

Свое чтеніе Погодинъ заключилъ такими словами: „Мм. Гг.! Мы говоримъ въ Академіи, Петромъ Великимъ основанной. Дрожащей рукою, среди тяжкой болѣзни, за нѣсколько дней передъ кончиною.... Господи! Прости ему его согрѣшеніе, и упокой его душу“.

Президентъ на этомъ академическомъ собраніи не присутствовалъ и его дочь писала Погодину: „Батюшка былъ такъ не въ духѣ вчера, что не рѣшился выѣзжать вечеромъ и не могъ быть въ Академіи. Видно, что то грустное творится; ибо на одну погоду нельзя взвалить всю хандру. Пріѣзжайте обѣдать къ намъ завтра. У насъ будутъ Иванъ Давыдовичъ Деляновъ, Ржевскій и Анненковъ“.

На просьбу Погодина устроить и въ Москвѣ публичное чтеніе объ Алексѣѣ Петровичѣ, И. Д. Деляновъ отвѣчалъ: „Я показывалъ письмо ваше Евграфу Петровичу (Ковалевскому) и онъ обѣщалъ мнѣ оказать содѣйствіе къ тому, чтобъ излишнія цензурныя придирки къ вашей статьѣ были устранены. Вѣроятно, онъ исполнитъ свое обѣщаніе немедленно. Я нездоровъ, впрочемъ не тяжко, и какъ только выѣду

узнаю о послѣдующемъ и вамъ сообщу. Что касается публичнаго чтенія вашей статьи, то сколько для васъ, столько же и для Министерства Народнаго Просвѣщенія я совѣтую вамъ отказаться отъ втораго чтенія, просто сказать, и не думать о немъ. Несовсѣмъ пріятныя для Министерства послѣдствія Петербургскаго чтенія, т.-е., эхо громоваго грохотанія продолжается до сего времени. Ѳ. И. Тютчеву передано, что слѣдовало. Онъ скорбитъ о расположеніи вашего духа и усердно вамъ кланяется. Впрочемъ, онъ и самъ находится въ такомъ же положеніи духа. Крѣпко обнимаю васъ и остаюсь душевно и сердечно вамъ преданный".

Съ своей стороны и Москвичи остались недовольны тѣмъ, что Погодинъ читалъ своего Алексѣя въ Петербургѣ. М. Н. Лонгиновъ писалъ ему: „Зачѣмъ только вы въ Пассажѣ читали и дали обкорнать цензурѣ вашего *Алексѣя*. На васъ за то Москва сердита".

Еще рѣзче выразилъ свое неудовольствіе К. С. Аксаковъ. Онъ писалъ Погодину: „Получили мы письмецо ваше, и очень благодаримъ, что вы дали знать о себѣ. Вамъ мерзокъ Петербургъ: я совершенно вамъ сочувствую. И, позвольте сказать откровенно, мы, Москвичи, сѣтовали на васъ, что вы поѣхали въ Петербургъ и читали передъ нимъ свою статью объ Алексѣѣ Петровичѣ, и потомъ вели передъ нимъ публичный диспутъ.—Можно ли это?—Какъ можно такъ мало цѣнить себя, чтобы читать передъ Петербургской публикой? Ваша превосходная статья объ Алексѣѣ Петровичѣ, выслушанная съ такимъ серьезнымъ вниманіемъ и пониманіемъ Москвою, развѣ была въ Петербургѣ понята? — Нѣтъ, намъ Москвичамъ, передъ Петербургомъ читать и говорить не слѣдуетъ: это для насъ унизительно. Я скорѣе соглашусь читать передъ Индѣйскими пѣтухами, чѣмъ передъ Петербургской публикой; и конечно бормотанье этихъ пѣтуховъ было бы для меня лестнѣе, чѣмъ всѣ Петербургскіе форо и аплодисменты" [158]).

LI.

Вслѣдъ за публичнымъ чтеніемъ о судѣ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, Погодинъ, 19 марта 1860 года, имѣлъ достопамятный диспутъ въ стѣнахъ С.-Петербургскаго Университета съ профессоромъ Николаемъ Ивановичемъ Костомаровымъ, о началѣ Русскаго Государства.

Въ первой книжкѣ *Современника* 1860 года, Костомаровъ напечаталъ статью: *О началѣ Руси*, съ эпиграфомъ изъ Литовской пѣсни: *Выбѣжали, выбѣжали двое молодыхъ пловцовъ изъ села Руси... О Русь село: тамъ растетъ цвѣточекъ, куда мое сердце стремится*!

Въ этой статьѣ своей Костомаровъ, между прочимъ, писалъ: „Мнѣніе о происхожденіи съ береговъ Руси нашихъ князей не новость. Въ XVI-мъ вѣкѣ писалось въ *Степенной Книгѣ*, что Рюрикъ „пріиде отъ Варягъ въ Великъ-Новгородъ со двѣма братома своима и съ роды своима, иже бѣ отъ племени Пруссова“. Во многихъ нашихъ хронографахъ говорится единогласно, что князья пришли изъ Прусской страны.... Ломоносовъ, своимъ простымъ и зоркимъ взглядомъ, прямо напалъ на мысль, искать нашей прародительской Руси въ этихъ странахъ и сказалъ, что Варяги-Россы съ древними Пруссами произошли отъ одного поколѣнія..... Но,—по мнѣнію Костомарова,—„ложный патріотизмъ не далъ Ломоносову кончить своего вывода безпристрастно и справедливо: производя нашихъ князей съ береговъ Руси, онъ возвелъ ихъ въ Славянъ, и съ его легкой руки, въ XIX вѣкѣ, расплодились разнородныя мнѣнія о славянствѣ Варяговъ-Руси... Если нельзя не укорять нашихъ славянистовъ въ недостаткѣ безпристрастія, то столь же небезпристрастны были попытки выводить Рюрика и его братьевъ изъ Скандинавіи. Это выдумали ученые Нѣмцы. Извѣстно, что у насъ Нѣмцы, отъ мала до велика, и ученые и не ученые, болѣе или менѣе испол-

нены вѣрованія о превосходствѣ своей породы надъ Славянскою.... Ученые Нѣмцы выдумали призваніе князей изъ Скандинавіи: этимъ хотятъ указать, что Славяне не способны, безъ вліянія Нѣмецкаго элемента, къ устройству государственной и гражданской жизни. Одинъ изъ позднѣйшихъ борцовъ скандинавизма, почтенный и ученый Куникъ, въ книгѣ своей *О призваніи Шведскихъ Россовъ*, высказалъ, что имъ руководило не одно желаніе разрѣшить вопросъ сообразно исторической дѣйствительности, но также и показать, какъ Варяжскій вопросъ связанъ съ позднѣйшею Русскою Исторіею и долженъ быть разрѣшенъ, дабы достойно оцѣнить факты позднѣйшіе и уразумѣть необходимость явленія Петра Великаго, который пришелъ къ тому же сознанію о состояніи Россіи, какъ и Новгородцы въ IX вѣкѣ, и вмѣстѣ понялъ, что для истиннаго прогресса и возрожденія государственнаго быта, Славянскій человѣкъ долженъ вмѣстѣ съ нимъ подвергнуться извѣстному (Костомаровъ спрашиваетъ: какому? на Нѣмецкій ладъ и складъ!) измѣненію. Между тѣмъ, стремленіе заставить насъ признать ничтожность собственныхъ нравственныхъ силъ такъ велика, что тотъ же Куникъ всѣхъ, кто дерзаетъ сомнѣваться въ Скандинавскомъ происхожденіи Рюрика, называетъ не только полуобразованными, но укоряетъ ихъ, что они сознательно враждебны классическому образованію и противятся реформѣ Петра Великаго".

Въ той же январской книжкѣ *Современника* (1860 г.), въ которой была напечатана статья Костомарова о *началѣ Руси*, была задѣта и только что тогда изданная книга Погодина *Норманскій Періодъ Русской Исторіи*, о которой, между прочимъ, сказано: „Довольно давно уже Погодинъ находится въ пріятномъ положеніи—повторять собственныя старыя мысли и не слышать на нихъ возраженій. Одна изъ этихъ мыслей есть, какъ извѣстно, мысль о норманствѣ Варяговъ.... Нынѣ изданная книжка составляетъ одно изъ безчисленныхъ повтореній этой мысли; но ей не суждено уже величаво пройти, при всеобщемъ безмолвномъ согласіи.... Въ нынѣшней книжкѣ

Современника читатели найдутъ статью Костомарова *о началѣ Руси*, совершенно не признающую пресловутаго норманства.... Другое дѣло—тоже очень обидное—то, что Костомаровъ воспользовался нѣкоторыми изъ старыхъ возраженій противъ норманства Варяговъ, возраженій представленныхъ, напримѣръ, еще Максимовичемъ.... Съ Максимовичемъ Погодинъ сладилъ легко, потому что тотъ защищалъ славянство Варяговъ. Но теперь вдругъ является нападеніе совершенно съ другой стороны: Костомаровъ выводитъ Русь изъ Жмуди.... Что тутъ дѣлать"?

Все это Погодинъ прочелъ еще въ Москвѣ, и въ *Дневникѣ* его мы находимъ слѣдующія записи:

Подъ *7 февраля* 1860 года: „Прочелъ разсужденіе Костомарова и организовался въ головѣ разборъ".

— *8* — — — : „Началъ рецензію на Костомарова".

— *12* — — — : „Набросалъ отвѣтъ Костомарову".

— *17* — — — : „Писалъ отвѣтъ Костомарову и сегодня".

— *19* — — — : „Кончилъ Костомарова".

— *24* — — — : „Перечелъ отвѣтъ Костомарову".

— *25* — — — : „Пересмотрѣлъ отвѣтъ Костомарову".

Вся эта рецензія Погодина вылилась въ форму письма его къ Костомарову: „Не думалъ я, — писалъ Погодинъ,—чтобъ мнѣ пришлось начинать докучную сказку о Норманахъ, которымъ въ концѣ втораго тома *Изслѣдованій о Русской Исторіи*, въ 1848 году, пропѣлъ я: quiescant in pace. Но вашей статьи нельзя оставить безъ отвѣта. Пушкинъ сказалъ:

За новизной бѣжать смиренно
Народъ безсмысленный привыкъ.

Чего добраго—толпа закричитъ подъ пѣсню Литовской свистопляски, вслѣдъ за ученой редакціей *Современника*: Мы изъ Жмуди, мы изъ Жмуди! Вотъ мы откуда, вотъ мы каковы! Мы изъ Жмуди!

О, Русь село, тамъ ростетъ цвѣточекъ, туда мое сердце стремится.

Послѣ сего вступленія, Погодинъ разлагаетъ статью Костомарова на составныя части и каждую разбираетъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Погодинъ имѣлъ свиданіе съ Костомаровымъ въ Публичной Библіотекѣ, 9 марта 1860 года. Тамъ онъ прочелъ ему вышеупомянутое письмо, которое заключилъ такими словами: „Я считаю васъ честнымъ, добросовѣстнымъ изслѣдователемъ въ кучѣ шарлатановъ, невѣждъ, посредственностей и бездарностей, которые, пользуясь исключительнымъ положеніемъ, присвоили себѣ на минуту авторитетъ въ дѣлѣ науки, и приводятъ въ заблужденіе неопытную молодежь. Вотъ почему я требую отъ васъ во имя этой науки, полной сатисфакціи, то есть торжественнаго отступленія изъ Жмуди, или полнаго отраженія приведенныхъ мною краткихъ доказательствъ, за коими я готовъ выдвинуть и тяжелую артиллерію. Иначе—бросаю вамъ перчатку и вызываю на дуэль, хоть въ Пассажѣ. Секундантовъ мнѣ не нужно, развѣ тѣни Байера, Шлецера и Круга, если у васъ въ Петербургѣ есть вызыватели духовъ, а вы, для потѣхи, можете пригласить себѣ въ секунданты любыхъ рыцарей свистопляски. Сборъ, въ доказательство моего безпристрастія, я готовъ уступить въ пользу неимущей Жмуди. Безъ шутокъ, пріѣхавъ на недѣлю въ Петербургъ, я предлагаю вамъ публичное разсужденіе, въ Университетѣ, Географическомъ Обществѣ, или Академіи, въ присутствіи лицъ, принимающихъ живое участіе въ вопросѣ. Хоть я лѣтъ двадцать уже оставилъ его, но, посвятивъ ему десять лучшихъ лѣтъ жизни, помню во всѣхъ подробностяхъ, и готовъ отстаивать его unguibus et rostris“ [159]).

Костомаровъ, выслушавъ прочитанное ему Погодинымъ письмо, принялъ вызовъ. „Какъ ни неожиданно было для меня,—писалъ Погодинъ,—услышать согласіе Костомарова, но не могъ же я сказать ему, будто струсивъ: нѣтъ, я пошутилъ! Я отвѣчалъ ему, разумѣется: ну, такъ идемъ на бой“ [160]).

Между тѣмъ, Костомаровъ представилъ на утвержденіе

С.-Петербургскаго оберъ-полицiймейстера графа П. А. Шувалова *проектъ объявленiя* о вызовѣ Погодина. Вслѣдствiе сего, 12 марта 1860 года, С.-Петербургскiй генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Изгнатьевъ писалъ министру Народнаго Просвѣщенiя Е. П. Ковалевскому слѣдующее: „22 декабря 1859 года, я имѣлъ честь препроводить къ вашему высокопревосходительству копiю съ предложенiя моего С.-Петербургскому оберъ-полицiймейстеру графу П. А. Шувалову о порядкѣ учрежденiя суда третейскаго, узаконеннаго по дѣламъ акцiонерныхъ обществъ. Нынѣ свиты его величества генералъ-маiоръ графъ Шуваловъ сообщилъ, что г. Костомаровъ представилъ ему на утвержденiе проектъ объявленiя о вызовѣ г. Погодина на публичный диспутъ въ залѣ Пассажа, по поводу сдѣланнаго имъ, Погодинымъ, замѣчанiя на статью Костомарова, напечатанную въ первой книжкѣ *Современника* нынѣшняго 1860 года: *Начало Руси*. Графъ Шуваловъ, находя, что упомянутое предложенiе мое относится къ дѣламъ акцiонерныхъ обществъ, для разбирательства которыхъ существуетъ установленный въ законахъ порядокъ, предполагаемый же нынѣ диспутъ составляетъ предметъ собственно ученаго вопроса, испрашиваетъ на сей предметъ разрѣшенiя. Имѣю честь покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство почтить меня увѣдомленiемъ, изволите ли признавать возможнымъ удовлетворить ходатайство Костомарова. Къ сему долгомъ считаю присовокупить, что во всякомъ случаѣ я полагалъ бы нужнымъ исключить изъ проекта объявленiя Костомарова выраженiе *о вызовѣ на поединокъ*".

Министръ Народнаго Просвѣщенiя отвѣчалъ (14 марта 1860 г.): „Предметъ публичнаго диспута, по которому Костомаровъ вызываетъ Погодина, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ и еще не рѣшенныхъ вопросовъ Исторiи нашего Отечества—это вопросъ о племенномъ происхожденiи Рюрика, положившаго основанiе Государству Россiйскому. По сему, какъ министръ Народнаго Просвѣщенiя и какъ русскiй, я не могу не желать, чтобы оный диспутъ состоялся. При та-

комъ значеніи диспута и при томъ положеніи, какое занимаютъ въ ученомъ мірѣ диспутанты, изъ которыхъ, какъ вамъ, милостивый государь, извѣстно, одинъ—Костомаровъ—профессоръ С.-Петербургскаго Университета, а другой—Погодинъ—бывшій профессоръ Московскаго Университета, а нынѣ академикъ Императорской Академіи Наукъ,—этотъ диспутъ, какъ изволите убѣдиться, не можетъ быть подведенъ подъ условія, узаконенныя для третейскихъ судовъ по дѣламъ акціонерныхъ обществъ, и настоящій вопросъ не можетъ рѣшиться посредниками и суперарбитромъ; въ немъ должны быть компетентными судьями всѣ, кто трудами своими по разработкѣ матеріаловъ Отечественной Исторіи, пріобрѣлъ возможность пролить новый свѣтъ для разрѣшенія предлежащаго вопроса. На основаніи этихъ соображеній, я, съ своей стороны, полагаю, что предполагаемый диспутъ, по его значенію и характеру, было бы соотвѣтственнѣе назначить въ одной изъ залъ Университета, а не въ Пассажѣ; и диспутъ этотъ не можетъ быть подчиненъ условіямъ, установленнымъ для третейскихъ судовъ".

Послѣ упомянутой уже нами сцены въ Публичной Библіотекѣ, происшедшей между Погодинымъ и Костомаровымъ, первый получилъ отъ Н. В. Калачова слѣдующую записку: „Я пригласилъ Костомарова и другихъ, имѣющихъ желаніе видѣться съ вами" [161]). Пользуясь этимъ приглашеніемъ, Погодинъ спросилъ Костомарова: „Гдѣ же намъ условиться о времени, мѣстѣ, порядкѣ боя? Кстати, мы приглашены на вечеръ къ Калачову—тамъ переговоримъ всѣ вмѣстѣ" [162]).

На слѣдующій день, въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* появился отвѣтъ Костомарова Погодину. „Такъ какъ М. П. Погодинъ, — писалъ Костомаровъ, — вызываетъ меня на публичный поединокъ, то я отвѣчаю ему публично. Это значитъ, мы дописались *до поля*, какъ во время оно дѣды наши, отыскивавшіе себѣ управы по судебникамъ, *досуживались до поля*. Я принимаю вызовъ М. П. Погодина съ полнымъ уваженіемъ, какъ къ наукѣ, такъ и къ почтенному ея ветерану;

считаю это предложеніе высокою для себя честію и объявляю М. П. Погодину, что онъ найдетъ меня съ оружіемъ въ рукахъ, вездѣ и всегда, куда только назначитъ явиться. Но въ такомъ случаѣ, чтобы споръ нашъ, какъ часто бываетъ со спорами, не окончился ничѣмъ, и чтобы каждый изъ насъ не стоялъ упорно въ своемъ мнѣніи, я предлагаю выбрать посредниковъ, не менѣе трехъ особъ, извѣстныхъ ученыхъ, оказавшихъ Русской Исторіи дѣйствительную пользу, и притомъ такихъ, которые не писали о Варяжскомъ вопросѣ и не принимали участія въ спорахъ по поводу его. Предъ ними, въ присутствіи посторонниxъ любителей науки, я выскажу свои возраженія на ваши, и пусть они по совѣсти рѣшатъ, на чьей сторонѣ болѣе правды. Я обѣщаюсь покориться ихъ приговору и выступлю изъ Жмуди, если они оправдаютъ васъ. Тѣни Байера, Шлецера и Круга не помогутъ намъ: они уже только тѣни, да еслибъ и имѣли тѣло, то не могли бы сохранить совершеннаго безпристрастія, а настоящая моя готовность отказаться отъ своего мнѣнія, если оно не будетъ имѣть достаточной силы, чтобъ убѣдить нашихъ посредниковъ, можетъ служить М. П. Погодину ручательствомъ, что я не думаю мнѣніе свое защищать одобреніемъ рыцарей свистопляски. Съ своей стороны, я предлагаю просить оказать намъ честь принять на себя званіе посредниковъ въ нашемъ спорѣ: Калачова, Кавелина и Буслаева. Надѣюсь, что М. П. Погодинъ согласится вмѣстѣ со мною просить этихъ ученыхъ, потому что нельзя сомнѣваться ни въ ихъ добросовѣстности, ни въ ихъ основательномъ знаніи науки, ни въ важности тѣхъ плодовъ, какіе принесла Русской Исторіи ихъ многолѣтняя и почтенная дѣятельность“.

На это Погодинъ отвѣчалъ: „Искренно благодарю моего ученаго друга за его любезное согласіе. Посредники, имъ избранные, люди слишкомъ ко мнѣ близкіе по университетской памяти, едва ли возьмутся принять на себя окончательное рѣшеніе. Это дѣло внутренняго, личнаго убѣжденія, которое предоставимъ лучше слушателямъ. Главная цѣль

наша—возбудить въ молодыхъ дѣятеляхъ участіе къ вопросу о происхожденіи Руси, который такъ для насъ важенъ, особенно въ наше время, когда скоро исполнится тысяча лѣтъ основанному ею Государству" [163]).

LII.

Передъ вечеромъ у Калачова (11 марта 1860), Погодинъ посѣтилъ въ Университетѣ лекцію Костомарова и замѣтилъ: „Лекція Костомарова о Литовской миѳологіи. Прескучная. Видно онъ помѣшанъ на Литвѣ".

Вечеръ у Калачова состоялся, и объ этомъ вечерѣ вотъ что писалъ самъ Погодинъ: „Собрались профессора, академики, литераторы. Я понадѣялся, сказать правду, что большинство скажетъ намъ: объ чемъ же вамъ спорить, господа? Дѣло ясно. Сравненія мнѣній, количества, твердости доказательствъ, быть не можетъ. Есть только недоразумѣнія на той и на другой сторонѣ: вамъ нужно только объясниться, пожалуй, передъ нами. Нѣтъ, этого не послышалось. Большинство или запамятовало на ту пору старыя основанія, или не познакомилось внимательно съ новыми, или увлеклось только мыслію о спорѣ, независимо отъ его содержанія. Возникли вопросы: кто нападаетъ — Погодинъ или Костомаровъ. Нападаетъ Погодинъ, ибо онъ вызываетъ, говорили одни. А другіе отвѣчали: нѣтъ, нападаетъ Костомаровъ, ибо онъ представляетъ новое мнѣніе; онъ нападаетъ на старое мнѣніе, а Погодинъ только защищается. Тотчасъ разговоръ перешелъ къ сравненію спора ученаго съ юридическимъ, и явилась на сцену мысль о судьяхъ или арбитрахъ, которые, выслушавъ обѣ стороны, рѣшили бъ, кто правъ и кто виноватъ. Если отъ великаго до смѣшнаго одинъ только шагъ, господа, то отъ серіознаго до смѣшнаго еще ближе. Нельзя никому прійдти съ мнѣніемъ о Китайскомъ, Японскомъ или Тибетскомъ происхожденіи, и уйдти непремѣнно съ Монголь-

скимъ или Манжурскимъ. Нельзя лечь спать съ Нѣмцами, и встать съ Французами или Англичанами, принявъ къ исполненію верховный судъ какого-то супер-арбитра. Мнѣній можетъ быть двадцать, кромѣ Норманскаго и Литовскаго, о коихъ идетъ рѣчь. Ученыхъ вопросовъ нельзя рѣшать, по моему, третейскимъ судомъ, иначе легко было бы наукѣ идти впередъ. Довольно съ насъ передать все, что можемъ, въ пользу нашихъ мнѣній, а окончательный выводъ должно, кажется, предоставить сознанію всякаго слушателя, смотря по тому, какое въ комъ выработается убѣжденіе. Рѣшенія опредѣленнаго, какъ и вообще у насъ въ дѣлахъ случается, не послѣдовало; а поговорили, поспорили, и разошлись съ мыслію, что споръ все-таки какъ-нибудь да будетъ" [164]).

Въ *Дневникѣ* же своемъ, Погодинъ объ этомъ вечерѣ замѣтилъ: „Вечеръ у Калачова. Познакомился съ Семевскимъ. Костомаровъ показалъ себя неспособнымъ внимать дѣлу. Толки забавные, но все-таки безтолковые. Въ 2 часа домой".

Въ то же время Куникъ, задѣтый Костомаровымъ, прислалъ Погодину выписку изъ письма къ нему Дерптскаго профессора Ширрена, съ слѣдующимъ предисловіемъ къ нему: „Я получилъ изъ Дерпта письмо отъ профессора Ширрена, или лучше сказать два письма. При этомъ слѣдуетъ извлеченіе изъ второго письма полнаго язвительнаго юмора. Ширренъ представляетъ изъ себя натуру богато одаренную, онъ лингвистъ и особенно силенъ въ исторической топографіи Остзейскихъ провинцій, а также и Литвы. Русскіе источники онъ также конечно читаетъ. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ я написалъ Исторію ученаго спора по Варяжскому вопросу; до позднѣйшаго времени я ее совершенно сберегъ. Такъ какъ я теперь убѣжденъ, что намъ еще долго придется ожидать иныхъ незрѣлыхъ плодовъ съ дерева историческихъ познаній, то я придамъ своему обозрѣнію дидактическую форму (въ спокойномъ тонѣ); только я считалъ бы необходимымъ именно изъ дидактическихъ цѣлей назвать послѣдняго мечтателя его настоящимъ именемъ. Во главѣ послѣдняго будетъ

стоять заглавіе: „*Нашествіе историческаго донкишотства изъ Жмуди*".

За симъ слѣдуетъ слѣдующая выписка изъ письма Ширрена: „Только что взялся за перо, чтобы пожелать вамъ счастья съ такимъ ученымъ противникомъ, какъ Костомаровъ. Сейчасъ же получилъ книжку (*Современникъ*) и прочелъ ее съ восхищеніемъ. Какъ много начитанности и сколько проницательности въ критикѣ! Я жаждалъ изучить Костомарова; его *Богдана Хмельницкаго*... прочесть у меня не было еще времени. Теперь, благодаря *Современнику*, я понялъ, что̀ это за человѣкъ. Какое сумасбродство бросать источники такъ безъ разбора! Нессельману когда-нибудь придется отвѣтить за то, что онъ написалъ Литовскій Лексиконъ, ибо если бы онъ этого не сдѣлалъ, то и непріятныя страницы 15, 16, 17 въ *Современникѣ* не были бы написаны. Какъ много сильныхъ доказательствъ: Берновъ — бернасъ... Сколько ребяческихъ заключеній!.. А потомъ идетъ страшная галиматья, дикое пренебреженіе ко всѣмъ законамъ исторической топографіи. Костомаровъ стоитъ теперь передо мной одѣтымъ... Я ему въ высшей степени обязанъ за веселые утренніе часы. Должна ли обработывать Русская медота вопросы науки, развиваться въ противоположность всѣмъ западнымъ, укрѣпляться и желать распространяться" [165])?

Между тѣмъ, въ городѣ тотчасъ пошли толки о диспутѣ, спорѣ, поединкѣ. По свидѣтельству современниковъ, „два дня до диспута походили на новый годъ; пріѣзжему человѣку можно было подумать, что всѣ разъѣзжаютъ съ визитами, а это они за билетами рыскали! Въ Университетѣ уже въ четвергъ оказался недостатокъ въ билетахъ, и вслѣдствіе того въ городѣ, на каждомъ шагу, можно было встрѣтить озабоченныя лица, и биться объ закладъ, что они тревожно заняты изобрѣтеніемъ средствъ достать билетъ или какимъ бы то ни было образомъ попасть на диспутъ. Даже люди, которые принимали Норманов за потомковъ Нормы, а о Литвѣ знали только по Литовскому рынку, и тѣ приходили въ вол-

неніе отъ одной мысли о диспутѣ... Слова: Погодинъ, Костомаровъ, дуель—безпрестанно оглашали воздухъ,—и на Невскомъ проспектѣ, и на набережныхъ Невы, и въ театрахъ, концертахъ, ресторанахъ, и даже въ каждомъ домѣ, гдѣ сходилось пять-шесть человѣкъ" [166]).

„Начальство Университета, — писалъ Погодинъ, — замѣтивъ такое рвеніе, возъимѣло мысль обратить его на пользу нуждающихся студентовъ. Мы съ Костомаровымъ рады были отъ души содѣйствовать благой цѣли. Въ Петербургѣ дѣла идутъ гораздо быстрѣе, или коловратнѣе, чѣмъ въ нашей смиренной Москвѣ, и на другой день я прочелъ уже объявленіе съ цѣнами въ 5, 4, 3 и даже на хоры въ $1^1/_2$ р. с. за мѣсто, чуть ли не дороже концертовъ Вьетана и Рубинштейна. Мнѣ было непріятно это назначеніе, изъ опасенія, чтобъ присутствовавшіе, расходясь, не сказали: плакали наши денежки; но въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ, и я удовольствовался только скромнымъ протестомъ, какіе нынѣ въ модѣ въ дипломатіи. Билетовъ тысячи двѣ было расхватано въ нѣсколько часовъ. Потомъ была постоянная давка въ университетскихъ сѣняхъ отъ множества новыхъ охотниковъ, которыхъ желаніе не могло быть удовлетворено. Билеты перекупались изъ рукъ въ руки, и предложенія доходили, какъ было слышно, до 50 руб." [167]).

„Билетовъ,—писалъ ректоръ Университета П. А. Плетневъ князю П. А. Вяземскому,—уже никакого разряда нѣтъ ни одного. Поэтому и деньги имѣю честь возвратить вашему сіятельству. Но я все-таки прошу васъ пожаловать на этотъ поединокъ. Только не найдете ли вы возможности прибыть ко мнѣ на квартиру никакъ не позже 7-ми часовъ вечера? Мы и отправились бы вмѣстѣ, чтобы намъ пріютиться рядомъ, близъ каѳедры" [168]).

Съ просьбою о билетахъ обращались и къ Погодину.

„Какъ досадно, — писалъ ему князь В. Ѳ. Одоевскій,— что не засталъ тебя. Какъ хочешь, а посади меня завтра къ себѣ въ карманъ и принеси на диспутъ, ибо *уже три*

дня не могу достать себѣ *никакого мѣста* и ни *за какую плату*. А вѣдь ты понимаешь, что это дѣло *лично* до меня касается: надобно же мнѣ провѣдать, что̀ я такое? Норманъ или жмудь? Всего бы лучше, если бы ты заѣхалъ за мною *по пути* въ Университетъ; или еще лучше, пріѣхалъ бы ко мнѣ завтра обѣдать — въ *какомъ часу хочешь*, а потомъ вмѣстѣ бы и отправились".

„Ради Бога, — писалъ Погодину же баронъ М. А. Корфъ,—пришлите мнѣ на сегоднишній вечеръ, хоть какой-нибудь билетъ. Въ Университетѣ уже нѣтъ ни одного".

LIII.

Наконецъ, 19 марта 1860 года, въ стѣнахъ С.-Петербургскаго Университета, произошелъ и самый диспутъ.

За нѣсколько часовъ до диспута, Касторъ Никифоровичъ Лебедевъ написалъ Погодину письмо; но письмо это долго „таскалось по всѣмъ домамъ Кокорева" и получено Погодинымъ уже послѣ диспута.

Въ этомъ запоздавшемъ письмѣ Лебедевъ писалъ: „Позвольте мнѣ, ученику старой школы, передъ диспутомъ вашимъ, сказать нѣсколько словъ старому учителю. Судя по напечатанному письму, вы проиграете дѣло и передъ молодежью, и въ журналахъ. За нѣмца вы не пойдете, но за вами и за Нѣмцами они quand même не пойдутъ. Моя рѣчь не о существѣ дѣла, которое вамъ извѣстно до подноготной, и которое вы должны были принять подъ свою защиту, потому что съ поля науки Костомаровъ переноситъ его на поле національностей. Рѣчь моя — объ этомъ полѣ. Время не то, что̀ было въ 30-хъ годахъ и жизненныя начала публицистики и національностей втираются въ воззрѣнія даже на событія IX столѣтія. Мнѣ кажется, вопросъ долженъ быть поставленъ и разсмотрѣнъ чисто въ ученомъ полѣ, и хотя въ коротенькой статьѣ Костомарова дѣло, съ его точки зрѣнія, не выросло до зрѣлости Норманской обработки и слѣдова-

тельно, не созрѣло для равносильнаго состязанія, но если оно ужъ должно быть, то преданіе нашей школы требуетъ, чтобы очевидность истины была доказываема осязательно, буквально, математически. Во второмъ призывѣ могутъ быть и историческія вѣроятія, въ третьемъ и аналогія, но ни въ первомъ, ни въ десятомъ не должно быть мѣста для доводовъ, подобныхъ выраженнымъ Куникомъ, Блюмомъ и др. Они, въ знаменательномъ фактѣ призванія, видятъ сознаніе безсилія. Въ такомъ случаѣ скорѣе должно принять необходимымъ условіемъ сосѣдство и соплеменность призванныхъ и, пожалуй, согласиться съ Васильевымъ. По мнѣнію моему, у насъ существовала феодальная система, сколько могла на безлюдныхъ степяхъ и при Византійскомъ вліяніи. Кормленіе есть ленъ. Идеи имперскаго единства и Римскаго права довершаютъ различіе. Еще я осмѣлюсь сказать, что Петръ ввелъ — какъ не безъ основанія доказывается въ одной докторской диссертаціи — не однѣ формы, оставя прежнее содержаніе, и учрежденія, для которыхъ не было соотвѣтственныхъ (Европейскихъ) элементовъ и которыя потому не могли приняться и развиться. И въ первую эпоху призванія, и при Петрѣ вина недостатка самостоятельнаго устроенія туземцевъ — во времени. Они не созрѣли. Слово *собственность* — безъ него же и перваго камня зданія нѣтъ — является у насъ въ концѣ XVIII ст. Когда Новогородцамъ пришлось перевести Eigenntum, они не нашли слова и перевели *своество*. Еще я осмѣлюсь сказать, что, для ознакомленія нашего, вамъ необходимо было написать тоже статейку *Начало Руси*. Она должна бы предшествовать диспуту.

„Вообще вы въ невыгодныхъ условіяхъ. Да говоритъ за васъ дѣло и истая преданность ему съ 1821 г. И, наконецъ, осмѣлюсь сказать, что диспутъ и исходъ его сильно занимаютъ любящаго и преданнаго вамъ Кастора Лебедева“ [169]).

Свое настроеніе предъ диспутомъ Погодинъ описываетъ такъ: „Споръ принималъ совершенно новый характеръ: толковать передъ такой разнородной публикой о томъ или дру-

гомъ мѣстѣ изъ лѣтописи, о значеніи того или другаго слова въ языкѣ, прибѣгать къ тонкостямъ логики, было бы слишкомъ неумѣстно и неблаговременно. Положимъ, всѣ знали, что они идутъ на ученый споръ, а не на потѣху, но все-таки нельзя было требовать отъ большинства, чтобъ оно постигло вполнѣ всю его для себя скуку, и употреблять во зло его довѣренность было бы жестоко. Надо было подумать и о томъ, чтобъ публика не получила отвращенія отъ ученыхъ состязаній, а напротивъ, расположилась бы еще болѣе въ ихъ пользу. Слѣдовательно, надо было сообщить спору, по возможности, общую занимательность, показать образчикъ, какъ можно говорить о самыхъ сухихъ предметахъ съ участіемъ, и дать молодымъ людямъ примѣръ спокойнаго ученаго состязанія; наконецъ—показать тѣмъ людямъ, которые смотрятъ у насъ на науку и литературу изъ подлобья, съ какимъ-то предубѣжденіемъ, если не съ подозрѣніемъ, что ученые и литераторы имѣютъ свои вопросы, въ которыхъ принимаютъ живое, горячее участіе, независимо отъ времени и обстоятельствъ, и что даже общіе вопросы получаютъ въ ихъ глазахъ особые оттѣнки: слѣдовательно, судить объ ученыхъ и литераторахъ дѣловымъ людямъ по себѣ невозможно. Всѣ эти мысли, мелькнувшія у меня въ головѣ, я сообщилъ Костомарову, который вполнѣ съ ними согласился. Мы посовѣтовались, какъ бы, въ такихъ видахъ, устроить дѣло благоприличнѣе, и рѣшились, обдумавъ свои рѣчи, соотвѣтственно вновь открывшимся цѣлямъ, сойтись наканунѣ на нѣсколько часовъ, чтобъ раскинуть сообща планъ мирнаго сраженія. Не успѣвъ исполнить это въ одинъ разъ, мы сошлись еще передъ обѣдомъ въ день самаго диспута, и переговорили окончательно о предѣлахъ состязанія; а чтобъ не оставить спора безъ конца, безъ развязки, требуемой обыкновенно отъ романовъ, для своего успокоенія, публикою, мы, соразмѣривъ удары, опредѣлили и формулировали взаимныя возможныя уступки, то есть, безъ Мадженты и Сольферино, о коихъ не могло быть и рѣчи при такомъ оборотѣ дѣла,

мы заключили миръ въ Вилла-Франкѣ, оставляя герцоговъ Норманскихъ и Литовскихъ, ad interim, до печати, въ ихъ владѣніяхъ, между небомъ и землею. Въ такомъ расположеніи, подобно двумъ Малороссіянамъ, ѣздившимъ изъ деревни въ городъ жаловаться другъ на друга на одной телѣгѣ, мы поѣхали въ одномъ экипажѣ на поле сраженія" [170]).

Между тѣмъ, по свидѣтельству очевидцевъ, „въ университетской залѣ, съ 7-ми часовъ вечера, давка была страшная; стулья были нумерованные, но половина народа не нашла своихъ мѣстъ; многіе остались въ проходахъ между стульями, другіе забрались въ бокъ, поближе къ каѳедрамъ двухъ противниковъ, стоявшимъ одна противъ другой по обѣимъ сторонамъ залы. Словомъ, въ теченіе получаса публика въ живой картинѣ представляла собою положеніе Новгородцевъ, Кривичей, Чуди и Веси, въ то время, какъ они, изгнавши Варяговъ за море и не давши имъ дани, не знали, что имъ затѣмъ съ собою дѣлать. Публика была велика и обильна, а порядка въ ней не было. Наконецъ, явились Норманы въ образѣ Погодина. Тогда все стихло [171])...

„Черезъ сѣни,—писалъ Погодинъ,—намъ понадобилось, въ настоящемъ смыслѣ слова, пробиваться. Давка была страшная. Толпы, безъ билетовъ, напрасно испрашивая позволенія пройдти за какую угодно цѣну, готовились брать приступомъ мѣста. Съ большимъ трудомъ могли мы пройдти даже по залѣ до каѳедръ. Толкотня, шумъ, крикъ — и совершенный безпорядокъ. Ректоръ, открывая преніе, произнесъ нѣсколько словъ, которыхъ никто разслышать не могъ. Народу набралось столько, что, когда я сѣлъ на каѳедру, я не могъ буквально оборотиться, чтобъ не задѣть головою сосѣда. Духота нестерпимая! Гдѣ же быть тутъ ученой бесѣдѣ, подумалъ я, привыкшій къ благочиннымъ собраніямъ Московскаго Общества Любителей Русской Словесности, гдѣ, передъ самымъ открытіемъ засѣданія, не только во время чтенія, слышно бываетъ, какъ пролетитъ муха. Множество посѣтителей ходило и искало своихъ мѣстъ. Другіе должны были уступать

занятые стулья. Безпрестанно раздавались клики: садитесь, садитесь, а садиться было некуда. Молодые люди, которые приняли на себя распоряженія, должно сознаться, могли бъ устроить дѣло лучше: если зала не можетъ, положимъ, помѣстить болѣе 1,500 человѣкъ, то нельзя пускать въ нее 2,000. Надо было устроить свободнѣе проходъ со всѣхъ сторонъ. Надо было отдѣлить мѣста безъ стульевъ загородками. Надо было, при всякихъ пяти рядахъ, поставить по особому указателю. Надо было означить мѣста на билетахъ самымъ яснымъ образомъ. Надо было предупредить о началѣ состязанія и о порядкѣ, который долженъ быть наблюдаемъ впродолженіи онаго. Надо было для гг. студентовъ, непринадлежащихъ къ историческому факультету, устроить особое собраніе, если бъ они непремѣнно пожелали познакомиться съ вопросомъ о происхожденіи Руси. Надо было позаботиться о движеніи воздуха. Публика, заплативъ большія деньги, имѣла полное право на вниманіе со стороны учредителей, а равно и диспутанты имѣли полное право ожидать себѣ по крайней мѣрѣ покоя. Долго продолжалось смятеніе, и, признаюсь, была минута, когда я рѣшился было, изъ опасенія худшихъ послѣдствій, просто яться бѣгу, сославшись на внезапную головную боль, очень естественную и почти дѣйствительную. Но чтò произошло бы въ залѣ, подумалъ я вслѣдъ за этой мыслію. Нѣтъ, надо оставаться, во чтобъ ни стало: взявшись за гужъ, не говори, что недюжъ. Скажу привѣтствіе, прочту письмо, выслушаю отвѣтъ, а тамъ увидимъ, будетъ ли возможность продолжать“ [172])...

„Все, что только есть въ Петербургѣ мыслящаго, пишущаго, — свидѣтельствовалъ профессоръ Буличъ, — всѣ, кто только принадлежитъ почему нибудь къ литературному міру, были въ этомъ собраніи. Представьте себѣ большую залу, освѣщенную тремя небольшими люстрами съ абажурами, проливающими неясный полусвѣтъ, который напоминаетъ таинственный сумракъ Готическихъ соборовъ, остроумно названной Погодинымъ *Норманскою и Литовскою тьмою*, не поз-

волявшею даже видѣть ему своего соперника; двѣ каѳедры, одна противъ другой, на разстояніи всей ширины залы, съ двумя свѣчами, покрытыми также зелеными абажурами; ни однаго пустаго мѣста, вездѣ волнующуюся толпу, и въ сердцѣ невольно зарождалось ожиданіе чего-то небывалаго, невидѣннаго, неслыханнаго“ [173]).

LIV.

Какъ бы то ни было, въ 8-мъ часу вечера, на каѳедры взошли Погодинъ и Костомаровъ.

Диспутъ открылъ краткою рѣчью ректоръ Университета, П. А. Плетневъ.

За тѣмъ, Погодинъ, обратясь къ публикѣ, громкимъ голосомъ, сказалъ: „Мм. Гг.! Первымъ словомъ нашимъ должна быть благодарность обществу, благодарность глубочайшая, искренняя за то вниманіе, которымъ ему угодно было насъ удостоить. Ученый споръ предпринятъ нами съ цѣлію возбудить въ молодомъ поколѣніи—въ студентахъ, участіе къ важнѣйшему вопросу Русской Исторіи. Онъ относится ко времени самому отдаленному, къ предмету самому темному и неопредѣленному. Доказательства, которыя мы будемъ употреблять другъ противъ друга, заимствованы изъ источниковъ самыхъ сухихъ, старыхъ лексиконовъ, ветхихъ хроникъ, руническихъ камней и подобныхъ источниковъ, покрытыхъ пылью и тлѣніемъ. Эта пыль и тлѣніе отзовутся неминуемо въ нашей бесѣдѣ. Общество является на вѣрную, неминуемую скуку. Больше ничего мы обѣщать не можемъ, по крайней мѣрѣ—не смѣемъ.—Являясь съ такимъ рвеніемъ, какъ будто бы для эстетическаго наслажденія произведеніями изящныхъ искусствъ, общество представляетъ самое ясное, разительное и утѣшительное для наблюдателя доказательство, что мы созрѣли для разсужденія, для участія въ вопросахъ всѣхъ родовъ, для насъ важныхъ и нужныхъ, теоретическихъ и практическихъ (*рукоплесканія*).

„Достойный мой соперникъ, котораго я едва вижу сквозь мглу Литовскую или Норманскую, изъявилъ желаніе, чтобы я прочелъ сперва письмо свое къ нему съ возраженіями на его мнѣніе, дабы вы, милостивые государи, получили понятіе о вопросахъ, около которыхъ будетъ обращаться наше преніе. Съ своей стороны, я считаю нужнымъ прежде всего сообщить краткое обозрѣніе того мнѣнія, котораго я держусь, дабы вы имѣли данныя для сравненія.

„Русское Государство основано Варягами-Русью. Кто такіе эти Варяги-Руссы? Теперь нѣтъ ни одного народа, ни одного племени, которое бы носило это названіе. Ученые, въ теченіе 150 лѣтъ, разработывали этотъ вопросъ. Болѣе 20 мнѣній о происхожденіи Руси пущено въ обращеніе. Древнѣйшее и наиболѣе распространенное мнѣніе состоитъ въ томъ, что Варяги-Руссы суть Норманы.

„Костомаровъ напечаталъ въ одномъ Петербургскомъ журналѣ разсужденіе о пришествіи Руссовъ изъ Литвы. Выступивъ съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ на историческое поприще въ сочиненіяхъ своихъ о Богданѣ Хмѣльницкомъ, Стенькѣ Разинѣ и разныхъ журнальныхъ статьяхъ, онъ имѣлъ, по моему мнѣнію, право на вниманіе къ его словамъ, и я счелъ для себя непозволительнымъ промолчать, и написалъ Костомарову письмо“.

При этомъ Погодинъ прочиталъ свое письмо, а Костомаровъ, въ свою очередь, прочелъ свой отвѣтъ, въ которомъ, между прочимъ, сказалъ: „Такъ какъ вызовъ былъ сдѣланъ Погодинымъ, то я считаю умѣстнымъ, во все продолженіе настоящаго ученаго поединка, сохранить оборонительный характеръ и буду касаться только такихъ сторонъ вопроса, на которыя напасть будетъ угодно моему противнику. Поэтому я не нахожу нужнымъ излагать, подобно ему, моей теоріи: это значило повторять до слова мою статью *Начало Руси*, напечатанную въ первой книжкѣ *Современника*. Я прямо буду отражать наносимые удары“.

За тѣмъ начались словесныя пренія.

По согласію съ Костомаровымъ, передавшимъ свое право обратиться съ послѣднимъ словомъ къ публикѣ, диспутъ былъ заключенъ слѣдующею краткою рѣчью Погодина: „И такъ, да здравствуетъ наша Русь, откуда бы она ни пришла! Да живетъ она не тысячу лѣтъ, а долго, долго, по выраженію Карамзина, если только нѣтъ на землѣ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой. Да цвѣтетъ наука въ стѣнахъ сего Университета, въ стѣнахъ и за стѣнами всѣхъ Русскихъ университетовъ; или, выражаясь стихомъ Пушкина:

Да здравствуетъ разумъ,
Да скроется тьма".

Съ своей стороны и Костомаровъ сказалъ: „И я приведу слова Пушкина: *Что Литва, что Русь ли... все равно*" [174])!

По свидѣтельству профессора Булича, „кончился диспутъ, посреди самыхъ восторженныхъ, продолжительныхъ восклицаній. Героевъ диспута вынесли торжественно на рукахъ изъ залы, при оглушительныхъ кликахъ. Съ профессоромъ Костомаровымъ сдѣлался обморокъ, что̀ очень естественно послѣ двухчасового напряженія въ страшно душной и жаркой отъ многолюдства залѣ" [175]).

Съ своей стороны, Погодинъ засвидѣтельствовалъ: „Какъ историкъ,—писалъ онъ,—я долженъ отмѣтить одно утѣшительное явленіе, которое порадовало меня впродолженіи состязанія. Это—совершенное безпристрастіе, со стороны Русскихъ, къ результату спора,—признакъ добраго, легкаго сердца. Вотъ чѣмъ отличается наше племя, какъ я имѣлъ случай говорить часто. Нельзя не желать, чтобъ это прекрасное чувство раздѣлялось всѣми нашими соплеменниками. Братскій любовный союзъ между Россіей, Польшей и Литвой—вотъ твердая опора общаго нашего значенія въ Европѣ, вотъ основаніе нашихъ отношеній къ Славянамъ, вотъ залогъ нашего собственнаго благосостоянія" [176]).

На присутствующихъ диспутъ произвелъ различное впечатлѣніе.

„Не желаю скрыть,—писалъ Погодину К. Н. Лебедевъ,

—искренняго сожалѣнія, что безтолочь, безпорядки, гамъ и отсутствіе даже молодого приличія заставили меня, непривычнаго къ такимъ сценамъ научнаго раута, оставить залу до полнаго развитія и окончанія вашего состязанія. Я занималъ 69 № перваго ряда съ лѣвой стороны и, не смотря ни на такъ называемыхъ распорядителей, ни на такъ называемаго попечителя Делянова, держаться не было никакой возможности. Если мы созрѣли для всякихъ вопросовъ, то для разрѣшенія ихъ нами еще нужны пути фактическіе (voie de fait), которыя мнѣ, криминалисту (позволяю себѣ такъ назваться), необычны. Постараюсь повидаться съ вами проѣздомъ черезъ Москву и, можетъ быть, прочесть не одну страничку Тацитовской лѣтописи. Кланяюсь старому другу А. М. Кубареву" [177]).

А. В. Лохвицкій, въ *Русскомъ Словѣ*, между прочимъ, писалъ: „Торжественный диспутъ о вопросѣ науки никогда не былъ у насъ, до 19 марта 1860 года, съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ Русская земля. Не смотря на то, что диспутъ 19 марта показался чѣмъ-то чрезвычайнымъ, всѣ о немъ толковали, всѣ ждали его съ нетерпѣніемъ. Причина понятна. Тонъ дѣлаетъ музыку. Объявленіе Погодина было далеко отъ скромныхъ извѣщеній ректора Университета, что въ часъ пополудни кандидатъ № будетъ защищать диссертацію, къ чему и приглашаются любители просвѣщенія. Нѣтъ, это былъ грозный вызовъ на поединокъ. Погодинъ, тяжелый на подъемъ, пріѣхалъ изъ Москвы, изъ подъ Дѣвичьяго-поля, нарочно для этого въ Петербургъ. Вызовъ его, напечатанный въ газетахъ, произвелъ большой эффектъ. Вотъ первая причина. Вторая — личность диспутантовъ. Костомаровъ, изъ своихъ оффиціальныхъ лекцій, дѣлаетъ чрезвычайныя и публичныя—по необычайному стеченію слушателей и слушательницъ. Погодинъ.... но кто въ Россіи не знаетъ его имени и дѣятельности, какъ историка и оратора? За нѣсколько дней до диспута, онъ познакомилъ Петербургскую публику съ своимъ сильнымъ талантомъ, превосходной лекціей о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ.

Нескоро придется услышать словесный бой такихъ бойцовъ. Наконецъ,—самый предметъ диспута, старый, избитый, но какой-то неугомонный; онъ представляется вдругъ въ новомъ видѣ, съ новымъ значеніемъ... Огромная, зала Университета была биткомъ набита... Разумѣется, тутъ было много такихъ, которыхъ интересовалъ не самый предметъ диспута, а обстановка и процессъ... Есть много людей, страстно любящихъ ученые споры только за механизмъ.. Я зналъ одного почтеннаго помѣщика, безъ всякаго образованія, разорившагося на конскихъ заводахъ, который говаривалъ: „Еслибъ я былъ богатъ, то приглашалъ бы въ свою подмосковную на лѣто ученыхъ, угощалъ бы ихъ великолѣпно, доставлялъ бы всѣ возможныя развлеченія, съ тѣмъ только, чтобы они за обѣдомъ спорили при мнѣ“! Присутствіе этого почтеннаго класса сильно обнаруживалось топаньемъ и гамомъ, часто вовсе не кстати, чтó немало смущало и утомляло диспутантовъ... Публика разошлась съ самыми разнородными толками. Вотъ, впрочемъ, общее мнѣніе, сколько намъ удалось слышать: „Я думалъ, что диспутъ будетъ интереснѣе. Но, право, не жаль ни денегъ, ни времени. Когда-бъ чаще бывали такіе диспуты,—какъ бы хорошо было“ [178])...

Въ *Сѣверной Пчелѣ* было напечатано слѣдующее любопытное заявленіе: „Редакція *Сѣверной Пчелы* долгомъ поставляетъ заявить, что 16-го и 17-го марта, одинъ изъ членовъ ея получилъ по городской почтѣ два безъименныя письма, написанныя, очевидно, исковерканнымъ почеркомъ. Въ нихъ заключались до крайности пристрастныя программы газетной статьи о *диспутѣ 19-го марта*, которую неизвѣстные авторы просили помѣстить въ *Сѣверной Пчелѣ* въ понедѣльникъ 21 марта. Программа эта въ пользу Жмуди“ [179]).

И. И. Панаевъ, въ своихъ *Замѣткахъ Новаго Поэта*, писалъ: „Мы сейчасъ вернулись съ диспута Погодина и Костомарова о началѣ Руси. Мы только замѣтимъ, что во время диспута въ залѣ раздавались громы рукоплесканій, не всегда, впрочемъ, кстати. Эти громы заглушали слова профессоровъ

и мѣшали слушать... Такой энтузіазмъ приличнѣе, кажется, въ залѣ театра, чѣмъ въ залѣ Университета" [180]).

Отечественныя Записки отнеслись къ диспуту весьма несочувственно. „Во всѣхъ газетахъ, — читаемъ тамъ, — появились уже отчеты объ ученомъ диспутѣ, доставившемъ такое пріятное развлеченіе всѣмъ, кому нечего дѣлать въ Петербургѣ; но для людей серьезныхъ, для людей, которымъ дорога Русская наука и Русская мысль, диспутъ былъ явленіемъ прискорбнымъ" [181]).

Также несочувственно отнесся къ диспуту и профессоръ Университета Никитенко. „Вчера былъ—писалъ онъ,— публичный диспутъ между профессорами Костомаровымъ и Погодинымъ. Народу собралось великое множество. Студенты разражались неистовыми рукоплесканіями, преимущественно въ честь Костомарова. Какая въ этомъ спорѣ животворная истина? Никакой. Но тутъ было зрѣлище, и толпа собралась. Нехорошо, что брали съ нея деньги. Положимъ, что это въ пользу нуждающихся студентовъ. Но, право, нехорошо штуками возбуждать общественную благотворительность въ ихъ пользу, да еще въ стѣнахъ Университета. Говорятъ, хорошо, что публика дѣлается участницей умственныхъ интересовъ. Да развѣ это участіе въ умственныхъ интересахъ? Тутъ просто зрѣлище, своего рода упражненіе въ эквилибристикѣ. По поводу этого диспута, князь Вяземскій разразился слѣдующей удачной остротой: *Прежде мы не знали куда идемъ, а теперь не знаемъ и откуда*" [182]).

Отзывчивый В. А. Мухановъ, писалъ: „Въ Университетѣ былъ ученый поединокъ между академикомъ Погодинымъ и профессоромъ Костомаровымъ: одинъ производитъ Русь отъ Нормановъ, а другой изъ Литвы. Публики стеклось много, и всѣ съ понятнымъ любопытствомъ ожидали пренія. Оно началось; но студенты, которые составляли большинство слушателей, безпрестанно мѣшали дѣлу рукоплесканіями и всякими знаками одобренія или неодобренія. Какое неуваженіе къ наукѣ, и гдѣ и отъ кого! Въ самомъ ея святилищѣ и отъ

тѣхъ, которые приходятъ туда за ея сокровищами. Потомъ, какое пренебреженіе къ публикѣ, которая, къ изумленію своему, находитъ невѣжливость и какую-то грубость тамъ, гдѣ центръ просвѣщенія, изъ котораго должно исходить все доброе и прекрасное! По окончаніи пренія, студенты бросились на состязателей, подхватили ихъ и понесли. При этомъ расположеніи жаль, что имъ не привелось жить въ Индіи, гдѣ вмѣсто экипажей употребляютъ паланкины или въ Дрезденѣ, гдѣ обыкновенно на вечера отправляются на носилкахъ: тамъ крайне нуждаются въ носильщикахъ" [183]).

Гостившій въ Петербургѣ Смоляръ сообщалъ Погодину: „Вашъ споръ съ Костомаровымъ все еще служитъ темою для разговоровъ здѣшнему обществу, и публика чрезвычайно довольна исходомъ диспута: легковѣрная молодежь и литературные партизаны склоняются больше на сторону Костомарова; всѣ же ученые, которые привыкли въ серьезныхъ вещахъ требовать серьезнаго научнаго изученія, ревностно берутъ вашу сторону"...

На просьбу Погодина сообщить ему слухи о диспутѣ, Кокоревъ отвѣчалъ: „Вы желаете знать о слухахъ, по поводу диспута. Право ничего не слыхалъ, быть можетъ отъ того, что никого не видалъ изъ пишущихъ. Вышло хорошо, что вы назвали печатно *рыцарями свистопляски*. Это слово ихъ (современниковъ) заклеймило навсегда. Смотрите *Искру*. Славная вещь. Рюрикъ *бродяга, непомнящій родства*".

Съ непріятнымъ чувствомъ, 23 марта 1860 года, Погодинъ выѣхалъ изъ Петербурга. Въ *Дневникѣ* его мы находимъ слѣдующую запись: „Съ грустью выѣхалъ, и вмѣстѣ съ удовольствіемъ, что домой. Сѣверцовъ спутникъ. Ночь провелъ въ почтовомъ вагонѣ. Двѣ француженки изъ Химокъ".

Костомаровъ напутствовалъ Погодина такими словами: „Желаю вамъ бросить якорь вмѣстѣ со мною на счастливыхъ, завѣтныхъ берегахъ любезной мнѣ Жмуди, а до того времени благополучно прибыть на Дѣвичье-поле и въ полномъ здравіи и благополучіи встрѣтить праздникъ Свѣтлаго Воскресенія

Христова. Примите увѣреніе въ неизмѣнномъ, глубочайшемъ уваженіи къ вамъ и сохранить въ добромъ расположеніи вашего бывшаго соперника и покорнѣйшаго слугу"...

Въ Москвѣ уже Погодинъ прочелъ слѣдующее письмо къ нему князя П. А. Вяземскаго, писанное въ Петербургѣ: „Если трудно дознаться, откуда мы вышли, то въ нынѣшнее время и при устройствѣ, или разстройствѣ нашихъ мостовыхъ, не менѣе трудно куда нибудь попасть. Каждый день собирался я къ вамъ, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, и отъ трусости все откладывалъ до удобнѣйшихъ путей сообщенія. А вотъ вы и уѣхали и оставили упрекъ на моей совѣсти. Спѣшу, по крайней мѣрѣ, выслать вамъ мою визитную карточку личную и внутреннюю. Примите ее благосклонно и не поминайте лихомъ. Потрудитесь передать другой экземпляръ С. П. Шевыреву при моемъ нижайшемъ и дружескомъ поклонѣ".

Приведемъ здѣсь кстати отрывокъ изъ письма одного Московскаго педагога къ Погодину: „О вліяніи *помѣщичьяго элемента* на Мишеньку вотъ вамъ *фактъ*. Одинъ изъ его товарищей сказалъ ему, что вы спорили съ Костомаровымъ (откуда приходятъ къ дѣтямъ эти свѣдѣнія?), и онъ отвѣчалъ: *съ дѣдушкой никто не смѣетъ спорить, отъ того, что онъ генералъ*. Спрашивается: какимъ образомъ и откуда такія Русско-Татарскія или Татарско-Русскія мысли западаютъ въ невинную дѣтскую головку"?

LV.

Московскіе друзья Погодина были очень недовольны его Петербургскими похожденіями, и онъ, какъ бы предчувствуя это, по возвращеніи въ Москву, затворился на своемъ Дѣвичьемъ-полѣ.

„Вчера я узналъ,—писалъ Погодину Шевыревъ,—что ты возвратился и что къ тебѣ проѣзду нѣтъ. Послѣ твоихъ Петербургскихъ подвиговъ, конечно, всѣ желаютъ тебя петер-

пѣливо видѣть. Можешь же посудить объ моемъ нетерпѣніи. Увѣдомь, есть ли къ тебѣ проѣздъ? Или гдѣ бы назначить свиданіе?... Отъ чего же *Петербургскія Вѣдомости* до сихъ поръ не передали никакихъ подробностей о знаменитомъ диспутѣ? Или потому, что онъ неблагопріятенъ былъ для Костомарова? Статья его довольно пуста, основана на однихъ пустыхъ филологическихъ догадкахъ — и есть въ ней промахъ о житіи Антонія Сійскаго, довольно невѣжественный. Riu-rik— терзающій князь—это верхъ историческаго комизма. А какъ онъ спряталъ въ карманъ Днѣпровскіе пороги, выставивъ только два! Но что за стремленіе въ Петербургѣ къ умственной жизни! Это любо. Онъ перещеголялъ Москву".

„Вы, — писалъ Погодину Лонгиновъ, — улетѣли (изъ Москвы) неожиданно скоро, но вамъ такъ Богъ велитъ. По крайней мѣрѣ, Нормановъ отстаивали, а не то

И такъ прежалкіе мы люди,
А чтобъ еще намъ жальче стать,
Теперь хотятъ намъ доказать,
Что происходимъ мы отъ Жмуди"!??

Изъ *Дневника* Погодина, мы узнаемъ, что по возвращеніи въ Москву, онъ, 26 марта 1860 г., написалъ Костомарову письмо, въ которомъ жаловался на поведеніе студентовъ во время диспута. Костомаровъ не замедлилъ отвѣтомъ. Онъ писалъ: „Я говорилъ со студентами, они увѣряютъ, что не думали вовсе дѣлать вамъ какого-бы то ни было неудовольствія, а если происходило шиканье, то вовсе не на вашъ счетъ, а противъ тѣхъ, которые другимъ мѣшали. Надобно быть несправедливымъ, чтобы обвинять нашихъ студентовъ. Если бы остался кто нибудь изъ тысячи человѣкъ, кто велъ себя нехорошо, то въ семьѣ не безъ урода и это на студентовъ не можетъ падать. А что студенты оказали болѣе расположенія къ моему мнѣнію, чѣмъ къ вашему, то это вовсе не потому, что я ихъ профессоръ, а потому что, какъ они говорятъ, моя теорія кажется имъ болѣе вѣроятною, чѣмъ Норманская. О побѣдѣ и о пораженіи не можетъ быть

рѣчи, что касается до нашихъ личностей; но о перевѣсѣ того или другого ученаго мнѣнія должна идти рѣчь—иначе зачѣмъ же мы являлись въ публику. Мое мнѣніе одержало рѣшительный верхъ надъ вашимъ. Я теперь говорю это съ сознаніемъ и съ невыразимымъ удовольствіемъ. Я слышалъ объ этомъ не отъ студентовъ. На другой день послѣ битвы, въ концертѣ я получилъ поздравленіе съ побѣдою надъ вами отъ знакомыхъ и незнакомыхъ. Я говорилъ тоже самое, что вы пишете: но о побѣдѣ надъ вами рѣчи не можетъ быть, ибо мы напередъ, споривши и толковавши много дней, знали предварительно о ходѣ нашего спора. Мнѣ отвѣчали, что тѣмъ хуже для Норманской теоріи, когда при такихъ условіяхъ, она не могла сбить противной и показать свою силу. Всеобщее мнѣніе таково, что если я не вполнѣ утвердилъ свою теорію, то все таки она вѣроятнѣе Норманской, и что доказательства, съ которыми вы вышли на бой, несостоятельны, обветшалы и не удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ науки, что на моей сторонѣ прогрессъ, на вашей—застой, ибо вы выставляете рѣшеннымъ то, что оказывается подпертымъ чрезвычайно слабыми доводами. Это мнѣніе господствующее въ Петербургѣ, исключая развѣ Греча съ кружкомъ. Напрасно нѣкоторые говорятъ, *что все было условлено:* многіе считали мое дѣло пропавшимъ, узнавши о вашемъ вызовѣ, и съ удивленіемъ услышали, что вы являетесь не съ какими либо прямыми новыми доказательствами, а съ тѣмъ притупленнымъ оружіемъ, которымъ можно было воевать только лѣтъ за сорокъ назадъ. Михаилъ Петровичъ ничего не сказалъ намъ, кромѣ того, чему безъ доказательствъ, безъ самомышленія, на основаніи поклоненія авторитетамъ, приказывали намъ въ дѣтствѣ вѣрить учителя гимназій и въ несостоятельности чего были мы уже прежде увѣрены—говорили объ васъ въ публикѣ послѣ нашего диспута. Имѣя полное право не сомнѣваться въ томъ, что вы утверждаете: будто мнѣніе о литовствѣ Руссовъ можетъ быть принято только *виляющими хвостомъ*, а всѣ степенные и свѣдущіе люди останутся на

пѣливо видѣть. Можешь же посудить объ моемъ нетерпѣніи. Увѣдомь, есть ли къ тебѣ проѣздъ? Или гдѣ бы назначить свиданіе?... Отъ чего же *Петербургскія Вѣдомости* до сихъ поръ не передали никакихъ подробностей о знаменитомъ диспутѣ? Или потому, что онъ неблагопріятенъ былъ для Костомарова? Статья его довольно пуста, основана на однихъ пустыхъ филологическихъ догадкахъ — и есть въ ней промахъ о житіи Антонія Сійскаго, довольно невѣжественный. Riu-rik— терзающій князь—это верхъ историческаго комизма. А какъ онъ спряталъ въ карманъ Днѣпровскіе пороги, выставивъ только два! Но что за стремленіе въ Петербургѣ къ умственной жизни! Это любо. Онъ перещеголялъ Москву".

„Вы, — писалъ Погодину Лонгиновъ, — улетѣли (изъ Москвы) неожиданно скоро, но вамъ такъ Богъ велитъ. По крайней мѣрѣ, Нормановъ отстаивали, а не то

И такъ прежалкіе мы люди,
А чтобъ еще намъ жальче стать,
Теперь хотятъ намъ доказать,
Что происходимъ мы отъ Жмуди"!!??

Изъ *Дневника* Погодина, мы узнаемъ, что по возвращеніи въ Москву, онъ, 26 марта 1860 г., написалъ Костомарову письмо, въ которомъ жаловался на поведеніе студентовъ во время диспута. Костомаровъ не замедлилъ отвѣтомъ. Онъ писалъ: „Я говорилъ со студентами, они увѣряютъ, что не думали вовсе дѣлать вамъ какого-бы то ни было неудовольствія, а если происходило шиканье, то вовсе не на вашъ счетъ, а противъ тѣхъ, которые другимъ мѣшали. Надобно быть несправедливымъ, чтобы обвинять нашихъ студентовъ. Если бы остался кто нибудь изъ тысячи человѣкъ, кто велъ себя нехорошо, то въ семьѣ не безъ урода и это на студентовъ не можетъ падать. А что студенты оказали болѣе расположенія къ моему мнѣнію, чѣмъ къ вашему, то это вовсе не потому, что я ихъ профессоръ, а потому что, какъ они говорятъ, моя теорія кажется имъ болѣе вѣроятною, чѣмъ Норманская. О побѣдѣ и о пораженіи не можетъ быть

рѣчи, что касается до нашихъ личностей; но о перевѣсѣ того или другого ученаго мнѣнія должна идти рѣчь—иначе зачѣмъ же мы являлись въ публику. Мое мнѣніе одержало рѣшительный верхъ надъ вашимъ. Я теперь говорю это съ сознаніемъ и съ невыразимымъ удовольствіемъ. Я слышалъ объ этомъ не отъ студентовъ. На другой день послѣ битвы, въ концертѣ я получилъ поздравленіе съ побѣдою надъ вами отъ знакомыхъ и незнакомыхъ. Я говорилъ тоже самое, что вы пишете: но о побѣдѣ надъ вами рѣчи не можетъ быть, ибо мы напередъ, споривши и толковавши много дней, знали предварительно о ходѣ нашего спора. Мнѣ отвѣчали, что тѣмъ хуже для Норманской теоріи, когда при такихъ условіяхъ, она не могла сбить противной и показать свою силу. Всеобщее мнѣніе таково, что если я не вполнѣ утвердилъ свою теорію, то все таки она вѣроятнѣе Норманской, и что доказательства, съ которыми вы вышли на бой, несостоятельны, обветшалы и не удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ науки, что на моей сторонѣ прогрессъ, на вашей—застой, ибо вы выставляете рѣшеннымъ то, что оказывается подпертымъ чрезвычайно слабыми доводами. Это мнѣніе господствующее въ Петербургѣ, исключая развѣ Греча съ кружкомъ. Напрасно нѣкоторые говорятъ, *что все было условлено:* многіе считали мое дѣло пропавшимъ, узнавши о вашемъ вызовѣ, и съ удивленіемъ услышали, что вы являетесь не съ какими либо прямыми новыми доказательствами, а съ тѣмъ притупленнымъ оружіемъ, которымъ можно было воевать только лѣтъ за сорокъ назадъ. Михаилъ Петровичъ ничего не сказалъ намъ, кромѣ того, чему безъ доказательствъ, безъ самомышленія, на основаніи поклоненія авторитетамъ, приказывали намъ въ дѣтствѣ вѣрить учителя гимназій и въ несостоятельности чего были мы уже прежде увѣрены—говорили объ васъ въ публикѣ послѣ нашего диспута. Имѣя полное право не сомнѣваться въ томъ, что вы утверждаете: будто мнѣніе о литовствѣ Руссовъ можетъ быть принято только *виляющими хвостомъ*, а всѣ степенные и свѣдущіе люди останутся на

сторонѣ норманства, вѣдь эти степенные люди всегда остаются при старыхъ предразсудкахъ, а *виляющіе хвостомъ* ведутъ родъ человѣческій къ умственному и нравственному совершенству. Знаете ли, что если принимать авторитетъ чей-либо, то я готовъ скорѣе принять авторитетъ молодого поколѣнія, *виляющаго хвостомъ*, чѣмъ вашихъ Байеровъ, Шлецеровъ, Карамзиныхъ. Не стыжусь это говорить и готовъ напечатать и думаю, что не умалитъ это заслуги великихъ ученыхъ; именно у молодого поколѣнія, еще съ свѣжими силами, есть нѣкотораго рода ясновидѣніе, которое побуждаетъ его принимать то или другое, часто по влеченію, а у насъ стариковъ, какъ говоритъ Гамлетъ, и въ головѣ дѣлается такое же безсиліе, какъ въ ногахъ; говорю это тѣмъ смѣлѣе, что я самъ уже не молодъ и чувствую приближеніе старости и сознаю, что, трудясь для молодого поколѣнія, сообщая ему результаты моихъ трудовъ, моихъ думъ—я въ то же время долженъ слѣдить за тѣмъ, какъ цѣнитъ ихъ и какіе плоды извлекаетъ изъ нихъ новое поколѣніе и руководствоваться его впечатлѣніями. У молодыхъ—и умъ быстрѣе, и сердце воспріимчивѣе и чище, и энергіи больше. А что оно *виляетъ хвостомъ*, то это именно его заслуга: молодое поколѣніе скорѣе откажется отъ того, чему ошибкою положило, ибо истина для него осязательнѣе и святѣе.... И тамъ гдѣ одно предположеніе, оно не видитъ истины. Молодое поколѣніе на моей сторонѣ вовсе не потому, чтобъ увѣрилось въ Литовскомъ происхожденіи Руси, ибо и самъ я не считаю это дѣло рѣшеннымъ, а потому что я указываю ему путь низвергать освященные временемъ предразсудки въ Русской Исторіи, которые выдавались намъ за аксіомы. Въ числѣ ихъ видное мѣсто занимаетъ происхожденіе Руси отъ Норманновъ. Я теперь думаю, что Русь была Жмудь, но, быть можетъ, я разстанусь съ этимъ мнѣніемъ, если мнѣ докажутъ, что я заблуждаюсь—непремѣнно разстанусь: докажите, опровергните. Тоже вамъ скажетъ и молодое поколѣніе, раздѣляющее мое мнѣніе: оно думало было съ нимъ разставаться, когда вы

явились на диспутъ; виновато ли оно, когда ваши доводы показались ему до того слабы, что оно болѣе еще убѣдилось оставаться на моей сторонѣ. Въ среду явился я на лекцію: кромѣ студентовъ, было множество постороннихъ; едва я вошелъ, раздались оглушительнѣйшія рукоплесканія съ выраженіями торжества надъ Норманскою теоріею; я сказалъ имъ съ каѳедры, что дѣло далеко не окончено, что теперь я приглашаю ихъ работать, трудиться, изучать Русскій, Литовскій Норманскій міръ, чтобъ общими силами низложить закоренѣлый предразсудокъ о Норманскомъ происхожденіи, который тѣмъ важнѣе, что связанъ съ другими, и низложеніе его повлечетъ къ изгнанію многихъ другихъ наводняющихъ нашу науку. Отвѣтомъ были еще сильнѣйшія рукоплесканія по оканчаніи лекціи о народныхъ пѣсняхъ, преданіяхъ и сказкахъ Литовскихъ, представляющихъ аналогію съ Русскими. Спрашиваю я: что же *личность* моя развѣ была причиною такого сочувствія? Нѣтъ, не личность, а то, что молодое поколѣніе дѣйствительно видитъ въ моемъ мнѣніи болѣе вѣроятія, чѣмъ въ вашемъ, и притомъ сочувствуетъ тому, что я приглашаю его повѣрять мое мнѣніе, а не признавать его какъ окончательно рѣшенную очевидную истину, не навязываю ему этого мнѣнія на томъ основаніи, что такой-то и такой-то знаменитый мужъ раздѣлялъ его.

„Вы пишете объ арбитрахъ. Не я ли предложилъ ихъ? Вы отказались, вы сдались на судъ публики, вы провозгласили торжественно, что она созрѣла для сужденія о такихъ вопросахъ... Можете ли теперь быть недовольнымъ ею, потому что она приняла не вашу, а мою сторону, то есть, не ваше *Норманское*, а мое *Жмудское* происхожденіе? Если она ошиблась, то виноваты вы, зачѣмъ представили ей такіе слабые доводы; еслибъ они были сильнѣе, тогда бы они приняли вашу сторону. Повторяю—о *побѣдѣ Костомарова надъ Погодинымъ говорить нельзя; объ этомъ рѣчи быть не можетъ,* ибо ни Погодинъ, ни Костомаровъ не хотѣли предъ публикой побѣждать одинъ другаго и потому сообщали другъ

другу заранѣе свои возраженія и защищенія,—что о побѣдѣ той или другой теоріи должна идти рѣчь; для того и публичный диспутъ совершенъ, чтобъ публика могла обсудить и видѣть, чья теорія доказательнѣе и публика, избранная судьею Михаиломъ Петровичемъ Погодинымъ, оказала предпочтеніе теоріи противной той, которую проповѣдывалъ М. П. Погодинъ. Публика ясно признала, по вашему предоставленію ей суда, ваши Норманскія доказательства несостоятельными, ну что же? Vae victis! когда такъ. Давайте другія. Прочь двусмысленныя мѣста Бертинскихъ лѣтописей, и Ліутпранда,—прочь испорченныя слова Константиновы: представьте такія явленія нравственной общественной и домашней жизни у Русскихъ и Скандинавовъ, какихъ не было ни у кого, кромѣ этихъ народовъ, или же которые бы у Русскихъ и Скандинавовъ сложились особымъ образомъ, сходными между собою, но не сходными съ тѣми формами, въ какія облеклись одинакія начала у другихъ народовъ, единоплеменныхъ съ нами или имѣвшихъ на насъ вліяніе. Если сумма такихъ явленій будетъ столь велика, что не дозволитъ предполагать случайности, а слѣды позднѣйшаго заимствованія будутъ столь очевидны, что не допустятъ относить таковаго сходства къ общему сходству Индо-Европейскихъ племенъ, ни къ другимъ эпохамъ сближенія Русскихъ съ Скандинавами, тогда я положу предъ вами оружіе".

Какъ бы въ утѣшеніе, И. Д. Бѣляевъ писалъ Погодину: „Вашъ диспутъ съ Костомаровымъ породилъ въ Москвѣ множество толковъ и вы вели дѣло отлично, это видно даже изъ пристрастнаго къ Костомарову описанія диспута, сдѣланнаго Буличемъ. А у меня шибко чешутся руки отдѣлать Костомарова печатно".

Само собою разумѣется, что письмо Костомарова раздосадовало Погодина, и онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, рѣзко отвѣтилъ ему. Но такъ какъ Погодинъ имѣлъ обычай свои письма посылать не по почтѣ, а по оказіи, то Кокоревъ, по этому поводу писалъ ему: „Письмо Костомарова возвращаю. Мы

должны другъ друга оберегать. Мнѣ дѣла нѣтъ до содержанія письма, но такія письма, гдѣ затрогивается личность, слѣдуетъ посылать съ почтою, а не черезъ третье лицо. Костомаровъ можетъ обидѣться, получая черезъ меня согнутую записку, тѣмъ, что содержаніе ея знаетъ лишнее лицо".

Кокорева также удивило и то, что въ запискѣ своей къ Костомарову, Погодинъ поручаетъ ему передать Редакціи *Современника*, чтобы она выслала ему свой журналъ; а между тѣмъ, въ той же запискѣ своей къ Костомарову, Погодинъ бранилъ *Современникъ* „самымъ неудобнымъ манеромъ".

LVI.

Торжество Костомарова продолжалось недолго. Вскорѣ на его Жмудскую теорію посыпались критики со всѣхъ сторонъ, и онъ съ грустью (5 апрѣля 1860 г.) писалъ Погодину: „Каково мое горькое положеніе. Я одинъ, а враговъ у меня множество. Воскликну съ Псалмопѣвцемъ: „*Обыдоша мя телцы мнози, юницы тучніи одержаша мя. Отверзоша на мя уста своя, яко левъ восхищаяй и рыкаяй. Яко обыдоша мя пси мнози, сонмъ лукавыхъ одержаша мя: ископоша руцѣ мои и нозѣ мои. Исчетоша вся кости моя* и проч. и проч. Тутъ Михаилъ Петровичъ готовится откатать меня на обѣ корки; тамъ Яковъ Гротъ посылаетъ въ печать филиппику противъ Жмуди; тамъ Гриммъ уже послалъ въ *Отечественныя Записки* другую; Редакція *Отечественныхъ Записокъ* косится на меня, какъ на сотрудника *Современника*, и пользуясь этимъ, рыцари другого ордена свистопляски хотятъ пускать... не по Жмуди, а по Богдану Хмѣльницкому и Стенькѣ Разину (первый не имѣлъ рѣшительно никакого отношенія къ Жмуди и развѣ за то виноватъ, что въ универсалѣ своемъ не назвалъ Русскихъ Норманами и по-видимому раздѣляетъ мою теорію; а второй, вѣрно и не слыхивалъ о Жмуди). Въ *Искрѣ* нарисовали меня въ такой позѣ, въ какой я никогда не бываю. Въ *Иллюстраціи* разсказываютъ, что какая-то дама во-

станно имѣемъ нужду возвращаться къ своимъ задамъ, повторять свою азбуку.

„Въ предосужденіе Костомарову, Жмудское мнѣніе отнюдь не можетъ быть отнесено: ученый — есть существо особаго рода, съ нимъ случаются иногда затмѣнія, увлеченія и такія странности, какихъ обыкновеннымъ аршиномъ не измѣришь. Въ полное оправданіе и объясненіе Костомарова скажу, что самъ Шлецеръ (надѣюсь, что выше чести я оказать ему не могу) могъ же вѣдь утверждать, что Аскольдова Русь была особая Русь, sui generis, а не Кіевская!

„Напрасно ссылаться на публику, какъ говорятъ одни, которой предоставилъ я самъ право рѣшенія вопроса, и которая склоняется будто на Жмудскую сторону.

„Я не знаю, въ какой степени это вѣрно; но еслибъ десять публикъ склонилось въ пользу Жмуди, я пожалѣлъ бы объ нихъ, и подалъ бы апелляцію къ ихъ дочкамъ, внучкамъ и правнучкамъ, увѣренный, что та или другая правнучка возвратится къ Норманамъ, и скажетъ непремѣнно съ улыбкою объ своей прародительницѣ: Ахъ, бабушка, въ какую трущобу она попала, и съ чего это она туда сунулась!

„Напрасно было ожидать отъ меня новыхъ доказательствъ въ пользу Норманскаго происхожденія Руси, коихъ желали, будто, другіе. Ученыя доказательства не изобрѣтаются къ назначенному дню собранія, да еслибъ онѣ и были, то не нужно было употреблять ихъ въ дѣло, для того, чтобъ не показать сомнѣнія или недовѣрчивости къ прежнимъ. Для старыхъ истинъ не нужно новыхъ доказательствъ, и если $2 \times 2 = 4$, то смѣшно было бы ожидать отъ меня доказательствъ дополнительныхъ, въ родѣ четырехъ съ половиною. Новыя доказательства или подтвержденія, поясненія, употребятся въ свое время и на своемъ мѣстѣ.

„Я приписалъ публикѣ зрѣлость для участія, для сужденія о всѣхъ вопросахъ, для насъ нужныхъ, отвѣчу я третьимъ, но я отнюдь не приписывалъ ей папской непогрѣшительности, тѣмъ болѣе, что жители Романьи усомнились даже те-

перь и въ этой древнѣйшей привиллегіи папства. Публика можетъ и должна принимать участіе во всякихъ сужденіяхъ, но она можетъ ошибаться; всѣ Европейскія публики, не только созрѣлыя, но и перезрѣлыя, и даже устарѣлыя, ошибаются безпрестанно, Errare—humanum est.

„Напрасно говорить съ четвертыми, что принимать старое мнѣніе знаменуетъ застой въ наукѣ, а новое—прогрессъ. Вопросъ о происхожденіи есть тысячный вопросъ изъ числа вопросовъ, составляющихъ Русскую Исторію. Измѣненіе его, состоящее только въ возобновленіи старыхъ погудокъ на новый ладъ, не имѣетъ никакого вліянія на совокупность Русской Исторіи. Русская Исторія не двинется, если объ одномъ ея вопросѣ выразится новое мнѣніе. Нѣтъ, Жмудской эпизодъ скорѣе можно причислить къ тѣмъ понятнымъ шагамъ, которые замѣтилъ еще Шлецеръ, разсуждая о судьбахъ Русской Исторіи; она идетъ обыкновенно три шага впередъ, и потомъ два опять назадъ. Я пережилъ уже много такихъ попятныхъ шаговъ: козарство Эверса, черноморство Неймана, скептицизмъ Каченовскаго, славянство Морошкина, родовой бытъ Соловьева,—и дружески совѣтую Костомарову, обдумавъ дѣло повнимательнѣе, устремиться впередъ, съ трудами подобными Богдану Хмельницкому, Стенькѣ Разину, разсужденію о торговлѣ Русской въ средніе вѣка, а не подаваться ни на минуту назадъ, вслѣдъ за тѣми бездарностями, у которыхъ охота смертная, а участь горькая“ [187]).

LVIII.

Отчетъ Погодина своимъ Московскимъ друзьямъ *о публичномъ диспутѣ въ залѣ С.-Петербургскаго Университета, касательно происхожденія Руси*, воздвигъ противъ него цѣлую бурю въ Петербургскомъ журнальномъ мірѣ.

Въ *Современникѣ*, Костомаровъ напечаталъ *Послѣднее слово Погодину*.

Задѣтый за живое, Костомаровъ писалъ: „Погодинъ гово-

ритъ, что сначала онъ счелъ мое мнѣніе мимолетною прихотью ученаго, которому захотѣлось на минуту потѣшиться пріисканіемъ доказательствъ въ пользу несбыточнаго парадокса. Дурное, чрезвычайно дурное мнѣніе, я имѣлъ несчастіе заслужить отъ Погодина, какъ видно изъ его словъ! Прежде Погодинъ думалъ обо мнѣ хуже, чѣмъ послѣ диспута; ибо въ концѣ своей статьи онъ приписываетъ мнѣ только какое-то затмѣніе, а тогда считалъ меня умышленнымъ лгуномъ въ дѣлѣ науки. Я бы себя презиралъ, еслибъ рѣшился провозгласить съ каѳедры, а потомъ напечатать въ видѣ ученой статьи мнѣніе для потѣхи. Я могъ заблуждаться, и Погодинъ, или кто другой, могъ открыть мнѣ глаза новыми доказательствами, но отчего же Погодинъ могъ подозрѣвать меня въ недобросовѣстности?

„Погодинъ говоритъ: Я былъ увѣренъ, что, прочитавъ и обдумавъ мое письмо, г. Костомаровъ согласится со мною, и чтобъ облегчить ему согласіе и дать удобный случай сказать нѣсколько удачныхъ словъ въ отвѣтъ, я предложилъ ему дуэль.

„Беру теперь на себя смѣлость сказать почтенному моему антагонисту, что одно только излишнее самолюбіе могло внушить ему такую увѣренность.

„Меня могли принудить къ соглашенію съ Погодинымъ только новые, болѣе ясные доводы съ его стороны, но онъ явился съ старымъ, тысячу разъ повтореннымъ, и имъ самимъ и многими другими прежде его. Погодинъ долженъ же былъ предполагать, что всѣ до того времени напечатанныя доказательства въ пользу Норманскаго происхожденія мнѣ были извѣстны, и если не убѣдили меня прежде, то почему могли убѣдить теперь, оставаясь все тѣми же, какими прежде были?

„Или Погодинъ думаетъ, что личность его одарена какимъ-то животнымъ магнетизмомъ, такъ что одно явленіе его заставитъ покориться все несогласное съ нимъ? Какъ великодушный побѣдитель, Погодинъ даже думалъ заранѣе о томъ, чтобы побѣда надо мною не была слишкомъ чувствительна

для побѣжденнаго врага, и потому предложилъ мнѣ дуэль единственно для того, чтобы я могъ сказать нѣсколько удачныхъ словъ!

„И на какомъ основаніи онъ могъ предполагать, что сдѣлаетъ мнѣ благодѣяніе, даровавши мнѣ возможность сказать нѣсколько удачныхъ словъ?

„Для чего же Погодинъ не высказалъ тогда своей цѣли вызова меня на дуэль? Для чего онъ высказываетъ ее теперь? Кто же можетъ теперь ему повѣрить?

„Далѣе, Погодинъ пишетъ: Это было ничто иное, какъ шутка. Что это была шутка, это, казалось, выразилъ я ясно въ словахъ, слѣдующихъ за предложеніемъ: безъ шутокъ, пріѣхавъ на недѣлю въ Петербургъ, я предлагаю вамъ публичное разсужденіе въ Университетѣ, Географическомъ Обществѣ или въ Академіи, въ присутствіи лицъ, принимающихъ живое участіе въ вопросѣ?

„Во-первыхъ, г. Погодинъ противорѣчитъ самъ себѣ; сказавши, что это была шутка, онъ приводитъ въ подтвержденіе своихъ словъ мѣсто изъ своего вызова, мѣсто, начинающееся словомъ безъ шутокъ. Во-первыхъ, если въ самомъ дѣлѣ это было шутка, то Погодину слѣдовало бы сказать объ этомъ тогда же. Я бы никогда не принялъ его вызова; какъ предметъ науки, такъ и подобныя мѣста, какія избиралъ Погодинъ для публичнаго разсужденія, въ моемъ понятіи изъяты отъ шутокъ. И если Погодину угодно было съ кѣмъ нибудь (только не со мною) шутить публичнымъ разсужденіемъ о Варяжскомъ вопросѣ, то умѣстнѣе было бы устроить публичное разсужденіе въ балаганѣ на Адмиралтейской площади, или лѣтомъ на Крестовскомъ островѣ. Тамъ приличнѣе мѣсто всякаго рода шуткамъ, а не въ Университетѣ, не въ Географическомъ Обществѣ, не въ Академіи!

„Погодинъ говоритъ, что для него было неожиданно услышать мое согласіе на вызовъ. Для меня теперь еще болѣе неожиданно услышать отъ Погодина, что все это была съ его стороны шутка. Погодинъ поступилъ со мною очень

неумѣстно, скрывши отъ меня, что предлагаемый вызовъ сдѣланъ мнѣ только для шутки... Я на столько не былъ догадливъ, чтобы проникнуть въ тайный смыслъ его предложенія; я слишкомъ много уважалъ тогда Погодина, чтобы допустить себѣ мысль о томъ, чтобы онъ рѣшился шутить и надъ наукою, и надъ публикою. Я принялъ его вызовъ совершенно серьезно. Погодинъ говоритъ: Не могъ же я сказать ему, будто струсилъ: я пошутилъ! Отчего же онъ теперь это говоритъ? Если теперь можетъ сказать, то могъ и тогда: по крайней мѣрѣ, онъ вывелъ бы меня изъ заблужденія относительно его намѣреній.

„Погодинъ несправедливо говоритъ, будто бы мысль объ арбитрахъ явилась на сцену въ тотъ вечеръ, когда мы были приглашены къ Калачову. Осмѣлюсь напомнить ему, что тотчасъ послѣ вызова, сдѣланнаго мнѣ Погодинымъ въ Публичной Библіотекѣ, я предложилъ ему въ посредники Калачова, Кавелина и Буслаева, и онъ согласился; самое собраніе у Калачова случилось именно потому, что хозяинъ былъ однимъ изъ приглашаемыхъ мною въ посредники. Погодинъ даетъ моему предложенію о посредникахъ совсѣмъ другой смыслъ, а не тотъ, какой я имѣлъ, дѣлая это предложеніе; я не думалъ вовсе въ посредникахъ видѣть судей, которые бы рѣшили: откуда пришли наши Варяги? Я хотѣлъ только, чтобъ посредники сказали: чьи доказательства убѣдительнѣе. Погодинъ сначала согласился на арбитровъ, именно тѣхъ самыхъ, на которыхъ я указалъ, но потомъ перемѣнилъ свое мнѣніе, очевидно потому, что началъ ожидать отъ избираемыхъ лицъ не того, чего бы желалъ. Указанные мною посредники, люди въ высшей степени добросовѣстные и осторожные, какъ оказалось впослѣдствіи, хотя и не признали бы моего предположенія о происхожденіи Руси изъ Жмуди несомнѣнною истинною, но тоже не украсили бы побѣднымъ вѣнкомъ Норманскіе доводы Погодина. Самъ Погодинъ косвенно сознается въ этомъ теперь: Я понадѣялся, сказать правду, — говоритъ онъ, — что большинство (собранныхъ у Калачова) скажетъ

намъ: О чемъ же вамъ спорить, господа? Дѣло ясно. Но это большинство, по выраженію Погодина, запамятовало старыя основанія или не познакомилось внимательно съ новыми или увлеклось только мыслію о спорѣ, независимо отъ содержанія; иначе, г. Погодинъ увидѣлъ, что Норманское происхожденіе для многихъ вовсе не такая неоспоримая истина, какою хочетъ ее сдѣлать Погодинъ. Тогда Погодинъ отдѣлался отъ посредниковъ отвѣтомъ, посланнымъ имъ въ Типографію на другой день, отвѣтомъ, въ которомъ отстранилъ посредниковъ подъ тѣмъ предлогомъ, что эти люди, слишкомъ къ нему близкіе по университетской памяти, едва-ли возьмутся принять на себя окончательное рѣшеніе. Сколько мнѣ извѣстно, всѣ три избираемые мною посредника удостоили согласіемъ сдѣланное мною имъ предложеніе, не стѣсняясь близостью къ Погодину по университетской памяти.

„Всѣ три — слишкомъ благородны и слишкомъ добросовѣстны для того, чтобы быть одержимыми рабскимъ уваженіемъ къ авторитету бывшаго своего профессора и не смѣть пикнуть противъ него, если бы дѣло науки этого требовало.

„Погодинъ далѣе говоритъ, что онъ съ неудовольствіемъ увидѣлъ въ печати одно заключеніе своего письма. Но въ этомъ его вина. Прежде, чѣмъ объявленіе о вызовѣ было напечатано, онъ самъ просматривалъ корректуру и дѣлалъ измѣненія и прибавки; слово дуэль замѣнилъ словомъ ученый поединокъ; отвѣтъ объ арбитрахъ написанъ имъ былъ уже въ корректурѣ. Погодинъ имѣлъ возможность перемѣнить свои выраженія какъ угодно, и даже вовсе не печатать своего вызова и не начинать предполагаемаго поединка: все было въ его волѣ.

„Я оканчиваю свой споръ съ Погодинымъ навсегда и равнымъ образомъ рѣшаюсь, на будущее время, уклоняться отъ отвѣтовъ на чьи бы то ни было возраженія, если они основаны только на прежнихъ, давно извѣстныхъ и ни къ чему положительно не ведущихъ доводахъ о норманствѣ, ибо я уже высказалъ свое мнѣніе объ этихъ доводахъ. Дальнѣйшіе толки

объ одномъ и томъ же будутъ пустымъ словопреніемъ. Остаюсь при убѣжденіи, что, по самой большой вѣроятности, наши князья происходятъ изъ Литовскаго міра; Погодинъ можетъ оставаться при своемъ норманствѣ, какъ ему угодно: и безъ шутокъ, и для шутки"!

LIX.

Съ особеннымъ ожесточеніемъ вооружился противъ Погодина самъ Чернышевскій. Воспользовавшись *послѣднимъ словомъ* Костомарова, онъ пожелалъ „принести" и „свою лепту въ сокровищницу воспоминаній объ этомъ достопамятномъ своею странностію явленіи", т.-е., о диспутѣ.

„Костомаровъ,—писалъ Чернышевскій,—долженъ теперь видѣть справедливость того мнѣнія объ ученыхъ трудахъ и пріемахъ Погодина, которое я ему выражалъ на словахъ во время совѣщаній о предполагаемомъ диспутѣ и еще раньше того, при разныхъ случаяхъ, которое отчасти выразилось печатно въ статьѣ *Современника* о VII томѣ *Лекцій* и т. д. Погодина,—статьѣ, написанной, впрочемъ, не мною,—и съ которымъ Костомаровъ имѣлъ ошибку не соглашаться. Надѣемся, теперь онъ не имѣетъ возможности оспаривать это мнѣніе. Вотъ оно: Ученые труды Погодина не имѣютъ ровно никакого ученаго значенія, а между тѣмъ, Погодинъ очень долго пользовался репутаціей человѣка, оказавшаго важныя услуги Русской Исторіи,—такъ долго пользовался этою репутаціею, что самъ сталъ наконецъ вѣрить, будто она по справедливости заслужена имъ. Когда человѣкъ, неимѣющій заслугъ, считаетъ себя имѣющимъ заслуги, онъ становится несносенъ тщеславіемъ и наглостью. Человѣкъ тщеславный и наглый бываетъ неразборчивъ на средства. Погодинъ обнаружилъ это свойство въ своихъ будто ученыхъ возраженіяхъ Соловьеву и Кавелину,—возраженіяхъ, наполненныхъ бранными выраженіями и высокомѣрными назиданіями людямъ, уже и тогда далеко

превосходившимъ его ученостью и учеными заслугами. Кромѣ высокомѣрныхъ и бранныхъ назиданій, статьи противъ Кавелина и Соловьева имѣли нѣкоторыя черты, встрѣчаемыя въ особенномъ родѣ Литературы, въ которомъ столь усердно упражнялся въ старину Булгаринъ, а въ недавнее время г. Ксенофонтъ Полевой, и къ которому вообще былъ наклоненъ *Москвитянинъ*, подъ редакціею господина Погодина, въ союзѣ съ господиномъ Шевыревымъ: тутъ были намеки на либерализмъ, на недостатокъ патріотизма, на неуваженіе къ тому, что̀ долженъ уважать хорошій гражданинъ и т. д. Кромѣ своихъ ученыхъ трудовъ, Погодинъ занимался публицистикою. Онъ описывалъ разныя Московскія торжества, изображалъ добродѣтели разныхъ важныхъ Московскихъ и другихъ Россійскихъ сановниковъ и г. Кокорева. Этою публицистикою пріобрѣлъ онъ извѣстность совершенно особеннаго рода, вовсе незавидную. Пріемы, составлявшіе увеселеніе читателей въ его публицистическихъ статьяхъ, онъ переносилъ также въ свои ученые труды, такъ что и они многими своими страницами пробуждали веселое чувство въ немногихъ читавшихъ ученыя сочиненія Погодина. Словомъ сказать, Погодинъ давно былъ извѣстенъ, какъ—положимъ хоть, какъ забавникъ.

„Когда онъ сдѣлалъ вызовъ на диспутъ, нѣкоторые изъ людей, знакомыхъ Костомарову, и въ томъ числѣ я, убѣждали Костомарова не принимать вызова. Я могу говорить только за себя и только о томъ, на что́ имѣю свидѣтелей, кромѣ Костомарова и самого себя: потому упомяну лишь о собраніи у одного изъ профессоровъ здѣшняго Университета, дня за два до собранія, бывшаго у Калачова: лица, находившіяся тутъ, могутъ припомнить, что̀ я тогда говорилъ Костомарову. Я говорилъ вотъ что: Погодинъ вызываетъ васъ на шутовство. Онъ самъ имѣетъ такую репутацію, что уже не можетъ ничѣмъ испортить ее; но человѣку, пользующемуся уваженіемъ публики, какимъ пользуетесь вы, неудобно связываться съ Погодинымъ: вы компрометируете себя черезъ это и увидите, что Погодинъ принудитъ васъ къ объясненіямъ,

очень непріятнымъ для васъ, человѣка не любящаго полемики даже и приличной, а не только такой, какую имѣетъ обычай вести Погодинъ. Я смягчаю для печати выраженія, которыя употреблялъ тогда. Читатель можетъ дополнить ихъ воображеніемъ.

„Костомарову не угодно было тогда согласиться съ людьми, старавшимися удержать его отъ появленія передъ публикою въ обществѣ Погодина. Изъ основаній, мѣшавшихъ ему, по его словамъ, отвергнуть вызовъ Погодина, только одно могло быть признано до нѣкоторой степени справедливымъ; всѣ остальныя создавались только излишнимъ желаніемъ Костомарова цѣнить ученое достоинство даже и тамъ, гдѣ его нѣтъ, а есть только бездарное труженичество. Онъ говорилъ, что нельзя пренебрегать Погодинымъ, какъ ученымъ, до такой степени, до какой довожу я мнѣніе о немъ. Это и нѣкоторыя другія возраженія подобнаго рода, не имѣли никакой дѣйствительной силы въ моихъ глазахъ. Но нельзя было назвать неосновательнымъ одного изъ соображеній, приводившихся Костомаровымъ, въ оправданіе рѣшимости принять вызовъ Погодина. Костомаровъ говорилъ: Если я откажусь, онъ станетъ разглашать, что я почувствовалъ свое безсиліе спорить съ нимъ. Это правда; поступки Погодина послѣ диспута, на которомъ онъ былъ рѣшительно пристыженъ,—не Костомаровымъ, нѣтъ, собственнымъ своимъ невѣжествомъ,— доказываютъ, что онъ сдѣлалъ бы именно такъ. Мнѣ казалось, однако, что и это соображеніе не имѣетъ достаточной силы, чтобы перевѣсить неудобствъ вступать въ дѣло съ Погодинымъ для такого человѣка, какъ Костомаровъ. Мнѣ казалось, что лучше было бы для Костомарова снести самохвальство Погодина, нежели рисковать уваженіемъ публики, связываясь съ такимъ компаньономъ. Результатъ показалъ, что я ошибался. Уваженіе публики къ Костомарову такъ велико и онъ держалъ себя на диспутѣ съ такимъ достоинствомъ, что даже появленіе въ товариществѣ съ Погодинымъ не заставило публику смѣяться надъ Костомаровымъ, какъ я того опасался.

Но Костомаровъ вѣроятно самъ чувствуетъ теперь, что рискъ былъ очень великъ.

„Надобно сказать нѣсколько словъ и о самомъ диспутѣ. Я не такой знатокъ Русской Исторіи, чтобы брать на себя оцѣнку тѣхъ, относящихся къ ней мнѣній, которыя требуютъ спеціальныхъ занятій для выраженія согласія или несогласія съ ними. Но убѣжденіе, которое защищалъ Погодинъ, не принадлежитъ къ числу такихъ мнѣній. Кто имѣетъ хотя малѣйшее понятіе о сравнительной филологіи и о законахъ исторической критики, видитъ совершенную нелѣпость доказательствъ, которыми старые ученые подтверждали норманство Руси. Во времена Шлёцера еще не было ни Гримма, ни Боппа съ ихъ сподвижниками, и Шлёцеру натурально было дѣлать филологическіе промахи, какіе находимъ у него. Но теперь повторять подобныя вещи можетъ только невѣжда. Я не былъ высокаго мнѣнія объ учености Погодина, но признаюсь, никакъ не ожидалъ отъ него такихъ поразительныхъ наивностей, какими угощалъ онъ насъ на диспутѣ. Вѣдь онъ съ Шевыревымъ перевелъ Грамматику Добровскаго, думалъ я, стало быть, долженъ имѣть хотя какое нибудь понятіе о филологическихъ пріемахъ. Онъ превзошелъ всѣ мои ожиданія: послѣ того, что я слышалъ на диспутѣ, для меня становится непостижимо, какимъ же образомъ могъ Погодинъ быть переводчикомъ Грамматики Добровскаго? Я рѣшительно не умѣю отвѣчать себѣ на этотъ вопросъ. Быть можетъ, кто нибудь изъ людей, бывшихъ студентами Московскаго Университета, во время изданія этого перевода, разъяснитъ намъ загадку. Я имѣлъ случай видѣть Турецко-Татарскую Грамматику, переведенную съ Французскаго студентомъ одного изъ нашихъ университетовъ и носящую на заглавномъ листѣ на Русскомъ языкѣ имя профессора того же Русскаго университета. Но этотъ профессоръ имѣлъ по крайней мѣрѣ добросовѣстность объяснить настоящій ходъ дѣла въ предисловіи книги, которую издалъ подъ своимъ именемъ.

„Не менѣе филологическихъ подвиговъ были замѣчательны

историческія понятія, обнаруженныя Погодинымъ. Ольга гордо держала себя при Константинопольскомъ Дворѣ, потому она была норманка; Олегъ плавалъ по морю на лодкахъ, потому былъ норманъ. Я не понимаю одного: какимъ образомъ Костомаровъ могъ продолжать спорить съ человѣкомъ, удивившимъ насъ такими диковинными заключеніями? Я на его мѣстѣ сказалъ бы послѣ этихъ словъ Погодина: Милостивый государь! Спорить мнѣ съ вами объ историческихъ вопросахъ также неумѣстно и неприлично, какъ неприлично и неумѣстно было бы какому-нибудь оріенталисту спорить со мною о синтаксическихъ правилахъ Сіамскаго языка. Поэтому я принужденъ кончить диспутъ. Костомаровъ не сказалъ этого и теперь подвергся совершенно заслуженной непріятности печатать полемическія объясненія.

„Очень можетъ быть, что Костомаровъ найдетъ это мое мнѣніе о Погодинѣ слишкомъ жесткимъ; очень можетъ быть, что онъ будетъ недоволенъ такимъ сужденіемъ объ авторѣ неполнаго и невѣрнаго алфавитнаго указателя къ Русскимъ Лѣтописямъ, изданнаго подъ именемъ *Лекцій* и т. д. *о Русской Исторіи*,—вѣдь выражалъ же онъ мнѣ свое неудовольствіе за статью *Современника* о седьмомъ томѣ *Лекцій* Погодина, говоря, что Погодинъ заслуживалъ нѣкотораго уваженія (впрочемъ, я и самъ недоволенъ этою статьею, только съ другой стороны: она еще слишкомъ мягка). Но если я навлеку на себя неудовольствіе Костомарова, то не огорчусь этимъ, потому что неправъ будетъ онъ.

„Изъ дѣла Погодина съ Костомаровымъ выводится одно заключеніе, полезностью своей искупающее всю странность диспута, на который согласился Костомаровъ, по ошибочному уваженію къ Погодину: пора намъ дѣятельнѣе прежняго приняться за перетряску хлама многихъ ученыхъ и другихъ нашихъ знаменитостей, чтобы всѣмъ стало видно, что это именно хламъ, ничего нестоющій, ни къ чему негодный и чтобы не мѣшалъ этотъ хламъ дѣятельности тѣхъ немногихъ хорошихъ ученыхъ, которыхъ, къ счастію, мы уже имѣемъ.

Пора намъ наконецъ раздѣлаться съ пустыми репутаціями, мѣшающими намъ сосредоточивать наше вниманіе исключительно на мнѣніяхъ дѣльныхъ людей" [188]).

Противъ *Отчета Московскимъ друзьямъ* возсталъ также ученый, который не раздѣлялъ мнѣнія Чернышевскаго о Погодинѣ. „Непріятно поражаетъ,—писалъ А. В. Лохвицкій,— даже изумляетъ, тонъ *Отчета* и тотъ удивительный маневръ, который употребляетъ Погодинъ съ цѣлію доказать, что онъ шутилъ, а всѣ принимали его шутку за серьезное дѣло, и теперь онъ отъ души хохочетъ надъ простотою своихъ собратій. Полноте, такъ ли все происходило, какъ вы пишете?.. Дѣло, однако, происходило не совсѣмъ такъ, какъ передаетъ Погодинъ, и большинство вовсе не было такъ близоруко, какъ онъ хочетъ представить. Приглашенные должны были подавать мнѣнія не о томъ: быть или не быть диспуту, а о томъ, какъ его устроить, чтобъ онъ былъ не потѣхою... Погодину говорили: для правильнаго хода диспута необходимъ судья или президентъ, который бы направлялъ ходъ, остановивъ диспутантовъ, когда они вздумали бы удалиться въ сторону отъ предмета, установилъ бы пункты пренія, и закрылъ бы диспутъ, когда увидѣлъ, что противники сказали все, что̀ идетъ къ дѣлу... Безъ этого будетъ шумъ, хлопанье, свистъ, выйдетъ скандалъ и больше ничего. Погодинъ рѣшительно отвергъ это предложеніе... Ему хотѣлось быть и борцомъ, и судіею... Костомаровъ, напротивъ того, настаивалъ на необходимости судей... Вообще Костомаровъ не обнаружилъ той родительской нѣжности къ Жмуди, какую Погодинъ питаетъ къ Норманамъ. Погодинъ не желалъ диспута въ присутствіи публики,—онъ желалъ, чтобы были только студенты, профессора и нѣсколько другихъ ученыхъ и литераторовъ. Но ему на это отвѣчали: это невозможно. У насъ теперь двери Университета открыты для публики на всѣ лекціи. Какъ же вы хотите, чтобы мы затворили ихъ для такого необыкновеннаго случая. Да намъ, послѣ этого, прохода не дадутъ въ обществѣ... Если Погодинъ недоволенъ диспу-

томъ, то въ этомъ долженъ винить самого себя; онъ самъ избралъ для него самую худшую форму... Но Погодинъ не захотѣлъ сознаться, а придумалъ новое и весьма остроумное средство: написать въ Москвѣ, что онъ шутилъ въ Петербургѣ" [189]).

Замѣчательно, что послѣ статей Чернышевскаго и своей, Костомаровъ, 21 іюня 1860 года, написалъ Погодину слѣдующее дружеское письмо: „Давно бы я писалъ къ вамъ, если бъ зналъ куда, но съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали изъ Москвы, я не вѣдалъ, гдѣ вы обрѣтаетесь, только Мордовцевъ писалъ мнѣ, что вы проѣзжали черезъ Саратовъ и направляли путь вашъ на Кавказъ.

„Меня отдѣлываютъ самымъ отчаяннымъ образомъ и въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, и въ *Отечественныхъ Запискахъ*, и въ *Сѣверной Пчелѣ*; много дѣльнаго замѣчено, много и придирокъ, много желчи. Васъ безбожнѣйшимъ образомъ отдѣлалъ Чернышевскій, чѣмъ я чрезвычайно недоволенъ. Вообще непріятно, что къ нашему спору присоединились съ обѣихъ сторонъ люди, которые смотрятъ на насъ, какъ на враговъ и бранятъ насъ подъ знаменемъ одного изъ насъ. Вы написали, что шутили; за это я тоже сказалъ вамъ нѣсколько жесткихъ словъ; извините великодушно: на то война. Вы сами спрашивали и я отвѣчалъ, что если вы меня задѣнете, то я не спущу съ своей стороны, но это не должно поселить серьезной вражды между нами. Никакіе Норманы и Жмудины не изгладятъ изъ моего сердца того глубокаго уваженія, которое я питалъ къ вамъ болѣе двадцати лѣтъ, не зная васъ лично, и которое теперь еще полнѣе и живѣе, послѣ того, какъ въ послѣднее время я имѣлъ удовольствіе сблизиться съ вами. Впрочемъ, преломивъ съ вами копіе за честь Жмудиновъ, я снова предлагаю честный миръ, безобидный для обоихъ. Признайте, что происхожденіе Руси отъ Норманов не переступаетъ области вѣроятности, а я, съ своей стороны, признаю, что и Жмудское происхожденіе только вѣроятно, но не имѣетъ признаковъ несомнѣнности. Я счи-

таю Жмудское вѣроятнѣе Норманскаго; вы считаете Норманское вѣроятнѣе Жмудскаго, но въ сущности мы сойдемся въ томъ, что признаемъ слѣдующій аргументъ: происхожденіе Руси не вполнѣ неизвѣстно. Затѣмъ я скажу: существуетъ много мнѣній, но самое вѣроятное есть то, которое находитъ начало Руси въ Прусско-Литовскомъ краѣ, на берегахъ рѣки Руса. Вы скажете подобное о Норманахъ, если хотите серьезно. Скажите пожалуйста какъ вы объясните Прусскую улицу въ Новгородѣ? Замѣтили ли что жители ея называются Прусы, а не Пруссцы. И отчего это Прусы стоятъ особнякомъ въ отношеніи другихъ частей города и нерѣдко во враждѣ. Не разъ Прусскую улицу разоряли до тла. Прусы были аристократы Новгорода. Не показываетъ ли это ихъ древняго особаго происхожденія? Не есть ли это тѣ люди Новгородцы отъ рода Варяжска, о которыхъ говоритъ намъ лѣтописецъ. Что на Прусской улицѣ была Литовская кровь— это ясно: отчего же они Прусы? Замѣтьте, что Прусы прежде были внѣ города, составляли особую мѣстность и послѣ уже вошли въ городъ: оттого и конецъ, гдѣ они жили, назывался Загородскимъ. Когда же Литовцы (по племени) сдѣлались обитателями Новгорода? А! Что скажете? Прусы извѣстны уже въ XI вѣкѣ, какъ только лѣтописи Новгородскія выдѣляются. Что скажете"?

Въ томъ же письмѣ, Костомаровъ писалъ: Микешинъ, работающій надъ памятникомъ, хочетъ помѣстить въ горельефахъ изображеніе знаменитыхъ людей Россіи. Пришлите скорѣе перечень, какихъ вы найдете достойными, на мое имя пришлите, ради Бога скорѣе. Общими усиліями надобно помочь этому вѣковому дѣлу. Я былъ у Долгорукаго и онъ сказалъ мнѣ вашъ проектъ памятниковъ. Я сказалъ ему, что лучшій памятникъ тысячелѣтія былъ бы основаніе еще одного университета и прибавка средствъ содержанія существующимъ".

Въ другомъ письмѣ (10 января 1861 года), Костомаровъ писалъ: „Мнѣ очень прискорбно, если вы, почтеннѣйшій достоуважаемый Михаилъ Петровичъ, можете подозрѣвать

какое-нибудь мое участіе въ явленіи тѣхъ статей, которыя васъ оскорбили, тогда какъ въ *Сѣверной Пчелѣ* я два раза заявилъ не только о своемъ неучастіи, но и своемъ глубокомъ уваженіи къ вамъ, при которомъ не можетъ имѣть мѣста одобренія тому, что̀ высказано было другими. О древлехранилищѣ я не писалъ—вы слышали, а о балаганѣ—вы сами подали этому поводъ, но въ такомъ случаѣ извольте принимать это мое выраженіе отвѣтомъ на ваше, а не вамъ, и наконецъ извините, *аще что переписахъ*. Если же вы намѣрены воевать со мной, то не забудьте коснуться моего замѣчанія въ *Сѣверной Пчелѣ* (послѣдняго), по крайней мѣрѣ, не извольте вмѣшивать меня въ то, что̀ писали Чернышевскій и *Свистокъ*. Я самъ по себѣ, они сами по себѣ. Подобно тому какъ я съ изъявленіемъ уваженія къ вамъ высказалъ о непричастности моей къ тому что̀ по моему предмету писали противъ васъ другіе, если вы заявите, что и не сомнѣвались въ томъ, то мы тѣмъ самымъ покажемъ тщету усилій поставить насъ враждебно другъ противъ друга, которыя очевидно употребляли лица, вмѣшавшіяся въ нашъ споръ и pro и contra васъ и меня.

„Когда вы отдали мнѣ статью вашу, я спрашивалъ у васъ дозволенія напечатать ее въ *Современникѣ*, сообщивъ вамъ о предложеніи Некрасова. Вы согласились и тогда же сказали, что нѣтъ необходимости отдавать имъ ее даромъ. Я разумѣется и требовалъ, чтобъ вамъ заплатили и съ тѣмъ отдалъ. А что въ томъ нумерѣ явится *Свистокъ*, я этого не зналъ и не предвидѣлъ и они тщательно скрывали отъ меня, зная, что иначе я бы не отдалъ. Примите увѣреніе въ глубочайшихъ чувствахъ моего истиннаго уваженія и сердечной преданности. И еще разъ прошу васъ: можете какъ угодно на меня сердиться за мое, но, ради Бога, не оскорбляйте меня хотя бы тѣнью подозрѣнія, чтобъ я имѣлъ какое бы то ни было соучастіе съ тѣми, что писали на васъ другіе. Съ *Современникомъ* у меня нѣтъ никакой нравственной связи; я помѣщалъ тамъ свои статьи

потому что мнѣ тамъ хорошо и исправно за нихъ платили; а *писать для журнала*, какъ бы то ни было, я никогда не буду. Трудиться буду посильно только для науки и болѣе ни для чего другаго".

По поводу злостной выходки Чернышевскаго, Щебальскій (15 апрѣля 1861 года) писалъ Погодину: „Скажите, ради Бога, не имѣлось ли какихъ отношеній враждебныхъ, неизвѣстныхъ у васъ съ *Современникомъ*? Да скажите на милость, что это за журналъ, который рѣшительно все попираетъ, надъ всѣмъ глумится? И неужели ничего, кромѣ сарказмовъ, не вызываетъ, когда видишь человѣка за шестьдесятъ лѣтъ отправляющагося за семьсотъ верстъ, чтобъ спорить за свои ученыя мнѣнія,—хороши они или худы!.. И наконецъ, гдѣ секретъ этого всеобщаго восторга по поводу Жмудскаго происхожденія? Вражда ли это къ Нѣмцамъ, желаніе ли это поматерно выругать потомковъ Рюрика и его самого, или наконецъ, открыть, что прикосновеніе къ жмудину даетъ что-нибудь другое кромѣ чесотки?.. Но тутъ секретъ какой-нибудь есть" [190])....

LX.

По возвращеніи Погодина въ Москву, Хомяковъ писалъ о немъ А. В. Веневитинову: „Пріѣхавъ отъ васъ, Погодинъ забился на Дѣвичье-поле да никуда и носу не показываетъ" [191]).

Это затворничество Погодина объясняется тѣмъ, что въ то время онъ былъ женихомъ.

Еще 28 февраля 1860 года, Максимовичъ, съ своей Михайловой Горы, писалъ своему другу: „Еслибъ я могъ—сотворилъ бы тебѣ помощницею овдовѣвшую премудрость". Въ томъ же письмѣ Максимовича, читаемъ: „Кланяйся нашему любезному первомученику Стефану (Шевыреву) и попроси его прислать мнѣ 1-й томъ его *Лекцій* 2-го изданія. Я бы такъ сразу и прочелъ, кажется, отъ доски до доски. Обнимаю васъ обоихъ" [192]).

Извлечемъ теперь лаконическія свѣдѣнія изъ *Дневника* Погодина, касающіяся до его сватовства и вступленія во второй законный бракъ.

Подъ *8 января 1860 года*: „Много говорилъ съ Софьею Ивановною, которая нравится все больше и больше".

— *11* — — — : „А мысль о Софіи никакъ не дается... Господи, покажи мнѣ путь"!

— *13* — — — : „Думалъ было объясниться, но число 13-е не понравилось; а между тѣмъ, это день кончины отца".

— *14* — — — : „Думается болѣе о Софьѣ Ивановнѣ. А завтра пятница. Не отложить ли до 18 и 19 чиселъ, которыя казались мнѣ благопріятными".

— *17* — — — : „Думалъ о Софіи, и сказалъ бы, еслибъ пришла. Молился".

— *19* — — — : „Странно все сходится и откладывается. Такъ бывало вѣдь со мною и прежде".

— *21* — — — : „Хотѣлъ объясниться, но не пришла по утру; вечеромъ пришла, да не выговаривалось.

— *26* — — — : „Думалъ о Софьѣ Ивановнѣ.

— *28* — — — : „Думалъ о Софьѣ Ивановнѣ, а сказать не рѣшался".

— *29* — — — : „Не выговаривается. Господи, да скажи же".

Подъ *2 февраля* — — : „Все думается сказать и не выговаривается".

— *4* — — — : „Примѣчательный день. Все утро думалъ и молился и рѣшился объясниться въ угольной, куда Софья Ивановна приходитъ читать газеты или послѣ въ комнатѣ, куда приходитъ учить дѣтей. Думалъ и молился. Наступаетъ время... Дожидаюсь... Вдругъ, неожиданно входитъ вмѣстѣ съ нею Митя (сынъ Погодина) изъ Сибири. Я обомлѣлъ. Не знакъ ли это мнѣ остановиться, котораго я просилъ, и я остановился съ сожалѣніемъ".

— *10* — — — : „Навѣщалъ Софью Ивановну и цѣловалъ. Ну, если она умретъ, и я отвлеченъ отъ нея".

— *11* — — — : „Съ Софьей Ивановной“.

— *24* — — — : „Съ Софьей Ивановной о нянѣ“.

— *26* — — — : „Говорилъ съ Софьей Ивановной, которая, кажется, оживилась“.

— *28* — — — : „Толковалъ съ Софьей Ивановной“.

— *5 марта* — — : „Съ Софьей Ивановной. Все не говоритъ рѣшительнаго слова. Думается“.

— *24* — — — : „Наконецъ, пріѣхалъ въ Москву. Софья Ивановна обдумала—что? День исповѣди. Пріобщился. Слава Богу“.

— *25* — — — : „Получилъ согласіе. Поцѣловалъ. Господи благослови“!

— *28* — — — : „Смотрѣлъ съ удовольствіемъ на Софью Ивановну“.

— *31* — — — : „Причастіе съ нѣсколькими только живыми минутами. Поздравленія усердныя. Передалъ съ удовольствіемъ отзывъ священника Софьѣ Ивановнѣ... Объясненіе примѣчательное съ Софьею Ивановною“.

— *1 апрѣля* — — : „И въ церкви и дома вяло. Сближеніе и умолчаніе“.

— *2* — — — : „Съ Софьей Ивановной о неисправностяхъ“.

— *3* — — — : „Кокоревъ о площадной брани *Современника*. Скорбно, но утѣшительно съ Софьей Ивановной“.

— *4* — — —: „Видѣлъ во снѣ: Масловъ, товарищъ по Гимназіи, приглашаетъ зайдти къ нему въ комнату, наливаетъ мнѣ рюмку наливки, потомъ выпиваетъ ее самъ, а въ бутылкѣ ничего уже не осталось. Я говорю: по усамъ текло, а въ ротъ не попало! Проснувшись, примѣняю съ неудовольствіемъ къ своему положенію. Пріятныя минуты съ Софьею Ивановною“.

— *5* — — — : „Проснулся въ 5-ть часовъ. Видѣлъ что-то во снѣ необыкновенное, но позабылъ. Съ Софьею Ивановною, исполненною невинности. Господи, благослови“!

— *7* — — — : „Воротилась Софья Ивановна. Толковали“.

— *8* — — — : „Воротилась Софья Ивановна“.

— *9* — — — : „Съ милой моей Софьей Ивановною“.

— *16* — — — : „Дожидался Софью Ивановну. Я найду въ ней успокоеніе, а грустно мнѣ и тяжко. Ни единаго слова сердечнаго“.

— *17* — — — : „Съ Софьей Ивановною“.

— *18* — — — : „Размышлялъ и разсуждалъ съ Софьей Ивановною. Грустя, думалъ о Митѣ, который не имѣетъ движенія сказать даже: Папа, какъ я счастливъ и доволенъ. Грустно“.

— *19* — — — : „Къ Хомякову. Радъ онъ и поздравилъ. Къ портному. Давыдовъ. Къ Аксаковымъ. Безъ памяти рады, разсыпались въ похвалахъ Софьѣ Ивановнѣ, и я чувствовалъ, что онѣ искренни, и радовался и воображалъ, какъ разскажу ихъ Софьѣ Ивановнѣ“.

— *21* — — — : „Во снѣ видѣлъ отца и мать. Раскладывалъ карты. Остановка на червонномъ королѣ. Вѣдь онъ загнутъ. Да, онъ загнутъ, а подъ нимъ пиковая девятка. Не значитъ ли это смерть? Проснулся и смутился. Потомъ вздумалъ: внушеніе это добраго духа или злаго? Проснувшись, позабылось. Долго ожидалъ милую мою Софью Ивановну, съ которой удивительно сблизился... Тѣнь ревности женской, съ одной стороны, и досады—съ другой. Хотѣлъ ей разсказать всю исторію. Потолковали. Бритье и шинель“.

— *22—26* — — — : „Не помню. Вѣроятно, приготовленія и посѣщенія“.

— *27* — — — : „Вѣнчаніе. Завтракъ. Укладываться. Отъѣздъ“.

Такимъ образомъ, Погодинъ обрѣлъ предреченную Максимовичемъ „овдовѣвшую премудрость“.

„27 апрѣля 1860 года,—какъ гласитъ церковная запись,—дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Петровичъ г. Погодинъ вступилъ во второй законный бракъ съ же-

ною Великобританскаго подданнаго Джона Бель, умершаго въ 1858 году. вдовою Софіею Ивановною Бель, и объявленъ въ Московской, Пречистенскаго сорока, Саввинской, что̀ въ Саввинской улицѣ, церкви. Въ чемъ, съ приложеніемъ церковной печати, удостовѣряю вѣнчавшій ихъ Пречистенскаго сорока Саввинской, что̀ въ Савинской улицѣ, церкви священникъ Іоаннъ Никольскій".

Этотъ бракъ Погодина довершилъ его неразрывную связь съ Знаменскимъ. Онъ женился на дочери Сеймонда, друга дома Трубецкихъ, имѣвшихъ такое значеніе для Погодина на зарѣ его дней.

Въ день своего вѣнчанія, Погодинъ писалъ князю П. А. Вяземскому; „Все тотъ же, все добрый, любезный, милостивый князь Петръ Андреевичъ. Храни васъ Богъ долго, долго, на утѣху и пользу всѣмъ нуждающимся въ вашей скорой помощи, всѣмъ желающимъ слышать вашъ родной, знакомый, сладкій голосъ. Сейчасъ отправляюсь на Кавказъ, прямо изъ церкви въ тарантасъ и на пароходъ. Воротясь, думаю опять приняться за живое дѣло. Надо возвысить голосъ нашему поколѣнію и возстановить связь, прерванную сорванцами, забіяками и всякою сволочью,—съ чистой струей Русской Словесности, порѣшить съ анархіей" [193]).

Въ тотъ же день Погодинъ писалъ и Шевыреву: „Ну, какъ же это случались, что я не сказалъ еще тебѣ о важномъ событіи, и не увижу предъ дальнимъ путешествіемъ? Въ среду я только кончилъ Норманов среди свадебныхъ и проч. заботъ, а въ субботу—новые документы Петровскіе. Въ воскресенье читалъ по черновой тетради, надѣясь видѣть тамъ тебя. Понедѣльникъ и вторникъ—устройство всѣхъ дѣлъ. Нынѣ, середа, въ 6 часовъ вѣнчаніе. О. Ѳ. Кошелева сказала, что ты будешь. Хотѣлъ заѣхать къ тебѣ въ тарантасѣ. Лошади пришли въ 9 вмѣсто 6. Если удастся, все-таки заѣду, а если не удастся, то прости и пожелай мнѣ всякаго добра, какого я желаю тебѣ. Обнимаю и кланяюсь всѣмъ. Ѣдемъ въ Нижній, оттуда по Волгѣ до Астрахани, по Каспій-

скому морю, въ Баку и Тифлисъ. Буду писать оттуда, а ты пиши туда".

„Желаю скорѣй принести вамъ поздравленіе,—писалъ Кокоревъ,—вамъ и Софьѣ Ивановнѣ. Позвольте мнѣ поднести вамъ подарокъ: ящикъ Цымлянскаго. Оно легонькое и его слѣдуетъ въ теченіе недѣли порѣшить".

Отъ прочихъ друзей своихъ Погодинъ получилъ поздравленія уже во время своего путешествія.

18 мая 1860 года, Максимовичъ, съ своей Михайловой Горы, писалъ: „И я, и Маруся моя, и нашъ Алексійко, поспѣшаемъ всѣ трое за одно, съ Михайловой Горы, за горы Кавказскія, изъ Украины въ Грузію, привѣтствовать тебя съ твоимъ второзаконіемъ, и поклониться тебѣ и подружію твоему, и твоимъ дѣтямъ милымъ; и отъ всей души и сердца нашего желаемъ тебѣ обрѣсти новую радость и счастіе въ обновѣ твоей жизни. Ты знаешь изъ моихъ словъ изустныхъ и моего письма послѣдняго, какъ это по мысли мнѣ. Дай же Господи тебѣ насладиться всевозможнымъ благомъ и миромъ душевнымъ въ новые годы твоей жизни! Обнимаю тебя, цѣлую ручку твоей Софьи Ивановны, и пью за общее всего твоего семейства здоровье. Ура!... Любящій тебя".

„Поздравляю васъ,—писалъ Погодину Н. В. Бергъ,—отъ души, но легко вообразить, что я этимъ все-таки пораженъ. Ваша настоящая жена, говоря безъ фокусовъ, казалась мнѣ всегда самою достойною женщиною".

Наконецъ, М. А. Дмитріевъ, изъ своего Богородскаго, писалъ: „Поздравляю васъ съ женидьбой. Вы сдѣлали очень хорошо: *недобро быти человѣку единому*; а при томъ и выборъ вашъ, по такому долговременному знакомству, чрезвычайно благоразуменъ. Рекомендуйте меня заочно Софьѣ Ивановнѣ, пока не довелось лично рекомендоваться".

Предъ отъѣздомъ Погодина изъ Москвы, Шевыреву не удалось съ нимъ проститься. „Грустно мнѣ было,—писалъ онъ,—что я не могъ обнять тебя передъ твоимъ отъѣздомъ и пожелать тебѣ и Софьѣ Ивановнѣ всѣхъ благъ отъ Господа

въ день твоего брака. Намъ нельзя скрывать другъ отъ друга важнѣйшихъ событій въ нашей жизни. Не сочти этого за упрекъ, а за выраженіе вѣрнаго чувства, которому я не измѣню никогда. Славное совершаете вы путешествіе. Пора такимъ людямъ, какъ ты, знакомиться съ Россіею. Встрѣчи и пріемы тебя меня радуютъ. Я хотѣлъ просить тебя, чтобы въ Саратовѣ ты побывалъ на горахъ, моей колыбели, на самомъ берегу Волги. Но уже было поздно. Еще другая была просьба. Топорнинъ сказывалъ мнѣ, что у дворянъ Саратовскихъ есть мысль основать университетъ въ Саратовѣ. Ничѣмъ бы лучше я не могъ заключить поприща моего на землѣ, какъ основаніемъ университета вольнаго на своей родинѣ. Ты могъ бы эту мысль сообщить моимъ землякамъ, дворянамъ и купцамъ. Но передъ этимъ я желалъ бы постранствовать за границею и пробыть года два въ Западной Европѣ, чтобы поближе познакомиться съ нею въ теперешнемъ ея видѣ, особенно же узнать возрождающуюся Италію. Много бы можно было сдѣлать прекраснаго въ нашей Землѣ, если бы развязали руки. А то все еще куда какъ насъ пеленаютъ, считая за младенцевъ".

LXI.

Собираясь въ путешествіе, Погодинъ, еще будучи въ Петербургѣ, счелъ полезнымъ вручить себя покровительству главноуправляющаго Почтовымъ Департаментомъ Ѳ. И. Прянишникова. Онъ обратился къ нему съ слѣдующимъ письмомъ: „Не смѣя безпокоить васъ спозаранку, давно внутренно мнѣ близкій и дорогой Ѳедоръ Ивановичъ... Не соблаговолите ли вы написать на моей прилагаемой карточкѣ: *Поручается благорасположенію почтоваго чиновника*. На семъ письмѣ послѣдовала слѣдующая резолюція: „Путь счастливый. Отдайте лично по адресу".

Не обошлось безъ содѣйствія Кокорева. „Пароходъ *Николай Новосельскій*, — писалъ онъ, — отправится изъ Казани

3-го мая въ Астрахань. До Казани можно доѣхать на пароходахъ Общества *Самолетъ*, которые идутъ постоянно черезъ день. Когда вы соберетесь ѣхать, дайте мнѣ знать. Всѣ пристани будутъ извѣщены и пароходы будутъ въ готовности, и будутъ кипѣть горячимъ кипяткомъ".

Предъ отъѣздомъ на Кавказъ, Погодинъ счелъ долгомъ посѣтить Ермолова, который, не принявъ его, 26-го апрѣля 1860 года, писалъ ему: „Отъѣзжая на Кавказъ, почтенный Михаилъ Петровичъ сдѣлалъ одолженіе посѣтить старожила страны. Борящійся съ болѣзнію, я отдыхалъ въ это время и не могъ принять васъ; но, желая чрезвычайно видѣть васъ, я готовъ побесѣдовать съ вами о странѣ, оставившей во мнѣ однѣ пріятныя воспоминанія. Вы изберите удобнѣйшее для васъ время сего дня или завтра, въ продолженіе дня. Если возможно по лѣтамъ моимъ дождаться вашего возвращенія, изъ замѣчаній вашихъ увижу исполняются ли надежды мои процвѣтанія великолѣпнаго края, при началахъ вводимаго отлично благоразумнаго управленія".

Верстовскій, узнавъ о поѣздкѣ Погодина, писалъ ему. „Зачѣмъ Богъ несетъ на Кавказъ—Шамиль уже взятъ. Лучше на Амуръ, откуда насъ турятъ".

Изъ Москвы Погодинъ выѣхалъ въ самый день своего вѣнчанія, 27 апрѣля 1860 года.

„Задумавъ ѣхать на Кавказъ,—писалъ онъ, — Волгою и Каспійскимъ моремъ, я долженъ былъ узнать предварительно дни отплытій. Вотъ тутъ-то и начались затрудненія, даже непреодолимыя, такъ что ничего не оставалось больше дѣлать, какъ пуститься на авось, по примѣру предковъ. Сколько хлопотъ, сомнѣній, трудовъ, просьбъ, чтобъ добиться до свѣдѣній. кои должно имѣть на всякомъ перекресткѣ.

„Парижскіе спекуляторы, изъ двадцати тысячь франковъ, назначаемыхъ на то или другое предпріятіе, отсчитываютъ для объявленія осмнадцать, а двѣ оставляютъ на дѣло. Вотъ что̀ значатъ тамъ объявленія. Положимъ, это крайность, какой подражать не слѣдуетъ, но и другая крайность, не упо-

треблять изъ двадцати тысячь франковъ даже двухъ, даже одной, на объявленія, также никуда не годится“...

Такимъ образомъ, Погодинъ рѣшился ѣхать „на авось“. Послалъ артельщика къ Коровину, выбрать помѣстительный и покойный тарантасъ, и узнать о цѣнѣ. Впослѣдствіи Погодинъ узналъ, что „есть два другіе подрядчика или общества, кои возятъ въ Нижній, а тогда не имѣлъ о нихъ понятія, также за недостаткомъ объявленій“.

На другой день, является къ Погодину артельщикъ сказать, что нужно еще пять руб. сер. на плату за шоссе. „Ясно,—замѣчаетъ Погодинъ—площадная уловка не сказать вдругъ всѣхъ условій, а сперва только главныя и прочія. Черезъ часъ по ложкѣ“.

О дальнѣйшихъ подробностяхъ своего выѣзда изъ Москвы, Погодинъ пишетъ: „Когда прикажете привести лошадей? (спрашиваетъ артельщикъ).—Въ среду, къ 6-ти часамъ... Бьетъ 6-ть часовъ, никого нѣтъ, 7, 8.... Посылаемъ нарочнаго въ Рогожскую, чтобъ узнать, что это значитъ. Въ 10-мъ часу, приводятся лошади, и весь планъ нашъ, слѣдовательно, разрушился. Мы должны были пріѣхать въ Владиміръ и Нижній ночью, т.-е., потерять оба эти города“.

По пріѣздѣ съ Дѣвичьяго-поля въ Рогожскую, для перемѣны лошадей, Погодинъ велѣлъ „позвать къ себѣ приказчика, чтобъ разругать его за неисправность и потребовать о наказаніи виноватаго“. Вотъ что далѣе повѣствуетъ Погодинъ: „Приказчика нѣтъ. Онъ въ трактирѣ, пьетъ чай, послышалось сквозь зубы въ сторонѣ. Пойдетъ онъ къ вамъ, какже! Приказчикъ дѣйствительно не приходилъ.—Что же нейдетъ приказчикъ? Не знаемъ, побѣгли за нимъ. — Приведите ко мнѣ кого-нибудь, кто у васъ есть постарѣе“. Пришелъ черезъ полчаса кто-то. Между тѣмъ, лошади были запряжены. — Помилуйте, что это у васъ дѣлается! — Не можемъ знать. — Да кто же знаетъ? Вы приказали, вступается кто-то другой, пріѣхать къ вамъ точно по раньше, а этотъ шельмецъ хозяину-то и забылъ сказать. — Я записку

далъ. Точно, записку у него нашли въ карманѣ. Хозяинъ пыталъ уже его ругать нынче, и прогналъ. Мы и совсѣмъ не послали бы лошадей, еслибъ не пришелъ вашъ человѣкъ, все дивились, отчего не присылаете вы за лошадьми. — Да вѣдь ты самъ говоришь, что записку мою нашли, такъ чего же вамъ было дожидаться. Подлецы вы, скажи хозяину, что я съ дороги пришлю жалобу на него.

„И дѣйствительно, въ досадѣ, я непремѣнно думалъ послать жалобу къ генералъ-губернатору, но послѣ отдумалъ: полученная жалоба, разумѣется, передана будетъ оберъ-полицмейстеру, отъ котораго отошлется къ частному приставу, и такъ далѣе, до лица, которое явится къ содержателю... И настрочитъ, что дѣло происходило не такъ, а вотъ какъ, гдѣ искать доказательствъ. Я напишу частное письмо къ правителю Канцеляріи, и подамъ совѣтъ призвать содержателя, растолковать ему, что значитъ точность и исправность въ подобномъ дѣлѣ и проч... Цѣлый перегонъ думалъ я о нотаціи содержателю въ пріемной генералъ-губернатора, а потомъ уснулъ, а потомъ позабылъ, Русскій человѣкъ, а потомъ вспомнилъ, да уже было поздно“...

Между тѣмъ, пока Погодинъ „въ темнотѣ“ велъ вышеозначенные переговоры, „мошенники,—писалъ онъ,—осмотрѣли видно нашу поклажу, и тутъ же, или, лишь только отправились мы въ путь, исполосовали кузовъ тарантаса, и вытащили изъ-подъ самого сидѣнья два отличные Парижскіе зонтика, и коробку съ конфектами. Они же перерѣзали всѣ веревки, коими привязаны были къ заду ящики. Въ Буньковѣ уже мы увидѣли эти проказы, и ямщики увѣряли, что это сдѣлано или въ самой Рогожской, или близъ заставы, потому что это происходитъ не въ первый разъ... Есть молва, что мошенники бываютъ бо́льшею частію извѣстны полиціи, и она терпитъ ихъ съ цѣлію получать отъ нихъ услуги въ нужныхъ случаяхъ, и вмѣстѣ извѣстный оброкъ. Отъ честныхъ людей поживиться вѣдь не чѣмъ. Есть у нея, говорятъ и правило полу-Спартанское для огражденья себя отъ бѣды и

для очищенія своей совѣсти: воруй, но не попадайся, а попадешься, ну мы ужъ не защитники. Мы должны показать свою бдительность, исправность, усердіе".

Въ Буньковѣ, Погодинъ имѣлъ любопытный разговоръ съ ямщиками по поводу построенія желѣзной дороги... „Читатели помнятъ,—замѣчаетъ онъ,—что о дорогахъ нельзя было намъ заикнуться, и прежнее начальство готово было взыскивать за малѣйшее и легчайшее замѣчаніе, напримѣръ, о неудобной мостовой въ Спасскихъ воротахъ, за неприличный костюмъ инженернаго офицера, выведеннаго въ какой-то повѣсти, какъ за оскорбленіе величества. Ну что же, дороги отъ такого почтенія къ нимъ были лучше? Увы, онѣ были гораздо хуже, чѣмъ обсуждаемыя, хоть очень мало, теперь".

Во Владимірѣ пріѣхали наши путешественники „почти ночью. Комнату отвели имъ порядочную, и самоваръ съ приборами подали чистый, но пройти подъ воротами къ этой комнатѣ была такая гадость, такая мерзость, коихъ описать трудно".

Нѣсколько пріятныхъ, „естетическихъ минутъ" доставила Погодину переправа черезъ Клязьму. „Паромъ,—писалъ онъ,—былъ на другой сторонѣ, какъ мы къ ней подъѣхали... Въ сторонѣ сидѣли сторожа вокругъ разложеннаго огня, озарявшаго живописно ихъ лица. Съ противоположнаго берега доносилось тихо прекрасное гармоническое пѣніе; то пѣли гребцы, стоявшіе на паромѣ; по мѣрѣ приближенія ихъ къ намъ, звуки становились яснѣе, наконецъ составили ясну[illegible] громкую пѣснь, которой можно было заслушаться. П[illegible] звуки ея мы поплыли".

Но „за естетическою сценою послѣдовала полу[illegible] ческая и полу-комическая", которую Погодинъ [illegible] дробно. „Въ темнотѣ,—писалъ онъ,—я далъ [illegible] націю, и сказалъ имъ: вотъ ребята рубл[illegible] пѣсни, если же ассигнація не рублевая[illegible] мите вы половину себѣ, другую разд[illegible] словами тарантасъ тронулся. Мы [illegible]іи

далъ. Точно, записку у него нашли въ карманѣ. Хозяинъ пыталъ уже его ругать нынче, и прогналъ. Мы и совсѣмъ не послали бы лошадей, еслибъ не пришелъ вашъ человѣкъ, все дивились, отчего не присылаете вы за лошадьми. — Да вѣдь ты самъ говоришь, что записку мою нашли, такъ чего же вамъ было дожидаться. Подлецы вы, скажи хозяину, что я съ дороги пришлю жалобу на него.

„И дѣйствительно, въ досадѣ, я непремѣнно думалъ послать жалобу къ генералъ-губернатору, но послѣ отдумалъ: полученная жалоба, разумѣется, передана будетъ оберъ-полицмейстеру, отъ котораго отошлется къ частному приставу, и такъ далѣе, до лица, которое явится къ содержателю... И настрочитъ, что дѣло происходило не такъ, а вотъ какъ, гдѣ искать доказательствъ. Я напишу частное письмо къ правителю Канцеляріи, и подамъ совѣтъ призвать содержателя, растолковать ему, что значитъ точность и исправность въ подобномъ дѣлѣ и проч... Цѣлый перегонъ думалъ я о нотаціи содержателю въ пріемной генералъ-губернатора, а потомъ уснулъ, а потомъ позабылъ, Русскій человѣкъ, а потомъ вспомнилъ, да уже было поздно"...

Между тѣмъ, пока Погодинъ „въ темнотѣ" велъ вышеозначенные переговоры, „мошенники,—писалъ онъ,—осмотрѣли видно нашу поклажу, и тутъ же, или, лишь только отправились мы въ путь, исполосовали кузовъ тарантаса, и вытащили изъ-подъ самого сидѣнья два отличные Парижскіе зонтика, и коробку съ конфектами. Они же перерѣзали всѣ веревки, коими привязаны были къ заду ящики. Въ Буньковѣ уже мы увидѣли эти проказы, и ямщики увѣряли, что это сдѣлано или въ самой Рогожской, или близъ заставы, потому что это происходитъ не въ первый разъ... Есть молва, что мошенники бываютъ бо́льшею частію извѣстны полиціи, и она терпитъ ихъ съ цѣлію получать отъ нихъ услуги въ нужныхъ случаяхъ, и вмѣстѣ извѣстный оброкъ. Отъ честныхъ людей поживиться вѣдь не чѣмъ. Есть у нея, говорятъ и правило полу-Спартанское для огражденья себя отъ бѣды и

для очищенія своей совѣсти: воруй, но не попадайся, а попадешься, ну мы ужъ не защитники. Мы должны показать свою бдительность, исправность, усердіе".

Въ Буньковѣ, Погодинъ имѣлъ любопытный разговоръ съ ямщиками по поводу построенія желѣзной дороги... „Читатели помнятъ,—замѣчаетъ онъ,—что о дорогахъ нельзя было намъ заикнуться, и прежнее начальство готово было взыскивать за малѣйшее и легчайшее замѣчаніе, напримѣръ, о неудобной мостовой въ Спасскихъ воротахъ, за неприличный костюмъ инженернаго офицера, выведеннаго въ какой-то повѣсти, какъ за оскорбленіе величества. Ну что же, дороги отъ такого почтенія къ нимъ были лучше? Увы, онѣ были гораздо хуже, чѣмъ обсуждаемыя, хоть очень мало, теперь".

Во Владимірѣ пріѣхали наши путешественники „почти ночью. Комнату отвели имъ порядочную, и самоваръ съ приборами подали чистый, но пройти подъ воротами къ этой комнатѣ была такая гадость, такая мерзость, коихъ описать трудно".

Нѣсколько пріятныхъ, „естетическихъ минутъ" доставила Погодину переправа черезъ Клязьму. „Паромъ,—писалъ онъ,—былъ на другой сторонѣ, какъ мы къ ней подъѣхали... Въ сторонѣ сидѣли сторожа вокругъ разложеннаго огня, озарявшаго живописно ихъ лица. Съ противоположнаго берега доносилось тихо прекрасное гармоническое пѣніе; то пѣли гребцы, стоявшіе на паромѣ; по мѣрѣ приближенія ихъ къ намъ, звуки становились яснѣе, наконецъ составили ясную громкую пѣснь, которой можно было заслушаться. Подъ звуки ея мы поплыли".

Но „за естетическою сценою послѣдовала полу-драматическая и полу-комическая", которую Погодинъ описалъ подробно. „Въ темнотѣ,—писалъ онъ,—я далъ гребцамъ ассигнацію, и сказалъ имъ: вотъ ребята рубль за работу и за пѣсни, если же ассигнація не рублевая, а больше, то возмите вы половину себѣ, другую раздайте нищимъ. Съ этими словами тарантасъ тронулся. Мы взобрались на гору и по-

катили. Черезъ часъ намъ послышался сзади шумъ. Я велѣлъ ямщику остановиться и окликаться. Отвѣта не было. —Слѣзь и посмотри, не свалился ли нашъ солдатъ, сидѣвшій позади. Солдата не было.—Куда же онъ дѣвался? Видѣлъ ли ты, что онъ сѣлъ, сошедши съ парома? Видѣть я не видалъ; да нельзя же ему не сѣсть. Что дѣлать? Отпречь лошадь и послать ямщика назадъ. Но какъ же намъ остаться однимъ ночью на большой дорогѣ. Ѣхать до новой станціи, и оттуда послать нарочнаго, надо будетъ потерять много времени, и кого посылать ночью. Ѣхать назадъ самимъ? Не хочется ни ямщику, ни намъ. Подождемъ лучше здѣсь на мѣстѣ; не подбѣжитъ ли солдатъ. Да какъ ему подбѣжать, угонять за тройкою. Онъ останется на мѣстѣ. А можетъ быть онъ заснулъ да и упалъ. Ямщикомъ случился у насъ мужикъ степенный, зажиточный хозяинъ. Въ началѣ упряжки онъ много ворчалъ и на насъ, кажется за то, что мы не скоро вышли изъ-за чая, и на Московскаго содержателя, который не высылаетъ по условію денегъ. Остальную дорогу онъ все молчалъ... Дай-ка я покричу, сказалъ ямщикъ наконецъ. Вскрикнулъ,—и вообразите себѣ нашу ночную радость,—въ отвѣтъ послышался, чуть-чуть задыхавшійся голосъ... *Онъ*,—сказалъ ямщикъ, торжествуя... Ну садись... Ей вы голубчики! Свистнулъ ямщикъ—и помчались. Ну, вотъ и Русскія дороги не безъ приключеній. Какимъ же образомъ отсталъ нашъ солдатъ? Ему жаль стало ассигнаціи, которую я отдалъ рабочимъ впотьмахъ: не пятирублевая ли она. Онъ подошелъ съ ними къ огню разсматривать, а тройка между тѣмъ прихватила. Покричавши напрасно, онъ пустился въ догонку. Какова рѣшимость! И бѣжалъ онъ, не останавливаясь, верстъ пять, въ надеждѣ, что мы хватившись, остановимся".

На парòмѣ, чрезъ Оку, въ Нижнемъ, нашему путешественнику представилась сцена другого рода. „Подъѣздъ,—пишетъ онъ,—пренеудобный, тѣснота отъ повозокъ непроходимая, народа толпа. Крикъ, брань, шумъ. Татары оборванные, измазанные, осиплые, таскались... Тарантасъ нужно было про-

тащить на плечахъ на паромъ. Приложеніе силъ къ тяжести было удивительное. Наконецъ, все установилось. Переправою управлялъ молодой татаринъ. Шапки долой, закричалъ онъ, молись, и всѣ православные принялись креститься и кланяться на зовъ мусульманина. О. Россія, подумалъ я, какіе у тебя жернова, которыми перемеливаешь ты и мусульманство, и протестантство, и нѣмечество, и татарство, и чухонство, въ Русскую муку!... Бойкій татаринъ не умолкалъ ни на минуту во время всей переправы. Прибаутки его были очень интересны"...

Въ Нижнемъ, Погодинъ остановился въ гостинницѣ, стоящей на берегу. „Видъ,—замѣчаетъ Погодинъ,—прекрасный на рѣку, озаренную солнцемъ. Столъ очень хорошій. Цѣны очень снисходительны; но нечистота, грязь препротивная".

День наши путешественники посвятили Нижнему-Новгороду. „Разумѣется,—писалъ Погодинъ,—первый долгъ отданъ собору и гробницѣ Минина. Придѣлы во имя св. Козьмы и Димитрія. Эта мысль прекрасная, но не мѣсто гробницѣ Минина стоять здѣсь въ подземельѣ и темнотѣ. Она должна стоять тамъ, гдѣ кланялся ей въ землю императоръ Петръ Великій, и быть предметомъ безпрерывной народной признательности. Ну, вотъ начали у насъ толковать о памятникѣ тысячелѣтію. Почему бы не перенести ее (гробницу) торжественно въ назначенный день на подобающее ей мѣсто".

По поводу гуляній, Погодинъ замѣтилъ: „Гулянье въ Кремлѣ и около городскихъ стѣнъ, прекрасное, но гуляющихъ нѣтъ, потому что у насъ развита еще только жажда чая, вина, картъ, нарядовъ, денегъ, но не развита жажда и прелесть удовольствій тихихъ, нравственныхъ, духовныхъ".

Съ высокаго берега смотря „въ синюю даль", Погодинъ думалъ: Кто былъ смѣлѣе — Георгій Всеволодовичъ, строя здѣсь крѣпость въ двухстахъ верстахъ отъ своей столицы, среди чуждыхъ поселеній, или Екатерина II, присоединявшая Крымъ? Василій строитель Свіяжска, Правительство Іоанна Грознаго, покорявшее Казань и утверждая Астрахань, или

катили. Черезъ часъ намъ послышался сзади шумъ. Я велѣлъ ямщику остановиться и окликаться. Отвѣта не было. —Слѣзь и посмотри, не свалился ли нашъ солдатъ, сидѣвшій позади. Солдата не было.—Куда же онъ дѣвался? Видѣлъ ли ты, что онъ сѣлъ, сошедши съ парома? Видѣть я не видалъ; да нельзя же ему не сѣсть. Что дѣлать? Отпречь лошадь и послать ямщика назадъ. Но какъ же намъ остаться однимъ ночью на большой дорогѣ. Ѣхать до новой станціи, и оттуда послать нарочнаго, надо будетъ потерять много времени, и кого посылать ночью. Ѣхать назадъ самимъ? Не хочется ни ямщику, ни намъ. Подождемъ лучше здѣсь на мѣстѣ; не подбѣжитъ ли солдатъ. Да какъ ему подбѣжать, угонять за тройкою. Онъ останется на мѣстѣ. А можетъ быть онъ заснулъ да и упалъ. Ямщикомъ случился у насъ мужикъ степенный, зажиточный хозяинъ. Въ началѣ упряжки онъ много ворчалъ и на насъ, кажется за то, что мы не скоро вышли изъ-за чая, и на Московскаго содержателя, который не высылаетъ по условію денегъ. Остальную дорогу онъ все молчалъ... Дай-ка я покричу, сказалъ ямщикъ наконецъ. Вскрикнулъ,—и вообразите себѣ нашу ночную радость,—въ отвѣтъ послышался, чуть-чуть задыхавшійся голосъ... *Онъ*,—сказалъ ямщикъ, торжествуя... Ну садись... Ей вы голубчики! Свистнулъ ямщикъ—и помчались. Ну, вотъ и Русскія дороги не безъ приключеній. Какимъ же образомъ отсталъ нашъ солдатъ? Ему жаль стало ассигнаціи, которую я отдалъ рабочимъ впотьмахъ: не пятирублевая ли она. Онъ подошелъ съ ними къ огню разсматривать, а тройка между тѣмъ прихватила. Покричавши напрасно, онъ пустился въ догонку. Какова рѣшимость! И бѣжалъ онъ, не останавливаясь, верстъ пять, въ надеждѣ, что мы хватившись, остановимся".

На паромѣ, чрезъ Оку, въ Нижнемъ, нашему путешественнику представилась сцена другого рода. „Подъѣздъ,—пишетъ онъ,—пренеудобный, тѣснота отъ повозокъ непроходимая, народа толпа. Крикъ, брань, шумъ. Татары оборванные, перемазанные, осиплые, таскались... Тарантасъ нужно было про-

тащить на плечахъ на паромъ. Приложеніе силъ къ тяжести было удивительное. Наконецъ, все установилось. Переправою управлялъ молодой татаринъ. Шапки долой, закричалъ онъ, молись, и всѣ православные принялись креститься и кланяться на зовъ мусульманина. О. Россія, подумалъ я, какіе у тебя жернова, которыми перемелываешь ты и мусульманство, и протестантство, и нѣмечество, и татарство, и чухонство, въ Русскую муку!... Бойкій татаринъ не умолкалъ ни на минуту во время всей переправы. Прибаутки его были очень интересны"...

Въ Нижнемъ, Погодинъ остановился въ гостинницѣ, стоящей на берегу. „Видъ,—замѣчаетъ Погодинъ,—прекрасный на рѣку, озаренную солнцемъ. Столъ очень хорошій. Цѣны очень снисходительны; но нечистота, грязь препротивная".

День наши путешественники посвятили Нижнему-Новгороду. „Разумѣется,—писалъ Погодинъ,—первый долгъ отданъ собору и гробницѣ Минина. Придѣлы во имя св. Козьмы и Димитрія. Эта мысль прекрасная, но не мѣсто гробницѣ Минина стоять здѣсь въ подземельѣ и темнотѣ. Она должна стоять тамъ, гдѣ кланялся ей въ землю императоръ Петръ Великій, и быть предметомъ безпрерывной народной признательности. Ну, вотъ начали у насъ толковать о памятникѣ тысячелѣтію. Почему бы не перенести ее (гробницу) торжественно въ назначенный день на подобающее ей мѣсто".

По поводу гуляній, Погодинъ замѣтилъ: „Гулянье въ Кремлѣ и около городскихъ стѣнъ, прекрасное, но гуляющихъ нѣтъ, потому что у насъ развита еще только жажда чая, вина, картъ, нарядовъ, денегъ, но не развита жажда и прелесть удовольствій тихихъ, нравственныхъ, духовныхъ".

Съ высокаго берега смотря „въ синюю даль", Погодинъ думалъ: Кто былъ смѣлѣе — Георгій Всеволодовичъ, строя здѣсь крѣпость въ двухстахъ верстахъ отъ своей столицы, среди чуждыхъ поселеній, или Екатерина II, присоединявшая Крымъ? Василій строитель Свіяжска, Правительство Іоанна Грознаго, покорявшее Казань и утверждая Астрахань, или

Павелъ, думавшій съ Наполеономъ пробраться въ Индію? И мнѣ казалось, что Георгію, Василію, Іоанну было нужно имѣть болѣе смѣлости, чѣмъ новымъ правителямъ. А эту смѣлость, если сравнить, напримѣръ, съ опасеніемъ В. П. Титова *) выдать охранный видъ профессору В. И. Григоровичу для ученаго путешествія по Македоніи, съ страхомъ графа Нессельроде принять подъ свое покровительство Чихачева, собиравшагося въ путешествіе по Азіи"...

За тѣмъ Погодинъ, „толкался долго въ народѣ на краю нижняго базара, присматривался, прислушивался". Для всякаго города,—писалъ онъ,— „кажется, намъ нужно теперь по Петру Первому, а гдѣ ихъ взять столько. И этотъ Петръ Первый долженъ бы не рыться у себя въ кабинетѣ въ бумагахъ, поглощающихъ все вниманіе настоящаго нашего начальства—отписываться, справляться, оправдываться распекать, — а ходить безпрестанно по улицамъ, заглядывать въ лавки, въ кабаки, въ гостинницы, на пристань, въ церковь и проч. Ребята, что вы толчетесь цѣлый день безъ дѣла. Вотъ надо уколотить и умять эту насыпь да вымостить камнемъ въѣздъ... Ну-ка, разомъ, духомъ... Самимъ вѣдь легче будетъ и всходить и въѣзжать... Нѣтъ, такъ нельзя теперь говорить, потому что, потому что... Ну и тоните въ грязи!

„Зашелъ нарочно въ цырульню побриться. Преумный пребойкій народъ, и мастера своего дѣла, но гадость и грязь вездѣ отвратительная. Что вы не чистите, безтолковые люди?....
—Не начистишься.

„На нижнемъ базарѣ красовалось много новыхъ вывѣсокъ, знаменующихъ развитіе... Но улица все-таки имѣла характеръ очень, очень плачевный, и если не дикій. Образованія не видать"...

Прогулка по нижнему базару погрузила Погодина въ размышленіе. Онъ думалъ: „А пошатайтесь-ка (т.-е. губернаторы) по этимъ логовищамъ и вертепамъ, и вы наберетесь

*) Бывшій посланникъ въ Константинополѣ. *Н. Б.*

уму - разуму побольше, нежели въ кипѣ вашихъ рапортовъ, экстрактовъ, резолюцій и регламентовъ, надъ которыми вы сохнете, тупѣете и мрете.

„Полная, вѣрная, простая біографія одной улицы — это такой драгоцѣнный матеріалъ Исторіи, Статистики, Политической Экономіи. Это такой драгоцѣнный матеріалъ повѣсти, драмы, пожалуй, психологіи.

„Чѣмъ ты промышляешь? Каково идутъ дѣла? Капитальца не хватаетъ. А порядочный ли ты человѣкъ? Не пьешь ли? Спросите у сосѣдей. Спрошу у сосѣдей, и дамъ тебѣ записочку, получить денегъ взаемъ.

„А вдругъ, въ третьемъ, въ четвертомъ домѣ попадается свѣтлая голова, бойкій языкъ, чуткое ухо, дальновидный глазъ, — и вотъ вамъ подмога административная для цѣлаго города, для цѣлой губерніи.

„Пройдя улицу вы узнаете нужды, вамъ укажутъ средства, и часто одного слова или одной строки вашей можетъ быть достаточно, чтобъ дать движеніе большому дѣлу.

„Это я мечталъ въ Можайскѣ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, а нынѣ въ Нижнемъ, идучи съ нижняго базара въ гору, по сквернѣйшей мостовой..., видя, какъ мучаются лошади и стѣсняются пѣшеходы. Между тѣмъ, какъ тутъ же внизу толкаются сотни простаго народа, совершенно безъ всякаго дѣла. Ребята, хотѣлось мнѣ закричать, поправлять дорогу,— а тамъ вонъ выкачена бочка вина. Духомъ!

„Такіе хозяева, такіе Петры нужны для всякаго города, а о краяхъ, какъ Крымъ, Астрахань, Закавказье, и говорить нечего.

„Нужны бы задачи безпрерывныя съ преміями о томъ, что̀ нужно для Владиміра, Саратова, Камышина и т. д. Пустомѣли рвутся у насъ марать бумагу, а у свѣдущихъ людей надо клещами вырывать свѣдѣнія.

„Чувства обязанности у насъ рѣшительно теперь нѣтъ; всякой смотритъ на свою должность, какъ на средство нажиться, и съ этой стороны преимущественно занимается ею.

„Если должность такова, что нажиться нельзя, онъ, какъ на барщинѣ, старается ничего не дѣлать или дѣлать свое.

„Служба до сихъ поръ у насъ есть кормленье. Никакими средствами нельзя исцѣлить насъ отъ этой болѣзни, кромѣ гласности. И гласность принесетъ пользу, можетъ быть, только на нѣсколько лѣтъ, а потомъ мы привыкнемъ къ ней, но къ этому времени подоспѣетъ образованіе.

„У педагоговъ преимущественно замерло желаніе научать: они думаютъ о томъ только, чтобъ сдать экзамены, чтобъ не случилось исторіи.

„Рутина, привычка стараго образца овладѣла нами. Начать что-нибудь новое,—оборони Господи, попадешь въ отвѣтственность, а пожалуй и подъ судъ“.

Въ Нижнемъ, Погодинъ встрѣтился съ генераломъ Циммерманомъ, который также плылъ внизъ по Волгѣ; но, къ сожалѣнію Погодина, генералъ долженъ былъ отложить свой выѣздъ изъ Новгорода, а Погодинъ мечталъ „разспрашивать его о Коканѣ“.

LXII.

1 мая 1860 года, „красивый пароходецъ помчалъ“ Погодина, „по полной рѣкѣ“, изъ Нижняго въ Казань.

„Пассажировъ — писалъ Погодинъ — было очень мало въ первыхъ классахъ... Предъ захожденіемъ великолѣпнаго солнца, подплыли мы къ Козмодемьянску. Городъ съ рѣки имѣлъ порядочный видъ. На берегу толпилось множество народа. Играла полковая музыка. Я сталъ на палубѣ и думалъ. Не знаю, по какому сцѣпленію идей, пришла мнѣ на память тирада изъ *Мертвыхъ Душъ*. Кто живетъ въ Козмодемьянскѣ? Я вообразилъ себѣ городничаго, исправника, протопопа, градскаго главу. Какіе интересы ихъ занимаютъ? Какъ проводятъ они свое время? Около чего витаютъ ихъ надежды? Чѣмъ они могутъ быть двинуты впередъ?...

„Мы простояли предъ Козмодемьянскомъ часа два, нагружаясь дровами: бабы носили съ берега охапки, по методѣ очень древней. Ихъ было счетомъ до пятидесяти“...

На пароходѣ оказался Погодину попутчикъ до самой Астрахани, совѣтникъ тамошняго Губернскаго Правленія Александръ Николаевичъ Бурнашевъ. „Мы, — писалъ Погодинъ,— очень были рады такому пріятному знакомству. Другое пріятное знакомство съ съ г. Ж., который ѣхалъ съ семействомъ за Казань. Интересно было отъ него узнать взгляды губернскаго нашего Дворянства на дѣло, и преимущественно на крестьянскій вопросъ. Пароходы, баржи сновали взадъ и впередъ безпрестанно... Вспомнилъ о Петрѣ и его дѣятельности, его вездѣсущности“.

Въ понедѣльникъ, 2 мая 1860 года, рано по утру, путешественникъ нашъ приплылъ въ Казань. Пароходъ *Николай Новосильскій* красовался уже на пристани. „Мы—писалъ Погодинъ—были переданы капитаномъ агенту съ рукъ на руки. Пріемъ былъ такой же обязательный. Мы выбрали себѣ мѣсто. Пароходъ превосходенъ. Просторно, удобно, даже роскошно. Русскому человѣку, видно, нельзя не размахнуться пошире, гдѣ только случится. Это самый большой, самый быстрый и самый удобный пароходъ на Волгѣ. Построенъ въ Бельгіи“.

Воспользовавшись нѣсколькими часами остановки, Погодинъ прежде всего поклонился мощамъ св. Гурія и образу Казанской Божіей Матери въ монастырѣ. Потомъ взглянулъ на Соловецкую библіотеку. Изъ слѣдовъ Сильвестровыхъ видѣлъ надпись на одномъ толковомъ Евангеліи: Сильвестръ да сынъ его Анѳимъ. „Но его ли это рука“?—вопрошаетъ Погодинъ.— „Кажется почеркъ сходенъ съ подписью на моей бывшей Греческой Псалтири“.

Погодинъ сожалѣлъ, что не могъ увидѣться съ отцомъ ректоромъ Іоанномъ, который „прославился въ послѣднее время каноническими правилами между учеными и проповѣдью противъ крѣпостнаго состоянія въ обществѣ“.

Потомъ Погодинъ посѣтилъ попечителя Казанскаго Учебнаго Округа князя Павла Петровича Вяземскаго. „Сынъ нашего дорогого князя Петра Андреевича,—писалъ Погодинъ,—наслѣдовавшій отъ отца нѣкоторыя его любезныя качества, доставилъ намъ всѣ средства познакомиться съ Университетомъ и пригласилъ обѣдать. За обѣдомъ познакомился съ Щаповымъ, котораго *Опытъ объ Исторіи раскола* обратилъ на себя общее вниманіе. Щаповъ занимается теперь Исторіей Образованія“.

Послѣ обѣда, Погодинъ осмотрѣлъ университетскій Музей: Зоологическій, Этнографическій и Минералогическій, приведенный въ отличный порядокъ бывшимъ профессоромъ Вагнеромъ. Церковь университетская, съ иконостасомъ, имѣющимъ фигуру креста, „очень поразительна“, но колонны показались Погодину тяжелыми. Заглянулъ онъ также въ двѣ книжныя лавки, въ которыхъ есть множество новыхъ изданій, Погодину вовсе неизвѣстныхъ, напримѣръ, мысли о Посошковѣ Маслова.

Во вторникъ, 3 мая 1860 г., въ 2 часа по полудни, пароходъ *Николай Новосильскій* пустился въ путь. „Нашлось—писалъ Погодинъ,—много знакомыхъ, съ прочими всѣми скоро перезнакомились, и составилось довольно многочисленное согласное общество, которое вскорѣ почти подружилось между собою... Пріятно видѣть, какъ въ послѣднее время увеличилось мыслящихъ людей у насъ... Начнемъ съ капитана. Рудольфъ Андреевичъ Де-Ливронъ воспитывался въ Морскомъ Корпусѣ, откуда выпущенъ въ Черноморскій флотъ, на 38 экипажъ, къ незабвенному Корнилову. Крейсировалъ долго около восточныхъ береговъ Чернаго моря, плавалъ по Средиземному, и наконецъ, подъ Севастополемъ одиннадцать мѣсяцевъ командовалъ лѣвою стороною 3-го бастіона; кантуженъ въ голову. Помощникъ его, лейтенантъ Алексѣй Васильевичъ Новосильцевъ, совершившій кругосвѣтное путешествіе, отличившійся въ Альминскомъ сраженіи. Новосильцевъ имѣетъ богатое имѣніе на Волгѣ, и между тѣмъ служитъ на част-

номъ пароходѣ. Это пріятное явленіе нашего времени: дворяне хотятъ заниматься дѣломъ, а не жить въ праздности...

„Перехожу къ обществу путешественниковъ. Князь Михаилъ Александровичъ Дундуковъ-Корсаковъ, съ сыномъ, отправившійся изъ Царицына на Донъ, для свиданія съ старшимъ сыномъ, начальникомъ Донскаго Войска. Съ нимъ много любопытныхъ разговоровъ имѣлъ я о покойномъ графѣ Уваровѣ, съ которымъ онъ долго находился въ дружескихъ связяхъ. В. Е. Вердеревскій, предсѣдатель Казенной Палаты въ Нижнемъ, воспитанникъ Университетскаго Пансіона, служившій долго въ Польшѣ, съ которымъ я познакомился въ Варшавѣ, въ 1839 году. Ивашинцовъ, знаменитый своими промѣрами Каспійскаго моря... Множество неудачь ознаменовало начало его поприща: дай Богъ, чтобъ продолженіемъ вознаградилось съ лихвою потерянное. Черкасовъ, съ которымъ я познакомился еще въ Москвѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Онъ написалъ большое сочиненіе объ Астраханскомъ краѣ... Любимая его мысль о соединеніи Каспійскаго моря съ Чернымъ... Черкасовъ долго жилъ между Калмыками и познакомился близко со всѣми ихъ частностями... Въ Симбирскѣ сѣлъ къ намъ губернаторъ Извѣковъ съ семействомъ. Мы проводили время очень пріятно. Читали, играли въ карты, любовались видами, устраивались завтраки, ужины. Высадки по главнымъ городамъ на пути сообщали разнообразіе употребленію времени: въ Самарѣ, Саратовѣ, Камышинѣ, Царицынѣ“...

По утру, 4 мая, путешественники наши проѣхали мимо Симбирска. „Отсюда—пишетъ Погодинъ—до Самары берега становятся красивѣе. Жегулинскія горы представили много очень живописныхъ мѣстоположеній. Свѣжая, веселая зелень услаждаетъ зрѣніе. Кое-гдѣ разсыпанныя села въ горахъ украшаютъ картину. Приставая къ берегу, мы подверглись опасности: рулевая цѣпь порвалась... Въ Самарѣ, мы взобрались на берегъ. Дорога въ городъ шла по прекрасному городскому саду, разведенному попеченіемъ губернатора К. К.

Грота. Въ воздухѣ разлито было благоуханіе отъ цвѣтущихъ деревьевъ. Соловьи заливались трелями".

Въ полиціи, Погодинъ встрѣтился съ полицейместеромъ Тверитиновымъ. „Севастопольскій морякъ, — пишетъ Погодинъ, — одинъ изъ дорогихъ нашихъ гостей въ 1856 году. Вотъ куда попали, вотъ какъ размѣстились знаменитые Черноморскіе герои! Онъ тотчасъ пригласилъ насъ къ себѣ на квартиру, пить чай".

По замѣчанію Погодина, „городъ отстраивается прекрасно".

Ночью должны были наши путешественники проѣзжать мимо Сызрани, гдѣ по близости жилъ — писалъ Погодинъ — „нашъ заслуженный литераторъ М. А. Дмитріевъ, въ родовомъ своемъ имѣніи, родинѣ Ивана Ивановича. Съ какою бы радостію онъ увидѣлъ меня и показалъ свое примѣчательное, историческое село. Жаль, что нельзя было остановиться. Написалъ къ нему письмо, приложилъ кучу брошюрокъ и отправилъ съ путешественниками, высадившимися на берегъ. Это было 4 мая, а онъ получилъ мою посылку только 2-го октября".

Получивъ письмо Погодина, М. А. Дмитріевъ, 4 ноября 1860 года, изъ своего Богородскаго, отвѣчалъ ему: „Зналъ я, что вы куда-то отправились далеко; но извѣстія были разныя. Иные писали, что вы поѣхали на Кавказъ; другіе, что вы переселяетесь совсѣмъ въ Сибирь: что̀ меня крайне изумляло! Наконецъ, нынѣшнимъ лѣтомъ узналъ я отъ доктора Водова, получившаго, кажется, письмо отъ супруги вашей, что вы на Кавказѣ. Но, вы скажете, что̀ ко мнѣ писали. Такъ! Вы писали ко мнѣ съ парохода и послали нѣсколько брошюрокъ, отъ 4 мая; а я получилъ вашъ пакетъ, за чужою печатью, и за нумеромъ 215-мъ, 1-го числа октября. Онъ шелъ пять мѣсяцевъ: гдѣ онъ былъ, не знаю. Изъ письма вашего я узналъ, что вы плывете въ Астрахань, и оттуда поѣдете въ Тифлисъ; но тамъ ли вы еще, или возвратились? Это ставило меня въ неизвѣстность, куда къ вамъ писать; а въ Тифлисъ было уже поздно. Теперь очень радъ, что знаю куда. А знаете ли вы, какъ меня обрадовало ваше

письмо, отъ 4-го мая? Я васъ всегда очень любилъ; а въ письмѣ вашемъ было много теплоты, которая меня тронула. Но въ то же время было невообразимо грустно: въ 27-ми верстахъ отъ меня, а я и не зналъ! Что, еслибъ въ самомъ дѣлѣ вы когда-нибудь, вдругъ, залетѣли ко мнѣ въ деревню? Это былъ бы мнѣ такой праздникъ, какого, въ двѣнадцать лѣтъ моей здѣшней жизни, у меня не было"!

LXIII.

5 мая 1860 года, пароходъ остановился передъ Саратовымъ. „Городъ—писалъ Погодинъ—имѣетъ прекрасный видъ съ Волги, разстилаясь по уступамъ горы".

Имѣя много времени въ распоряженіи, Погодинъ рѣшилъ осмотрѣть городъ. Онъ объѣхалъ его: посѣтилъ соборъ, садъ, ряды, главныя улицы. Ни губернатора, ни Игнатьева, съ которымъ Погодинъ имѣлъ, въ 1855 г., сношеніе по раскольническому вопросу *), ни князя Владиміра Алексѣевича Щербатова, сына Московскаго градоначальника, отъ котораго Погодинъ „имѣлъ удовольствіе получать много знаковъ доброй пріязни", къ сожалѣнію, не засталъ онъ дома. Чай онъ пилъ „у почтеннаго старца генерала, который, послѣ пятидесятилѣтней службы, поселился здѣсь на покой", и заѣхать къ которому убѣдила Погодина спутница, его сестра К... „Почтенный закатъ",—замѣтилъ Погодинъ.

„Великолѣпный" ужинъ задалъ въ честь Погодина... г. Познякъ, товарищъ по службѣ Самарина... Познякъ пригласилъ къ себѣ, для знакомства съ Погодинымъ, Саратовскую ученую братію: директора Гимназіи, редактора *Вѣдомостей* Мордовцева, который, въ послѣднее время,—замѣчаетъ Погодинъ,—„сдѣлался извѣстенъ многими любопытными статьями и разсказами о здѣшнемъ краѣ". Мордовцевъ сообщилъ Погодину „много важныхъ свѣдѣній по Исторіи Пугачевскаго

*) См. *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* Спб. 1899, кн. XIII, 24—25.

бунта, касательно отношеній Державина къ здѣшнему коменданту Бошняку. Послѣ Пушкина, чуть ли не въ половину болѣе уяснилось это дѣло, хотя все-таки первоначальный его источникъ еще таится подъ землею. Преданіе о Стенькѣ Разинѣ до сихъ поръ еще живо въ народѣ. Жаль, что некому было показать мнѣ дома, гдѣ родился Шевыревъ".

Далеко за полночь, „угощенный, осыпанный ласками", воротился Погодинъ ночевать на пароходъ.

„Изъ Саратова, — пишетъ Погодинъ, — мы получили нѣсколько новыхъ путешественниковъ, которые освѣжили наши разговоры. Много подробностей о Саратовскихъ помѣщикахъ".

На другой день, 6 мая, Погодинъ приплылъ къ Камышину. Поднялся на крутую гору, и искалъ какого-нибудь гостепріимнаго судью или городничаго, но не нашелъ.

„Городъ—пишетъ Погодинъ—пустехонекъ На берегу сидятъ торговцы съ стерледями. Купили пару огромныхъ, по 10 к. за фунтъ, и устроили отличный ужинъ, человѣкъ на пятнадцать. Шампанское. Портеръ. Пожелали всякихъ успѣховъ другъ другу"...

По утру, 7-го мая, пароходъ присталъ къ Царицыну, верстахъ въ двухъ отъ города. Погодинъ, подъ сильнымъ дождемъ, сходилъ на берегъ, смотрѣть строющуюся дорогу.

Проѣхали мимо Сарепты, коей однакоже не видать съ Волги. „Давно хотѣлось мнѣ,—пишетъ Погодинъ,—развѣдать обстоятельнѣе о причинахъ ея благосостоянія. Чуть ли не главною должно поставить освобожденіе отъ рекрутской повинности и избавленіе отъ земской полиціи, которая сюда не смѣетъ забрести; даровой надѣлъ отличною землею и въ большомъ количествѣ, многолѣтнее (избавленіе) и отъ прочихъ повинностей. Немудрено процвѣсти. А нашъ несчастный мужичекъ плати оброкъ крупной или умирай на барщинѣ, неси послѣднее исправнику, писарю, ставь подводы — ну, немудрено, что съ горя онъ начинаетъ нерадѣть о своемъ благосостояніи, предается праздности, привыкаетъ къ вину... Вы устройте его судьбу, попекитесь объ ней, да и спрашивайте

потомъ съ него... Признаюсь, никогда не могъ читать безъ досады панегириковъ Нѣмецкимъ колоніямъ. Пріязни къ Русскимъ колонисты большею частію не показываютъ... Любопытно было бы изслѣдовать этотъ предметъ безпристрастно. До сихъ поръ мы зовемъ къ себѣ колонистовъ, а надѣлить порядочно землею собственныхъ своихъ крестьянъ затрудняемся, и всякую пол-десятину надо вырывать изъ горла. Колоніи живутъ хорошо, но предоставьте ихъ управленіе Русскимъ, а потомъ и взыскивайте, если они будутъ жить худо".

Высказавъ свой взглядъ о колонистахъ, Погодинъ обращается къ Волгѣ и пишетъ: „Волга,—что это за рѣка, что это за сокровище, что это за богатство, великолѣпіе! Симбирская, Саратовская, Астраханская, Самарская губерніи по берегамъ ея, съ тысячами верстъ чернозему и пшеницы самъсорокъ...

...Волга поилица и кормилица
Внизъ по матушки по Волгѣ
По широкому раздолью

„Эти пѣсни... я не слыхалъ ни одной, по крайней мѣрѣ, мнѣ не посчастливилось. Значитъ, у народа невесело на сердцѣ. Да отъ чего же? Видѣли по мѣстамъ бичевую, которую тянетъ... и воображалъ сколько горя здѣсь принято, сколько труда положено, сколько пота пролито.

Тамъ, на Волгѣ—чей стонъ раздается
Надъ великою Русскою рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣснью зовется
Бурлаки то идутъ бичевой.
Волга! Волга! Волной многоводной
Ты не такъ поливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля".

Вспомнивъ эти стихи Некрасова, Погодинъ замѣтилъ: „Некрасовъ этими стихами выкупилъ много грѣховъ".

Плывя въ Астрахань, Погодинъ погрузился въ размышле-

нія. „Столъ на пароходѣ—писалъ онъ—хорошъ и цѣны умѣренныя. Но не примѣнено ни малѣйшаго западнаго расположенія и умѣнья возбудить, такъ сказать, аппетитъ, оразнообразить кушанья, воспользоваться благопріятными обстоятельствами. Одни общія мѣста, то-есть, щи, котлеты, жареныя куры и какое-нибудь хлѣбчаное. Даже рыба подается рѣдко, и то вслѣдствіе особаго требованія. Часто и не получишь свѣжей. Вообще примѣтно, что рыба какъ будто презирается, между тѣмъ, какъ для путешественниковъ изъ внутреннихъ губерній, она составила бы лакомый кусокъ. Уже послѣ Камышина стерляди стали попадать къ намъ на столъ, а икра зернистая явилась въ обиліи въ Астрахани. Не можетъ же быть, чтобы на протяженіи двухъ тысячь верстъ не было мѣстностей, богатыхъ тѣми или другими припасами. Непремѣнно на какомъ-нибудь пунктѣ можно достать отличную дичь, на другомъ—раковъ, на третьемъ—тотъ или другой родъ рыбы, ягодъ. Напримѣръ, стерляди—въ Василь-Сурскѣ. Промышленники должны ожидать тамъ пароходъ, и выносить тотчасъ свои богатства. Если куда пароходъ не пристаетъ, они должны подплывать на лодкахъ, и передавать по условленной заранѣе цѣнѣ, безъ нелѣпыхъ запросовъ и низкихъ обмановъ, отъ которыхъ должно постепенно отучать нашу торговлю.“ Да гдѣ, да какъ? Разумѣется, нельзя, не приводя въ движеніе мозга, не потрудясь, не потерпѣвъ иногда и неудачи. Останавливайтесь вездѣ по дорогѣ, поживите по нѣскольку времени во всякомъ мѣстѣ, разспросите, отыщите людей, растолкуйте имъ, что̀ нужно, и какъ должно быть исполнено, условьтесь, объявите, предупредите... Подъ лежачій камень и вода не течетъ. Прежнихъ мѣръ стало недостаточно ни въ какой сферѣ дѣйствій.

„Сѣдоки третьяго и четвертаго классовъ не имѣютъ стола: третьи отдуваются по большей частью чаемъ, а послѣдніе размачиваютъ себѣ сухари или жуютъ что нибудь всухомятку. Удивительно, какъ малымъ можетъ быть доволенъ Русскій человѣкъ. Комфортъ — вещь для него и невообразимая.

Спать онъ готовъ на голой доскѣ, и спитъ такъ до 14 класса включительно"...

Войдя въ разговоръ съ маркитантомъ, Погодинъ сказалъ ему: „Зачѣмъ не устроитъ онъ простого обѣда, т.-е., щей и каши, для главнаго населенія парохода, по дешевой цѣнѣ. Пробовалъ,—отвѣчалъ онъ,—но мало находилось охотниковъ. Можетъ быть, такъ было на первый разъ, съ непривычки, но, безъ всякаго сомнѣнія, это дѣло привилось бы впослѣдствіи. Поѣсть хорошихъ щей и масленой каши,—помилуйте, не можетъ быть, чтобъ не явились гости. А ушица то изъ свѣжей рыбы! Надо быть постоянну, настойчиву, и не бояться первой или даже второй неудачи. Теперь о винѣ. Вино на пароходѣ было отличное, какого никогда не найдешь въ столицѣ. Компанія выписала большое количество вина всѣхъ сортовъ изъ-за границы и пустило ихъ по своей цѣнѣ, съ десятью процентами въ пользу маркитанта. Прекрасно, скажете вы! Нѣтъ, не совсѣмъ, отвѣчу я вамъ. Всѣ вина дорогія, и нѣтъ ни одной бутылки дешевле рубля серебромъ. Платить рубль серебромъ за бутылку не всякій можетъ легко, и неимущій осуждается на воду, притомъ очень дурную. Пива на пароходѣ нѣтъ вовсе, кромѣ портера и елю, за которые надо платить также по рублю серебромъ. Ну, вотъ вамъ очевидное, осязательное доказательство нашего безхозяйства; ну, вотъ вамъ одна изъ причинъ, почему нашъ курсъ такъ низокъ, и почему у насъ нѣтъ ни серебра, ни золота. Помилуйте—на Волгѣ вы заставляете пить сотернъ и медокъ; въ странѣ ячменя и солода вы подчуете портеромъ и елемъ, подъ страхомъ смерти отъ жажды, и не хотите давать ни Цымлянскаго, ни Донскаго, которое у васъ здѣсь подъ однимъ бокомъ, ни Кахетинскаго и Крымскаго, которое у васъ подъ другимъ. Ну на что это похоже? Какой сбытъ нашимъ винамъ легче и удобнѣе, какъ не здѣсь, гдѣ дешевле развозить эти вина какъ не на пароходахъ, и надѣлять ими всѣ смежныя губерніи. Я не пропустилъ бы сюда ни одной бутылки иностранныхъ винъ, безъ крайней необходимости. Больше бы

нія. „Столъ на пароходѣ—писалъ онъ—хорошъ и цѣны умѣренныя. Но не примѣнено ни малѣйшаго западнаго расположенія и умѣнья возбудить, такъ сказать, аппетитъ, разнообразить кушанья, воспользоваться благопріятными обстоятельствами. Одни общія мѣста, то-есть, щи, котлеты, жареныя куры и какое-нибудь хлѣбчаное. Даже рыба подается рѣдко, и то вслѣдствіе особаго требованія. Часто и не получишь свѣжей. Вообще примѣтно, что рыба какъ будто презирается, между тѣмъ, какъ для путешественниковъ изъ внутреннихъ губерній, она составила бы лакомый кусокъ. Уже послѣ Камышина стерляди стали попадать къ намъ на столъ, а икра зернистая явилась въ обиліи въ Астрахани. Не можетъ же быть, чтобы на протяженіи двухъ тысячь верстъ не было мѣстностей, богатыхъ тѣми или другими припасами. Непремѣнно на какомъ-нибудь пунктѣ можно достать отличную дичь, на другомъ—раковъ, на третьемъ—тотъ или другой родъ рыбы, ягодъ. Напримѣръ, стерляди—въ Василь-Сурскѣ. Промышленники должны ожидать тамъ пароходъ, и выносить тотчасъ свои богатства. Если куда пароходъ не пристаетъ, они должны подплывать на лодкахъ, и передавать по условленной заранѣе цѣнѣ, безъ нелѣпыхъ запросовъ и низкихъ обмановъ, отъ которыхъ должно постепенно отучать нашу торговлю." Да гдѣ, да какъ? Разумѣется, нельзя, не приводя въ движеніе мозга, не потрудясь, не потерпѣвъ иногда и неудачи. Останавливайтесь вездѣ по дорогѣ, поживите по нѣскольку времени во всякомъ мѣстѣ, разспросите, отыщите людей, растолкуйте имъ, что̀ нужно, и какъ должно быть исполнено, условьтесь, объявите, предупредите... Подъ лежачій камень и вода не течетъ. Прежнихъ мѣръ стало недостаточно ни въ какой сферѣ дѣйствій.

„Сѣдоки третьяго и четвертаго классовъ не имѣютъ стола: третьи отдуваются по большей частью чаемъ, а послѣдніе размачиваютъ себѣ сухари или жуютъ что нибудь всухомятку. Удивительно, какъ малымъ можетъ быть доволенъ Русскій человѣкъ. Комфортъ — вещь для него и невообразимая.

Спать онъ готовъ на голой доскѣ, и спитъ такъ до 14 класса включительно"...

Войдя въ разговоръ съ маркитантомъ, Погодинъ сказалъ ему: „Зачѣмъ не устроитъ онъ простого обѣда, т.-е., щей и каши, для главнаго населенія парохода, по дешевой цѣнѣ. Пробовалъ,—отвѣчалъ онъ,—но мало находилось охотниковъ. Можетъ быть, такъ было на первый разъ, съ непривычки, но, безъ всякаго сомнѣнія, это дѣло привилось бы впослѣдствіи. Поѣсть хорошихъ щей и масленой каши,—помилуйте, не можетъ быть, чтобъ не явились гости. А ушица то изъ свѣжей рыбы! Надо быть постоянну, настойчиву, и не бояться первой или даже второй неудачи. Теперь о винѣ. Вино на пароходѣ было отличное, какого никогда не найдешь въ столицѣ. Компанія выписала большое количество вина всѣхъ сортовъ изъ-за границы и пустило ихъ по своей цѣнѣ, съ десятью процентами въ пользу маркитанта. Прекрасно, скажете вы! Нѣтъ, не совсѣмъ, отвѣчу я вамъ. Всѣ вина дорогія, и нѣтъ ни одной бутылки дешевле рубля серебромъ. Платить рубль серебромъ за бутылку не всякій можетъ легко, и неимущій осуждается на воду, притомъ очень дурную. Пива на пароходѣ нѣтъ вовсе, кромѣ портера и елю, за которые надо платить также по рублю серебромъ. Ну, вотъ вамъ очевидное, осязательное доказательство нашего безхозяйства; ну, вотъ вамъ одна изъ причинъ, почему нашъ курсъ такъ низокъ, и почему у насъ нѣтъ ни серебра, ни золота. Помилуйте—на Волгѣ вы заставляете пить сотернъ и медокъ; въ странѣ ячменя и солода вы подчуете портеромъ и елемъ, подъ страхомъ смерти отъ жажды, и не хотите давать ни Цымлянскаго, ни Донскаго, которое у васъ здѣсь подъ однимъ бокомъ, ни Кахетинскаго и Крымскаго, которое у васъ подъ другимъ. Ну на что это похоже? Какой сбытъ нашимъ винамъ легче и удобнѣе, какъ не здѣсь, гдѣ дешевле развозить эти вина какъ не на пароходахъ, и надѣлять ими всѣ смежныя губерніи. Я не пропустилъ бы сюда ни одной бутылки иностранныхъ винъ, безъ крайней необходимости. Больше бы

бунта, касательно отношеній Державина къ здѣшнему коменданту Бошняку. Послѣ Пушкина, чуть ли не въ половину болѣе уяснилось это дѣло, хотя все-таки первоначальный его источникъ еще таится подъ землею. Преданіе о Стенькѣ Разинѣ до сихъ поръ еще живо въ народѣ. Жаль, что некому было показать мнѣ дòма, гдѣ родился Шевыревъ".

Далеко за полночь, „угощенный, осыпанный ласками", воротился Погодинъ ночевать на пароходъ.

„Изъ Саратова, — пишетъ Погодинъ, — мы получили нѣсколько новыхъ путешественниковъ, которые освѣжили наши разговоры. Много подробностей о Саратовскихъ помѣщикахъ".

На другой день, 6 мая, Погодинъ приплылъ къ Камышину. Поднялся на крутую гору, и искалъ какого-нибудь гостепріимнаго судью или городничаго, но не нашелъ.

„Городъ—пишетъ Погодинъ—пустехонекъ На берегу сидятъ торговцы съ стерледями. Купили пару огромныхъ, по 10 к. за фунтъ, и устроили отличный ужинъ, человѣкъ на пятнадцать. Шампанское. Портеръ. Пожелали всякихъ успѣховъ другъ другу"...

По утру, 7-го́ мая, пароходъ присталъ къ Царицыну, верстахъ въ двухъ отъ города. Погодинъ, подъ сильнымъ дождемъ, сходилъ на берегъ, смотрѣть строющуюся дорогу.

Проѣхали мимо Сарепты, коей однакоже не видать съ Волги. „Давно хотѣлось мнѣ,—пишетъ Погодинъ,—развѣдать обстоятельнѣе о причинахъ ея благосостоянія. Чуть ли не главною должно поставить освобожденіе отъ рекрутской повинности и избавленіе отъ земской полиціи, которая сюда не смѣетъ забрести; даровой надѣлъ отличною землею и въ большомъ количествѣ, многолѣтнее (избавленіе) и отъ прочихъ повинностей. Немудрено процвѣсти. А нашъ несчастный мужичекъ плати оброкъ крупной или умирай на барщинѣ, неси послѣднее исправнику, писарю, ставь подводы — ну, немудрено, что съ горя онъ начинаетъ нерадѣть о своемъ благосостояніи, предается праздности, привыкаетъ къ вину... Вы устройте его судьбу, попекитесь объ ней, да и спрашивайте

потомъ съ него... Признаюсь, никогда не могъ читать безъ досады панегириковъ Нѣмецкимъ колоніямъ. Пріязни къ Русскимъ колонисты большею частію не показываютъ... Любопытно было бы изслѣдовать этотъ предметъ безпристрастно. До сихъ поръ мы зовемъ къ себѣ колонистовъ, а надѣлить порядочно землею собственныхъ своихъ крестьянъ затрудняемся, и всякую пол-десятину надо вырывать изъ горла. Колоніи живутъ хорошо, но предоставьте ихъ управленіе Русскимъ, а потомъ и взыскивайте, если они будутъ жить худо".

Высказавъ свой взглядъ о колонистахъ, Погодинъ обращается къ Волгѣ и пишетъ: „Волга,—что это за рѣка, что это за сокровище, что это за богатство, великолѣпіе! Симбирская, Саратовская, Астраханская, Самарская губерніи по берегамъ ея, съ тысячами верстъ чернозему и пшеницы самъ-сорокъ...

„Волга поилица и кормилица
Внизъ по матушки по Волгѣ
По широкому раздолью

„Эти пѣсни... я не слыхалъ ни одной, по крайней мѣрѣ, мнѣ не посчастливилось. Значитъ, у народа невесело на сердцѣ. Да отъ чего же? Видѣли по мѣстамъ бичевую, которую тянетъ... и воображалъ сколько горя здѣсь принято, сколько труда положено, сколько пота пролито.

Тамъ, на Волгѣ—чей стонъ раздается
Надъ великою Русскою рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣснью зовется
Бурлаки то идутъ бичевой.
Волга! Волга! Волной многоводной
Ты не такъ поливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля".

Вспомнивъ эти стихи Некрасова, Погодинъ замѣтилъ: „Некрасовъ этими стихами выкупилъ много грѣховъ".

Плывя въ Астрахань, Погодинъ погрузился въ размышле-

нія. „Столъ на пароходѣ—писалъ онъ—хорошъ и цѣны умѣренныя. Но не примѣнено ни малѣйшаго западнаго расположенія и умѣнья возбудить, такъ сказать, аппетитъ, оразнообразить купанья, воспользоваться благопріятными обстоятельствами. Одни общія мѣста, то-есть, щи, котлеты, жареныя куры и какое-нибудь хлѣбчаное. Даже рыба подается рѣдко, и то вслѣдствіе особаго требованія. Часто и не получишь свѣжей. Вообще примѣтно, что рыба какъ будто презирается, между тѣмъ, какъ для путешественниковъ изъ внутреннихъ губерній, она составила бы лакомый кусокъ. Уже послѣ Камышина стерляди стали попадать къ намъ на столъ, а икра зернистая явилась въ обиліи въ Астрахани. Не можетъ же быть, чтобы на протяженіи двухъ тысячь верстъ не было мѣстностей, богатыхъ тѣми или другими припасами. Непремѣнно на какомъ-нибудь пунктѣ можно достать отличную дичь, на другомъ—раковъ, на третьемъ—тотъ или другой родъ рыбы, ягодъ. Напримѣръ, стерляди—въ Василь-Сурскѣ. Промышленники должны ожидать тамъ пароходъ, и выносить тотчасъ свои богатства. Если куда пароходъ не пристаетъ, они должны подплывать на лодкахъ, и передавать по условленной заранѣе цѣнѣ, безъ нелѣпыхъ запросовъ и низкихъ обмановъ, отъ которыхъ должно постепенно отучать нашу торговлю.“ Да гдѣ, да какъ? Разумѣется, нельзя, не приводя въ движеніе мозга, не потрудясь, не потерпѣвъ иногда и неудачи. Останавливайтесь вездѣ по дорогѣ, поживите по нѣскольку времени во всякомъ мѣстѣ, разспросите, отыщите людей, растолкуйте имъ, что̀ нужно, и какъ должно быть исполнено, условьтесь, объявите, предупредите... Подъ лежачій камень и вода не течетъ. Прежнихъ мѣръ стало недостаточно ни въ какой сферѣ дѣйствій.

„Сѣдоки третьяго и четвертаго классовъ не имѣютъ стола: третьи отдуваются по большей частью чаемъ, а послѣдніе размачиваютъ себѣ сухари или жуютъ что нибудь всухомятку. Удивительно, какъ малымъ можетъ быть доволенъ Русскій человѣкъ. Комфортъ — вещь для него и невообразимая.

Спать онъ готовъ на голой доскѣ, и спитъ такъ до 14 класса включительно"...

Войдя въ разговоръ съ маркитантомъ, Погодинъ сказалъ ему: „Зачѣмъ не устроитъ онъ простого обѣда, т.-е., щей и каши, для главнаго населенія парохода, по дешевой цѣнѣ. Пробовалъ,—отвѣчалъ онъ,—но мало находилось охотниковъ. Можетъ быть, такъ было на первый разъ, съ непривычки, но, безъ всякаго сомнѣнія, это дѣло привилось бы впослѣдствіи. Поѣсть хорошихъ щей и масленой каши,—помилуйте, не можетъ быть, чтобъ не явились гости. А ушица то изъ свѣжей рыбы! Надо быть постоянну, настойчиву, и не бояться первой или даже второй неудачи. Теперь о винѣ. Вино на пароходѣ было отличное, какого никогда не найдешь въ столицѣ. Компанія выписала большое количество вина всѣхъ сортовъ изъ-за границы и пустило ихъ по своей цѣнѣ, съ десятью процентами въ пользу маркитанта. Прекрасно, скажете вы! Нѣтъ, не совсѣмъ, отвѣчу я вамъ. Всѣ вина дорогія, и нѣтъ ни одной бутылки дешевле рубля серебромъ. Платить рубль серебромъ за бутылку не всякій можетъ легко, и неимущій осуждается на воду, притомъ очень дурную. Пива на пароходѣ нѣтъ вовсе, кромѣ портера и елю, за которые надо платить также по рублю серебромъ. Ну, вотъ вамъ очевидное, осязательное доказательство нашего безхозяйства; ну, вотъ вамъ одна изъ причинъ, почему нашъ курсъ такъ низокъ, и почему у насъ нѣтъ ни серебра, ни золота. Помилуйте—на Волгѣ вы заставляете пить сотернъ и медокъ; въ странѣ ячменя и солода вы подчуете портеромъ и елемъ, подъ страхомъ смерти отъ жажды, и не хотите давать ни Цымлянскаго, ни Донскаго, которое у васъ здѣсь подъ однимъ бокомъ, ни Кахетинскаго и Крымскаго, которое у васъ подъ другимъ. Ну на что это похоже? Какой сбытъ нашимъ винамъ легче и удобнѣе, какъ не здѣсь, гдѣ дешевле развозить эти вина какъ не на пароходахъ, и надѣлять ими всѣ смежныя губерніи. Я не пропустилъ бы сюда ни одной бутылки иностранныхъ винъ, безъ крайней необходимости. Больше бы

расходилось наше вино, умножались бы Крымскіе, Донскіе, Кавказскіе виноградники, получалось бы больше платы за трудъ, развивалась бы промышленность. Наши вина идутъ теперь по однимъ протоптаннымъ дорогамъ, напримѣръ, на Нижегородскую ярмарку, но почему бы не привозить ихъ въ Царицынъ съ Дона и Крыма, въ Баку и Астрахань—изъ-за Кавказа. Нужно общее участіе, стараніе, совѣтованіе. Нужно распространять вездѣ экономическія знанія. Нужно вездѣ образованіе. Кстати, объ образованіи. Почему бъ на пароходѣ не имѣть его чертежа, не имѣть чертежа машины, съ означеніемъ всѣхъ ея членовъ. Много видѣлъ я нашихъ сѣрокъ, останавливающихся въ раздумьѣ передъ вертящимися колесами и раздвигающимися винтами. Ну, вотъ и воспользоваться бы такимъ ихъ раздумьемъ, и объяснить имъ теорію пара и проч...

„Удивительно наше невѣжество: принадлежа къ классу грамотеевъ, выслуживъ профессорскую пенсію, издавая лѣтъ двадцать журналы, слѣдовательно, пребывая въ мірѣ ученомъ, я никакъ не могъ отвѣчать себѣ вотъ на какіе вопросы: есть ли одинъ инженеръ гидравликъ, начальникъ надъ всѣмъ теченіемъ Волги? Есть ли у него помощники, напримѣръ, отъ истока до судоходства, отъ Твери до Рыбинска, до Костромы, до Нижняго и такъ далѣе, которые бы наблюдали рѣку, изучали бъ явленія, принимали мѣры для отстраненія ея неудобствъ, работали надъ нею, устраивали пристани, и сообщали свои опыты публикѣ, свои намѣренія, свои дѣла, свои удачи и неудачи? И никто не могъ отвѣчать мнѣ на эти вопросы опредѣленно и положительно: что-то, какъ-то, въ этомъ родѣ и больше ничего. А слышатся больше всего вотъ какіе разсказы: Такой-то господинъ получилъ столько-то денегъ на такую-то работу, проигралъ ихъ въ карты, а работу сдалъ вотъ какъ. Теперь нельзя и спрашивать новыхъ суммъ. Та же исторія и съ Днѣпромъ, и съ Дономъ, и Западною и Сѣверною Двиною. Да въ несчастную нашу Москву-рѣку сколько насыпано денегъ, а она все хуже. Неужели

уже все-таки непонятно Правительству, что прежняя его метода никуда не годится, и ведетъ насъ къ гибели, на Волгѣ, точно какъ въ Севастополѣ, на Уралѣ и вездѣ. Съ какимъ удовольствіемъ прочелъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 237) о работахъ на верхней Волгѣ, отъ Твери до Ярославской губерніи: расчищены нѣкоторыя каменныя гряды, вынуты многіе камни, проложены новые пути во многихъ опасныхъ мѣстахъ. И вся расчистка верхней Волги стоила съ небольшимъ 20 т. р. с. Слава Богу. Изданъ и атласъ этой части Волги на 60 листахъ. Принялся съ досады читать Стеньку Разина".

LXIV.

Приближеніе къ Астрахани прервало размышленія Погодина.

Наканунѣ Николина дня, 8 мая 1860 года, онъ писалъ: „Волга все шире и шире. Зеленѣющіе берега привлекаютъ зрѣніе. Казацкія станицы, поселенныя съ 1731 года, показываются по берегамъ. Калмыцкія кибитки видны чаще и чаще. Великолѣпное солнце играетъ въ веселыхъ волнахъ. Мимо насъ пронесся пароходъ: а это архіерей и губернаторъ плывутъ на праздникъ къ Николину дню, въ монастырь. Множество судовъ и лодокъ снуютъ взадъ и впередъ. Но вотъ показывается соборный храмъ на высотѣ Кремля съ сіяющими на солнцѣ золотыми главами; по обѣимъ сторонамъ куча зданій въ зелени. Впереди пристань, усыпанная судами. Въ пристани ожидалъ насъ агентъ Закаспійскаго Товарищества П. А. Мартьяновъ. Квартира, экипажъ, столъ, прислуга, все было готово, по распоряженію добраго пріятеля Кокорева.... Мы отправились подъ гостепріимный кровъ—отдохнуть, освѣжиться".

По пріѣздѣ въ Астрахань, Погодинъ написалъ Кокореву письмо, на которое онъ отвѣтилъ только 29 мая 1860 года. „Письмо ваше изъ Астрахани (отъ 10 мая),—писалъ Кокоревъ,—получено вчера. Очень радъ, что путь до Астрахани былъ

хорошъ. Каково-то будетъ до Тифлиса? Я вамъ ничего не пишу, потому что ничего не знаю. Будучи зарытъ все время въ дѣловыхъ бумагахъ, не знаю, что дѣлается въ Литературѣ и на высотахъ. Завтра ѣду въ Москву и оттуда прямо въ Таганрогъ, гдѣ 9 іюня съѣдусь съ Торнау, потомъ въ Царицынъ и оттуда водою въ Нижній и Москву, такъ, чтобы къ 1 іюля быть въ Москвѣ. Въ концѣ августа, пущусь въ другую поѣздку, въ Бессарабію и Подолію, прямо изъ С.-Петербурга.... Желаю всѣмъ вамъ путешествовать весело, а главное не чувствовать тягости отъ зноя“.

Пароходъ изъ Астрахани отправлялся ровно черезъ недѣлю, т.-е., 15 мая, и Погодинъ имѣлъ время, чтобъ познакомиться „съ любопытнымъ городомъ“.

„Астрахань! — восклицаетъ Погодинъ — городъ... Нѣтъ, это не городъ, — это царство Астраханское! Астрахань имѣетъ полное право на такое высокое титло. Что за положеніе! Въ устьѣ рѣки, которая съ дальняго сѣвера течетъ слишкомъ три тысячи верстъ, и соединяется своими притоками съ большею частію внутренней Россіи, западной и восточной; на берегу моря, омывающаго берега Кавказа, Персіи, Туркестана; въ двухъ стахъ съ небольшимъ верстахъ отъ Аральскаго моря съ Сырь-Дарьею и Аму-Дарьею, имѣющими начало при подошвѣ Гималайскихъ горъ! Оренбургъ и Сибирь подъ бокомъ. Рыба, икра, клей, соль — каковы произведенія! Прибавимъ Астраханскій виноградъ, солодковый корень, да и отъ арбузовъ не откажешься! Во ста верстахъ отъ Астрахани начинается черноземъ, со всѣмъ его обиліемъ, и тянутся неизмѣримыя степи — приволье для рогатаго скота, барановъ, овецъ и всякой дичи.

„И вотъ причина, — почему здѣсь, съ незапамятныхъ временъ, процвѣтала торговля. Итиль — Балангіаръ — Сумеркентъ, Астрахань, Козары, Болгары, Аравитяне, Монголы, Татары, Персіяне, Бухарцы, Хивинцы, Индійцы, сходились искони на этомъ рынкѣ, привозя золото и серебро, драгоцѣнные камни и ароматы.

„Жадные Норманы, первые Русскіе витязи, рано проникли сюда попользоваться здѣшними богатствами, которыя однакожь не пошли имъ на ту пору въ прокъ.

„Описаніе Русскихъ купцовъ, съ ихъ обычаями и обрядами, составленное очевидцемъ, Арабскимъ посланникомъ, видѣвшимъ ихъ здѣсь, въ 922 году, есть одно изъ древнѣйшихъ событій нашей Исторіи.

„Столица Золотой Орды была по близости съ прежнею Астраханью, которая находилась въ верстахъ шестидесяти-семидесяти отъ нынѣшней, выше, по Волгѣ.

„Послѣ паденія Орды, здѣсь властовали особые ханы, единоплеменные съ Ногайскими князьями.

„Когда покорена была Казань, Астрахань не могла удержаться, и въ 1554 году, іюля 2, пропѣто было здѣсь многолѣтіе царю Ивану Васильевичу, государю всея Руси.

„Осмѣлилось же Правительство Іоанна Грознаго стать здѣсь твердою ногою, въ такомъ отдаленіи отъ Москвы! Іоаннъ въ Астрахани, а еще прежде Георгій Всеволодовичъ, строющій крѣпость (Нижній) на сліяніи Оки и Волги, среди враждебныхъ племенъ, представляютъ намъ примѣръ политической отваги, которому мало находится подражанія въ наше время. Не говорю уже о Петрѣ съ Петербургомъ 1703 года"!

Въ Астрахани, Лейбницъ совѣтовалъ учредить университетъ, „и дѣйствительно,—замѣчаетъ Погодинъ,—университетъ здѣсь можетъ принести великую пользу для распространенія образованія по всѣмъ берегамъ Каспійскаго моря".

Астрахань возбудила въ Погодинѣ множество вопросовъ. Онъ спрашиваетъ: „Какой же успѣхъ оказала Астрахань въ продолженіе послѣднихъ полутораста лѣтъ? Сравните ея положеніе настоящее съ положеніемъ хоть при Козарахъ въ IX, X вѣкахъ. Что сдѣлали бы Англичане изъ Астрахани въ пять лѣтъ?

„Сколько пароходовъ ходитъ по Каспійскому морю"? *Стыдно сказать*, отвѣчаетъ Погодинъ.

„Въ чемъ же состоятъ причины, если не уничтоженія, то

ослабленія Азіятской торговли, и нѣтъ-ли какихъ средствъ сколько-нибудь возстановить ее. Отчего происходитъ нынѣшнее неудовлетворительное ея положеніе“?

Погодинъ отвѣчаетъ: „Оттого все-таки, что мы зарылись въ бумагахъ, отписываемъ, переписываемъ, записываемъ и уписываемся. Бумажное дѣлопроизводство поглощаетъ всѣ силы, такъ что въ иныхъ городахъ у мѣстнаго начальства едва-ли достанетъ времени, чтобы прогуляться по саду. Когда же плавать по протокамъ, пускаться въ степи, путешествовать по сосѣднимъ странамъ и государствамъ, изучать Естественную Исторію?! Второю причиною можно считать отдаленность отъ столичнаго города. Астрахани неловко ждать рѣшеній по текущимъ дѣламъ изъ-за трехъ тысячъ верстъ, изъ Петербурга. Третья причина—недостатокъ образованія, недостатокъ, которымъ страдаемъ всѣ мы. Открыть источникъ богатствъ, научить имъ пользоваться, возбудить дѣятельность, облегчить сдѣлки— для этого недовольно одного здраваго смысла, которому до сихъ поръ у насъ почти вездѣ приходится дѣлать все, а иногда и въ немъ недостатокъ. Четвертая причина—раздѣленіе управленія: въ Астрахани имѣютъ своихъ независимыхъ начальниковъ и Министерство Военное, и Министерство Морское, и Министерство Государственныхъ Имуществъ, и Министерство Финансовъ, и Министерство Просвѣщенія, и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, и Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Всѣ эти начальники не всегда ладятъ между собою“.

Тутъ же пришла Погодину въ голову мысль: „почему бы въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Астрахань, Крымъ, Оренбургская страна, Баку, Архангельскъ, нѣкоторые Сибирскіе города, не объявить конкурсовъ съ преміями для изысканія средствъ развитія. Въ Астрахани, напримѣръ, предложить вопросы: что̀ должно сдѣлать въ отношеніи къ мореплаванію, къ кораблестроенію, къ устройству Волги, къ торговлѣ съ Персіею, съ Кавказомъ, съ остальной Россіею, къ рыбной ловлѣ, къ солянымъ промысламъ, къ винодѣлію, разведенію

растеній, шелковичныхъ червей, къ управленію Калмыками, къ устройству города".

Въ первый день своего пріѣзда въ Астрахань, Погодинъ „пошатался по Кремлю" и „потѣшался звономъ", въ которомъ, замѣчаетъ онъ, „воля ваша, слышишь что-то родное". При этомъ Погодину вспомнился одинъ ученый нѣмецъ, потомокъ Олеарія, съ которымъ когда-то встрѣтился онъ въ Ульмѣ. Услышавъ рожокъ Нѣмецкаго почтальона, ученый нѣмецъ „растаялъ весь отъ удовольствія, и громко выразилъ свой Нѣмецкій патріотизмъ". Нынѣ, замѣчаетъ Погодинъ, „надъ такими чувствами смѣются, но я уже старикъ".

Въ Гостинномъ Дворѣ и вообще на базарахъ „всего примѣчательнѣе для путешественниковъ, —писалъ Погодинъ, —это игра физіономій и тѣлодвиженій: Татары, Калмыки, Персіяне, Армяне. Терещенко присоединяетъ еще различіе говоровъ: гортаннаго (Калмыцкаго), дыхательнаго (Персидскаго и Турецкаго), охриплаго (Армянскаго). Какъ рѣзко отдѣляется отъ нихъ Русское, бѣлокурое лицо"!

Погодинъ посѣтилъ Астраханскаго архіепископа Аѳанасія, котораго онъ „имѣлъ честь знать давно". Онъ былъ товарищемъ и другомъ молодости Надеждина. Высокопреосвященный познакомилъ Погодина съ своими „важными изслѣдованіями" касательно Исторіи Христіанства, въ продолженіе первыхъ трехъ столѣтій, и преимущественно сочиненій Климента Александрійскаго.

На вопросъ Погодина: „Почему не издаются эти изслѣдованія", отвѣта не послѣдовало.

LXV.

Въ Астрахани Погодина занимали кочующіе около этого города Калмыки, прямые потомки „тяжелыхъ и нѣкогда грозныхъ для Россіи Монголовъ".

Здѣшнему губернатору Б. В. Струве, сыну знаменитаго нашего астронома, академика Струве, „угодно было" пригла-

сить Погодина обѣдать на Черепахѣ. Такъ называется одно изъ подгородныхъ селеній, съ примѣчательными садами и виноградниками, гдѣ Астраханцы любятъ гулять и любоваться зеленью, здѣсь очень рѣдкою.

Изъ города многочисленнымъ обществомъ они отправились по разнымъ протокамъ и каналамъ въ большой лодкѣ. Гребцами служили имъ Калмыки, человѣкъ двадцать, „молодецъ къ молодцу, въ красныхъ купеческихъ рубашкахъ, въ круглыхъ матросскихъ шляпахъ. Коренастые, широкоплечіе, они взмахивали разъ въ разъ веслами и гребли изо всѣхъ силъ. Лодка ихъ мчалась „не тише иного парохода“.

„Вотъ они, — писалъ Погодинъ, — внуки Чингисхановъ, Батыевъ и Узбековъ, которые приводили въ такой трепетъ несчастную старую Русь! Кто въ этихъ покорныхъ гребцахъ узнàетъ грозныхъ завоевателей Азіи, господъ древней Россіи? Какъ они стали тихи, смирны, послушны! Долго съ вниманіемъ я разсматривалъ ихъ физіономію и переносился воображеніемъ въ далекую старину. Но мнѣ готовился еще неожиданнѣе сюрпризъ въ этомъ родѣ.

„Здѣшніе Калмыки находятся въ вѣденіи Палаты Государственныхъ Имуществъ, а предсѣдателемъ ея оказался генералъ-маіоръ В. Н. Струковъ, старинный мой воспитанникъ, студентъ Московскаго Университета. Признаюсь — я затруднялся съ нимъ встрѣтиться, потому что чувствовалъ себя передъ нимъ нѣсколько виновнымъ, и вотъ по какой причинѣ. Онъ занимался очень хорошо и кончилъ курсъ у насъ около 1839 года. Это былъ отличный курсъ, которымъ я величался передъ попечителемъ Д. П. Голохвастовымъ, предлагая студентамъ говорить о состояніи Европы въ любомъ, по его назначенію, годѣ изъ трехъ послѣднихъ столѣтій (предметъ, который я тогда преподавалъ въ Университетѣ). У насъ вышло кандидатовъ десять. Назаровъ, нынѣ предсѣдатель Коммерческаго Суда въ Москвѣ; Роговичъ, оберъ-прокуроръ (нынѣ сенаторъ); Калугинъ, начальникъ Отдѣленія въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ; Пересудовъ, бывшій оберъ-секретарь;

Протопоповъ, предсѣдатель Самарской Палаты (нынѣ директоръ Департамента въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ); Барышевъ, директоръ Коммерческаго Училища въ Москвѣ, переводчикъ Робертсона *Исторія Карла V* и проч. Струковъ былъ всѣхъ ихъ моложе, а моложавъ до-нельзя. Мнѣ хотѣлось, чтобы онъ позрѣлъ, и остался еще на годъ въ Университетѣ, занявшись попристальнѣе; я поставилъ ему въ атестаціи единицею меньше, а для кандидатства ему единицы именно и не доставало. Юноша огорчился и оставилъ Университетъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, — моя цѣль была не достигнута и я сожалѣлъ послѣ, что, хоть и съ добрымъ намѣреніемъ, лишилъ его кандидатской степени. Любезный студентъ—генералъ отыскалъ меня и бросился ко мнѣ съ распростертыми объятіями. Зла онъ не помнилъ, а помнилъ только добро. Мы провели съ нимъ нѣсколько пріятныхъ минутъ въ воспоминаніяхъ объ Университетѣ, о его землякахъ и товарищахъ, которые всѣ, изъ Саратова, перебывали на моихъ рукахъ, переданные мнѣ Шевыревымъ, также саратовцемъ, по случаю отъѣзда его въ Италію, а именно: Струковы, Шевыревы, Прибылевскіе, Хордины, а впослѣдствіи Дубасовы.

„На другой или на третій день, В. Н. Струковъ предложилъ мнѣ взглянуть на Калмыцкій базаръ, училище и молельню, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Астрахани. Мы поплыли туда по Волгѣ въ пріятномъ обществѣ. На берегу встрѣтили насъ старшины въ шелковыхъ халатахъ и такихъ же поддѣвкахъ. Поодаль стояли длинною шерингою молодые Калмычата, съ выдавшимися скулами, съ прямыми глазами, курносые, въ полотняныхъ форменныхъ сюртучкахъ, застегнутыхъ на всѣ пуговицы. Послѣ перваго привѣтствія, они запѣли—какъ бы вы думали что? *Боже царя храни!* и пропѣли весь гимнъ очень отчетливо. Можете вообразить мое изумленіе! О Русь, подумалъ я послѣ перваго впечатлѣнія, что за жерновъ есть у тебя, которымъ перемалывается въ мелкій порошокъ все, что ни попадется на твою мель-

ницу! И опять я вспомнилъ о Батыѣ, Узбекѣ, Мамаѣ, къ которымъ сюда, на берегъ этой Волги, являлись съ поклонами и Ярославъ, и Александръ Невскій, и Иванъ Калита. И вотъ, внучата Батыевы, Узбековы и Мамаевы, поютъ, руки по швамъ, *Боже царя храни!*

„Попечитель показалъ мнѣ прописи дѣтскія на Русскомъ и Калмыцкомъ языкахъ, карты географическія, которыя чертили Калмычата и на которыхъ подписали свои имена. Просто я диву дался, выпросилъ ихъ у любезнаго генерала, чтобы препроводить въ Петербургскую Публичную Библіотеку.

„Въ Калмыцкомъ училищѣ воспоминается съ благодарностію имя генерала Тагайчикова.

„Молельня расположена въ низенькомъ домикѣ о двухъ комнатахъ. Въ задней, на какой-то этажеркѣ, стояли и висѣли разныя изображенія божествъ, мужскаго и женскаго рода. Священно-служители сидѣли на полу, поджавши ноги, въ два ряда, другъ противъ друга. Первое мѣсто занималъ главный священникъ, который пѣлъ и читалъ нараспѣвъ разныя молитвы, то кланяясь, то махая руками, то звоня колокольчиками. Сослужившіе подхватывали издаваемые имъ звуки и дули немилосердно въ разныя извилистыя трубы. Стукъ, громъ, гамъ, разладица невообразимая. Въ ушахъ трещало, а все намъ чуялось, что это молитва, выраженіе человѣческаго чувства къ Богу, невѣдомому Творцу и Правителю вселенной, котораго ищетъ одинаково и дикарь, и философъ, и что этотъ голосъ доходитъ до той же высоты, какъ и всякій другой. На блѣдномъ, худомъ, безчувственномъ какъ будто лицѣ главнаго священника все-таки примѣтно было, что это священникъ, а не купецъ, не работникъ.

„Мы зашли въ кибитку священника, очень хорошо убранную коврами и диванами. Были мы и на базарѣ Калмыковъ, заглядывали въ разныя кибитки".

Но Погодинъ отвлекся отъ прогулки на Черепаху. „Трапеза,—пишетъ онъ,—устроена была въ тѣни подъ сѣнью высокихъ деревьевъ. Лукулловскими рыбами, въ диковинку для

насъ Москвичей, отличался въ особенности вкусный обѣдъ. Дружное, согласное общество главныхъ чиновъ управленія, безъ всякой церемоніи съ начальникомъ, представляло для насъ новую пріятную картину. Прогулка по здѣшнимъ аллеямъ, молодымъ и старымъ, цвѣтущимъ свѣжею зеленью, исполненнымъ благоуханія, доставила живое удовольствіе".

Поздно вечеромъ, по сухому пути, Погодинъ воротился домой.

За домашнимъ чаемъ у губернатора, Погодинъ услыхалъ много любопытныхъ свѣдѣній о жизни разныхъ примѣчательныхъ лицъ въ Сибири, гдѣ Б. В. Струве служилъ долго. Другую прогулку Погодинъ совершилъ въ здѣшній вокзалъ, „впрочемъ—писалъ онъ,—по длинной и непріятной дорогѣ, съ разными поворотами по кривымъ переулкамъ. Неужели нельзя устроить покороче. Извозчику надо заплатить туда по крайней мѣрѣ рубль сереб., если не больше; да тамъ истратить столько же! Кто же можетъ гулять здѣсь? Одни только зажиточные люди. И не умѣемъ мы завести хоть линейки, тарантасы, долгушки для отправленія охотниковъ туда и сюда. На всякомъ шагу видишь, какъ мы мало радѣемъ объ удобствѣ и какъ мало способны къ движенію".

По замѣчанію Погодина, „растительностію вообще Астрахань бѣдна, а потому и садъ вокзальный, хотя не очень опрятно содержимый, привлекаетъ многихъ охотниковъ. Попасть туда однако не очень легко. Надо быть введенымъ кѣмъ-нибуль изъ членовъ. Кажется, есть здѣсь дерево, посаженное Петромъ. На костюмы Европейскіе и танцы не хочется и смотрѣть въ Астрахани".

По дорогѣ, Погодинъ заѣзжалъ въ огородъ, „гдѣ одинъ купецъ, вмѣстѣ съ персіяниномъ, началъ разводить марену. Капиталъ положилъ купецъ, труды и знаніе персіянина. Чтобы получить марену, нужно три года. Лучшая марена есть Дербентская, но и здѣсь надѣются имѣть хорошую. Персіянину помогаетъ сынъ, мальчишка лѣтъ тринадцати съ прекрасными глазами. Подлѣ огорода виноградный садъ, принадле-

жащій дьякону; Погодинъ полюбовался порядкомъ, хозяйственностію, опрятностію".

Есть свидѣтельство, пишетъ Погодинъ, что „много мѣстъ въ Астрахани было подъ садами, которые теперь представляютъ пустыри. Въ 1618 году еще появились здѣсь виноградники. Какой-то нѣмецъ, австріецъ, можетъ быть славянинъ, постригшійся послѣ въ монахи православнаго исповѣданія, получилъ нѣсколько лозъ изъ Персіи. Петръ учредилъ садовое правленіе и своими руками посадилъ нѣсколько деревъ на бугрѣ Паробичевомъ. Паробнъ (венгерецъ—вѣроятно венгерскій славянинъ), въ 1752 году, улучшилъ винодѣліе, а послѣ него оно упало и не поднимается до сихъ поръ".

Погодинъ заглянулъ „мимоходомъ" и въ учебныя заведенія. „Гимназія—писалъ онъ—очень стѣснена, и ученикамъ негдѣ прогуляться; Семинарія почти въ развалинахъ. Долго искалъ я ея, хотя она находится подлѣ Кремля, и изъ пяти встрѣчныхъ мнѣ пѣшеходовъ, никто не могъ показать ни ея, ни Гимназіи: такъ видно мало извѣстны онѣ въ народѣ".

Кабинетъ Натуральной Исторіи во время посѣщенія его Погодинымъ, приводился „въ порядокъ выписаннымъ откуда-то сыномъ Германіи, а изъ любезныхъ соотечественниковъ не нашлось видно никого, чтобъ принялъ на себя не слишкомъ благодарную обязанность. Есть предметы интересные; образчики туземныхъ птицъ, насѣкомыхъ, соляныхъ кристалловъ, рыболовныхъ снастей, судовъ, но, кажется, ихъ мало въ сравненіи съ тѣмъ, что могло бы здѣсь быть. Помѣщеніе неудобно по отдаленности. Музей обязанъ своимъ основаніемъ генералу Тимирязеву".

Только Публичная Библіотека произвела на Погодина впечатлѣніе. „Здѣсь, — писалъ онъ, — примѣчается нѣкоторая жизнь, отсутствующая въ прочихъ мѣстахъ. Основаніемъ своимъ она обязана купцу Шайкину, движеніемъ—Бенземану". По замѣчанію Погодина, „въ Библіотекѣ нужно было бы собрать всѣ сочиненія, всѣ статьи, разсѣянныя въ журналахъ, объ Астрахани. Если нѣкоторыхъ нельзя достать печатныхъ, надо

ихъ переписать. Объ Астрахани много напечатано любопытнаго, но все это разсѣяно, и гдѣ же тому быть собрано, какъ не въ здѣшней Библіотекѣ. Гимназистовъ, семинаристовъ надо посылать въ Библіотеку, и пусть они прочитываютъ тамъ это и даютъ отчетъ учителямъ".

Таможня представила Погодину нѣсколько „характеристическихъ явленій, которыя слѣдовало бы", по его мнѣнію, подмѣтить и огласить: Татары, таскающіе на спинѣ страшныя тяжести, представятъ нѣсколько положеній и для живописца.

„Одинъ изъ важнѣйшихъ товаровъ,—писалъ Погодинъ,—это южные плоды, но ихъ не умѣютъ укладывать порядочно въ Персіи и прочихъ ближнихъ странахъ, откуда они привозятся, и потому они лишаются лучшихъ своихъ качествъ, теряютъ цѣну; стоило бы, кажется, купцамъ съѣздить на мѣста ихъ произрастанія и научить продавцевъ, для ихъ собственной выгоды, какъ должно укладыватъ. Куда ни взглянешь, вездѣ примѣчается Азіятская неповоротливость".

Обойдя нѣсколько церквей, Погодинъ засвидѣтельствовалъ, что при „совершеніи обѣденъ, вечеренъ, всенощенъ, богослуженіе совершается вездѣ благочинно и богомольцевъ вездѣ много. На церковное построеніе собирается въ мѣшечекъ, что̀ очень неудобно, потому что лишаетъ возможности имѣть сдачу, когда понадобится".

Погодинъ посѣтилъ также и Армянскій соборъ, который, по его словамъ „отличается здѣсь богатствомъ и великолѣпіемъ". Въ сумеркахъ, не удалось разсмотрѣть ему, какой-то отличной Италіанской картины—кажется, копіи съ Рубенсова *Снятія со Креста*".

Изъ собора Погодинъ былъ приглашенъ въ домъ, принадлежащій одному почетному семейству изъ Армянъ, Будагову. Погодинъ спросилъ его: „Не родственникъ ли ему Лазарь Будаговъ, учившійся нѣкогда въ Московскомъ Университетѣ"?—Это мой родной братъ!—„Разговоръ, слѣдовательно,—писалъ Погодинъ,—оживился вслѣдствіе взаимнаго знакомства. Вышла мать, величавая женщина, въ національномъ Армян-

скомъ костюмѣ, не говорившая ни слова по-Русски. Какъ мелки передъ нею были внучки, наряженныя Французскими куколками, воспитываемыя въ пансіонѣ и отвѣчавшія по-Французски на предложенные вопросы. О, обезьянство, куда ты не проникаешь и сколько зла ты вездѣ причиняешь!“

Любознательность понудила Погодина заглянуть и въ Татарскую мечеть, „Вся улица — замѣчаетъ онъ — заселена Татарами. Дѣти бѣгаютъ взадъ и впередъ. Мы начинали было говорить съ дѣвочками: опрометью бросились онѣ отъ насъ прочь и устанавливались смотрѣть на насъ издали. Нѣсколько Татаръ встрѣтило насъ при входѣ въ мечеть и требовали, чтобъ мы сняли калоши. Хорошо ли вамъ жить? спросилъ я потихоньку одного изъ нихъ.—Хорошо, отвѣчалъ онъ мнѣ плутовски, очень хорошо! Видно татаринъ имѣлъ много опытовъ, что подобные вопросы ни къ чему не ведутъ, а откровенные отвѣты могутъ причинить только вредъ“.

„Жизнь въ Астрахани,—продолжаетъ Погодинъ,—говорятъ, была невообразимо дешева, ибо все, въ самомъ дѣлѣ, въ обиліи: рыба съ икрою, соль, мясо, овощи, плоды, хлѣбъ. Но мы какъ-то умѣли ввести дороговизну и здѣсь. Живые осетры, севрюги, стерлядь, свѣжая икра — являлись всякій день на нашъ столъ и мы услаждались ежедневно, поминая Михаила Семеновича Щепкина и Михаила Константиновича Гульковскаго. Зернистая лучшая икра стоитъ здѣсь тридцать коп. сер. за фунтъ.

„Рыбный промыселъ есть главный въ Астрахани и бываетъ иногда трудно найдти рабочихъ: всѣ бѣгутъ на промыслъ и получаютъ по рублю серебромъ въ день. Куда же дѣваются заработанныя деньги? Большею частію въ кабакъ. А есть ли какое стараніе вразумить несчастныхъ, невѣжественныхъ тружениковъ и показать имъ опасности той дороги, по которой идутъ они, гибель, которая ихъ ожидаетъ? Какія мѣры принять можно для ихъ вразумленія?

„Да кому же до этого дѣло.

„Прогулялись мы по берегу. Гостинницы имѣютъ, надо

признаться, видъ неблагообразный. Пройдти мимо гадко. И что за глупыя имена"!

Въ Астрахани, Погодина посѣтилъ кандидатъ С.-Петербургскаго Университета Лыткинъ, пріѣхавшій сюда для филологическихъ изслѣдованій Калмыцкаго языка. По замѣчанію Погодина, „онъ полюбилъ отъ души это дикое племя, познакомился коротко съ его достоинствами и недостатками, съ его нуждами и желаніями. Бесѣда его доставила мнѣ истинное удовольствіе".

LXVI.

„Въ Астрахани,—писалъ Погодинъ къ князю М. А. Дондукову-Корсакову, — ждали недѣлю отплытія парохода. На Каспійскомъ морѣ также пробыли недѣлю, испытывая качку, страхъ отъ столкновенія съ баржею, которую должны были тащить за собою, наконецъ были напуганы продолжительными туманами. Изъ Баку, по доламъ и горамъ, чрезъ рѣки и потоки, добрались до Тифлиса, нашли своихъ родныхъ какъ нельзя лучше".

Къ сожалѣнію, о путешествіи Погодина по Грузіи мы имѣемъ только отрывочныя свѣдѣнія. Знаемъ, что онъ прибылъ въ Тифлисъ 30 мая 1860 года, и въ *Дорожномъ Дневникѣ* его, подъ этимъ числомъ, отмѣчено: „Непріятно начатое утро. Споръ съ смотрителемъ. Опасенія. Послѣ 16 верстъ, полустанція; благополучно, безъ споровъ. Нечего и безпокоиться. Смотрѣлъ брошенныя сакли.... Полустанція на Курѣ. Прекрасная долина послѣ послѣдней станціи. Вотъ видѣнъ и Тифлисъ, но съ невыгодной стороны. Встрѣтили. Что и говорить! Первое впечатлѣніе. Базаръ. Домà надъ Курою... Ну, слава Богу"!

Во тотъ же день, Д. А. Милютинъ писалъ Погодину: „Съ радостію узнаю о прибытіи вашемъ сюда и горю нетерпѣніемъ увидѣться съ вами. Не удостоите ли пожаловать къ намъ завтра отобѣдать, въ 3 часа, вмѣстѣ съ Альбертомъ

Карловичемъ? *) Если жъ приглашеніе это разстроило бы ваши планы на завтрешній день—то придется отложить до среды, когда я могу располагать своимъ временемъ по отъѣздѣ главнокомандующаго. До пріятнаго свиданія".

„Вы теперь въ Тифлисѣ—писалъ Погодину, изъ Астрахани, Мартьяновъ,—Примите мое поздравленіе съ пріѣздомъ, и благодарность за то, что не отталкивали меня отъ себя въ Астрахани. Когда вы уѣхали, мнѣ было скучно. Видите ли, обыкновенно я съ людьми скучаю и прихожу въ себя, когда остаюсь одинъ,—а тутъ было наоборотъ. Мнѣ Василій Александровичъ Кокоревъ писалъ, что скоро будетъ въ Царицынѣ и вызоветъ меня туда же. Въ первыхъ числахъ іюня увижу его. Да, кстати, надѣюсь въ Баку вы видѣли фабрики и заводы Закаспійскаго Товарищества. Несчастный милліонъ Василія Александровича, я думаю, не возвратится къ нему и наполовину. Что это, очаровалъ что ли его баронъ Торнау? Послѣ васъ я еще имѣлъ свѣдѣнія изъ Персіи, о тамошнемъ ходѣ дѣлъ Товарищества, просто, изъ рукъ вонъ!... Мнѣ кажется, баронъ Торнау идеалистъ, а вѣрнѣе—мечтатель. Онъ, можетъ быть, былъ бы славный писатель въ родѣ Гофмана. Мнѣ кажется, что вся бѣда отъ того, что онъ самъ себѣ не уяснилъ, что̀ у него возится въ головѣ, умъ или мечтательность. Видно подумалъ—умъ, а на дѣлѣ-то другое. Вотъ и вышла исторія. Да къ мечтательности-то въ немъ есть легкомысліе и самоувѣренность француза; барство скороспѣлаго бюрократа съ смѣшной и щепетильной стороны; вмѣсто Нѣмецкой положительности, чьё-то возмутительное упрямство. Все это такъ; — да Василій Александровичъ то за что тутъ терпитъ? А нравственное-то униженіе передъ всѣмъ торгующимъ міромъ какое! Впрочемъ, чтожъ, я заговорился, если васъ интересуетъ это дѣло, то въ Тифлисѣ и Баку оно передъ глазами. Вы замѣтили на пароходѣ, что дана же для чего нибудь намъ жизнь. По моему мнѣнію, цѣль жизни—есть сама

*) Зедергольмомъ. *П. Б.*

жизнь. Другой цѣли нѣтъ. А чѣмъ должна быть эта жизнь, какъ расходоваться, о томъ можно сдѣлать вопросъ своему сердцу, если оно есть. У кого-же нѣтъ сердца, тому со стороны нечего и разсказывать,—не растолкуете, не пойметъ".

За неимѣніемъ другого источника, обратимся опять къ *Дорожному Дневнику* Погодина и будемъ довольствоваться лаконическими его отмѣтками:

Подъ *1 іюня 1860 года*: „Ольшевскій, Чермакъ, Торнау, Бартоломей, Іоссиліанъ. Фонарь съ фотагеномъ".

— *2* — — — : „Кабинетъ намѣстника. Карта. Альбомъ. Портреты. Обѣдъ у Торнау. Ольшевскій у насъ".

— *3* — — — : „Обѣдъ у Милютина. Баня поутру. Къ Фадѣеву и Витте. Бартоломей вечеромъ".

— *4* — — — : „Написалъ письмо къ Кокореву и зашелъ къ Торнау... На Армянскій базаръ. Продавцы зеленью... Витте у насъ. Ералашъ".

— *5* — — — : „Къ обѣднѣ. По улицамъ ожидаютъ процессіи. Зашелъ въ католическую церковь. Балконы, крыши, тротуары усыпаны народомъ. Прекрасная картина. Смирно и тихо, какъ всегда безъ полиціи. Въ Сіонскомъ соборѣ и къ экзарху.... Послѣ обѣда въ Ботаническій садъ. Страшная дорога. Домà лѣпятся. Тифлисъ туземный и Тифлисъ Русскій"...

— *6* — — — : „Осматривалъ съ Іоссиліаномъ примѣчательности. Метехская церковь.... Сіонскій соборъ. Крестъ св. Нины. Небрежность. Кутаисская рукопись VIII—IX в. Переправа черезъ Куру. Дорога садами. Міансаровъ и Ахвердовъ. Грузинскія кушанья и вина. Рѣчь Іоссиліана. Возвращеніе".

— *7* — — — : „Обѣдъ у Фадѣева. Блавацкая. Фадѣевъ о Кавказѣ. Витте. Споръ брата съ сестрою. Обезьяна *). Шарманка. Іоссиліанъ объ Орбеліани **). Вечеромъ Елькин-

---

*) Сію обезьяну привезъ въ Тифлисъ одинъ итальянецъ; она своими комическими выходками обращала вниманіе Тифлиса. *Примѣч. О. А. Томичъ.*

**) Генералъ-адъютантъ князь Григорій Дмитріевичъ, въ то время, былъ Тифлисскимъ генералъ-губернаторомъ. *Примѣч. О. А. Томичъ.*

ская *). Институтъ. Инспекторъ. Директрисса. Дѣвочки. Что читаете? Мало. Послалъ *Норманскій періодъ*... Къ экзарху. О товарищахъ. Его путешествіе. О Семинаріи. Мало мѣстъ казенныхъ. Нужно много священниковъ, а ихъ нѣтъ. Нѣтъ мыслей нигдѣ творческихъ, а все по бумагамъ. Къ Орбеліани. Очень милъ и привѣтливъ"....

— *9* — — — : „Прочелъ записку Фадѣева. Дѣльно. Вечеромъ на гору св. Давида. Грибоѣдовъ. Камень надгробный. Церковь. Колокольня. Попъ напѣвающій. Молебенъ? Нѣтъ свѣчи. МогилаВаксмута. Примиряюсь съ Нѣмцами... Грузины все-таки не любятъ Русскихъ. Надо ихъ вразумить. Поутру къ Бартоломею съ Іоссиліаномъ. Въ церковь Ахчайскую, чтобы посмотрѣть образъ Спасителя. Къ генералу Минквицу, барону Торнау".

— *10* — — — : „Генералъ Минквицъ".

— *11* — — — : „Крещеніе еврея. Тронутъ. Надо бъ совершить это таинство иначе. Деревянный попъ молчалъ, а не служилъ. Чадо Авраамово. Ну вотъ, вы ждали,—и пришелъ. Плакалъ. За воду и свѣчи требовали два рубля, попу три, пѣвцу одинъ, и того шесть. Вотъ почему не находилось крестнаго отца. Вмѣсто облегченія, затрудненіе. Церковь... Разсматривалъ образа — дѣйствительно глубокой древности. Благословляющая рука... По коридорамъ. Что за жизнь. Ни одинъ губернаторъ сюда не проникаетъ. По бумагамъ не значится. Надо помочь людямъ. Церковь Георгія. Думалъ, не зайти ли въ Семинарію. Оскорбится экзархъ и не пошелъ, обозрѣвъ снаружи. Гимназія. Историческій классъ. Сухо и мертво. Но ученики готовы, кажется, учиться. Осмотрѣлъ классы и комнаты спальныя. Училище Св. Нины. Насилу нашелъ, и долго кружилъ... Пришелъ домой раскислый отъ жару и завалился спать. Читалъ Фадѣева—умный человѣкъ... Прогулка въ саду. Мѣсяцъ. Звѣзды сверкали очень ярко. Пріятная прохлада. Бартоломей о XII-мъ вѣкѣ. Кре-

---

*) Классная дама Тифлисскаго Института. *Примѣч. О. А. Томичъ.*

стовые походы съ одной стороны, а съ другой Турки и ослабленіе Персовъ. Потомъ Монголы опустошили все... Ирригація. Вода здѣсь золото... Многія страны запустѣли. Татары и Персіяне мастера"...

— *12* — — — : „Ванкскій соборъ. Богослуженіе. Пѣніе. Народъ. Вѣроятно посвященіе. Безъ сердечнаго участія... По мосту. Зеленщикъ. *Огурси молодая.* Выраженіе ба, ба, ба, и проч. Голосъ его слышался, когда я доплелся до Головинскаго проспекта. Учителя Гимназіи очень порядочные. Прочелъ имъ свои воспоминанія. Вечеромъ къ Бартоломею. Аршасиды и Сассаниды. Ахалцыхскій еврей съ монетами"...

— *13* — — — : „За обѣдомъ Опочининъ *). Предъ обѣдомъ къ нему. Комета. Огненно-сверкающая звѣзда на югѣ".

LXVII.

14 іюня 1860 года. Погодинъ выѣхалъ изъ Тифлиса, въ лѣтнюю резиденцію намѣстника Кавказскаго Боржомъ. О дорогѣ туда имѣются также краткія записи:

Подъ *14 іюня 1860 года:* „Укладывались и собирались. Выѣхали въ 9-ть, вмѣсто 6-ти... Станція Мцхетъ, древняя столица Грузіи. Церковь и крѣпость. На второй станціи задержка. Должны были простоять часовъ пять. Встрѣча съ студентами, ѣдущими въ Москву. Написалъ письма. На третьей станціи опять задержка. Должно ночевать. На силу отправились по утру съ большими хлопотами. Оказалось еще колесо съ лопнувшей шиной. Ѣхать нельзя. Пересѣли въ другой тарантасъ и повезли... Переѣздъ черезъ Куру. Кузнецы запросили пять р. с. Они берутъ что хотятъ. Пригрозилъ смотрителю. Офицеръ съ услугами, видно какой промотавшійся, проживающій у вдовы каптенармуса... Ѣхали безъ задержки до Сурама, а въ Сурамѣ староста совѣтовалъ ночевать, ибо

---

*) Тифлисскій комендантъ генералъ-лейтенантъ Алексѣй Петровичъ. *Примѣч. О. А. Томичъ.*

де опасно ѣхать ночью. Рѣшился остаться, тѣмъ болѣе, что ходили тучи... Грузинская деревня. Безпокойная ночь".

16 — — — : „Выѣхали въ 4-ре часа съ Сурамской станціи. Прекрасныя мѣста. Наконецъ и въ Боржомѣ. Расположились. Отдохновеніе. Разборы"...

По пріѣздѣ въ Боржомъ, Погодинъ писалъ князю М. А. Дондукову-Корсакову: „Привѣтъ изъ Кавказскихъ ущелій добрѣйшему князю Михаилу Александровичу. Какъ вы доѣхали до Новочеркасска? Какъ поживаете? Весело-ль, спокойно-ль? Теперь мы расположились въ Боржомѣ, пьемъ всѣ воды и купаемся. Мѣста удивительныя, воздухъ животворный. Встрѣчу и пріемъ я находилъ и нахожу вездѣ радушные, въ вознагражденіе за вытерпѣнныя непріятности. На обратномъ пути мы будемъ, вѣроятно, въ Новочеркасскѣ: черкните намъ два слова, сколько времени вы тамъ пробудете. Какъ бы намъ было пріятно увидѣться съ вами и засвидѣтельствовать искреннее уваженіе".

Князь Дондуковъ-Корсаковъ, изъ села Глубокаго, 23 сентября 1860 года, писалъ Погодину: „Не отвѣчалъ я, многоуважаемый Михаилъ Петровичъ, на дружескій привѣтъ вашъ изъ Закавказья, потому, что не зналъ куда писать къ вамъ. Письмо ваше не застало уже меня въ Черкаскѣ и было прислано потомъ ко мнѣ въ деревню. Отправляясь послѣ завтра за границу, не хочу оставить родины, не сказавъ хоть нѣсколько словъ Русскому человѣку, а потомъ роднымъ мнѣ по сердцу. Съ удовольствіемъ вспоминая о нашемъ плаваніи по Волгѣ, я благодарю васъ и любезную супругу вашу за ласковыя слова и разсказыванія о странствованіи по морю и по сушѣ послѣ нашей разлуки въ Царицынѣ. Надѣюсь, что Боржомскіе источники были полезны для васъ обоихъ, и что теперь уже вы прибыли на зимнія квартиры въ родную, благословенную Москву, куда и посылаю это письмо. Поселясь на всю зиму въ г. Брюсселѣ, съ семействомъ моимъ, и намѣреваясь оставаться тамъ безвыходно до будущаго мая мѣсяца, я почелъ бы себя счастливымъ, есть ли бы вамъ вздумалось

когда либо подарить меня на чужбинѣ вашимъ печатнымъ или письменнымъ словомъ, это бы было доброе съ вашей стороны дѣло".

О пребываніи Погодина въ Боржомѣ имѣются также краткія записи:

Подъ *17 іюня 1860 года*: „Докторъ Пилецкій. Разсказалъ свои обстоятельства, и къ величайшему удовольствію, услышалъ, что именно эти воды могутъ быть особенно полезны. Смотритель водъ Сутгофъ, декабристъ".

— *18* — — — : „Началъ пить съ шести стакановъ. Знакомства. На гору къ Сутгофу. Извѣстіе о нѣкоторыхъ его товарищахъ... Читалъ Дюма.

— *19* — — — : „Визитъ къ князю Борятинскому во фракѣ. Очень разсудителенъ и любезенъ. Разговоръ опишу особо"...

— *21* — — — : „Тяжело ходить по жарѣ. Въ газетахъ прочелъ о *послѣднемъ словѣ Костомарова*".

— *23* — — — : „Кончилъ Щапова. Много лишняго и повтореній, а есть мысли и свѣдѣнія. У Грузиновъ много обычаевъ Персидскихъ".

— *24* — — — : „Дороговизна въ Тифлисѣ. Причины. Положеніе чиновниковъ. Артели или общества торговыя. Голова. Козни. Армяне. Отношеніе къ Русскимъ начальствующимъ ближнимъ и высшимъ. Анекдотъ о Муравьевѣ и Воронцовѣ. Съ 11-ю 13-ю тысячами нельзя жить въ довольствѣ. Цѣны. Случай съ сахаромъ. Свѣчи и заперлись лавки. Грузинъ ѣстъ только зелень и пьетъ вино. Вотъ почему онъ, съ одной стороны, лѣнивъ, съ другой—упрямъ"...

— *25* — — — : „Съ Боб. О духѣ здѣшняго правительства въ отношеніи къ цензурѣ. Нѣтъ, никакая власть не любитъ контроля. Лучше всего относиться прямо къ Борятинскому... Объ упадкѣ Одессы со времени Воронцова, о выходкахъ нелѣпыхъ Строганова. Разслабленіе... Бѣдное человѣчество, какъ оно живетъ на лучшей землѣ. Война до сихъ поръ мѣшала всему. Читалъ Дюма".

— *27* — — — : „Почему бы не употребить лѣвыхъ Горцевъ противъ правыхъ? и замѣнить своихъ людей. Хоть бы отчасти... Газеты о посылкѣ Французскаго флота вслѣдъ за Англійскимъ въ Дарданелы“...

— *28* — — — : „Есть люди для всякихъ дѣлъ. Надо учредить мѣсто безъ дѣлъ, которое указывало бы на новыя явленія и проч... Заходилъ ко всенощной, которую служатъ очень плохо“...

— *30* — — — : „Вечеромъ прогулка съ княземъ Борятинскимъ. Запишу особо“.

— *1 іюля* — — : „На гору и въ паркъ, съ ксендзомъ... Удивительныя мѣста“...

— *2* — — — : „Послѣ обѣда игралъ въ карты и проигралъ“...

— *3* — — — : „О Сумароковѣ-Эльстонѣ, который принимаетъ гостей у себя въ скромномъ платьѣ, чего требуетъ и отъ гостей. Кахетинское у Борятинскаго“...

— *6* — — — : „Послѣ обѣда прогулка надъ Боржомомъ. Удивительныя мѣста. Затмѣніе непримѣтно“...

— *10* — — — : „Вечеромъ у Борятинскаго“...

Лѣто 1860 года, въ Боржомѣ проводило семейство генерала Алексѣя Петровича Опочинина, и дочь его Ольга Алексѣевна Томичь свидѣтельствовала мнѣ, что Погодинъ ежедневно, по утрамъ, посѣщалъ князя А. И. Борятинскаго и по долгу бесѣдовалъ съ нимъ.

Послѣдствіемъ этихъ бесѣдъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, были тѣ черновые наброски Погодина, которые сохранились въ его архивѣ.

Въ одномъ изъ этихъ набросковъ, съ помѣтою „Боржомъ 3 августа 1860 года“, мы читаемъ: „Высшее образованіе сдѣлалось необходимою потребностію Европейскихъ народовъ нашего времени.

„Можно ли отказывать въ немъ Грузіи и Арменіи, странамъ, которыя просвѣтились Христіанскимъ ученіемъ въ первые вѣка нашей эры. Съ этою цѣлію предлагается приступить немедленно къ учрежденію Университета въ Тифлисѣ.

„Университетъ этотъ не можетъ вдругъ начать преподаваніе въ полномъ объемѣ. Но въ такомъ великомъ дѣлѣ очень важно начало, основаніе, заведеніе. Каѳедры могутъ быть открываемы по мѣрѣ средствъ. Предметы слѣдуетъ оставить на благоусмотрѣніе преподавателей. Не затрудняясь основаніемъ новаго зданія, первыя лекціи могутъ быть открыты въ свободныхъ залахъ разныхъ вѣдомствъ, такъ чтобы ими могли воспользоваться всѣ желающіе. Время назначается только послѣобѣденное, отъ 5 до 8 часовъ, а поутру развѣ два раннія часа: 8 и 9. Все жаркое время исключается изъ преподаванія...

„Вознагражденіе преподавателей предоставляется намѣстнику изъ разныхъ остаточныхъ суммъ.

„На первый случай открываются каѳедры:

Исторія Грузіи—Іосселіанъ, Бакрадзе.

Исторія Арменіи—Ивановъ.

Исторія Мусульманскаго Востока—Бартоломей.

Восточная Нумизматика—онъ же.

Исторія Русскихъ войнъ на Кавказѣ—Фадѣевъ.

Языкъ и Литература Грузинскія.

Языкъ и Литература Армянскія.

Языкъ и Литература Персидская-Татарская.

Словесность Русская—Алмазовъ.

Исторія Русская—Григорьевъ.

Право туземное.

Право Русское.

Исторія Церковная.

Геологія—академикъ Абихъ, Ходзько.

Исторія Ногайскихъ и Крымскихъ Татаръ—Лухиновъ.

Ботаника—Чермакъ.

Исторія Класической Литературы—онъ же.

Космографія—Жилеховскій, Берже и пр.“...

Въ Боржомѣ, Погодинъ получилъ отъ стараго наставника князя А. И. Борятинскаго, а своего университетскаго товарища, А. М. Кубарева слѣдующее письмо: „Я другой мѣсяцъ

провожу въ жестокихъ мукахъ. Боюсь, чтобы это не были послѣднія. Молю Бога, чтобы дожить до твоего возврата. Боюсь, чтобы не затерялся актъ, который слѣдовало передѣлать, сообразно съ новыми билетами. Думаю, что зловредныя Киссингенскія воды, которыя я пилъ такъ усердно, были причиною этихъ страданій. Душевное и тѣлесное разслабленіе до такой степени изнуряетъ меня, что не могу двухъ страницъ прочесть безъ утомленія. Потеря аппетита. Постоянная тоска и всѣ припадки самой мрачной ипохондріи; къ тому постоянные жары въ продолженіе всего іюля. Термометръ на 33 и 34 до 36 градусовъ. Память князя Борятинскаго обо мнѣ пролила на нѣкоторое время отрадный лучъ въ душѣ моей. Благодарить его теперь не въ силахъ. Не писать къ нему, а видѣть его желалъ бы? Для чего не поѣхалъ съ тобою? Я бы его видѣлъ и это было бы для меня отраднѣйшее событіе въ жизни. Если Богъ дастъ воскреснуть, то послѣднее изслѣдованіе посвящу ему, въ знакъ благодарности. Испроси на это его соизволеніе. Увѣрь его, что оно не только не будетъ пошло, но думаю даже его достойно. Ты уже слышалъ 1-ю часть, но это ничто въ сравненіи съ послѣдующими. Впрочемъ, какъ это назначается для нашего Общества *), то подумай напередъ, можно ли и какъ это сдѣлать? Иначе и не говори объ этомъ. По отъѣздѣ твоемъ, я написалъ огромную критику. Угадай на кого?.. Во сто лѣтъ не угадаешь, если не скажу: на *Исторію* Богдановича. Никакъ повѣрить нельзя, чтобы эту галиматью писалъ человѣкъ, знающій военное дѣло. Развѣ какой нибудь кадетъ изъ подъ ферулы какого нибудь Галахова. Прощай... Еще прошу подумать, можно ли сдѣлать такое посвященіе съ подобающимъ приличіемъ. Иначе, и не говори о томъ князю... Еще и еще подумай о посвященіи и на чемъ рѣшишь, тому и быть. Поблагодари князя отъ меня въ какихъ только найдешь выраженіяхъ и объясни, почему теперь я не въ состояніи письменно благодарить его. Я не сказалъ тебѣ, что во время

*) Исторія Древностей Россійскихъ. *Н. Б.*

пользованія водами я простудился, почему принужденъ былъ обратиться въ водолечебное заведеніе Крейзера. Здѣсь ослабѣлъ еще болѣе. Такимъ образомъ, все время и до сихъ поръ провожу въ страданіяхъ. Не худо узнать адресъ, какъ писать къ князю. Но мнѣ бы всячески хотѣлось представить ему что нибудь въ знакъ благодарности и кромѣ письма" [194]).

12-го августа 1860 года, Погодинъ выѣхалъ изъ Боржома, и мы принуждены обратиться опять къ его краткимъ дорожнымъ записямъ:

Изъ Боржома Погодинъ выѣхалъ въ Кутаисъ. „Крѣпость Сурамская... Встрѣтили своихъ воловъ. Поднесъ вино солдатамъ съ удовольствіемъ... Искусный ямщикъ Русскій. Прекрасная станція. Все чисто и опрятно. Лошади готовы. Держитъ Новосельскій... Виды по дорогѣ прекрасные, особенно на третьей станціи... Ручей внизу. Безпрестанно подъемы. Лошади слишкомъ горячи и пускаются вскачь. Совершенная пустыня. Никого не встрѣчаешь. Темнота. Стало и страховато. Радость, когда встрѣтишь человѣка и жилище".

— *13* — — — : „Ночь проведена безпокойно. Спина и бока отбиты. Напились чаю, не торопясь, и отправились. Прекрасная дорога. Пріятные виды. Характеръ страны совершенно другой... Вотъ и Кутаисъ. Города какъ будто нѣтъ... Два солдата говорятъ между собою: Павелъ — эка сторона. А дальше еще двѣ. И тѣ наши. Вотъ куда мы зашли. И не думаютъ они, что все пріобрѣтено ихъ кровью. Пріѣхали, все слава Богу. Отдыхать... Послѣ обѣда съ священникомъ и офицеромъ. Состояніе крестьянъ ужасное... Они прячутъ деньги. Нельзя ничего показать: все отнимутъ... Крестьяне совершенные илоты. Такъ они себя и считаютъ. Дороговизна страшная... Крестьянинъ обрабатываетъ только сколько ему нужно. Что за городъ: заборовъ не было, одни плетни. Это уже къ пріѣзду великаго князя. Къ пріѣзду! Загляните на гауптвахту; куча князей сидитъ за воровство. Серебро у крестьянъ. Подробности о характерѣ Исидора. Отношенія къ высшимъ, къ низшимъ и пр."...

Изъ Кутаиса нашъ путешественникъ отправился въ Поти, по Черному морю, въ Керчь, заѣзжая въ Редутъ-Кале, Сухумъ-Кале, Константиновское укрѣпленіе.

LXVIII.

Вступивъ на Крымскую землю, Погодинъ восклицалъ: „Удивительный край! Какой воздухъ, какое море, какое небо! Прелестныя долины, величественныя горы, стремительные потоки! А деревья-то, кустарники, травы, цвѣты! Что за рощи, что за луга, аллеи! Виды на всякомъ шагу разнообразные, игривые, живописные, почва плодороднѣйшая, растительность богатѣйшая, виноградъ, висящій тяжелыми, огромными кистями, какъ будто говоритъ: вотъ обиліе, пріидите, насладитесь!

„И дѣйствительно, здѣсь, въ Крыму, обиліе во всѣхъ естественныхъ произведеніяхъ: плоды, ягоды, овощи, рогатый скотъ, вино, пшеница и елей! Рыба, дичь, соль, шерсть, шелкъ!

„Мѣстоположенія счастливѣе, выгоднѣе не сыщешь, не придумаешь: одною рукою подать отсюда къ Константинополю, другою—въ Закавказье, въ Турцію, Персію; Бугъ, Днѣстръ, Дунай привезутъ вамъ, что̀ угодно, изъ Средней Европы, а Донъ, Днѣпръ, доставятъ васъ во внутреннюю Россію, за Волгу, на Уралъ; Одесса, Таганрогъ, Константинополь, Требизонтъ, въ двухъ суткахъ пути, а не много подалѣе Іерусалимъ, Александрія, Средиземное море, по которому снуютъ пароходы ежеминутные.

„Сколько воспоминаній, начиная съ первыхъ временъ Европейской Исторіи! Чрезъ тридцать слишкомъ вѣковъ проносится имя Тавровъ,—одни изъ первыхъ обитателей Европы вмѣстѣ съ Киммеріанами, — Таврія, Таврида, Таврическая губернія!

„Какія Европейскія и Азіатскія племена не перебывали въ Крыму—Кельты, Скиѳы, Греки, Римляне, Козары, Готы, Италіанцы, Монголы, Татары, Турки, Русскіе.

„Вотъ Скиѳскіе курганы.

„Вотъ жертвенники друидовъ Кельтическихъ.

„Вотъ родина Ахиллесова, мѣсто храма Діаны, жертвоприношенія Ифигеніи. Здѣсь высадились на берегъ Орестъ и Пиладъ.—Здѣсь процвѣтали Греческія колоніи: Пантикапея, Фанагорія, Ѳеодосія. Здѣсь гора Митридатова.

„Тамъ Римскія каменоломни, куда присылались на работу уголовные преступники. Тамъ церковь Климентова, изъ первыхъ вѣковъ Христіанства, гдѣ жилъ въ заточеніи и проповѣдовалъ этотъ славный папа.

„Здѣсь родина Одинова, колыбель Готовъ—и Норманцевъ.

„Здѣсь Корсунская церковь, гдѣ нашъ равноапостольный Володимеръ принялъ святое крещеніе.

„Здѣсь Глѣбъ Тмутараканскій мѣрялъ море по льду до Керчи.

„Здѣсь Генуезская стѣна, здѣсь Венеціанская башня.

„Вотъ ханскій дворецъ въ Бахчисараѣ.

„Вотъ Чуфутъ-кале, древнее поселеніе Евреевъ-Караимовъ.

„А это что такое на берегу моря, вокругъ длинныхъ широкихъ заливовъ, безконечное необозримое поле, покрытое развалинами, какимъ нѣтъ подобныхъ во всей Европѣ, будто вся земля со дна своего всколебалась, и камня на камнѣ по всей поверхности не осталось? Страшное зрѣлище! Что это такое?

„Это Севастополь, Русская крѣпость, разрушенная Англичанами и Французами.

„Когда?

„Въ 1856 году“.

Погодинъ объѣхалъ Крымъ кругомъ: изъ Керчи въ Ѳеодосію, въ Симферополь, оттуда въ Бахчисарай, Севастополь, Балаклаву, по Байдарской долинѣ въ Алупку, Оріанду, Ливадію, Ялту, Никитскій садъ, въ Алушту, опять въ Симферополь и Перекопъ.

„Время было—пишетъ Погодинъ—прелестное (кромѣ одного дня въ Севастополѣ и другаго въ Балаклавѣ). Солнце сіяло

въ полномъ блескѣ. Въ воздухѣ разливалась пріятная прохлада. Зелень, вспрыснутая дождемъ, дышала свѣжестію. Очаровательные виды смѣнялись одинъ за другимъ. Чудесно, восхитительно"!

За тѣмъ Погодинъ перевертываетъ медаль на другую сторону.

„Глухая молва—пишетъ онъ — о мусульманскомъ движеніи доходила до меня еще за Кавказомъ. Воочью представилось оно мнѣ въ Керчи.

„Мы сходили съ парохода. Вслѣдъ за нами, съ другого парохода валила, по подмосткамъ, толпа народа на набережную—это были Татары. Всѣ они бѣжали, какъ будто съ пожара, захвативъ въ безпамятствѣ, что кому попало подъ руку—мужчины, женщины, старики, дѣти, въ рубищахъ, лохмотьяхъ, босые, едва прикрытые; у кого въ рукахъ узелъ, у кого подушка, у кого котелъ; кто тащилъ въ охапкѣ всякую всячину; грудные младенцы на рукахъ у матерей, больные, опираясь на палки... Меня поразило это нечаянное явленіе.

„Чтò это за люди? — спросилъ я, позабывъ о Кавказскихъ слухахъ; куда они такъ торопятся?

— „Это Татары, изъ-за-Азовскихъ степей, былъ отвѣтъ: они переселяются въ Турцію.

„Я остановился и долго смотрѣлъ на нихъ. Они собрались на берегу, около грека, вѣроятно, повѣреннаго или коммиссіонера, который объяснялъ имъ, кажется, чтò имъ слѣдуетъ дѣлать, куда представлять свои бумаги и проч. Живописную кучу они представляли, выражая на лицахъ любопытство, сомнѣніе, недоумѣніе, нерѣшительность, переговариваясь между собою взглядами.

„По дорогѣ изъ Керчи въ Ѳеодосію, и изъ Ѳеодосіи въ Симферополь, оттуда въ Севастополь—вездѣ встрѣчались мнѣ обозы, большіе и малые, съ этими переселенцами, на арбахъ, запряженныхъ волами. Немазанныя колеса скрипятъ. Мужчины идутъ, бòльшею-частью, пѣшкомъ; женщины съ дѣтьми, въ повозкахъ, сидятъ почти другъ на дружкѣ; больные ле-

жатъ кое-какъ, прислонившись къ чему попало. Кое-гдѣ устроены были навѣсы изъ рогожекъ или посконной холстины, защищавшіе сколько-нибудь отъ дождя и солнца.

„Передъ Ѳеодосіей мы наѣхали на цѣлый таборъ. Чуть брезжило утро. Люди просыпались и выходили, потягиваясь, изъ подъ телѣгъ, изъ шалашей, наскоро, кое-какъ сколоченныхъ, изъ кибитокъ; дѣвушки перебѣгали черезъ дорогу, съ кувшинами, къ ручью, за водою; ребятишки поднимали крикъ; женщины разводили огонь, отъ котораго синій дымъ поднимался къ верху; мужчины ходили другъ къ другу, сговариваясь, какъ-будто, и совѣтуясь о наступившемъ днѣ. Волы паслись подлѣ.

„Въ Севастополь пришло вдругъ семь судовъ Турецкихъ за переселенцами. Плату за провозъ Турки берутъ съ Татаръ самую ничтожную.

„Попадались послѣ и на морѣ суда, стоявшія за безвѣтріемъ.

„Въ Симферополѣ, на базарѣ, большое пространство было занято продажными вещами переселенцевъ. Чего-чего тутъ не было, и все раскидано по землѣ, навалено кучами; все продавалось, разумѣется, за безцѣнокъ, лишь бы сбыть скорѣе съ рукъ. Грустно было смотрѣть на печальныя лица хозяевъ, разстававшихся съ любимыми своими вещами, которыя служили имъ долго, къ которымъ они привыкли.

„Я походилъ и по Татарскимъ улицамъ: все пусто; заглядывалъ и въ домы въ Симферополѣ: оставшіеся обитатели шатались изъ угла въ уголъ, какъ-будто помѣшанные.—Зачѣмъ же вы ѣдете? спросилъ я.—Нельзя не ѣхать, всѣ ѣдутъ, отвѣчалъ мнѣ татаринъ, почти плачущій. Вотъ какой у насъ садъ, двѣсти пятьдесятъ рублей въ прошломъ году мы получили. А надо ѣхать. Родные, знакомые уже уѣхали. —Вѣдь тамъ хуже будетъ. — Знаемъ что хуже, но дѣлать нéчего, надо ѣхать. Муллы поѣхали. Съ кѣмъ намъ оставаться?

„Нѣкоторые аулы стояли совершенно пустые, и только

голодныя собаки бѣгали по закоулкамъ, дополняя печальную картину.

„Изъ Ялты въ Никитскій садъ возилъ меня одинъ проворный татаринъ, совершенно-обрусѣлый, знакомый, вѣроятно, всѣмъ путешественникамъ.

— „Ну, ты не уѣдешь, сказалъ я.—Не уѣду, а семья уѣзжаетъ. — Зачѣмъ же? — Спросите ихъ; никакъ не сговоришь. Отцу за семдесятъ лѣтъ—а все-таки ѣдетъ.

„Много я думалъ, смотря на всѣ эти явленія, и разныя мысли приходили мнѣ въ голову.

„Племя переселяется—трогательное зрѣлище! Люди оставляютъ свою родину, могилы своихъ отцовъ, колыбели своихъ дѣтей, землю, на коей родились и выросли, со всѣми ея воспоминаніями, идутъ, куда глаза глядятъ, подвергаясь всякимъ лишеніямъ, въ страну неизвѣстную, не зная, что̀ ихъ тамъ ожидаетъ, какъ они будутъ жить... Что за волненіе происходитъ въ ихъ душахъ! Какія чувства наполняютъ ихъ сердце.. Ка̀къ должно быть имъ тяжело, ка̀къ сердцу больно отрываться отъ родины! Часто, вѣрно, оглядываются они назадъ!

„Не можетъ быть, чтобы Татары рѣшились на такую жертву безъ какой-нибудь особенной, важной причины. Причина эта кроется не у нихъ, происходитъ не отъ нихъ, а подготовлена индѣ: сами-по-себѣ, они могли уходить много разъ — при началѣ подданства Россіи, среди войнъ, и особенно прошедшей; но они не уходили, даже мысли подобной не было примѣтно. Послѣ войны они также не думали, а теперь вдругъ, ни съ того, ни съ сего, поднялись. Что́ это значитъ?

„Надо замѣтить еще, что идутъ не одни бѣдняки, которые надѣются найдти что́ нибудь и поправить свое состояніе, нѣтъ — идутъ и богатые, зажиточные, которыхъ потеря несомнѣнна, идутъ знакомые съ удобствами жизни, служившіе въ нашей службѣ, владѣльцы значительныхъ имѣній, садовъ, виноградниковъ.

„Причина не здѣсь. Гдѣ же? Въ Турецкомъ правительствѣ?

Не можетъ быть: оно не умѣетъ управиться съ собственными своими дѣлами, не въ силахъ удовлетворить настоящихъ своихъ подданныхъ. Гдѣ ему замышлять что̀-нибудь новое!

„Причина должна зародиться въ нѣдрахъ мухаммеданской религіи. Вѣрно, возникло тамъ какое-нибудь новое ученіе, въ родѣ мюридизма, вѣрно явился тамъ какой-нибудь Кази-Мулла или Шамиль или Абдель-Кадеръ—или составилось, наконецъ, цѣлое тайное общество, которое умѣло, схватясь за живую струну, возбудить въ народѣ фанатизмъ, и фанатизмъ страшный, какому, можетъ быть, не было подобнаго. Поворотилась душа у правовѣрныхъ, вся кровь закипѣла—и вотъ они, бросая все, бѣгутъ, съ зажмуренными глазами, куда ихъ зоветъ религія. Муллы среди переселенцевъ всегда впереди. Съ фанатизмомъ шутить нельзя.

„О подсыльныхъ повѣренныхъ (эмиссарахъ) ходятъ и слухи. На Кавказѣ еще я слышалъ, что послѣднія вспышки на лѣвомъ, покоренномъ, флангѣ, происходили вслѣдствіе проповѣди такихъ ходячихъ пророковъ. Даже въ отдаленныхъ нашихъ восточныхъ губерніяхъ слышится, говорятъ, глухой шумъ. Правовѣрные должны быть вмѣстѣ къ опредѣленному дню,—проговариваются иные.—Мы воротимся скоро,—шепчутъ другіе, какъ-будто увѣренные, что земля имъ вся сполна достанется.

„Если это такъ—а кажется это такъ, и никакой другой причины переселенія предположить нельзя — то на Востокѣ должно замышляться что̀-нибудь большое, необыкновенное, рѣшительное.

„Убійства въ Джеддѣ, въ Дамаскѣ — это все только попытки; въ Константинополѣ, нынѣшнимъ лѣтомъ, открытъ былъ большой заговоръ; слышалось и за Кавказомъ. Ожидайте общей рѣзни...

„Я писалъ много, какъ русскій, какъ славянинъ, о восточномъ вопросѣ. Теперь скажу, какъ европеецъ и христіанинъ, не въ видахъ своего Отечества и своего племени, а въ видахъ Европейскаго образованія, что Европейцы должны быть

на сторо̀жѣ—Англичане ли то или Французы, Русскіе, Нѣмцы—вездѣ, гдѣ есть сколько-нибудь христіанскаго населенія, если не хотятъ, чтобъ кровь его легла на ихъ совѣсти.

„Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мухаммеданское владычество падетъ вездѣ — въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, чтобъ ни затѣяли мусульмане, и они должны будутъ уступить; но грѣхъ допустить кровопролитіе.

„Люди бѣгутъ, бросая все, оставляя обиліе, на явную нужду. Что̀ это за люди? Племя полудикое, безъ малѣйшаго, въ нашемъ смыслѣ, образованія. Значитъ, есть же у нихъ въ сердцѣ сила принять такое рѣшеніе, есть струна, которая, приведенная въ движеніе, побуждаетъ ихъ къ жертвамъ, и какимъ жертвамъ? Какихъ выше для нихъ нѣтъ. А у насъ, образованныхъ, есть ли какая-нибудь подобная сила? Готовы ли мы на подобныя жертвы? Чѣмъ насъ расшевелить можно? Придумалась и форма для дѣйствія у этихъ дикарей! И знаютъ они чего хотятъ! Другіе также видятъ свою дорогу, положимъ неприступную, непроходимую, но все-таки видятъ. Вездѣ есть цѣль, хотя бы и недостижимая. Мы представляемъ странное явленіе, ища подобія, ожидая образца, но вѣдь у всякаго народа своя Исторія, и надо умѣть найтись въ своихъ обстоятельствахъ. По крайней мѣрѣ, вотъ что̀ должно перевестись въ общее сознаніе: дѣлай всякой свое дѣло какъ можно живѣе, по чистой совѣсти. Но мы его не дѣлаемъ, не вникаемъ, принимаясь безпрестанно за чужія. Свое дѣло кажется намъ чужимъ, а чужія—своими.

„Въ переселеніи Татаръ нечего обвинять никого—причина его не у насъ.

„Татары—племя для насъ чуждое, по религіи враждебное, это правда; но они трудолюбивы, способны, честны, послушны, смирны. О честности ихъ помѣщики Крымскіе приводили мнѣ столько доказательствъ разительныхъ, что я пожелалъ подобной и для многихъ своихъ соотечественниковъ. Касательно ихъ способностей — ходить за виноградомъ и вообще заниматься садоводствомъ, они мастера отличные. Пріучить вскорѣ

новое поселеніе невозможно, и Крымскіе сады и виноградники подвергнутся, безъ Татаръ, большимъ опасностямъ. Множество работъ, лежавшихъ на Татарахъ въ самыхъ городахъ, передать некому. Въ Симферополѣ, главномъ городѣ полуострова, теперь уже ощущается отсутствіе Татаръ. Кто будетъ возить намъ воду зимою, кто будетъ рубить дрова? слыхалъ я отъ многихъ жителей.

„Многія страны, въ степномъ Крыму, такого рода, что никто не можетъ заселять ихъ, кромѣ Татаръ, довольныхъ малымъ, могущихъ жить почти безъ хлѣба и безъ воды.

„Особенно жалѣютъ о Ногайцахъ, примѣчательныхъ своимъ трудолюбіемъ, осѣдлостью, зажиточностью, способныхъ къ развитію. Нѣкоторые переняли много у Нѣмецкихъ колонистовъ и подверглись ихъ вліянію, къ большой для себя пользѣ. Ногайцы унесли много денегъ съ собою.

„Нѣкоторые помѣщики желали бы, чтобъ выселеніе происходило постепенно, чтобы Правительство опредѣлило сроки.

„Нѣтъ, если Татарамъ изъ Мекки назначено сбираться къ такому-то времени, и если они нужны для такого-то момента, то регулизація переселенія невозможна. Или идти, или оставаться: средины нѣтъ.

„Какъ-бы то ни было, а христіане, повторяю въ заключеніе, должны беречься вездѣ, въ Константинополѣ и въ Болгаріи, въ Босніи и въ Малой Азіи, въ Іерусалимѣ и Смирнѣ. Дай Богъ, чтобъ предсказаніе не сбылось“!

LXIX.

Въ продолженіе двухъ сутокъ, отъ Севастополя чрезъ Балаклаву и Байдарскую долину, почти до Алупки, Погодинъ не встрѣтилъ и не обогналъ ни одного экипажа, а въ продолженіи однѣхъ сутокъ, онъ не видалъ по дорогѣ ровно ни одной души. Онъ ѣхалъ точно какъ по безлюдному краю, куда нога человѣческая не ступала. Великолѣпные дворцы, богатыя виллы, роскошные сады, стояли пустехоньки, безъ

малѣйшаго признака жизни, осужденные на нѣмоту повелительнымъ голосомъ злаго волшебника. „А есть-ли—думалъ Погодинъ—какой нибудь уголъ въ Альпахъ, Аппенинахъ, въ Шварцвальдѣ, гдѣ-бъ не толкались теперь сотни Русскихъ людей, не только зажиточныхъ, но и средственныхъ, верхомъ, пѣшкомъ, на лошадяхъ, на ослахъ, на мулахъ, en voiture? На какія крутыя горы не взлѣзаютъ теперь наши эмансипированныя (вольноотпущенныя) дамы? По какимъ бездоннымъ пропастямъ не лѣпятся наши прогрессивные юноши! Гдѣ не катаютъ колесъ, гдѣ не рѣзвятся Русскія дѣти, въ красныхъ рубашечкахъ и кругленькихъ извощичьихъ шляпахъ? Вездѣ, кромѣ только Крыма“!

„Слушайте далѣе,—продолжаетъ Погодинъ,—ни на одной станціи по всему южному берегу, не нашли мы ничего, ни съѣсть, ни выпить, даже рюмки вина, даже кисти винограда. Въ Кукенойсѣ обѣщались намъ, алчущимъ и жаждущимъ, сдѣлать яичницу, но оказалось, что масло все вышло. По-крайней мѣрѣ, сварите яицъ хоть въ смятку, сказали мы съ досадою. Пожалуй, но вѣдь вамъ придется долго ждать, пока вода вскипитъ. Ну, такъ чортъ васъ возьми! И поѣхали мы натощакъ“...

Расположась обѣдать въ Ялтѣ, Погодинъ „спросилъ бутылку столоваго и бутылку сладкаго вина. Какого?—Какого нибудь, только Крымскаго.—Ревезелту прикажете? Ну хоть Ревезелту. И въ счетъ трактирщикъ поставилъ за эту бутылку два рубля сереб., и за столовое вино 60 коп.“

Въ Симферополѣ, на прощаньѣ съ Крымомъ, Погодинъ велѣлъ подать бутылку шампанскаго Крымскаго, и долженъ былъ за Ай-Даниль заплатить также два рубля сер.

„Спрашивается,—замѣчаетъ Погодинъ,—какой сотернъ, рейнвейнъ, мадера, шампанское, стоитъ на мѣстѣ восемь франковъ“?

Въ Севастополѣ Погодину захотѣлось рыбы. „У насъ рыбы нѣтъ,—отвѣчалъ служитель. А только что предъ тѣмъ былъ общій разговоръ о Балаклавѣ, откуда жители недавно были

прогнаны смрадомъ сгнившей рыбы: столько нагнато ея было въ заливъ, что ей повернуться было негдѣ, и она вся сгнила, распространяя зловоніе далеко вокругъ".

Въ книжной лавкѣ, въ Симферополѣ, Погодинъ спросилъ какихъ нибудь Крымскихъ описаній. Ему подали тетрадку о древностяхъ—Фабра, въ шесть листовъ, и спросили рубль серебромъ; обозрѣніе южнаго берега Домбровскаго, въ два листа, и потребовали восемьдесятъ копѣекъ. Кромѣ этихъ двухъ тетрадокъ, не нашлось ничего,—ни видовъ, ни картъ, ни панорамъ, никакихъ вожаковъ и разскащиковъ.

„Извощикамъ, которые возили Погодина на Малаховъ курганъ и на третій бастіонъ, отъ четырехъ часовъ до осьмаго по полудни, съ небольшимъ за три часа, на двухъ до-потопныхъ дрожкахъ, „испытавшихъ бомбандированіе и летавшихъ на воздухъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ доками", долженъ онъ былъ заплатить семь рублей серебромъ.

Въ Керченскомъ музеѣ Погодинъ смотрѣлъ „разныя безделицы подъ стекломъ, а Царскій курганъ, съ своимъ удивительнымъ сводомъ, съ своими циклопическими стѣнами. Европейская достопримѣчательность, сокровище науки, отданъ на жертву буйволамъ и свиньямъ... и войти въ него не только трудно, но и противно".

На станціи предъ Севастополемъ, никто не могъ отвѣчать Погодину „ни на одинъ нужный вопросъ о движеніи войскъ, Русскихъ и Французскихъ; до которыхъ мѣстъ продолжалось отступленіе, гдѣ былъ поворотъ, обходъ, главныя квартиры, какъ называется эта гора и т. п. Смотритель говорилъ, что онъ недавно занялъ это мѣсто; ямщики говорили, что они поступили съ другой станціи; а монахъ сказалъ, обидясь вопросомъ: это не мое дѣло"!

Въ городахъ никто не вздумаетъ напомнить путешественнику: „Когда выѣдете, напримѣръ, изъ Керчи, вы увидите направо гору—это Митридатова гора. По дорогѣ изъ Ѳеодосіи не забудьте о Старомъ Крымѣ. На станціи Бельбекской—вотъ что происходило и т. п. Никто не вздумаетъ—значитъ не при-

дается цѣны свѣдѣніямъ, не предполагается любопытства, не ожидается упрека".

Упомянувъ обо всѣхъ этихъ явленіяхъ, Погодинъ, спрашиваетъ: „Скажите образованное ли общество мы представляемъ"? и отвѣчаетъ: „Дикое, хоть мы и имѣемъ журналистовъ, щеголяющихъ въ такихъ жилетахъ и пиджакахъ, какимъ позавидовали бы Бруммель и графъ Дорсай, и фельетонистовъ, представляющихъ чуть не ежедневно идеалы благоустроенныхъ государственныхъ механизмовъ, побойчѣе всѣхъ передовыхъ мыслителей нашего времени".

Отвѣтивъ на вышеупомянутый вопросъ, Погодинъ продолжаетъ: „Ну, вотъ до чего и договорились вы, восклицаютъ рыцари общихъ мѣстъ, радуясь опровергнуть мои первыя обвиненія: ѣсть нечего, пить дорого, ѣздить неудобно, людей нѣтъ, слова перемолвить не съ кѣмъ,—скучно, досадно, противно! Помилуйте, какже вы хотите, чтобъ мы для такихъ, хоть и родственныхъ, удовольствій отказались гулять по Рейну, Оберланду, въ Палермо, на островѣ Вайтѣ.

„Тише, тише! Да вѣдь еслибъ вы, оставивъ Петербургскія болота, съ ихъ туманами, испареніями, вѣтрами, сыростью и грязью, поселились, хоть на одно лѣто въ Крыму, и заняли свои палаццо, виллы, галлереи, то вмѣстѣ съ вами и вашими деньгами, очутились бы тамъ и пища, и питье, и лакомства, и дешевизна, и польза, и веселье, и движенье, и жизнь. Сто семействъ на пространствѣ двухъ верстъ, по берегу моря.— ну вотъ вамъ и общество, и спектакли, и концерты, и всякіе parties de plaisir. Нашлось бы, съ кѣмъ вамъ говорить и проводить время! Прокатиться изъ Алупки въ Оріанду, изъ Оріанды въ Ливадію, Гаспру, Юрзуфъ, Ялту, въ катерахъ, лодкахъ, тюльбюри, верхомъ,—гдѣ найдете вы прогулку пріятнѣе? И всякій день получали-бъ вы къ вашему столу такую свѣжую рыбу, со всѣхъ притоковъ Чернаго моря, какой самъ Лукуллъ не лакомился въ своей залѣ Аполлоновой. И всякой день получали-бъ вы самые ранніе вкусные овощи, какую нибудь цвѣтную капусту, отъ которой капитанъ Копейкинъ

ахнулъ бы погромче, чѣмъ отъ славнаго арбуза въ Милютиныхъ лавкахъ. Устрицъ наловили бы вамъ Греки ко всякому завтраку, и прямо изъ моря принесли бы на тарелочкахъ. А Черкасская говядина доставила бы вамъ такой ростбифъ, какой не подается никогда у Лондонскаго лорда-мера. О десертѣ и говорить нечего: благороднѣйшіе плоды, сочные, вкусные, душистые, чего хочешь, того просишь! Вино чистѣйшее, легкое, здоровое. Купаться можете даромъ привольнѣе, удобнѣе и лучше, чѣмъ въ Ниццѣ, Остенде, Трувилѣ и Свинемюнде. Есть и грязи разныхъ сортовъ для охотниковъ до грязей. Сообщеніе съ Россіей чрезъ Одессу ежедневное, съ Европою по Дунаю или Средиземному морю безпрестанное.

„Нѣтъ спектаклей!

„Да какой спектакль можетъ быть занимательнѣе тѣхъ, которые вы устроите сами собою, изъ среды своего общества, хоть по разу въ недѣлю. Сколько удовольствія — найдти въ себѣ талантъ, дать ему средство обнаружиться, оказать дѣйствіе на другихъ.—А сборы, приготовленія, репетиціи, ошибки, удачи, неудачи? Сколько смѣха, веселія, занятій.

„Для концертовъ средствъ еще болѣе, чѣмъ для спектаклей.

„Но перестаньте думать о концертахъ, спектакляхъ и балахъ. Пора имъ надоѣсть и зимою. Проведите лѣто съ пользою для души, какъ для тѣла".

LXX.

Въ Крыму Погодинъ мечталъ образовать Университетъ.

„Ботаника, Геологія, Зоологія,—писалъ онъ,—какая сцена для этихъ наукъ удобнѣе Крыма? Кто же будетъ учить насъ Ботаникѣ, Геологіи, Минералогіи? Не только для естественныхъ наукъ, но для всѣхъ историческихъ, можно устроить въ Крыму образцовые курсы. Всѣ Европейскія знаменитости рады будутъ принять въ нихъ участіе, и все это не будетъ для васъ стоить ничего, или почти ничего".

— Вы шутите?

„Нѣтъ, не шучу“.

— Да какже это можно сдѣлать?

„Очень просто для тѣхъ, у кого есть мысли въ головѣ, а у кого ихъ нѣтъ, тѣ, разумѣется, никогда, нигдѣ, не выдумаютъ они ничего, кромѣ затрудненій, препятствій и невозможностей, изъ коихъ первую и главную составляютъ они сами, своею противною особою“.

Высказавъ эти общія разсужденія, Погодинъ приступаетъ къ дѣлу. „Помните,—писалъ онъ—предполагалъ я сто семействъ, пріѣхавшихъ въ Крымъ, въ свои помѣстья — провести лѣто: Голицыны, Долгорукіе, Кочубеи, Толстые, Трубецкіе, Перовскіе, Демидовы, Яковлевы, Шереметевы, Волконскіе, Потоцкіе, Нарышкины, Апраксины, Фундуклеи, Строгановы, Воронцовы, Мордвиновы и проч.

„Вы посылаете приглашеніе къ Гумбольду или Риттеру (жаль, что они оба умерли), Либиху, Шлейдену, Теккерею, Диккенсу, Вильменю, Кузеню, Гизо, Рауль-Рашету, Мишелю, Шевалье, Сен-беву, Листу, Рошеру, Гервинусу, Ламартину. Кого же выбрать намъ изъ Русскихъ-то? Ради Бога, только не NN, не ББ, не SS. А то и на Крымъ нагонятъ они скуку.

„Въ письмѣ своемъ вы напишите: Русское общество намѣревается провести нынѣшнее лѣто въ Крыму. Оно имѣетъ честь предложить вамъ участіе въ его экскурсіяхъ и увеселеніяхъ. Предполагаются экскурсіи въ Константинополь, Одессу, Таганрогъ, Требизонтъ, Смирну, Варну, Поти, Батумъ, Сухум-Кале; предполагается обозрѣть берега Чернаго моря, Земли Донскаго войска, устья Днѣпра, Дона, Днѣстра, Дуная, Ріона. Увеселенія: спектакли, концерты, ежемѣсячные любителей. Всѣ издержки общество принимаетъ на свой счетъ, и въ замѣну ихъ проситъ васъ прочесть ему двадцать лекцій объ Англійской, Французской Литературѣ, о Политической Экономіи, Новой Исторіи“...

При этомъ Погодинъ спрашиваетъ: Не будетъ ли это стоить слишкомъ много? И отвѣчаютъ: „Вотъ вамъ счетъ:

Изъ Тріеста, изъ Вѣны, изъ Марсели, пріѣхать каждой знаменитости въ Ялту стоитъ едва ли не менѣе 200 руб. сер. А пятерымъ, больше вѣдь на одно лѣто ненужно тысячи р. с. Столъ они будутъ имѣть съ вами, и десятый, двѣнадцатый гость, никогда не стоитъ ничего. Содержать лѣто пароходъ много ли стоитъ?

„Ну вотъ вамъ и всѣ расходы.

„Вѣрно вамъ станетъ жить въ Крыму со всѣми удовольствіями и причудами гораздо дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ. А сколько разнообразія, игры, наслажденія и пользы?

„Для меньшихъ дѣтей можно выписать лучшихъ учителей Русскаго языка, Исторіи, Географіи, Закона Божія по 300 р. 500 р. за лѣто, и устроить общіе гимназическіе курсы.

„Сто семействъ истратятъ, положимъ, по 10 т. р. с. и этотъ милліонъ разсыплется богатымъ сѣменемъ по всему полуострову, и принесетъ на будущее время новые плоды.

„Людямъ средняго сословія, напримѣръ: профессорамъ, художникамъ, медикамъ, можно бы доставить много пользы и удовольствія, отдавая имъ внаемъ лишнее помѣщеніе. Кромѣ отдыха, кромѣ лѣченья, участія дароваго въ нѣкоторыхъ удовольствіяхъ и удобствахъ, они могли бы найдти для себя и практику, смотря по предметамъ своихъ занятій, могли бы содѣйствовать вамъ своими познаніями, трудами и способностями.

„Какую жизнь пріятную, веселую, здоровую, дешевую, можно было бы устроить на южномъ берегу, о какой въ Европѣ и подумать нельзя“!

Высказавъ это, Погодинъ съ недоумѣніемъ замѣчаетъ: „Это мечты, несбыточныя мечты“! А почему?—спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: „А потому, что никакъ не могутъ наши Долгорукіе, Нарышкины, Голицыны, Мещерскіе, Апраксины, et tutti quanti, согласиться между собою и устроить что-либо общее. При томъ люди большого свѣта привыкли плѣснѣть, чахнуть, зябнуть, дрожать, дряхлѣть, хилѣть, въ любезныхъ своихъ болотахъ; имъ пріятнѣе гнуться подъ ярмомъ этикета,

и задыхаться въ хомутахъ приличій, чѣмъ жить живою жизнію, царствовать и наслаждаться. О вкусахъ спорить нельзя".

На возраженіе, что доѣхать трудно, Погодинъ говоритъ: „Кто же виноватъ? Отъ кого же зависитъ веденіе всѣхъ нашихъ дѣлъ, съ желѣзными дорогами включительно, какъ не отъ тѣхъ же Гагариныхъ, Оболенскихъ, Щербатовыхъ, Гурьевыхъ и Орловыхъ? Государь вѣрно не остановилъ бы движенія ни по одной дорогѣ. Напротивъ, онъ былъ бы радъ ему содѣйствовать. Но и желѣзныя дороги устроились бы гораздо скорѣе, хоть до Харькова, по гладкой, ровной поверхности, безъ всякихъ лишнихъ затрудненій, если бъ Крымъ полюбила наша знать. Впрочемъ, и теперь, проѣхать до Харькова по мощенной дорогѣ удобно, а отъ Харькова до Перекопа пятсотъ верстъ, на срединѣ коихъ стоитъ еще Екатеринославъ. Непріятно было бы только въ ненастье. Впрочемъ, въ виду такихъ удовольствій, почему же для разнообразія и не потерпѣть иную недѣльку. Но съ *Русскими барами*—продолжаетъ Погодинъ,—повторяю, пива не сваришь: пользоваться благами жизни они не умѣютъ, потому что имъ не достаетъ образованія"

Погодинъ считаетъ, что мысль его „можно исполнить иначе, на основаніи Европейской разсчетливости: „Пусть—говоритъ онъ,—учредится гдѣ-нибудь въ Европѣ на акціяхъ общество, которое, за извѣстную плату, взялось бы изъ Марсели и Тріеста или Вѣны прокатить своихъ вкладчиковъ, по мор[illegible] и Дунаю, и потомъ высадить въ Ялтѣ, а отсюда по-[illegible]имъ Крымъ, и главные пункты на всѣхъ берегахъ Чернаго моря, впродолженіе, положимъ, трехъ мѣсяцевъ. Въ Европѣ, я увѣренъ, найдутся охотники, особенно между Англичанами. Могло бъ затѣять такое удовольственное путешествіе и наше общество Черноморской торговли, имѣющее въ своемъ распоряженіи столько пароходовъ".

Въ заключеніе, Погодинъ обращается къ себѣ и пишетъ: „Что до меня, я присмотрѣлъ себѣ скромную усадебку въ Алуштѣ, на берегу моря, съ участкомъ горы, за двѣ тысячи

пятсотъ р. с., и скоро переселюсь туда доживать свой тревожный и грустный вѣкъ, исполненный широкихъ замысловъ, и ограничившійся десяткомъ томовъ сочиненій, за которыя не слышится еще и спасиба. Тамъ, въ сосѣдствѣ съ почтеннымъ сочленомъ, академикомъ П. И. Кеппеномъ, котораго при мнѣ уже ждали въ Кучу-Ламбатъ, напишу я больше о Крымѣ, а теперь пока ограничусь дорожнымъ дневникомъ, съ изъявленіемъ желанія Крыму, имѣть особаго вице-героя, намѣстника, или лица, въ родѣ Шписова Еразма Шлейхера, который бы не имѣлъ никакой особенной обязанности и должности, наблюдалъ бы за всѣмъ, ѣздилъ безпрестанно взадъ и и впередъ, и придумывалъ мѣры, какъ устроить дороги, усовершенствовать винодѣліе, привести въ порядокъ добываніе и продажу соли, распространить торговлю плодами, улучшить рыболовство, усилить скотоводство, извлечь пользу изъ сообщеній съ Константинополемъ, Малой Азіей, Кавказомъ; возобновить историческія изслѣдованія, составить подробныя описанія, однимъ словомъ, который сдѣлалъ бы Крымъ, тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ бы быть, и чему только начало положилъ графъ Воронцовъ“ [195]).

LXXI.

6 сентября 1860 года, Погодинъ выѣхалъ изъ Симферополя въ Москву. „За Симферополемъ,—отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дорожномъ Дневникѣ*,—начинается равнина и степь, степь. Покатились. Имѣніе Рудзевича. Задоринки не было нигдѣ, хоть мы опасались гдѣ-нибудь застрять; впрочемъ, мы приняли предосторожности, сговорясь съ двумя семействами ѣхать... Вотъ простились и съ Чатырдагомъ“!

7-го нашъ путешественникъ пріѣхалъ въ Перекопъ. На станціи, у Погодина зашелъ разговоръ о соли. „Почемъ здѣсь соль“?—Тридцать пять копѣекъ. „А въ Симферополѣ“?—Двадцать! „Что за вздоръ? Отъ чего здѣсь дороже“?—Отъ того,

что здѣсь Правленіе! „А дальше“?—Дальше еще дороже! Некогда было разспрашивать болѣе“.

Степь произвела впечатлѣніе на Погодина, и онъ писалъ: „Степь, степь и степь. По сторонамъ курганы. По дорогѣ чумаки ѣдутъ съ солью изъ Крыма, а въ Крымъ, большею частію порожнякомъ. Неужели нельзя бы для нихъ найдти грузу, и приноравливаться ко времени ихъ отправленій. Картины ихъ ночлеговъ. Телѣги, вверхъ оглоблями. Волы пасутся кругомъ. Разведенъ огонекъ, озаряющій... лица, и вспоминается Гоголь“...

Въ Каховкѣ, большомъ селеніи, „заваленномъ лѣсомъ“, Погодинъ переправился черезъ Днѣпръ. Въ Бериславлѣ запрягли имъ шесть лошадей, потому что дорога, сказали, очень дурная, а дорога оказалась отличная. Въ „Мѣловомъ должны были ночевать, потому что кузнецъ не брался чинить въ темнотѣ. Припасовъ никакихъ кромѣ яицъ, да и тѣ несвѣжія. А три болвана толкутся на станціи и двѣ бабы“.

На другой день, 8-го сентября, „кузнецъ,—пишетъ Погодинъ,—обѣщавшись съ вечера устроить все, не принимался за дѣло. Да что же ты не работаешь? Нынѣ праздникъ и началъ требовать въ три дорога. Прикащикъ началъ требовать, чтобъ взяли мы шесть лошадей, ссылаясь на предписаніе. Между тѣмъ, весь Крымъ объѣхали мы на четырехъ лошадяхъ, и потомъ отъ Воронцова до Харькова вездѣ давали намъ только четыре. Спрашивается—почему же на однихъ станціяхъ предписаніе исполняется такъ, а на другихъ иначе. Послѣ я придумалъ, какъ можно было отказаться отъ шести лошадей, не смотря на предписаніе: оно требовало пятой лошади, а ямщики запрягали шестую. Мнѣ надо бы отказываться отъ шести: вези на пяти, если такъ предписано, а на пяти везти нельзя. Пока производилась починка, ходилъ на сосѣдній курганъ. На верху сидѣлъ чабанъ, который показался мнѣ какимъ-то памятникомъ. Воронцовка — прекрасное селеніе на берегу Днѣпра, со множествомъ строеній очень хорошихъ“.

Проѣхавъ Новомосковскъ, Никополь, нашъ путешественникъ

прибылъ въ Екатеринославъ. Никополь по... веселымъ".

Въ Екатеринославѣ Погодинъ встрѣтилъ ...у „очень ...скихъ воспитанниковъ", которые „осыпали его ...тет-ками, и предоставили всѣ удобства".

Здѣсь нашъ путешественникъ „осмотрѣлъ соборъ, ...с-рому—пишетъ онъ—Потемкинъ положилъ основаніе, зан... мое нынѣшнею оградою. Вотъ какое пространство долже... онъ былъ занимать! Передъ соборомъ стоитъ колонна, привезенная изъ Корсуни.

„Потемкинскій дворецъ отдѣланъ теперь предводителемъ Миклашевскимъ, сыномъ того знаменитаго Миклашевскаго, котораго біографія напечатана въ *Русской Бесѣдѣ* Чижовымъ. Зала превосходная, украшенная отличнымъ портретомъ Екатерины II. Изъ сада, расположеннаго на горѣ, великолѣпный видъ на Днѣпръ съ его островами и береговыми горами.

„На площади строятъ теперь домъ для Гимназіи, что едва ли удобно, ибо городъ весь внизу, и бѣднымъ мальчикамъ ходить на гору въ ненастную погоду изъ дома, будетъ очень затруднительно. Говорятъ, какой-то министръ выбралъ мѣсто. Но министръ вѣдь былъ здѣсь наѣздомъ, и легко могъ прельститься живописностью положенія, на счетъ существенныхъ удобствъ. Бульваръ вдоль всего города, превосходный, посаженъ стариннымъ губернаторомъ Фабромъ, а послѣдующіе губернаторы оставляли въ пренебреженіи, какъ не свое произведеніе, и бульваръ предается опустошенію. Между тѣмъ какъ онъ могъ бы быть украшеніемъ любому Европейскому городу. Казенный садъ есть также отличное мѣсто для прогулокъ. Какой удивительный дубъ я здѣсь увидѣлъ... Другіе два такіе же срублены. Растительность здѣсь превосходная. Садъ этотъ, какъ узналъ я, подаренъ городу во времена Екатерины казакомъ Глобою, который завѣщалъ и похоронить себя здѣсь. Примѣчательное желаніе! Отыскалъ его памятникъ. Бѣдный, полуразрушенный, исписанный глупыми надписями. Но прошли года, поч-

вователь позабыть, садъ оказался дорого стою-
сительно поддержанія и рѣшено его распродать
тен камъ. Молотокъ стукнулъ и явился промышленникъ.
п кто-то изъ гражданъ вспомнилъ о завѣщаніи, объ
віи и возникаетъ дѣло, которому нельзя не пожелать
частливаго окончанія въ пользу города, а не въ пользу суда. Екатеринославъ можетъ понравиться, когда устроится желѣзная дорога... Любопытно было бы добраться до причинъ, по коимъ Потемкинъ выбралъ именно это мѣсто. Мысль для столицы Новороссіи"...

10-го сентября 1860 года, Погодинъ выѣхалъ изъ Екатеринослава, но, подъѣхавъ къ Днѣпру, — „и что же, — пишетъ онъ: *стой!* Мостъ разведенъ потому что съ другой стороны пропускаются плоты съ дровами. Долго ли дожидаться? Часа три прождете. Поѣдемте назадъ, сказалъ ямщикъ, и мы поворотили оглобли. Предосадно"!..

Отпустивъ экипажъ, Погодинъ сталъ бродить по городу. Зашелъ въ приходскую церковь и нашелъ священно-служеніе „въ прекрасномъ порядкѣ, хотя народа почти не было". Пошелъ далѣе и остановился у другаго зданія, также, какъ показалось ему снаружи, храма. Вошелъ. „Множество народа толпится на паперти. Показались жидовскими физіономіями. Приходящіе надѣвали на шею какое-то шерстяное полосатое полотенце". Идетъ дальше: „открывается — пишетъ Погодинъ — огромное, высокое, круглое помѣщеніе, наполненное народомъ. Снимаю шляпу. Сосѣдъ взываетъ ко мнѣ: Надѣнь шляпу. Понявъ, что здѣсь совершается богослуженіе, не могу, по привычкѣ исполнить ихъ требованіе. Стою и гляжу безъ шляпы. Другіе подходятъ ко мнѣ и выражаются настоятельнѣе: надѣньте шляпу. Развѣ здѣсь нельзя не надѣвать шляпы. Нельзя. Безчисленная толпа двигалась передъ моими глазами. Всѣ ея члены безпрестанно поворачивались то въ ту, то въ другую сторону. Стояли другъ къ другу и задомъ и передомъ. Иные лицемъ къ стѣнѣ. Нѣкоторые на возвышеніи, а другіе внизу, взывали какія-то молитвы. При нѣкоторыхъ

звукахъ движеніе усиливалось: *Поди сюда, явись. Мы ждемъ тебя, скорѣе, да ну же скорѣе.* На всемъ этомъ движеніи, на всемъ этомъ шумѣ былъ такъ глубоко напечатлѣнъ характеръ ожиданія, призыванія и вмѣстѣ твердой увѣренности что казалось, вотъ онъ сейчасъ явится отсюда, оттуда, Мессія... Это было Еврейское богослуженіе. Я просто былъ пораженъ и стоялъ нѣсколько минутъ въ созерцаніи. Женщины молятся точно также, но въ особомъ помѣщеніи, на верху. Въ раздумьѣ о судьбахъ этого замѣчательнаго племени, пошелъ я оттуда бродить по заднимъ улицамъ Екатеринослава до своей квартиры и мнѣ припомнилось одно счастливое выраженіе Грановскаго: *Библія—вотъ Отечество Евреевъ*".

Между тѣмъ, хозяинъ квартиры, въ которой остановился Погодинъ, послалъ на мостъ нарочнаго, который долженъ былъ извѣстить, когда откроется на немъ ѣзда, и Погодинъ, чтобы не терять времени, отправился посмотрѣть Гимназію. „Она—пишетъ онъ — помѣщается теперь въ нѣсколькихъ лачугахъ. Познакомился съ директоромъ и инспекторомъ. Нѣтъ ли историческаго урока теперь? Есть въ седьмомъ классѣ. Учитель обратился ко мнѣ съ вопросомъ: Неугодно ли?.. Я, не разслушавъ порядочно, отвѣчалъ ему: Сдѣлайте милость, продолжайте заниматься, какъ слѣдуетъ по вашему порядку. Такъ мы будемъ читать описаніе Татарскаго нашествія г-на Соловьева. Меня такъ и обдало: слушать чтеніе Исторіи г-на Соловьева, по его книгѣ — какого наказанія придумать больнѣе! Пожался я, пожался нѣсколько минутъ, и не выдержалъ. Всталъ, и сказалъ, что мнѣ очень жаль попасть на чтеніе, изъ коего я не могу узнать ничего для себя новаго, и потому перейду въ другой классъ. Такъ я могу начать вопросы, сказалъ учитель, коимъ посвящается обыкновенно вторая половина урока. Сдѣлайте милость. Начались вопросы, и я предложилъ: Какое имя въ Русской Исторіи особенно важно для жителей Екатеринослава? Что за памятникъ стоитъ въ казенномъ саду? Какая колонна поставлена передъ соборомъ? Вопросы не оставались безъ отвѣта, если

что здѣсь Правленіе! „А дальше“?—Дальше еще дороже! Некогда было разспрашивать болѣе“.

Степь произвела впечатлѣніе на Погодина, и онъ писалъ: „Степь, степь и степь. По сторонамъ курганы. По дорогѣ чумаки ѣдутъ съ солью изъ Крыма, а въ Крымъ, большею частію порожнякомъ. Неужели нельзя бы для нихъ найдти грузу, и приноравливаться ко времени ихъ отправленій. Картины ихъ ночлеговъ. Телѣги, вверхъ оглоблями. Волы пасутся кругомъ. Разведенъ огонекъ, озаряющій... лица, и вспоминается Гоголь“...

Въ Каховкѣ, большомъ селеніи, „заваленномъ лѣсомъ“, Погодинъ переправился черезъ Днѣпръ. Въ Бериславлѣ запрягли имъ шесть лошадей, потому что дорога, сказали, очень дурная, а дорога оказалась отличная. Въ „Мѣловомъ должны были ночевать, потому что кузнецъ не брался чинить въ темнотѣ. Припасовъ никакихъ кромѣ яицъ, да и тѣ несвѣжія. А три болвана толкутся на станціи и двѣ бабы“.

На другой день, 8-го сентября, „кузнецъ,—пишетъ Погодинъ,—обѣщавшись съ вечера устроить все, не принимался за дѣло. Да что же ты не работаешь? Нынѣ праздникъ и началъ требовать въ три дорога. Прикащикъ началъ требовать, чтобъ взяли мы шесть лошадей, ссылаясь на предписаніе. Между тѣмъ, весь Крымъ объѣхали мы на четырехъ лошадяхъ, и потомъ отъ Воронцова до Харькова вездѣ давали намъ только четыре. Спрашивается—почему же на однихъ станціяхъ предписаніе исполняется такъ, а на другихъ иначе. Послѣ я придумалъ, какъ можно было отказаться отъ шести лошадей, не смотря на предписаніе: оно требовало пятой лошади, а ямщики запрягали шестую. Мнѣ надо бы отказываться отъ шести: вези на пяти, если такъ предписано, а на пяти везти нельзя. Пока производилась починка, ходилъ на сосѣдній курганъ. На верху сидѣлъ чабанъ, который показался мнѣ какимъ-то памятникомъ. Воронцовка — прекрасное селеніе на берегу Днѣпра, со множествомъ строеній очень хорошихъ“.

Проѣхавъ Новомосковскъ, Никополь, нашъ путешественникъ

прибылъ въ Екатеринославъ. Никополь показался ему „очень веселымъ“.

Въ Екатеринославѣ Погодинъ встрѣтилъ „университетскихъ воспитанниковъ“, которые „осыпали его своими ласками, и предоставили всѣ удобства“.

Здѣсь нашъ путешественникъ „осмотрѣлъ соборъ, которому—пишетъ онъ—Потемкинъ положилъ основаніе, занимаемое нынѣшнею оградою. Вотъ какое пространство долженъ онъ былъ занимать! Передъ соборомъ стоитъ колонна, привезенная изъ Корсуни.

„Потемкинскій дворецъ отдѣланъ теперь предводителемъ Миклашевскимъ, сыномъ того знаменитаго Миклашевскаго, котораго біографія напечатана въ *Русской Бесѣдѣ* Чижовымъ. Зала превосходная, украшенная отличнымъ портретомъ Екатерины II. Изъ сада, расположеннаго на горѣ, великолѣпный видъ на Днѣпръ съ его островами и береговыми горами.

„На площади строятъ теперь домъ для Гимназіи, что́ едва ли удобно, ибо городъ весь внизу, и бѣднымъ мальчикамъ ходить на гору въ ненастную погоду изъ дома, будетъ очень затруднительно. Говорятъ, какой-то министръ выбралъ мѣсто. Но министръ вѣдь былъ здѣсь наѣздомъ, и легко могъ прельститься живописностью положенія, на счетъ существенныхъ удобствъ. Бульваръ вдоль всего города, превосходный, посаженъ стариннымъ губернаторомъ Фабромъ, а послѣдующіе губернаторы оставляли въ пренебреженіи, какъ не свое произведеніе, и бульваръ предается опустошенію. Между тѣмъ какъ онъ могъ бы быть украшеніемъ любому Европейскому городу. Казенный садъ есть также отличное мѣсто для прогулокъ. Какой удивительный дубъ я здѣсь увидѣлъ... Другіе два такіе же срублены. Растительность здѣсь превосходная. Садъ этотъ, какъ узналъ я, подаренъ городу во времена Екатерины казакомъ Глобою, который завѣщалъ и похоронить себя здѣсь. Примѣчательное желаніе! Отыскалъ его памятникъ. Бѣдный, полуразрушенный, исписанный глупыми надписями. Но прошли года, поч-

тенный жертвователь позабыть, садъ оказался дорого стоющимъ относительно поддержанія и рѣшено его распродать по участкамъ. Молотокъ стукнулъ и явился промышленникъ. Теперь кто-то изъ гражданъ вспомнилъ о завѣщаніи, объ условіи и возникаетъ дѣло, которому нельзя не пожелать счастливаго окончанія въ пользу города, а не въ пользу суда. Екатеринославъ можетъ поправиться, когда устроится желѣзная дорога... Любопытно было бы добраться до причинъ, по коимъ Потемкинъ выбралъ именно это мѣсто. Мысль для столицы Новороссіи"...

10-го сентября 1860 года, Погодинъ выѣхалъ изъ Екатеринослава, но, подъѣхавъ къ Днѣпру, — „и что же, — пишетъ онъ: *стой!* Мостъ разведенъ потому что съ другой стороны пропускаются плоты съ дровами. Долго ли дожидаться? Часа три прождете. Поѣдемте назадъ, сказалъ ямщикъ, и мы поворотили оглобли. Предосадно"!..

Отпустивъ экипажъ, Погодинъ сталъ бродить по городу. Зашелъ въ приходскую церковь и нашелъ священно-служеніе „въ прекрасномъ порядкѣ, хотя народа почти не было". Пошелъ далѣе и остановился у другаго зданія, также, какъ показалось ему снаружи, храма. Вошелъ. „Множество народа толпится на паперти. Показались жидовскими физіономіями. Приходящіе надѣвали на шею какое-то шерстяное полосатое полотенце". Идетъ дальше: „открывается — пишетъ Погодинъ — огромное, высокое, круглое помѣщеніе, наполненное народомъ. Снимаю шляпу. Сосѣдъ взываетъ ко мнѣ: Надѣнь шляпу. Понявъ, что здѣсь совершается богослуженіе, не могу, по привычкѣ исполнить ихъ требованіе. Стою и гляжу безъ шляпы. Другіе подходятъ ко мнѣ и выражаются настоятельнѣе: надѣньте шляпу. Развѣ здѣсь нельзя не надѣвать шляпы. Нельзя. Безчисленная толпа двигалась передъ моими глазами. Всѣ ея члены безпрестанно поворачивались то въ ту, то въ другую сторону. Стояли другъ къ другу и задомъ и передомъ. Иные лицемъ къ стѣнѣ. Нѣкоторые на возвышеніи, а другіе внизу, взывали какія-то молитвы. При нѣкоторыхъ

звукахъ движеніе усиливалось: *Поди сюда, явись. Мы ждемъ тебя, скорѣе, да ну же скорѣе.* На всемъ этомъ движеніи, на всемъ этомъ шумѣ былъ такъ глубоко напечатлѣнъ характеръ ожиданія, призыванія и вмѣстѣ твердой увѣренности что казалось, вотъ онъ сейчасъ явится отсюда, оттуда, Мессія... Это было Еврейское богослуженіе. Я просто былъ пораженъ и стоялъ нѣсколько минутъ въ созерцаніи. Женщины молятся точно также, но въ особомъ помѣщеніи, на верху. Въ раздумьѣ о судьбахъ этого замѣчательнаго племени, пошелъ я оттуда бродить по заднимъ улицамъ Екатеринослава до своей квартиры и мнѣ припомнилось одно счастливое выраженіе Грановскаго: *Библія—вотъ Отечество Евреевъ*".

Между тѣмъ, хозяинъ квартиры, въ которой остановился Погодинъ, послалъ на мостъ нарочнаго, который долженъ былъ извѣстить, когда откроется на немъ ѣзда, и Погодинъ, чтобы не терять времени, отправился посмотрѣть Гимназію. „Она — пишетъ онъ — помѣщается теперь въ нѣсколькихъ лачугахъ. Познакомился съ директоромъ и инспекторомъ. Нѣтъ ли историческаго урока теперь? Есть въ седьмомъ классѣ. Учитель обратился ко мнѣ съ вопросомъ: Неугодно ли?.. Я, не разслушавъ порядочно, отвѣчалъ ему: Сдѣлайте милость, продолжайте заниматься, какъ слѣдуетъ по вашему порядку. Такъ мы будемъ читать описаніе Татарскаго нашествія г-на Соловьева. Меня такъ и обдало: слушать чтеніе Исторіи г-на Соловьева, по его книгѣ — какого наказанія придумать больнѣе! Пожался я, пожался нѣсколько минутъ, и не выдержалъ. Всталъ, и сказалъ, что мнѣ очень жаль попасть на чтеніе, изъ коего я не могу узнать ничего для себя новаго, и потому перейду въ другой классъ. Такъ я могу начать вопросы, сказалъ учитель, коимъ посвящается обыкновенно вторая половина урока. Сдѣлайте милость. Начались вопросы, и я предложилъ: Какое имя въ Русской Исторіи особенно важно для жителей Екатеринослава? Что за памятникъ стоитъ въ казенномъ саду? Какая колонна поставлена передъ соборомъ? Вопросы не оставались безъ отвѣта, если

не отъ того ученика, къ которому обращались, то отъ другихъ. Въ Гимназіи помнятъ Капустина, нынѣшняго профессора, который здѣсь кончилъ курсъ. Директоръ разсказалъ мнѣ, провожая, и о воскресной школѣ, имъ учрежденной. А много у васъ учениковъ? Плохо ходятъ, отвѣчалъ почтенный педагогъ, уже я относился оффиціально и въ Думу, и въ Полицію, чтобъ присылали дѣтей, но нѣтъ, все безуспѣшно. Въ Перми, я слышалъ, употреблены были мѣры, еще болѣе насильственныя, для заселенія Пріюта, а то Пріютъ основанъ, а сиротъ и бѣдныхъ нѣту"...

Наконецъ, часу въ первомъ, Погодинъ отправился въ дальнѣйшій путь, „успокоенный увѣреніемъ, что экипажъ его можетъ доѣхать благополучно до Харькова".

LXXII.

Долго любовался Погодинъ прекраснымъ видомъ на Екатеринославъ. Затѣмъ начали встрѣчаться нашему путешественнику Малороссійскія селенія, раскинутыя по пригоркамъ, въ тѣни тополей и черешенъ, и ему „вообразились повѣсти Гоголя".

По пути встрѣчалось множество кургановъ; но каменныхъ бабъ Погодинъ не видалъ уже ни одной, и при этомъ вспомнилъ о Вадимѣ Пассекѣ. Синее же небо съ ярко сверкающими звѣздами „наводило на размышленіе". На первой станціи нашлись спутники до Харькова, „съ коими ѣхать, какъ говорится, стало веселѣе".

11-го сентября, поутру, наши путешественники пріѣхали въ селеніе старовѣрческое. Пока перемѣняли лошадей, пишетъ Погодинъ, „я зашелъ посмотрѣть сходку, и послушать ораторовъ. Преинтересная картина, которую вѣрно получимъ мы отъ Соколова или отъ Трутовскаго... Я зашелъ въ церковь. Никакой отмѣны нѣтъ отъ Православной.—Единовѣрческая что-ли у васъ церковь? Причетникъ посмотрѣлъ мнѣ во всѣ глаза. Спросилъ того-другого и заключилъ, эти добрые люди

не имѣютъ понятія ни о православіи, ни объ единовѣріи, ни о поповщинѣ, ни о безпоповщинѣ. Умные священники, но умные не по семинарски, а по людски, облагороженные въ своихъ понятіяхъ и чувствованіи, покончили бы по многимъ мѣстамъ въ короткое время съ расколомъ, но они ему содѣйствуютъ, не по своей впрочемъ винѣ"...

Чтобы не попасть въ Харьковъ ночью, Погодинъ рѣшился ночевать „подъ гостепріимнымъ кровомъ" А. Н. Римаренко, съ которымъ онъ провелъ вечеръ „въ поучительной бесѣдѣ". Римаренко разсказывалъ Погодину о тамошнихъ хозяйствахъ. „Одинъ смышленный колонистъ, напримѣръ,—передаетъ Погодинъ,— разбогатѣвъ своей дѣятельностію, сталъ скупать земли и скупилъ, какъ бы вы думали сколько? Двѣсти пятьдесятъ тысячъ десятинъ. Одинъ графъ Канкринъ владѣетъ 90 тысячами. У Миклашевскаго шестьдесятъ. Римаренко знаетъ еще много подробностей о Кузинѣ, бывшемъ знаменитомъ откупщикѣ, предшественникѣ Кокорева, и я просилъ его записать все на память и вмѣстѣ поручилъ ему просить о томъ же его зятя, Н. Д. Алфераки, съ которымъ я встрѣтился двадцать лѣтъ назадъ въ Маріенбадѣ. У насъ пропадаютъ безъ вѣсти всѣ такія примѣчательныя личности. Въ этомъ же родѣ я слышалъ много въ Саратовѣ о Злобинѣ. О Кузинѣ я знаю только, что онъ помогъ много Надеждину, при ссылкѣ его въ Усть-Сысольскъ, заплатя его долги, потому только, что былъ съ одной съ нимъ стороны Рязанской. Третьимъ предметомъ разговора были шерсть и лѣсъ—главныя изъ здѣшнихъ произведеній. Духъ промышленности начинаетъ наконецъ проникать и сюда. Одинъ помѣщикъ завелъ богатое заведеніе для приготовленія столярныхъ вещей. Римаренко показалъ намъ свои картины-копіи, коимъ посвящаетъ онъ свободное отъ занятій время, и достигъ до той степени, что получилъ одобреніе и ободреніе Айвазовскаго. Онъ отстраиваетъ домъ своего товарища, также университетскаго воспитанника, Г. И. Щербакова.

„Въ заключеніе, Римаренко разсказалъ Исторію одного пасквиля, надѣлавшаго много шума, года два назадъ. Дурно иными понимается гласность. Точно такой же примѣръ, я слышалъ и въ Астрахани. Списать нѣкоторыя черты съ натуры, и выдумать множество другихъ изъ головы, да и пустить по свѣту изображеніе, при которомъ тотчасъ восклицается: это вотъ кто.—Развѣ это позволительно? И можно-ли ссылаться здѣсь на искусство. Вмѣсто дѣльныхъ извѣстій изъ губерній, полезныхъ, нужныхъ, даже и въ обличительномъ родѣ, мы получаемъ большею частію сплетни и вредныя выдумки, коими дается только благовидный предлогъ друзьямъ тьмы".

Простившись съ Римаренкой, Погодинъ продолжалъ свой путь, и „около вечеренъ, страшными тяжелыми песками, напомнившими ему разсказъ Кокорева о песчаныхъ рамахъ Русскихъ городовъ, мимо Основы, жилища Квитки, пріѣхалъ въ Харьковъ".

Изъ знакомыхъ, вечеромъ, Погодинъ могъ отыскать только помощника попечителя, К. К. Фойгта, отъ котораго получилъ свѣдѣнія о завтрашнихъ лекціяхъ.

Все утро Погодинъ посвятилъ Университету. „Первая лекція,—пишетъ онъ,—изъ Всеобщей Исторіи, Ливскаго, совершенно мнѣ неизвѣстнаго, — о Китаѣ. На второй встрѣтился опять съ г. Соловьевымъ. Профессоръ (Зернинъ) излагалъ теорію родоваго быта. Согрѣшилъ видно я на дорогѣ! Принялся однакожъ слушать внимательно, чтобъ провѣрить свое старое мнѣніе объ этомъ миражѣ, и не услышалъ ни единаго слова въ назиданіе. Рѣшился выдать скорѣе свой разсчетъ съ этою темою, которую я намѣревался разобрать въ заключеніе своихъ *Изслѣдованій* объ удѣльномъ періодѣ, подобно тому, какъ разобралъ скептическую школу въ заключеніе изслѣдованій о Норманскомъ періодѣ. Несчастные молодые люди, учители и преподаватели, оглушенные журнальнымъ звономъ, останавливаются на этомъ вздорѣ, и приводятъ въ заблужденіе своихъ паціентовъ, задерживая изученіе. Третья лекція — о Политической Экономіи—Сокальскаго. Четвертая —Каченов-

скаго, любимаго университетскаго профессора, о представительной системѣ правленія.

И все то благо, все добро.

„На физіономіяхъ студентовъ примѣтно было вниманіе Лекціи всѣ преподавались съ достоинствомъ. Въ профессорской комнатѣ услышалъ я много почтенныхъ именъ, и услышалъ много умныхъ рѣчей. Университетъ, въ послѣднее время, кажется, много выигралъ. Дай Богъ ему съ прочими всякаго преуспѣянія".

Въ Минцъ-Кабинетѣ Погодинъ увидѣлъ портретъ Рижскаго, автора знаменитой Риторики, который былъ здѣсь первымъ ректоромъ. Погодинъ пожелалъ снять съ него копію для своей Галлереи.

За симъ Погодинъ посвятилъ свое время визитамъ. Посѣтилъ почтеннаго старца Петра Петровича Артемовскаго-Гулака, и—пишетъ Погодинъ—„явился къ нему какъ помолодѣлый, а онъ еще въ 1829 году, т.-е. слишкомъ тридцать лѣтъ назадъ, встрѣтивъ меня вмѣстѣ съ покойнымъ Даниловичемъ, сказалъ, что считалъ меня тогда старикомъ. Первые звуки Малороссійской музы, и какіе звуки! принадлежатъ ему; но молодое, неблагодарное поколѣніе, старается отыскать вездѣ что-нибудь отрицательное. Онъ славился также своими національными разсказами, своими анекдотами. Онъ читалъ Исторію по Карамзину, но неужели Соловьевъ знаменуетъ прогрессъ?

„Разспрашивалъ о блистательномъ талантѣ, открывшемся въ здѣшней странѣ, о г-жѣ Кохановской. Образовалась здѣсь въ Институтѣ, подъ руководствомъ Петра Петровича".

Второе посѣщеніе было къ Матвѣю Алексѣевичу Борисову, брату преосвященнаго Иннокентія. Онъ жаловался Погодину, что дѣло, и какое дѣло, объ изданіи сочиненій его брата, все тянется по какимъ-то инстанціямъ, „а между тѣмъ,—замѣчаетъ Погодинъ, — жаждущіе и алчущіе ждутъ напрасно питательной пищи и освѣжительнаго питія, а мы истощаемся въ жалобахъ о недостаткѣ хорошихъ книгъ

для общества. Да не мѣшайте тому, что есть, и этого пока довольно. Какое-то вѣдомство, которому покойный завѣщалъ въ пользу изданіе *Послѣднихъ дней жизни земной Іисуса Христа* затѣваетъ съ братомъ тяжбу, приписывая себѣ право печатанія во вѣки вѣковъ... Странная судьба этой книги. Она написана въ 20-хъ годахъ, и подняла собою *Христіанское Чтеніе*, которое должно было тогда напечатать два или три раза. Особо печатать ее было не дозволено, хотя Иннокентій, бывъ уже архіереемъ, хотѣлъ ее напечатать. Ее вѣрно разошлось бы въ продолженіе двадцати лѣтъ тысячь сто экземпляровъ.—Теперь другое время, и хотя книга найдетъ еще много читателей, но прежніе охотники остались безъ нея".

Харьковъ, по замѣчанію Погодина, „распространяется и украшается годъ отъ году, съ легкой руки Кузина"...

Въ Харьковѣ Погодинъ оставилъ свой экипажъ, „братый на прокатъ", и, благодаря добрымъ знакомымъ, устроилъ свой путь до Москвы въ особомъ дилижансѣ.

Ни архіерея, ни губернатора, ни попечителя, во время пребыванія Погодина въ городѣ не было; а въ то время архіерействовалъ въ Харьковѣ историкъ Русской Церкви Макарій.

Вечеромъ, 13 сентября, Погодинъ пріѣхалъ въ Бѣлгородъ, и долженъ былъ „свернуть съ мощеной дороги въ гостинницу, исколесить чуть-ли не цѣлую версту". Спрашивается,—пишетъ онъ,—„по какому праву можно отнимать у насъ такъ время и причинять безпокойство, изъ угожденія трактирщику? Почему же не заставить его перенесть гостинницу на большую дорогу изъ своего захолустья"?

Въ Курскѣ, замѣчаетъ Погодинъ, „нашлись добрые люди, которые снабдили насъ и хлѣбомъ, и солью, виномъ, и елеемъ съ присоединеніемъ двухъ огромнѣйшихъ арбузовъ".

Нѣкто И. И. К. возилъ Погодина въ городской садъ. „Видъ оттуда,—пишетъ онъ,—на противоположную сторону безподобный, прелестный. Прекрасныя аллеи, высокія деревья, а гулянья нѣтъ".

И Орелъ, и Тула, по замѣчанію Погодина, „строятся и украшаются. Лѣтъ пятнадцать не ѣздилъ я по этой дорогѣ, и нельзя узнать этихъ городовъ“.

Изъ Тулы Погодинъ вздумалъ заѣхать въ Богучарово. „Мнѣ хотѣлось — пишетъ онъ — передать скорѣе Хомякову свои дорожныя впечатлѣнія. Поворачиваю. — Да барина нѣтъ дома, сказалъ мнѣ ямщикъ. — Не можетъ быть. — Право нѣтъ. Я вчера былъ здѣсь, и мнѣ сказали навѣрное. — Куда же онъ уѣхалъ? — Въ степь, на заводъ. — Ну такъ вотъ отдай ему записочку“.

„Думалъ ли я, — съ горечью приписываетъ Погодинъ, — что дни любезнаго Алексѣя Степановича уже сочтены, что черезъ недѣлю его уже не будетъ на свѣтѣ“.

Подъ 17 сентября 1860 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Подъѣзжаемъ къ Москвѣ. Удовольствіе. Пріѣхали. Въ баню. Радъ отдыху“.

LXXIII.

Возвратясь въ Москву, Погодинъ приступилъ къ описанію своего путешествія.

Въ *Дневникѣ* его, подъ 22 сентября 1860 года, записано: „Началъ писать дорожныя записки“.

Свои *Дорожныя Записки* Погодинъ отправилъ къ А. А. Краевскому, для напечатанія ихъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Краевскій писалъ ему: „Душевно благодарю васъ за *Дорожныя Записки* и весьма радъ, что вы наконецъ рѣшились печататься въ моихъ изданіяхъ. *Дорожныя Записки* посланы въ Типографію, откуда пойдутъ по мытарствамъ; а такъ какъ онѣ задѣваютъ нѣсколько вѣдомствъ, то благоразумный цензоръ, вѣроятно, и пошлетъ ихъ въ эти вѣдомства“.

Въ другомъ письмѣ, Краевскій писалъ: „Ваши путевыя замѣтки пошли гулять по цензурамъ, и прежде всего попали въ цензуру Министерства Государственныхъ Имуществъ“.

Дорожныя Записки были набраны съ слѣдующимъ при-

мѣчаніемъ: „Редакція извиняется предъ авторомъ, что печатаетъ его статью не вполнѣ: значительную часть статьи она не могла помѣстить, по причинамъ, отъ нея независящимъ".

Однако, печатаніе даже въ сокращенномъ видѣ не пошло далѣе корректуры, и на послѣдней послѣдовало слѣдующее veto цензора Веселаго:

„По опредѣленію Комитета, печатать не дозволено".

Въ Погодинскомъ архивѣ, къ сожалѣнію, сохранились только черновые отрывки этихъ *Дорожныхъ Записокъ*, которые и послужили намъ единственнымъ источникомъ при описаніи путешествія Погодина въ 1861 году.

Дорожнымъ Запискамъ своимъ Погодинъ предпослалъ *нѣсколько общихъ замѣчаній, составлявшихся изъ его наблюденій, размышленій и бесѣдъ со встрѣчными.*

„Людей образованныхъ,—писалъ Погодинъ—благонамѣренныхъ, внимательныхъ, принимающихъ живое участіе въ общественныхъ дѣлахъ и судьбахъ, у насъ, безъ всякаго сомнѣнія, значительно умножается. На пароходахъ, въ гостинницахъ, въ собраніяхъ, на ночлегахъ, безпрестанно встрѣчаете личности, съ которыми очень пріятно побесѣдовать и отъ которыхъ всегда узнаешь что-нибудь новое, любопытное, полезное. Вотъ самое пріятное, утѣшительное впечатлѣніе, которое получаетъ путешественникъ.

„Мы идемъ впередъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но отчего же эти люди не производятъ никакого особеннаго вліянія вообще на ходъ дѣла? Чувствуешь, что это одинокіе, безпомощные, слабосильные дѣятели, а одному и у каши не споро, говоритъ пословица. Или—не это ли частное, индивидуальное развитіе есть конечная цѣль Русскаго общества? Дальше его оно дойти никуда не можетъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ посмотришь съ этой точки, какія личности у насъ представляются во всѣхъ родахъ: Карамзинъ, Пушкинъ, Ломоносовъ, Иннокентій, Филаретъ, Суворовъ, Кулибинъ, Гоголь, Сперанскій; или въ древности: Мономахъ, Ѳеодосій,

Сергій, Филиппъ, Сильверстъ, Скопинъ-Шуйскій, Борисъ Годуновъ, Посошковъ, а Петръ! Я называю имена безъ порядка, а какой-бы длинный списокъ можно развернуть! На эту мысль, помню, я намекалъ нѣсколько разъ въ *Москвитянинѣ*.

„Единогласнаго добраго отзыва я не слыхалъ ни о комъ. Нѣтъ нигдѣ ни одного лица, къ которому бы обращались общіе взоры, которое-бъ пользовалось общею довѣренностью. Большею частію отзывы раздѣляются на двое: одни хвалятъ и прославляютъ, другіе охуждаютъ и поносятъ. Терпимости никакой... Скажу болѣе: охоты, расположенія похвалить, даже отдать справедливость, встрѣчается рѣдко. Осуждать, бранить, насмѣхаться, чѣмъ скандальнѣе, тѣмъ пріятнѣе. Попадались имена, о которыхъ впродолженіе двухъ-трехъ дней слышалось хорошее. Ну вотъ, думалось, нашелся порядочный человѣкъ. Куда! На третій или на четвертый день раздавались о немъ такіе благовѣсты, что хоть уши затыкай. Пристрастіе, отсутствіе справедливости—явленія самыя обыкновенныя.

„Примѣчается какой-то разладъ въ душахъ, общее неудовольствіе. Кажется, всякій желаетъ сорвать на комъ-нибудь сердце, излить свою желчь.

„Посмотрите на другія страны. Тамъ на оборотъ: Французы всѣми силами стараются хвалить. Самые враги готовы отдать справедливость за то или другое достоинство. Гизо—о, это краснорѣчивый ораторъ, это безкорыстный министръ, это ученый профессоръ, но упрямъ и проч. Дюпень—о, это великій юристъ, это острякъ необыкновенный, но онъ тщеславенъ и пр. Берье—quel talent, quel genie, хоть онъ и беретъ жалованье отъ легетимистовъ за защиту ихъ убѣжденій. У чуть-чуть непосредственнаго государственнаго или ученаго человѣка, у него есть уже толпа почитателей, единомышленниковъ, а мы всѣ на-двое или на-трое. Причина можетъ быть оттого, что мы не знаемъ другъ друга, не имѣемъ возможности объясниться вполнѣ...

„Деспотизмъ и подобрастіе въ духѣ Русскаго человѣка нашего времени. Онъ пропитанъ имъ до глубочайшихъ фибровъ своего организма. Протяните веревку и поставьте солдата, которому не велите пропускать никого. Изъ него возникнетъ деспотъ, которому уже и чортъ не братъ. Мало того, что онъ никого впускать не будетъ за веревку, онъ будетъ радъ никого не пускать, онъ будетъ радъ толкнуть васъ пошибче въ грудь... Чѣмъ нужнѣе вамъ перебраться за веревку, чѣмъ ощутительнѣе видны ваши желанія, тѣмъ ему слаще вамъ отказывать.

„Всѣ наши начальники—суть чиновники, дѣлопроизводители, бумажники. Жизнію имъ некогда заниматься, подмѣчать ея явленія, проникать въ ихъ причины, предугадывать слѣдствія, прокладывать пути, облегчать сообщенія. Да и вообще дѣлать добро, кромѣ бумажнаго, у нихъ связаны руки. Ничего не хотятъ они брать на свою, такъ называемую отвѣтственность, и стараются только переваливать съ больной головы на здоровую. Имѣть всѣ дѣла по бумагамъ очищенными, а тамъ хоть трава не расти. Мнѣ кажется, во всякой губерніи, во всякомъ городѣ, во всякой области, кромѣ дѣлопроизводителя, нуженъ еще хозяинъ, у котораго не было бъ никакого опредѣленнаго занятія, но который занимался бы всѣмъ, хозяинъ, у котораго помощницей и Канцеляріей была бы гласность. Въ дѣтствѣ читалъ я въ одномъ романѣ, кажется, въ приключеніяхъ Еразма Шлейхера, подобное лицо, запавшее съ тѣхъ поръ въ мое воображеніе. Въ средніе года, лѣтъ тому пятнадцать, мысль о такомъ хозяинѣ промелькнула у меня вотъ по какому случаю: Ѣхалъ я въ Порѣчье, къ графу Уварову. Въ Можайскѣ не случилось лошадей. Въ ожиданіи, я пошелъ бродить по городу по заднимъ улицамъ. Вижу полуразвалившіеся домишки, покачнувшіеся заборы, пустыри—тянулись одинъ за другимъ. Ни малѣйшаго движенія: кое-гдѣ бабы пробирались съ ведрами, или всклокоченные ребятишки пачкались въ грязи. Кто же обитаетъ въ этихъ хижинахъ, чѣмъ они снискиваютъ себѣ пропитаніе, какъ они проводятъ время? Заглядывалъ ли подъ эти соло

менныя крыши какой-нибудь губернаторъ или городничій. Городничій—вѣдь это раненый офицеръ изъ призрѣваемыхъ Комитетомъ 19 марта. Если онъ не дѣлаетъ произвольныхъ поборовъ, если получаетъ подарки только въ день своего ангела,—если онъ не бьетъ по щекамъ и въ рыло всякаго встрѣчнаго съ непріятною для него физіономіею, то онъ уже и прекрасный человѣкъ..... Принять рапорты отъ держимордъ о благополучіи города, подписать нѣсколько исходящихъ бумагъ, не пора-ли позавтракать—хватить чепаруху водочки или пѣнничка, вмѣстѣ съ пріятелемъ засѣдателемъ, поговорить о производствахъ, а потомъ обѣдать, всхрапнуть; но вотъ уже и ломберный столъ раскрытъ, и мѣлки со щеточками принесены, и Ѳедоръ Григорьевичъ дожидается. Пора вставать. Дмитрій-то Петровичъ что то не показывается. Заспался. Вѣстовой, сбѣгай-ка за Бугровымъ: стыдно такъ убивать золотое время, карточки уже вданы, и Ѳедоръ Григорьевичъ сердится.

„Губернаторъ—когда прикажете губернатору шататься по всякимъ логовищамъ и вертепамъ. Они разъѣзжаютъ въ извѣстное время, къ которому все чистится, бѣлится и румянится, приготовляется вкусный завтракъ и обѣдъ. Эти господа или берутъ преміи съ содержателей станцій, или просто прокатываются для своего удовольствія и здоровья. Заглянулъ ли напримѣръ кто-нибудь изъ нихъ въ нужное мѣсто безъ нужды.

„Станціонные смотрители—какъ можно было бы, кажется, устроить этотъ классъ, и образовать ими правильное зажиточное, оригинальное сословіе. Каково живутъ содержатели почтъ въ Германіи и даже въ Польшѣ! Не много поздно, потому что желѣзными дорогами вытѣсняются станціи и почтовая гоньба. Но у насъ еще далеко до повсемѣстной сѣти желѣзныхъ дорогъ.

„Во-первыхъ, надо дать имъ средство завести хорошо свое хозяйство—корову, пятокъ свиней, овецъ и барановъ, утокъ, гусей и индѣекъ, чтобъ они могли утолить голодъ всякаго

проѣзжающаго, предлагая ему сливки, творогу, яичницу, свѣжее жаркое. Содержать на станціи и скотъ и птицу гораздо удобнѣе и легче, чѣмъ гдѣ-нибудь. Отчего у васъ ничего нѣтъ? Спрашиваетъ теперь на станціи съ досадою голодный путешественникъ.—Нельзя намъ держать: купишь, а никто не спроситъ, ну и испортится провизія, и потерпѣлъ убытки.—Такъ вы выбирайте такіе припасы, которые не портились-бы, и между тѣмъ всегда были-бъ на готовѣ. Удивительная безпечность, лѣность, неразвитость, невѣжество. Впрочемъ, нынѣшніе смотрители гораздо лучше, благочиннѣе, учтивѣе прежнихъ злодѣевъ крокодиловъ. Выберите изъ нихъ лучшихъ, способнѣйшихъ, исправнѣйшихъ. Разумѣется, изъ одного центра этого не сдѣлаешь, а надо въ каждой губерніи образоваться центру. А какъ же ихъ выбирать? Для этого нужны внимательность, старательность, проницательность высшаго чиновника, а ему некогда: вчерашняя партія еще не доиграна!

„Спросите у этихъ выборныхъ смотрителей, что̀ для нихъ нужно, чтобъ улучшить ихъ бытъ и вмѣстѣ доставить средства для путешественниковъ? Ну, давайте первому попавшемуся вамъ на глаза съ обѣщающей физіономіей, только не крестнику, не мужу вашей горничной, отпущенной на волю, дайте ему сто, двѣсти, триста р. с. на обзаведеніе изъ экстерныхъ почтовыхъ суммъ, кои онъ вамъ будетъ выплачивать въ срокъ съ казенными процентами. Потери бояться нечего, ибо онъ всегда въ вашихъ рукахъ, и вы смотрителя можете обратить въ почталіона.

„По всей дорогѣ тотчасъ разнесется молва, что въ такомъ-то Малаховѣ можно хорошо закусить или напиться чаю.

„Хозяйство—этого мало: со временемъ вы пособите ему, удостовѣрясь въ его успѣхѣ, содержать самому станцію и имѣть собственныхъ своихъ лошадей.

„Сдѣлайте опытъ, сперва хоть на разстояніи ста верстъ, а потомъ больше и больше.

„Напиться чаю—это единственное наше услажденіе, но

какъ рѣдко его достанешь вполнѣ. Гдѣ хорошая вода? Гдѣ вычищенъ самоваръ? Гдѣ не перепрѣлый кипятокъ?

„На одномъ чаѣ, умѣючи взяться за дѣло, можетъ выиграть смотритель много, если приготовить все чисто, и спросить какъ можно дешевле.

„Надо сказать еще два слова о прислугѣ: солдатъ играетъ здѣсь значительную роль... Его надо воспитать, растолковать ему въ подробности всѣ обязанности, да не мѣшаетъ позаботиться и о костюмѣ смотрителевой жены (у смотрителя мундиръ все прикрываетъ). Работницѣ можно также кое-что замѣтить. Перевоспитаніе всѣхъ этихъ личностей принадлежитъ почт-инспектору".

Въ продолженіе всего путешествія Погодина, одна „хозяйственная истина" бросалась ему въ глаза. „Не во гнѣвъ— писалъ онъ — теоріямъ, системамъ, нашимъ Рикардо или Мальтусамъ: непремѣнно нужно перемѣнить нашу счетную единицу, и вмѣсто серебрянаго, такъ называемаго рубля, считать такъ называемымъ ассигнаціоннымъ, просто рублемъ, равняющимся франку. Перемѣна цѣнъ на вещи, нынѣшняя дороговизна произошла отчасти отъ счета на серебряные рубли.

„Неужели народное самолюбіе помѣшаетъ принять Французскую единицу, какъ самую удобную. Впрочемъ, нашъ прежній ассигнаціонный рубль совершенно былъ тожественъ съ нею.

„Удобство много значитъ: рубль одинъ, напримѣръ, дать иногда мало, а три много, два неловко... То ли дѣло прежнія синенькія и красненькія.

„Гостинницы въ городахъ непремѣнно должны быть подчинены надзору.

„Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій сказалъ: „Мы, прохаживаясь по дѣламъ должности, вотъ съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, здѣшнимъ помѣщикомъ, зашли нарочно въ гостиницу, чтобы освѣдомиться, хорошо ли содержатся пріѣзжающіе, потому что я не такъ, какъ иной го-

родничій, которому ни до чего дѣла нѣтъ; но я, кромѣ должности, еще, по христіанскому человѣколюбію, хочу, чтобъ всякому смертному оказывался хорошій пріемъ — и вотъ, какъ будто въ награду, случай доставилъ такое пріятное знакомство".

„Пора принять эти благонамѣреннаго чиновника слова за образецъ, къ свѣдѣнію и исполненію. Почему не назначить чиновника (ихъ бываетъ по стольку по особеннымъ порученіямъ у губернатора), котораго обязанность состояла бы въ безпрерывныхъ разъѣздахъ по гостинницамъ для удостовѣренія въ ихъ опрятности, учтивости, сходныхъ цѣнахъ.

„Вообразимъ себѣ, что принята мысль моя къ исполненію. Опредѣленъ чиновникъ,—и поѣхалъ онъ осматривать гостинницы: здѣсь онъ угощенъ завтракомъ, устрицы, лафитъ, сотернъ и пожарская котлетка. Тамъ заданъ ему обѣдъ съ трюфлями и шампанскимъ. Послѣ—вечерній чай съ печеньемъ отъ Шуберта. А тамъ, неугодно ли отдохнуть, взятъ особый нумеръ,—и съ принадлежностями. Послѣ перваго объѣзда содержатели гостинницы дѣлаютъ раскладку и приносятъ чиновнику свой добровольный оброкъ,—и всѣ дѣла съ чиновникомъ пошли въ гостинницахъ хуже. За номеръ съ пріѣзжающихъ берется вдвое, порціи уменьшены, и грязи и сора въ корридорахъ на пол-вершка выше.

„Такъ ли читатели? Такъ, получаю я единогласный отвѣтъ. Всѣ подобныя должности исполняются у насъ стереотипно. Что же дѣлать? Губернаторъ долженъ узнавать хорошенько своихъ чиновниковъ, дѣлать изъ этого узнаванья систематическаго, разнообразнаго, разносторонняго—часть своей обязанности, разспрашивать объ нихъ умѣючи, заглядывать къ нимъ въ дома, разузнавать объ ихъ образѣ жизни, состояніи и пр. и пр., и на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, поручать имъ должности по способностямъ... Выбирете честнаго чиновника и поручите ему гостинницы... О гостинницахъ никто у насъ не думалъ, и хорошая, чистая, дешевая, честная гостинница есть благодѣяніе путешественникамъ, которыхъ вездѣ намъ надо

ожидать много... Теперь въ однѣхъ гостинницахъ дерутъ жестоко, въ другихъ кормятъ гадко, въ третьихъ нечистота, въ четвертыхъ грубость.

„А подворья-то? Заглядывалъ ли туда кто, кромѣ квартальнаго, приходящаго за оброкомъ“.

LXXIV.

15 августа 1860 года, изъ Лѣснаго, близъ Петербурга, князь П. А. Вяземскій писалъ Шевыреву: „По словамъ Плетнева (нынѣ сосѣда моего по дачѣ), я все поджидалъ васъ сюда на пути въ чужіе края. Жаль, если вы отмѣнили поѣздку свою, а еще хуже если обстоятельства заставили отмѣнить. Человѣку хорошо обновлять иногда воздухъ своего внѣшняго и внутренняго жилья. Это придаетъ силу, бодрость, укрѣпляетъ и растворяетъ легкія. Да и Россію иногда какъ то чище любишь издали; а то право поневолѣ тошно бываетъ смотрѣть на нее сквозь наши обличительные журналы“ [196]).

Шевыревъ отвѣчалъ: „Я нисколько не измѣнилъ своего намѣренія ѣхать за границу, напротивъ, болѣе чѣмъ когда нибудь я остаюсь ему вѣренъ. Письмо ваше застало меня въ укладкѣ книгъ... Беру съ собою порядочную Русскую библіотеку. Я какъ улитка: тяжелъ мнѣ этотъ домъ книжный, но я безъ него жить не могу“ [197]).

„Воротившись съ Кавказа,—писалъ Погодинъ Максимовичу —я не узналъ почти Шевырева: такъ онъ въ послѣдніе полгода похудѣлъ, постарѣлъ, посѣдѣлъ. Страшно было смотрѣть на него. Разбойники почти доконали его. Безпрерывныя ругательства и поношенія, при слабости его характера, имѣли на него пагубное дѣйствіе. Вотъ и награда за труды“ [198])!

Передъ отъѣздомъ Шевырева за границу, Погодинъ сталъ хлопотать объ устройствѣ прощальнаго обѣда [199]). Съ этою цѣлію онъ обратился къ В. Н. Лешкову съ слѣдующимъ

письмомъ: „Нельзя пустить намъ любезнаго Шевырева за границу, не выразивъ ему нашего участія, не пожелавъ ему обновленія силъ. Надо устроить въ честь его обѣдъ, въ воскресенье, въ 4 часа, въ моемъ домѣ. Цѣна по пяти р. с. Предложите изъ университетскихъ: Крылову, Варвинскому, Щуровскому, Бѣляеву, Бабсту, Матюшенкову и вообще кому заблагоразсудите“.

О томъ же писалъ Погодинъ и Н. Ф. Павлову: „Нельзя пустить намъ любезнаго Шевырева за границу безъ выраженія ему нашихъ благожеланій. Надо устроить въ честь его обѣдъ, хотя тихій и скромный. Предлагаю собраться у меня въ воскресенье, къ 4 часамъ. Плата по 5 р. Предувѣдомьте, кого вы знаете и заблагоразсудите. Мнѣ пришли на умъ слѣдующія лица: Вяземскій, Мельгуновъ, Павловъ, Сушковъ, Лешковъ, Крыловъ, Иноземцевъ, Варвинскій. Щуровскій, Островскій, Алмазовъ, Бартеневъ, Безсоновъ, Фетъ, Григорьевъ, Бѣляевъ, Вельтманъ, Даль, Щепкинъ, Кокоревъ, Мамонтовъ, Лобковъ, Бабстъ, Ницманъ, Кубаревъ, Миллеръ, Гиляровъ, Масловъ“.

Кромѣ того, приглашенія на обѣдъ были отправлены къ слѣдующимъ лицамъ: князю В. Ѳ. Одоевскому, графинѣ М. Ѳ. Сологубъ, С. А. Соболевскому, Юрію, Дмитрію, Петру, Владиміру, Николаю Ѳедоровичамъ Самаринымъ, О. С. Аксаковой, А. П. Елагиной, Василію и Николаю Елагинымъ, А. В. Веневитинову, Б. К. Данзасу, В. П. Титову, И. С. Аксакову, князю А. Н. Волконскому, графу А. С. Уварову, князю Борису Дмитріевичу Голицыну, князю В. А. Щербатову и князю Г. А. Щербатову.

Въ *Дневникѣ* Погодина, по поводу предполагаемаго обѣда, мы находимъ слѣдующія отмѣтки:

Подъ *21 сентября 1860 года*: „Къ Шевыреву, ѣдущему въ Италію. Съ Бецкимъ. Подъ дождемъ домой. Мысль дорогою дать Шевыреву обѣдъ“.

— *22* — — — : „Лешковъ, Павловъ объ обѣдѣ. Думалъ о рѣчи“.

Въ тотъ же день Погодинъ писалъ Шевыреву: „Мнѣ, а вѣрно и многимъ другимъ, хочется выразить тебѣ, передъ отъѣздомъ, нашу къ тебѣ любовь, и пожелать тебѣ соборно обновленія твоихъ силъ подъ небомъ любезной для тебя Италіи. Нельзя же пустить тебя намъ безмолвно! Но какъ это сдѣлать? Времени два-три дня. Надо повѣстить, получить отвѣтъ и проч., что̀ очень затруднительно изъ моей дали. Нельзя ли устроить обѣдъ въ воскресенье, такъ чтобы ты, прямо съ обѣда изъ моего дома, пустился въ путь? Увѣдомь меня. Если же ты не останешься до воскресенья, то все-таки, наканунѣ хоть отъѣзда, вечеромъ пріѣзжай ко мнѣ, и я приглашу кого можно изъ твоихъ пріятелей и доброжелателей... Какъ я радъ, что ты ѣдешь въ Италію. Она тебя оживитъ, и ты воротишься почти такой же какъ во время оно“ [200]).

На это письмо Шевыревъ отвѣчалъ: „Благодарю, благодарю тебя, милый другъ Михаилъ Петровичъ. Сладко мнѣ видѣть, какъ ты меня любишь. Но обѣда принять я не въ силахъ: слишкомъ усталъ. Въ воскресенье, 25 сентября, въ день преподобнаго Сергія, подъ его святой охраной, послѣ ранней обѣдни, отпѣвъ путевой молебенъ въ церкви, мы поѣдемъ. Въ субботу я цѣлый день дома: отдыхаю и укладываюсь. Завтра, въ пятницу, окончу всѣ свои визиты и послѣдній мой визитъ будетъ къ тебѣ на чашку чаю, но безъ ужина. Если кого пригласишь чрезъ записки, мнѣ будетъ пріятно проститься, особенно университетскихъ товарищей, которые живутъ далеко: Щуровскаго, Зернова, къ которымъ не знаю какъ попаду. Отъ тебя уѣду въ 11 часовъ, чтобы не утомиться. Боюсь устать слишкомъ. Благодарю еще разъ и обнимаю. Много сладкаго я увожу съ собою. Это капиталъ сердца: въ немъ и твоя неизмѣнная любовь, и твое приглашеніе“.

Подъ *23 сентября 1860 года*, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Вечеромъ Шевыревъ. Радъ, что онъ ѣдетъ, но все у него Робеспьеръ и Маратъ на языкѣ. Жаль,

что не состоялся обѣдъ и не могъ я заявить настоящихъ отношеній. Мѣшалъ Бецкій".

Въ это время въ Москвѣ пребывалъ князь П. А. Вяземскій, и Шевыревъ еще 19-го сентября писалъ Погодину: „Князь Вяземскій поручилъ сказать тебѣ, что онъ здѣсь; остановился въ Леонтьевскомъ переулкѣ, въ домѣ княгини Трубецкой" [201]).

Подъ *25 сентября 1860 года*, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Къ обѣдни и молебну. Искренно помолился за Шевырева. Тяжело смотрѣть на него: такъ онъ похудѣлъ, постарѣлъ, изнемогъ. Проводилъ до Серпуховской заставы и благословилъ".

При прощаніи, Шевыревъ напомнилъ Погодину о словахъ Гоголя: *Теперь Погодинъ будетъ все рости, а мы уменьшаться*".

Въ своихъ *Воспоминаніяхъ* о Шевыревѣ Погодинъ писалъ: „Я, смотря на Шевырева съ прискорбіемъ, былъ увѣренъ, что онъ не поправится и что я не увижу его болѣе" [202]).

Изъ Варшавы, 7 октября 1860 года, Шевыревъ писалъ Погодину: „Вотъ мы и въ Варшавѣ, на двѣнадцатый день по отъѣздѣ. И то слава Богу! Знаменитое шоссе отъ Москвы до Варшавы превратилось мѣстами въ такую головоломную Одиссею, написанную новыми гомерами-инженерами, что и разсказать страшно. Почты содержатся хорошо. Но отъ Слуцка отнялъ у насъ почтовыхъ царскій поѣздъ въ Вильно и Бѣловежскую пущу. Ѣхали на обывательскихъ до самого Бреста. Все это оставлю до путевыхъ впечатлѣній, которыя буду писатъ дорогою. Ихъ скопилось много для перваго письма. Напечатаешь ихъ, гдѣ разсудишь, а лучше если сбережешь для первыхъ нумеровъ предполагаемаго журнала... Всего болѣе благодарю тебя за дружбу и любовь твою. Отъѣздъ нашъ изъ Москвы, не смотря на грусть разлуки, открылъ мнѣ много сладкаго и уже тѣмъ освѣжилъ мою душу, нѣсколько разочарованную жизнію. Видѣлся я съ Муха-

новымъ, Плеве и Поплонскимъ... Вчера были мы въ театрѣ. Опера Грабина прекрасна Польскими народными мотивами. Сегодня ожидаютъ государя—и вскорѣ Австрійскаго императора. Говорятъ, что государь не принялъ бала, предложеннаго городомъ Вильно, потому что была раскладка на души. Замѣчательно, что въ губерніи, съ которой началось освобожденіе Христіанскихъ душъ, они понадобились на сочиненіе бала и крѣпостное право сказалось во всей силѣ. Сколько у насъ такихъ противорѣчій! Варшава много измѣнилась къ лучшему въ своей наружности. Промышленность и торговля, кажется, процвѣтаютъ. Магазинъ еврея Ленера, освѣщенный сотнею лампъ, торгуетъ со всѣми странами міра, а кабинета для чтенья, гдѣ можно бы было найти газеты и журналы, нѣтъ. Сейчасъ я изъ кондитерской Европейской отели; мнѣ указали на нее, какъ на единственное средство сообщаться съ Европой, но я нашелъ конфектъ и пирожковъ много, газовое освѣщеніе, а газетъ иностранныхъ только три—и тѣ всѣ разобраны любопытными. Напоили меня шеколадомъ, но новостями не насытили. Завтра утромъ хотимъ помолиться въ Русскомъ соборѣ, а послѣ завтра въ дорогу. Труды Линде остались такъ безъ всякаго вниманія со стороны Правительства и Академіи. Макуцкій работаетъ неутомимо надъ Литовскимъ языкомъ".

Предъ самымъ отъѣздъ изъ Варшавы, 13 октября 1860 года, Шевыревъ писалъ Погодину: „Мы до сихъ поръ въ Варшавѣ — и только сегодня выѣзжаемъ въ Вѣну... Я видѣлся съ графомъ Киселевымъ и устроилъ кой что для себя въ Парижѣ на будущую зиму. Плеве и Поплонскій — привѣтствовали меня прекрасною статьею обо мнѣ въ *Варшавскомъ Курьерѣ*. Какъ много обязанъ я этимъ добрымъ и благороднымъ людямъ. Мацѣевскій проситъ тебя доставить ему книги, касающіяся Исторіи городовъ Русскихъ. Перешли ему только для прочтенія Исторію города Пскова митрополита Евгенія. Скажи Иловайскому, чтобы доставилъ ему *Исторію Рязанскаго Княжества*. Еще нельзя ли переслать ему Исторію Киселя? А Исторіи другихъ городовъ Русскихъ я не

знаю. Да надобно бы было ему добыть *Пермскій Сборникъ* и Собраніе Шуйскихъ грамотъ" [203]).

На Венеціанской границѣ, пишетъ въ своемъ *Воспоминаніи* Погодинъ, „доставили Шевыреву большое удовольствіе кондукторы, которые, узнавъ, что онъ русскій, и услышавъ его говорящаго по Италіански, какъ на своемъ природномъ языкѣ, окружили его, предложили свои услуги и всячески старались выразить ему свое удовольствіе" [204]).

Дальнѣйшее путешествіе свое Шевыревъ описываетъ уже изъ Флоренціи, гдѣ и водворился. „Я писалъ къ тебѣ изъ Варшавы, Вѣны, Венеціи, Милана,—читаемъ въ письмѣ Шевырева.—Въ Венеціи мы провели два дня, въ Миланѣ пять, въ Туринѣ одинъ, въ Генуѣ два, въ Пизѣ полтора. Въ Миланѣ я близко видѣлъ жизнь народа, который возрождается и оживаетъ. Въ Туринѣ пахнуло на насъ снѣгомъ и холодомъ родины. Въ Генуѣ провели мы два блаженныхъ дня: чудное море, небо, вилла Паллавичини, Армидинъ садъ, вилла Доріа, вилла Розасъ, весна, зелень, цвѣты, прелесть. Я оживалъ и отдыхалъ отъ всего. Море прекрасно доставило насъ въ Ливорно. У моря погода лучше, но внутри Италіи хуже. Начиная съ Милана, я успѣлъ уже познакомиться съ Итальянскими газетами. Дѣльное, зрѣлое, обдуманное слово—не нашему чета... Въ числѣ газетъ я увидѣлъ и *Колоколъ*. Какъ отзывается онъ желчью и вонью между западными Европейскими журналами, и какъ отдѣляется отъ спокойныхъ, благородныхъ, истинно свободныхъ Итальянскихъ! Такъ и видишь Русскаго кнутобоя, который стегаетъ по спинѣ то того, то другого. На ноябрьскій нумеръ достались Лужинъ, Мина Ивановна да еще кто-то. Нѣтъ, не совершится наше возрожденіе такими средствами. Кнутъ, хотя изъ слова свитый, все тотъ же кнутъ—и еще хуже и гаже, а у насъ теперь имъ только и помахиваютъ газеты и журналы на всю Россію" [205]).

Водворившись во Флоренціи, Шевыревъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Много стало лучше и мнѣ, и женѣ моей

съ тѣхъ поръ, какъ я поселился въ Майской улицѣ (Via Maggio) древней столицы Тосканы. Много измѣнился и помолодѣлъ городъ. Люблю его продольное зеркало, Арно, въ правильной рамѣ двухъ набережныхъ. Зимою потокъ измѣняетъ свой ровный, спокойный видъ. Его piena (водопадъ) оглашаетъ тогда бурнымъ ревомъ окрестныя улицы... И что за наслажденіе бродить по холмамъ, окружающимъ Флоренцію! Всходя по нимъ, какъ будто поднимаешься къ небу. Взглянешь на Флоренцію, и изъ ея галлерей и храмовъ поднимаются чудныя произведенія искусства, и великія тѣни ея художниковъ, поэтовъ и ученыхъ носятся надъ нею. Безпріютный Дантъ скитается внѣ стѣнъ ея и Галилей томится въ инквизиціи" [206]).

LXXV.

Въ послѣдній годъ своей жизни, Хомяковъ продолжалъ принимать живое участіе въ дѣятельности Общества Любителей Россійской Словесности.

32-й параграфъ устава Общества Любителей Россійской Словесности, высочайше утвержденнаго въ 6-й день іюня 1811 года, гласилъ: *Разсмотрѣнныя и въ полномъ Собраніи читанныя сочиненія, также и одобренныя Обществомъ книги печаются на иждивеніе Общества, подъ надзоромъ того изъ членовъ, на котораго возложено будетъ сіе препорученіе* [207]).

Основываясь на этомъ параграфѣ, обновленное, въ 1858 году, Общество стало ходатайствовать объ освобожденіи его отъ общей цензуры.

Подъ *21 октября 1859 года*, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Собраніе. Толки... о дѣйствованіи за свою цензуру".

— *28 ноября* — — : „Написалъ просьбу для Общества. Засѣданіе Общества, въ которомъ отложено рѣшеніе о цензурѣ".

Вскорѣ послѣ того, И. С. Аксаковъ писалъ Погодину

слѣдующее: „Обществу Россійской Словесности присланъ безстыднѣйшій отказъ, гласящій, что никогда этого права за Обществомъ и не было"!

Вслѣдствіе сего, предсѣдатель Общества А. С. Хомяковъ, 3-го января 1860 года, обратился къ министру Народнаго Просвѣщенія съ слѣдующимъ письмомъ: „Общество Любителей Россійской Словесности, въ засѣданіи 19 декабря 1859 года, имѣло разсужденіе по отношенію г. попечителя Московскаго Учебнаго Округа, коимъ его превосходительство увѣдомилъ Общество, что Главное Управленіе Цензуры, 26 сентября 1859 года, найдя, что постановленіемъ устава онаго, Обществу никогда не было предоставлено право на собственную цензуру своихъ изданій, постановило: Подвергать сіи изданія общей цензурѣ. Общество, принимая въ соображеніе всѣ обстоятельства сего дѣла, нашло, что издавна признанное за нимъ право собственной цензуры можетъ быть отмѣнено не иначе, какъ высочайшею властію, постановило: повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе его императорскаго величества всеподданнѣйшее прошеніе о подтвержденіи государемъ императоромъ права, признаннаго за Обществомъ при августѣйшихъ его предшественикахъ. При семъ Общество положило: почтительнѣйше просить ваше высокопревосходительство, повергнуть на высочайшее воззрѣніе всеподданнѣйшее прошеніе онаго, прилагаемое при семъ въ запечатанномъ конвертѣ, присовокупивъ къ тому точную копію съ означеннаго прошенія, для усмотрѣнія вашего высокопревосходительства".

Вотъ содержаніе всеподданнѣйшаго прошенія Общества:

„Всемилостивѣйшій Государь!

„Общество Любителей Россійской Словесности, учрежденное при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, осмѣливается повергнуть передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ слѣдующую всеподданнѣйшую просьбу.

„При учрежденіи своемъ, Общество удостоилось получить уставъ, Высочайше утвержденный въ 6 день іюня 1811 года.

Симъ уставомъ, вмѣстѣ съ дарованнымъ Обществу правомъ публичныхъ чтеній трудовъ его, предоставлено ему и особенное право относительно ихъ печатанія. Именно въ § 32 сего устава сказано: *Разсмотрѣнныя и въ полномъ Собраніи читанныя сочиненія, также и одобренныя Обществомъ книги печатаются на иждивеніе Общества, подъ надзоромъ того изъ членовъ, на котораго возложено будетъ сіе препорученіе.*

„Смыслъ сего узаконенія опредѣляется тѣмъ, что Общество издало, съ 1812 по 1834 годъ, болѣе тридцати томовъ книгъ подъ собственною своею цензурою. Такое право было подтверждаемо за нимъ и предписаніями высшаго начальства...

„Еще болѣе доказывается такое право Общества тѣмъ незабвенныиъ для него обстоятельствомъ, что первые томы трудовъ его были посвящены государю императору Александру I.

„Печатаніе трудовъ Общества подъ собственною его отвѣтственностію, продолжалось и послѣ изданія цензурныхъ уставовъ 1826 и 1828 годовъ. Ни одно изъ измѣненій и дополненій въ дальнѣйшихъ изданіяхъ дѣйствующаго по нынѣ цензурнаго устава 1828 года, ни въ 1842 году, ни въ 1857 году, ни прямо, ни косвенно, не коснулось права, коимъ пользовалось Общество. Право это также никогда не отмѣнялось никакимъ особымъ повелѣніемъ.

„Въ 1858 году, Общество, прекратившее въ теченіе двадцати лѣтъ свои занятія, по разнымъ обстоятельствамъ, возобновило оныя, съ разрѣшенія начальства, на точномъ основаніи прежнихъ правилъ своего устава, оставшагося безъ всякаго измѣненія.

„Въ 1859 году, Общество положило приступить къ печатанію трудовъ своихъ за первый годъ своей возобновленной дѣятельности, но встрѣтило неожиданное препятствіе. Типографія Московскаго Университета усомнилась на этотъ разъ въ правѣ Общества на собственную цензуру и обратилась по сему дѣлу съ запросомъ въ Московскій Цензурный Комитетъ.

„Цензурный Комитетъ представилъ сіе дѣло въ Главное

Управленіе Цензуры. Къ сему попечитель Московскаго Учебнаго Округа присовокупилъ свое мнѣніе о справедливости признанія за Обществомъ права на собственную цензуру его изданій. Главное Управленіе Цензуры опредѣлило подвергнуть изданія Общества общей цензурѣ и объявило, что не нашло въ постановленіяхъ Общества, чтобы ему когда либо предоставлено было право собственной цензуры.

„Не на однихъ словахъ своего устава, но на самомъ смыслѣ, въ которомъ онъ былъ признанъ Императоромъ Александромъ I и Августѣйшимъ Родителемъ Вашего Величества, основываетъ Общество свою всеподданнѣйшую просьбу о сохраненіи за нимъ стариннаго его права. Очевидно, что Общество не могло бы присвоить себѣ этого права, если бы оно не было дано ему уставомъ, и еще болѣе очевидно, что начальство не могло бы терпѣть подобнаго злоупотребленія и покрывать онаго своими предписаніями. Право, данное Государями, не можетъ быть отмѣнено административнымъ порядкомъ. Оно можетъ быть отмѣнено только вашимъ словомъ, Государь! Но члены Общества осмѣливаются надѣяться, что найдутъ въ васъ, Всемилостивѣйшій Государь, защитника отъ ничѣмъ незаслуженныхъ стѣсненій.

„Всемилостивѣйшій Государь! Благоволите подтвердить и оградить вашимъ монаршимъ словомъ право Общества, дарованное ему за полвѣка и признанное за нимъ вашими Августѣйшими предшественниками.

„Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія пребываемъ Вашего Императорскаго Величества вѣрноподанные: Алексѣй Хомяковъ, Михаилъ Лонгиновъ, Сергѣй Соболевскій, Михаилъ Погодинъ, Илья Селивановъ, Константинъ Аксаковъ, Петръ Бартеневъ, Иванъ Бабстъ, Степанъ Масловъ, Антонъ Томашевскій, Николай Павловъ, Владиміръ Даль, Алексѣй Кубаревъ, Никита Гиляровъ-Платоновъ, Степанъ Шевыревъ, Александръ Вельтманъ, Алексѣй Зиновьевъ, Вуколъ Ундольскій, Александръ Кошелевъ, Сергѣй Полторацкій, Ѳедоръ Миллеръ, Александръ Островскій, Аѳанасій Фетъ, Григорій Щуровскій,

Петръ Безсоновъ, Григорій Геннади, Өедоръ Чижовъ, Михаилъ Катковъ".

Одинъ изъ старѣйшихъ членовъ Общества Любителей Россійской Словесности и основатель Археографической Коммиссіи П. М. Строевъ замѣтилъ: „Изготовлена была просьба на высочайшее имя о цензурныхъ правахъ Общества и подписана многими членами. Я не подписалъ" [208]).

П. М. Строевъ, нескрѣпившій своею надписью эту просьбу, былъ правъ; ибо просьба не могла имѣть желаннаго успѣха.

18 января 1860 года, министръ Народнаго Просвѣщенія писалъ А. С. Хомякову: „Согласно желанію Общества Любителей Россійской Словесности, я имѣлъ счастіе представить государю императору, въ собственныя руки, запечатанный и адресованный на высочайшее имя конвертъ Общества. Его императорское величество, прочитавъ заключающуюся въ семъ конвертѣ жалобу Общества на Главное Управленіе Цензуры, за подчиненіе трудовъ его общимъ правиламъ цензуры, въ противность 32-го § устава Общества—дозволенія правительства печатать сочиненіе Общества подъ своею цензурою, и уставовъ цензурныхъ, это подтверждающихъ, и удостоивъ выслушать объясненія со стороны Управленія Цензуры, изволилъ найти, что просьба членовъ Общества Любителей Россійской Словесности не подлежитъ удовлетворенію и высочайше повелѣлъ объявить о томъ президенту Общества, съ присовокупленіемъ къ причинамъ отказа того, что въ послѣднее время, періодическія изданія и отъ Правительства, какъ-то: *Морской Сборникъ*, *Военный Сборникъ* и пр. подвергаются общей цензурѣ".

Такимъ образомъ, въ старомъ уставѣ къ параграфу 32-му прибавлено: „Изданія Общества подлежатъ общей цензурѣ" [209]).

Получивъ приведенное письмо министра Народнаго Просвѣщенія, Хомяковъ писалъ Погодину: „Вчера, любезнѣйшій Погодинъ, получилъ я оффиціальный отвѣтъ на нашу просьбу: отказъ. Въ середу съѣдемся въ частномъ собраніи для прочтенія. Бумагу взялъ у меня Лонгиновъ; довольно замѣча-

тельная. Надобно будетъ подумать и рѣшить, что же впередъ" [210])?

Въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности 27 января 1860 г., подъ предсѣдательствомъ А. С. Хомякова и въ присутствіи: И. И. Лажечникова, С. А. Маслова, М. П. Погодина, С. П. Шевырева, К. С. Аксакова, М. Н. Лонгинова, Ѳ. Б. Миллера, А. Н. Островскаго, С. Д. Полторацкаго, С. А. Соболевскаго, В. М. Ундольскаго, А. И. Кошелева, И. В. Селиванова, В. А. Даля и А. Н. Плещеева.

Предсѣдатель прочелъ отзывъ министра Народнаго Просвѣщенія, заключающій въ себѣ увѣдомленіе, что „государю императору благоугодно было повелѣть объявить Обществу, что просьба его, объ изъятіи литературныхъ трудовъ его изъ общихъ правилъ цензуры, не подлежитъ удовлетворенію".

Въ томъ же засѣданіи, по предложенію К. С. Аксакова, избранъ въ члены: А. Ѳ. Гильфердингъ, А. А. Фетъ и А. Н. Майковъ.

Лишеніе Общества права собственной цензуры понудило предсѣдателя Общества Хомякова, просить въ публичномъ засѣданіи (2 февраля 1860 года), о снятіи съ него званія предсѣдателя, и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ временному предсѣдателю Погодину пригласить по сему случаю членовъ къ чрезвычайному засѣданію [211]).

Наканунѣ чрезвычайнаго засѣданія Общества, Кокоревъ, 5 февраля 1860 года, писалъ Погодину: „Посылаю вамъ огромное спасибо за передачу живыхъ впечатлѣній послѣ засѣданія въ Обществѣ Россійской Словесности... Боже сохрани, закрывать Общество изъ за того, что дулъ и дуетъ рѣзкій вѣтеръ. Это значитъ давать торжество грубой силѣ. И кто же не хочетъ бороться—Погодинъ и другіе передовые люди? Отвратиельно! Ваше дѣло собираться, говорить и все шире и шире, доколѣ не закроютъ. Мѣсто сходки потерять легко, а образовать трудно. Закрытіе будетъ подарокъ грубой силѣ"...

Въ другомъ письмѣ своемъ Кокоревъ писалъ: „Странно

закрывать Собраніе потому что Хомяковъ уходитъ. Какое вы имѣете право лишить Россію сходки".

Эти слова Кокорева подтвердило и другое замѣчаніе П. М. Строева объ обновленномъ Обществѣ: „Хотя Общество и удержало прежнее названіе *Любителей Россійской Словесности*, но цѣль будущихъ дѣйствій, кажется, совсѣмъ иная. Будущее покажетъ яснѣе" [212]).

6 февраля 1860 года, Погодинъ созвалъ чрезвычайное собраніе, въ которомъ присутствовали: Предсѣдатель А. С. Хомяковъ, И. И. Лажечниковъ, С. А. Масловъ, С. П. Шевыревъ, К. С. Аксаковъ, П. А. Безсоновъ, Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, М. Н. Лонгиновъ, Ѳ. Б. Миллеръ, Д. Е. Минъ, А. Н. Островскій, С. Д. Полторацкій, Ю. Ѳ. Самаринъ, С. А. Соболевскій, П. И. Бартеневъ, А. И. Кошелевъ, А. А. Фетъ, И. К. Бабстъ и В. Н. Даль.

Временный предсѣдатель сообщилъ Обществу, что настоящее засѣданіе назначено по желанію А. С. Хомякова при заявленіи имъ просьбы Обществу, объ увольненіи его отъ должности. За тѣмъ временный предсѣдатель предложилъ членамъ приступить къ разсужденію о семъ важномъ для Общества обстоятельствѣ. Общество, сознавая вполнѣ заслуги оказанныя ему А. С. Хомяковымъ и, желая искренно продолжать свои дѣйствія именно подъ его предсѣдательствомъ, единогласно обратилось къ А. С. Хомякову съ просьбою, не оставлять должности, которую онъ занимаетъ при живомъ сочувствіи членовъ. Хомяковъ выразилъ готовность, согласно общему желанію, не оставлять занимаемой имъ должности. За тѣмъ онъ занялъ президентское мѣсто, и засѣданіе продолжалось подъ его предсѣдательствомъ.

Въ этомъ засѣданіи К. С. Аксаковъ прочелъ отрывокъ изъ составляемаго имъ Опытнаго Словаря, объясненіе словъ: алый, алѣть, ау и аристократія. Члены дѣлали свои замѣчанія и просили Даля познакомить ихъ и съ составляемымъ имъ Словаремъ Великорусскаго языка [213]).

Возвратясь домой, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*:

Собраніе, на которое имѣлъ глупость пріѣхать Хомяковъ, и испортилъ все дѣйствіе. Я хотѣлъ предложить разойтись, если не останется и проч.“.

Самъ Хомяковъ писалъ Гильфердингу: „22 февраля 1860 года, вы были предложены въ члены Общества Любителей Россійской Словесности и, разумѣется, выбраны единогласно; но мнѣ хотѣлось васъ за одно увѣдомить о томъ, остаюсь ли я предсѣдателемъ; а это зависѣло отъ отвѣта министра Народнаго Просвѣщенія на счетъ нашихъ цензурныхъ правъ или, лучше сказать, отъ рѣшенія государя по нашей просьбѣ. Рѣшеніе пришло неблагопріятное; признаюсь, я ожидалъ другаго. Въ публичномъ засѣданіи я это объявилъ членамъ; а такъ какъ недовѣріе къ Обществу въ этомъ случаѣ особенно падаетъ на предсѣдателя, котораго подпись узаконяваетъ печатаніе, я просилъ Общество уволить меня отъ званія моего. Но Общество, въ частномъ засѣданіи 6 февраля, меня единогласно одобрило, и я опять остался“ [214]).

Съ своей стороны, В. М. Ундольскій писалъ А. Н. Попову: „Предсказаніе ваше исполнилось. Увы! Общество Россійской Словесности получило цензуру. Остается чтеніе, бесѣда, и оно читаетъ и бесѣдуетъ неутомимо, можно сказать, взапуски, даже публичнымъ образомъ. Нельзя пожаловаться на равнодушіе публики: зала библіотечная всегда полна биткомъ. И всѣмъ этимъ обязаны мы не кому другому, какъ А. С. Хомякову, нашему безпримѣрному предсѣдателю“ [215]).

LXXVI.

Въ это время въ Обществѣ Любителей Россійской Сло- весности произошло непріятное столкновеніе съ однимъ и- его членовъ: И. В. Селивановымъ. Дѣло въ томъ, что засѣданіи 27 января 1860 года, И. В. Селивановъ проч- записку, въ которой предлагалъ Обществу устроить лит- турное чтеніе и денежный сборъ предназначить въ по-

суммъ С.-Петербургскаго Общества для пособія нуждающихся литераторовъ и ученыхъ.

По балотировкѣ это предложеніе Селиванова было отвергнуто большинствомъ шаровъ [216]).

Вслѣдствіе сего, Селивановъ вступилъ въ рѣзкую газетную полемику съ секретаремъ Общества М. Н. Лонгиновымъ; такъ что на канунѣ засѣданія Общества, 23 февраля 1860 года, Хомяковъ писалъ Гильфердингу: „Будетъ, думаю, у насъ еще маленькая буря въ Обществѣ завтра. Вы можетъ быть видѣли крайне неловкую статью одного изъ нашихъ сочленовъ Селиванова въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. По этому случаю, оскорбленные члены Общества хотѣли, чтобы я высказалъ ихъ оскорбленіе. Какъ предсѣдатель (никогда не могу безъ смѣха этого сказать или написать), я отъ иниціативы отказался, но другіе, кажется, горячо за дѣло возьмутся. Проба отказа съ моей стороны имѣла, если не ошибаюсь, хорошія послѣдствія: увидѣли, что Обществу нужны серьезные труды; и я надѣюсь они будутъ. Много зависитъ отъ завтрашнаго засѣданія. Я сознаю всю мелочность нашей здѣшней дѣятельности и въ то же время увѣренъ, что безъ нея никакого grant ton'а имѣть нельзя. Надобно будетъ за Славянское дѣло взяться серьезно" [217]).

23 февраля 1860 г., подъ предсѣдательствомъ А. С. Хомякова, и въ присутствіи членовъ: С. П. Шевырева, А. Ф. Томашевскаго, А. З. Зиновьева, К. С. Аксакова, П. А. Безсонова, М. Н. Лонгинова, С. Д. Полторацкаго, В. М. Ундольскаго, А. И. Кошелева, А. А. Фета, Г. Н. Геннади и В. И. Даля, Общество имѣло обыкновенное засѣданіе, въ которомъ К. С. Аксаковъ читалъ записку, въ коей предлагалъ Обществу заявить въ протоколѣ слѣдующее мнѣніе по поводу напечатанія въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* И. В. Селивановымъ предложенія его, объ устройствѣ публичнаго чтенія въ пользу Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, каковое предложеніе было отвергнуто въ засѣданіи 27 января. Общество Любителей Россійской Словесности, принимая въ соображеніе, что И. В. Селивановъ, публиковавъ въ *Москов-*

скихъ Вѣдомостяхъ и такимъ образомъ повторивъ публично написанное въ рѣзкихъ выраженіяхъ предложеніе свое, вслѣдъ за извѣщеніемъ, имъ же сдѣланнымъ, что Общество предложеніе его отвергло, напечаталъ уже порицаніе Обществу и что публиковавъ въ газетахъ это порицаніе, Селивановъ отнесся къ Обществу, какъ *посторонній*, сталъ *внѣ* Общества, и напалъ на него *извнѣ*; а потому Общество находитъ страннымъ, что Селивановъ, считаетъ себя членомъ Общества послѣ того, какъ онъ отнесся къ нему такимъ небывалымъ и неслыханнымъ образомъ". Общество согласилось съ этимъ мнѣніемъ К. С. Аксакова.

21 марта 1860 года, Селивановъ напечаталъ слѣдующее письмо къ А. С. Хомякову: „Ежели двѣнадцать членовъ Общества, вслѣдъ за г. Аксаковымъ, находятъ страннымъ, что я считаю себя его членомъ, то мнѣ, разумѣется, должно казаться еще болѣе страннымъ то, что я принадлежу до сихъ поръ къ такому Обществу, которое, имѣя цѣлью распространеніе слова, — не только воспрещаетъ своимъ членамъ свободу этого слова, но преслѣдуетъ ихъ за это даже и въ такомъ случаѣ, когда предметъ и цѣль этого слова есть воззваніе къ чувству христіанской любви, воззваніе о помощи неимущимъ братьямъ, честно подвизавшимся на поприще этого слова. Вслѣдствіе этого, я покорнѣйше васъ прошу не считать меня болѣе членомъ вашего Общества".

Съ своей стороны, Хомяковъ писалъ редактору *Московскихъ Вѣдомостей*: „Письмо отъ г. Селиванова имѣлъ я удовольствіе получить 22-го марта, т.-е., въ тотъ самый день, когда оно уже было напечатано въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Докладъ объ ономъ будетъ представленъ при первомъ засѣданіи Общества Любителей Русской Словесности, и конечно не подастъ никакого повода къ спору, такъ какъ Общество не могло этого не ожидать" [218]).

„Исторія съ Селивановымъ,—писалъ К. С. Аксаковъ Погодину,—наконецъ кончилась. Прочтите протоколы: они любопытны. И Лонгиновъ написалъ для Селиванова жестокій от-

четъ обо всемъ этомъ дѣлѣ. Надо лишь вамъ прочесть мое мнѣніе, которое читалъ я Обществу и вслѣдствіе котораго предложилъ я Обществу принять рѣшеніе. Ништо Селиванову! Онъ хотѣлъ, чтобъ мы связались съ Петербургомъ" [219]).

Петербургская журналистика конечно возмутилась исключеніемъ Селиванова изъ членовъ Общества Любителей Россійской Словесности, и одинъ изъ представителей ея, И. И. Панаевъ, напечаталъ въ *Современникѣ* свое, яко бы воспоминаніе о литературныхъ вечерахъ извѣстнаго графа Д. И. Хвостова, съ явными намеками на Общество.

„Графъ Хвостовъ—писалъ Панаевъ,—сидѣлъ однажды на скамейкѣ Лѣтняго сада. Это было въ первыхъ числахъ мая 1835 года. Я сѣлъ возлѣ него на скамейку, зная, что это Хвостовъ, потому что кто же его не зналъ? Знакомъ я съ нимъ не былъ.

„Онъ сначала посмотрѣлъ на меня довольно пристально, потомъ сказалъ, обратясь ко мнѣ:

— „Позвольте спросить, молодой человѣкъ, ваше имя, отчество и фамилію.

„Я сказалъ.

— „А вы любите Отечественную Литературу? продолжалъ онъ.

— „Да, очень.

— „Вы знаете — кто я?

„Знаю.

— „А какой родъ Словесности вы избрали для себя? продолжалъ допрашивать меня сановный поэтъ...

— „Я еще не избралъ себѣ никакого рода.

— „Почему же? — Очень радъ съ вами познакомиться. Милости прошу ко мнѣ. Двери у меня открыты для всѣхъ кто любитъ Отечественную Словесность. У меня по вторникамъ литературные вечера.—А позвольте узнать мѣсто вашего жительства... Я пришлю вамъ полное собраніе моихъ сочиненій...

„Въ слѣдующій за тѣмъ вторникъ я отправился къ нему на литературный вечеръ. Меня ввели въ залу.

„Въ залѣ стоялъ по срединѣ длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. Предсѣдательское кресло, которое занималъ самъ хозяинъ. По правую руку отъ него — какой-то господинъ въ богатомъ Китайскомъ костюмѣ и въ шапкѣ съ шариками на верху. Направо и налѣво сидѣло въ почтительныхъ позахъ человѣкъ до семи молодыхъ и пожилыхъ людей въ вицемундирахъ... Засѣданіе еще не начиналось. Я поклонился графу.

— „Ахъ! очень радъ, сказалъ онъ и потомъ черезъ минуту прибавилъ:

— „А какъ ваша фамилія?

„Я отвѣчалъ ему на вопросъ.

— „Садитесь, милый... Мы сейчасъ откроемъ засѣданіе, а вы будьте внимательны. Здѣсь вы услышите отъ старшихъ и уже опытныхъ литераторовъ много поучительнаго и полезнаго для васъ.

„Прежде открытія засѣданія, началъ графъ, позвольте мнѣ, милостивые государи, обратить ваше вниманіе на костюмъ Китайскаго мандарина, вывезенный изъ Китая г. Л., принявшимъ на себя званіе секретаря нашего. .

„Послѣ осмотра, хозяинъ дома, обратясь къ присутствующимъ произнесъ:

— „Засѣданіе открыто, Мм. Гг.,—и прибавилъ, относясь къ секретарю:

— „Прошу покорнѣйше прочесть протоколъ сегодняшняго засѣданія...

— „Протоколъ имѣющаго быть засѣданія, произнесъ секретарь громко и съ нѣкоторою торжественностью: 1) его сіятельствомъ графомъ Дмитріемъ Ивановичемъ будетъ прочитано новое его стихотвореніе на возобновленіе кондитерской Вольфа и Беранже. 2) г. О. прочтетъ разсужденіе объ огнѣ. 3) г. Н. нѣсколько лирическихъ стихотвореній и отрывокъ изъ поэмы. 4) Г.—прозаическій разсказъ *Видѣніе* и т. д.

„По окончаніи чтенія протокола, хозяинъ дома началъ свое стихотвореніе, изъ котораго я запомнилъ только два стиха:

Вотъ Вольфъ и Беранже
Несутъ къ намъ бламанже...

„Стихотворенiе это было принято единогласнымъ одобренiемъ...

„За тѣмъ господинъ лѣтъ пятидесяти, въ огромномъ бѣломъ жабо, съ педантическимъ выраженiемъ въ лицѣ, глубокомысленно прочелъ о вредѣ и бѣдствiяхъ, которые причиняетъ огонь, безъ котораго, какъ онъ справедливо замѣтилъ въ заключенiе, человѣчеству обойтись однако нельзя.

„Г. Н. прочелъ нѣсколько лирическихъ стихотворенiй. Особенно понравилось графу стихотворенiе къ безвременно погибшей дѣвицѣ...

— „Кто теперь на очереди? Спросилъ графъ у секретаря.

— „Г. З., отвѣчалъ секретарь.

— „Извольте читать, сказалъ графъ, взглянувъ на З.,— мы слушаемъ.

„Г. З.—молодой, худенькiй и подслѣповатый сочинитель началъ не безъ робости чтенiе своего разсказа.

„Графъ, слушая, прiятно покачивалъ головою и по временамъ говорилъ:

„Очень хорошiй слогъ... языкъ правильный, чистый и плавный...

„Я уже не помню, чѣмъ кончился этотъ литературный вечеръ...

„Немудрено, что предсѣдатель, секретарь и чтецы этого литературнаго сходбища принимали такое времяпровожденiе серьезнымъ, придавали ему важность и воображали, что они дѣлаютъ дѣло и подвизаются на пользу и славу Отечественной Литературы“.

Разсказавъ это свое воспоминанiе своему другу, Панаевъ, „потрепавъ его по плечу“, замѣтилъ: „Ты говоришь, что Московское Общество Любителей Словесности приноситъ пользу. Прекрасно, но я желалъ бы прежде знать, какая разница найдется между нѣкогда существовавшимъ въ Петербургѣ Обществомъ Бесѣды Любителей Русскаго Слова, или

бывшимъ Московскимъ Обществомъ Любителей Словесности и настоящимъ возобновленнымъ Обществомъ? Чѣмъ отличаются протоколы этихъ старыхъ обществъ отъ протоколовъ новаго Общества? Какой прогрессъ совершили въ теченіе тридцати лѣтъ Любители Словесности" [220])?

Замѣтимъ при этомъ, что вступленіе Селиванова въ Общество Любителей Россійской Словесности, самъ Хомяковъ привѣтствовалъ рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ: „Привѣтствуя васъ своимъ сочленомъ, Общество Любителей Россійской Словесности уже тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ, м. г., что оно признаетъ всю законность той отрасли Словесности, которой представителемъ вы являетесь между нами. Да, обличительная Литература есть законное явленіе словесной жизни народа; я скажу болѣе, она не только законное явленіе, но явленіе необходимое и отрадное и пр." [221]).

Эти слова Хомякова остановили на себѣ вниманіе князя П. А. Вяземскаго, и онъ писалъ Шевыреву: „Нашъ пріятель Хомяковъ съ предсѣдательскаго своего мѣста даетъ новой обличительной Литературѣ право гражданства. Какъ при словахъ его должна была вздрогнуть тѣнь прежняго предсѣдателя, тремя помноженнаго Антона и на закуску Прокоповича. Меня въ наше время не столько бѣситъ нечестная Литература, сколько честная, которая труситъ предъ первою и оставляетъ себѣ всегда лазейку, изъ которой перемигивается съ нею. Это вѣрнѣйшій признакъ нравственнаго упадка Литературы и близорукости тѣхъ, которые этимъ промышляютъ. Они думаютъ, что тѣмъ задобрятъ противниковъ своихъ, но ошибаются. Они Неаполитанскіе, заискивающіе милости, послы въ Туринѣ, но Чернышевскіе и Кавуры неуступчивы, и ихъ не проведешь. Tout ou rien, вотъ ихъ лозунгъ" [222]).

На это Шевыревъ отвѣчалъ: „Ваше замѣчаніе о Литературѣ честной поразительно своею вѣрностію. Явленіе Антонскаго во снѣ Хомякову могло бы быть предметомъ баллады во вкусѣ М. А. Дмитріева. Я нерѣдко укоряю его въ глаза за эту лесть молодому поколѣнію, которою онъ всегда грѣ-

шилъ и грѣшитъ много. Онъ могъ быть ему полезенъ, а выходитъ напротивъ... Мнѣ жаль, что вы поставили Кавура наряду съ Чернышевскимъ. Кавуръ возстановитель Сардиніи, а Чернышевскій великій магистръ ордена Свистопляски, господствующей теперь въ нашей Литературѣ".

Въ заключеніе своего отчета о состояніи Московской эпархіи, за 1859 г., митрополитъ Филаретъ, между прочимъ, писалъ: „Печальное зрѣлище представляетъ, и еще болѣе печальныя опасенія внушаетъ, порицательная и кощунственная Литература, столько же, если не болѣе, необузданная и распространенная, какъ въ извѣстномъ Европейскомъ Государствѣ прошедшаго столѣтія, гдѣ она оказалась разрушительною. Званія, должности, лица,—все подвергается жестокимъ порицаніямъ и изображается въ безобразіи до невѣроятности преувеличенномъ и исполненномъ клеветы. Ненужно указывать многихъ примѣровъ: ими исполнены повременныя изданія. . Господь да управитъ мудрость Святѣйшаго Сѵнода и Православнаго Правительства къ изысканію средствъ врачебныхъ и охранительныхъ" [223]).

LXXVII.

Не взирая на шутки И. И. Панаева, а съ нимъ вмѣстѣ Петербургской Журналистики, Общество Любителей Россійской Словесности въ это самое время предприняло изданіе древнихъ пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, Толковаго Словаря живаго Великорусскаго языка Даля и Грамматики Русскаго языка К. С. Аксакова.

А. С. Хомяковъ, въ своей рѣчи, читанной въ публичномъ засѣданіи Общества, 6 марта 1860 г., сказалъ: „Я счастливъ тѣмъ, что могу поздравить наше Общество съ успѣхами и пріобрѣтеніями, сдѣланными нами въ послѣднее время. Нашъ сочленъ, В. И. Даль, захотѣлъ соединить съ именемъ нашего Общества честь и, скажу болѣе, славу многолѣтняго своего

предпріятія—Русскаго Словаря. Ревностный и просвѣщенный нашъ сочленъ, А. И. Кошелевъ, доставилъ Обществу средства для этого дорогаго и труднаго изданія. Любитель Русскаго слова, извѣстный по своимъ изслѣдованіямъ въ Исторіи народовъ Славянскихъ, В. А. Елагинъ, отдалъ въ распоряженіе нашего Общества богатое собраніе Русскихъ пѣсень, составленное его покойнымъ братомъ и нашимъ сочленомъ, Петромъ Васильевичемъ Кирѣевскимъ. Ненужно вамъ напоминать, какая была въ покойномъ Петрѣ Васильевичѣ любовь къ Просвѣщенію, а особенно, какъ горяча была любовь его къ Русскому народу и Русскому слову. Плодъ этой горячей любви, плодъ многолѣтнихъ трудовъ, сокровище собранныхъ имъ пѣсень, не нуждается въ похвалахъ: оно хотя и не напечатано, но извѣстно въ Россіи и даже ученымъ нашимъ братьямъ Славянамъ, внѣ ея предѣловъ. Для изданія этихъ пѣсень Общество назначило коммиссію, въ которой обѣщался принять дѣятельное участіе, передавшій ихъ намъ Василій Алексѣевичъ Елагинъ.

„Въ нынѣшнемъ засѣданіи услышите вы отчетъ В. И. Даля о той задачѣ, которую онъ себѣ поставилъ при составленіи Словаря, о формѣ, которую онъ избралъ, о самой цѣли его многотруднаго дѣла.

„Конечно, никто не можетъ лучше самого автора объяснить его взглядъ на трудъ, имъ совершенный; но позвольте мнѣ отъ себя сказать нѣсколько словъ, которыхъ онъ не скажетъ. Богатство словъ и вѣрное ихъ опредѣленіе составляютъ безспорно великое достоинство въ Словарѣ, но еще важнѣе внутренній его характеръ. Словарь В. И. Даля рѣзко отличается отъ всѣхъ появившихся прежде его: это будетъ Словарь не языка книжнаго и письменнаго, но языка устнаго; не языка мертваго, а живаго: въ немъ выступитъ ясно и отчетливо все богатство, вся своеобразность, вся затѣйливость Русскаго слова. Въ немъ, въ порядкѣ буквъ, увидимъ не простое собраніе словъ, но самую ту живую мысль, которую привыкли называть языкомъ народнымъ.

„Другой сторонѣ той же живой мысли, сторонѣ грамматической, посвятилъ себя нашъ сочленъ, К. С. Аксаковъ, и мы надѣемся вскорѣ увидѣть изданіе его труда. Такія явленія, каковы: лексиконъ языка, его грамматика и собраніе народныхъ пѣсень, не только составляютъ пріобрѣтенія, но могутъ сдѣлаться памятниками, эпохами въ Исторіи Словесности; имъ нельзя не порадоваться, и если эти прекрасныя начинанія получатъ полное совершеніе, то мы можемъ надѣяться, что Русскіе люди признаютъ за нашимъ Обществомъ нѣкоторыя права на уваженіе и благодарность“ [224]).

По возращеніи Погодина изъ Петербурга, онъ получилъ слѣдующее письмо отъ В. И. Даля: „Привѣтъ пріѣзжему, хоть и не вѣдаю почто онъ ѣздилъ; знаю только изъ газетъ, что читанъ былъ со славою великою *Царевичъ* и было пошибанье въ полѣ Полянскомъ за Варяговъ....

„Поживаемъ по старому, полонъ домъ больныхъ, жена также больна. Я на ногахъ хоть и въ суетахъ. Старшая дочь уѣхала въ Петербургъ. Къ Святой ждемъ ее. Вы говорите, дороги нѣтъ къ намъ; а мы говоримъ,—къ вамъ нѣтъ, а къ намъ есть; нынѣ и водовозъ нашъ взъѣхалъ было на дворъ, да осѣкся: выпустилъ воду изъ бочки и уѣхалъ.

„Пословицъ напечатано двадцать листовъ, слишкомъ четвертая доля.

„Словаря первая тетрадь поступила въ наборъ, къ Семену; онъ подобралъ *шесть* хорошихъ буквицъ; на Ѳоминой обѣщаетъ первый листъ, въ два столбца, въ самую большую четвертку.

„Что сдѣлалось съ *Легендами*—не знаю; слышалъ, будто всѣ разобраны, а втораго изданія не даютъ печатать, но не знаю, такъ ли. Моихъ тамъ большая половина.

„Въ какую силу вы говорите, что *не соваться было, не спросясь броду*—не совсѣмъ понимаю; неужто же я могу отвѣчать за нихъ? Вѣдь не я же ихъ печаталъ и даже не назначалъ въ печать, этого мнѣ бы и въ голову не пришло; я отдалъ ихъ съ другимъ запасомъ, и только. Если вы слы-

шали, или полагаете, что дѣло коснется меня, то, пожалуйста, увѣдомьте яснѣе.

„Я сижу, зарывшись, и готовлю *Б*; хоть и готово, а все на мѣсяцъ еще работы станетъ, поправочки, да дополненія, да переписка многихъ листовъ, слишкомъ перемаранныхъ" [225]).

Коментаріемъ къ этому письму В. И. Даля можетъ служить слѣдующее: Въ то время были напечатаны въ Москвѣ *Русскія Легенды*, собранныя А. Н. Аѳанасьевымъ, противъ которыхъ праведно возсталъ самъ митрополитъ Московскій Филаретъ. 14 марта 1860 года, святитель нашъ обратился къ оберъ-прокурору Св. Сѵнода графу А. П. Толстому съ письмомъ, въ которомъ читаемъ: „Издана въ Москвѣ Н. Щепкинымъ и К. Солдатенковымъ (раскольникомъ), одобренная 1-го декабря 1859 года цензоремъ Д. Наумовымъ, книга подъ заглавіемъ: *Народныя Русскія Легенды.*

„Въ сей книгѣ къ именамъ Христа Спасителя и святыхъ приставлены сказки, оскорбляющія благочестивое чувство, нравственность и приличіе... Какъ въ сей книгѣ часто говорится о Христѣ и о святыхъ, то внимательная свѣтская цензура имѣла бы причину посовѣтоваться съ духовною; но сего не сдѣлано.

„Къ прискорбію, книга сія не единственный примѣръ дѣйствованія цензуры неохранительнаго. Нѣкоторыя государства хвалятся тѣмъ, что не имѣютъ цензуры; но съ тѣмъ вмѣстѣ имѣютъ надзоръ, который за неблагопріятную статью поражаетъ періодическое изданіе замѣчаніемъ, а по третьемъ замѣчаніи, совсѣмъ убиваетъ оное; имѣютъ судъ, который сочинителя и издателя вредной книги осуждаетъ и наказываетъ. Въ Отечествѣ нашемъ существуетъ цензура, —учрежденіе, въ которомъ есть доброта, какой нѣтъ въ неограниченной свободѣ книгопечатанія. При отсутствіи цензуры, вредна[я] книга издается и производитъ вредъ въ обществѣ; пото[мъ] ея сочинитель и издатель страдаютъ отъ суда. При разумн[ой] и благонамѣренной цензурѣ, вредная книга не допускае[тся] до изданія, и слѣдственно не допускается до общества вр[едъ]

а сочинитель безопасенъ отъ суда и наказанія. Но сіе добро теряется, если достойныя осужденія сочиненія входятъ въ свѣтъ чрезъ цензуру, подобно какъ безъ нея, а суда надъ виновными нѣтъ. Украдкою можно посѣять между пшеницею плевелы такъ, что она будетъ нечиста; а если всякому дано будетъ на волю ненаказанно сѣять ихъ, то онѣ могутъ совсѣмъ подавить пшеницу.

„Полагаю, что я не былъ бы вѣренъ обязанностямъ моего служенія, если бы изложенное здѣсь оставилъ безъ вниманія, и не довелъ оное до свѣдѣнія вашего сіятельства, для возможнаго изысканія средствъ къ охраненію религіи и нравственности отъ печатнаго кощунства и поруганія“ [226]).

Въ это самое время, намѣстникъ Лавры Антоній представилъ митрополиту Филарету какую-то газетную статью; но митрополитъ отвѣчалъ ему: „Статья изъ газеты дурна, кощунственна: но одна ли? Печатаютъ и худшее. И трудно, нѣтъ средствъ противодѣйствовать. О *Легендахъ* Аѳанасьева, полныхъ кощунства и безнравственности, я писалъ въ Св. Сѵнодъ; сообщили министру: онъ отвѣчалъ, что Археологическое Общество присудило за сію книгу Аѳанасьеву награду“ [227]).

7 мая 1860 года, А. С. Хомяковъ въ послѣдній разъ предсѣдательствовалъ въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, и собравшимся членамъ заявилъ, что „засѣданія Общества прекращаются до сентября“. Въ засѣданіи присутствовали: А. М. Кубаревъ, К. С. Аксаковъ, П. А. Безсоновъ, Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, М. Н. Лонгиновъ, Ѳ. Б. Миллеръ, С. А. Соболевскій, Н. В. Сушковъ, В. М. Ундольскій, В. И. Даль, А. А. Майковъ и В. А. Елагинъ.

Въ этомъ же засѣданіи А. С. Хомяковъ представилъ въ библіотеку Общества книгу Г. А. Эзова: *Внутренній бытъ древней Арменіи* [228]) и произнесъ свое послѣднее слово о Чаадаевѣ. „Почти всѣ мы знали Чаадаева,—говорилъ Хомяковъ—многіе его любили и, можетъ быть, никому не былъ онъ такъ дорогъ, какъ тѣмъ, которые считались его противниками.

Просвѣщенный умъ, художественное чувство, благородное сердце,—таковы тѣ качества, которыя всѣхъ къ нему привлекали. Но въ такое время, когда, повидимому, мысль погружалась въ тяжкій и невольный сонъ, онъ особенно былъ дорогъ тѣмъ, что онъ и самъ бодрствовалъ и другихъ побуждалъ, тѣмъ, что въ сгущающемся сумракѣ того времени онъ не давалъ потухать лампадѣ и игралъ въ ту игру, которая извѣстна подъ именемъ *живъ курилка*. Есть эпохи, въ которыя такая игра есть уже большая заслуга. Еще болѣе дорогъ онъ былъ друзьямъ своимъ какою-то постоянною печалью, которою сопровождалась бодрость его живаго ума. Разгадка этой печали, истекающей не изъ случайностей его жизни, а изъ чисто нравственныхъ причинъ, узнаемъ мы изъ самой біографіи и изъ особенности его внутренняго направленія. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ человѣкъ весьма замѣчательный, но чѣмъ же объяснить его извѣстность? Онъ не былъ ни дѣятелемъ—литераторомъ, ни двигателемъ политической жизни, ни финансовою силою, а между тѣмъ, имя Чаадаева извѣстно было и въ Петербургѣ, и въ большой части губерній Русскихъ, почти всѣмъ образованнымъ людямъ, неимѣвшимъ даже съ нимъ никакого прямаго столкновенія. Извѣстны были и утренніе его съѣзды, по понедѣльникамъ, и размѣнъ мысли, происходившій на этихъ бесѣдахъ. Почему подобныя явленія въ другихъ мѣстахъ не получали такой извѣстности? Причина весьма проста. Онъ жилъ, онъ умственно дѣйствовалъ въ Москвѣ, и въ этомъ нельзя, кажется, не видать подтвержденія тому, что я имѣлъ счастіе излагать вамъ въ одномъ изъ прошлогоднихъ засѣданій,—тому, что гдѣ бы ни былъ центръ государственный, Москва не перестала и никогда не перестанетъ быть общественною столицею Русской Земли" [229]).

LXXVIII.

На другой день отъѣзда Шевырева въ Италію, по Москвѣ пронеслась скорбная вѣсть о кончинѣ А. С. Хомякова.

Подъ *26 сентября* 1860 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Хомяковъ скончался. Обезпамятелъ, Боже мой! Что это такое. Пріѣзжалъ Лонгиновъ. Плакалъ безъ памяти. Остался дома. Если есть Русскій богъ, то есть и Русскій чортъ, который дуетъ вѣтромъ, направляетъ выстрѣлы".

Благодаря Дмитрія Алексѣевича Хомякова, издавшаго письма и сочиненія своего приснопамятнаго родителя, мы получаемъ возможность познакомиться съ предсмертными думами нашего глубокомысленнаго мыслителя.

Въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ А. В. Веневитинову, Хомяковъ писалъ: „Недавно здѣсь, въ Москвѣ, встрѣтилъ я человѣка еще не стараго и даже молодаго на видъ, замѣчательнаго объема, свидѣтельствующаго, какъ я послѣ узналъ, о добротности Саратовскихъ хлѣбовъ; лицо что-то знакомое, по спросу—князь Оболенскій; по дальнѣйшему спросу, твой двоюродный братъ, котораго я видалъ еще ребенкомъ (т.-е.; онъ, а не я былъ ребенкомъ) у васъ: не можешь вообразить, какъ мнѣ весело было глядѣть на него, какъ много сейчасъ вспомянулось того и тѣхъ, которыхъ уже давно нѣтъ. Ничто не имѣетъ бо̀льшей прелести ранней дружбы; позднѣйшія могутъ быть также крѣпки, но у нихъ всегда не достаетъ какого-то аромата, который ранняя дружба получаетъ навсегда отъ тѣхъ благоуханныхъ годовъ дѣтства или молодости, въ которые она началась. Какъ бы судьба и жизнь не раскидывали, а память о друзьяхъ молодости дорога и всякое слово объ нихъ дорого. Старше тебя у меня нѣтъ никого, но даже и тѣ, которые моложе, все таки изъ мысли не выходятъ. Вотъ, напримѣръ, хоть бы Одоевскій; и отшатнулся злодѣй и къ разнымъ нечестивцамъ присталъ, а всякій разъ, какъ кто прі-

ѣдетъ изъ Питера, спросишь: Ну, что же Одоевскій? Видишь ли ты его? Скажи ему, что здѣсь разсказываютъ, будто онъ выдумалъ какой-то новый органъ, который только тогда и играетъ, когда въ его утробу засадятъ крѣпостнаго человѣка. Если это правда, то какой страшный анахронизмъ, да еще какой нерасчетъ! Вѣдь при эманципаціи онъ органъ возьметъ себѣ по праву. Такъ какъ его туда усаживали, онъ объявитъ, что это его усадьба".

21 января 1860, Хомяковъ писалъ А. Н. Попову: „О себѣ скажу, что, какъ только пріѣхалъ изъ деревни, я какъ будто растерялся; тамъ дѣлалъ мало, потому что болѣлъ, и здѣсь сначала хворалъ, но пишу нѣчто о переводѣ Бунзена Библіи, и новую теорію правъ наказаній. Думаю еще о философской статьѣ, хотя ихъ никто и не читаетъ" [230]).

Письмо къ Бунзену о его Библейскихъ трудахъ принадлежитъ тоже къ лебединымъ пѣснямъ Хомякова [231]).

Къ А. Ѳ. Гельфердингу (22 февр.), Хомяковъ писалъ: „Самъ я довольно сильно трудился и, не смѣйтесь, кое чему учился въ Еврейскомъ языкѣ. Разумѣется, я столько же языкъ этотъ знаю, сколько и прежде, но убѣдился, что только русскій изъ всѣхъ Европейцевъ можетъ понять восточные языки. Тамъ рѣшительно преобладаетъ, какъ у насъ, видовая или, лучше сказать, качественная флексія. Не знаю только ея собственнаго центра; у насъ это существительное. Впрочемъ, всѣ эти мои изученія шли отъ письма къ Бунзену. Я думалъ написать коротенькое и легонькое; вышло порядочно длинное и весьма для меня трудное".

20 апрѣля 1860 года, С. М. Сухотинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Вчера у Кошелева былъ весьма любопытный диспутъ между А. С. Хомяковымъ и Н. В. Павловымъ о непогрѣшимости правилъ вселенскихъ соборовъ. Павловъ утверждалъ, что эти правила должны быть для насъ обязательны, какъ приказанія Церкви. Хомяковъ признавалъ непогрѣшимыми и непоколебимыми одни догматы, проистекающіе изъ Евангелія, то есть таинства, а прочее же, какъ на-

примѣръ, установленіе поста, соблюденіе праздниковъ и пр. дисциплинарныя правила, отнюдь не обязательны для христіанина, если онъ ихъ не будетъ исполнять по чувству любви. Исполненіе поста и прочихъ дисциплинарныхъ правилъ, важное, какъ общеніе любви съ народомъ, само по себѣ не имѣетъ глубокаго значенія".

16 іюля 1860 года, Хомяковъ писалъ С. М. Сухотину: „Что за житье въ деревнѣ, любезный Сергѣй Михайловичъ! Что за лѣто! Не знаю, природа не празднуетъ ли эмансипаціи; только бы эмансипація не подгорѣла, какъ гречиха въ степяхъ. Здѣсь ни о чемъ не слыхать. Деревня Русская внѣ всякаго политическаго міра".

Степной Цвѣтокъ Кохановской (Сохановской) обратилъ на себя вниманіе Хомякова, и по поводу котораго онъ выразилъ свое мнѣніе о Пушкинѣ. Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ къ И. С. Аксакову, Хомяковъ писалъ: „Я рѣшительно восхищаюсь *Степнымъ Цвѣткомъ* (Сохановской) и радуюсь, но только какъ словомъ прекрасной, глубоко-художественной и сочувственной души. Я радъ, что Саханская хотѣла и могла такъ посмотрѣть на Пушкина; но остаюсь при своемъ. Вспомните, что тѣ чудные стихи, которые Саханская приводитъ и которые дѣйствительно составляютъ какъ бы связь между другими, совершенно отрывочными, переведены изъ Данта. Они-то и имѣютъ по преимуществу характеръ басовой ноты. *Пророкъ*, безспорно великолѣпнѣйшее произведеніе Русской поэзіи, получилъ свое значеніе, какъ вы знаете, по милости цензуры (смѣшно, а правда). Вглядитесь во все это безпристрастно, и вы почувствуете, что способности къ басовымъ аккордамъ не доставало не въ головѣ Пушкина и не въ талантѣ его, а въ душѣ, слишкомъ непостоянной и слабой, или слишкомъ рано развращенной и уже никогда не находившей въ себѣ силъ для возрожденія (Пушкинъ измельчался не въ развратѣ, а въ салонѣ). Оттого-то вы можете имъ восхищаться или лучше не можете не восхищаться, но не можете благоговѣйно кланяться. Конечно,

приводя Шиллера, вы какъ будто правы; въ немъ нехудожественное начало отнимаетъ много достоинства у его серьезности; въ немъ, какъ вы говорите, звукъ басовой струны есть ни что иное какъ гудѣніе философской мысли. Это такъ, но скажете ли вы тоже о Гете? О томъ

Wass unbewusst
Oder unbewacht,
In dem Laberynth der Brust
Wandelt durch die Nacht?

„Хвалите, браните этихъ людей; но какъ бы къ нимъ ни относились въ художественномъ сочувствіи, вы не можете не признавать въ нихъ строгихъ, мужественныхъ, мужскихъ душъ, духовныхъ борцовъ, передъ которыми невольно преклоняешься. Не такъ ли? И все таки я очень радъ, что Соханская прослѣдила, прочувствовала ту способность въ Пушкинѣ, которой онъ не развилъ, тѣ звуки, которые у него разбросаны болѣе какъ вздохи временнаго ропота на себя, чѣмъ какъ слово сознательнаго достоинства“.

Предсмертнымъ трудомъ Хомякова былъ переводъ его Апостольскихъ Посланій.

4 августа 1860 года, онъ писалъ изъ Москвы, къ Кошелеву: „Въ деревнѣ переводилъ Павла Апостола съ оригинала: къ Галатамъ и къ Ефесеямъ. Самъ очень доволенъ; кто читалъ, всѣ очень довольны, а въ *Православномъ Обозрѣніи*, кажется, не рѣшатся напечатать, чтобы не оскорбить Сѵнода. Придется печатать въ Лейпцигѣ, а какъ это обидно! Просто ножъ острый, но что же дѣлать? Павла всего переведу: не могу отстать и, право, думаю сдѣлать очень хорошую вещь. Во многомъ я отъ всѣхъ переводовъ отхожу и надѣюсь, что во многихъ случаяхъ возстановилъ истинный смыслъ“.

Въ послѣдній пріѣздъ Хомякова изъ деревни въ Москву, П. И. Бартеневъ встрѣтился съ нимъ въ Сокольникахъ, у больнаго К. С. Аксакова, и въ послѣдній разъ бесѣдовалъ съ нимъ; рѣчь шла объ апостолѣ Павлѣ.

20 августа 1860, т.-е., ровно за мѣсяцъ до смерти, Хомяковъ былъ въ Москвѣ, и оттуда писалъ Кошелеву: „Пишу тебѣ покуда лошадей закладываютъ. Пріѣхалъ я въ Москву на четыре дня, пробылъ шесть; пріѣхалъ по дѣламъ, между прочимъ нужно десять тысячь рублей на обороты; денежный рынокъ таковъ, что условія бѣшенныя... Это я говорю, чтобы сказать только о состояніи денежнаго рынка и о послѣдствіяхъ запертаго банка. Вообще я утверждаю, что движимый капиталъ просто составилъ заговоръ противъ Россіи вообще, и наши государственные люди служатъ ему орудіемъ, не воображая того. Къ твоимъ словамъ о незнаніи и наукѣ прибавлю, что невѣжду не то обманешь, не то нѣтъ, а ученыхъ непремѣнно“ [232]).

Вскорѣ по возвращеніи въ Богучарово, Хомяковъ съ старшимъ сыномъ своимъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ, поѣхалъ въ свою Рязанскую деревню (Данковскаго уѣзда) Ивановское. Тамъ, 23 сентября 1860 года, онъ и скончался.

„Холера схватила Хомякова, — писалъ Погодинъ Шевыреву, — и въ нѣсколько часовъ его не стало. Исповѣдался, пріобщился, соборовался масломъ, въ полной памяти. Наканунѣ, готовый къ отъѣзду домой, куда за два дня отправилъ уже сына, онъ писалъ вечеромъ статью о философіи и остановился, кончивъ страницу, на словѣ *въ*. Легъ спать и въ 5 часовъ утра разбудилъ человѣка, веля ему поставить себѣ горчишники, выпилъ дегтю и принялъ потомъ нѣсколько гомеопатическихъ крупинокъ. Послѣ соборованія фершалъ ему сказалъ: У васъ глаза свѣтлы. — *Завтра будутъ еще свѣтлѣе*, отвѣчалъ онъ. За нѣсколько минутъ фершалъ сказалъ: Пульсъ хорошъ. — Какъ тебѣ не стыдно — пульсъ прерывается, видишь, а ты говоришь: хорошъ. Не послать ли за Дмитріемъ Алексѣевичемъ? — Не надо. — Не дать ли знать въ Богучарово? — Узнаютъ вскорѣ. и скончался тихо, безъ страданія. Боже мой! Что за ужасная судьба носится надъ нами“ [233])!

Другому своему другу Максимовичу, на Михайлову Гору, Погодинъ писалъ: „Путешествіе свое совершалъ я отлично,

но, по возвращеніи, поразила меня неожиданная, удивительная, ужасная кончина нашего незабвеннаго Хомякова. Я заѣзжалъ къ нему въ деревню 17-го сентября, и мнѣ сказали ямщики, что онъ уѣхалъ въ степь. А 23-го, въ пятницу, въ 8 часовъ вечера, онъ скончался... При немъ никого не было, кромѣ сосѣда Муромцова... До сихъ поръ я опомниться не могу. Пустота, оставленная Хомяковымъ, для насъ уже никогда не наполнится... Я здоровъ и убѣгаю отъ горестей за работу, которая не измѣняетъ... Пишешь ли ты свои воспоминанія? Пиши, пиши, пиши. Мнѣ некогда приниматься вѣдь, а кромѣ насъ, кто-же знаетъ всѣ обстоятельства" [234])?

Такимъ образомъ, замѣчаетъ П. И. Бартеневъ, Хомяковъ умеръ одинъ, вдалекѣ отъ друзей и отъ многочисленной семьи своей... Исполнилось желаніе, выраженное имъ въ одномъ изъ раннихъ его стихотвореній:

Творецъ вселенной!
Услышь мольбы полночный гласъ:
Когда, Тобой опредѣленный,
Настанетъ мой послѣдній часъ,
Пошли мнѣ въ сердце предвѣщанье!
Тогда покорною главой,
Безъ малодушнаго роптанья,
Склонюсь предъ волею святой.
Въ мою смиренную обитель
Да придетъ ангелъ разрушитель,
Какъ гость издавна жданный мной;
Мой взоръ измѣритъ великана,
Боязнью грудь не задрожитъ,
И духъ изъ дольняго тумана
Полетомъ смѣлымъ воспаритъ. [235]).

LXXIX.

Москва и вся Россія узнала о кончинѣ Хомякова изъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Тамъ было обнародовано: „23 сентября скончался въ имѣніи своемъ, Рязанской губерніи, извѣстный поэтъ и литераторъ, предсѣдатель Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ Университетѣ, Але-

ксѣй Степановичъ Хомяковъ, послѣ кратковременной болѣзни, на пятьдесятъ пятомъ году отъ рожденія".

27-го сентября 1860 года, въ Московскомъ домѣ Хомякова, на Собачьей площадкѣ, служили панихиду. „Тяжело было—заноситъ Погодинъ въ свой *Дневникъ*—переступать порогъ. Аксаковы (т.-е. мать и дочери), Чижовъ, Вяземскій, и проч. Представились нѣкоторыя выраженія. Плакалъ".

До перевезенія тѣла Хомякова въ Москву, для погребенія въ Даниловомъ монастырѣ, въ *Дневникѣ* Погодина мы находимъ слѣдующія отмѣтки:

Подъ *1 октября 1860 года*: „Наметалъ о Хомяковѣ".

— *2* — — — : „Плакалъ и плакалъ. Вяземскій о состояніи Литературы. О Карамзинѣ. Писалъ о Хомяковѣ".

— *3* — — — : „О Хомяковѣ".

— *5* — — — : „Писалъ весь день о Хомяковѣ и плакалъ. Засѣданіе".

Въ этотъ день, т.-е. 5 октября 1860 года, подъ предсѣдательствомъ временнаго предсѣдателя М. П. Погодина и въ присутствіи: князя П. А. Вяземскаго, П. А. Новикова, Н. Ф. Павлова, П. А. Безсонова, Н. П. Гилярова-Платонова, М. Н. Лонгинова, Ѳ. Б. Миллера, В. М. Ундольскаго, П. И. Бартенева, Г. Е. Шуровскаго, И. К. Бабста, Г. Н. Геннади, В. И. Даля и А. Н. Плещеева, Общество имѣло чрезвычайное засѣданіе [236]).

Въ этомъ засѣданіи, Погодинъ, „разливаясь слезами", сказалъ: „Скорбнымъ, слезнымъ словомъ долженъ я открыть нынѣ засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности въ наступившемъ академическомъ году: не стало нашего перваго, любимаго предсѣдателя, Алексѣя Степановича Хомякова.

„Скажешь, и не вѣришь собственнымъ словамъ своимъ. Неужели это правда? Неужели умеръ Хомяковъ, онъ, въ которомъ волновался съ такою силою избытокъ жизни, съ которымъ, даже въ воображеніи, не соединялась никогда мысль о чемъ нибудь неподвижномъ. Давно ли мы его видѣли, вотъ что̀ онъ говорилъ, вотъ какъ онъ шутилъ! Да, вы видѣли, вы

слышали его, шутили съ нимъ, можетъ быть, недавно, а теперь его уже нѣтъ, и вы не увидите, не услышите его больше никогда, не будете ни смѣяться, ни плакать съ нимъ, а только объ немъ.

„Какъ же это случилось? Мудрено отвѣчать на такой вопросъ, естественный вопросъ. Нечаянно, неожиданно, непонятно, невѣроятно,—онъ умеръ, и больше ничего почти сказать нельзя... И падаютъ, одинъ за другимъ, наши лучшіе, благороднѣйшіе люди, мыслящіе, чувствующіе, тѣ, на которыхъ отдыхалъ взоръ, о которыхъ сладко было думать, которые однимъ именемъ своимъ доставляли утѣшеніе, падаютъ безъ всякихъ достаточныхъ причинъ. Не успѣешь схоронить одного, рой могилу другому, не выпуская изъ рукъ заступа, и готовься оплакивать третьяго. За Грановскимъ послѣдовали: Иванъ Кирѣевскій, Петръ Кирѣевскій; за Кирѣевскими—Глинка, Иннокентій; за Иннокентіемъ—Ивановъ, Аксаковъ... Теперь Хомяковъ. Сколько между ними еще людей достойныхъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ, потеряли мы,—и всѣ они погибли впродолженіи какихъ нибудь пяти-шести лѣтъ, имѣвшихъ, впрочемъ, свое грозное вступленіе насильственными смертями Грибоѣдова, Пушкина и Лермонтова, противоестественною смертію Гоголя,—какъ будто злой рокъ давно уже придумалъ для насъ этотъ родъ нравственнаго наказанія.

„Хомяковъ! Что это была за натура, даровитая, любезная, своеобразная! Какой умъ всеобъемлющій, какая живость, обиліе въ мысляхъ... Сколько свѣдѣній, самыхъ разнородныхъ, соединенныхъ съ необыкновеннымъ даромъ слова... Съ такими талантами, съ такими познаньями, съ такими свойствами, достоинствами, скажете, Хомяковъ былъ носимъ на рукахъ въ Россіи, Хомяковъ окруженъ былъ почтеніемъ, признательностью, любовію? На всякомъ публичномъ собраніи, на вопросъ путешественника: кто здѣсь примѣчательные люди, изъ первыхъ указывался Хомяковъ? Онъ былъ вездѣ честимъ, отличаемъ, уважаемъ?

„О, нѣтъ! Здѣсь онъ не былъ принятъ потому, что онъ

ксѣй Степановичъ Хомяковъ, послѣ кратковременной болѣзни, на пятьдесятъ пятомъ году отъ рожденія".

27-го сентября 1860 года, въ Московскомъ домѣ Хомякова, на Собачьей площадкѣ, служили панихиду. „Тяжело было—заноситъ Погодинъ въ свой *Дневникъ*—переступать порогъ. Аксаковы (т.-е. мать и дочери), Чижовъ, Вяземскій, и проч. Представились нѣкоторыя выраженія. Плакалъ".

До перевезенія тѣла Хомякова въ Москву, для погребенія въ Даниловомъ монастырѣ, въ *Дневникѣ* Погодина мы находимъ слѣдующія отмѣтки:

Подъ *1 октября 1860 года*: „Наметалъ о Хомяковѣ".

— *2* — — — : „Плакалъ и плакалъ. Вяземскій о состояніи Литературы. О Карамзинѣ. Писалъ о Хомяковѣ".

— *3* — — — : „О Хомяковѣ".

— *5* — — — : „Писалъ весь день о Хомяковѣ и плакалъ. Засѣданіе".

Въ этотъ день, т.-е. 5 октября 1860 года, подъ предсѣдательствомъ временнаго предсѣдателя М. П. Погодина и въ присутствіи: князя П. А. Вяземскаго, П. А. Новикова, Н. Ф. Павлова, П. А. Безсонова, Н. П. Гилярова-Платонова, М. Н. Лонгинова, Ѳ. Б. Миллера, В. М. Ундольскаго, П. И. Бартенева, Г. Е. Шуровскаго, И. К. Бабста, Г. Н. Геннади, В. И. Даля и А. Н. Плещеева, Общество имѣло чрезвычайное засѣданіе [236]).

Въ этомъ засѣданіи, Погодинъ, „разливаясь слезами", сказалъ: „Скорбнымъ, слезнымъ словомъ долженъ я открыть нынѣ засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности въ наступившемъ академическомъ году: не стало нашего перваго, любимаго предсѣдателя, Алексѣя Степановича Хомякова.

„Скажешь, и не вѣришь собственнымъ словамъ своимъ. Неужели это правда? Неужели умеръ Хомяковъ, онъ, въ которомъ волновался съ такою силою избытокъ жизни, съ которымъ, даже въ воображеніи, не соединялась никогда мысль о чемъ нибудь неподвижномъ. Давно ли мы его видѣли, вотъ что̀ онъ говорилъ, вотъ какъ онъ шутилъ! Да, вы видѣли, вы

слышали его, шутили съ нимъ, можетъ быть, недавно, а теперь его уже нѣтъ, и вы не увидите, не услышите его больше никогда, не будете ни смѣяться, ни плакать съ нимъ, а только объ немъ.

„Какъ же это случилось? Мудрено отвѣчать на такой вопросъ, естественный вопросъ. Нечаянно, неожиданно, непонятно, невѣроятно,—онъ умеръ, и больше ничего почти сказать нельзя... И падаютъ, одинъ за другимъ, наши лучшіе, благороднѣйшіе люди, мыслящіе, чувствующіе, тѣ, на которыхъ отдыхалъ взоръ, о которыхъ сладко было думать, которые однимъ именемъ своимъ доставляли утѣшеніе, падаютъ безъ всякихъ достаточныхъ причинъ. Не успѣешь схоронить одного, рой могилу другому, не выпуская изъ рукъ заступа, и готовься оплакивать третьяго. За Грановскимъ послѣдовали: Иванъ Кирѣевскій, Петръ Кирѣевскій; за Кирѣевскими—Глинка, Иннокентій; за Иннокентіемъ—Ивановъ, Аксаковъ... Теперь Хомяковъ. Сколько между ними еще людей достойныхъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ, потеряли мы,—и всѣ они погибли впродолженіи какихъ нибудь пяти-шести лѣтъ, имѣвшихъ, впрочемъ, свое грозное вступленіе насильственными смертями Грибоѣдова, Пушкина и Лермонтова, противоестественною смертію Гоголя,—какъ будто злой рокъ давно уже придумалъ для насъ этотъ родъ нравственнаго наказанія.

„Хомяковъ! Что это была за натура, даровитая, любезная, своеобразная! Какой умъ всеобъемлющій, какая живость, обиліе въ мысляхъ... Сколько свѣдѣній, самыхъ разнородныхъ, соединенныхъ съ необыкновеннымъ даромъ слова... Съ такими талантами, съ такими познаньями, съ такими свойствами, достоинствами, скажете, Хомяковъ былъ носимъ на рукахъ въ Россіи, Хомяковъ окруженъ былъ почтеніемъ, признательностью, любовію? На всякомъ публичномъ собраніи, на вопросъ путешественника: кто здѣсь примѣчательные люди, изъ первыхъ указывался Хомяковъ? Онъ былъ вездѣ честимъ, отличаемъ, уважаемъ?

„О, нѣтъ! Здѣсь онъ не былъ принятъ потому, что онъ

былъ только штабсъ-ротмистръ; тамъ потому, что хозяева безграмотны, и не слыхали имени Хомякова; тамъ потому, что бесѣда его считалась заразительною. Хомяковъ подвергался часто всякаго рода насмѣшкамъ, клеветамъ, ругательствамъ.

„Онъ славянофилъ, говорили одни, онъ хочетъ возвратиться къ старинѣ, и, слѣдовательно, защищаетъ кнутъ, вступается за правежъ.

„Онъ ханжа, восклицали другіе, не ѣстъ рыбы великимъ постомъ, и соблюдаетъ середы и пятницы.

„Третьи провозглашали, разумѣется, что онъ опасный человѣкъ, безпокойный революціонеръ, красный, вредный.

„Четвертые считали его шарлатаномъ, который морочитъ общество въ угоду своему самолюбію, не имѣя никакихъ постоянныхъ убѣжденій...

„Съ кроткой поэтической своей душою, Хомяковъ сносилъ терпѣливо причиняемыя оскорбленія, пропускалъ мимо ушей безумныя клеветы, не жаловался на несправедливость, но все-таки, по человѣческой слабости, дикіе вопли причиняли ему порою глухую боль, между тѣмъ какъ общее сочувствіе, участіе, одобреніе, могли-бъ дѣйствовать животворно на душу, особенно въ нашихъ мудреныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ...

„Впрочемъ, должно сказать въ утѣшеніе: если Хомяковъ имѣлъ неистовыхъ противниковъ, то онъ имѣлъ много и искреннихъ, горячихъ друзей, имѣлъ много людей, преданныхъ ему безусловно, неограниченно, жившихъ съ нимъ одною жизнію, дѣлившихъ его задушевныя убѣжденія...

„Придетъ пора, истина возьметъ свое... и Хомяковъ, въ возрожденной Россіи, получитъ гражданскій вѣнокъ, принадлежащій ему по праву за его несомнѣнныя заслуги. Имя его будетъ произноситься съ почтеніемъ и признательностію новыми поколѣніями,—а мы, осиротѣлые друзья его, мы не утѣшимся никогда въ постигшей насъ потерѣ, пустота, имъ оставленная, никогда для насъ уже не наполнится. Долго мы не привыкнемъ даже къ мысли, что его нѣтъ между нами. Долго, въ каждомъ своемъ собраніи, по вторникамъ или четвергамъ,

воскресеньямъ, мы будемъ безпрестанно оглядываться на дверь и думать: это вѣрно идетъ Хомяковъ запоздавшій, какъ обыкновенно. Помилуй, гдѣ же ты былъ, мы ждемъ тебя уже давно... Нѣтъ, это не онъ...

„Да, онъ не явится къ намъ, мы можемъ только воображать его милыя черты, мы можемъ только припоминать съ благоговѣніемъ каждое его слово, плакать объ немъ, плакать, пока не соединимся съ нимъ въ общей для насъ могилѣ“ [237])...

Рѣчь Погодина произвела сильное впечатлѣніе. Князь П. А. Вяземскій, возвратясь въ Петербургъ, писалъ ему: „Ваша статья о Хомяковѣ ходитъ по рукамъ, когда уходится, отправлю ее къ Кокореву... Нѣтъ ли у васъ чистаго оттиска статьи о Хомяковѣ для представленія императрицѣ, которая желаетъ прочесть. Императрица также любопытствовала знать: скоро ли будетъ напечатано полное собраніе стихотвореній Хомякова“.

Рѣчь Погодина навѣяла на П. К. Щебальскаго мысли, которыя онъ выразилъ въ слѣдующемъ письмѣ къ оратору: „Съ большимъ вниманіемъ, съ глубокимъ чувствомъ прочелъ я присланный вами, почтенный Михаилъ Петровичъ, корректурный листокъ о Хомяковѣ. Я, почти не зная лично Хомякова, не скажу, чтобы коротко зналъ его и какъ публичнаго человѣка, но его Алкивіадовская многосторонность прельщала мое воображеніе и я издали кланялся ему, какъ одному изъ передовыхъ людей въ то время, когда впередъ мало еще кто выскакивать осмѣливался. Я не зналъ его, но угадывалъ, какъ иногда угадываешь людей прошедшаго времени, схороненныхъ въ архивахъ по признакамъ, въ которыхъ самъ себѣ не можешь дать отчета. Да, надо намъ безъ устали *пожать Божью ниву!* Но какъ пожать, чѣмъ, въ какомъ направленіи? Вы должны сказать какъ—вы, зрѣлые, опытные, глубоко мыслившіе, изучившіе. Мы,—молодежь и вчера только промѣнявшіе саблю на книгу,—мы только рядовые,—становитесь впередъ, собирайте вокругъ себя рать Божіихъ воиновъ. Вы видите: доброй воли много, всѣ рвутся изо всѣхъ силъ,—ведите насъ.

Нѣтъ вождя, — и мы блуждаемъ! Скажите хоть, укажите ту равнодѣйствующую, которая ведетъ прямо и опредѣленно къ яснoсознаваемой цѣли, которая должна быть результатомъ всѣхъ нашихъ добрыхъ, но разнообразныхъ воль. Около какого дѣла мы должны группироваться — скажите?—Я думаю что, въ настоящее время, нѣтъ болѣе животворнаго дѣла, нѣтъ болѣе благороднаго труда, какъ народное просвѣщеніе, т.-е., просвѣщеніе народа. Правительство призываетъ двадцать пять милліоновъ новыхъ дѣятелей на политическую сцену — надо чтобъ они явились не простыми статистами, а сколь возможно самостоятельными актерами, — иначе что и пользы въ ихъ появленіи? Въ Польшѣ законъ искони признавалъ ихъ свободными, а на дѣлѣ они были свободны столько же если неменьше чѣмъ у насъ. Почему прогрессъ, замѣчаемый у насъ въ теченіи послѣднихъ ста пятидесяти лѣтъ, медленъ и такъ сказать жидокъ? Потому что просвѣщеніе коснулось только верхняго слоя націи. Почему образовалась эта бездна, которая существуетъ между нашимъ соотечественникомъ, комментирующимъ Гегеля и Бокля, и тѣмъ, который остановился на вѣрованіи въ попа Аввакума? Потому что одни шли впередъ, другіе стояли на мѣстѣ. Соберемъ же нашу растянувшуюся рать. Голова хвоста не ждетъ, — такъ поможемъ хвосту догнать голову,—и когда вся эта масса будетъ въ кабакѣ,—какъ вы думаете, кто будетъ въ состояніи ее остановить? Когда семьдесятъ милліоновъ человѣкъ совокупятъ свои воли,—чего не достигнутъ они? Вотъ разная мелкая братія, — сознательно или нѣтъ, все равно,—принялась за это дѣло; до двухъ сотъ воскресныхъ школъ покрыли Россію и всякій день заводятся новыя,—и что же кто изъ васъ, вождей, помогъ этому дѣлу? Ни одинъ!.. Между дѣятелями воскресныхъ школъ въ Петербургѣ (а онѣ тамъ наиболѣе процвѣли), всего на всего три имени болѣе или менѣе извѣстныхъ публикѣ. Ни одинъ журналъ не подумалъ отдѣлить для ихъ развитія хоть бездѣлицу отъ своихъ барышей, ни одинъ серьезный человѣкъ не сказалъ о нихъ никакого добраго слова! Повторяю, по моему

глубокому убѣжденію, народныя школы — первое дѣло въ Россіи,—и въ этомъ дѣлѣ мы не видимъ ни одного интеллектуальнаго авторитета. Чтожъ вы дѣлаете, господа? Ворчите да поете іереміады? Вотъ вы,—вы сами, вы лично,—толкуете о Славянскомъ братствѣ, жмете руку Чехамъ и Сербамъ,—а что вы дѣлаете для того, чтобъ связать съ Россіей ея сыновъ Волыни и Подоліи. Грянетъ ураганъ, и Богъ знаетъ не унесетъ ли онъ нашъ многоцѣнный камень, нашу Червонную Русь! Что можетъ сдѣлать толпа безсознательныхъ мужиковъ противъ вліянія поповъ и ксендзовъ? Разумѣется, они не станутъ теперь отдавать церквей въ аренду Жидамъ, станутъ дѣйствовать прельщеніемъ,—и одолѣютъ. А между тѣмъ, они положительно противятся всему, что можетъ дать самостоятельность крестьянину: идутъ противъ надѣла его собственностію и противъ распространенія между ними грамотности. Какой-то корреспондентъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* постоянно восклицаетъ, что въ Житомірѣ не можетъ устроиться ни одной воскресной школы, — и неудивительно: дворяне— Поляки, а торговый классъ—Евреи,—кто же дастъ деньги? А безъ школъ, безъ грамотности, безъ умственнаго развитія толпа мужиковъ поплетется за своими попами!

„Такъ вотъ такъ-то, почтенный нашъ Михаилъ Петровичъ. Не толкуйте намъ о журавляхъ въ небѣ, — о Болгарахъ и Чехахъ, а подавайте синицу, то-есть помогите въ дѣлѣ народнаго образованія. Вотъ вамъ арена, вотъ вамъ поприще. Съѣздите, да не разъ, а десять, въ ваши Московскіе воскресныя школы, обратите на нихъ вниманіе Россіи, показавъ въ серьезномъ памфлетѣ, всю важность дѣла народнаго образованія. Шепните Кокореву, чтобы онъ кинулъ тысячу на образованіе школъ въ Западномъ краѣ. Довольно словъ—нужны дѣла. А если вы знаете другое дѣло, болѣе важное, скажите" [238]).

LXXX.

Смертные останки Хомякова были привезены въ Москву, и 15 октября 1860 года погребены въ Даниловомъ монастырѣ, подлѣ Гоголя, Языкова, Венелина, Валуева.

Въ тотъ же день Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Въ приходскую церковь. Нѣтъ. Въ Даниловъ монастырь. Тяжко было увидѣть гробъ, въ которомъ лежало тѣло. Послѣдняя бесѣда. Хочется еще сказать. Плакалъ. Сцены передъ могилою".

Шевыреву Погодинъ писалъ: „Въ прошедшую субботу привезено тѣло и погребено въ Даниловомъ монастырѣ. Пріѣзжали изъ Петербурга: Самаринъ, горько рыдающій, и Черкасскій. Народу было посторонняго немного. Во всѣхъ журналахъ отзывы похвальные. Видно, надо умереть, чтобы услышать доброе слово" [239]).

Вскорѣ послѣ погребенія Хомякова, Погодинъ созвалъ публичное засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности, на которомъ помянули покойника.

П. И. Бартеневъ сообщилъ о Хомяковѣ біографическія воспоминанія. М. Н. Лонгиновъ помянулъ его, какъ предсѣдателя Общества Любителей Россійской Словесности. О филологической дѣятельности покойнаго написалъ А. Ѳ. Гильфердингъ.

Объ участіи Хомякова въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса написалъ Ю. Ѳ. Самаринъ. О судьбѣ убѣжденій, по поводу смерти Хомякова, произнесъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ.

Но Кошелевъ остался недоволенъ этимъ засѣданіемъ и писалъ Погодину: „Что вы вздумали такъ поспѣшно устроить публичное засѣданіе въ память Хомякова? Только прошли шесть недѣль, и мы спѣшимъ явиться публично съ нашею горестью. Это просто неприлично. Самаринъ прислалъ вамъ

статейку не для публики, а для домашняго засѣданія. Онъ также весьма не одобряетъ мысли о публичномъ засѣданіи". Съ своей стороны, и Самаринъ (26 октября 1860 г.) писалъ Погодину: „Надъ каждымъ словомъ о крѣпостномъ состояніи теперь горячіе уголья; нужна крайняя осторожность. Говорить теперь подробно о его (Хомякова) статьяхъ, особенно о послѣдней запискѣ, было бы очень опасно. Многое въ нихъ можетъ быть обращено въ оружіе противъ дѣла, какъ то теперь направлено... Какъ мнѣ жаль, что я не успѣлъ снестись съ Гиляровымъ; у меня есть двѣ странички руки Хомякова, крайне любопытныя и нужныя для возсозданія его философскаго воззрѣнія во всей полнотѣ и цѣльности".

Съ каѳедры С.-Петербургскаго Университета помянулъ Хомякова и признательный ему санскритологъ Каэтанъ Коссовичъ. Онъ, между прочимъ, сказалъ: „Хомяковъ былъ благодѣтелемъ моимъ, и онъ указалъ мнѣ еще въ первой моей молодости, тотъ путь, которому я не перестаю и не перестану слѣдовать въ моихъ трудахъ; его живое сочувствіе къ моимъ занятіямъ постоянно укрѣпляло и животворило меня и во все послѣдующее время..... Онъ первый познакомилъ меня съ трудами Нѣмецкихъ и Англійскихъ санскритистовъ, съ трудами Боппа, Лассена, Вильсона; онъ же старался направить всѣ мои силы на самостоятельную разработку моей науки. Чего Хомяковъ требовалъ отъ меня въ скромной сферѣ моихъ занятій, того онъ требовалъ отъ всякаго Русскаго дѣятеля, и отъ всей совокупности Русскихъ дѣятелей, т.-е., отъ всей Русской Земли: онъ требовалъ самобытнаго просвѣщенія, требовалъ внутренней умственной и духовной свободы".

Свое поминальное слово Коссовичъ заключилъ: „Мы остались, а его нѣтъ уже между нами. Но часть души нашей, замирая при мысли объ утратѣ такого друга, въ то же время яснѣе какъ-то узрѣваетъ этотъ прекрасный духовный образъ, гостившій между нами; вся его земная жизнь сосредоточивается передъ нами и говоритъ намъ: *Я не оставилъ васъ и*

здѣсь, всматривайтесь въ меня, не покидайте меня, не покидайте моей любви, моего дѣла" [240])....

Въ день именинъ Погодина, 8 ноября 1860 года, Максимовичъ, съ своей Михайловой Горы, писалъ своему старому другу: „Сегодня твои именины, любезный другъ Погодинъ! Привѣтствую тебя и вспоминаю съ живѣйшимъ движеніемъ души, и желаю тебѣ возможнаго благоденствія и долголѣтія въ твоей обновленной жизни. Если бы я былъ въ Москвѣ, вотъ кто сбирался бы уже къ тебѣ, чтобы обнять тебя. Помню, какъ за два года, въ этотъ день мы согласились съ Хомяковымъ обѣдать у тебя и ты усладился нашею бесѣдою объ *Игоревой пѣсни*... И вотъ, нѣтъ уже на свѣтѣ нашего вѣщаго пѣвца и мыслителя—и мы нарозно оплакиваемъ его. Какой страшный недочетъ въ литературномъ и въ Православномъ—Русскомъ мірѣ. Не говорю уже въ нашемъ Московскомъ кругу... Какъ тяжело мнѣ отдаленіе отъ васъ, особливо на такіе случаи, что даже и въ печальномъ знаніи объ утратѣ лучшихъ и близкихъ намъ людей, и въ святой скорби объ нихъ, видишь себя запоздалымъ... Знаешь ли, что я только за десять дней передъ симъ узналъ о кончинѣ Хомякова, и только вчера прочелъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* извѣстія Щербины и Гильфердинга. Князь Вяземскій очутился въ Москвѣ, на панихидѣ Хомякова, послѣдняго поэта Пушкинскаго поколѣнія... Если онъ еще въ Москвѣ, не забудь передать ему, старѣйшинѣ нашего литературнаго міра, мой глубокій, задушевный поклонъ. Не забывай меня, возлюбленный друже-товарище мой! Ты смолчалъ и на мое письмецо тебѣ о рожденіи моего первороднаго сынка, славнѣйшаго хлопчика *Богдана*, какъ называлъ его покойный крестный отецъ его Хомяковъ,—не знаю дошелъ ли къ тебѣ въ Тифлисъ другой листикъ мой весенній, въ которомъ я поздравлялъ тебя съ женитьбою... То все были полносердечныя къ тебѣ обращенія любящаго тебя.

„А что дѣлается теперь съ нашимъ Обществомъ Любителей Россійской Словесности"?

„И такъ,—писалъ М. А. Дмитріевъ изъ своего Богородскаго,—мы лишились Хомякова. Можно ли было ожидать этого? Конечно, въ мои лѣта только и можно ожидать лишеній; однако, онъ былъ десять лѣтъ меня моложе! Все это мнѣ намеки; а я еще живу и маюсь! Слышалъ я, что вы читали въ Обществѣ что-то о немъ: очень желалъ бы прочитать. Хорошо бы Обществу напечатать всѣ его сочиненія, и стихотворенія, и трагедію, и статьи въ прозѣ. Вѣчная ему память!—Кого-то изберутъ въ предсѣдатели нашего Общества? Я бы твердо и безукоризненно подалъ голосъ за васъ“ [241]).

А. О. Россети писалъ къ своей сестрѣ А. О. Смирновой: „Чижовъ отправляется въ Англію и передастъ тебѣ подробности о внезапной смерти отъ холеры Хомякова. Она въ самое сердце поразила маленькій Московскій кружокъ, и бѣдный Самаринъ просто въ отчаяніи и даже заболѣлъ. Что̀ про нихъ ни говорили, а они всѣ люди достойные, а при нашемъ безлюдіи едва ли не одни достойные; къ сожалѣнію, рѣзки, мало благоволительны къ другимъ и много смѣялись, почему своими писаніями и дѣйствіями болѣе раздражали и смѣшили, чѣмъ оказывали благотворное дѣйствіе“ [242]).

Въ это время пребывалъ въ Вѣнѣ: Шевыревъ, проѣздомъ изъ Москвы во Флоренцію, и И. С. Аксаковъ съ своимъ больнымъ братомъ Константиномъ.

Получивъ извѣстіе о кончинѣ Хомякова, Шевыревъ писалъ Погодину: „Пріѣхали сюда (въ Вѣну) сегодня утромъ. Первый мой визитъ былъ къ нашему священнику (Раевскому). Вдругъ, какъ громъ разразилась эта ужасная вѣсть. Что это за горе, что за потеря, милый другъ Михаилъ Петровичъ! Неужели Хомякова нѣтъ уже между нами. Тутъ же увидѣлся съ И. С. Аксаковымъ. Отъ Константина это скрываютъ. Братъ ждетъ черезъ три дня письма отъ своихъ, въ которомъ они должны написать о опасной болѣзни Хомякова. Я совѣтовалъ прибѣгнуть къ религіи. Священникъ хочетъ объявить о томъ Константину въ алтарѣ. Это лучшее средство. Завтра мы слушаемъ заупокойную обѣдню и пани-

хиду по нашемъ незамѣнимомъ другѣ. Думалъ ли я, отъѣзжая 25 сентября, изъ Москвы, что уже нѣтъ его на свѣтѣ? Думалъ ли, что въ Вѣнѣ буду поминать его? Такъ грустно, такъ жалко, что и сказать нельзя. Вечеръ провелъ у Аксаковыхъ и Константинъ ничего не предполагаетъ. Здоровье его, мнѣ кажется, лучше. Онъ похудѣлъ, но онъ спокойнѣе. Утѣшь Ольгу Семеновну. Я уговаривалъ его провесть лѣто въ тепломъ климатѣ и вызвать Ольгу Семеновну и сестеръ. Онъ такъ и рвется въ Россію. Не знаю, какъ рѣшится онъ, узнавъ о несчастіи.

„Соберите о Хомяковѣ все, все, все, съ чѣмъ только соединена его память. Да не будьте такъ равнодушны. Вѣдь право стыдно. Умеръ Кирѣевскій уже четыре года—и до сихъ поръ не изданы его сочиненія. Вѣдь это какъ непростительно. Двигай всѣхъ, буди всѣхъ, торопи всѣхъ. Пусть Хомяковъ никогда не умираетъ, а всегда будетъ съ нами, своею жизнію, умомъ, сердцемъ, словомъ. Какая спокойная кончина! Какъ всякое слово значительно! А дѣти его, дѣти! При мысли о нихъ, сердце надрывается и слезы текутъ изъ глазъ. Окружите сиротъ, займитесь ихъ воспитаніемъ. Составьте совѣтъ—Свербеева, Кошелева; ты, Кошелевъ, Гиляровъ. Учредите—вы мущины—чередной надзоръ за ученьемъ, а жены—пускай опредѣлятъ часы въ недѣлѣ постояннаго посѣщенія, по воскресеньямъ и праздникамъ поочередно ѣздить съ ними въ церковь. Кто будетъ опекуномъ? Увѣдомь. Господи! Господи! Видно мы безъ числа согрѣшили. Лучшіе между нами отходятъ. Ихъ беретъ Господь... Грустно, тяжко, страшно... Утромъ взялъ было билетъ въ театръ, не зная о горѣ, но все отложили. Здѣсь пришлось молиться и плакать—и видно такъ лучше“.

Въ другомъ своемъ письмѣ Шевыревъ писалъ: „15 октября, въ тотъ самый день, какъ вы хоронили Хомякова, мы семьею въ Вѣнѣ служили заупокойную обѣдню и панихиду. Отправлялъ ихъ М. Ѳ. Раевскій. Утѣшительно думать, что молитвами въ этотъ день мы были вмѣстѣ“ [243]).

„Ахъ, Боже мой, Боже мой!—писалъ И. С. Аксаковъ, изъ Вѣны же къ своей матери,—я самъ просто разбитъ, уничтоженъ. Цѣлое свѣтило погасло, и мы вдругъ очутились въ потемкахъ,—наше свѣтило, наша совѣсть, наша сила, гордость и наконецъ просто отрада жизни. Я не могу себѣ вообразить насъ безъ него, мы всѣ буквально осиротѣли, осиротѣли духовно. Личное чувство, къ нему привязывавшее, играетъ тутъ самую слабую роль; съ личнымъ чувствомъ совладѣть можно. Но утрата Хомякова, исчезновеніе изъ нашей среды этого высокаго, свѣтлаго духа, насъ поднимавшаго, очищавшаго, живившаго,—лишаетъ нашу жизнь ея жизненнаго начала. Такъ связаны мы всѣ съ нимъ были. Все съ нимъ кончилось! Въ дружинѣ—падетъ одинъ, другой, ряды сомкнулись тѣснѣе и продолжаютъ идти своимъ путемъ, но когда тотъ палъ, кѣмъ жила и двигалась дружина, такъ исчезаетъ и дружина самая и всѣ разбредутся розно. Теперь для насъ настаетъ пора доживанья, воспоминаній, Исторіи; самая жизнь кончилась“ [244]).

Но въ это самое время между Погодинымъ и Кошелевымъ возникла непріятная переписка, обломокъ которой сохранился въ слѣдующемъ письмѣ Кошелева:

„Видно вамъ нечего дѣлать, что вы, съ Дѣвичьяго поля, пишете грубыя письма людямъ, которые не имѣютъ одной минуты свободной, и которые изъ шкуры лѣзутъ ради общаго дѣла. Усталый возвращаюсь изъ имѣнія Хомяковыхъ, гдѣ трое сутокъ работалъ какъ каторжникъ, и нахожу что? ругательное письмо.

„Нѣтъ, Бога вы не боитесь.

„Ваши замѣчанія—всѣ пустыя придирки. Напечатано: *Въ память о*, а не *памяти* *). Слышите!

„На счетъ Самарина и Гильфердинга—съ ними расчесться *мое* дѣло. Что я сдѣлаю, то они всегда одобрятъ. Въ этомъ

---

*) Напечатано: *Воспоминаніе объ Алексѣѣ Степановичѣ Хомяковѣ.* *Н. Б.*

будьте покойны. Въ прошедшемъ номерѣ рѣчи размѣщены были такъ а не иначе *не мною, а А. С. Хомяковымъ* *).

„Что при изданіи *Бесѣды* я дѣлалъ промахи—знаю. Скоро ихъ дѣлать не буду, ибо окончательно прекращаю *Бесѣду*. Но неужель вы, при изданіи *Москвитянина*, не дѣлали промаховъ? *Измите бревно изъ своего глаза* и пр.

„Если бъ я васъ не уважалъ и не цѣнилъ внутреннихъ вашихъ достоинствъ, то грубое ваше письмо на вѣки измѣнило бы наши отношенія. Не давайте себѣ воли. Часъ на часъ не приходитъ. Не во-время урокъ хуже безурочья. *Всякій спляшетъ, но не какъ скоморохъ*, и я повторю вамъ для вашего назиданія. Вотъ вамъ плата тою же монетою. Теперь квиты. Прощайте. Все-таки до пріятнаго свиданія" [245]).

Хомякова помянули добрымъ словомъ и люди иного направленія. И. И. Панаевъ, въ своихъ *Замѣткахъ Новаго Поэта*, между прочимъ, писалъ: „Русская Литература и Московское общество понесло потерю въ лицѣ Хомякова. Онъ скончался почти внезапно въ своей Рязанской деревнѣ. Хомяковъ былъ блестящимъ представителемъ такъ называемой славянофильской партіи. Онъ былъ бойкій, ловкій, остроумный діалектикъ, весьма склонный къ парадоксамъ; имѣлъ многостороннее образованіе, большую начитанность, писалъ звучные и громкіе стихи, одушевлялъ своимъ присутствіемъ Московскія литературныя сходки и вообще былъ оживленіемъ и украшеніемъ Московскаго общества... Миръ праху его" [246])!

Помянулъ Хомякова добрымъ словомъ и А. Козловъ, который въ *Спискѣ* графа Закревскаго *подозрительныхъ лицъ въ Москвѣ* (1859 г.), атестуется такъ: „Козловъ, преподаватель Русской Словесности въ Школѣ Межевыхъ Топографовъ, на Тверской, въ домѣ Гурьева. Изъ числа вертепниковъ" [247]).

*) Т.-е., въ 1-й книгѣ *Русской Бесѣды* 1860: Рѣчи А. С. Хомякова, произнесенныя въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности. *Н. Б.*

Козловъ писалъ: „Хомяковъ былъ хладнокровенъ, онъ имѣлъ рѣдкую терпимость къ чужому образу мыслей, въ немъ не было тѣни той олимпійской гордыни, съ которою нерѣдко у насъ люди, сдѣлавшіеся извѣстными въ Наукѣ и Литературѣ, относятся къ людямъ темнымъ и безвѣстнымъ. Намъ не разъ случалось быть свидѣтелями такихъ случаевъ, гдѣ Хомяковъ терпѣливо, безъ насмѣшекъ, съ гуманностью спорилъ съ людьми, не только неизвѣстными въ Наукѣ, но имѣвшими самыя несвязныя, самыя темныя представленія о самомъ предметѣ спора. Эту мягкость въ отношеніи къ другимъ, эту терпимость мы ни чѣмъ инымъ не можемъ объяснить, какъ только глубокимъ убѣжденіемъ Хомякова въ его доктринѣ, искреннею преданностію его своимъ убѣжденіямъ и уваженіемъ къ человѣческой личности вообще. Мы знаемъ одинъ случай изъ жизни Хомякова... Назадъ тому лѣтъ пять, шесть, въ Москвѣ было нѣсколько студентовъ, которые время отъ времени собирались къ одному изъ своихъ товарищей потолковать и поспорить между собою о разныхъ философскихъ и научныхъ вопросахъ... Студенты эти были люди бѣдные, неизвѣстные, но искренно преданные Наукѣ. Когда съ однимъ изъ нихъ случайно познакомился Хомяковъ, то ни на минуту не задумался пріѣзжать къ этимъ молодымъ людямъ на вечеръ каждую недѣлю. Онъ, помѣщикъ нѣсколькихъ тысячь душъ, человѣкъ, принадлежавшій къ высшему обществу, имѣвшій почетное имя въ Литературѣ, просиживалъ за полночь въ душной мансардѣ, въ обществѣ бѣдняковъ, у которыхъ на десять стакановъ съ чаемъ переходила изъ рукъ въ руки одна чайная ложечка. Всѣ эти молодые люди, въ своихъ воззрѣніяхъ на Науку, не сходились съ покойникомъ, поэтому въ спорахъ съ нимъ были иногда рѣзки, относились къ нему безъ церемоній, какъ къ товарищу. Не смотря на всю эту невзрачную обстановку, не смотря на то, что въ обществѣ могли бы находить странными сношенія Хомякова съ юношами студентами, онъ долгое время продолжалъ свои посѣ-

щенія, и сохранялъ всегда глубокое сочувствіе къ своимъ горячимъ и непримиримымъ соперникамъ" [248]).

Заключимъ наше печальное повѣствованіе о кончинѣ Хомякова, словами Погодина: „Плакать, — нѣтъ, мы должны бодро идти по слѣдамъ его, мы должны изо всѣхъ силъ своихъ трудиться, работать, не унывая, помня его завѣтныя убѣжденія — Отечество, Славяне, просвѣщеніе, законная свобода, — повторяя любимое его стихотвореніе *Труженикъ*, которое для всѣхъ насъ пусть сдѣлается его священнымъ завѣщаніемъ:

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра, до истощенья силъ,
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.

Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьемъ окруженъ,
Боролся крѣпкой я борьбою..
Я утомленъ, я утомленъ!

Пора на отдыхъ. О, дубравы!
О, тишина полей и водъ!
И надъ оврагами кудрявый,
Вѣтвей сплетающихся сводъ!

Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
Склонившись къ звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной,
Вдохнуть вечернюю струю.

Стереть бы потъ дневнаго зноя
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!..
Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!

Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди; —
Вставай же рабъ лѣнивый Бога,
Господь велитъ: иди, иди!

Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты:
Сгибайся-жъ, пахарь, надъ браздою!
Борись, борецъ, до поздней тьмы!

Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ,
А Ты безумнаго роптанья
Не помяни въ судѣ Твоемъ!

Иду свершать въ трудѣ и потѣ
Удѣлъ назначенный Тобой,
И не сомкну очей въ дремотѣ,
И не ослабну предъ борьбой.

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь для сѣва Твоего.

„Твоя нива воздѣлана, ты прорѣзалъ слѣдъ...

„Прости, нашъ милый, нашъ дорогой, незабвенный! Посылаемъ тебѣ единодушный дружескій привѣтъ, глубокую благодарность и горячую молитву".

Черезъ недѣлю послѣ похоронъ Хомякова, 22 октября 1860 года, состоялось, подъ предсѣдательствомъ временнаго предсѣдателя М. П. Погодина, засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности, въ которомъ присутствовали: А. Ф. Томашевскій, П. А. Безсоновъ, М. Н. Лонгиновъ, В. М. Ундольскій, П. И. Бартеневъ и И. К. Бабстъ.

Въ этомъ засѣданіи, Общество, „съ истиннымъ сожалѣніемъ извѣстившись о кончинѣ бывшаго, съ 1820 года, члена онаго Степана Дмитріевича Нечаева, положило исключить имя его изъ списка членовъ. По предложенію Н. П. Гилярова-Платонова, избрана въ почетные члены Общества Надежда Степановна Соханская (Кохановская) [249]).

LXXXI.

Вслѣдъ за Хомяковымъ, послѣдовалъ въ могилу и Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

И. С. Аксаковъ, послѣ неудавшейся попытки вновь выхлопотать разрѣшеніе на изданіе газеты, и послѣ прекращенія *Русской Бесѣды*, рѣшился уѣхать за границу. „Въ 1860 году—писалъ онъ—не разрѣшатъ мнѣ никакого изданія...

Слѣдовательно, опредѣленной внѣшней дѣятельности нѣтъ... Имѣя въ виду воротиться современемъ непремѣнно къ редакторской же дѣятельности, я хочу воспользоваться досугомъ, даруемымъ мнѣ судьбою, чтобъ подготовить себя лучше къ этой дѣятельности, чтобъ немножко позаняться собственной своей особой, подмести и поприбрать свой кабинетъ, многое-многое прочесть и т. п. Для этой цѣли, я командирую себя на годъ въ чужіе края" [250]).

Такимъ образомъ, оставивъ въ Москвѣ осиротѣлую семью и больнаго брата, И. С. Аксаковъ, 4 января 1860 года, предпринялъ второе путешествіе на лукавый Западъ.

Всю зиму и часть весны состояніе здоровья несчастнаго К. С. Аксакова было отчасти удовлетворительно. Въ теченіе этого времени, какъ мы видѣли, онъ не пропускалъ ни одного засѣданія въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности. Но въ маѣ онъ занемогъ, и Хомяковъ писалъ Кошелеву: „К. С. Аксаковъ сдѣлался опять очень боленъ, но, кажется, это только жестокая и дурнокачественная лихорадка, отъ накопленія желчи. Я ожидалъ отъ него этой болѣзни" [251]).

Лѣто осиротѣлое семейство Аксаковыхъ проводило въ Сокольникахъ, на дачѣ Кокорева, и оттуда 12-го іюля 1860 г., мать страдальца писала Погодину: „Вотъ откуда пишу вамъ, добрый другъ нашъ Михайло Петровичъ! Не по желанію и не для удовольствія мы здѣсь, а по сильной болѣзни Константина; всѣ мои намѣренія измѣнились, рѣшено было: 30-го мая Константину ѣхать за границу къ Славянамъ, а намъ, 3-го іюня,—въ Абрамцово; а Константинъ 11-го мая занемогъ такъ сильно, казалось лихорадкою, но теперь оказывается воспаленіемъ легкихъ, которыя не такъ лѣчили и просмотрѣли; я располагая навѣрное ѣхать въ Абрамцово, не искала ни дома, ни дачи, и отъ вашего добраго предложенія отказалась. Ждала улучшенія болѣзни и такъ дотянула до іюня; тутъ кончился срокъ дому изъ котораго начали вытѣснять, а болѣзнь ухудшалась—перемѣнили доктора, взяли Варвинскаго, который и открылъ намъ глаза — перемѣнилъ лѣченіе хину

на молоко и мушка къ лѣвому боку — велѣлъ дачу въ Сокольникахъ, гдѣ и самъ живетъ. Много было хлопотъ, по счастію эта была не занята и мы могли за 400 р. сер. ее занять — что было, сколько вдругъ скопилось непріятнаго, кромѣ болѣзни, не стану и говорить. Главная непріятность, что у меня лѣсъ не купили; изъ 60-ти десятинъ взяли 6 — всего! И я передъ вами солгала, увѣривши васъ и себя, что я непремѣнно выплачу вамъ вашъ долгъ, а теперь что мнѣ дѣлать? Утѣшаютъ непремѣнно, что я ничего не потеряла, что черезъ годъ неминуемо купятъ, но я чувствую, какое тяжкое это стѣсненіе для меня: сверхъ вашего долгу, я надѣялась уплатить проценты въ Опекунскій Совѣтъ, а теперь боюсь, что Заволжскія деревни опишутъ, доходу же ближе января быть не можетъ. Воздухъ и прекрасная дача и лѣченье Варвинскаго помогли Костѣ, но если бъ вы взглянули на него, вы бъ испугались. Это хилый старикъ, до такой степени онъ худъ, что страшно глядѣть. Вотъ два мѣсяца его болѣзни, онъ началъ ходить а болѣе лежитъ на балконѣ, такъ еще слабъ. Варвинскій предписываетъ виноградное лѣченье на Рейнѣ или въ Веве и зиму тамъ гдѣ теплѣе, но и придумать не могу, какъ это устроить и съ кѣмъ? Говорятъ, что всѣмъ намъ поѣхать выдетъ дешевле Московской жизни, но это все разговоры;—у меня еще было горе: 24-го іюня моя Анночка, которую вы конечно помните, и ея высокой души няня скончались вмѣстѣ почти въ одинъ день холерой — мнѣ дали знать. Я ѣздила въ Хотьковъ, похоронила ихъ вмѣстѣ въ Хотьковѣ въ одной могилѣ и чудесно и умилительно было это для всѣхъ, а для меня грустно было разстаться на вѣкъ и съ Анночкой, и съ этой неоцѣненной Егоровной, которой ужъ такой не встрѣтишь на свѣтѣ. Вотъ сколько я написала вамъ о себѣ, добрѣйшій другъ нашъ Михайло Петровичъ. О васъ узнала я немножко отъ В. А. Кокорева который заѣхалъ на свою дачу и нашелъ, не ожидая насъ тутъ. Знаю что вы всѣ теперь здоровы и живете на дачѣ. Отъ Ивана *) вчера

*) Аксакова. *Н. Б.*

получила депешу: онъ безпокоится о насъ, не получая писемъ" [252]).

Съ своей стороны и Хомяковъ писалъ С. М. Сухотину: „Кажется, К. С. Аксаковъ рѣшительно внѣ опасности и долженъ поправляться; жаль только, онъ того и гляди заупрямится и не поѣдетъ за границу, что̀ возстановило бы его здоровье вполнѣ. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы онъ на время вырвался изъ окружающихъ его предметовъ, такъ сказать, прервалъ бы цѣпь воспоминаній, гнетущихъ его. Отъ него можно ждать многаго и добраго. Я говорю теперь какъ бы чужой ему и нисколько не какъ другъ, но только какъ человѣкъ, которому дорога правда и просвѣщеніе. Я увѣренъ, что въ Наукѣ слова онъ очень подвинетъ нашу Литературу и что ему отдадутъ справедливость даже тѣ подлые журналы, которые до сихъ поръ молчатъ объ его Грамматикѣ".

Въ послѣдній свой пріѣздъ въ Москву, Хомяковъ писалъ Кошелеву: „Аксаковъ, съ половины августа, ѣдетъ за границу; кажется, его Варвинскій спасъ отъ смерти. Ивану Сергѣевичу была въ Хорватахъ просто овація или, лучше сказать, рядъ овацій" [253]).

24-го августа 1860 года, И. С. Аксаковъ писалъ своей матери: „Изъ Берлина поѣхалъ въ Штетинъ. Тамъ сталъ дожидаться Константина и дождался. Онъ страшно перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ въ послѣдній разъ, похудѣлъ радикально, такъ, что и вообразить нельзя, чтобы онъ былъ когда-нибудь человѣкъ полный; очень слабъ вообще,— но я думаю, что поѣздка въ чужіе края принесетъ ему большую пользу. Въ нравственномъ отношеніи я нашелъ его гораздо лучше, свѣжѣе, воспріимчивѣе къ впечатлѣніямъ, чѣмъ я предполагалъ, и очень, очень этому радуюсь. Его интересуютъ и чужіе края и вопросы политическіе и общественные, и нѣтъ этой idée fixe, какая имъ владѣла въ Москвѣ. Разумѣется, ему надо беречься и не только простуды, но и всякихъ усилій. Очень кстати, что я пріѣхалъ. Я провожу его до мѣста лѣченія, устрою его тамъ и, поживя съ нимъ нѣ-

сколько, посмотрю — можно ли будетъ мнѣ его оставить недѣли на три... Можете себѣ представить, какъ я обрадовался Константину, какъ много намъ обоимъ надо пересказать другъ другу; но мы еще далеко не все переговорили, какъ потому что я боюсь его утомлять, такъ и потому, что у насъ въ разговорахъ каждый частный случай даетъ поводъ къ пространнымъ разсужденіямъ и общимъ выводамъ" [254]).

Въ Гейдельбергѣ Аксаковы встрѣтились съ Ѳ. И. Тютчевымъ, и послѣдній, 1 сентября 1860 года, изъ Баденъ-Бадена писалъ: „До пріѣзда сюда, я останавливался на нѣсколько дней въ Гейдельбергѣ, гдѣ встрѣтилъ двухъ братьевъ Аксаковыхъ; состоянье здоровья одного изъ нихъ, Константина, печально. Бѣдный молодой человѣкъ, котораго я видѣлъ въ послѣдній разъ въ Москвѣ, наканунѣ смерти его отца, теперь только тѣнь самого себя, а вѣдь онъ былъ Геркулесомъ силы и энергіи. Изъ его собственныхъ словъ выходитъ, что разрушающая его болѣзнь — аневризмъ сердца. Другой братъ, Иванъ, возвращается изъ Славянскихъ земель, и его разсказы, можетъ быть, самое интересное изо всего, что только можно услыхать, въ настоящее время, въ разговорѣ. Я искренно былъ обрадованъ этой встрѣчей".

Съ своей стороны, И. С. Аксаковъ писалъ Герцену: „Вы конечно помните, любезный Александръ Ивановичъ, моего брата Константина? Вы помните, какой это былъ атлетъ тѣлосложеніемъ, какой здоровякъ, какая грудь, какой голосъ. Теперь онъ здѣсь больной, почти чахоточный. Послѣ смерти отца, онъ страшно постарѣлъ и опустился физически... Теперь ѣдетъ въ Швейцарію, въ Веве, ѣсть виноградъ. Я ѣду вмѣстѣ съ нимъ... Прощайте, дорогой Александръ Ивановичъ. Обнимаю васъ и Огарева" [255]).

Изъ Гейдельберга, И. С. Аксаковъ съ братомъ переѣхали въ Вѣну, гдѣ и остановились. Оттуда, 4 сентября 1860 года, И. С. Аксаковъ писалъ своей матери: „Я замѣтилъ, что теплая погода имѣетъ на Константина положительно доброе вліяніе... Все не могу его уговорить посовѣтоваться съ докторами".

После долгихъ усилій И. С. Аксакову удалось уговорить своего брата прибѣгнуть къ совѣту докторовъ. Больного посѣтила медицинская знаменитость—докторъ Шкода, и И. С. Аксаковъ спѣшитъ дать отчетъ своей матери объ этомъ посѣщеніи. 14 сентября 1860 года, изъ Вѣны, онъ писалъ: „Меня предварили, что Шкода человѣкъ безцеремонный и рѣзко говоритъ правду, не скрывая отъ больного опасности, и нѣкоторые даже боялись, чтобы его откровенность не смутила насъ. Но я потому-то и хотѣлъ его спросить: мы не дѣти. Шкода былъ нынче, отнесся объ Варвинскомъ съ большимъ уваженіемъ, внимательно прочелъ его письмо, аускультировалъ Константина обстоятельно и сказалъ ему, что онъ выздоравливаетъ и можетъ *совершенно* выздоровѣть, даже возвратить вполнѣ прежнія силы, но необходимыя для этого условія: спокойствіе, отсутствіе всякаго напряженія физическаго и нравственнаго; выздоровленіе имѣетъ совершиться очень медленно и тихо. Виноградное леченіе самое лучшее и единственное... Воздухъ и спокойствіе сдѣлаютъ остальное. Константинъ сталъ что-то ему говорить довольно живо: *Такъ горячо* (eifrig) *вы не должны смѣть говорить*, перервалъ Шкода и заставилъ Константина тотчасъ опять надѣть нагрудникъ. Мы сказали доктору, что хотимъ ѣхать въ Веве. Онъ одобрилъ“....

25 сентября Аксаковы были уже въ Веве, и оттуда Иванъ писалъ своей матери: „Слава Богу, погода здѣсь установилась прекрасная, ясная и мягкая. Константинъ принялся за виноградъ и ѣстъ его очень охотно... Разумѣется, службы 20 и 25 сентября въ церкви сильно его разстраивали и производили именно то нравственное напряженіе—Anstrengung, которое ему запрещено Шкодой... Какъ Константинъ ни отбивается отъ впечатлѣній природы, но красота ея, что бы ни говорилъ онъ, все таки дѣйствуетъ на него. Вѣдь это такая красота, о которой никакія картины не могутъ дать понятія!.. Константинъ принялся ѣсть виноградъ, и очень доволенъ. Очевидно — организмъ его давно дожидалъ этой пищи. Онъ

почти цѣлый день на воздухѣ и дѣлаетъ много движенія, но безъ усилій. Почти видишь глазами, какъ благодатно для его легкихъ дыханье такимъ воздухомъ".

Дурная погода потянула Аксаковыхъ обратно въ Вѣну, которая оставила въ Константинѣ Аксаковѣ очень пріятное впечатлѣніе. „Прежде, въ Москвѣ,—писалъ Иванъ Аксаковъ,—Константинъ относился къ Славянамъ довольно равнодушно, но лицомъ къ лицу съ ними, онъ почувствовалъ всю нравственную повинность, лежащую на насъ Русскихъ относительно Славянъ, и живо поддался этому чувству".

5 октября 1860 года, Аксаковы были уже въ Вѣнѣ; но тамъ Иванъ Аксаковъ былъ ошеломленъ извѣстіемъ о неожиданной кончинѣ Хомякова „Какого труда—писалъ Иванъ Аксаковъ—мнѣ стоило и стоитъ теперь скрывать отъ Константина это страшное, ужасное извѣстіе... А онъ, какъ нарочно, здѣсь въ Вѣнѣ въ хорошемъ и довольно свѣтломъ расположеніи духа... Климатъ Вѣны, по сухости своей, считается вреднымъ для груди, лѣтомъ, но осенью эта сухость не только не вредна, но очень кстати. Дѣйствительно, мы нашли здѣсь большую разницу съ Швейцаріей, которая обратилась вся въ ледникъ"...

9-го октября, изъ Вѣны-же, И. С. Аксаковъ писалъ своей матери: „Константинъ ничего не знаетъ еще... Не знаю, благоразумно ли я дѣлаю, что скрываю отъ Константина... Можетъ быть, послѣ уже потрясшаго его удара, ничьи смерти не могутъ его слишкомъ сильно потрясти. Но не думаю, съ смертью Хомякова трудно примириться".

Послѣднее письмо Ивана Аксакова, изъ Вѣны, было отъ 16 октября 1860 года: „Константинъ—писалъ онъ—бросилъ виноградъ, котораго употребленіе, при теперешней холодной погодѣ въ Вѣнѣ, оказывается неудобнымъ... По совѣсти долженъ сказать, что *тепло* ему необходимо... Нынче былъ Шевыревъ у Константина и такъ ему горячо доказывалъ необходимость теплаго климата зимою, что колебалъ Константина. Но эти дни, бросивъ ѣсть виноградъ, Констан-

тинъ былъ невыносимъ: хочу ѣхать тотчасъ же въ Москву, да и полно".

Посѣщеніе Іонина дало мысль Ивану Аксакову искать здравія болящему Константину на Іоническихъ островахъ. „Константина—писалъ Иванъ Аксаковъ—сильно колебали разсказы Іонина, и онъ очень склоняется провести зиму на Іоническихъ островахъ".

Въ томъ же письмѣ Ивана Аксакова читаемъ: „Константинъ хоть и говоритъ о поѣздкѣ въ Москву, но часто толкуетъ и о Корфу, и разсуждаетъ о возможности вамъ туда пріѣхать; изъ Варшавы въ четверо сутокъ можно быть въ Корфу. Жизнь тамъ, по разсказамъ всѣхъ тамъ бывшихъ, непомѣрно дешевая, не смотря на соединеніе всѣхъ удобствъ Европейской жизни съ юговосточною простотою". Но вмѣстѣ съ тѣмъ И. С. Аксаковъ остается въ недоумѣніи. „Какъ рѣшить?—пишетъ онъ.—Съ одной стороны жизнь въ Москвѣ, безъ Хомякова—жизнь и дѣятельность общественная — такъ грустна, такъ тяжела, что я не могу безъ ужаса и подумать объ ней для Констанстина. Возможность дѣлиться съ нимъ (т.-е. съ Хомяковымъ) всѣми мыслями составляла едва ли не главную приманку для Константина въ Москвѣ. Можетъ быть, узнавъ это событіе (т.-е. кончину Хомякова), онъ и самъ сознается, что жить въ Москвѣ было бы для него слишкомъ тяжело"...

Въ заключеніе письма къ матери, И. С. Аксаковъ писалъ: „Если же вы хотите знать мое мнѣніе, по совѣсти, то я по совѣсти долженъ сказать, что, зная теперь ближе физическое и нравственное состояніе Константина, я считаю для него пребываніе зимою въ тепломъ (очень тепломъ) климатѣ, *вмѣстѣ* съ семьей, больше, чѣмъ полезнымъ,—почти необходимымъ. Необходимость эта усилилась вслѣдствіе неудачи леченія за границей... Что же касается до моего влеченія,— то хочется мнѣ возвратиться въ Москву... Если же вы вздумаете ѣхать, то не ѣздите по шоссе на Варшаву изъ Москвы. Оно гнусно. Шевыревъ ужасы про него разсказываетъ, — а ступайте черезъ Петербургъ на Динабургъ" [256]).

LXXXII.

Ольга Семеновна Аксакова, будучи не въ силахъ переносить долѣе разлуку съ больнымъ сыномъ Константиномъ, рѣшилась выѣхать за границу съ двумя старшими дочерьми, Вѣрою и Любовью.

Шевыревъ, изъ Венеціи, 18 октября 1860 года, писалъ Погодину: „Милый другъ Михаилъ Петровичъ, мнѣ стукнуло ровно пятьдесятъ четыре года. Въ этотъ день не могу не сказать тебѣ хоть слово. Изъ Вѣны я писалъ къ тебѣ. Тамъ все было мрачно. Смерть Хомякова покрыла душу. Нужна была Италія съ ея небомъ, чтобы прояснить ея тучи. А все грустно, грустно, какъ обо всѣхъ васъ вспомню. Какъ мы всѣ безъ него осиротѣли! Пишу къ тебѣ изъ комнаты, которой окна на площадь св. Марка. Но вотъ что главное. Съѣзди къ Ольгѣ Семеновнѣ. Скажи ей, что Константина Сергѣевича я нашелъ лучше. Онъ сталъ спокойнѣе. Я звалъ его съ собою во Флоренцію — и совѣтовалъ выписать Ольгу Семеновну и сестрицъ, за которыми отправился бы Иванъ Сергѣевичъ въ Динабургъ. Еще разъ повторяю этотъ совѣтъ для передачи Ольгѣ Семеновнѣ. Если онѣ наняли домъ, пускай передадутъ его внаймы... Одѣвшись по зимнему и взявъ хорошаго проводника, пускай ѣдутъ по желѣзной въ Петербургъ, а потомъ въ Динабургъ. Здѣсь долженъ ихъ встрѣтить Иванъ Сергѣевичъ и проводить во Флоренцію, куда нужно перевезти Константина Сергѣевича. Вотъ что̀ я хотѣлъ сдѣлать. Но онъ упрямится — и хочетъ непремѣнно ѣхать на зиму въ Москву. Это вовсе неблагоразумно — и семья всѣми силами должна противиться этому. Остается теперь въ Вѣнѣ, гдѣ уже сыро и холодно. То ли дѣло теперь въ Италіи? Теплота и прелесть. Даже батюшка М. Ѳ. Раевскій нашелъ это упрямствомъ“.

Сама же О. С. Аксакова, 26 октября 1860 года, писала

Погодину: „Я рѣшаюсь ѣхать. Должно... Какъ будто требуетъ Сергѣй Тимофеевичъ, чтобы я ѣхала къ Константину — кажется, все такъ и устраивается для поѣздки этой“ [257]).

Но Погодинъ былъ противъ этой поѣздки.

Еще подъ *6 октября 1860 года*, онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Вдругъ, извѣстіе отъ Аксаковой, что ѣдетъ за границу. Сумасшествіе. Отправился къ ней уговаривать въ Сокольники. Кое какъ уговорилъ. Поплакали“.

Шевыреву же, 20 октября 1860 года, Погодинъ писалъ: „Ольга Семеновна въ страхѣ, чтобъ не случилось чего съ больнымъ Константиномъ при извѣстіи о кончинѣ Хомякова, ѣдетъ къ нему въ Вѣну съ двумя дочерьми. Сколько я не отговаривалъ, напрасно. Ну какъ старухѣ въ семдесятъ лѣтъ съ двумя полубольными дочерьми тащиться въ такую даль! И чего это будетъ стоить? И какая польза“ [258])?

Но всепобѣждающая материнская любовь преодолѣла всѣ препоны и, 27 октября 1860 года, О. С. Аксакова съ двумя дочерьми выѣхала изъ Москвы.

Погодинъ, подъ этимъ числомъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Провожать старуху Аксакову. Перекрестилъ“.

8 ноября 1860 года, въ Бреславлѣ, на вокзалѣ, нашихъ путешественницъ встрѣтилъ И. С. Аксаковъ, а братъ его Константинъ больной, въ лихорадкѣ, дожидался въ гостинницѣ. Въ Дневникѣ сестры его, Вѣры Сергѣевны, читаемъ: „Взошли на лѣстницу. Иванъ пошелъ впередъ, предупредить—слышался голосъ, шаги—Константинъ выходитъ. Боже мой, въ какомъ видѣ: худой, сгорбленный, изнеможденный! Какое было свиданіе! Онъ заплакалъ, обнимая и цѣлуя маменьку и сказалъ:—Вотъ все, чего я желалъ! Я боялся, что вы не пріѣдете; если я уже самъ не могъ ѣхать въ Россію, чтобъ вы были здѣсь... Кажется, уже тутъ всякая надежда замерла въ сердцѣ... Онъ закашливался, задыхался... Тутъ только онъ намъ разсказалъ, какъ въ Вѣнѣ, услыхавъ о Хомяковѣ, почувствовалъ точно ледъ въ сердцѣ и съ тѣхъ поръ усилилась лихорадка“.

Изъ Бреславля всѣ поѣхали въ Вѣну, гдѣ снова обратились за совѣтомъ къ Шкодѣ, который нашелъ на этотъ разъ, что болѣзнь быстро развивается, говорилъ Ольгѣ Семеновнѣ: „oui, il est très malade, très malade“ и назначилъ провести больному зиму на островѣ Занте.

Послѣ затруднительнаго морскаго путешествія съ больнымъ, наши путешественники, 22 ноября 1860 года, прибыли на островъ Занте. Молодой грекъ, племянникъ консула, объявилъ имъ, что „здѣсь никогда не топятъ и всѣмъ, кто пріѣзжаетъ, должно совѣтовать сообразоваться съ нравами жителей, согласными съ особенностями климата. Иначе нашъ климатъ, прекрасный для привычныхъ, очень опасенъ для тѣхъ, которые еще не оклиматизировались“. Это объявленіе, какъ громомъ поразило нашихъ путешественниковъ, когда они привезли больнаго грудью искать исцѣленія въ этомъ воздухѣ.

Свѣдѣнія о скорбныхъ дняхъ пребыванія семьи Аксаковыхъ на островѣ Занте и о переѣздѣ ихъ уже съ гробомъ К. С. Аксакова въ Москву заключаются въ *Дневникѣ* и письмахъ Вѣры Сергѣевны и Любови Сергѣевны Аксаковыхъ.

Однимъ словомъ, пишетъ В. С. Аксакова „какъ жалѣли мы, что не были въ Москвѣ, у себя дома, гдѣ могли бы окружить Константина удобствомъ, спокойствіемъ и имѣть наблюденіе доктора Варвинскаго, который ему уже помогъ“.

Съ 6-го на 7-е декабря 1860 года, К. С. Аксаковъ скончался. Предсмертными словами его, въ забытьи, были: „Я успѣлъ исповѣдываться и причаститься, слава Богу — но я получилъ поддержку на причастіи. Богъ милостивъ, но чтобы то ни было, все будетъ милость и воля Божія. Я во время причастился. О Россія, Россія! Но все равно. Православіе распространится по всѣмъ. Я вижу сонмъ апостоловъ и самъ я посреди ихъ, но мнѣ никогда не сравниться съ ними! Божественный Алексѣй Степановичъ (Хомяковъ)! Мы соединены, соединены семейною любовью, но любовь дѣтей къ родителямъ это выше всего. Я хотѣлъ бы передать

свои мысли о бракѣ—какъ въ бракѣ дѣти даютъ ему полное значеніе — судьба вырвала перо изъ рукъ. Страшно. Аллилуія, аллилуія, аллилуія" [259])!

18 декабря 1860 года, другъ дома Аксаковыхъ—Казначеевъ писалъ Погодину: „Въ минувшую ночь получилъ я отъ О. С. Аксаковой депешу изъ Тріеста: *Tout est fini. Nous l'atenons à Moscou. Dites à Погодину, Томашевскому*".

„Грустенъ, сильно грустенъ намъ,—писалъ Ѳ. В. Чижовъ, наканунѣ новаго 1861 года, Погодину,—преходящій годъ; дай Богъ, чтобъ вамъ, какъ семейному человѣку, новый былъ счастливѣе, а намъ, холостякамъ, ждать уже нечего. Все лучшее мы похоронили... Вы у насъ теперь волею и неволею—старѣйшій въ небольшой семьѣ". При этомъ Чижовъ препровождаетъ Погодину слѣдующее объявленіе, писанное собственноручно И. С. Аксаковымъ: „Друзья и знакомые покойнаго Конст. Серг. Аксакова симъ извѣщаются, что тѣло его привезено въ Москву и поставлено въ церкви св. Николая Чудотворца, что въ Гнѣздникахъ, въ Леонтьевскомъ переулкѣ, гдѣ панихиды по немъ будутъ совершены въ 2 часа и въ 8 часовъ по-полудни, въ понедѣльникъ, 2-го января.

Подъ 2 января 1861 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Панихида у Николая въ Гнѣздникахъ. Разсказы Григорія и Ивана Аксаковыхъ трогательные. Плакалъ и плакалъ. Потомъ съ матерью".

„Маменька—писалъ И. С. Аксаковъ протоіерею Раевскому—объявила непремѣнное свое желаніе, чтобы гробъ брата былъ открытъ, чтобы отпѣваніе было повторено. Въ тотъ же понедѣльникъ отправился я къ Филарету, потомъ подалъ записку генералъ-губернатору, и къ величайшему удивленію моему и всѣхъ,—казавшееся невозможнымъ, исполнилось легко и скоро! Вотъ, что значитъ материнская энергія и настойчивость! Разрѣшено было открыть гробъ, тутъ же, среди Москвы, въ церкви и повторить отпѣваніе: вещь неслыханная! Утромъ вскрылъ я гробъ съ замираніемъ сердца: ну, если бальзамированіе не выдержало? Оно вполнѣ выдер-

жало, и братъ лежитъ въ гробу, какъ на другой день смерти. Я думалъ, сначала, что видъ умершаго разстроитъ маменьку и сестеръ. Напротивъ, это доставило имъ невыразимое утѣшеніе, особенно тѣмъ, которыя не были съ нимъ на Занте и, такъ сказать, не простились съ нимъ. Передъ открытымъ гробомъ совершена обѣдня и отпѣваніе, и Русскую Московскую землю положили ему въ гробъ. Завѣтныя мечты его исполнились! Похоронили его въ Симоновомъ монастырѣ, рядомъ съ покойнымъ отцемъ. Не смотря на 25 град. мороза, не смотря на вьюгу, на непроѣздную дорогу, всѣ вѣрные друзья его проводили его до могилы... Я все еще вижу во снѣ наше трехнедѣльное странствованіе съ тѣломъ Константина. Какъ пусто въ Москвѣ! Какое одиночество! Невольно вспомнишь стихи Давыдова:

То былъ вѣкъ богатырей,
Но смѣшались шашки,
И полѣзли изъ щелей
Мошки да букашки! [260])

Въ числѣ „вѣрныхъ друзей" провожалъ до могилы и Погодинъ, который, въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 3 января 1861 года, записалъ: „Отпѣваніе Константина Аксакова. Раздирающія сцены. Открытіе гроба. Съ Томашевскимъ провожать".

LXXXIII.

Въ самый день похоронъ К. С. Аксакова, вышла въ Москвѣ *послѣдняя* книжка *Русской Бесѣды*. Она начинается сочиненіемъ Хомякова и кончается извѣстіемъ Погодина о Константинѣ Аксаковѣ. „Еще жертва!—писалъ онъ:—Константинъ Аксаковъ скончался на одномъ изъ Іоническихъ острововъ, 7 декабря.

„Впрочемъ, онъ пересталъ жить еще гораздо прежде—со дня кончины своего отца (незабвеннаго автора *Семейной Хроники*), отца, котораго любилъ онъ страстно, съ которымъ

жилъ именно душа въ душу. Крѣпкій, сильный, могучій, вдругъ онъ началъ слабѣть, худѣть, изнемогать, и съ часу на часъ становилось очевиднѣе для близкихъ къ нему людей, что онъ уже не жилецъ на этомъ свѣтѣ. Въ скоромъ времени его нельзя было узнать, такъ онъ перемѣнился, и только изрѣдка, когда въ дружеской бесѣдѣ касалась рѣчь до судебъ Русскаго народа, на блѣдныхъ щекахъ его показывался румянецъ, и въ потухающихъ глазахъ загорался огонь.

„Въ началѣ нынѣшняго года, друзья придумали для его развлеченія путешествіе къ Славянамъ. Онъ уступалъ уже ихъ настоятельнымъ требованіямъ, но вдругъ занемогъ; врачи предписали ему, наконецъ, виноградное леченіе на берегахъ Женевскаго озера. Къ несчастію, погода случилась тамъ самая неблагопріятная: виноградъ не имѣлъ нужныхъ для больнаго качествъ. Онъ долженъ былъ удалиться въ Вѣну, провождаемый меньшимъ своимъ братомъ, Иваномъ Аксаковымъ.

„Извѣстіе о смерти Хомякова, съ которымъ онъ былъ связанъ тѣснѣйшею дружбой, должно было, по всѣмъ соображеніямъ, довершить пораженіе его разстроеннаго организма. Семидесятилѣтняя мать, съ двумя полубольными дочерьми, не смотря на всѣ препятствія и совѣты, поспѣшила къ нему, чтобъ поддержать его сколько-нибудь подъ этимъ неожиданнымъ ударомъ, чтобъ успокоить его духъ,—и имѣла одно горькое утѣшеніе—принять послѣдній вздохъ любимаго, безпримѣрнаго сына.

„Они всѣ вмѣстѣ отплыли изъ Тріеста. Плаваніе было прекрасное. Солнце сіяло во всемъ блескѣ, въ продолженіе четырехъ сутокъ море не шелохнулось, оно какъ будто хотѣло доставить больному, предъ его кончиною, нѣсколько спокойныхъ и пріятныхъ земныхъ минутъ. Черезъ двѣ недѣли по прибытіи на островъ Занте, его не сталъ.

„Чище, благороднѣе, невиннѣе Константина Аксакова мудрено было въ нашъ вѣкъ найдти человѣка. Сорока слишкомъ лѣтъ, онъ былъ дитя во всемъ, что касалось до жизни, до ея отношеній, условій, свѣтскихъ приличій. Русскій на-

родъ, Москва, Граматика, вотъ его особый міръ. Русскій народъ любилъ онъ отъ всего сердца; онъ благоговѣлъ передъ нимъ, или, скажу вѣрнѣе, передъ его идеею, какъ она, въ пылкой душѣ его, по лѣтописямъ, грамотамъ, языку, образовалась. Москва въ понятіи его составляла съ Русскимъ народомъ одно нераздѣльное цѣлое,—представительница, средоточіе, сердце. Сказать одно слово противъ Москвы, въ какомъ-бы то ни было смыслѣ,—это было самое тежелое, личное оскорбленіе Константину Аксакову, — рана его тѣлу; здѣсь онъ забывался, ничего не видалъ, ничего ни понималъ, и способенъ былъ ко всякой несправедливости. Рѣчь его, въ минуты одушевленія, бывала со властію, и отличалась истинными ораторскими достоинствами и движеніями. Вообще онъ говорилъ, особенно безъ приготовленія, гораздо лучше и сильнѣе, чѣмъ писалъ. Убѣжденіямъ своимъ принадлежалъ онъ всецѣло, не думая и не заботясь ни о чемъ больше. Не было жертвы, которой бы онъ не готовъ былъ принести безъ всякаго сомнѣнія, размышленія, соображенія, просто —закрывъ глаза. Миръ его душѣ, память достойнаго съ похвалами" [261])!

Герценъ сообщилъ И. С. Тургеневу, жившему въ Парижѣ, о кончинѣ К. С. Аксакова. „Пожалуйста,—писалъ Тургеневъ Герцену,—напиши мнѣ немедленно, откуда дошла до тебя вѣсть о смерти К. Аксакова, и достовѣрна ли она. Ни въ журналахъ, ни въ полученныхъ мною изъ Россіи письмахъ ни слова объ этомъ нѣту. Я все еще не хочу вѣрить смерти этого человѣка" [262]).

Какъ-бы въ отвѣтъ Тургеневу, Герценъ писалъ въ своемъ *Колоколѣ*: „Вслѣдъ за сильнымъ бойцемъ славянизма въ Россіи, за А. С. Хомяковымъ, угасъ одинъ изъ сподвижниковъ его, одинъ изъ ближайшихъ друзей—Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ... Рано умеръ Хомяковъ, еще раньше Аксаковъ; больно людямъ, любившимъ ихъ, знать, что нѣтъ больше этихъ дѣятелей благородныхъ, неутомимыхъ, что нѣтъ этихъ *противниковъ*, которые были ближе многихъ *своихъ*. Съ нелѣпой силой случайности спорить нечего, у ней нѣтъ ни

ушей, ни глазъ, ее даже обидѣть нельзя, а потому со слезой и благочестіемъ, закрывая крышку ихъ гроба, перейдемъ къ тому, что̀ живо и послѣ нихъ.

„Кирѣевскіе, Хомяковъ и Аксаковъ—*сдѣлали свое дѣло*; долго-ли, коротко-ли они жили, но закрывая глаза, они могли сказать себѣ съ полнымъ сознаніемъ, что они сдѣлали то, что̀ хотѣли сдѣлать, и если они не могли остановить фельдъегерской тройки, посланной Петромъ, и въ которой сидитъ Биронъ и колотитъ ямщика, чтобы тотъ скакалъ по нивамъ и давилъ людей, —то они остановили увлеченное общественное мнѣніе и заставили призадуматься всѣхъ серьезныхъ людей.

„Съ нихъ начинается *переломъ Русской мысли*. И когда *мы* это говоримъ, кажется, насъ нельзя заподозрить въ пристрастіи.

„Да, мы были противниками ихъ, но очень странными. У насъ была *одна* любовь, но не *одинакая*.

„У нихъ и у насъ запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное безотчетное, физіологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы за пророчество—чувство безграничной, обхватывающей все существованіе любви къ Русскому народу, къ Русскому быту, къ Русскому складу ума. И мы, какъ Янусъ, или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то же время какъ *сердце билось одно*.

„Они всю любовь, всю нѣжность, перенесли на угнетенную мать. У насъ, воспитанныхъ внѣ дома, эта связь ослабла. Мы были на рукахъ Французской гувернантки, поздно узнали, что мать наша не она, а загнанная крестьянка, и то мы сами догадались по сходству въ чертахъ, да потому что ея пѣсни были намъ роднѣе водевилей; мы сильно полюбили ее, но жизнь ея была слишкомъ тѣсна. Въ ея комнатѣ было намъ душно; все почернѣлыя лица изъ-за серебряныхъ окладовъ, все попы съ причетомъ, пугавшіе несчастную, забитую солдатами и писарями женщину; даже ея вѣчный плачъ объ утраченномъ счастіи, раздиралъ наше

сердце; мы знали, что у ней нѣтъ свѣтлыхъ воспоминаній—мы знали и другое, что ея счастье впереди, что подъ ея сердцемъ бьется зародышъ,—это нашъ меньшій братъ, которому мы безъ чечевицы уступимъ старшинство.

„Такова была наша семейная разладица лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, и мы встрѣтили *горный духъ*, остановившій нашъ бѣгъ, и они вмѣсто міра мощей, натолкнулись на живые Русскіе вопросы. Считаться намъ странно, патентовъ на пониманіе нѣтъ; время, Исторія, опытъ сблизили насъ, не потому чтобъ они насъ перетянули къ себѣ, или мы ихъ, а потому что и они, и мы ближе къ истинному воззрѣнію теперь, чѣмъ были тогда, когда безпощадно терзали другъ друга въ журнальныхъ статьяхъ, хотя и тогда я не помню, чтобы мы сомнѣвались въ ихъ горячей любви къ Россіи или они въ нашей.

„На этой вѣрѣ другъ въ друга, на этой общей любви имѣемъ право и мы поклониться ихъ гробамъ и бросить горсть земли на ихъ покойниковъ, съ святымъ желаніемъ, чтобъ на могилахъ ихъ, на могилахъ нашихъ — разцвѣла сильно и широко молодая Русь".

Эта статья Герцена, произвела въ Москвѣ сильное впечатлѣніе. П. И. Бартеневъ, встрѣтившись съ Погодинымъ на вечерѣ у Кошелева, сказалъ ему: „Герценъ пристыдилъ насъ, ибо написалъ лучше всѣхъ".

Самъ И. С. Аксаковъ писалъ Герцену: „Вы на мое письмо отвѣчали такой статьей въ *Колоколѣ*, за которую я васъ еще крѣпче полюбилъ и которая безконечно лучше всего, что было сказано и написано о братѣ и Хомяковѣ въ Россіи друзьями".

„Мы все хоронимъ,—писалъ Погодинъ Шевыреву,—3-го числа привезено было тѣло Константина Аксакова. Нельзя было безъ трепета смотрѣть на семейство, и особенно на мать. Всѣ мы наплакались. Теперь, слава Богу, она стала покойнѣе; но жить ей недолго, равно какъ и двумъ старшимъ дочерямъ. Третьяго дня я еще былъ на похоронахъ. Старикъ Чумичевъ

умеръ,—и я увидѣлъ другое зрѣлище: какъ живутъ и умираютъ наши бѣдняки. Сердце кровью обливалось у меня“.

На письмо это, Шевыревъ отвѣчалъ: „Грустны, грустны твои письма. Не могу безъ содраганія сердечнаго представить себѣ Ольгу Семеновну. Сегодня въ здѣшней православной церкви, мы поминаемъ троихъ покойниковъ, отшедшихъ отъ насъ по разлукѣ нашей съ Отечествомъ: Хомякова, Аксакова, Н. И. Трубникова, мужа сестры моей... Я только и слышу о покойникахъ изъ родной Земли съ тѣхъ поръ, какъ мы ее покинули. Богъ унесъ насъ заблаговременно отъ такой Земли; она бы меня съѣла“.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ кончины Хомякова и К. С. Аксакова, осиротѣлый братъ его Иванъ Аксаковъ, 15 іюля 1861 года, писалъ въ Вѣну протоіерею М. Ѳ. Раевскому: „Московское наше общество въ такомъ печальномъ положеніи, что я не могу желать пріѣзда ни одного славянина. Общественной жизни нѣтъ ровно никакой. Журнальныя партіи разошлись еще болѣе и между собою не видятся. Нашъ (славянофильскій) кругъ совсѣмъ разстроился. Кошелевъ зиму, вѣроятно, проведетъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ назначенъ членомъ разныхъ коммиссій; жена его съ дочерью уѣхали за границу. Хомякова домъ не существуетъ. Свербеевыхъ домъ потерпѣлъ страшныя несчастія и также почти не существуетъ. Самаринъ членомъ Присутствія по крестьянскимъ дѣламъ въ Самарѣ. Князь Черкасскій—мировымъ посредникомъ въ Тульской губерніи; Елагинъ также. Нашъ домъ — домъ скорбный. Мы ведемъ жизнь очень тихую и скромную; вечеровъ у насъ не бываетъ, да и звать-то некого“ [263]).

LXXXIV.

31 декабря 1860 года, въ Прагѣ скончался Вячеславъ Вячеславовичъ Ганка.

Сынъ поселянина Гродецкаго края, Земли Чешской, Ганка, дѣтство и отрочество провелъ въ полѣ, пася овцы отца своего, и учился только зимою. Отецъ дозволилъ ему учиться въ Гимназіи только потому, что иначе бы могъ быть взятъ въ рекруты, и только уже двадцати трехъ лѣтъ поступилъ въ число студентовъ Пражскаго Университета. По окончаніи курса юридическихъ наукъ, получилъ званіе присяжнаго переводчика съ Славянскихъ нарѣчій; немного позже избранъ хранителемъ древностей и книгъ Народнаго Музея, только что основаннаго въ Прагѣ, и съ тѣхъ поръ остался при этомъ Музеѣ навсегда. Жилъ малымъ, хотя и не слишкомъ бѣдно, потому что не во многомъ нуждался въ жизни.

Какъ одинъ изъ участниковъ въ подвигѣ возрожденія своего народа, Ганка пользовался народною любовью и „уваженіемъ властей“.

Ганка особенно любилъ насъ, Русскихъ, и нашъ Русскій языкъ, и всячески старался пріохотить къ нему не только Чеховъ, но и другихъ Славянъ. Лѣтъ за двадцать передъ его кончиною,—свидѣтельствуетъ Срезневскій, -- русскій въ Прагѣ могъ говорить на родномъ языкѣ только съ Ганкой и еще съ Челяковскимъ; а теперь читаютъ и говорятъ по-Русски не только нѣкоторые ученые и литераторы, но и дамы, дѣвушки, даже дѣти, и не только въ Прагѣ, но и въ другихъ мѣстахъ. „Мое знакомство съ Ганкой,—повѣствуетъ А. Н. Пыпинъ,—относится къ послѣднимъ годамъ его жизни. Это былъ плотный и еще свѣжій старикъ, отличавшійся крѣпкимъ здоровьемъ и спокойнымъ темпераментомъ. Въ первый разъ пріемъ его показался мнѣ нѣсколько вялъ, но это была только ненаходчивость его сказать фразу, неловкость, которая слу-

чалась съ нимъ при встрѣчѣ съ новымъ лицомъ. Онъ, впрочемъ, скоро оріентировался и первымъ дѣломъ его было — со мной, какъ и со всѣми — показать Музей, первую драгоцѣнность Праги, которую онъ рекомендовалъ путешественнику. Народный Музей былъ такъ же необходимъ для Ганки, какъ онъ для Музея; онъ былъ библіотекаремъ его съ самаго основанія и привязался къ нему страшно. Ганка совершенно сжился съ своимъ Музеемъ... Онъ проводилъ въ Музеѣ все утро... Послѣ ранняго обѣда, Ганка опять поднимался изъ своей квартиры, въ нижнемъ этажѣ, въ Музей, и продолжалъ заниматься. Онъ рѣдко выходилъ изъ дому днемъ; вечера проводилъ обыкновенно въ Бесѣдѣ, — Чешскомъ клубѣ, который Пражанамъ удалось устроить въ сороковыхъ годахъ. Тамъ собирались Чешскіе горожане Праги, и многіе ровесники Ганки и новыя поколѣнія, болѣе или менѣе проникнутыя Чешскимъ патріотизмомъ. Въ Бесѣдѣ читались газеты, выпивалось опредѣленное количество Нѣмецкаго пива, обсуждалась политика и современные вопросы. Единственнымъ удовольствіемъ, котораго никогда не пропускалъ Ганка, былъ Чешскій театръ. Простота привычекъ осталась въ Ганкѣ отъ его прежней сельской жизни; въ немъ много было и нравственной простоты и добродушія".

Любовь и уваженіе къ Ганкѣ высказались такъ явно на его погребеніи. Почти двадцать тысячь сопровождало Славянскаго ученаго къ его могилѣ. На похоронахъ присутствовали: намѣстникъ, губернаторъ Богемскій графъ Фордахъ; князья: Шварценбергъ, Лобковицъ, Сальмъ; графы: Клямъ-Мартинецъ, Ходтъ, Клямъ, Букуэ; баронъ Гильдебрантъ; за тѣмъ rector magnificus со всѣми знаками своего достоинства, Университетъ, Музей, артисты, писатели и публицисты и многочисленныя толпы горожанъ.

Въ Петербургѣ, 11 января 1861 года, въ католической церкви была служба, по случаю кончины Ганки. Было довольно студентовъ. Изъ профессоровъ были: Никитенко, Срезневскій, Костомаровъ, Мухлинскій.

Изъ Харькова П. А. Лавровскій писалъ Погодину: „По В. В. Ганкѣ была панихида и у насъ, въ университетской церкви, въ присутствіи попечителя, ректора, многихъ изъ профессоровъ и студентовъ. Я особенно въ восторгѣ отъ панихиды въ нашемъ Министерствѣ: она можетъ служить до нѣкоторой степени, въ глазахъ цѣлаго славянства, оффиціальнымъ признаніемъ и у насъ идеи Славянской. Трудно будетъ Славянамъ объяснить иначе эту панихиду по Ганкѣ, по римско-католикѣ и по человѣкѣ, вся жизнь котораго направлена была едва ли не исключительно на расширеніе мысли о необходимости связи и единства Славянъ“.

„Грустно, грустно,—писалъ И. И. Срезневскій,—что Ганка утраченъ Чехами и нами, и вмѣстѣ какъ-то пріятно читать въ Чешскихъ и др. новинахъ о поминкахъ, совершаемыхъ по немъ всюду, въ городахъ, мѣстечкахъ, деревняхъ, всюду при стеченіи громадъ народа. Когда-то мы дождемся, что у насъ тоже будутъ поминать всенародно людей, жившихъ для Отчизны“.

6 октября 1841 года, Ѳ. И. Тютчевъ написалъ въ альбомѣ Ганки:

Вѣки мы слѣпцами были
И, какъ жалкіе слѣпцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во всѣ концы.

А случалось ли порою,
Намъ столкнуться какъ нибудь,
Кровь не разъ лилась рѣкою,
Мечъ терзалъ родную грудь.

И вражды безумной сѣмя
Плодъ сторичный принесло:
Не одно погибло племя,
Иль въ чужбину отошло.

Иновѣрецъ, иноземецъ
Насъ раздвинулъ, разломилъ:
Тѣхъ обезъязычилъ нѣмецъ
Этихъ—турокъ осрамилъ.

Вотъ среди сей ночи темной,
Здѣсь, на Пражскихъ высотахъ,
Доблій мужъ рукою скромной
Засвѣтилъ маякъ въ потьмахъ.

О, какими вдругъ лучами,
Озарились всѣ края!
Обличилась передъ нами
Вся Славянская Земля!

Горы, степи и поморья
День чудесный осіялъ,
Отъ Невы до Черногорья,
Отъ Карпатовъ за Уралъ.

Разсвѣтаетъ, надъ Варшавой,
Кіевъ очи отворилъ,
И съ Москвой золотоглавой
Вышеградъ заговорилъ!

И нарѣчій братскихъ звуки
Вновь понятны стали намъ,—
На яву увидятъ внуки
То, что̀ снилося отцамъ!

П. И. Бартеневъ выписалъ изъ альбома Ганки слѣдующую страницу, исписанную, въ 1847 году, Хомяковымъ: „Когда-то я просилъ Бога о Россіи и говорилъ:

Не дай ей рабскаго смиренья,
Не дай ей гордости слѣпой,
И духъ мертвящій, духъ сомнѣнья
Въ ней духомъ жизни успокой.

Эта же молитва у меня для всѣхъ Славянъ“.

LXXXV.

Что *Цвѣтокъ твой на могилу Иннокентія* [264])? вопрошалъ, съ своей Михайловой Горы, Максимовичъ Погодина, и послѣдній съ Дѣвичьяго Поля отвѣчалъ: „Вѣнокъ еще плетется. Не поспѣетъ ли твой цвѣтокъ“?

Вскорѣ по кончинѣ Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, Погодинъ задумалъ почтить память

великаго святителя, и возложить на могилу его словесный *Вѣнокъ;* но изданіе это осуществилось только въ 1867 году.

Прежде всего Погодинъ обратился къ другу покойнаго святителя и къ своему, М. А. Максимовичу, и 17 января 1860 года, писалъ ему: „Я хочу издать *Цвѣтокъ* на могилу Иннокентія,—собраніе статей объ немъ. Напиши ты свои воспоминанія и пришли. Пишу къ Скворцову, Михневичу, Мурзакевичу и проч. Приложи ты списокъ сочиненій, и захотѣлось бы для образчика изъ каждой его книги указать по одной проповѣди. Пришли совѣтъ, какія выбрать по твоимъ воспоминаніямъ. Скорѣе“ [265]).

6 февраля 1860 года, Максимовичъ отвѣчалъ: „Доброе ты дѣло вздумалъ положить цвѣтокъ на могилу незабвеннаго нашего Иннокентія. Я самъ въ началѣ зимы уже началъ было писать капитальную статью для моего *Украинца*, объ Иннокентіѣ; но приспѣла біографія Кирѣевскому, зѣло натрудившая мнѣ душу. Кажется, не примусь въ эти недѣли за статью объ Иннокентіѣ, для которой надо мнѣ доставать изъ коморы и скрыни связку бумагъ, чтобы выбрать изъ нея, а потомъ разобрать и списать полсотни Иннокентіевыхъ записочекъ и писемъ ко мнѣ: одно это уже работа Египетская, для которой на эту пору не приходитъ еще охота; а сдѣлать себѣ насилія не подобаетъ. Притомъ же я, послѣ біографіи, принялся докончить и переписать сказаніе о Межигорскомъ монастырѣ, для второй книги *Украинца;* а мнѣ переписывать набѣло свое маранье хуже и труднѣе, чѣмъ сочинять. И такъ, вотъ что: у меня подъ рукою есть Иннокентіево письмо ко мнѣ, которое бралъ я въ Москву. Оно интересно будетъ даже и тѣмъ, что написано по Латыни, особенно если издать съ Кубаревскимъ переводомъ. Посылаю тебѣ при семъ это письмо. Скажи Алексѣю Михайловичу, что я кланяюсь ему въ поясъ и прошу его etiam atque etiam, чтобы онъ взялъ на себя трудъ переписать и перевести своимъ классическимъ перомъ. Если бы ты и не заблагоразсудилъ помѣстить его у себя, тогда списокъ и переводъ ты передашь мнѣ, для *Украинца.*

Но я думаю, что ты помѣстишь у себя Иннокентіеву Латынь, какъ я въ *Кіевлянинѣ* помѣстилъ Ѳеофанову: это идетъ академисту Кіевскому. Не говорю о томъ, что его слова объ эманципаціи и о прочемъ стоятъ вниманія. Не считаю нужнымъ указывать въ *Цвѣткѣ*, что̀ есть лучшаго въ каждой части его трудовъ. Къ чему эта оцѣнка и сортировка? У всякаго свой вкусъ, и намъ легко ошибиться. Одно несомнѣнно, что двѣ его седмицы выше всѣхъ послѣдовавшихъ затѣмъ проповѣдей и рѣчей, особенно говоренныхъ съ 1848 года, въ который, какъ и въ послѣднее бурное время, нашъ великій пророкъ — *согласн!* Въ моемъ письмѣ онъ говоритъ о занятіяхъ Исторіей Польской Церкви: объ этомъ его статья напечатана, разумѣется, безъимянно, — въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Отыщи ее. Иннокентій говорилъ мнѣ, что важнѣйшая половина статьи—*примѣчанія*; Уваровъ просилъ его не помѣстить, чтобы пощадить Мацѣевскаго, зѣло раскритикованнаго. Не остались ли тѣ *примѣчанія* въ редакціи *Журнала*. Спросилъ бы ты у Сербиновича. Прощай! Мое Иннокентіево письмо не забудь возвратить» *).

Приступая къ изданію *Вѣнка на могилу Высокопреосвященнаго Иннокентія*, Погодинъ также обращался къ его товарищу и ученикамъ. Въ высшей степени интересны отвѣты ихъ.

10 марта 1860 года, протопресвитеръ Василій Борисовичъ Бажановъ писалъ Погодину: „Много получено было мною отъ преосвященнаго Иннокентія писемъ; особенно въ послѣднее время писалъ онъ ко мнѣ очень часто; но онъ писалъ ко мнѣ всегда только о нуждахъ, разумѣется, не о своихъ собственныхъ, и въ этихъ письмахъ много, много нашлось бы цвѣтковъ, которые можно было бы вплести въ вѣнокъ ему. Но эти письма писаны были съ такою необыкновенною откровенностію, что я находилъ нужнымъ большую часть ихъ уничтожить, потому что другіе могли перетолковать ихъ по своему. За искреннее расположеніе его ко мнѣ и преимущественно

*) Это Латинское письмо, въ переводѣ И. В. Помяловскаго, было мною напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* 1894 г., № 6, стр. 297—298. *Н. Б.*

за ревность его ко благу Церкви и Отечества, я не перестаю ежедневно воспоминать его въ недостойныхъ молитвахъ моихъ".

Эти строки принадлежатъ товарищу преосвященнаго Иннокентія, а вотъ письма учениковъ его:

„Какъ искренній почитатель незабвеннаго Иннокентія,— писалъ ученикъ его, историкъ Русской Церкви, высокопреосвященный Макарій,—вполнѣ сочувствую вашему предпріятію и охотно предоставляю вамъ право перепечатать мою статью. Только прошу исправить въ ней двѣ важныя ошибки: одну о мѣстѣ его рожденія, другую о днѣ его кончины. Другого вашего желанія исполнить не могу. Большую часть проповѣдей Иннокентія я читывалъ очень давно, еще въ студенчествѣ; а теперь перечитать ихъ вновь, чтобы указать лучшія, право, не имѣю досуга. Да и всѣхъ книгъ подъ руками нѣтъ. Прошу извинить".

Въ другомъ своемъ письмѣ, Макарій писалъ Погодину: „О покойномъ преосвященномъ Иннокентіѣ я высказалъ въ заключеніе моей статьи мое частное, личное мнѣніе и самое искреннее. Перемѣнить его считаю дѣломъ, противнымъ моей совѣсти, какъ ни глубоко уважаю я покойнаго геніальнаго человѣка" [266]).

Въ указанномъ заключеніи, Макарій писалъ: „Знаемъ, что время для полнаго и безпристрастнаго суда о покойномъ преосвященномъ Иннокентіѣ еще не настало; но не можемъ удержаться, чтобы не высказать здѣсь о немъ, по крайней мѣрѣ, какъ о ученомъ и литераторѣ, нашего частнаго икренняго мнѣнія. Это былъ человѣкъ, въ особенномъ смыслѣ, геніальный: высокій, свѣтлый, проницательный умъ, всегда богатое, неистощимое воображеніе, живая и обширнѣйшая память, легкая и быстрая сообразительность, тонкій и правильный вкусъ, даръ творчества, изобрѣтательности и оригинальности, совершеннѣйшій даръ слова—все это, въ чудной гармоніи, совмѣщено было въ покойномъ іерархѣ. При такихъ необыкновенныхъ талантахъ, онъ имѣлъ и необыкновенное образованіе: не однѣ духовныя науки, которыя извѣстны были

ему въ совершенствѣ, онъ зналъ, болѣе или менѣе, весьма многія свѣтскія науки, такъ что могъ разсуждать объ нихъ съ спеціалистами, и нерѣдко своими мѣткими, оригинальными вопросами или отвѣтами поражалъ знатоковъ дѣла. Это былъ образцовый профессоръ: своими вдохновенными импровизаціями онъ пробуждалъ, увлекалъ, восторгалъ умы слушателей. Но по самому складу и настроенію своихъ способностей, онъ не произвелъ и не могъ произвесть эпохи въ Наукѣ, которую преподавалъ; онъ не подвинулъ ея впередъ, онъ даже вовсе ея не обрабатывалъ: лекціи, записанныя со словъ его воспитанниками, можетъ быть, не всегда вѣрно, и доселѣ сохраняющіяся въ рукописяхъ, суть лекціи живыя, легкія, часто обаятельныя; но не показываютъ ни широкаго, ни самостоятельнаго взгляда на цѣлую область Науки, не вездѣ запечатлѣны зрѣлостію и основательностію, и вовсе не отличаются богатствомъ положительныхъ свѣдѣній. Въ лекціяхъ видѣнъ богословъ съ свѣтлымъ, чрезвычайно-гибкимъ, возвышеннымъ умомъ, богословъ-мыслитель; но не видно того, что̀ называется христіанскимъ глубокомысліемъ и богословскою ученостію. Судя по историческимъ сочиненіямъ Иннокентія, онъ могъ быть блестящимъ повѣствователемъ-живописцемъ, отнюдь не ниже Карамзина, но не обладалъ собственно-историческимъ талантомъ, не имѣлъ духа исторической критики и вообще всѣхъ тѣхъ свойствъ, какія нынѣ требуются отъ современнаго историка. Нѣтъ, не Наука, какъ ни близка она была знаменитому іерарху, а искусство человѣческаго слова: вотъ въ чемъ состояло его истинное призваніе! Онъ былъ не только отличный знатокъ, но и геніальный художникъ отечественнаго слова, какъ свидѣтельствуютъ и свидѣтельствовали — и его печатныя творенія, извѣстныя всей Россіи, и его академическіе уроки, и самыя его домашнія бесѣды. Онъ былъ великій проповѣдникъ, не всегда себѣ равный, но всегда оригинальный и вдохновенный, всегда общедоступный, всегда производившій магическое вліяніе на слушателей, великій не столько въ печатныхъ своихъ проповѣдяхъ, которыя не всѣ могутъ

выдерживать строгую критику, сколько тогда, когда онъ произносилъ ихъ; это былъ геніальный ораторъ, именно на каѳедрѣ церковной... Какъ писатель Русскій, преосвященный Иннокентій, по справедливости, долженъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ Исторіи Русской Литературы; а какъ проповѣдникъ, онъ займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между духовными витіями, не только нашего времени и Отечества, но и всѣхъ временъ и народовъ: имя Иннокентія останется безсмертнымъ" [267])!

Самое задушевное письмо Погодинъ получилъ отъ другого ученика Иннокентія, епископа Смоленскаго Антонія *), роднаго племянника приснопамятнаго святителя Кіевскаго Филарета. „На просьбу вашу,—писалъ преосвященный, —отвѣчаю совершеннымъ сочувствіемъ къ предпринятому вами дѣлу и живѣйшею благодарностію къ вамъ, что вы пришли къ мысли почтить память онаго Архипастыря. Къ сожалѣнію, дать вамъ матеріала я не могу никакого. У меня есть довольно писемъ его, но, кажется, все оффиціальныя и о предметахъ, касавшихся службы. Записокъ я не велъ никакихъ о его личности въ то время, какъ жилъ близко къ нему въ Кіевѣ. Когда я учился въ Академіи, онъ былъ только ректоромъ и лекцій уже не читалъ въ нашемъ курсѣ, и притомъ былъ уже викаріемъ и первая энергія, какою отличался онъ на службѣ въ Академіи въ началѣ, уже была ослаблена. Впрочемъ, и тогда еще сильное вліяніе имѣлъ онъ, и умѣлъ давать всему окружающему его движеніе и жизнь, и все одушевлялъ словомъ и дѣломъ своимъ. Выборомъ лучшаго вы конечно не затруднитесь—изъ проповѣдей его, особенно съ помощію почтеннѣйшаго Михаила Александровича Максимовича, который такъ близокъ былъ къ почившему и хорошо изучилъ его. По моему—лучшаго ищите наипаче въ Харьковскихъ поученіяхъ. Тамъ былъ зенитъ его краснорѣчія церковнаго. Одесскія ужъ слабѣе. Воспоминанія указанныхъ вами лицъ должны войти въ составъ вашего изданія съ осто-

*) Скончался въ санѣ Архіепископа Казанскаго. *Н. Б.*

рожностію. Напримѣръ, помнится мнѣ, что Іоасафъ писалъ не совсѣмъ дѣльное что-то. Найдите въ Москвѣ священника о. Петра Ивановича Козмина. Онъ, кажется, при Богоявленской, что на Елоховѣ, церкви. Это недалекій родственникъ почившаго и былъ мнѣ товарищъ и другъ по Академіи. Онъ, можетъ быть вамъ полезенъ. Михаилу Александровичу Максимовичу усердный мой поклонъ—при свиданіи. Онъ хотѣлъ составить Славяно-Русскую азбуку для народа съ статьями для первоначальнаго чтенія: вѣрно эта мысль осталась безъ исполненія".

Погодинъ не обошелъ своею просьбою и тѣхъ людей свѣтскихъ, которые, по совмѣстному жительству съ Иннокентіемъ въ Одессѣ, близко его знали.

Прискорбно патріоту читать слѣдующее письмо профессора Мурзакевича: „Поздравляю съ наступающимъ праздникомъ и прошу извиненія въ невольномъ промедленіи на ваше письмо, добрѣйшій и благороднѣйшій Михаилъ Петровичъ. Болѣзнь простудная продержала меня бездѣйственнымъ слишкомъ полтора мѣсяца. Объ Иннокентіѣ писать нужно повременить, пока остынетъ нерасположеніе къ нему большинства духовныхъ. Бумаги оффиціальныя и труды его по порученію Синода своевременно забраны имъ; частная переписка и замѣтки находятся у его брата, живущаго въ Харьковѣ. Книги покойнаго братъ представляетъ въ распоряженіе императора (?!!) вмѣсто того, чтобы безъ церемоніи ихъ отдать Одесской Семинаріи, на которую покойный, къ сожалѣнію, не обращалъ никакого вниманія. Иннокентій умеръ внезапно, вопреки обнадеживанію Пирогова и К°. Пользуясь этимъ, его домочадцы обокрали мертвеца свыше чѣмъ на пятьдесятъ тысячъ р. с. Покойникъ велъ дѣла свои безпорядочно. Консисторія сдѣлала на него начетъ въ восемь тысячъ. Подвѣдомственное Иннокентію духовенство не поминаетъ его лихомъ, однако и не похваляетъ добромъ, за его приказанія или предложенія покупать его сочиненія. И такъ, молчаніе всѣхъ благовременно" [268])!

LXXXVI.

Наканунѣ престольнаго праздника Успенскаго собора, 14 августа 1860 года, въ 10-ть вечера, прибылъ въ Москву императоръ Александръ II-й, съ государемъ наслѣдникомъ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ и съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ.

Въ самый праздникъ Успенія, въ 11-ть утра, государь съ наслѣдникомъ и съ великимъ княземъ былъ у обѣдни въ соборѣ. Предъ входомъ былъ встрѣченъ митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ, архіепископомъ Евгеніемъ и епископомъ Дмитровскимъ Леонидомъ, при чемъ митрополитъ Московскій привѣтствовалъ государя слѣдующею рѣчью:

„Благочестивѣйшій государь! Всегда свѣтлое для насъ твое лицезрѣніе свѣтитъ нынѣ намъ еще новымъ лучемъ. Близъ тебя видимъ твоего возлюбленнаго первенца, въ первый разъ здѣсь по вступленіи его въ престолонаслѣдственное совершеннолѣтіе. Радостно видѣть сіе исполненіе надъ тобою и надежду дальнѣйшаго исполненія древняго благословенія: *Созижду въ родъ и родъ престолъ Твой* (*Пс.* LXXXVIII. 5).

„Духовно радуемся также, что тебѣ благоугодно, вмѣстѣ съ твоею вѣрнопреданною столицею, праздновать ея соборный праздникъ въ храмѣ твоего царскаго вѣнчанія.

„Благословенно твое благоволеніе къ твоей древней столицѣ.

„Благословенно твое благоговѣніе къ ея древней святынѣ.

„Единеніе царя и народа въ истинной вѣрѣ есть животворный источникъ ихъ государственнаго единства и силы.

„Воздвигшій тебя отъ благословеннаго корени царей, помазавшій тебя свыше и поставившій тебя защитникомъ Церкви Своей да споспѣшествуетъ всегда тебѣ и въ охраненіи мира ея въ Отечествѣ нашемъ, и въ возстановленіи разрушеннаго мира ея за предѣлами онаго, и всѣ царствен-

ныя дѣла твои да благоуправитъ къ истинному и непоколебимому благоденствію всѣхъ вѣрноподданныхъ“ 269).

На другой день, Филаретъ писалъ своему Лаврскому намѣстнику Антонію: „Вчерашній праздникъ въ Москвѣ былъ благообразенъ. Государь императоръ слушалъ литургію въ Успенскомъ соборѣ, прошелъ изъ дворца среди восклицаній многочисленнаго народа, и также, по литургіи, въ Чудовъ — къ святителю Алексію. Письмо къ вамъ писалъ я поспѣшно, потому что приближалось время ѣхать къ государю. Онъ принялъ меня въ кабинетѣ, и потомъ, за столомъ, посадилъ между собою и государемъ наслѣдникомъ. Государь наслѣдникъ возросъ тѣлесно и душевно. Сегодня, по предвареніи, ожидалъ я его въ 11-мъ часу, а онъ пріѣхалъ нечаянно въ 10-мъ; и я не успѣлъ принять его въ церкви; однако, уходя отъ меня, онъ былъ и въ церкви. Прожилъ я вчерашній день не безъ труда, но съ удовольствіемъ. Слава Богу о всемъ“ 270).

19 августа 1860 года, государь выѣхалъ изъ Москвы въ Тулу, оттуда, 21 августа, возвратился въ Царское Село.

21 сентября 1860 года, императрица Марія Александровна, въ Царскомъ Селѣ, разрѣшилась отъ бремени сыномъ, нареченнымъ Павломъ. 30-го того-же сентября, государь отбылъ изъ Царскаго Села. Въ Вильнѣ выѣхали ему на встрѣчу нѣкоторые изъ Нѣмецкихъ гостей: великій герцогъ Саксенъ-Веймарскій, принцы Карлъ и Альбертъ Прусскіе, Августъ Виртембергскій и Фридрихъ Гессенъ-Касельскій.

8 октября, государь прибылъ въ Варшаву въ одинъ день съ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ. На другой день пріѣхалъ принцъ-регентъ Прусскій съ великимъ герцогомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ; на третій — императоръ Австрійскій. Монарховъ сопровождала многочисленная и блестящая свита. Съ принцемъ Вильгельмомъ прибыли: министръ президентъ князь Карлъ-Антонъ Гогенцоллернскій и военный министръ генералъ Роонъ; съ императоромъ Францомъ Іосифомъ — министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Рехбергъ и генералъ-адъютанты, графы: Креннeвиль и Куденговъ. Въ свитѣ

императора Александра II-го находились: князь А. М Горчаковъ, принцы: Георгъ Мекленбургъ-Стрѣлицкій, Александръ Гессенскій и Прусскій посланникъ при Петербургскомъ Дворѣ Бисмаркъ. Кромѣ того съѣхались въ Варшаву дипломатическіе представители Россіи: изъ Вѣны — Балабинъ, изъ Берлина—баронъ Будбергъ, изъ Парижа—графъ Киселевъ.

„Сегодня пресловутое свиданіе,—писалъ А. О. Россетъ своей сестрѣ А. О. Смирновой,—и размѣняются рукожатіями и поцѣлуями. Въ началѣ оно было принято у насъ ужасно дурно, но потомъ поуспокоились. Всѣ Горчаковскіе твердятъ, что ничего изъ свиданія не выйдетъ важнаго и что невозможно было отказать Австрійскому императору; но, судя по полу-официіальнымъ статьямъ *Journal de St. Petersbourg*, едва ли не обуялъ насъ тотъ же духъ фигурированія на политическомъ поприщѣ и гибельной болтовни. Казалось бы, чего лучше какъ сказать себѣ, въ виду Европейской путаницы, что моя изба съ краю, я ничего не знаю, и заняться своими дѣлами“ [271]).

„Киселева,—повѣствуетъ Татищевъ,—государь встрѣтилъ выраженіемъ недовѣрія къ *Лудовику Наполеону*, повтореніемъ упрековъ за Вилла-Франкское перемиріе, неодобрительнымъ отзывомъ объ его политикѣ въ Италіи. Пріемъ этотъ уже предрѣшилъ участь привезенной Киселевымъ записки: *О пользѣ оборонительнаго союза* съ *Франціей*, съ *точнымъ опредѣленіемъ взаимныхъ обязательствъ договаривающихся сторонъ.* Ознакомясь съ нею и передавая ее князю Горчакову, государь начерталъ: *Противъ кого?* Записка и проектъ договора, остались, конечно, безъ послѣдствій“.

Между тѣмъ,—продолжаетъ Татищевъ,—„пріемъ, ученья и смотры, обѣды, спектакли, въ продолженіе четырехъ дней, чередовались съ совѣщаніями, происходившими между государями и ихъ министрами. Положено потребовать отъ Наполеона гарантій, съ цѣлью сохранить миръ Европы, поддержать расшатанныя основы народнаго права и остановить успѣхи всеобщей революціи. Но князю Горчакову удалось отклонить все, что могло придать этому рѣшенію характеръ

вызывающій или просто враждебный Франціи. Вызвавшись быть посредникомъ между Вѣной и Берлиномъ, съ одной стороны, и Парижемъ — съ другой, князь Горчаковъ могъ писать Морни, что Варшавское свиданіе было одинаково благопріятно для Россіи и для Франціи: для Россіи потому, что убѣдились въ невозможности распорядиться въ чужую сторону ея вещественными силами; для Франціи — ибо удостовѣрились, что единеніе съ нею продолжаетъ служить основаніемъ Русской политики и что никакая коалиція невозможна противъ нея, пока того не хочетъ Россія. Князь А. М. Горчаковъ, увѣщевая Морни содѣйствовать, съ своей стороны, упроченію этого результата отказомъ Франціи отъ солидарности съ революціей, просилъ его не поступаться *принципами*, замѣчая: „Безъ нихъ нельзя создать ничего прочнаго. Между нами существуетъ достаточно первостепенныхъ интересовъ, чтобы служить намъ общею связью. Мы принимаемъ въ разсчетъ требованіе времени, но Европа не находится въ состояніи первобытнаго общества, когда все было tabula rasa, и мы твердо увѣрены, что отреченіе отъ понятій права, изъ которыхъ истекаютъ принципы, не есть условіе ни прогресса, ни цивилизаціи, въ мало-мальски устойчивомъ дѣлѣ“. Въ томъ же смыслѣ выразился князь Горчаковъ и предъ Французскимъ посломъ въ Петербургѣ“ [272]).

Это заступничество князя А. М. Горчакова за Францію произвело свое дѣйствіе, что̀ можно предполагать изъ слѣдующихъ строкъ И. С. Аксакова (изъ Тріеста, 17 ноября 1860 года): „Здѣсь, въ Тріестинской газетѣ, я прочелъ, что Французскій императоръ приказалъ своему посланнику въ Константинополѣ всячески обезнадеживать движеніе Болгаръ, обратившихся къ посланнику съ просьбой о покровительствѣ Франціи и съ предложеніемъ уніи, — именно потому, сказано, что Наполеонъ желаетъ сохранить теплыя и искреннія отношенія къ Россіи! Краска бросается въ лицо отъ стыда! Наполеонъ напоминаетъ Болгарамъ о Россіи, отсылаетъ ихъ къ намъ, даритъ намъ ихъ“ [273])!

Между тѣмъ, намѣстникъ Царства Польскаго князь М. Д. Горчаковъ, во всеподданнѣйшей запискѣ, выразилъ взглядъ, что онъ не считаетъ Наполеона III расположеннымъ послѣдовать преподаннымъ ему совѣтамъ умѣренности. Ожидалъ разрыва Австріи съ Сардиніей и опасался, какъ бы онъ не сопровождался возстаніемъ Венгріи, которое распространилось бы на Балканскихъ христіанъ и на Галицію. Полагалъ, что обѣ морскія державы будутъ поддерживать это движеніе, и на этотъ случай считалъ необходимымъ усилить войска, расположенныя въ Царствѣ Польскомъ".

Государь, на этой всеподданнѣйшей запискѣ князя М. Д. Горчакова, начерталъ слѣдующую резолюцію: „Первыя соображенія о мѣрахъ подготовительныхъ одобряю, но предоставляю себѣ рѣшить, когда къ нимъ приступить. Насчетъ же вторыхъ (постановка арміи на военную ногу), не дай Богъ, чтобы намъ нужно было къ нимъ приступить, и надѣюсь, что дипломатическими отношеніями намъ удастся отвратить опасенія, о которыхъ князь Горчаковъ упоминаетъ, иначе будетъ повтореніе 1854 года" [274]).

Въ это время, по пути изъ Москвы во Флоренцію, въ Варшавѣ пребывалъ Шевыревъ, и 13 октября 1860 года писалъ Погодину: „Мы до сихъ поръ въ Варшавѣ—и только сегодня выѣзжаемъ въ Вѣну. Нельзя было такъ скоро выѣхать отсюда въ такую интересную минуту. Государя нашего народъ вездѣ принимаетъ съ восторгомъ, но Австрійскому императору угрожала демонстрація. Надѣются много на твердость князя Горчакова, который пользуется полною довѣренностью государя и, какъ слышно, не уступилъ Рехбергу на конференціи".

Но въ томъ же письмѣ Шевыревъ писалъ: „Это письмо было написано передъ самымъ отъѣздомъ изъ Варшавы, но не послано изъ Вѣны, откуда я писалъ къ тебѣ другое. Посылаю его изъ Милана черезъ Пруссію... Нота князя Горчакова всѣхъ огорчила: къ Россіи было большое сочувствіе, и нота его ослабила".

Варшавское свиданіе не принадлежитъ къ числу радостныхъ

событій нашей политической Исторіи. По крайней мѣрѣ, Ю. Ѳ. Самаринъ вотъ что писалъ Погодину: „Варшавское свиданіе кончилось общимъ неудовольствіемъ. Австрія недовольна нами, мы—Австріею, Пруссія—Австріею и Россіею, публика недовольна Правительствомъ, Правительство недовольно публикою и т. д. Доволенъ одинъ Горчаковъ, который теперь оттачиваетъ фразы о томъ, что это—ничего, учтивость, обрядъ, безъ всякой цѣли и безъ всякаго значенія; а между тѣмъ, изъ Сербіи пишутъ: „Когда здѣсь узнали, что Русскій императоръ показывается въ бѣломъ мундирѣ и что Русскіе кричали *ура* Австрійскому императору, вы здѣсь утратили преданныя вамъ сердца... Оныя теперь безвозвратно обратились всѣми своими сочувствіями къ Франціи, которая одна держитъ въ рукахъ знамя народностей“ Недешево намъ обошлась наша учтивость“ [275]).

Между тѣмъ, въ это самое время стали обнаруживаться признаки броженія, охватившаго Польское общество. Дошло до того, пишетъ Татищевъ, что „во время пребыванія въ Варшавѣ самого государя и гостей его, въ день, назначенный для параднаго спектакля, императорская ложа въ большомъ театрѣ была облита купоросомъ, а уличные мальчишки отрѣзали шлейфы у дамъ, ѣхавшихъ на балъ къ намѣстнику. По пути царскаго слѣдованія, на улицахъ и площадяхъ, раздавались свистки“.

Варшавскія совѣщанія были прерваны горестнымъ извѣстіемъ объ опасномъ поворотѣ, внезапно принятомъ болѣзнью вдовствующей императрицы. Государь тотчасъ оставилъ Варшаву и поспѣшилъ къ одру умирающей матери и прибылъ въ Царское Село [276]); а 20 октября 1860 года, былъ обнародованъ слѣдующій манифестъ:

„Божіею Милостію,

Мы, Александръ Вторый,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій,

и Великій Князь Финлядскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Всемогущему Богу, по неисповѣдимымъ Судьбамъ Своимъ угодно было поразить насъ страшнымъ ударомъ. Мы лишились Любезнѣйшей нашей Родительницы, Императрицы Александры Θеодоровны. Страдавъ почти безпрерывно въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ горестной потери Супруга, незабвеннаго Государя, родителя нашего, она послѣднее время постепенно, видимо угасала, и нынѣ 20-го сего Октября, окруженная предметами нѣжнѣйшей, взаимной любви, съ спокойствіемъ надежды христіанской, предала свою кроткую, чистую душу въ руки Того, Который одинъ можетъ достойно цѣнить и награждать добродѣтель. Оплакивая вмѣстѣ съ нами любезнѣйшую нашу Родительницу, вѣрные подданные наши да утѣшаютъ себя также, какъ мы, твердою увѣренностью, что оставивъ сей міръ, она уже наслаждается вѣчнымъ, ни съ чѣмъ несравненнымъ блаженствомъ на отеческомъ лонѣ Всевышняго.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, 20-го Октября, въ лѣто отъ Рождества Христова 1860 г., Царствованіе же нашего въ шестое. Подписано: Александръ" [277]).

Въ *Дневникѣ* своемъ П. А. Валуевъ записалъ:

Подъ *30 октября 1860 года*: „Впечатлѣніе могло произвести только два предмета: Панихида и разстроенное утомленное лицо государя".

— 5 ноября — —: „Утромъ въ крѣпости, на погребеніи императрицы. Ничего особеннаго во время церемоніи. Личность государя, по прежнему, трогательна и симпатична".

Въ духовномъ завѣщаніи своемъ, покойная государыня посвятила нѣсколько трогательныхъ строкъ августѣйшимъ дѣтямъ: „Если по смерти моего императора и несказанно любимаго супруга я не пала подъ тяжестію нежданнаго несчастія, то только благодаря нѣжной заботливости, которою окружали меня въ тягостные часы всѣ мои дѣти, безъ исключенія. Любовь ихъ поддержала во мнѣ жизнь, а въ особенности постоянно бдительная попечительность и нѣжность возлюбленнаго сына моего императора Александра. Поддержанная святою любовію дѣтей, я была въ силахъ перенести жесточай-

шіе удары судьбы и пережить супруга, жизнь котораго была моею жизнію. Отъ глубины сердца благодарю васъ: тебя, дорогой сынъ мой Александръ, тебя, нѣжно любимая невѣстка Марія, и васъ всѣхъ, мои столь же любимыя дѣти; ваша истинная, искренняя любовь поддержала жизнь мою. Да воздастъ вамъ за это сторицею небо, вамъ и всѣмъ вашимъ потомкамъ" [278]).

„Съ императрицею Александрою Θеодоровною,—замѣчаетъ П. А. Валуевъ,—окончательно сходитъ со сцены прежнее царствованіе".

Конецъ книги семнадцатой.

25 октября 1902 года.
Село Гіевка,
Харьковской губ. и уѣзда.

1) *Русская Газета.* 1859. № 40.
2) *Записки и Дневникъ.* Спб. 1893. II, 129.
3) *Русская Старина.* 1891. Августъ, стр. 265—266.
4) *Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева.* Спб. 1885. III, 473—474.
5) *Русская Газета.* 1859. № 4, 2—3.
6) *Письма,* XXV.
7) *Московскія Вѣдомости.* 1859. № 218.
8) *Русская Газета.* 1859. № 39.
9) *Московскія Вѣдомости.* 1859. № 220.
10) *Русская Газета.* 1859. № 37.
11) *Письма м. М. Филарета къ Антонію.* IV, 157, 161—166.
12) *Московскія Вѣдомости.* 1859. № 48.
13) *Письма м. М. Филарета къ* А. Н. М. Кіевъ. 1869, стр. 549.
14) *Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева.* Спб. 1885. III, 474.
15) *Русскій Архивъ.* 1885. II, 447—450.
16) *Русская Старина.* 1885. Мартъ, стр. 694.
17) *Русскій Архивъ.* 1885. № 7, стр. 452.
18) *Письма,* XXV.
19) *Русскій Архивъ.* 1885. III, 154—155, 271—272, 156—157.
20) *Письма м. М. Филарета къ Антонію.* IV, 179.
21) *Русская Старина.* 1891. Августъ, стр. 275.
22) *Записки и Дневникъ.* II, 151—153.
23) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1886. X, 194.
24) *Письма,* XXV.
25) *Московскія Вѣдомости.* 1859. № 105.
26) *Отечественныя Записки.* 1859. CXXIV. Совр. лѣтоп., стр. 67—68.
27) *Русскій Архивъ.* 1889. № 10, стр. 719.
28) *Письма Филарета м. М. къ епископу Дмитровскому Леониду.* М. 1883, стр. 30.
29) *Письма,* XXV.
30) *Письма Филарета къ Антонію.* М. 1884. IV, 184.
31) *Московскія Вѣдомости.* 1859. № 218.
32) *Русская Газета.* 1859. № 37.
33) *Письма Филарета къ высочайшимъ особамъ и къ разнымъ другимъ лицамъ.* Тверь. 1888. II, 298—299.
34) *Русская Газета.* 1859. № 38.
35) *Рѣчи.* М. 1872, стр. 219—221.— *Письма,* XXV.
36) *Творенія Иннокентія м. Московскаго.* Собраны Иваномъ Барсуковымъ. М. 1886. I, 144—145.
37) *Письма,* XXVI.—*Русская Старина.* 1880. Сентябрь, стр. 97—98.
38) *Московскія Вѣдомости.* 1859. № 93.—*Русскій Архивъ.* 1889. № 4, стр. 636.
39) *Русская Старина.* 1880. Сентябрь, стр. 99—101.

40) *Русскій Архивъ*. 1893. № 4, стр. 407—410.

41) *Русская Старина*. 1891. Окт., стр. 145.

42) *Русская Газета*. 1859. № 40.

43) *Русскій Архивъ*. 1889. № 2, стр. 338.

44) *Русская Старина*. 1891. Августъ, стр. 271; 1887. LIII, 447—448.

45) *Собраніе Сочиненій К. Д. Кавелина*. Спб. 1898. II, 103—106.

46) *Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II*. Спб. 1889. I, 14.

47) *Русскій Архивъ*. 1886. № 7, стр. 391—392.

48) *Освобожденіе крестьянъ*. I, 48—50. XIV—XVI.

49) *Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева*. Спб. 1885. III, 478.—*Русская Старина*. 1891. Августъ, стр. 270.

50) *Русскій Архивъ*. 1879. III, 352—353. *Русская Старина*. 1899. Февр., стр. 285—287.—*Матеріалы для біографіи князя В. А. Черкасскаго*. М. 1901. I, 314—316.—*Русь*. 1883, № 3.—*Колоколъ*. 1862, стр. 585.—*Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1886. X, 20.—*Русская Старина*. 1873. Іюнь, стр. 855—856.

51) *Освобожденіе крестьянъ*. I, 51—53, I—V, 75—77, 102—104.

52) *Русскій Архивъ*. 1886. № 7, стр. 393—394, 206.

53) *Освобожденіе крестьянъ*. I, 215—216, 444, 525—526.—*Русская Старина*. 1899. Мартъ, стр. 582. *Сочиненія А. С. Хомякова*. М. 1900. VIII, 424—425.

54) *Русскій Архивъ*. 1886. № 7, стр. 394—395.

55) *Русская Старина*. 1891. Авг., стр. 278, 555.

56) *Записки и Дневникъ*. Спб. 1893. II, 164.

57) *Русскій Архивъ*. 1886. № 7, стр. 402—403. — *Русская Старина*. 1899. Мартъ, стр. 577—578.

58) *Русская Старина*. 1891. Авг., стр. 278, 547, 550—552.—*Русскій Архивъ*. 1900. № 27, стр. 377.

59) *Освобожденіе крестьянъ*. I, 174, 189—190, 203. — *Русская Старина*. 1899. Мартъ, 577—578.

60) *Русская Старина*. 1891. Авг., стр. 552—553.

61) *Освобожденіе крестьянъ*. I, 257—260, 402—404.

62) *Русскій Архивъ*. 1886. № 7, стр. 402—403.

63) *Русская Старина*. 1891. Авг., стр. 555, 557, 559; Сентябрь, стр. 139, 143, 145—146.

64) *Русскій Архивъ*. 1896. № 11, стр. 332, 334—335. — *Русская Старина*. 1891. Авг., стр. 269.

65) *Русская Старина*. 1891. Сентябрь, стр. 143.

66) *Освобожденіе крестьянъ*. I, 490—505.

67) *Русь*. 1883. № 3, стр. 30—39.

68) *Русскій Архивъ*. 1879. III, 297—298; 1886. № 3, стр. 360—362.

69) *Освобожденіе крестьянъ*. I, 603—618, 725—726, 731; III, 1—7.

70) *Записки и Дневникъ*. III, 164—165, 167—168.

71) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*. М. 1894, стр. 148—149.

72) *Русская Старина*. 1900. Апр., стр. 139—144.—*Русскій Архивъ*. 1896. № 12, стр. 564; 1889. № 3, стр. 488.

73) *Русскій Архивъ*. 1886. № 7, стр. 403—404.

74) *Русская Старина*. 1899. Мартъ и Апрѣль, стр. 583—584; 1900. Ноябрь, стр. 376—377.—*Русскій Архивъ*. 1888. № 1, стр. 601—615.

75) *Освобожденіе крестьянъ*. II, 80—81, 129, 126—129, 162.

76) *Русская Старина*. 1900. Ноябрь, стр. 377—378; 1891. Сентябрь, стр. 139.

77) *Русскій Архивъ*. 1896. № 11, стр. 333; № 12, стр. 554; 1889. № 3, стр. 487—488; № 11, стр. 340; № 4, стр. 646.

78) *Русская Старина*. 1891. Окт., стр. 148.

79) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1887. XI, 339—341.

80) *Русская Старина.* 1891. Окт., стр. 148.

81) *Сѣверная Пчела.* 1860. № 18

82) *Русскій Архивъ.* 1896. № 12, стр. 554—556, 557, 563; № 11, стр. 334—335.

83) *Русская Старина.* 1899. Мартъ, стр. 580—582.

84) *Русскій Архивъ.* 1896. № 12, стр. 563; 1889. № 5, стр. 124—128.

85) *Рѣчи.* М. 1872, стр. 222—223.

86) *Русскій Архивъ.* 1896. № 12, стр. 550.

87) *Русская Старина.* 1891. Окт., стр. 147.

88) *Русскій Архивъ.* 1896. № 12, стр. 550.

89) *Освобожденіе крестьянъ.* II, 390, 391, 458, 558—560, 587—588.

90) *Письма,* XXVI.

91) *Освобожденіе крестьянъ.* II, 625—627.

92) *Русскій Архивъ.* 1896. № 12, стр. 559—560.

93) *Освобожденіе крестьянъ.* II, 627—628.

94) *Русскій Архивъ.* 1896. № 12, стр. 561.

95) *Освобожденіе крестьянъ.* II, 629—635.

96) *Русская Старина.* 1899. Апр., стр. 121—122.

97) *Освобожденіе крестьянъ.* II, 664, 635, 636.

98) *Записки и Дневникъ.* II, 173.

99) *Освобожденіе крестьянъ.* II, 662—663.

100) *Русскій Архивъ.* 1896. № 12, стр. 561.

101) *Русская Старина.* 1899. Мартъ, стр. 579. Апрѣль, стр. 123.

102) *Письма,* XXVI.

103) *Собраніе Сочиненій А. С. Хомякова.* VIII, 372.

104) *Наше Время.* 1860. № 5.

105) *Письма,* XXVII.

106) *Освобожденіе крестьянъ.* II, 100—101, 663—665.

107) *Письма,* XXVI.

108) *Записки и Дневникъ.* II, 174—175.

109) *Русскій Архивъ.* 1896. № 12, стр. 562.

110) *Русская старина.* 1899. Апр., стр. 122.

111) *Русскій Архивъ.* 1896. № 12, стр. 563.

112) *Освобожденіе крестьянъ.* II, 665—695; III. 430—434.

113) *Русская Старина.* 1891. Окт., стр. 149—150.

114) *Наше Время.* 1860. № 8.

115) *Освобожденіе крестьянъ.* II, 697—704.

116) *Русская Старина.* 1891. Окт., 153; Ноябрь, стр. 393.

117) *Освобожденіе крестьянъ.* III, 22—23, 166—199.

118) *Русская Старина.* 1891. Ноябрь, стр. 394.

119) *Сочиненія А. С. Хомякова,* VIII, 162, 164.

120) *Письма,* XXVI.

121) *Освобожденіе крестьянъ.* III, 84—85, 251—252.

122) *Русскій Архивъ.* 1889. № 6, стр. 260—261.—*Русская Старина.* 1891. Ноябрь, стр. 401—403; 1899. Апрѣль, стр. 125.

123) *Освобожденіе крестьянъ.* III.

124) *Русская Старина.* 1891. Ноябрь, стр. 403.

125) *Освобожденіе крестьянъ.* III, 738—740, 640—648, 741, 743, 750—755.—*Русскій Архивъ.* 1889. № 6, стр. 262; 1896. № 9, стр. 384; 1889. № 6, стр. 730.

126) *Русская Старина.* 1899. Апр., стр. 125; 1891. Ноябрь, стр. 409—410.

127) *Освобожденіе крестьянъ.* III, 773—780.

128) *Русская Старина.* 1891. Ноябрь, стр. 409—410.

129) *Освобожденіе крестьянъ.* III, 755—757, 749—750.—*Русскій Архивъ.* 1896. № 3, стр. 385.

130) *Татищевъ*, стр. 554—555.
131) *Русская Старина*. 1891. Ноябрь, стр. 403—406, 409, 411.
132) *Татищевъ*, стр. 555.
133) *Русская Старина*. 1891. Ноябрь, стр. 412—414.—*Русскій Архивъ*. 1892. № 2, стр. 205.
134) *Татищевъ*, стр. 554.
135) *Русская Старина*. 1891. Ноябрь, стр. 414—415.
136) *Русскій Архивъ*. 1889. № 6, стр. 267.—*Письма м. М. Филарета къ А. Н. Муравьеву*. Кіевъ, 1869, стр. 592.—*Русская Старина*. 1891. Ноябрь, стр. 426—427, 424, 412—414, 418, 417, 424.
137) *Освобожденіе крестьянъ*. III, 760 и дал.
138) *Русская Старина*. 1891. Ноябрь, стр. 415, 426.
139) *Письма*, XXVI.
140) *Татищевъ*, стр. 555—557.—*Православное Обозрѣніе*. 1861. Іюнь-Іюль, стр. 347.—*Письма м. М. Филарета къ Антонію*, IV, 284.
141) *Освобожденіе крестьянъ*, III.
142) *Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета м. Московскаго*. М. 1887. V, 16—17.—*Письма м. М. Филарета къ Антонію*. IV, 265—266.
143) *Русскій Архивъ*. 1889. № 6, стр. 266.—*Письма*, XXVI.—*Письма м. М. Филарета къ Антонію*. IV, 280—281.—*Сѣверная Пчела*. 1861. № 48.—*Письма*, XXVI.—*И. С. Аксаковъ*. IV, 48—49.—*Письма*, XXVI.
144) *Русскій*. 1868. № 3—4.
145) *Письма*, XXVI.
146) *Московскія Вѣдомости*. 1860. № 10.—*Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*. Спб. 1882, стр. 75.
147) *Русскій*. 1868. № 3—4.
148) *Московскія Вѣдомости*. 1860. № 10.
149) *Письма*, XXVI.
150) *Записки и Дневникъ*. II, 233, 243, 279.
151) *Письма*, XXV—XXVI.
152) *Дневникъ*. 1860, 27 января.
153) *Русская Бесѣда*. 1860. I, 1—86.
154) *Т. Н. Грановскій*. М. 1897. I, 254.
155) *Русская Бесѣда*. 1860. I, 1—86.
156) *Письма*. XXVI.—*Сочиненія князя М. М. Щербатова*, подъ редакціею И. П. Хрущова и А. Г. Воронова. Изданіе князя Б. С. Щербатова. Спб. 1898. II, 150.—*Письма*, XXVI.
157) *Русское Слово*. 1860. Апр., Смѣсь, стр. 116—118.
158) *Письма*, XXVI.
159) *Современникъ*. 1860. Янв., стр. 1—32. Русская Литература, стр. 104—108. Мартъ, стр. 257.
160) *Русская Бесѣда*. 1860.
161) *Письма*, XXVI.
162) *Русская Бесѣда*. 1860.
163) *С.-Петербургскія Вѣдомости*. 1860. № 60.
164) *Русская Бесѣда*. 1860.
165) *Письма*, XXVI.
166) *Современникъ*. 1860. LXXX. Свистокъ, стр. 5—24.
167) *Русская Бесѣда*. 1860.
168) *Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева*. Спб. 1885. III, 482.
169) *Письма*, XXVI.
170) *Русская Бесѣда*. 1860.
171) *Современникъ*. 1860. LXXX. Свистокъ, стр. 12.
172) *Русская Бесѣда*. 1860.
173) *Московскія Вѣдомости*. 1860. № 67.
174) *Современникъ*. 1860. Мартъ.
175) *Московскія Вѣдомости*. 1860. № 67.
176) *Русская Бесѣда*. 1860.
177) *Письма*, XXVI.
178) *Русское Слово*. 1860. Апрѣль. Смѣсь, стр. 118—125.
179) *Сѣверная Пчела*. 1860. № 68.
180) *Современникъ*. 1860. LXXX, 229—230.
181) *Отечественныя Записки*. 1860. CXXIX. Р. Лит., стр. 107—108.
182) *Записки и Дневникъ*. II, 180.
183) *Русскій Архивъ*. 1896. № 12, стр. 565—566.
184) *Письма*, XXVI.

185) *Сочиненія А. С. Хомякова.* М. 1890. VIII, 86, 330.
186) *Письма*, XXVI.
187) *Русская Бесѣда.* 1860.
188) *Современникъ.* 1860. LXXXI, стр. 80—88.
189) *Русское Слово.* 1860. Май. Смѣсь, стр. 134—137.
190) *Письма*, XXVI.
191) *Сочиненія А. С. Хомякова.* VIII, 86.
192) *Письма*, XXVI.
193) *Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича къ князю П. А. Вяземскому.* Спб. 1901, стр. 125, 66.
194) *Письма*, XXVI.—*Всемірный Трудъ.* 1867. Мартъ, стр. 79—97, Май, стр. 127—134.—*Письма*, XXVI.
195) *Русскій.* 1867. л. 25—26, стр. 385-389. — *С.-Петербургскія Вѣдомости.* 1860. № 273.—*Русскій.* 1867. л. 25—26.
196) *Письма*, XXVI.—*Русскій Архивъ.* 1885. II, 319.
197) *Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича къ князю П. А. Вяземскому.* Спб. 1901, стр. 172.
198) *Письма М. П. Погодина къ М. Максимовичу.* Спб. 1882, стр. 77.
199) *Воспоминанія о С. П. Шевыревѣ.* Спб. 1869, стр. 30.
200) *Русскій Архивъ*, 1882—1883 г.
201) *Письма*, XXVII.
202) *Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ*, стр. 30.
203) *Письма*, XXVII.
204) *Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ.*
205) *Письма*, XXIV.
206) *Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича къ князю П. А. Вяземскому*, стр. 174—175.
207) *Уставъ*, стр. 25.
208) *Жизнь и Труды П. М. Строева.* Спб. 1878, стр. 599.
209) *Уставъ*, стр. 25.
210) *Письма*, XXVI.
211) *Московскія Вѣдомости.* 1860. № 60.
212) *Письма.* XXVI. — *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 598.
213) *Московскія Вѣдомости.* 1860. № 60.
214) *Собраніе Сочиненій А. С. Хомякова.* М. 1900. VIII, 331.
215) *Русскій Архивъ.* 1886. № 6, стр. 302.
216) *Московскія Вѣдомости.* 1860. № 60.
217) *Собраніе Сочиненій А. С. Хомякова.* VIII, 331—332.
218) *Московскія Вѣдомости.* 1860. № 60, 65—66.
219) *Письма*, XXVI.
220) *Современникъ.* 1860. LXXXI. Замѣтки Новаго Поэта, стр. 93—99.
221) *Русская Бесѣда.* 1860. I, 1—5.
222) *Русскій Архивъ.* 1885. II, 319.
223) *Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича къ князю П. А. Вяземскому*, стр. 172—173.—*Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета м. М.* М. 1886. IV, 513—514.
224) *Собраніе отдѣльныхъ статей и замѣтокъ.* М. 1861, стр. 709—710.
225) *Письма*, XXVI.
226) *Собраніе мнѣній и отзывовъ м. М.* Спб. 1887. Томъ дополн., стр. 527—531.
227) *Письма м. М. Филарета къ Антонію.* М. 1884. IV, 329.
228) *Московскія Вѣдомости.* 1860. № 113, 73.
229) *Собраніе отдѣльныхъ статей и замѣтокъ*, стр. 720—721.
230) *Собраніе Сочиненій А. С. Хомякова.* VIII, 85—86, 232.
231) *Сочиненія Богословскія.* Прага. 1867. II, 227—259.
232) *Русскій Архивъ.* 1894. № 2, стр. 229.—*Собраніе Сочиненій А. С. Хомякова.* VIII, 332, 445, 381—382, 164, 163—164.
233) *Русскій Архивъ.* 1882—1883, стр. 112.
234) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу.* Спб. 1882, стр. 76—77.

235) *Русская Бесѣда.* 1860. II, 37—38.

236) *Московскія Вѣдомости.* 1860. № 209, 270.

237) *Рѣчи.* М. 1872, стр. 115—140.

238) *Письма.* XXVI.

239) *Русскій Архивъ.* 1882—1883, стр. 114.

240) *Русская Бесѣда.* 1860. II, 3—88.—*Письма.* XXVI.—*Русская Бесѣда.* 1860. II, 89—98.

241) *Письма.* XXVI.

242) *Письма.* XXVI.—*Русскій Архивъ.* 1896. № 3, стр. 383.

243) *Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ*, стр. 30—31.

244) *И. С. Аксаковъ.* М. 1892. III, 500.

245) *Письма.* XXVI.

246) *Современникъ.* 1860. LXXXIII, стр. 406.

247) *Русскій Архивъ.* 1885. II, 450.

248) *Московскій Вѣстникъ.* 1860. № 41.

249) *Русская Бесѣда.* 1860. II, 27—28. — *Московскія Вѣдомости.* 1861. № 270.

250) *И. С. Аксаковъ.* III, 347—348.

251) *Сочиненія А. С. Хомякова.* М. 1900. VIII, 163.

252) *Письма.* XXVI.

253) *Сочиненія А. С. Хомякова.* VIII, 445, 164.

254) *И. С. Аксаковъ.* III, 478—479.

255) *Русскій Архивъ.* 1899. № 8, стр. 588.—*Вѣстникъ Всемірной Исторіи.* 1901. № 4, стр. 83.

256) *И. С. Аксаковъ.* III, 483, 484—509.

257) *Письма.* XXVI.

258) *Русскій Архивъ.* 1882—1883, стр. 113.

259) *И. С. Аксаковъ.* Спб. 1896. Прил., стр. 4—24.

260) *Письма.* XXVI.—*И. С. Аксаковъ.* Спб. 1896. IV, 43—44.

261) *Русская Бесѣда.* 1860. II, 1—11.

262) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу.* М. 1894, стр. 149—150.

263) *Колоколъ.* 1861. № 90; *Дневникъ.* 1861, 24 янв.—*Вѣстникъ Всемірной Исторіи.* 1901. № 4, стр. 84.—*Русскій Архивъ.* 1883, стр. 117.—*И. С. Аксаковъ.* IV, 57—58.

264) *С.-Петербургскія Вѣдомости.* 1861. № 15. — *Современникъ.* 1861. LXXXVI, 32—39.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.* 1861. CIX. Извѣстія, Смѣсь, стр. 87.—*Записки и Дневникъ.* II. 240.—*Письма.* XXVI.—*Стихотворенія Ѳ. Тютчева.* М. 1868, стр. 87—89.—*Стихотворенія А. С. Хомякова.* М. 1868, стр. 93.—*Письма.* XXVI.

265) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу.* Спб. 1882, стр. 77, 74.

266) *Письма.* XXVI.

267) *Вѣнокъ на могилу высокопреосвященнаго Иннокентія.* М. 1867, стр. 38—40.

268) *Письма.* XXVI.

269) *Московскія Вѣдомости.* 1860. № 179, 181.

270) *Письма м. М. Филарета къ Антонію.* IV, 248.

271) *Московскія Вѣдомости.* 1860. №№ 183, 188.—*Русскій Архивъ.* 1896. № 3, стр. 384.

272) *Татищевъ*, стр. 511—512.

273) *И. С. Аксаковъ.* Спб. 1896, стр. 35.

274) *Татищевъ*, стр. 512.

275) *Письма.* XXVI.

276) *Татищевъ*, стр. 512, 574.

277) *Московскія Вѣдомости.* 1860. № 230.

278) *Русская Старина.* 1891. Ноябрь, стр. 407, 411.—Татищевъ. *Императоръ Александръ II.* Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1903. I, 271—272.

